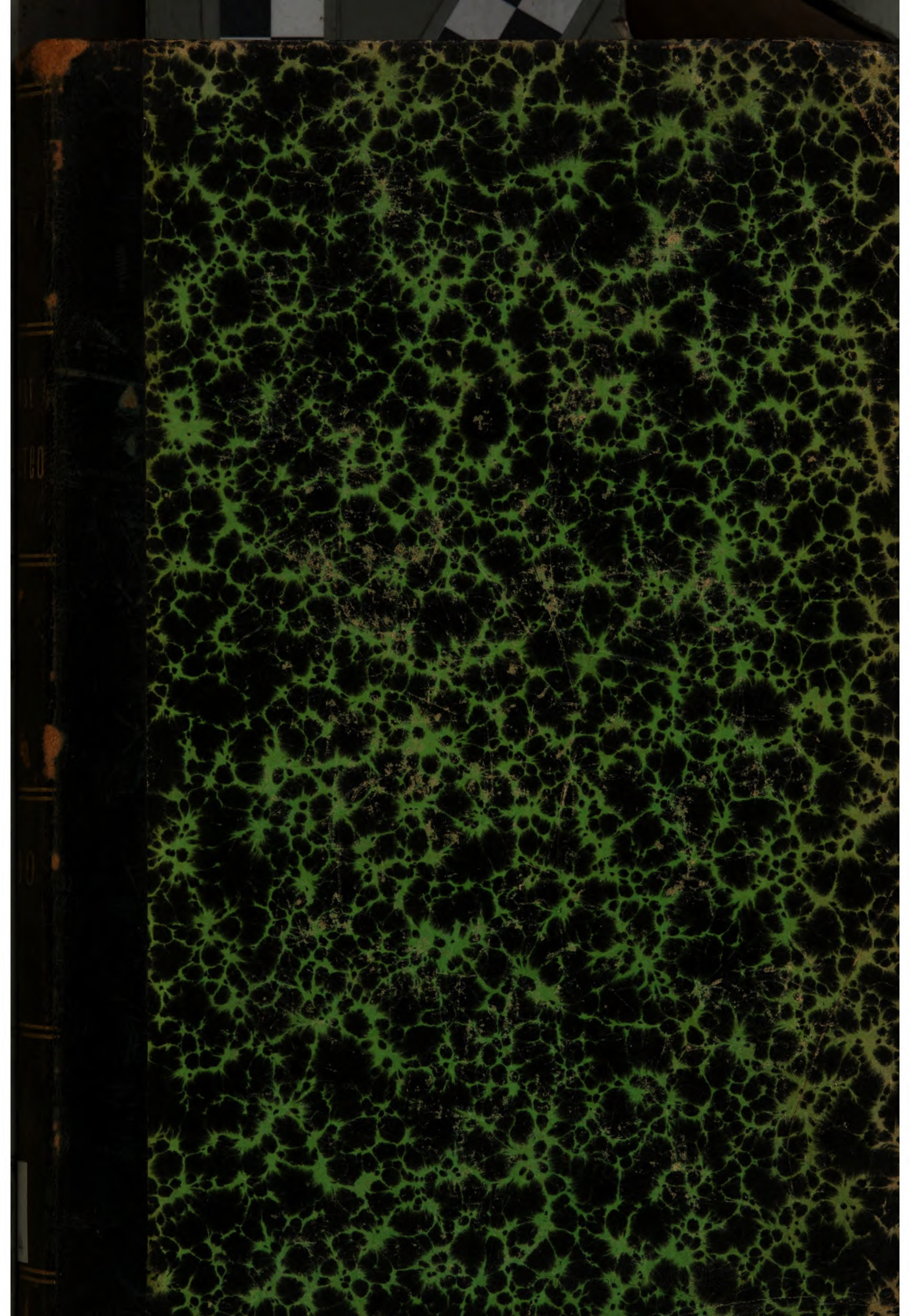
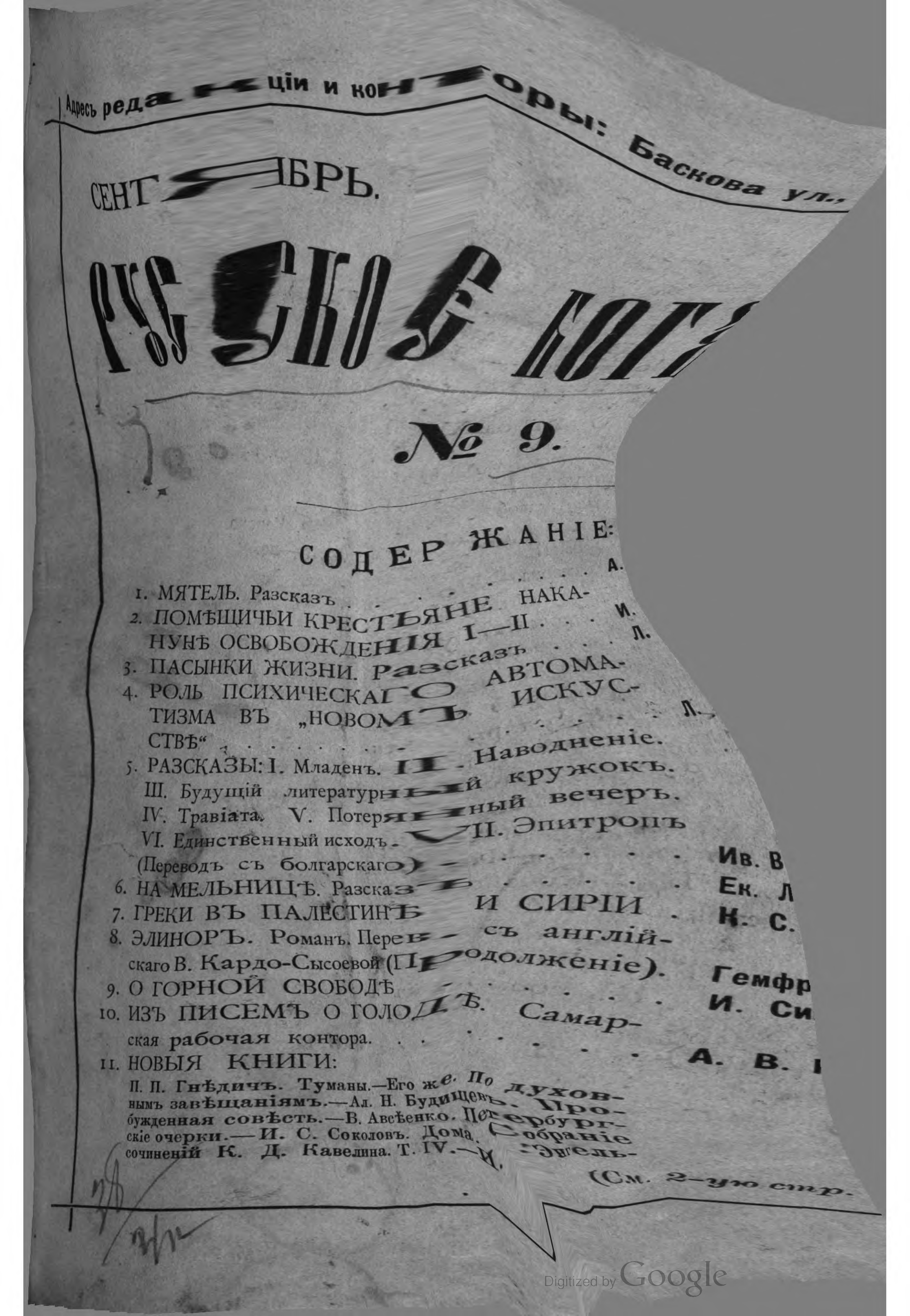

Google

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул.,

СЕНТЯБРЬ.

РУССКОЕ БОГА

№ 9.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр.

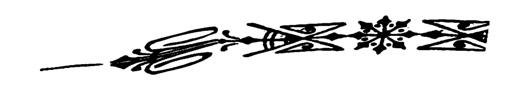

РУССКОЕ Б

ЕЖЕМѢСЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НА

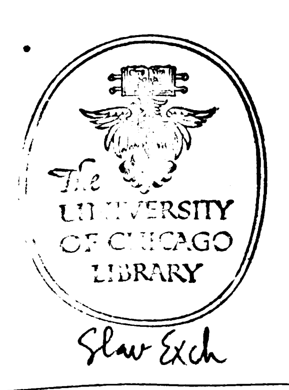
№ 9

С.-ПЕТЕРБУ

Типографія Н. Н. Клобукова, Пряж

900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19-го Сентября 1900 года.

СОДЕР

СТРАН.

под редакціей **Н. К. Михайловска**

ВЪ ДВУХЪ ЧА(

Часть 1-ая. БЕЛЛЕТРИСТ

1. Изъ романа „Карьера Оладушкина". Въ
го.—2. У святыхъ могилокъ. Эскизъ. Д.
службѣ обществу. Разсказъ. *П. Мельшина.*—
швейцарскихъ нравовъ). *Н. Сѣверова.*—5. Б
стараго шахтера. *В. І. Дмитріевой.*—6. Марус
7. Я видѣлъ трауръ молчаливый... Стихотво
боръ. Романъ. *Р. Штратца.* Переводъ съ

Часть 2-ая. ПУБЛИЦИСТ

1. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. I. Пу
литературы. II. Пѣвецъ гуманной красоты.
слова. *А. Г. Горнфельда.*—3. А. С. Пушкинъ
наго.—4. Изъ Пушкинской эпохи. *В. А. М*
скія отношенія по македонскому вопросу.
тельныя силы крестьянства. *А. В. Пѣше*
филологическомъ и о классицизмѣ идейно
неръ. *В. В. Лункевича.*—9. Неудавшійся п
10. Правители и властители современной Ев

ПРОДАЮТС

въ *Петербургѣ* — въ Конторѣ редакціи,
ул., домъ № 1—

въ *Москвѣ* — въ Отдѣленіи конторы — Няки

№ 9 Отдѣлъ I.

Изданія журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“:

СБОРНИКЪ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ БОГАТСТВО», подъ редакціей **Н. К. Михайловскаго** и **В. Г. Короленко.** Въ двухъ частяхъ. Часть 1-я. БЕЛЛЕТРИСТИКА. Цѣна 2 руб. Часть 2-я. ПУБЛИЦИСТИКА. Цѣна 1 руб.

С. А. Ан——скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ц. 80 к.

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЕМЫ. *Третье* изд. Ц. 1 р. 25 к

— ГИМНАЗИСТЫ. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к.

— СТУДЕНТЫ. Ц. 1 р. 25 к.

— ДЕРЕВЕНСКІЯ ПАНОРАМЫ. Изд. *второе.* Ц. 1 р.

С. Я. Елпатьевскій. ОЧЕРКИ СИБИРИ. Изд. *второе.* Ц. 1 р.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 1-ая. Изданіе *восьмое.* Цѣна 1 р. 50 к.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 2-ая. Изданіе *четвертое.* Ц. 1 р. 50 к.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Изд. *третье.* Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Изд. *седьмое.* Ц. 75 к.

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. *Два тома* (Первый томъ изданіе *второе*). Ц. 3 р.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ. **Удешевленное** изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, *съ портретомъ автора.* Ц. 12 р.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Два тома, по 2 рубля каждый.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.

С. Н. Южаковъ. ДВАЖДЫ ВОКРУГЪ АЗІИ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. *Третье,* исправленное и дополненное *изданіе.* Ц. 1 р.

Подписчики **„Русскаго Богатства“**, выписывающіе эти книги, за пересылку не платятъ.

ПОЛНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ ЖУРНАЛА **„Русское Богатство“** за 1893, 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898 г. Цѣна за годъ **8 р.**; за 1899 цѣна **6 р.**

Пересылка журнала за эти года за счетъ заказчика наложеннымъ платежемъ—товаромъ большой скорости, посылкой или бандеролью.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ: *въ* **С.-Петербургѣ**—*контора редакціи, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*
въ **Москвѣ**—*отдѣленіе Конторы, Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ ніями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно заявле- въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г., если авторы не потребуютъ ихъ обратно въ теченіе шести мѣсяцевъ съ 1-го ноября 1899 г., **будутъ уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

МЯТЕЛЬ.

Сидя въ глубокомъ, обитомъ кожей креслѣ, Анна Ефимовна Старицкая внимательно читала.

Свѣтъ изъ подъ широкаго абажура лампы падалъ ей на колѣни и освѣщалъ бѣлыя, тонкія руки, державшія книжку журнала. По временамъ она поднимала задумчивые глаза, и по лицу ея было видно, что она относилась къ только что прочитанному съ живѣйшимъ интересомъ. Кругомъ на полкахъ и въ шкапахъ виднѣлись книги.

Это была библіотека покойнаго мужа Анны Ефимовны. Его портретъ висѣлъ надъ столомъ, и изъ широкой траурной рамы глядѣло умное, серьезное лицо. И онъ самъ, и весь кружокъ его пріятелей были горячими и дѣятельными поклонниками „эпохи реформъ". Она тоже не изъ подражанія влюбленной женщины, а сознательно и убѣжденно, раздѣляя его общественные взгляды, принимала живѣйшее участіе въ его кипучей дѣятельности...

Теперь все это ушло... И это время, и эти споры, и эти надежды, и эта одушевленная борьба, и ея короткое счастье... Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы Старицкій простудился во время одной изъ поѣздокъ своихъ въ качествѣ мирового посредника, заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и умеръ, оставивъ ей маленькаго сына. Едва оправившись отъ тяжкаго горя, она съ страстной горячностью старалась забыться въ любви къ пятилѣтнему Гришѣ...

Теперь этому Гришѣ было уже 28 лѣтъ. Онъ служилъ въ Петербургѣ, куда она не согласилась переѣхать съ нимъ. Ей было жаль бросать хозяйство, этотъ уголокъ, въ которомъ покоилось столько воспоминаній, да и отвыкла она отъ шумной и суетливой жизни. Книги становились для нея и ближе и понятнѣе, чѣмъ люди. Она читала, думала и мысленно дѣлилась съ покойнымъ мужемъ тѣмъ новымъ, что нарождалось въ мірѣ идей... Порой, отложивъ книгу, она старалась

представить себѣ, какъ отнесся-бы *онъ* къ тому или другому новому явленію...

Дочитавъ статью, она положила книгу на столикъ, откинулась къ спинкѣ кресла и обвела взглядомъ свою большую низковатую комнату.

Въ каминѣ весело потрескивалъ огонь, прихотливо освѣщая старинную, краснаго дерева кровать, тяжелые стулья, громоздкіе дѣдовскіе столы на толстыхъ, покрытыхъ рѣзьбою ножкахъ. У оконъ, въ корзинкахъ и просто на полу въ кадкахъ стояли цвѣты, неподвижно простирая свои узорчатые листья въ полутьмѣ комнаты. Кое-гдѣ на бѣломъ некрашенномъ полу лежали старые, потертые ковры. И какъ будто для того, чтобы лучше подчеркнуть ихъ старомодность, новенькій саксонскій коверъ, пушистый и мягкій, красовался на стѣнѣ у постели, лаская взглядъ своими нѣжными неопредѣленными красками.

Книги въ большомъ, темнаго дуба, шкапу и на полкахъ, старинныя чашечки и статуетки на этажеркѣ, портреты на стѣнахъ и на столѣ придавали уютность этому уголку.

Анна Ефимовна любила эту комнату и проводила въ ней большую часть времени. А въ такіе, какъ этотъ, зимніе вечера, когда на дворѣ было морозно, а вѣтеръ вылъ и плакалъ, и злобно налеталъ на маленькій домикъ, какъ бы желая унести его, вырвавъ изъ подъ охраны столпившихся вокругъ старыхъ липъ и березъ, засыпать до самой крыши снѣгомъ,—въ такіе вечера приличная уютность этой комнаты была особенно дорога Аннѣ Ефимовнѣ.

Старицкая встала, подошла къ камину, подбросила дровъ. Огонь сразу вспыхнулъ и освѣтилъ ея еще свѣжее лицо. Теперь, при этомъ красноватомъ освѣщеніи, ей никто не далъ бы пятидесяти лѣтъ.

Густые, почти совсѣмъ сѣдые волосы, гладко зачесанные назадъ, открывали небольшой, выпуклый лобъ. Брови остались темными и это придавало ея лицу особую характерность. Большіе каріе глаза смотрѣли спокойно и мягко. Короткій прямой носъ, ротъ, еще сохранившій красоту очертаній, хорошо посаженная на широкихъ плечахъ небольшая голова,—все говорило, что когда-то эта женщина была очень хороша собой.

Но простота ея темнаго платья и прически показывала, что, если она и занималась раньше собой, то уже давно перестала.

Дверь отворилась, и въ комнату вошла горничная въ свѣтломъ ситцевомъ платьѣ, съ свѣжимъ молоденькимъ личикомъ. Она несла въ рукахъ подносъ.

— Я хочу вамъ, барыня, сюда чай подать. Въ столовой очень холодно... Выдуло...—сказала она, накрывая бѣлой скатертью столъ передъ диваномъ.

— Отлично, Шура, здѣсь у меня тепло.

— Ну ужъ и мятель сегодня, барыня!.. Не дай Богъ кто въ дорогѣ... Просто свѣту Божьяго не видно, — болтала дѣвушка, снимая съ подноса хлѣбъ, масло, сливки и быстро и ловко разставляя все по столу.

— Хорошо, что сегодня не нашъ почтовый день...—отвѣтила Анна Ефимовна.—Извольте-ка по такой погодѣ 15 верстъ ѣхать.

Она сидѣла передъ каминомъ, на мягкомъ табуретѣ и задумчиво смотрѣла на огненные языки, бѣгающіе по головнямъ.

— Страхъ, какъ захолодало. Даже на вечеринку боюсь въ деревню идти, а хочется. Вечеринка-то сегодня веселая, чужаковъ много съѣхалось... — болтала молодая дѣвушка, и ея веселое круглое лицо съ вздернутымъ носомъ и небольшими живыми глазами какъ будто даже стало грустно. Она дѣлилась съ Анной Ефимовной своимъ огорченьемъ просто и дружески, свободно.

— Ничего, Шура, зима долга. Успѣешь и съ чужаками натанцоваться,—съ ласковой усмѣшкой отвѣтила барыня.

Шура вышла и скоро вернулась съ кипящимъ самоваромъ въ рукахъ. Вся комната какъ будто сразу ожила отъ его шумной воркотни и шипѣнья.

А вѣтеръ за стѣной такъ и свистѣлъ. Снѣгъ шуршалъ по обшивкѣ, стучалъ мелкой дробью въ окна и какъ будто старался совсѣмъ занести ихъ, чтобы люди не могли видѣть безумной оргіи разгулявшейся зимней бури.

Въ такую погоду Аннѣ Ефимовнѣ всегда становилось немного жутко. Не за себя,—сама она мало чего боялась, да и нечего ей было бояться въ своемъ Змѣйскомъ. Но ей чудилось, что тамъ, въ открытомъ полѣ, гдѣ сѣверный вѣтеръ хозяйничаетъ, какъ полновластный господинъ, ѣдетъ, или, еще хуже, идетъ кто-то. И она ясно видѣла фигуру этого жалкаго путника, видѣла, какъ его ноги съ трудомъ тащутся по сугробамъ, какъ вѣтеръ треплетъ его кафтанишко. Ей становилось холодно, и она, вообще не религіозная, невольно вспоминала слова экатеньи, призывавшей къ молитвѣ о странствующихъ и путешествующихъ.

И сегодня, заваривъ чай и удобно присаживаясь на широкомъ диванѣ, она испытывала чисто физическое чувство удовлетворенія отъ теплоты этой уютной комнаты и въ то же время прислушивалась къ вою мятели, зябко пожимая плечами, какъ бы ощущая на себѣ ея холодные порывы.

И почему-то, думая о путникахъ, застигнутыхъ непогодой, она невольно перешла на мысли о своемъ сынѣ. Положимъ, она всегда почти думала о немъ, и уже нѣсколько лѣтъ,

какъ эти ея думы носили не радостный характеръ. За послѣднее время отъ него не было извѣстій. Онъ не отвѣтилъ на ея два письма. И сродное душѣ всякой любящей матери тревожное чувство за своего ребенка начинало все обостряться.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Григорій Сергѣевичъ заявилъ внезапно, что не хочетъ кончать университета, такъ какъ не видитъ въ этомъ никакого смысла, а поступитъ на службу въ частный банкъ, гдѣ его обѣщаетъ устроить Малинскій, старый товарищъ отца.

Старицкой это было очень тяжело. Всѣ ея прежнія мелкія тревоги, огорченія, разочарованія въ немъ были ничѣмъ сравнительно съ этимъ его шагомъ. Но сердце матери подыскивало ему оправданія, и она старалась обвинить себя же въ его невоздержанности и легкомысліи.

Она сознавала, что воспитывала его заласканнымъ ребенкомъ, что часто бываетъ вреднѣе забитости. А позже общество, особенно женщины, еще больше избаловали веселаго, жизнерадостнаго, изящнаго молодого человѣка.

Еще въ старшихъ классахъ гимназіи Анна Ефимовна стала замѣчать въ своемъ Гришѣ несимпатичныя ей замашки: небрежность въ занятіяхъ, излишнюю страсть къ щегольству, погоню за внѣшнимъ блескомъ, иногда вдругъ какое-то нелѣпое чванство древностью своего рода и своимъ воображаемымъ богатствомъ.

Мягко, стараясь не задѣть его самолюбія, мать пыталась остановить его, указывала ему на смѣшную сторону его недостатковъ. Въ отвѣтъ онъ ласково цѣловалъ ей руки и уходилъ изъ дому къ товарищамъ, или шелъ въ городской садъ ухаживать за гимназистками, поражая ихъ своимъ безукоризненнымъ французскимъ языкомъ и свѣтскостью манеръ.

Когда онъ уѣхалъ въ Петербургъ, въ университетъ, Старицкая опять поселилась въ своемъ Змѣйскомъ, усердно занимаясь хозяйствомъ, чтобы имѣть возможность посылать побольше денегъ Гришѣ. Пока онъ учился въ гимназіи, она проводила зиму съ нимъ въ губернскомъ городѣ, и ея дѣла немного разстроились, такъ какъ небольшое имѣнье, даже подъ ея непосредственнымъ наблюденіемъ, — а она довольно умѣло вела хозяйство,—давало не Богъ знаетъ какіе доходы.

Хлопоты по хозяйству, устроенная ею школа для дѣтей и вечернія занятія для взрослыхъ наполняли ея дни. По вечерамъ она читала. Съ сосѣдями она почти не видѣлась, и монотонная жизнь освѣщалась больше всего письмами сына.

Лѣтомъ онъ пріѣзжалъ элегантный, веселый, дѣлалъ визиты всѣмъ сосѣдямъ и кружилъ головы дамамъ и дѣви-

цамъ. Мать онъ забавлялъ своей остроумной болтовней. Онъ былъ съ ней ласковъ и нѣженъ, но его внутренній міръ, его духовные интересы становились для нея совсѣмъ неуловимы. Вѣдь не одними же салонными разговорами и флиртомъ полна его жизнь? Есть же у него какія нибудь стремленія, мечты, надежды?

Но прямыхъ запросовъ сыну она не задавала, чувствуя инстинктивное отвращенье къ свойственной многимъ родителямъ безцеремонной манерѣ залѣзать въ душу дѣтей. А если она наводила разговоръ на сколько нибудь отвлеченную тему, онъ или отвѣчалъ уклончивой шуткой, или исчезалъ подъ какимъ нибудь предлогомъ.

Но тревожась и безпокоясь за сына, Старицкая была твердо убѣждена въ томъ, что ей никогда не придется краснѣть за него. И она находила, что, по нынѣшнимъ временамъ, и этого уже достаточно.

Когда Гриша вышелъ изъ университета, Анна Ефимовна поняла, что не суждено сбыться ея мечтамъ о томъ, какъ сынъ пойдетъ по стопамъ отца и посвятитъ себя выборной службѣ. Ей было очень тяжело отказаться отъ этой мечты, которая должна была освѣтить остатокъ ея жизни тѣмъ свѣтомъ, какой такъ радостно свѣтилъ въ годы ея молодого счастья...

— Вѣдь теперь, мама, уже земство не то, что было раньше... И теперь Россіи нужны другіе люди, практики, дѣльцы,—возражалъ сынъ въ отвѣтъ на ея горячіе уговоры.

Съ свойственной ей широкой терпимостью она вполнѣ признавала за нимъ право свободы выбора дѣятельности и перестала спорить... Но въ душѣ чувствовалась боль разочарованія и горечи.

И въ этотъ ненастный, зимній вечеръ ея думы о немъ были тревожны.

— Что-то тамъ съ Гришей? Если не пишетъ, значитъ, ему или очень хорошо, или очень худо..—И тоскливое безпокойство о сынѣ все росло въ ея сердцѣ.

Она встала, подошла къ кровати и взяла со столика большой будуарный портретъ юноши въ студенческомъ мундирѣ. Онъ стоялъ въ красивой, свободной позѣ, и на открытомъ молодомъ лицѣ лежало выраженіе безпечной удали. Съ безконечнымъ, почти щемящимъ чувствомъ любви всматривалась мать въ эти тонкія, правильныя черты и носъ, будто искала въ большихъ, ласковыхъ глазахъ отвѣта на какой-то мучительный вопросъ.

Горькая складка появилась около ея рта, на гладкомъ лбу показалась морщина, что-то страдальческое мелькнуло въ ея глазахъ. Она взяла съ того же стола другую маленькую кар-

точку, изображавшую ея Гришу шестилѣтнимъ ребенкомъ, съ прелестнымъ, улыбающимся личикомъ, красиво обрамленнымъ длинными кудрями. Съ внезапнымъ порывомъ прижала она губы къ холодному стеклу и быстрымъ движеніемъ поставила портретъ обратно.

III.

Въ это время сквозь свистъ мятели послышался лай собаки и глухое звяканье бубенчиковъ. Гдѣ-то въ другомъ концѣ дома стучали въ дверь.

— Кто бы это могъ быть,—подумала Старицкая, прислушиваясь къ шуму.—Вѣрно, кто нибудь изъ сосѣдей сбился съ дороги и хочетъ переночевать. Надо велѣть затопить въ гостиной.

Она вышла изъ спальной и пошла по корридору на встрѣчу гостю. Вдругъ до ея слуха донесся голосъ, отъ звука котораго ея сердце забилось такъ сильно, что она невольно остановилась.

— Здорова,—ты говоришь?.. И все у васъ хорошо?.. Ну, и слава Богу... Сними-ка шубу,—говорилъ молодой, мягкій баритонъ.

— Господи, да вѣдь это же Гриша!—И она легкой, молодой походкой почти побѣжала къ сыну.

„Такъ вотъ отчего онъ не писалъ,—самъ хотѣлъ пріѣхать", мелькнуло у нея въ головѣ.

Съ двойнымъ чувствомъ радости, она охватила руками кудрявую голову и безъ конца цѣловала и волосы, и лобъ, и щеки, и глаза, и опять отводила отъ себя его лицо, крѣпко держа его обѣими руками, и опять прижимала къ себѣ и осыпала поцѣлуями. А онъ съ тихимъ, ласковымъ смѣхомъ ловилъ ея руки, стараясь прижать ихъ къ губамъ.

Шура стояла въ сторонѣ и, весело улыбаясь, любовалась на радость барыни, невольно заглядываясь на красиваго барина.

— Голубчикъ, какъ это ты собрался... И какъ разъ въ такую погоду... Замерзъ, я думаю... Пойдемъ скорѣе ко мнѣ, у меня каминъ топится... и самоваръ... Шура, скорѣе дай чего нибудь поужинать... Да ямщика накорми и водки дай.

И взявъ сына подъ руку, она повела его къ себѣ. А онъ на ходу подносилъ ея руку къ губамъ и крѣпко цѣловалъ ее.

— А у тебя все также... Все также хорошо и уютно. Какъ я давно здѣсь не былъ,—говорилъ Григорій Сергѣевичъ, входя въ спальню.

— Также, милый... Зачѣмъ мнѣ мѣнять... И я вѣдь все та же...

— Да, и ты та же,—отвѣтилъ сынъ и, взявъ мать за обѣ руки, жадно всматривался въ ея лицо.—Господи, мамочка, какъ я давно тебя не видалъ и какъ стосковался безъ тебя,—вдругъ почти крикнулъ онъ и опять жадно прильнулъ къ ея рукамъ.

Въ чуткомъ сердцѣ матери что-то дрогнуло. Въ этомъ крикѣ слышалось что-то больше простой тоски сына, соскучившагося отъ долгой разлуки съ матерью. Она подняла его голову и пытливо взглянула въ покраснѣвшее отъ мороза лицо.

— Ну, мамочка, давай чать пить. Холодно...—живо заговорилъ онъ и мягкимъ, нѣжнымъ жестомъ обнялъ ее и повелъ къ креслу.

— Сейчасъ, сейчасъ, Гришута. Садись сюда поближе ко мнѣ. Хочешь ѣсть, хочешь коньяку?

— Всего хочу. И ѣсть, и коньяку. Только ты не уходи. Дѣвушка придетъ и все подастъ. А я хочу на тебя насмотрѣться...—опять его голосъ какъ будто дрогнулъ.

Радостное чувство Анны Ефимовны все исчезало, а на мѣсто его поднималось что-то смутное, но тяжелое.

— А ты надолго, надѣюсь? Отпускъ взялъ, или такъ сбѣжалъ?—шутливо спросила она, наливая ему чай въ свою большую, старинную чашку.

— Нѣтъ, дорогая, не на долго. Я проѣздомъ. Ѣду дальше, по дѣлу... Ну, и завернулъ. Ужъ очень хотѣлось повидать тебя.

— А если бы ты зналъ, какъ я тревожилась. Вѣдь я уже два мѣсяца о тебѣ ничего не знаю.

— Прости мамочка, завертѣлся.

Гриша смотрѣлъ своими темными, съ продолговатымъ разрѣзомъ, глазами на мать, и въ этомъ взглядѣ было столько какой-то виноватой ласковости, что она поспѣшила сказать:

— Полно милый, я вѣдь не упрекаю. Я знаю, что ты у меня вѣтреная голова... Но я просто не вѣрю своимъ глазамъ, что ты опять здѣсь, у меня!

Она придвинула свое кресло къ дивану и взяла руку сына. Онъ нагнулся и положилъ голову къ ней на колѣни, какъ бывало дѣлалъ ребенкомъ, когда, набѣгавшись за день, сидѣлъ съ ней вечеромъ въ этой же самой комнатѣ и, пріютившись около матери, согрѣтый ея лаской, сладко дремалъ, въ ожиданіи вечерняго чая.

И этотъ ребяческій жестъ всколыхнулъ въ ней цѣлое море воспоминаній и поднялъ жгучее сожалѣніе о томъ не-

возвратномъ времени, когда ея Гриша принадлежалъ только ей, и она читала въ его дѣтской душѣ, не боясь, какъ теперь, наткнуться на темные призраки невѣдомыхъ ей, но грозныхъ привидѣній.

Она гладила своей тонкой рукой его непокорные волосы, а онъ лежалъ неподвижно, какъ будто обрадованный тѣмъ, что нашелъ, наконецъ, тихое пристанище. И въ то же время каждый изъ нихъ думалъ свою думу, и смутное сознаніе этой обособленности холодило ихъ.

Съ легкимъ трескомъ упали въ каминѣ обгорѣвшіе дрова, и Анна Ефимовна слегка тряхнула головой и сказала:

— Однако, пей же чай, Гриша. Простынетъ.

Вошла Шура и принесла на подносѣ водку, наливку, холодное жаркое, кой-какую закуску.

— Хочешь поѣсть? Водки выпьешь?

Старицкая взяла графинъ, налила сыну рюмку водки и поставила передъ нимъ тарелку.

— Положить маринованныхъ рыжиковъ? Я сама собирала. Знаешь, на нашемъ мѣстѣ: подъ старой елкой. Помнишь, какъ мы съ тобой вмѣстѣ ходили къ ней и рылись во мху, чтобы найти самые маленькіе?

— Помню, помню... Хорошо тогда было! Отчего это нельзя навсегда остаться ребенкомъ и довольствоваться исканьемъ рыжиковъ, не требуя отъ жизни ничего больше,—съ грустной шутливостью сказалъ Гриша, подвигая къ себѣ рыжики.— А водки хорошо съ морозу выпить.

— Ну, что же ты мнѣ ничего не разскажешь о себѣ? Какъ твоя служба? Что Малинскій, по прежнему хорошо относится къ тебѣ?

— Да, все по прежнему... Ничего новаго.

Аннѣ Ефимовнѣ показалось, что онъ ниже наклонился надъ тарелкой и сталъ ѣсть какъ-то тороплинѣе.

— Господи, что это во мнѣ сегодня за непривычная подозрительность, — подумала она и стала разспрашивать объ общихъ знакомыхъ.

Григорій Сергѣевичъ отвѣчалъ. Но въ его шутливыхъ разсказахъ ей все чудилось что-то напряженное, что-то не то. Ѣлъ онъ мало. Они скоро кончили чай, дѣвушка убрала со стола и подкинула дровъ въ каминъ.

Огонь опять весело затрещалъ и забѣгалъ узкими извилистыми полосками вдоль бѣлыхъ глянцевитыхъ каменьевъ.

Гриша подкатилъ для матери кресло къ камину, а самъ улегся на коврѣ у ея ногъ.

— По какому же ты дѣлу ѣдешь и куда? Банкъ посылаетъ?

— Нѣтъ. Я по своему. Я вѣдь тоже теперь дѣлами занимаюсь,—уклончиво отвѣтилъ сынъ.

— Вотъ какъ! А я и не знаю. Какими же? — съ удивленіемъ и легкимъ оттѣнкомъ недовольства въ голосѣ спросила Старицкая.

Гриша сразу уловилъ эту нотку.

— Какими? Да всякими... Проводилъ концессію... Бралъ съ однимъ купцомъ подрядъ...

— Но вѣдь у тебя же денегъ нѣтъ?

— Да и не надо... Нужно умѣнье, знакомства, вѣдь однихъ денегъ мало... Вотъ и этотъ коверъ, мама, я тебѣ купилъ его изъ своего перваго барыша,—сказалъ онъ, указывая на пушистый коверъ надъ кроватью.—Какъ славно эти увядшіе цвѣты гармонируютъ со стариной твоей спальни. Правда? Никто не можетъ сказать, что у твоего сына нѣтъ вкуса...

Онъ опять уклонялся отъ отвѣта и хотѣлъ свернуть на шутливый тонъ. Но сегодня это ему не удавалось. Что-то нервное, безпокойное чувствовалось въ его движеніяхъ, дрожало въ звукахъ его мягкаго голоса.

— Что это съ нимъ?—со страхомъ спрашивала себя мать и еще нѣжнѣй гладила каштановые волосы, упрямо падавшіе на высокій бѣлый лобъ. И въ то же время, стараясь поддержать его шутку, она отвѣчала:

— Я думаю, вообще никто ничего не можетъ сказать дурного про моего сына. Кромѣ того, что онъ чуть-чуть легкомысленъ...—съ мягкой, ласковой укоризной прибавила она.

Гриша засмѣялся. Но смѣхъ звучалъ не весело.

— Куда же ты теперь ѣдешь? Далеко? А на обратномъ пути заглянешь? Скоро опять увидимся?

— Не знаю, мамочка, ничего не знаю...—вдругъ какимъ-то жалкимъ шопотомъ сказалъ молодой человѣкъ, и его плечи дрогнули, какъ будто отъ сдержанныхъ рыданій.

— То есть, какъ ничего не знаешь?—невольно тихо, понижая голосъ до шопота, спросила Старицкая.—Вѣдь ты же по дѣлу?

— Не спрашивай, родная, ничего не спрашивай. Послѣ... послѣ...—въ его голосѣ уже слышались слезы.

Онъ повернулся и сталъ на колѣни около матери, опять тѣмъ же дѣтскимъ движеніемъ спрятавъ лицо въ ея платье. Казалось, онъ и искалъ у нея защиты, и просилъ помощи, и прятался отъ кого-то, и умолялъ о чемъ-то.

Горячая волна жгучаго страха за этого большого ребенка обожгла грудь Старицкой. Тысяча вопросовъ, какъ испуганныя птицы, закружились въ ея головѣ. Но она сдержала себя, вдругъ понявъ, что почему-то каждое ея слово, какъ ножемъ, рѣжетъ измученную чѣмъ-то душу ея Гриши.

И она наклонила свою сѣдую голову надъ нимъ и прижалась къ нему лицомъ, гладя его волосы своей бѣлой рукой.

IV.

Въ комнатѣ стало совсѣмъ тихо. Только за стѣной то жалобно, то злобно стонала разгулявшаяся мятель. Да огонь шаловливо трещалъ въ каминѣ, освѣщая своими вспышками эту неподвижную группу.

Они мучались другъ за друга, и оба боялись заговорить, сознавая, что то̀, что они скажутъ, можетъ оказаться еще тяжелѣе молчанія.

Гриша съ ужасомъ чувствовалъ, что надо, наконецъ, все сказать ей, что у него не хватитъ силъ молчать. И это признаніе жгло его стыдомъ. Можетъ быть, только теперь онъ понялъ, какую казнь онъ приготовилъ этой безпредѣльно любившей его женщинѣ. Да и самъ онъ вѣдь въ сущности никогда никого на свѣтѣ не любилъ такъ, какъ ее. Онъ всегда смутно сознавалъ это, но теперь, въ эту минуту, когда ему приходилось нанести ей жестокій ударъ, только теперь онъ понялъ, какъ онъ любитъ ее.

И терзающее его чувство жалости и любви къ ней, и стыдъ, и позднее раскаянье, и жалость къ самому себѣ, молодому, красивому и жалкому — все это поднялось въ немъ, и онъ вдругъ заплакалъ тихими слезами обиженнаго ребенка.

— Господи, дорогой мой, родной, Гриша, голубчикъ, что съ тобой? Скажи же мнѣ, легче будетъ... Неудача? Несчастье? Вѣдь все можно поправить!

Она не находила словъ. Ей хотѣлось взять этого высокаго молодаго человѣка на руки, прижать къ себѣ и успокоить тепломъ своей ласки, какъ она дѣлала раньше, когда онъ ребенкомъ искалъ у нея утѣшенія въ своихъ дѣтскихъ печаляхъ.

Но онъ уже справился съ собой и поднялъ свою красивую голову. Розовыя губы вздрагивали подъ шелковистыми усами. На темныхъ глазахъ блестѣли слезы. Они были полны выраженія какого-то подавленнаго отчаянія.

— Нѣтъ, мама, есть вещи, которыя трудно исправить, — тихо заговорилъ онъ, пододвигая скамейку, и сѣлъ около матери, подперевъ голову руками. — Я не буду тебѣ всего разсказывать. Долго и ужъ очень тяжело... Ты знаешь, я секретарь благотворительнаго общества...

Онъ остановился. Что-то сдавило ему горло и слова не слушались его.

— Ну и я... я растратилъ 30000 общественныхъ денегъ... — вдругъ сказалъ онъ и, поднявъ голову, съ отчаянной рѣшимостью взглянулъ на мать.

Она тихо выпрямилась. Лицо ея какъ будто сразу состарилось на десять лѣтъ, покрылось страннымъ землистымъ оттѣнкомъ и темные глаза съ мольбой смотрѣли на него.

— Ты... истратилъ чужія деньги?—съ разстановкой произнесла она.—Не можетъ быть!..—И она отрицательно покачала головой.

— Слышишь, этого не можетъ быть, — почти крикнула Старицкая.

Гриша отвернулся и утвердительно качнулъ головой.

Она быстро встала съ кресла, опустилась около него на колѣни съ не свойственной ея годамъ живостью и, схвативъ его голову руками, повернула ее къ себѣ, жадно вглядываясь въ его жалкіе глаза.

— Скорѣе, скорѣе скажи, что это не правда. Ты задолжалъ, запутался... Но не бралъ же чужого! Отвѣчай же... Что-жъ ты молчишь?

Онъ старался не встрѣчаться съ ея острымъ, почти лихорадочнымъ взглядомъ.

— Мама, родная, не мучь меня! Это—правда...—И онъ высвободилъ голову и закрылся руками.

— Правда?—она поднялась и, шатаясь, сѣла въ кресло.— Правда? Господи, что же я сдѣлала!

— Ты?..—Онъ вскочилъ и съ удивленіемъ взглянулъ на нее.—Да развѣ?..

— А кто же, какъ не я, виновата въ томъ, что ты могъ... сдѣлать такую вещь..

Ея темныя брови сдвинулись. Обыкновенно кроткое лицо приняло почти суровое выраженіе, и глаза смотрѣли мрачно.

— Значитъ, воспитать не съумѣла. Но вѣдь я такъ любила тебя, я всю душу въ тебя вложила... — Въ ея голосѣ зазвучала мольба, она какъ будто просила за что-то прощенья.

— Не говори такъ... Какъ ты можешь быть виновата... Ты, такая...—онъ искалъ слова,—святая!.. Я одинъ, одинъ я виноватъ.

Мать медленно тряхнула головой и снова заговорила:

— А что же теперь? Откуда взять эти деньги? Какъ скоро ихъ нужно? Успѣемъ ли мы заложить Змѣйское? Впрочемъ, придется продать, въ залогъ не дадутъ такой суммы.

— Продать Змѣйское? Ни за что!

Онъ выпрямился, и голосъ его какъ будто зазвучалъ тверже. Онъ вспомнилъ, какъ юркій коммиссіонеръ, чувствуя, что у кліента петля на шеѣ, намекнулъ, что ему еще можно немного продержаться, а можетъ, и совсѣмъ вывернуться, учтя векселя на имя матери. Тогда въ порывѣ негодованія на такое предложеніе, которое должно было пустить по міру

его мать, онъ выгналъ отъ себя развязнаго господина. И тотъ, при первомъ же случаѣ, отмстилъ ему за это.

Но это былъ его единственный порядочный поступокъ за весь этотъ послѣдній кошмарный годъ. Кутежи, бѣганье по городу за деньгами, двойные векселя, игра на биржѣ, неумѣлая и потому почти всегда не удачная,—это была чадная жизнь неопытнаго, легкомысленнаго человѣка, вообразившаго себя дѣльцомъ и желавшаго во что бы то ни стало разбогатѣть какъ можно скорѣе, чтобы пользоваться всѣми заманчивыми благами петербургской жизни.

Григорій Сергѣевичъ былъ секретаремъ и кассиромъ одного благотворительнаго общества. Иногда, въ минуты безденежья, онъ перехватывалъ въ кассѣ, но всегда во время вносилъ. Наконецъ, онъ совсѣмъ запутался. Положеніе становилось безвыходнымъ. Долговъ накопилось около 15 тысячъ, и онъ рѣшилъ сразу вывернуться.

Ему какъ разъ поручили взять изъ банка бумаги, принадлежавшія обществу, и обмѣнять ихъ на другія. Бумагъ было на 30000. Вполнѣ увѣренный въ выигрышѣ, онъ рискнулъ ими на биржѣ и проигралъ.

Теперь онъ не понималъ, какъ онъ могъ поступить такъ безумно. Но тогда ему, какъ это всегда бываетъ съ легкомысленными людьми, показалось, что онъ бьетъ навѣрняка.

Но даже и тогда онъ ни на минуту не допускалъ въ себѣ мысли о томъ, чтобы воспользоваться имѣніемъ матери...

— Нѣтъ, мама, нѣтъ. Этого не надо.

— Такъ какъ же? Вѣдь это судъ? Сибирь...

— И этого не будетъ. Слушай!..—онъ наклонился къ ней и быстро оглядѣлъ комнату, какъ будто желая убѣдиться, что они одни.—Я нашелъ выходъ...

Она съ ужасомъ смотрѣла въ это блѣдное лицо и ей показалось, что она прочла что-то страшное въ его потемнѣвшихъ глазахъ. Передъ ней мелькнуло это любимое, ненаглядное лицо въ гробу, и она схватила его за руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, только не это...

— Ты, кажется, не поняла меня. Развѣ я могу покончить съ собой? Развѣ не довольно тебѣ и этой муки? Нѣтъ, я хочу расплатиться и смыть съ себя всю грязь... Но для этого я долженъ научиться работать. Отъ того, что меня сошлютъ, никому не будетъ легче. Мнѣ надо вѣрить, что я могу поправить все, могу снова надѣяться и смотрѣть въ глаза людямъ... А людямъ нужно одно—успѣхъ; все равно, основанъ ли онъ на мошенничествѣ, или на работѣ и выдержкѣ. А я, мама... Я взялъ чужія деньги, но я всетаки не мошенникъ.

Онъ говорилъ, путаясь и сбиваясь, какъ будто торопясь высказать все, что накопилось, и не находилъ словъ, и со

страхомъ смотрѣлъ на мать, стараясь прочитать на ея лицѣ, можетъ ли она еще понять его.

Ему стало какъ будто легче, когда онъ увидѣлъ, съ какой жадностью слушала она его, очевидно сама отыскивая уже ему оправданія, стараясь убѣдиться, что ея Гриша еще не совсѣмъ потерянный человѣкъ. И онъ продолжалъ:

— Этотъ банкъ... Эти богатые люди; десятки, сотни тысячъ, мелькающія мимо меня, вѣчные разговоры о чьемъ нибудь быстромъ, сказочномъ обогащеніи. Ты была права, когда отговаривала меня... Эта скверная атмосфера, вся пропитанная разнузданными аппетитами. Но ты не знаешь, эта жизнь захватываетъ, какъ вихрь, крутитъ тебя, вотъ какъ эта мятель крутитъ снѣжные столбы. И нѣтъ силъ остановиться... Пока какая нибудь force-majeure не вышвырнетъ тебя...

— Но гдѣ же придуманный тобою выходъ?

— Какъ, ты еще не поняла? Я уѣзжаю въ Америку.

— Въ Америку... Но вѣдь тебя же не пропустятъ, могутъ задержать на границѣ...—И она невольно притянула его ближе къ себѣ, какъ бы желая своимъ тѣломъ защитить его.

— У меня фальшивый паспортъ. Мнѣ его досталъ ростовщикъ, дававшій мнѣ деньги подъ громадные проценты. Ему выгоднѣе было сплавить меня, чѣмъ фигурировать, въ качествѣ ростовщика, въ процессѣ. Дня два—три никто не хватится меня, а за это время я уже доѣду до Вѣны и оттуда пришлю въ общество письмо о своей растратѣ.

Онъ говорилъ увѣренно и почти спокойно. Видно было, что планъ его былъ хорошо обдуманъ.

— Значитъ, ты сегодня же долженъ ѣхать дальше?

— Да, долженъ, я даже не хотѣлъ заѣзжать къ тебѣ. Но слишкомъ тяжело было уѣзжать, не повидавшись съ тобой!

— Спасибо, Гриша. И мнѣ всетаки легче узнать все отъ тебя, чѣмъ отъ другихъ, или изъ газетъ.

Она встала и прижалась къ нему. Онъ обнялъ ее и цѣловалъ эту милую сѣдую голову, которую онъ, можетъ быть, видѣлъ въ послѣдній разъ. И горечь предстоящей, долгой разлуки охватила ихъ и заставила на время забыть все остальное.

V.

— Послушай, а если я поѣду къ предсѣдательницѣ отдѣла... Попрошу ее замять пока, а тамъ достану эти деньги, продамъ Змѣйское...

Она видимо цѣплялась за послѣднюю надежду удержать его.

— Нѣтъ, дорогая, этого не надо. Это было бы еще хуже того, что я сдѣлалъ... Вѣдь это твое родное гнѣздо, съ этимъ

уголкомъ связана вся твоя жизнь, а я лишу тебя всего этого... Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу... Да и не согласятся они на это... И потомъ, видишь-ли ты... Я долженъ прежде всего самъ переродиться, а я знаю, что здѣсь у меня никогда не хватитъ на это характера... А такимъ, какъ я есть, я тоже не могу оставаться.

— Ты правъ,—просто сказала мать и крѣпче прижалась къ нему.

Ея сердце, полное любви, уже простило ему ужасъ его признанья. И что-то вродѣ благодарности къ нему за то, что онъ стремится снова подняться и стать порядочнымъ человѣкомъ, грѣло ея сердце. И въ то же время глубокая жалость къ нему и къ себѣ вызывала слезы на ея до сихъ поръ сухіе глаза.

— А есть ли у тебя деньги? У меня тоже сейчасъ немного, кажется. Погоди, я посмотрю.

И, поддерживаемая его сильной рукой, мягко охватившей ее за талію, она пошла съ нимъ къ бюро.

— Нѣтъ, мама, не надо, мнѣ хватитъ. У меня есть нѣсколько сотъ рублей. Будетъ съ чѣмъ доѣхать. А тамъ добуду...

— Ты оставь адресъ какой нибудь. Я пришлю тебѣ на первое время.

— Нѣтъ, лучше не надо... А вотъ, если бы ты...—Онъ замялся.

— Что такое?—спросила она, пытливо глядя на его затуманившееся лицо.

— Если бы ты помогла немного... одной тамъ...барынѣ...— Онъ говорилъ медленно и, сдвинувъ брови, упорно смотрѣлъ на обитый бронзой край стола.

— Да скажи же толкомъ! Ты что же, жилъ съ кѣмъ нибудь?..

Старицкая съ трудомъ произнесла эти слова и вся покраснѣла. Не смотря на годы, въ ней осталась какая-то почти дѣвичья наивность и стыдливость въ вопросахъ, касавшихся любви.

Лицо Гриши приняло странное, виноватое выраженіе. Онъ никогда не говорилъ съ матерью объ этихъ вещахъ. И теперь онъ смотрѣлъ на нее своими ласковыми глазами и былъ похожъ на провинившагося школьника.

Старицкая понимала, какое неотразимое обаяніе заключется во взглядѣ этихъ темныхъ, опушенныхъ длинными рѣсницами глазъ, и понимала, что трудно устоять противъ этого молящаго взгляда.

Когда она думала о томъ, какъ ея Гриша долженъ нравиться женщинамъ, она обыкновенно мысленно и упрекала его, и въ то же время гордилась имъ.

Но на этотъ разъ мысль о его привлекательности почему-

то была непріятна ей... Онъ какъ будто понялъ это, и его лицо приняло еще болѣе виноватое выраженіе.

— Да, она ушла отъ мужа, и мы жили вмѣстѣ... Она совсѣмъ молодая, ей всего 22 года.

— А она знаетъ, что ты совсѣмъ уѣхалъ? И не просилась ѣхать съ тобой?

— Какъ-же я могъ взять ее?.. Развѣ я знаю, на что я ѣду. Да я и не сказалъ ей, что уѣзжаю совсѣмъ.

— Напрасно... Если она, дѣйствительно, любитъ тебя, ей слишкомъ тяжело будетъ перенести твой отъѣздъ тайкомъ. Ты очень, очень нехорошо поступилъ съ ней!

Лицо Анны Ефимовны опять стало суровымъ. Она поставила себя на мѣсто этой молодой женщины, порвавшей съ мужемъ изъ любви къ другому и такъ грубо брошенной этимъ другимъ.

— Я просто не могъ... Я такъ измучился за эти дни... И притомъ я зналъ, что это были бы за сцены, какія слезы!.. Ты ее не знаешь, она совсѣмъ сумасшедшая.

— Но всетаки ты былъ близокъ съ ней и не долженъ былъ такъ бросать ее... А чѣмъ же она будетъ жить? У нея есть средства?

— Нѣтъ... Я оставилъ ей немного денегъ. И квартира записана на ея имя, есть кое-какая обстановка. Но потомъ... Вотъ объ этомъ-то я и хотѣлъ поговорить съ тобой.

— Ну, да, конечно, я буду посылать ей то, что посылала раньше тебѣ, 50 руб. въ мѣсяцъ. Если смогу, то и больше. Но вѣдь на эти деньги не проживешь...

— Да, тѣмъ болѣе, что у нея... долженъ быть ребенокъ...— И, проговоривъ эти слова, онъ закусилъ своими бѣлыми зубами нижнюю губу, какъ будто ему было больно.

— Ребенокъ! И ты до сихъ поръ мнѣ ничего не сказалъ! И ты бросилъ ее одну, молодую, неопытную, выбитую изъ колеи связью съ тобой, и еще беременную! Гриша, Гриша, до чего ты дошелъ!

И этотъ больной упрекъ, наконецъ, сорвался съ ея языка. Она весь вечеръ крѣпилась, сдерживала себя, старалась не задѣть его, видя, что онъ и такъ весь израненъ, какъ затравленный волкъ. Но это молчаливое бѣгство отъ женщины, пожертвовавшей для него многимъ и связанной съ нимъ цѣпью своего будущаго материнства, было послѣдней каплей.

Анна Ефимовна нѣсколько разъ прошлась на комнатѣ, остановилась передъ нимъ и, съ грустнымъ укоромъ глядя въ его лицо съ опущенными глазами, спросила:

— Что же ты ей сказалъ?

— Что ты заболѣла и вызвала меня телеграммой... Пойми, мама, я не могъ иначе...

Она остановила его почти рѣзкимъ жестомъ и опять спросила:

— А когда ей надо родить?

И въ этой непривычной ей рѣзкости было столько суроваго осужденія, что Григорій Сергѣевичъ, какъ преступникъ, еще ниже опустилъ голову и тихо сказалъ:

— Весной.

— Я поѣду съ тобой. Ты довезешь меня до станціи. Она должна все узнать отъ меня. Подумай только, что можетъ случиться съ ней... Особенно, если она, какъ ты говоришь, сумасшедшая. Пойми, что тутъ дѣло идетъ, можетъ быть, о жизни этой женщины, о жизни ея ребенка... твоего ребенка...

И ей показалось, что тамъ, гдѣ-то далеко снова возродился ея маленькій Гриша, близкій, дорогой и всецѣло принадлежащій ей. Мысль объ этомъ маленькомъ существѣ наполнила ея сердце безконечной жалостью. И подавленная этой жалостью, она опустилась на кресло и горько заплакала, положивъ голову на столъ.

Ея плечи и сѣдая голова вздрагивали отъ рыданій, а сынъ молча смотрѣлъ на нее и не смѣлъ подойти, не смѣлъ успокоить ее лаской. Ему казалось, что между нимъ и матерью что-то порвалось. И острое чувство раскаянья, стыда и виноватости передъ ней жгло его.

Мятель, какъ будто вторя рыданіямъ Старицкой, заплакала гдѣ-то подъ окномъ. Съ улицы донесся какой-то шумъ, не то свистъ полозьевъ, но то глухой лязгъ желѣза.

Мать подняла голову и, взглянувъ на сына, увидала на его лицѣ мимолетное выраженье тревоги.

— Нѣтъ, за мной не могутъ... Слишкомъ скоро,—какъ бы отвѣчая на ея вопросъ, сказалъ онъ.

— А тебѣ когда надо ѣхать?—вытирая мокрое отъ слезъ лицо, спросила Анна Ефимовна.

— Я поѣду къ курьерскому. Скоро надо выѣзжать. Дорога скверная.

— А тебѣ ничего не надо? Можетъ быть, что нибудь уложить?

Она говорила упавшимъ голосомъ. Старицкая плакала очень рѣдко, и слезы всегда совсѣмъ разбивали ее.

— Нѣтъ, мама, спасибо,—также тихо отвѣтилъ Гриша.

Онъ сидѣлъ въ углу на стулѣ, прислонивъ откинутую назадъ голову къ стѣнѣ и, закрывъ глаза, какъ будто прислушивался не то къ вою вѣтра, не то къ собственнымъ мыслямъ.

— Впрочемъ... Я хотѣлъ попросить у тебя съ собой одну вещь. Позволь мнѣ взять твой портретъ... Знаешь тотъ, гдѣ ты снималась съ отцомъ... Я всегда его любилъ: Ты еще въ

свѣтломъ, открытомъ платьѣ, съ пышнымъ bandeaux, спущеннымъ низко надъ бровями... И у тебя тамъ такое прелестное лицо, милое, ясное и довѣрчивое...

Онъ говорилъ медленно, какъ будто вызывая передъ своими закрытыми глазами образъ матери въ дни ея молодости.

Она встала и, взявъ съ этажерки портретъ, поднесла его къ свѣту. Красивое лицо мужа подняло въ ней рой свѣтлыхъ воспоминаній. Но теперь они только усиливали горечь настоящаго.

Анна Ефимовна вынула портретъ изъ рамки и, подходя къ сыну, мягко сказала:

— Возьми, Гриша, вотъ онъ.

Онъ по тону ея голоса понялъ, что взрывъ негодованія прошелъ и, взявъ портретъ, припалъ опять къ ея рукамъ.

Они молчали. Говорить было трудно. Всѣ слова казались или ненужными, или больными.

— Я пойду, соберу свои вещи и отдамъ кой-какія распоряженія.

— Погода ужасная. И дорога скверная, можетъ быть, ты подождешь до завтра.

— Ждать до завтра!.. Да развѣ можно!—И опять между ея бровями показалась складка.—А если она тамъ что нибудь предполагаетъ и мечется, не зная, гдѣ ты и что съ тобой?

Старицкая повела даже плечами, ежась, какъ отъ холода, при одной мысли о томъ, что должна перенести эта молодая женщина.

— Какъ ты думаешь... Согласится она переѣхать пока до родовъ ко мнѣ? Конечно, не навсегда. Молодой женщинѣ слишкомъ скучно было бы оставаться здѣсь.

— Право не знаю. Она часто распрашивала о тебѣ и говорила, что заглазно любитъ тебя, потому что ты моя мать... И ей очень хотѣлось познакомиться съ тобой.

— Такъ отчего же ты не привезъ ее? Это было бы проще всего.

— Нину, къ тебѣ? Ужъ слишкомъ вы не сходны! Она вѣдь совсѣмъ fin de siècle...

Онъ путался, очевидно, не желая сказать матери, что онъ слишкомъ высоко ставилъ ее, чтобы привозить къ ней своихъ любовницъ.

Но Старицкая поняла это и обидѣлась за ту неизвѣстную ей женщину. Теперь она почему-то еще больше была убѣждена, что эта Нина дѣйствительно любитъ ея сына, и въ ея изболѣвшемъ сердцѣ загоралась надежда, что, можетъ быть, онѣ сойдутся.

— А ей, конечно, это было обидно?

— Да, очень... Это была одна изъ главныхъ причинъ нашихъ сценъ.

Онъ умолчалъ о ревности, поводъ къ которой онъ подавалъ довольно часто.

— И ты опять былъ неправъ...

Она ушла одѣваться.

— Неправъ... А можетъ быть и правъ... Мама съ ея прямой душой никогда не пойметъ такихъ отношеній...

Отношенія его къ Нинѣ вполнѣ подходили ко всему складу его жизни. Онъ даже не зналъ толкомъ, любилъ ли онъ ее когда нибудь или только позволялъ ей любить себя. И теперь, подводя итоги своей старой жизни, Григорій Сергѣевичъ какъ-то меньше всего думалъ о ней.

Оставшись одинъ, онъ внимательно окинулъ взглядомъ спальню, какъ будто хотѣлъ унести съ собой воспоминаніе о мелочахъ, наполнявшихъ эту комнату, въ которой онъ ребенкомъ провелъ столько хорошихъ вечеровъ въ ясномъ однообразіи дѣтской жизни. Онъ мысленно прощался, быть можетъ, навсегда съ этимъ старымъ милымъ домомъ.

Но теперь, когда мать знала все, на душѣ какъ будто становилось легче. Точно гора компромиссовъ, сдѣлокъ съ совѣстью и просто скверныхъ поступковъ, все тяжелѣе и тяжелѣе наваливавшаяся на него за послѣдніе годы, не такъ уже сильно давила его плечи.

Ему казалось, что гдѣ-то тамъ далеко, въ той Америкѣ, которая часто представляется раемъ такимъ, какъ онъ, неудачникамъ, выбитымъ изъ колеи, ждетъ его новая жизнь и возможность исправить все, что онъ успѣлъ натворить дурного за свою короткую жизнь. И ему хотѣлось скорѣе уѣхать, скрыться отъ всѣхъ, приняться за работу, и казалось, что тамъ опять вернется сила къ его изломанной душѣ.

Анна Ефимовна скоро вернулась, совсѣмъ готовая въ дорогу, на ходу отдавая послѣднія приказанія Шурѣ, растерявшейся отъ этого неожиданнаго ночного отъѣзда барыни.

— Пора ѣхать, Гриша, а то опоздаемъ,—сказала она сыну.— Поди, Шура, отдай мой чемоданъ ямщику.

Дѣвушка вышла.

Григорій Сергѣевичъ всталъ. Его блѣдное лицо выглядѣло утомленно, но почти спокойно.

— Ну, прощай, мама,—сказалъ онъ, цѣлуя ея руки.

— Прощай, Гриша. Что бы ни было съ тобой, пиши мнѣ все, какъ есть. Помни, что я не боюсь правды.

Имъ хотѣлось еще многое сказать другъ другу, но всѣ слова казались слишкомъ жалкими и холодными.

Мать обхватила его голову руками и опять, какъ при

встрѣчѣ, осыпала поцѣлуями. Но теперь сердце ея сжималось болью и отчаяніемъ.

И только мысль о той, брошенной имъ женщинѣ и о будущемъ внукѣ поддерживала ее.

Они вышли на крыльцо. Казалось, увидя ихъ, вьюга обрадовалась, что нашла новыя жертвы и съ какой-то яростью, подхватывая на лету цѣлыя тучи снѣгу, бросала имъ въ лицо и бѣшено выла кругомъ.

Они сѣли въ кибитку и скоро потонули въ снѣжномъ морѣ мятели.

Ар. Вергежскій.

Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія.

I.

Обязанности помѣщика передъ закономъ по отношенію къ крѣпостнымъ.— Право владѣнія крѣпостными.— Права помѣщиковъ на трудъ и личность крестьянъ.—Судебно-вотчинная власть помѣщиковъ.—Отвѣтственность передъ закономъ за злоупотребленія помѣщичьей властью.

Прежде чѣмъ говорить о дѣйствительномъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи наканунѣ паденія крѣпостнаго права, необходимо выяснить ихъ положеніе, какъ оно рисовалось въ законѣ, отдать себѣ отчетъ, каковы были юридическія условія этой многомилліонной массы, чтобы яснѣе увидѣть, какая разница существовала между крѣпостнымъ правомъ de jure и крѣпостнымъ правомъ de facto.

Крѣпостное право въ Россіи имѣло характеръ государственный. Государство, какъ бы сознавая свое безсиліе справиться съ управленіемъ всею народною массою, часть своихъ обязанностей передавало помѣщику. Помѣщикъ, имѣя право на личный трудъ крѣпостныхъ, получая въ извѣстной степени право суда надъ своими людьми, являлся отвѣтственнымъ лицомъ передъ правительствомъ за правильные взносы государственныхъ платежей и исполненіе повинностей крестьянъ и, съ другой стороны, долженъ былъ заботиться о продовольствіи крѣпостныхъ во время голода и помогать имъ въ несчастныхъ случаяхъ. Въ IX т. Св. зак. изд. 1857 г. эти обязанности опредѣлены слѣдующимъ образомъ: „Владѣлецъ, въ случаѣ неурожая, не сбивая крестьянъ съ пашни, а дворовыхъ со двора, обязанъ доставлять имъ способы пропитанія, воздерживая отъ нищенства“ (ст. 1103). За каждаго пойманнаго въ нищенствѣ, съ владѣльца взыскивалось по 1 р. 50 к. (ст. 1105). Это правило вырабатывалось постепенно, и каждый отдѣльный случай вызывалъ отдѣльное постановленіе. Но насколько исполнялись эти требованія правительства можно су-

дить по слѣдующимъ фактамъ. Въ запискахъ одного сельскаго священника упоминается о цѣломъ рядѣ помѣщиковъ, которые почти совершенно не заботились о продовольствіи крестьянъ въ голодные годы. Богатый помѣщикъ Н. И. Б. въ 40-хъ годахъ, во время страшнаго голода, отпускалъ въ мѣсяцъ по одному пуду муки на человѣка, причемъ мука состояла изъ 30 ф. желудя и 10 ф. муки *); помѣщикъ Ж. выдавалъ столько же, но вмѣсто желудя выдавалось 30 ф. лебеды **); третій помѣщикъ К** пытался кормить крестьянъ глиною (буквально) ***). Около 20-хъ годовъ XIX столѣтія крестьяне Минской губ. терпѣли большой недостатокъ въ хлѣбѣ, но помѣщики и арендаторы не только не обращали вниманія на это, но еще стѣсняли ихъ отяготительными работами ****). Правительству приходилось постоянно дѣлать наставленія начальникамъ губерній, чтобы они слѣдили за тѣмъ, чтобы помѣщики продовольствовали своихъ крестьянъ. Правительству приходилось и самому заботиться о продовольствіи крестьянъ. Такъ, во время голода 1839 — 40 гг. „вниманіе правительства должно было отъ казенныхъ крестьянъ обратиться на помѣщичьихъ“ въ виду ихъ крайне бѣдственнаго положенія. Графу Строганову было поручено отправиться въ пострадавшія губерніи и принять мѣры къ отвращенію недостатка средствъ для продовольствія и будущаго обсѣмененія полей; помѣщикамъ было выдано пособія болѣе 10 милліоновъ рублей *****). Во время голода 1851 г. помѣщикамъ также раздавались ссуды изъ продовольственнаго капитала. Выдавая ссуды, правительство возлагало на помѣщиковъ всѣ заботы по продовольствію и благосостоянію крестьянъ и не вмѣшивалось въ ихъ распредѣленіе. Какъ добросовѣстно распоряжались помѣщики выдаваемыми имъ ссудами, показываетъ фактъ, приводимый Романовичемъ-Славатинскимъ. Въ 1851 году начальникъ Смоленской губ. писалъ, что помѣщики, получивъ ссуду, или всю брали себѣ, или выдавали крестьянамъ только часть, а другую тратили на себя ******). Иногда помѣщики не могли продовольствовать своихъ крестьянъ по собственной бѣдности; это касается главнымъ образомъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ. Такъ, Романовичъ-Славатинскій самъ помнитъ одно семейство небогатыхъ помѣщиковъ, которое испытывало недостатокъ въ хлѣбѣ. Помѣщики нерѣдко бѣжали изъ своихъ имѣній во время голодовокъ, оставляя крестьянъ на волю Божію и не оказывая имъ никакой помощи, такъ что нерѣдко цѣлыя селенія помѣщичьихъ кре-

*) Записки сельскаго священника, «Русская Старина», т. 27, стр. 64.

**) Ibid., стр. 77.

***) Ibid., стр. 470.

****) Романовичъ-Славатинскій. «Дворянство въ Россіи» гл. IV, стр. 330.

*****) Заблоцкій-Десятовскій. «Графъ Киселевъ» (Письмо Гамалѣя къ графу Киселеву).

******) Романовичъ-Славатинскій. стр. 330.

стьянъ бродили по дорогамъ, существуя нищенствомъ. Заблоцкій-Десятовскій свидѣтельствуетъ, что въ 1839 году помѣщики бѣжали изъ имѣній и вообще рѣдко помогали крестьянамъ. Что помѣщики не исполняли этой своей обязанности, показываетъ и то, что, во время Николая I, 5 случаевъ волненій крестьянъ произошли изъ-за недостатка продовольствія. Движеніе въ Витебской губ. въ 1847 г., вызванное трехлѣтнимъ неурожаемъ, отсутствіемъ продовольствія у помѣщиковъ для крестьянъ, достигло грандіозныхъ размѣровъ. Крестьяне шли жаловаться царю, чѣмъ кормятъ ихъ паны. Движеніе приняло такіе размѣры, что правительство принуждено было обратить вниманіе и выдало 10,000 р. на продовольствіе этихъ крестьянъ. Самъ народъ слѣдующими словами описываетъ эту пресловутую помощь дворянъ народу въ одной изъ бѣлорусскихъ пѣсенъ „Разговоръ Данилы со Сьцѣпаномъ“:

„Як ча́самъ придзе́шь, чаго́ папрасиць:
„Нимашь чимъ ара̀ць, нимашь чимъ касѝць;
„Будзь ла̀скау пано̀чку, парату̀й у пригодцѣ!“
Ажъ өнъ крычѝць, ла̀иць, нимашь конца̀ и годзе,
А каня̀, ци хлѣба дастаць, вѐльми трудна,
Панъ самъ не здаро̀у, па̀ни нешта ну̀дна.
Придзи другимъ ра̀замъ; а тымъ ча̀самъ у по̀ли
Ня зро̀бишь у̀ пару̀ рабо̀ты нико̀ли;
И у до̀му—на по̀ле ни за порогъ вы̀йци,
Бо и на приго̀нѣ нима̀ли чимъ рабѝци,
Идзи—хоць ты трѐсни, намъ не спагада̀юць;
По̀руць, бьюць, ла̀юць и у ка̀ркъ пиха̀юць“ *).

Насколько въ дѣйствительности было обезпечено правительство въ правильномъ поступленіи подушнаго сбора, нельзя точно сказать. Указаніе Романовича-Славатинскаго, что въ началѣ XIX вѣка помѣщикамъ было трудно выплачивать восьмигривенный подушный сборъ съ ревизской души, и что они обременяли имѣнія массою недоимокъ по подушному сбору, указываетъ, что и здѣсь крѣпостное право не исполняло своей государственной функціи,—обезпечивать государственные доходы.

Все это показываетъ, что само правительство не могло видѣть большой пользы въ существованіи крѣпостного права. Напротивъ, тотъ фактъ, что помѣщичьи крестьяне не могли облагаться такими же налогами въ пользу государства, какъ казенные, требовали расходовъ на свое продовольствіе, причемъ правительство не могло быть даже увѣреннымъ въ правильномъ израсходованіи выданныхъ ссудъ,—толкалъ правительство на путь освобожденія, заставлялъ его принимать мѣры къ постепенному

*) Шеинъ, «Р. Стар.», 1886 г. Мартъ.

уничтоженію крѣпостного права. Покамѣстъ государство было слабо, оно должно было платить дворянамъ за поддержку личнымъ трудомъ крестьянъ; но какъ только оно достаточно окрѣпло, чтобы самостоятельно регулировать бытъ крестьянъ, крѣпостное право стало для правительства лишнимъ бременемъ. Во времена Павла I, помѣщиковъ называли „лучшими полицеймейстерами", избавляющими правительство отъ расходовъ на управленіе крестьянами, но къ половинѣ XIX вѣка эти „полицеймейстеры" достаточно доказали свою несостоятельность. Обратимся къ вопросу, кто по закону имѣлъ право владѣть крѣпостными.

Указомъ 1730 г. было подтверждено сдѣланное еще въ Уложеніи запрещеніе владѣть населенными имѣніями боярскимъ людямъ, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ. Затѣмъ въ 1746 г. было запрещено купцамъ, архіерейскимъ и монастырскимъ слугамъ и боярскимъ людямъ и крестьянамъ, приписаннымъ къ купечеству и въ цехъ, также казакамъ, ямщикамъ, разночинцамъ, состоящимъ въ подушномъ окладѣ,—покупать во всемъ государствѣ людей и крестьянъ безъ земли и съ землями *). Извѣстно, что инструкція 1754 г. окончательно запрещаетъ не-дворянамъ владѣть населенными имѣніями, а указомъ 1758 года велѣно было всѣмъ лицамъ, не имѣющимъ права владѣть населенными имѣніями, продать ихъ въ полугодовой срокъ, по истеченіи котораго непроданныя имѣнія должны быть отписаны на государыню.

Правонарушенія происходили на каждомъ шагу, что и вызывало рядъ подтвержденій запрещенія не-дворянамъ владѣть крѣпостными.

Въ 1814 г. запрещено было владѣть дворовыми и крестьянами личнымъ дворянамъ. По закону 1836 г. деревни, населенныя крѣпостными людьми, или же крѣпостные люди безъ земли, доставшіеся лицамъ, не имѣющимъ права владѣть оными, немедленно поступали въ казенное вѣдомство, а наслѣдникамъ отпускалась изъ казны сумма, какая полагалась обыкновенно по цѣнѣ, установленной для написанія купчихъ крѣпостей на населенныя имѣнія той губерніи **). Въ 1841 г. (согласно съ инструкціею 1754 г.) запрещено было дворянкамъ по выходѣ замужъ за не-дворянъ — пріобрѣтать крѣпостныхъ какъ съ землею, такъ и безъ земли. Въ 1842 и 1853 гг. запрещено было лицамъ, вновь возведеннымъ въ дворянское званіе, до 3-го колѣна владѣть имѣніями, въ которыхъ предки мужа или жены были записаны по ревизіи. Наконецъ, въ IX Т. Св. Зак., изд. 1857 года, право владѣнія крѣпостными опредѣлено слѣдующимъ образомъ. Потомственный дворянинъ можетъ пріобрѣтать крѣпостныхъ какъ съ землею, такъ и безъ земли, но въ послѣднемъ случаѣ лишь при томъ

*) *В. И. Семевскій.* Крестьяне въ царствованіе Имп. Екатерины II, стр. 2.
**) *Романовичъ-Славатинскій,* гл. IV, стр. 284.

условіи, если онъ владѣетъ населеннымъ крѣпостными крестьянами имѣніемъ; въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской запрещалось вовсе пріобрѣтать крестьянъ безъ земли (ст. 208). Возведенные въ дворянство изъ крѣпостного состоянія до 3-го колѣна включительно не могли никакимъ способомъ пріобрѣтать тѣхъ населенныхъ имѣній, въ которыхъ они сами, отцы или дѣды ихъ по отцу были записаны по ревизіямъ, а также и крѣпостныхъ людей безъ земли, приписанныхъ къ тѣмъ имѣніямъ. Запрещеніе это распространялось и на дворянъ обоего пола, состоящихъ въ бракѣ съ лицами изъ крѣпостного состоянія, которые не могли получать и указанныхъ частей послѣ смерти супруговъ въ такихъ имѣніяхъ, въ которыхъ они сами, отцы или дѣды ихъ по отцамъ были крѣпостными крестьянами (ст. 212).

Дворяне нехристіанскаго вѣроисповѣданія не могли имѣть крѣпостныхъ христіанъ за исключеніемъ только тѣхъ дворянъ изъ татаръ, которые издавна владѣли населенными имѣніями въ западныхъ губерніяхъ (ст. 215) *). Владѣть крестьянами могли, такимъ образомъ, только дворяне. Исключеніе представляли лишь смоленское городское общество и нѣкоторые смоленскіе мѣщане и купцы. Но и здѣсь во-1-хъ, крѣпостные принадлежали всему смоленскому городскому обществу, а не отдѣльнымъ его членамъ и во 2-хъ, смоленскіе мѣщане и купцы владѣли крестьянами только пожизненно, не передавая ихъ своимъ наслѣдникамъ (ст. 549), (по закону 1836 г.) **). Владѣніе дворовыми постепенно стѣснялось. Въ 1841 г. было запрещено пріобрѣтать ихъ безпомѣстнымъ дворянамъ и разрѣшено сохранить уже пріобрѣтенныхъ до 8-ой ревизіи съ припискою къ домамъ или при денежномъ обезпеченіи. Вообще, что касается этой стороны крѣпостного вопроса, видно стремленіе правительства ограничить кругъ лицъ, имѣющихъ право владѣть крѣпостными.

Лица, владѣвшія крѣпостными, имѣли право на трудъ послѣднихъ. Въ IX т. Свода зак., изд. 1857 г., это право помѣщиковъ опредѣлялось слѣдующимъ образомъ: владѣлецъ могъ налагать на нихъ всякія работы, взимать оброкъ и требовать личныхъ повинностей съ единственными ограниченіями: 1), чтобы крестьяне не претерпѣвали черезъ то разоренія и, во 2), чтобы положенное закономъ число дней оставлялось на исправленіе ихъ собственныхъ работъ (ст. 1045). Крестьяне обязывались работать на помѣщика 3 дня въ недѣлю; они не могли быть принуждаемы къ работамъ въ воскресные дни и въ извѣстные праздники (ст. 1046). Владѣлецъ имѣлъ право употреблять своихъ крѣпостныхъ людей не только для личныхъ услугъ и работъ, но могъ отдавать ихъ и постороннимъ лицамъ въ услуженіе для обученія

*) Романовичъ-Славатинскій, гл. IV, стр. 285.

**) Ibid.

ремеслу или на воспитаніе, съ единственнымъ ограниченіемъ не отдавать крѣпостныхъ людей на работу на горные заводы (ст. 1048—1049) *). Это опредѣленіе повинностей крестьянъ отличается прежде всего крайнею неопредѣленностью. Опредѣленіе того размѣра повинностей, за которымъ могло идти уже противозаконное „разореніе" крестьянъ, возлагалось собственно на добрую волю помѣщика, да того начальства, которому было поручено наблюдать за отношеніями помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ. Кромѣ того и то, что было опредѣленно сказано въ законѣ, постоянно нарушалось на практикѣ. Крестьяне лишь въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ работали 3 дня, а чаще 4, въ иныхъ мѣстахъ, при переводѣ на мѣсячину, и всѣ 6 дней. Съ другой стороны, въ Малороссіи, напримѣръ, въ обычаѣ была зачастую 2-хъ дневная барщина. Кромѣ того крестьяне нерѣдко принуждались работать въ воскресные дни и праздники; помѣщики въ эти дни налагали иногда на крестьянъ легкія побочныя работы, или устраивали какъ бы добровольные сгоны рабочихъ. Размѣръ оброка опредѣленъ не былъ. Не было опредѣленно указано то количество земли, которое должны были давать помѣщики крестьянамъ. Размѣръ его можно было выводить лишь изъ совершенно другого закона, а именно изданнаго въ 1827 г. для опредѣленія условій продажи населенныхъ имѣній безъ крестьянъ. По этому закону имѣнія помѣщиковъ, у которыхъ за залогомъ или продажею земли будетъ оставаться земли менѣе $4^1/_2$ дес. на душу, должны были отбираться въ казенное вѣдомство. На дѣлѣ этотъ законъ обыкновенно не исполнялся, но онъ важенъ тѣмъ, что въ немъ видно молчаливое признаніе связи крестьянъ съ землею и опредѣленіе minimum'а требующагося для крестьянъ земельнаго обезпеченія. Родъ, количество работы не ограничивались закономъ. Право помѣщиковъ отдавать крѣпостныхъ въ услуженіе (по закону 1824 г. воспрещено было отдавать крѣпостныхъ въ услуженіе лицамъ, не имѣющимъ по закону права владѣть ими) приводило на практикѣ къ торговлѣ крѣпостными на подобіе торговли невольниками.

Помѣщикъ имѣлъ право переводить крестьянъ во дворъ, а дворовыхъ садить на пашнѣ (ст. 1047, IX т. Св. Зак., изд. 1857 г.) **). Чрезмѣрное увеличеніе дворовыхъ отъ 9-й до 10-й ревизіи (по 9-й ревизіи было 1.035,924 д., а по 10-й 1.467,378)—вѣроятно, въ виду упорныхъ слуховъ объ освобожденіи крестьянъ—вызвало указъ 2 марта 1858 г., запрещавшій дальнѣйшій переводъ крестьянъ, записанныхъ по 10-й ревизіи осѣдлыми, въ число дворовыхъ. Но кромѣ оффиціальнаго зачисленія крестьянъ въ дворовые практиковалось простое употребленіе крестьянъ для личныхъ услугъ и различныхъ работъ при домѣ, когда крестьянинъ, не теряя своего

---

*) Романовичъ - Славатинскій, гл. IV, стр. 298.
**) Романовичъ-Славатинскій IV, стр. 298.

имени, находился собственно въ положеніи двороваго; съ другой стороны, многіе дворовые имѣли отдѣльныя избы, огороды, скотъ, такъ что ихъ положеніе мало чѣмъ отличалось отъ положенія крестьянъ. Поэтому провести строгое различіе между этими двумя группами крѣпостныхъ очень трудно.

Строго говоря, крестьяне не могли называться осѣдлыми, такъ какъ ихъ осѣдлость также зависѣла отъ воли господина. Въ Св. зак., изд. 1857 г., за помѣщикомъ признается право переселять крестьянъ порознь или цѣлыми селеніями съ однѣхъ земель на другія, какъ въ одномъ и томъ же уѣздѣ, такъ и въ разныхъ уѣздахъ и губерніяхъ (ст. 1060). Ограниченіе этого права касалось лишь случаевъ переселенія крестьянъ, заложенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ: помѣщики могли переселять ихъ лишь съ согласія тѣхъ мѣстъ, гдѣ они состояли въ залогѣ (ст. 1063). Для того, чтобы переселить крестьянъ, достаточно было подать прошеніе въ земскій судъ, и можно было начать переселеніе, не дожидаясь соотвѣтствующаго дозволенія или указа *). Насколько и какъ пользовались помѣщики этимъ правомъ, показываетъ случай, приводимый Самаринымъ. Имѣніемъ N Полтавской губерніи управлялъ нѣкто Полякъ. Будучи убѣжденъ въ томъ, что богатый крестьянинъ вреденъ въ сельскомъ хозяйствѣ, онъ систематически разорялъ крестьянъ, перенося ихъ избы съ одного мѣста на другое и переселяя богатыхъ крестьянъ въ степь. Дѣйствительно, онъ достигъ того, что вся деревня была разорена. Романовичъ-Славатинскій зналъ помѣщика въ Малороссіи, который постоянно переселялъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое. „Едва крестьяне успѣвали обжиться въ имѣніи А, какъ помѣщикъ переводилъ ихъ уже въ имѣніе Б и т. д.“ **). Помѣщики нерѣдко прибѣгали къ переселеніямъ крестьянъ, чтобы избѣжать исполненія повинностей. Кошелевъ зналъ помѣщиковъ, которые прибѣгали къ переселеніямъ, какъ къ угрозѣ и наказанію, въ случаѣ неисправнаго исполненія повинностей. Наказаніе дѣйствовало, говоритъ Кошелевъ, и платежи вносились аккуратно ***). Нерѣдко при переселеніяхъ помѣщики поступали недобросовѣстно съ крестьянами. Такъ помѣщикъ Пензенской губерніи, Жадовскій, перевелъ въ 50-хъ годахъ своихъ крестьянъ въ Оренбургскую губернію, причемъ взялъ себѣ деньги, вырученныя при продажѣ ихъ домовъ и хлѣба на корню, а за избы, выстроенныя на новыхъ мѣстахъ, взималъ съ крестьянъ плату, вычитаемую изъ ихъ заработковъ ****). Заблоцкій - Десятовскій указываетъ, что крестьяне нерѣдко даже физически очень худо переносили подоб-

*) Романовичъ-Славатинскій, гл. IV, стр. 297.
**) Романовичъ-Славатинскій, гл. IV, стр. 330.
***) Кошелевъ. Записки по уничтоженію крѣп. права, стр. 138—139.
****) Романовичъ-Славатинскій, гл. IV, стр. 331.

ныя невольныя переселенія. Многіе крестьяне умирали прежде, нежели обживались на новыхъ мѣстахъ. Такъ, одинъ помѣщикъ переселилъ крестьянъ изъ Витебской губерніи подъ Кизляръ. Тамъ въ первые годы умерло ихъ болѣе $^2/_3$ *). Рѣдкій изъ помѣщиковъ заготовлялъ для крестьянъ порядочныя помѣщенія; большею частью они проживали первые годы въ землянкахъ **).

Крѣпостное право въ развитомъ состояніи очень близко подходило къ рабовладѣнію. Однимъ изъ сильнѣйшихъ признаковъ почти полнаго сліянія понятія крѣпостного и раба являлось право помѣщика на куплю и продажу крѣпостныхъ. Помѣщики торговали своими крѣпостными, продавали ихъ съ землею и безъ земли, цѣлыми имѣніями и въ розницу, раздѣляя семьи, отрывая дочерей и сыновей отъ родителей и т. д. Крестьянъ вывозили на ярмарки, публиковали объ ихъ продажѣ въ газетахъ, продавали съ молотка за частные и казенные долги. Борьба правительства съ этою принадлежностью крѣпостного права началась съ 18 вѣка, хотя его мѣропріятія были очень неопредѣленны и нерѣшительны. Еще въ 1771 г. запрещена была продажа крестьянъ безъ земли съ молотка. Въ 1792 г. было разъяснено, что продавать крестьянъ съ аукціона можно, но безъ употребленія молотка. Въ 1798 г. было постановлено, что крестьяне, при взысканіи казенныхъ долговъ, не могутъ быть продаваемы съ публичнаго торга, а должны отписываться въ казну съ зачетомъ долга по оцѣнкѣ получаемаго съ нихъ дохода ***).

Наконецъ, въ 1833 г. было постановлено не принимать въ обезпеченіе и удовлетвореніе частныхъ долговъ крѣпостныхъ безъ земли, какъ крестьянъ, такъ и дворовыхъ; при взысканіи же частныхъ долговъ, совершенныхъ подъ обезпеченіе крѣпостными безъ земли до этого узаконенія, было постановлено зачислять такихъ крѣпостныхъ безъ раздробленія семействъ въ казенное вѣдомство, выдавая кому слѣдуетъ изъ казны по 300 руб. за каждую ревизскую душу мужск. пола и по 150 руб. за ревизскую душу женск. пола. Этимъ же закономъ запрещалась продажа крѣпостныхъ, какъ съ землею, такъ и безъ земли, съ раздробленіемъ семействъ. Такъ какъ торговля людьми происходила на рынкахъ, такъ что, напримѣръ, еще въ 1807 г. на Урюпинскую ярмарку привозились скованные люди для продажи ихъ въ розницу, то въ 1808 г. запрещено было продавать крѣпостныхъ на ярмаркахъ и торгахъ. Запрещенія мало дѣйствовали, и продажа людей на ярмаркахъ продолжалась. Въ 1822 г. было запрещено печатать публикаціи о продажѣ людей безъ земли, но онѣ продолжались печататься подъ видомъ публикаціи объ

---

*) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 285.

**) Ibid. На то же самое указываетъ баронъ Гакстгаузенъ. См. Гакстгаузенъ. Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни Россіи, т. I, страница 358.

***) В. И. Семевскій, Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 549.

отдачѣ крѣпостныхъ въ услуженіе. Передъ раскрѣпощеніемъ крестьянъ законъ такимъ образомъ регулировалъ продажу и покупку крѣпостныхъ. Въ IX т. Св. зак., изд. 1857 г., право продавать и покупать крѣпостныхъ, какъ съ землею, такъ и безъ земли, предоставлено только потомственнымъ дворянамъ, притомъ только тѣмъ изъ нихъ, которые владѣютъ населенными имѣніями (ст. 1069). Безусловно запрещена продажа крѣпостныхъ гражданамъ Финляндіи и чиновникамъ земли Войска Донскаго, для переселенія ихъ на войсковыя земли (ст. 1085). За этими ограниченіями дозволялась продажа какъ цѣлыми имѣніями, такъ и отдѣльными семьями. Помѣщикъ могъ продавать какъ лично, такъ и черезъ другихъ лицъ по довѣренности, но послѣднюю не могъ выдавать лицамъ, не имѣющимъ дворянскихъ правъ на продажу и покупку крѣпостныхъ безъ земли (ст. 1071); при покупкѣ же и продажѣ крѣпостныхъ съ землею дозволялось выдавать всякому лицу безъ ограниченія (ст. 1072). Запрещались публикаціи (1822 г.) о продажѣ людей въ розницу безъ земли; запрещалась продажа на ярмаркахъ и торгахъ—поименно и безъ земли (ст. 1062) *). Въ Малороссіи продажа крестьянъ безъ земли была запрещена еще въ 1798 г.—Конечно, на практикѣ происходили различные обходы всѣхъ этихъ узаконеній. Особенно часто прибѣгали къ продажѣ подъ видомъ отдачи крѣпостныхъ въ услуженіе, хотя въ 1824 г. послѣдовало ограниченіе и этого права путемъ запрещенія отдавать крѣпостныхъ въ услуженіе лицамъ, не имѣвшимъ права владѣть ими. Но это запрещеніе мало повліяло на положеніе дѣлъ. Отдача крѣпостныхъ на заработки процвѣтала въ лѣвобережной Малороссіи. Въ правобережной Малороссіи было развито очень сильно воздѣлываніе свекловицы. Фабриканты, какъ свидѣтельствуетъ Самаринъ, посылали евреевъ за Днѣпръ „подряжать людей у помѣщиковъ, помѣщики вербуютъ ихъ сотнями, забираютъ за нихъ деньги и отпускаютъ ихъ безъ продовольствія и теплой одежды. Въ случаѣ бѣгства съ дороги ихъ бьютъ и возвращаютъ обратно...“ Эти бѣлые негры, пришедши на мѣсто, томятся болѣзнями, умираютъ десятками, тоскуютъ и бѣгутъ толпами **). Особенно часто практиковалась незаконная торговля людьми при продажѣ ихъ въ рекруты. Продажа крѣпостныхъ для поставки ихъ въ рекруты была прямо позволена закономъ 1717 и 1720 гг. Съ тѣхъ поръ подобная торговля сильно развилась, такъ что со второй половины 18-го вѣка послѣдовали запрещенія. Въ 1766 г. запрещено было совершать купчія на взрослыхъ крѣпостныхъ за 3 мѣсяца до рекрутскихъ наборовъ, но отпускъ ихъ на волю для приписки къ казеннымъ селеніямъ былъ разрѣшенъ закономъ 1792 г. Затѣмъ въ 1804 г. велѣно принимать крѣпостныхъ въ

*) Романовичъ-Славатинскій, гл. IV, стр. 305—306.
**) Самаринъ. Сочиненія, V т.

рекруты не ранѣе, какъ черезъ 3 года по совершеніи купчей. Но обходы этихъ законовъ совершались очень свободно, и продажа охотниковъ въ рекруты процвѣтала. Такъ, напримѣръ, въ 1840 году въ Курскую губернію нѣкій мѣщанинъ привезъ изъ Москвы 22 человѣка для продажи въ рекруты *). Торговлею занимались даже чиновники: Заблоцкій - Десятовскій указываетъ, что въ его время въ Калужскую губернію часто пріѣзжалъ чиновникъ изъ Москвы, торговавшій охотниками, конечно, изъ помѣщичьихъ крестьянъ **). Помѣщичьи крестьяне также покупали за себя охотниковъ, выплачивая нерѣдко громадныя деньги и передавая квитанцію помѣщику ***). Покупка рекрута обходилась крестьянину нерѣдко до 2000 руб., такъ какъ 1000 рублей или 1500 приходилось платить помѣщику, около 500—600 руб. давалось охотнику, да еще угощенія и задабриванія послѣдняго стоили дорого, такъ какъ до сдачи въ рекруты охотникъ гулялъ во-всю и сорилъ деньгами. Отпускная давалась охотнику нерѣдко за нѣсколько дней или, какъ полагалось по закону, за 6 мѣсяцевъ, но въ такихъ случаяхъ отпускная обыкновенно не показывалась предназначенному къ сдачѣ въ рекруты. Послѣдній нерѣдко узнавалъ о своей вольности только въ рекрутскомъ присутствіи. Его приводили сюда сильно возбужденнаго, какъ бы отуманеннаго; подкупленный чиновникъ обыкновенно небрежно спрашивалъ его, идетъ ли онъ охотою, крестьянинъ, слыша постоянно въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что онъ охотникъ, почти безсознательно отвѣчалъ утвердительно, и несчастному забривали лобъ. Если вспомнить всю тяжесть солдатской службы въ то время, то названіе „несчастнаго" вполнѣ приложимо здѣсь, и вполнѣ понятны всѣ лишенія, затраты, которыя производились крестьянами для того, чтобы избавиться отъ воинской повинности. По закону, помѣщикъ долженъ былъ самъ поставлять рекрутъ, причемъ помѣщики, имѣвшіе менѣе 20 душъ, участвовали въ рекрутчинѣ лишь деньгами, а не натурою.

Вообще крестьяне являлись почти совершенно безправными личностями. Они были отданы подъ власть помѣщика, а государство для нихъ какъ бы не существовало.

Еще указомъ 1741 г. крѣпостные были устранены отъ присяги государю. Какъ уже было отмѣчено, за государственные платежи и рекрутскую повинность отвѣчалъ помѣщикъ. По уложенію 1845 г. возмущеніе крестьянъ и дворовыхъ противъ помѣщиковъ, управляющихъ, волостныхъ и общественныхъ управленій приравнивалось къ возстанію противъ властей, правительствомъ установленныхъ, и виновные въ немъ должны были подвергаться наказа-

*) *Заблоцкій-Десятовскій* т. IV, стр. 293.
**) *Ibid., стр. 293.*
***) *Самаринъ* т. *II*, стр. 40.

ніямъ, назначеннымъ за это послѣднее преступленіе *). Еще въ 1767 г. крестьянамъ было запрещено подавать жалобы и челобитныя на помѣщиковъ подъ угрозою наказанія кнутомъ и безсрочной ссылки въ Нерчинскъ на каторжныя работы. Это наказаніе постепенно смягчалось, но и по Уложенію 1845 г. крѣпостные за подачу жалобы на помѣщика подвергались наказанію розгами до 50 ударовъ. Этими постановленіями крестьянинъ лишался гражданскихъ правъ, являлся совершенно оторваннымъ отъ государства и отданнымъ подъ власть помѣщика; правительство лишь косвенно заботилось о его благосостояніи, смотря на крестьянъ, какъ на платежную силу, необходимую для существованія государства, такъ какъ помѣщичьи крестьяне такъ же, какъ и остальные, платили государственныя подати и исполняли повинности, необходимыя для государства: рекрутскую, подорожную и т. под. Крестьянинъ долженъ былъ безусловно повиноваться владѣльцу во всемъ, что не противорѣчитъ обще-государственнымъ узаконеніямъ, платить оброки и исполнять работы и всякаго рода повинности, налагаемыя на него помѣщикомъ. Крестьянинъ не имѣлъ права собственности какъ на недвижимое, такъ и движимое имущество. Крестьяне могли пріобрѣтать недвижимую собственность лишь на имя помѣщика, что практиковалось до самой реформы **). Но такія сдѣлки неминуемо вели къ злоупотребленіямъ, такъ какъ помѣщики могли безнаказанно присвоить себѣ имущество крѣпостного, а послѣдній не имѣлъ никакого права оспаривать подобное присвоеніе чужой собственности. Законъ 1848 г. дозволилъ крестьянамъ покупать недвижимое имущество на свое имя, но лишь съ *согласія помѣщика*. Кромѣ того, самое право было не безусловное и вело къ злоупотребленіямъ въ силу существующихъ узаконеній. Такъ, помѣщикъ имѣлъ право запретить крестьянину отчуждать его собственность; крѣпостной не былъ свободенъ въ защитѣ своего имущества, такъ какъ онъ могъ начать искъ лишь съ дозволенія помѣщика. Самое пріобрѣтеніе на имя крѣпостного не обезпечивало въ цѣлости его имущества отъ посягательства помѣщика, такъ какъ крѣпостной не имѣлъ права иска противъ своего господина ***). Вообще злоупотребленія, касающіяся присвоенія недвижимаго имущества крестьянина его господиномъ, были многочисленны въ крѣпостное время. Не смотря на позволеніе крестьянамъ покупать на свое имя недвижимое имущество, крѣпостные до самаго паденія крѣпостного права обыкновенно пріобрѣтали его на имя господина и, если помѣщикъ разорялся, имущество крестьянъ шло на уплату его долговъ ****).

*) Семевскій, Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 565.
**) Самаринъ, соч., т. II, стр. 40.
***) Самаринъ, II т., 73—74 стр.
****) Ibid., стр. 40—41, примѣчаніе.

Здѣсь можно привести характерный случай съ крестьянами графа Панина, которому пришлось играть важную роль при выработкѣ Положенія 19 февраля. Въ Ригѣ жило нѣсколько семействъ его крестьянъ, занимавшихся огородничествомъ на мѣстахъ, купленныхъ ими на собственныя деньги, но на имя Панина. Когда эти мѣста понадобились казнѣ при постройкѣ желѣзной дороги, то правленіе обратилась къ Панину съ запросомъ о размѣрѣ вознагражденія за эти земли. Панинъ, въ порывѣ великодушія, отдалъ земли, пріобрѣтенныя трудами другихъ лицъ, даромъ *). Впрочемъ, нѣкоторые господа признавали имущественныя сдѣлки своихъ крестьянъ. Такъ, напримѣръ, поступалъ гр. Шереметевъ, причемъ въ пользу графа поступалъ извѣстный процентъ стоимости пріобрѣтеннаго или проданнаго крестьянами имущества. Однако, тотъ же Шереметевъ поступалъ и иначе. Многими его крестьянами были куплены сотни десятинъ. „Всѣ эти земли въ 1850 г. онъ отобралъ отъ крестьянъ вмѣстѣ съ документами и на одной части земель поселилъ деревню Антеневку, крестьянамъ же зачелъ за отобранную землю не болѣе, какъ 0,01 ея стоимости въ оброкъ“ **).

Какъ мы видѣли уже, право крестьянъ на землю признавалось закономъ не прямо, а косвенно.

Крестьянинъ не могъ уходить изъ имѣнія безъ разрѣшенія господина, переходить въ другія сословія, поступать въ военную службу, не былъ воленъ въ выборѣ занятій; даже въ брачной жизни онъ не былъ свободенъ, такъ какъ не могъ вступать въ бракъ безъ дозволенія владѣльца, благодаря чему происходила масса злоупотребленій. Каждый шагъ крѣпостного человѣка зависилъ отъ доброй воли господина: онъ могъ дать относительную свободу крестьянину, могъ регулировать и слѣдить за каждымъ его шагомъ, распоряжаться его личностью, что особенно сильно проявлялось въ виду широкой вотчинной судебной власти помѣщика. Общимъ судамъ крестьянинъ былъ подчиненъ лишь по уголовнымъ дѣламъ и отчасти въ дѣлахъ гражданскихъ, при спорахъ о неправильномъ присвоеніи имущества между нимъ и посторонними лицами, хотя самый искъ со своей стороны крѣпостной могъ начинать лишь съ разрѣшенія помѣщика. Помѣщики являлись по закону ходатаями по дѣламъ своихъ крѣпостныхъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ. Въ 1842 г. былъ изданъ законъ въ пользу крѣпостныхъ относительно удовлетворенія ихъ

*) Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ, т. III, стр. 87.

**) Дѣйствія Нижегородской Ученой Архивной Коммиссіи. Сборникъ статей, описей и документовъ, т. III; ст. Снѣжневскаго: *Крѣпостные крестьяне и помѣщики нижегородской губерніи наканунѣ реформы 19-го февраля и первые годы послѣ нея.* Стр. 69.

за обиды, причемъ они были сравнены въ этомъ отношеніи съ государственными крестьянами.

Крестьянинъ не имѣлъ права на образованіе и здѣсь опять-таки зависѣлъ отъ воли помѣщика. Мало того, рескриптомъ 1827 г. государя министру внутр. дѣлъ Ланскому, запрещалось отдавать крѣпостныхъ въ гимназіи и университеты, а разрѣшалось обучать ихъ лишь въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, также въ частныхъ заведеніяхъ хозяйству, садоводству, ремесламъ, если программа этихъ заведеній была не выше программы уѣздныхъ училищъ *).

Безправность, экономическая эксплуатація и притѣсненія крестьянъ помѣщиками не могли бы проявляться въ той степени, въ какой они существовали въ дѣйствительности, если бы помѣщики не имѣли права вотчиннаго суда надъ крѣпостными. Эта полицейская власть давала имъ возможность эксплуатировать рабочія силы крестьянъ подъ страхомъ суровыхъ наказаній. Присматриваясь къ отношенію закона къ помѣщичьей судебной и полицейской власти, можно замѣтить, что положеніе крестьянъ, въ которое они были поставлены въ судебномъ и полицейскомъ отношеніи къ помѣщику, было ужасно по своей безправности, жестокости. Но уже самый фактъ опредѣленія въ Св. зак. изд. 1857 г. наказаній, которыя могъ налагать помѣщикъ на крестьянъ, показываетъ, что правительство вступило на путь регламентаціи права наказанія помѣщиками крѣпостныхъ, а, идя по этому пути, оно должно было придти къ необходимости тщательнѣе регулировать вотчинную судебную власть помѣщика. Въ Св. Зак. власти помѣщика были положены хотя крайне широкія, но все же хоть какія нибудь границы.

Право вотчиннаго суда надъ крѣпостными было неопредѣленно до составленія Св. Законовъ. Единственный видъ наказанія, регламентаціей котораго занималось правительство еще въ XVIII вѣкѣ, было право ссылки въ Сибирь. Такое вниманіе къ этому роду наказаній нужно объяснить тѣмъ, что самая ссылка въ Сибирь была разрѣшена въ 1760 г. въ виду государственныхъ интересовъ, „понеже“, говорится въ указѣ, „въ Сибирской губерніи и въ Иркутской провинціи Нерчинскаго уѣзда состоятъ къ поселенію и хлѣбопашеству удобныя мѣста, которыя къ заселенію государственный интересъ требуетъ“ **). Помѣщикамъ было дано право ссылать за различные проступки, лишь бы ссылаемые крестьяне были годны къ работѣ и не старѣе 45-ти лѣтъ. Помѣщикъ получалъ за ссылаемаго рекрутскую квитанцію. Съ ссылаемымъ отпускалась жена; малолѣтнихъ же дѣтей помѣщикъ могъ оставить при себѣ. За жену и дѣтей помѣщикъ получалъ опредѣленное зако-

*) Семевскій. Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 564.
**) Романовичъ-Славатинскій, гл. IV, стр. 286.

номъ вознагражденіе. Не буду останавливаться на исторіи ограниченій и расширеній этого права помѣщиковъ. Такъ, въ 1773 г. пріемъ въ зачетъ рекрутъ былъ пріостановленъ, но черезъ $1^1/_2$ года опять велѣно было по прежнему отправлять въ Сибирь осужденныхъ въ ссылку *). Подтвержденное Павломъ I, право ссылки было пріостановлено при Александрѣ I, но разрѣшено въ 1822 г., а въ 1824 г. было уничтожено даже ограниченіе этого права годностью къ работѣ и 45-лѣтнимъ возрастомъ. Наконецъ, въ 1827 г. былъ опредѣленъ предѣльный возрастъ въ 50 лѣтъ, если только ссылаемые не были дряхлы или увѣчны; разлучать супруговъ не разрѣшалось и повелѣвалось отпускать съ родителями дѣтей муж. пола до 5-ти, а жен. пола до 10-ти лѣтъ; помѣщикъ обязывался снабжать переселяемыхъ кормовыми деньгами и одеждой до Тобольска, платя за нихъ подати до новой ревизіи. Порядокъ же при переселеніи былъ слѣдующій: помѣщикъ представлялъ переселяемыхъ въ губернское правленіе при прошеніи, съ приложеніемъ свидѣтельства уѣзднаго предводителя и земскаго суда въ томъ, что пересылаемые дѣйствительно принадлежатъ ему, имѣютъ извѣстныя лѣта и не состоятъ въ торговыхъ дѣлахъ по дозволенію помѣщика. Но и на этомъ не остановилось законодательство и въ 1831 г. было постановлено крѣпостныхъ, наказанныхъ по судебному приговору, въ случаѣ нежеланія помѣщика принять ихъ обратно, ссылать въ Сибирь на поселеніе, даже въ возрастѣ выше 50-ти лѣтъ. Въ 1846 г. было прямо разрѣшено ссылать крѣпостстныхъ старше 50-ти лѣтъ, лишь бы было доказано, что они были въ смирительномъ или рабочемъ домѣ, въ одной изъ арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства, хотя помѣщикъ въ такихъ случаяхъ обязывался внести, сверхъ кормовыхъ денегъ и одежды,—сумму, равную положенной въ той губерніи за каждую для письма крѣпостей ревизскую душу. Изъ ссылаемыхъ же въ Сибирь губернское правленіе годныхъ къ военной службѣ опредѣляло на военную службу, а негодныхъ отправляло въ Сибирь. Крѣпостные ссылались въ большомъ количествѣ: въ періодъ отъ 1822—1833 гг. количество сосланныхъ равнялось 1283 человѣкамъ. Переселенцы отправлялись по большей части въ оковахъ. Условія ихъ пересылки были такъ ужасны, что масса умирала по дорогѣ, не доѣхавъ до мѣста назначенія. Право ссылки было еще тѣмъ жестоко, что въ законѣ не было опредѣлено, за какія провинности помѣщикъ имѣлъ право сослать своего крѣпостного въ Сибирь, а губернское правленіе не должно было входить въ выясненіе причинъ ссылки человѣка при представленіи такового ему помѣщикомъ. Такимъ образомъ, единственнымъ ограниченіемъ произвола помѣщика была личная невыгода лишиться рабочей силы.

Въ числѣ малочисленныхъ ограниченій вотчинной власти нужно

*) *В. И. Семевскій.* Крестьяне при Имп. Екатеринѣ II, стр. 170.

отмѣтить запрещеніе 1854 г. помѣщикамъ предоставлять въ общихъ довѣренностяхъ управителямъ право навсегда удалять крестьянъ изъ имѣнія и отдавать ихъ въ рекруты, но дозволено уполномочивать на это управителя или кого-либо другого въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ упоминаніемъ лица, подвергаемаго наказанію" *). Но за то, съ другой стороны, еще въ 1847 г. было дозволено помѣщикамъ удалять изъ своихъ имѣній несовершеннолѣтнихъ крѣпостныхъ людей „порочнаго поведенія" 8—17-тилѣтняго возраста, отдавая ихъ на общемъ основаніи въ распоряженіе губернскаго правленія; мальчики распредѣлялись обыкновенно по батальонамъ военныхъ кантонистовъ, а дѣвочекъ отдавали въ палату государственныхъ имуществъ для распредѣленія по казеннымъ селеніямъ въ отдаленныхъ отъ мѣста жительства уѣздахъ **).

Право вотчиннаго суда признавалось правительствомъ еще въ началѣ XVIII вѣка, какъ существующій фактъ. Въ Св. Зак., изд. 1833 г., вотчинная судебная власть уже опредѣлялась. Помѣщику предоставлялось право для поддержанія порядка и повиновенія среди крестьянъ употреблять домашнія средства исправленія и наказанія *по его усмотрѣнію*, лишь-бы только не было увѣчья и опасности для жизни. Въ случаѣ нежеланія владѣльца употреблять свою власть или при безуспѣшности налагаемыхъ наказаній, помѣщикъ имѣлъ право просить законнаго содѣйствія администраціи. За полицейскіе проступки противъ помѣщика крѣпостные могли подвергаться или полицейскому наказанію съ возвращеніемъ обратно къ владѣльцу, или заключенію въ смирительныхъ или рабочихъ домахъ *на срокъ, самимъ владѣльцемъ опредѣленный* ***). Какъ видно изъ этого опредѣленія, закономъ открывался путь къ полному произволу помѣщика надъ личностью крѣпостного. Наказанія опредѣлялись по личному вкусу и воззрѣнію помѣщика. Законодательство въ своихъ дальнѣйшихъ постановленіяхъ, регламентируя роды и виды наказаній крѣпостныхъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ухудшило положеніе крестьянъ, такъ какъ закрѣпило буквою закона нѣкоторыя изъ крайностей проявленія вотчинной судебной власти, которыя существовали въ жизни. Ко времени же 2-го изданія Св. законовъ и составленія Уложенія 1845 г. роды и мѣры наказаній приводятся въ систему и опредѣляются точнѣе, что осталось безъ измѣненія и въ 3-мъ изд. Св. Зак. въ 1857 г. Тѣ изъ проступковъ и преступленій крѣпостныхъ, говорится тамъ, которыя не подвергаютъ ихъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и совершаются противъ помѣщика, семьи его или противъ его крѣпостныхъ, подлежатъ расправѣ самого

*) Семевскій. Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 560—561.
**) Ibid., стр. 558.
***) Ibid., стр. 561.

помѣщика; въ случаѣ нежеланія послѣдняго употребить предоставленное ему закономъ право суда или же признанія съ его стороны, что виновный заслуживаетъ наказанія болѣе строгаго, виновный отсылается „въ полицію или судъ для разсмотрѣнія дѣла и поступленія съ нимъ по правиламъ уложенія о наказаніяхъ“ *). Если проступокъ или преступленіе совершено противъ посторонняго лица, то обиженный подвергается суду помѣщика лишь по просьбѣ самого обиженнаго; въ противномъ случаѣ, т. е. если жалоба обиженнаго поступитъ прямо къ мѣстному начальству, то дѣла этого рода разсматриваются въ полицейскихъ и судебныхъ мѣстахъ на общемъ основаніи. Закономъ былъ опредѣленъ размѣръ и родъ наказаній, а именно: „наказанію *розгами* можно было подвергать до 40, а *палками* до 15-ти ударовъ; затѣмъ аресту въ *сельской тюрьмѣ* отъ 1—7 дней, а въ случаяхъ особой важности до 2-хъ мѣсяцевъ, „сообразно съ правилами, вообще для тюремнаго заключенія установленными“ **). За преступленія болѣе важныя, или когда мѣры домашняго исправленія оказывались напрасными, помѣщикъ имѣлъ право отсылать крѣпостныхъ въ рабочіе или смирительные дома на время отъ 2-хъ недѣль до 3-хъ мѣсяцевъ или въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на срокъ отъ 1—4 мѣсяцевъ. Помѣщикъ имѣлъ право отдавать своихъ крѣпостныхъ въ рекруты или удалять изъ имѣній съ предоставленіемъ въ распоряженіе гражданскаго вѣдомства ***). Хотя эти постановленія жестоки, но уже въ извѣстной мѣрѣ кладутъ предѣлъ помѣщичьему произволу. Ухудшеніе было въ оффиціальномъ признаніи сельской тюрьмы съ правомъ, для предупрежденія побѣга, заковывать въ кандалы, такъ какъ это значилось въ 87-й ст. устава о содержащихся подъ стражею, что по закону распространялось и на сельскія тюрьмы. Такое признаніе закономъ возмутительныхъ фактовъ практики помѣщичьей судебной расправы могло справедливо возмущать передовыхъ людей. Но напрасно говоритъ Самаринъ, что практика отстала отъ закона и помѣщики не смѣютъ заводить у себя тюрьмы, забивать людей въ кандалы и т. д. ****). Ниже мы встрѣтимся съ фактами именно этого рода.

По этимъ очень краткимъ и неполнымъ опредѣленіямъ права помѣщиковъ надъ личностью ихъ крѣпостныхъ можно видѣть, что самый законъ предоставлялъ широкій просторъ произволу господъ надъ ихъ крѣпостными. При подкупности и продажности чиновниковъ и солидарности дворянъ, даже и тѣ ничтожныя и малочисленныя гарантіи личности крѣпостныхъ, какія су-

---

*) Семевскій. Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 562.
**) Ibid.
***) Романовичъ-Славатинскій, стр. 291.
****) *Самаринъ*, т. II, стр. 72.

ществовали въ нашемъ законодательствѣ, обыкновенно игнорировались на практикѣ. Этому способствовало и то обстоятельство, что въ законѣ очень слабо указана отвѣтственность помѣщиковъ за неисполненіе постановленій, регулирующихъ взаимныя отношенія помѣщика и крѣпостныхъ. Прежде всего нужно отмѣтить, что въ законѣ не было опредѣленной мѣры наказанія за смертоубійство истязаніями при наказаніи, что было признано самимъ сенатомъ еще въ 1762 г. Поэтому „наказанія помѣщиковъ“ за подобныя преступленія были крайне разнообразны, начиная отъ „преданія дѣла волѣ Божіей“ и церковнаго покаянія до заключенія въ монастырь, въ тюрьму, лишенія всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ Сибирь на поселеніе или въ каторжную работу. Впрочемъ, въ Уложеніи о наказаніяхъ 1845 г. говорится: „если отъ нанесенныхъ не по неосторожности, а съ намѣреніемъ, хотя и безъ умысла на убійство, побоевъ или иныхъ насильственныхъ дѣйствій причинится кому-либо смерть, то виновный въ томъ приговаривается къ заключенію въ смирительномъ домѣ отъ 1—3 лѣтъ съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ или къ заключенію въ тюрьмѣ отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года и предается церковному покаянію“. За раззореніе крѣпостныхъ помѣщиками на имѣніе налагалась опека. По Уложенію о наказаніяхъ 1845 г., если виною помѣщика, черезъ обремененіе населенія безмѣрными сборами или иными также непомѣрными тягостями, имѣніе будетъ доведено до разоренія, то какъ это, такъ и другія имѣнія того же помѣщика брались въ опеку и помѣщику воспрещалось какъ личное, такъ и отдача кому-либо въ управленіе или владѣніе, „развѣ чрезъ продажу, законно совершенную“. Сверхъ того помѣщикъ навсегда лишался права участвовать въ дворянскихъ выборахъ *). При изобличеніи помѣщика въ жестокости налагалась опека надъ всѣми его имѣніями; помѣщикъ лишался права имѣть въ услуженіи своихъ крѣпостныхъ и подвергался заключенію въ смирительномъ домѣ отъ 2 до 3 лѣтъ съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (права поступать на государственную и общественную службу, участвовать въ выборахъ и пр.), или же, безъ лишенія этихъ правъ, къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года **). Какъ видно уже изъ этихъ отрывочныхъ указаній, наказанія не могли быть особенно страшными для помѣщиковъ и останавливать ихъ эксплуатацію крѣпостныхъ. Еще яснѣе обнаруживается возможность злоупотребленій при ближайшемъ знакомствѣ съ тѣмъ, какъ могли они выплывать наружу и доходить до свѣдѣнія начальства.

Еще Петръ I поручалъ земскимъ коммиссарамъ наблюдать за помѣщиками и доносить объ этомъ воеводамъ, которые

---

*) Семевскій. Крестьянскій вопросъ. т. II, стр. 548.
**) Ibid., стр. 563.

производили слѣдствіе и, въ случаѣ разоренія помѣщикомъ имѣнія, брали его подъ началъ *). При Екатеринѣ II злоупотребленія должны были раскрываться земскою полиціею. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ раскрытіе преступленій могло происходить очень рѣдко, такъ какъ земскіе коммиссары и земская полиція сами зависѣли отъ помѣщиковъ. Не лучше обстояло дѣло и въ XIX вѣкѣ. По закону 1817 г. назначеніе опеки надъ помѣщиками зависѣло отъ генералъ-губернаторовъ и военныхъ губернаторовъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—отъ дворянскихъ собраній. Въ 1829 г. правила были изложены точнѣе: начальники губерніи постановляли наложить опеку надъ тѣмъ или другимъ имѣніемъ, но свое постановленіе предлагали для обсужденія дворянскому сословію. Если послѣднее не было согласно съ начальникомъ губерніи, то оба мнѣнія вносились для окончательнаго рѣшенія въ сенатъ. Рескриптами Николая I министру вн. дѣлъ Ланскому поставлялось дворянству въ непремѣнную обязанность кроткое и законное обращеніе съ крестьянами. На предводителей дворянства была возложена обязанность наблюдать за отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ подъ угрозою взысканія за неисполненіе этой обязанности **). Предводители, говорилось въ рескриптахъ, должны тайно, безъ всякаго письменнаго дѣлопроизводства, слѣдить за обращеніемъ помѣщиковъ съ крѣпостными; земскіе исправники обязаны были сообщать имъ всѣ случаи нарушенія помѣщичьей власти. Предводитель, удостовѣрившись въ правильности донесенія исправника, сначала внушалъ помѣщику необходимость перемѣны въ обращеніи съ крѣпостными; если это внушеніе не достигало цѣли, то предводитель обращался съ донесеніемъ къ начальнику губерніи, затѣмъ уже имѣніе бралось въ опеку ***). Предводителямъ пересылались для разслѣдованія жалобы крестьянъ на помѣщиковъ.

При разсмотрѣніи самой организаціи раскрытія злоупотребленій бросается въ глаза ея главнѣйшій недостатокъ, а именно: — слѣдить за злоупотребленіями помѣщичьей властью было предоставлено самимъ дворянамъ. Иначе нельзя охарактеризовать систему, которою обнаруживать злоупотребленія и производить разслѣдованія ихъ по донесеніямъ исправниковъ и жалобамъ крестьянъ поручалось выборному лицу отъ того же самаго дворянства, слѣдить за поведеніемъ котораго оно было обязано передъ закономъ. Связанные сословными и экономическими интересами, а зачастую и родственными связями съ окружающимъ дворянствомъ, предводители, „по обязанности своей выборныхъ отъ сословія поддерживали помѣщичью власть, и притомъ на столько,

*) **Романовичъ-Славатинскій**, гл. IV, стр. 345.
**) *Ibid.* стр. 348—349
***) *Ibid.* стр. 349.

что, руководствуясь взглядомъ обѣлять всякаго, кто носилъ званіе дворянина,—взглядомъ чисто-дворянскимъ,—очень часто грѣшили противъ истины въ разслѣдованіи дѣла, придавая ему односторонній характеръ“ *). Иногда предводители умышленно не видѣли злоупотребленій, считая обнаруженіе злоупотребленій и наказаніе за нихъ—подрывомъ авторитета помѣщиковъ предъ крестьянами. Иногда, впрочемъ, предводители не обнаруживали злоупотребленій неумышленно, въ силу привычки къ злоупотребленіямъ, взгляду на нихъ, какъ на обычное явленіе въ крѣпостномъ хозяйствѣ. Но каковы бы ни были причины, по которымъ предводители оказывались не на высотѣ положенія, въ которое были поставлены закономъ,—фактъ былъ тотъ, что въ большинствѣ случаевъ предводители дворянства давали отзывы въ пользу помѣщиковъ.

Другія лица, обязанныя по закону доносить и разслѣдовать дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью, также находились въ зависимости отъ дворянства.

Исправники, судьи и засѣдатели земскаго суда избирались самими помѣщиками и состояли большею частью у нихъ на тайномъ жалованьѣ. Такъ, „Скопинскій предводитель дворянства (Рязанской губ.), Лихаревъ, сдѣлалъ въ пользу судьи Бѣгичева подписку отъ дворянъ на его содержаніе, что и обратилось въ обязательство подписавшихся уплачивать подписныя деньги ежегодно на все время службы; подписныя суммы были отъ 3 до 50 р., а общее количество—523 р.“ Приношенія были уничтожены по разъясненію дѣла министромъ вн. д. въ 1858 г. **). Подкупы распространялись на всѣхъ лицъ, ведшихъ слѣдствіе. На это указываютъ многіе факты. Такъ, ревизія, назначенная по дѣлу о злоупотребленіи властью помѣщика Рязанской губ., Горяинова, въ виду открытія злоупотребленій земскимъ судомъ и обѣленія его уѣзднымъ, обнаружила слѣдующее. Помѣщикъ Горяиновъ продалъ болѣе 20 человѣкъ своихъ крестьянъ изъ тѣхъ, которые показали противъ него въ земскомъ судѣ, тѣмъ лицамъ, которые имѣли вліяніе на постановленіе приговора, или родственникамъ ихъ и выдалъ также закладные на 50 тысячъ ***). Въ другомъ дѣлѣ, о смерти отъ истязаній крѣпостного мальчика помѣщика Рязанской губ., „врачъ и засѣдатель пріѣхали, по обыкновенію, черезъ недѣлю, когда тѣло, будучи въ теплой избѣ, достаточно разложилось, признаковъ побоевъ не открыли, хотя бывшіе при осмотрѣ понятые и указывали „на животѣ, ниже пупа, надъ тайнымъ мѣстомъ синія пятна“. На эти замѣчанія стряпчій „съ крикомъ и бранью отвѣчалъ имъ:—

*) Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи. 1896 г. т. XI, вып. 2. См. ст. Повалишина: «Жестокое обращеніе помѣщиковъ со своими крѣпостными», стр. 113.

**) Тр. Ряз. Арх. Ком., 1896 г., т. XI, вып. 2, стр. 119.

***) Ibid., стр. 117—118.

„развѣ не видите, что болѣзнь его испортила“. А когда крестьянинъ Петровъ тоже указывалъ на это мѣсто, то засѣдатель закричалъ на него: „ты здѣсь доказываешь, а недоимки не платишь!“ ударилъ его по щекѣ, а по окончаніи осмотра отправилъ въ сарай и велѣлъ выпороть“ *). Не только въ этомъ дѣлѣ, но и зачастую при разслѣдованіи дѣлъ о смерти крѣпостныхъ отъ истязаній врачи пріѣзжали на вскрытіе тогда, когда тѣло, помѣщаемое обыкновенно въ теплой избѣ, настолько разлагалось, что открытіе причины смерти посредствомъ вскрытія являлось невозможнымъ. Если же вскрытіе и производилось немедленно, то обыкновенно находили какую-либо болѣзнь, вызвавшую смерть, хотя иногда при вторичномъ разслѣдованіи, даже при бѣгломъ осмотрѣ, обнаруживалось противное.

Помимо подкупа лицъ, ведшихъ разслѣдованіе по дѣламъ о злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью, раскрытіе злоупотребленіи тормозилось малымъ количествомъ свидѣтелей. Крѣпостные помѣщика, находившагося подъ слѣдствіемъ, боялись показывать противъ господина, такъ какъ, зная, какъ легко барину оправдаться, боялись мести съ его стороны. Ихъ опасенія были не безосновательны. Напримѣръ, помѣщикъ Сухановъ заранѣе приказалъ крестьянамъ, видѣвшимъ и знавшимъ объ истязаніи мальчика, — молчать, подъ опасеніемъ „содрать шкуру“ за обнаруженіе истины **). Помѣщики Рязанской же губ. Польскіе посадили одну дѣвушку на цѣпь, а другую содержали съ рогаткою на шеѣ за то, что онѣ пожаловались предводителю дворянства на жестокое обращеніе съ ними ***). Впрочемъ, если крѣпостные и свидѣтельствовали противъ помѣщика, ихъ показаніямъ не давали безусловной вѣры, такъ какъ они могли умышленно усугубить проступокъ помѣщика. Посторонніе крестьяне или ограничивались ссылками на слухи, или отговаривались незнаніемъ, не желая впутываться въ судебную волокиту. Сосѣди-помѣщики также отзывались по большей части незнаніемъ, не желая своими показаніями увеличивать отвѣтственность сосѣда, въ положеніи котораго они сами могли очутиться не сегодня, такъ завтра, а также и подрывать авторитетъ помѣщика въ глазахъ крѣпостныхъ.

Такимъ образомъ, въ низшихъ инстанціяхъ дѣло обнаруженія злоупотребленій помѣщиковъ сопровождалось такими обстоятельствами, что всѣ стремленія и попытки правительства ограничить помѣщичью власть, предупредить возможныя злоупотребленія, не могли ни къ чему повести. Правительство могло издавать благопріятные для крестьянъ указы и т. под., но при существовавшей организаціи мѣстнаго правительственнаго механизма, при взяточ-

---

*) *Ibid.*, стр. 122.
**) *Ibid.* 1896 г., т. IX, вып. II.
***) *Ibid.*, стр. 114.

ничествѣ чиновниковъ, эти благія намѣренія должны были оставаться мертвою буквою. Этому благопріятствовало то обстоятельство, что даже чиновники, занимавшіе высшіе посты, какъ, напримѣръ, губернаторы, покровительствовали помѣщикамъ, защищали неограниченность ихъ власти, считая крѣпостное право основою государственнаго порядка. При такой обстановкѣ крѣпостное право могло на практикѣ принимать тѣ формы, которыя требовались жизнью, независимо отъ закона. Этому благопріятствовала неопредѣленность тѣхъ постановленій, которыми законодательство имѣло въ виду ограничить помѣщичью власть. Крѣпостной крестьянинъ, до самаго освобожденія, являлся по закону безправною личностью, за исключеніемъ ограниченія права вотчиннаго суда по уголовнымъ преступленіямъ, весьма слабаго ограниченія повинностей тѣми рамками, за которыми лежало полное разореніе крѣпостныхъ, что было невыгодно самому правительству, и нѣкоторыми другими ничтожными ограниченіями, которыя, конечно, не принимались во вниманіе въ жизни. При безправности помѣщичьихъ крестьянъ, при недостаточности мѣръ, которыми правительство стремилось урегулировать власть помѣщиковъ надъ крѣпостными, можно смѣло сказать, что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ de jure не есть еще положеніе de facto. Для того, чтобы понять сущность крѣпостныхъ отношеній, то положеніе, въ которомъ находились крестьяне ко времени 1861 г.; чтобы выяснить тенденціи, которыя носило въ своемъ развитіи крѣпостное право, — нужно разъяснить фактическое положеніе крѣпостныхъ, къ выясненію котораго я и перейду въ дальнѣйшемъ изложеніи.

II.

Численность крѣпостныхъ предъ освобожденіемъ.—Процентное распредѣленіе ихъ по губерніямъ.—Процентное отношеніе оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ въ XVIII и XIX вѣкахъ.—Распредѣленіе земли между помѣщиками и крестьянами.—Земельные надѣлы крестьянъ.

Обращаясь къ выясненію фактическаго положенія помѣщичьихъ крестьянъ, напомнимъ ихъ численность по 10 ревизіи. Изъ 21.625,609 душъ обоего пола (не считая крѣпостныхъ въ Закавказскомъ краѣ) собственно крестьянъ было 20.158,231 душъ обоего пола, а дворовыхъ 1.467,378 душъ обоего пола. Отношеніе численности помѣщичьихъ крестьянъ ко всей массѣ населенія уменьшилось съ XVIII вѣка, а именно: въ періодъ времени съ 1747—1837 гг., отношеніе это составляло 45%, къ 10-ой ревизіи эта цифра упала до $37^1/_2$% *). Уменьшеніе количества крѣпостныхъ объясняется прекращеніемъ пожалованій и иныхъ искус-

*) П. Н. Милюковъ. «Крестьяне». Словарь Брокгауза и Ефрона, т. XVI, А.

ственныхъ мѣръ, увеличивающихъ число крѣпостныхъ, постепеннымъ освобожденіемъ нѣкоторой части крестьянъ, переходомъ крѣпостныхъ въ другія сословія (при отбываніи рекрутской повинности, ссылкѣ въ Сибирь и т. под.) *). Съ 1812 года и абсолютное количество крѣпостныхъ или стояло на одной высотѣ, или падало.

Распредѣленіе крѣпостной массы было крайне неравномѣрно и сложилось, какъ указываетъ г. Милюковъ, „подъ прямымъ вліяніемъ историческихъ причинъ, среди которыхъ главными можно считать: степень близости къ московскому центру и степень давности заселенія“ **). Отсюда и произошло, напримѣръ, скопленіе массы крѣпостного люда въ нечерноземныхъ губерніяхъ на-ряду съ рѣдкимъ населеніемъ вообще и малымъ развитіемъ крѣпостного люда въ плодородныхъ, но окраинныхъ губерніяхъ. „Въ помѣщичьемъ крѣпостномъ правѣ, говоритъ Кавелинъ, заключается, если не единственная, то безспорно одна изъ главнѣйшихъ причинъ неправильнаго распредѣленія сельскаго народонаселенія и искусственнаго направленія его промышленной дѣятельности“ ***). Это неправильное распредѣленіе крѣпостного населенія можно видѣть изъ таблицы Тройницкаго ****), который раздѣлилъ всѣ губерніи на 4 группы по процентному количеству въ нихъ крѣпостныхъ *****).

*) Ibid, стр. 685. Г. Милюковъ указываетъ, въ числѣ прочихъ причинъ, также и на слабость естественнаго прироста, въ виду неблагопріятныхъ условій жизни.

**) Милюковъ. Ibid. стр. 685.

***) Кавелинъ, сочиненія, т. II, стр. 26.

****) Тройницкій «Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-ой народной переписи». Спб., 1861 г., стр. 85.

*****) Закавказскія губерніи исключены изъ приводимой ниже таблицы, такъ какъ положеніе крѣпостныхъ этихъ губерній вообще не затрогивается въ нашихъ статьяхъ.

I. *Губерніи съ крѣпостнымъ населеніемъ выше 50%.*

1.	Смоленская .	69,07%
2.	Тульская . .	68,94
3.	Могилевская.	64,69
4.	Калужская. .	61,80
5.	Минская . .	60,74
6.	Подольская .	59,54
7.	Нижегородская	58,97
8.	Владимірская.	57,91
9.	Кіевская . . .	57,66
10.	Костромская .	57,41
11.	Витебская . .	57,08
12.	Ярославская .	57,07
13.	Волынская. .	56,54
14.	Рязанская . .	56,50
15.	Псковская. .	53,81
16.	Тверская . .	50,63

II. *Губерніи съ крѣпостн. населеніемъ отъ 50—25%.*

17.	Орловская. .	47,26
18.	Пензенская .	46,25
19.	Виленская . .	45,95
20.	Новгородская.	43,07
21.	Гродненская .	40,97
22.	Саратовская .	40,19
23.	Курская. . .	33,19
24.	Тамбовская .	39,87
25.	Московская .	38,84
26.	Симбирская .	38,83
27.	Черниговская.	37,61
28.	Полтавская .	37,47
29.	Ковенская. .	36,90
30.	Пермская . .	32,21
31.	Донскаго войска земля . .	31,91
32.	Екатеринослав.	31,51
33.	Херсонская .	31,27
34.	Харьковская .	29,77
35.	Воронежская .	26,94

III. *Губерн. съ крѣпостнымъ населеніемъ отъ 25—10%.*

36.	С.-Петербург.	24,03
37.	Вологодская. .	22,89
38.	Самарская . .	15,32
39.	Казанская . .	13,89
40.	Оренбургская.	11,81

IV. *Губерн. съ крѣпостн. наеселеніемъ ниже 10%.*

41.	Таврическая .	5,97
42.	Олонецкая . .	3,99
43.	Вятская . . .	2,64
44.	Астраханская .	2,60
45.	Бессарабская .	1,17

Изъ этой таблицы видно, что въ I группу входятъ 16 губерній, изъ которыхъ большинство находится въ нечерноземной полосѣ. (Въ ихъ число не попала Московская губернія въ силу того, что въ ней понижающимъ крѣпостной процентъ элементомъ является столичное населеніе; иначе ее нужно было бы отнести къ I группѣ.) Въ то же время очевидно, что въ нечерноземной полосѣ земледѣліе не можетъ приносить тѣхъ выгодъ, какъ въ черноземныхъ губерніяхъ, и, при густотѣ населенія, становятся болѣе выгодными промышленныя занятія. Въ силу этой-то причины главнымъ образомъ и замѣчается уже въ XVIII вѣкѣ различіе въ системѣ помѣщичьихъ хозяйствъ на сѣверѣ и югѣ Россіи. На сѣверѣ преобладала оброчная система, на югѣ, въ черноземныхъ губерніяхъ—напротивъ, преобладали издѣльныя повинности крестьянъ.

Въ виду громадной разницы въ положеніи оброчныхъ и издѣльныхъ крестьянъ, причемъ положеніе оброчныхъ было несравненно лучше издѣльныхъ, необходимо выяснить, какъ измѣнилась численность тѣхъ и другихъ въ нынѣшнемъ столѣтіи сравнительно съ XVIII вѣкомъ. При сужденіи объ улучшеніи или ухудшеніи положенія крѣпостныхъ по количеству барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ, нельзя забывать однако, что въ XIX вѣкѣ развились въ значительной степени смѣшанныя повинности, т. е. появилось много крестьянъ, платившихъ оброкъ и въ то же время отбывавшихъ барщину. Въ XVIII вѣкѣ оброчные крестьяне пользовались почти полнымъ самоуправленіемъ и почти всею землею господина. Въ XIX вѣкѣ, хотя количество оброчныхъ, какъ мы увидимъ ниже, сильно возросло въ нечерноземныхъ губерніяхъ, но благосостояніе врядъ-ли сильно повысилось, такъ какъ въ XIX вѣкѣ помѣщики зачастую заводили въ имѣніи небольшую господскую запашку, что уменьшало количество крестьянской земли, съ одной стороны, и понижало степень самоуправленія оброчныхъ крестьянъ—съ другой, такъ какъ барщинная обработка земли требовала большаго присмотра, а слѣдовательно, и большаго вмѣшательства въ крестьянскую жизнь со стороны помѣщика. Тѣмъ не менѣе положеніе оброчныхъ крестьянъ и въ XIX вѣкѣ было несравненно лучше, независимѣе, чѣмъ положеніе барщинныхъ. Поэтому, для выясненія вопроса объ улучшеніи или ухудшеніи положенія крѣпостныхъ въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII, здѣсь приводится таблица, показывающая распредѣленіе барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ въ 20-ти великороссійскихъ губерніяхъ въ XVIII и XIX вѣкахъ *).

*) Относительно XVIII вѣка приведены данныя по 20 губерніямъ, вычисленныя В. И. Семевскимъ. Приводимыя въ первой графѣ данныя о количествѣ оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ въ XIX вѣкѣ вычислены на основаніи приложеній къ Трудамъ Редакціонной Коммиссіи («Извлеченія изъ описаній имѣній по великороссійскимъ губерніямъ» о помѣщичьихъ имѣніяхъ

Губерніи.	XVIII вѣкъ.		XIX вѣкъ. Въ имѣн., имѣющ. болѣе 100 душъ.		XIX вѣкъ. Во всѣхъ имѣніяхъ.	
	% оброч.	% издѣльн.	% оброчн.	% издѣльн.	% оброчн.	% издѣльн.
1. Владимірская	50	50	92,53	8,47	70	30
2. Ярославская	78	22	90,87	9,13	87,4	12,6
3. Костромская	85	15	89,13	10,87	87,5	12,5
4. Олонецкая	66	34	88,64	11,36	72	28
5. Московская	36	64	80,27	19,73	68	32
6. Вологодская	83	17	80,04	19,96	84	16
7. Нижегородская	82	18	74,38	25,62	68	32
8. Тверская	46	54	68,25	31,75	41	59
9. Новгородская	49	51	65,14	34,86	45,6	54,4
10. С.-Петербургская	51	49	63,14	36,86	—	—
11. Калужская	58	42	58,79	41,21	55	45
12. Воронежская	64	36	58,76	41,24	45	55
13. Рязанская	19	81	47,98	52,02	38	62
14. Смоленская	30	70	33,89	66,11	27	73
15. Псковская	21	79	32,81	67,19	23	77
16. Тульская	8	92	27,23	72,77	25	75
17. Орловская	34	66	25,88	74,12	28	72
18. Тамбовская	22	78	21,60	78,40	22	78
19. Пензенская	52	48	18,52	81,48	25	75
20. Курская	8	92	16,67	83,33	24,5	75,5

Изъ приведенной таблицы видно, что процентъ оброчныхъ крестьянъ повысился въ губерніяхъ:

Въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ.

1. Московской	на	44 %
2. Владимірской	»	42,5 »
3. Рязанской	»	29 »
4. Олонецкой	»	23 »
5. Тверской	»	22 »
6. Тульской	»	19 »
7. Новгородской	»	16 »
8. Ярославской	»	13 »
9. Псковской	»	12 »
10. С.-Петербургской	»	12 »
11. Курской	»	9 »
12. Смоленской	»	4 »
13. Костромской	»	4 »
14. Калужской	»	1 »

Во всѣхъ имѣніяхъ.

1. Московской	на	32 %
2. Владимірской	»	20 »
3. Рязанской	»	19 »
4. Тульской	»	17 »
5. Курской	»	16,5 »
6. Ярославской	»	9,4 »
7. Олонецкой	»	6 »
8. Костромской	»	2,5 »
9. Псковской	»	2 »
10. Вологодской	»	1 »

имѣющихъ болѣе 100 душъ. Т. I—IV), по образцу работы кн. Волконскаго. «Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ». (Рязань, 1898 г., гл. III). Цифры по Рязанской губерніи взяты изъ работы кн. Волконскаго. При сужденіи о величинѣ % оброчныхъ нельзя забывать, что процентъ выводился на основаніи подсчета тяголъ издѣльныхъ, оброчныхъ и состоящихъ на смѣшанныхъ повинностяхъ, но не душъ; поэтому выпускались такія имѣнія, гдѣ не показано количество тяголъ или же распредѣленіе ихъ на указанныя группы не ясно. Такъ какъ имѣнія безъ раздѣленія на тягла были преимущественно оброчныя, то изъ-за исключенія ихъ долженъ былъ понизиться процентъ об-

Уменьшеніе числа оброчныхъ крестьянъ наблюдается въ слѣдующихъ губерніяхъ:

Въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ.		
1. Пензенской	на	33,5%
2. Орловской	»	8 »
3. Нижегородской	»	8 »
4. Воронежской	»	5 »
5. Вологодской	»	3 »

Во всѣхъ имѣніяхъ.		
1. Пензенской	на	27 %
2. Воронежской	»	19 »
3. Нижегородской	»	14 »
4. Орловской	»	6 »
5. Тверской	»	6 »
6. Новгородской	»	3,4 »
7. Калужской	»	3 »
8. Смоленской	»	3 »

Изъ приведенныхъ таблицъ ясно, что оброчная система въ XIX вѣкѣ развивалась главнымъ образомъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ. Неплодородная почва дѣлала невыгоднымъ веденіе барщиннаго сельскаго хозяйства потому, во-1-хъ, что въ нечерноземныхъ губерніяхъ для обезпеченія быта крестьянъ необходимо большее количество земли, такъ что, по обезпеченіи крестьянъ землею, у помѣщика могло остаться мало земли; а, во-2-хъ, неплодородная почва требовала искусственнаго усиленнаго удобренія, т. е. сильно увеличивала издержки производства, что, при низкихъ хлѣбныхъ цѣнахъ и трудности сбыта сельскихъ продуктовъ, сильно затрудняло веденіе сельскаго хозяйства. Между тѣмъ въ нечерноземныхъ центральныхъ, относительно густо населен-

---

рочныхъ. Тягла, состоящія на смѣшанныхъ повинностяхъ, относились то къ оброчнымъ, то къ издѣльнымъ тягламъ, смотря по величинѣ денежнаго оброка, а именно: тягла, платившія менѣе 1/2 средняго по губерніи чисто денежнаго оброка, относились къ издѣльнымъ; нужно замѣтить, что получились ничтожныя отчисленія. Во второй графѣ приведены проценты оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ касательно всѣхъ имѣній (менѣе и болѣе 100 душъ), вычисленные на основаніи данныхъ, помѣщенныхъ въ III и VI тт. Трудовъ Редакціонныхъ Коммиссій. Нужно замѣтить, что цифры относительно всѣхъ имѣній нужно принимать съ осторожностью, такъ какъ неизвѣстно, къ какой группѣ—издѣльныхъ или оброчныхъ—относили крестьянъ, состоящихъ на смѣшанныхъ повинностяхъ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, въ хозяйственномъ отдѣленіи Редакціонной Коммиссіи не было яснаго представленія объ этомъ; напримѣръ, въ Курской губ., при повѣрочныхъ работахъ, смѣшанныя тягла отнесены къ группѣ издѣльныхъ, что совершенно не можетъ быть принято. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ издѣльные крестьяне совершенно не отдѣлены отъ оброчныхъ, такъ что при вычисленіи процента приходилось выпускать крѣпостныхъ подобныхъ уѣздовъ; такіе уѣзды встрѣчаются въ губерніяхъ Орловской (5 уѣздовъ) и Тверской (1 уѣздъ). Въ Рязанской губ. въ 3-хъ уѣздахъ показаны только оброчные безъ издѣльныхъ, а въ одномъ только издѣльные. Кромѣ того цифры Редакціонной Коммиссіи проредактированы крайне небрежно. Проценты оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ, выведенные по «Приложеніямъ къ Трудамъ Редакціонной Коммиссіи», хотя охватываютъ меньшую группу крестьянъ, болѣе вѣрны, чѣмъ вторыя цифры. На данную о процентѣ оброчныхъ въ Вологодской губ. положиться нельзя, такъ какъ тамъ во многихъ имѣніяхъ показаны повытки, по количеству же душъ, приходящихся на тягла и повытки, отождествить эти 2 величины нельзя.

ныхъ губерніяхъ наличность промышленныхъ и торговыхъ центровъ обусловливала возможность развитія отхожихъ промысловъ и занятій промышленностью. Такъ какъ отхожіе промыслы и занятія промышленностью могутъ идти успѣшнѣе при свободѣ трудящейся личности, то помѣщики нечерноземныхъ центральныхъ губерній отпускали на оброкъ большую часть своихъ крестьянъ. Въ лѣсныхъ губерніяхъ возможность лѣсныхъ промысловъ и трудность обработки земли приводила къ тому же результату. За то, съ другой стороны, въ тѣхъ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ не было благопріятныхъ условій для развитія промышленности, и отхожіе промыслы не получили развитія, помѣщики заводили барщинную запашку, чему благопріятствовала близость хлѣбныхъ рынковъ. Поэтому-то и встрѣчается уменьшеніе количества оброчныхъ крестьянъ въ Тверской, Новгородской, Смоленской и Калужской губерніяхъ *) (по даннымъ о всѣхъ имѣніяхъ). Пониженіе это станетъ еще болѣе замѣтнымъ, если принять во вниманіе, что въ этихъ губерніяхъ, по крайней мѣрѣ, въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ, былъ наибольшій процентъ крестьянъ, состоящихъ на смѣшанныхъ повинностяхъ. Какъ видно изъ примѣчаній къ имѣніямъ, имѣющимъ болѣе 100 душъ, въ Извлеченіяхъ изъ описанія имѣній, въ этихъ же губерніяхъ встрѣчается особая группа крестьянъ, которые лѣтомъ состояли на барщинѣ, а зимою отпускались на оброкъ. Это обстоятельство зависѣло, вѣроятно, отъ того, что въ сельской промышленности время производства не совпадаетъ съ рабочимъ временемъ. Въ южныхъ губерніяхъ, въ относительно тепломъ климатѣ, это обстоятельство менѣе замѣтно; кромѣ того, при плохихъ путяхъ сообщенія, зимнее время барщинныхъ крестьянъ могло уходить отчасти на извозы. Въ нечерноземныхъ же губерніяхъ именно близость хлѣбныхъ рынковъ и обусловливала выгодность земледѣлія, а потому извозы не могли отнять много времени у барщинныхъ крестьянъ. Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ помѣщику было выгодно отпускать крестьянъ зимою на оброкъ, имѣя въ то же время барщинную запашку.

Въ южныхъ губерніяхъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше таблицъ, преобладала барщинная система, но замѣчается, что по сравненію съ XVIII вѣкомъ въ нѣкоторыхъ черноземныхъ губерніяхъ произошло увеличеніе оброчныхъ крестьянъ. Ясно, что здѣсь на распредѣленіе крестьянъ по указаннымъ группамъ имѣли вліянія другія причины, кромѣ выгодности земледѣлія. Одною изъ такихъ причинъ могло быть малоземелье этихъ губерній. Въ малоземельныхъ мѣстностяхъ ростъ крѣпостного населенія ставилъ помѣщиковъ въ затруднительное положеніе. При малоземеліи имѣнія

*) Замѣчаемое уменьшеніе количества оброчныхъ въ Нижегородской губ. произошло, быть можетъ, на счетъ ея земледѣльческихъ черноземныхъ уѣздовъ.

становилось все труднѣе и труднѣе надѣлять землею вновь прибывающее населеніе. Помѣщики справлялись съ этимъ затрудненіемъ различнымъ образомъ. Одни обращали часть крестьянъ въ затяглыхъ, не несшихъ никакихъ повинностей, но и не получающихъ земли, другіе надѣляли крестьянъ землею на счетъ собственной запашки, а такъ какъ уменьшенная запашка требовала меньше рабочихъ рукъ, то поэтому или всѣ крестьяне платили незначительный оброкъ взамѣнъ уменьшенія барщины, или же часть крестьянъ оставлялась на прежней барщинѣ, а часть отпускалась на чистый оброкъ; такимъ путемъ образовались имѣнія съ крестьянами на смѣшанныхъ повинностяхъ и имѣнія, гдѣ часть крестьянъ была на барщинѣ, а часть на оброкѣ. Наконецъ, уменьшеніе барщинной запашки изъ-за надѣленія новыхъ тяголъ землею могло дойти до того, что помѣщику становилось выгоднѣе отдать крестьянамъ всю землю и отпустить всѣхъ крестьянъ на оброкъ. Этимъ-то обстоятельствомъ можно объяснить увеличеніе процента оброчныхъ въ Курской, Тульской, Рязанской губ. *). Кромѣ малоземелья, были и другія причины развитія оброчной системы въ черноземныхъ губерніяхъ. Повышающимъ процентъ оброчныхъ обстоятельствомъ могла быть наличность въ губерніи большаго числа крупныхъ помѣщиковъ. Здѣсь играла роль прежде всего величина имѣнія. Такъ какъ барщинная система сельскаго хозяйства требовала строгаго неустаннаго надсмотра надъ рабочими, то въ большихъ имѣніяхъ она становилась крайне затруднительною, и въ такихъ имѣніяхъ нерѣдко крестьянъ переводили на оброкъ. Кромѣ того имѣла значеніе величина всего состоянія владѣльца. Богатый помѣщикъ могъ довольствоваться низкимъ доходомъ съ имѣнія, нисколько не урѣзывая своихъ расходовъ, а потому могъ отпускать крестьянъ на оброкъ даже въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ было несомнѣнно выгоднѣе держать крестьянъ на барщинѣ. Это хорошо иллюстрируется примѣромъ Воронежской губерніи. Какъ видно изъ таблицы (по имѣніямъ имѣющимъ $>$100 душъ), Воронежская губ. принадлежитъ къ числу оброчныхъ (въ ней % оброчныхъ=58,76). Въ ней находится громадное имѣніе гр. Шереметева, въ которомъ всѣ крестьяне отпущены были на оброкъ и составляли 33,889 тяголъ (собственно земельныхъ участковъ). Если исключить это имѣніе, то процентъ оброчныхъ опустится до 34,2, а процентъ издѣльныхъ поднимется до 65,8, и Воронежская губернія займетъ мѣсто среди губерній съ преобладающимъ процентомъ барщинныхъ крестьянъ. Эту зависимость развитія оброчной и барщинной системы отъ величины имѣнія можно замѣтить, присматриваясь къ приведеннымъ таблицамъ.

*) Впрочемъ, нельзя забывать, что послѣдняя губернія принадлежитъ своею сѣверною частью къ нечерноземнымъ губерніямъ, а южною—къ черноземнымъ.

Сравнивая % количество оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ во всѣхъ имѣніяхъ и въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ, замѣчаемъ слѣдующее. Даже въ губерніяхъ съ повысившимся сравнительно съ XVIII вѣкомъ процентомъ оброчныхъ крестьянъ, повышеніе это менѣе замѣтно для всѣхъ имѣній, чѣмъ собственно для имѣній, имѣющихъ болѣе 100 душъ. Въ губерніяхъ же съ переходнымъ характеромъ, какъ Смоленская, Новгородская, Тверская, процентъ оброчныхъ въ первомъ случаѣ даже понизился сравнительно съ XVIII вѣкомъ. Касательно нѣкоторыхъ губерній черноземной полосы (Курская, Тульская губ.) является недоумѣніе: при включеніи имѣній, имѣющихъ менѣе 100 душъ, процентъ оброчныхъ повысился сильнѣе. Но если мы вспомнимъ, что увеличеніе процента оброчныхъ въ этихъ губерніяхъ объясняется малоземельемъ, то придется признать, что, если отъ малоземелья бросали земледѣліе и переводили крестьянъ на оброкъ крупные владѣльцы, то, вѣроятно, тѣмъ въ большей степени принуждались къ тому же мелкіе владѣльцы.

Распространеніе оброчной и барщинной системы зависѣло также отъ абсентеизма помѣщиковъ, который опять таки сильнѣе замѣчался у крупныхъ владѣльцевъ; отсутствіе въ имѣніяхъ помѣщиковъ, стремившихся на государственную службу и предпочитавшихъ готовые доходы кропотливому веденію сельскаго хозяйства, часто вызывало предпочтеніе оброчной системы передъ барщинной. Въ мелкихъ имѣніяхъ помѣщики чаще жили сами и лично вели сельское хозяйство, причемъ здѣсь, даже при отпускѣ большей части крестьянъ на оброкъ, помѣщики старались имѣть хотя небольшую, но собственную запашку. Въ большихъ имѣніяхъ помѣщикъ рѣже вмѣшивался въ личную жизнь крѣпостного, не имѣя даже иногда физической возможности дѣлать это; въ мелкихъ же имѣніяхъ господинъ или управитель могъ наблюдать за каждымъ шагомъ крѣпостного и въ большей степени эксплуатировать рабочія силы крестьянъ. Въ виду зависимости системъ хозяйства, а потому и благосостоянія крестьянъ отъ величины имѣнія, интересно выяснить распредѣленіе помѣщиковъ по числу имѣвшихся у нихъ во владѣніи душъ и измѣненіе, происшедшее въ этомъ отношеніи съ XVIII вѣка. Приведемъ для этого таблицу Тройницкаго *) о количествѣ землевладѣльцевъ, раздѣленныхъ, по количеству имѣющихся у нихъ душъ, на 6 группъ; таблица дополнена процентными вычисленіями г. Милюкова **).

*) **Тройницкій.** «Крѣпостное населеніе Россіи по 10-ой народной переписи» стр. 67.

) *П.* **Милюковъ «Крестьяне», стр, 686.

	По 8 ревизии *).				По 10 ревизіи.			
	Владѣльц.	%	У нихъ крѣпост.	%	Владѣльц.	%	У нихъ крѣпост.	%
1. Безпомѣстные . . .	17.763	14,0	62.183	0,6	3.633	3,5	12.045	0,1
2. Имѣющіе до 20 д. . .	58.457	45,9	450.037	4,1	41.016	39,5	327.534	3,1
3. Имѣющіе отъ 21 — 100 душъ	30.417	24,0	1.500.357	13,9	35.498	34,2	1.666.073	15,8
4. Имѣющіе отъ 101 — 500 душъ	16.740	13,2	3.634.194	33,9	19.930	19,2	3.925.102	37,1
5. Имѣющіе отъ 501— 1000 душъ	2.273	1,8	1.562.831	14,5	2.421	2,3	1.569.888	14,9
6. Имѣющіе бол. 1000 д.	1.453	1,1	3.556.959	33,0	1.382	1,3	3.050.540	29,0

Изъ этихъ цифръ видно, что сокращеніе произошло въ группѣ помѣщиковъ, имѣвшихъ менѣе 20 душъ, и въ группѣ, имѣвшей болѣе 1000 душъ крестьянъ, какъ въ количествѣ самихъ владѣльцевъ, такъ и въ количествѣ владѣемыхъ ими крестьянъ. Наоборотъ, увеличеніе и владѣльцевъ и имѣющихся у нихъ крестьянъ произошло въ группахъ, имѣющихъ отъ 20—1000 душъ. Такимъ образомъ произошла, съ одной стороны, концентрація имѣній, а съ другой,—раздробленіе между большимъ количествомъ владѣльцевъ. Изъ цифръ 10-й ревизіи мы видимъ, что больше всего было владѣльцевъ, имѣвшихъ менѣе 20 душъ и отъ 20 — 100 (I=39,5%, II=34,2%), а наибольшимъ количествомъ крѣпостныхъ владѣла IV группа (37,1 крѣпостныхъ), имѣвшая отъ 100 — 500 душъ. Вообще группы, имѣвшія отъ 20—1000 д. крѣп. владѣли, по 10-й ревизіи, $^3/_4$ крѣп. населенія, и въ частности группа, имѣвшая отъ 20—500 д. кр., болѣе, чѣмъ половиною крѣпостныхъ. Сильное увеличеніе количества помѣщиковъ съ 20—100 д. (по 8-й ревизіи ихъ число = 24%, а по 10-й — 34,2%) дѣлаетъ возможнымъ выводъ, что развитіе барщиннаго хозяйства могло сильно двинуться впередъ въ XIX вѣкѣ, ко времени реформы. Это обстоятельство, быть можетъ, объясняетъ до нѣкоторой степени и тотъ фактъ, что и въ оброчныхъ имѣніяхъ въ XIX вѣкѣ появились барщинныя запашки и смѣшанныя оброчно-барщинныя системы. Во всякомъ случаѣ размельченіе имѣній указываетъ на возможность ухудшенія экономическаго положенія крестьянъ.

Оканчивая выясненіе главнѣйшихъ причинъ, вліявшихъ на преобладаніе той или другой системы помѣщичьяго хозяйства, можно отмѣтить общее направленіе его развитія. При переходѣ натуральнаго помѣщичьяго хозяйства къ денежному, по мѣрѣ увеличенія потребностей помѣщиковъ, для удовлетворенія которыхъ уже требовались деньги, каждый помѣщикъ стремился такъ организовать свое хозяйство, чтобы оно при данныхъ условіяхъ почвы, кли-

*) В. И. Семевскій указываетъ, что количество землевладѣльцевъ 8-й ревизіи, имѣвшихъ менѣе 100 душъ (84%), согласно изслѣдованію Кеппена, и число таковыхъ же владѣльцевъ въ XVIII вѣкѣ—совпадаютъ. В. И. Семевскій, «Крестьяне при Екатеринѣ II», стр. 30.

мата и пр., приносило бы наибольшій денежный доходъ. Отсюда получилось развитіе въ различныхъ мѣстностяхъ или барщинной или оброчной системы и ихъ видоизмѣненіе, развитіе дворянскихъ фабрикъ и т. под. Гдѣ только была выгодна барщинная запашка, помѣщики селились въ имѣніяхъ и лично вели хозяйство, переѣзжая въ городъ на зиму. Это осѣданіе дворянства на землю замѣчалось современниками. „Въ настоящее время"—говоритъ Гакстгаузенъ, бывшій въ Россіи въ 1843 г.,—„дворяне болѣе чѣмъ прежде живутъ въ деревнѣ, хотя все еще не въ той степени, чтобы они могли быть названы сельскимъ дворянствомъ; но всетаки они посѣщаютъ свои имѣнія, занимаются хозяйствомъ въ нихъ, что видно изъ того, что число барщинныхъ крестьянъ постоянно возрастаетъ, тогда какъ оброчное положеніе, дотолѣ господствовавшая форма взиманія дохода съ крестьянъ во всей Великороссіи, прекращается" *). „Раньше,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—молодые дворяне, лѣтъ съ 17-ти, уже стремились поступить на гражданскую или военную службу, гдѣ и оставались, докуда могли... Теперь же большинство выходитъ въ отставку черезъ нѣсколько лѣтъ и поселяются въ имѣніяхъ, чтобы заниматься сельскою или мануфактурною промышленностью. Въ то время какъ раньше помѣщики очень мало занимались сельской экономіей, въ настоящее время многіе образованные помѣщики, за послѣднія 15 лѣтъ, начинаютъ серьезно заниматься сельской промышленностью и переводить крестьянъ съ оброка на барщину, что заставляетъ ихъ жить въ имѣніяхъ, чтобы лично наблюдать за веденіемъ хозяйства" **).

Господство той или другой системы помѣщичьяго хозяйства отзывалось на крестьянахъ прежде всего въ количествѣ земли, отводимой имъ помѣщиками. Въ XVIII вѣкѣ, по указанію В. И. Семевскаго, согласно свидѣтельствамъ современниковъ, въ чисто-оброчныхъ имѣніяхъ вся земля была въ пользованіи крестьянъ, количество же смѣшанныхъ вотчинъ было ничтожно***); поэтому можно считать, что въ оброчныхъ имѣніяхъ почти вся земля была отдана крестьянамъ.. Нужно замѣтить при этомъ, что въ оброчныхъ имѣніяхъ въ XVIII вѣкѣ крестьяне пользовались лѣсомъ весьма свободно ****). Средній надѣлъ на душу равнялся $13^1/_2$ десятинамъ, въ числѣ которыхъ было 4 десятины пашни *****). Въ барщинныхъ имѣніяхъ въ XVIII вѣкѣ на долю крестьянъ приходилось приблизительно $^2/_3$ всей помѣщичьей земли ******); на душу въ среднемъ

*) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 426. Конечно, съ замѣчаніемъ Гакстгаузена о прекращеніи оброчнаго положенія въ Великороссіи можно отчасти согласиться только относительно мѣстностей, выгодныхъ для земледѣлія.

**) *Ibid.*, т. III, стр. 63.

***) *В. И.* Семевскій. Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II. стр. 34—36

****) *Ibid.*

*****) *Ibid.*

******) *Ibid.*

по 8-ми десятинъ въ нечерноземной полосѣ и 7 десятинъ — въ черноземной. Нельзя забывать, что въ этотъ приблизительный надѣлъ включенъ и лѣсъ, которымъ крестьяне пользовались подъ наблюденіемъ помѣщика, или имъ отводились отдѣльные лѣсные участки. Въ XIX вѣкѣ отношеніе между господскою и крестьянскою удобною землею выражается въ слѣдующихъ цифрахъ *):

Губерніи.	% всей удобной земли безъ лѣса. У крестьянъ.	У помѣщиковъ.	Губерніи.	% всей удобной земли безъ лѣса. У крестьянъ.	У помѣщиковъ.
1. Нижегородская	79,94	20,06	11. Олонецкая	65,61	34,39
2. Петербургская	79,66	20,34	12. Пензенская	57,25	42,75
3. Владимірская	79,52	20,48	13. Рязанская	52,60	47,40
4. Ярославская	79,23	20,77	14. Тульская	52,00	48,00
5. Тверская	77,18	22,82	15. Костромская	50,02	49,98
6. Калужская	75,91	24,09	16. Курская	47,25	52,75
7. Вологодская	73,37	26,63	17. Тамбовская	47,20	52,80
8. Смоленская	71,41	28,59	18. Орловская	46,67	53,33
9. Псковская	68,16	31,84	19. Воронежская	46,05	53,95
10. Новгородская	67,53	32,47			

На этой таблицѣ отражается раздѣленіе крѣпостной Россіи на 2 половины, сообразно принятой системѣ хозяйства въ помѣщичьихъ имѣніяхъ: въ нечерноземныхъ, съ преобладаніемъ процента оброчныхъ крестьянъ, замѣтно преобладаніе крестьянской земли надъ господскою; въ черноземныхъ же губерніяхъ, гдѣ преобладалъ % издѣльныхъ, замѣчается или равномѣрное распредѣленіе удобной земли между помѣщиками и крестьянами, или же преобладаніе господской земли надъ землею, находящейся въ пользованіи крестьянъ. Сравнивая это распредѣленіе съ приблизительнымъ распредѣленіемъ земли въ XVIII вѣкѣ, нужно отмѣтить измѣненіе отнюдь не въ пользу крестьянъ. Количество удобной земли, находящейся въ пользованіи крестьянъ, не поднимается выше 4/5 всей удобной земли даже въ губерніяхъ съ наибольшимъ процентомъ оброчныхъ, опускаясь въ то же время въ черноземныхъ губерніяхъ ниже половины всей удобной земли; въ XVIII вѣкѣ, какъ сказано, количество земли, находящейся въ пользованіи крестьянъ, очень часто вдвое превосходило то, что оставалось за господиномъ **). Это указываетъ на ухудшеніе положенія крестьянъ въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII.

*) Приводимая ниже таблица вычислена по образцу работы кн. Волконскаго, на основаніи свѣдѣній о помѣщичьихъ и крестьянскихъ земляхъ и имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ, помѣщенныхъ въ приложеніяхъ къ Трудамъ Ред. Ком. (т. I—IV); цифра по Рязанской губ. взята изъ работы кн. Волконскаго. Относительно этихъ свѣдѣній нужно замѣтить, что они очень неполны и неясны. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьянская земля не показана, и въ такомъ случаѣ приходилось совершенно выпускать имѣніе, что уменьшало количество крестьянъ, относительно которыхъ дѣлался выводъ.

**) В. И. Семевскій, Крестьяне при Екатеринѣ II, стр. 35.

Такое уменьшеніе количества земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, зависѣло главнымъ образомъ отъ развитія помѣщичьяго барщиннаго хозяйства. Пока господинъ не дорожилъ собственною запашкою, онъ предоставлялъ большую часть земель крестьянамъ. Въ XIX вѣкѣ, при увеличеніи потребностей помѣщиковъ, потребовалось повышеніе дохода съ имѣнія, причемъ требовался преимущественно денежный доходъ. Результатомъ явилось стремленіе увеличить барщинную запашку для производства сельскихъ продуктовъ въ большемъ количествѣ для сбыта на рынкѣ; понятно, такое увеличеніе запашки шло на счетъ крестьянскихъ земель. Въ нечерноземныхъ мѣстностяхъ уменьшеніе количества крестьянскихъ земель относительно помѣщичьихъ вызывалось, вѣроятно, развитіемъ смѣшанной системы.

Уменьшеніе относительнаго количества земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, еще неблагопріятнѣе вліяло на положеніе послѣднихъ потому, что населеніе продолжало возрастать. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы при увеличеніи населенія поглощать все большую и большую часть помѣщичьихъ земель, крестьянское землепользованіе, напротивъ, все болѣе и болѣе уменьшалось. Такъ какъ въ нечерноземныхъ, оброчныхъ губерніяхъ отношеніе крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель измѣнилось менѣе всего, то здѣсь можно лишній разъ подчеркнуть преимущества положенія оброчныхъ крестьянъ передъ барщинными.

Различіе между положеніемъ оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ яснѣе раскрывается изъ разсмотрѣнія среднихъ крестьянскихъ надѣловъ, вычисленныхъ на основаніи свѣдѣній, помѣщенныхъ въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Ред. Ком. *), о земляхъ въ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ. Крестьянскіе надѣлы въ XIX вѣкѣ, около времени раскрѣпощенія, въ вышепоименованныхъ 20 губерніяхъ были слѣдующіе **):

Губерніи.	Удобной земли на 1 рабоч. душу м. п.	Губерніи.	Удобной земли на 1 рабоч. душу м. п.
1. Вологодская	8,68	11. Владимірская	3,72
2. Новгородская	8,61	12. Орловская	3,50
3. Олонецкая	7,64	13. Калужская	3,38
4. Петербургская	6,40	14. Пензенская	3,24
5. Костромская	5,85	15. Воронежская	3,02
6. Смоленская	5,29	16. Тульская	2,88
7. Псковская	5,02	17. Тамбовская	2,88
8. Ярославская	4,70	18. Московская	2,86
9. Тверская	4,41	19. Рязанская	2,74
10. Нижегородская	3,83	20. Курская	2,48

*) *Приложенія* къ Тр. Ред. Ком., т. I—IV. Цифра по Рязанской губ. взята изъ работы кн. Волконскаго «Условія помѣщичьяго хозяйства».

**) Въ составъ среднихъ надѣловъ входитъ усадебная земля, пахотная, луга,

:рѣніи размѣровъ среднихъ надѣловъ замѣчается между нечерноземными, оброчными и черноземми губерніями. По мѣрѣ увеличенія выгодности занятія земледѣліемъ уменьшается и количество на ревизскую душу.

уменьшеніе среднихъ надѣловъ въ XIX вѣкѣ ь приблизительными средними надѣлами XVIII вѣка ичину прежде всего въ ростѣ населенія при отсутомъ количествѣ прирѣзаемой земли. Въ связи съ зліяніе на величину надѣла малоземелья или многоніи *). Вполнѣ естественно, что самая малоземельная ская) имѣла въ то же время наименьшій средній лъ удобной земли. Въ силу этой причины въ число малымъ надѣломъ попали такія нечерноземныя гу- Московская и Владимірская; самое малоземелье ій содѣйствовало развитію промышленныхъ занятій гныхъ.

ину надѣла имѣло вліяніе система земледѣлія. Въ іяхъ, какъ, напримѣръ: Новгородская, Костромская, гдѣ встрѣчалось мѣстами лядинное хозяйство, выше лъ. Имѣла значеніе и плодородность почвы губерніи развитіемъ промышленныхъ занятій. При отсутствіи промысловъ, при неплодородности почвы помѣщику,

---

ı есть, то кустарники, иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ, лѣсъ; нужно зачастую сѣнокосы были расположены въ господскихъ лѣсахъ. редакціонныхъ коммисій большаго довѣрія заслуживаетъ показано пахотной и усадебной земли; въ показаніяхъ о лугахъ и сѣноного неточностей, которыя имѣютъ послѣдствіемъ то, что средніе дѣлахъ, вообще, ниже дѣйствительности; они, впрочемъ, ближе ь истинѣ въ черноземной полосѣ, гдѣ пропорція луговъ и сѣнококатнымъ землямъ вообще очень мала, и, напротивъ, могутъ быть только за приблизительные въ нечерноземныхъ и преимущеалонаселенныхъ губерніяхъ, гдѣ луговые и сѣнокосные надѣлы надъ пахотными. (Скребицкій. «Крестьянское дѣло въ царствоындра II», т. III, стр. 826).

земли (крестьянской и помѣщичьей) на одну ревизскую душу пола приходилось слѣдующее количество десятинъ въ разныхъ (Скребицкій, т. II, стр. 1491—1533).

Іовгородская	21,4	11. Нижегородская	7,0
Іетербургская	16,9	12. Калужская	6,5
Вологодская	15,7	13. Тамбовская	6,3
Костромская	14,3	14. Пензенская	6,1
Псковская	13,3	15. Орловская	6,0
Гверская	9,0	16. Московская	5,5
Смоленская	8,1	17. Рязанская	5,3
Ярославская	7,8	18. Тульская	5,1
Воронежская	7,3	19. Курская	4,9
Владимірская	7,0		

волею-неволею приходилось предоставлять крестьянамъ количество земли, достаточное для поддержанія существованія самого крестьянина и его семьи: въ противномъ случаѣ, вся тяжесть содержанія нищаго населенія легла бы на него самого. Впрочемъ, иные помѣщики этимъ не смущались и доводили крестьянъ до нищенства, урѣзывая надѣлъ и налагая повинности и работы выше силъ крестьянина.

Въ высшей степени интересно выяснить вопросъ, обезпечивалъ ли земельный надѣлъ лишь minimum необходимыхъ средствъ къ существованію, малѣйшее уклоненіе отъ котораго вело уже къ разоренію крестьянина, или же онъ вполнѣ обезпечивалъ удовлетвореніе всѣхъ потребностей крестьянъ даже въ неблагопріятные для земледѣлія годы. Выясненіе этого вопроса тѣмъ болѣе важно, что Редакціонныя Коммиссіи, при опредѣленіи maximum'а надѣла въ каждой отдѣльной мѣстности, приняли за исходный пунктъ— существующій надѣлъ (въ 1859 году), признавъ, что въ крѣпостное время „въ фактѣ преобладающаго надѣла практически выразилось долголѣтнимъ опытомъ дознанное соотношеніе между крестьянскими нуждами и мѣстными средствами, служащими къ ихъ удовлетворенію“ *).

Для выясненія степени достаточности надѣла для обезпеченія существованія крѣпостного населенія возьмемъ разсчетъ Янсона. Янсонъ считаетъ, что въ черноземной полосѣ „на тощей почвѣ, требующей сильнаго удобренія, слѣдовательно, достаточнаго количества луговъ и выгоновъ, душевой надѣлъ, для того чтобы обезпечивать продовольствіе семьи, и притомъ, если земля не очень ужъ плоха, не можетъ быть, съ усадьбою, менѣе 8 десятинъ“ на 1 рев. душу; при этомъ онъ считаетъ, что изъ этихъ 8 десятинъ можетъ быть по 2 дес. пахоты въ клину. При такомъ надѣлѣ, при урожаѣ самъ 3, получится, за вычетомъ сѣмянъ, количество хлѣба, едва достаточное на прокормленіе $2^{1}/_{2}$ душъ, т. е. приблизительно, того числа, какое приходится на 1 рев. душу. Уплата различныхъ денежныхъ повинностей сюда не входитъ. Средніе надѣлы въ нечерноземныхъ губерніяхъ, вычисленные на основаніи „Приложеній“, показываютъ, что въ большинствѣ нечерноземныхъ губерній средній надѣлъ не достигалъ указанной Янсономъ нормы, въ иныхъ губерніяхъ опускаясь до $^{3}/_{8}$ (въ Московской губерніи). Это обстоятельство, т. е. недостаточность надѣловъ, не давало крестьянамъ возможности существовать, занимаясь земледѣліемъ и дѣлало необходимыми подсобные промыслы. Въ лучшемъ случаѣ, если предположить, что ошибка при вычисленіяхъ среднихъ надѣловъ, вслѣдствіе неполноты свѣдѣній, достигаетъ 2-хъ десятинъ, то и тогда въ большей части нечерноземныхъ губерній зе-

*) Скребицкій т. II, стр. 1378.

ый надѣлъ могъ удовлетворить только продовольственной ности крѣпостного населенія. Оброки же и уплата подушложились всецѣло на подсобные промыслы крѣпостныхъ. ольше оттѣняется недостаточность земельнаго обезпеченія ясненія количества пахотной земли на 1 рев. душу. Янполагаетъ необходимымъ надѣлъ въ 6 десятинъ пахотмли въ 3-хъ поляхъ. Между тѣмъ количество пахотной въ нѣкоторыхъ нечерноземныхъ губерніяхъ было слѣ *):

ижегородской губ.	на	1	рев.	душу	приходилось	пахоты	2,83	дес.
алужской	»	»	»	»	»	»	2,60	»
рославской	»	»	»	»	»	»	2,31	»
верской	»	»	»	»	»	»	2,27	»
лонецкой	»	»	»	»	»	»	1,87	»
Московской	»	»	»	»	»	»	1,63	»

нятно, что при такомъ количествѣ пахотной земли землее могло имѣть главнаго значенія, требуя подсобныхъ проъ. Въ этихъ губерніяхъ не могло быть крупнаго, доста для существованія надѣла и потому, что это были салоземельныя изъ нечерноземныхъ губерній. Въ Нижего, Калужской, Московской, Ярославской гг. даже обличество помѣщичьей и крестьянской земли не достидесятинъ, необходимыхъ, согласно Янсону, для обез1 рев. души. Насколько недостаточенъ былъ надѣлъ й земли въ Ярославской губерніи показываетъ разакстгаузена, сдѣланный имъ относительно Угличскаго рославской губерніи, гдѣ надѣлъ былъ равенъ $2^1/_2$ десякотной земли на мужскую душу, т. е. почти совпадалъ имъ надѣломъ по губерніи. Гакстгаузенъ считаетъ на изъ 3-хъ полей по $^3/_4$ десятины. На $^3/_4$ засѣяна рожь, собирается при среднемъ урожаѣ въ $2^1/_2$ зерна, за выѣмянъ,—$9^1/_2$ четвериковъ; около $^3/_8$ засѣяно ячменемъ; ченіемъ сѣмянъ, собрано—$4^3/_4$ четверика, итого $14^1/_4$ въ хлѣба, которые дадутъ 556 фунтовъ хлѣба. Овесъ, й на остальныхъ $^3/_8$ дес., идетъ на прокормленіе скота счетъ не принимается. Допуская, что съ надѣла коркчина и женщина (на самомъ дѣлѣ на 1 р. м. п. душу сь больше, такъ какъ были еще дѣти и старики; кн. й считаетъ на 1 р. м. п. душу—$2^1/_3$ души наличнаго и считая круглымъ счетомъ на каждаго человѣка по ѣба въ день, Гакстгаузенъ вычисляетъ, что на одного одну женщину выйдетъ среднимъ числомъ въ годъ—

---

*) ислено на основаніи свѣдѣній, помѣщеныхъ въ приложеніяхъ къ . Ком. объ имѣніяхъ, имѣющихъ болѣе 100 душъ.

1,094 ф. хлѣба. Такъ какъ съ надѣла собирается немного болѣе половины этого количества, то является ежегодно дефицитъ въ 538 ф. хлѣба. „Дефицитъ этотъ покрывается покупкою привознаго хлѣба, а это можетъ быть только при помощи побочныхъ ремеслъ и заработковъ" *). Бывшій крѣпостной помѣщиковъ—наслѣдниковъ Яковлевыхъ, Пурлевскій, жившій въ громадномъ промышленномъ селѣ Великомъ, Ярославской губерніи, также свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что крестьяне въ ихъ селѣ не довольствовались своимъ хлѣбомъ, а покупали привозный. „Простонародье сѣверныхъ губерній, говоритъ Пурлевскій, кормилось почти однимъ чернымъ ржанымъ хлѣбомъ да сѣрыми щами. Калачъ считался лакомствомъ, пряники—богатымъ подаркомъ. Въ крестьянскомъ быту отъ своего скотоводства всѣ молочные скопы, лишняя скотинка, барашки, ягнята, яйца, все продавалось по необходимости, а питались горохомъ, толокномъ да *рѣпой* пареной. Наше село не въ счетъ. Промыслы доставляли намъ средства, не въ примѣръ лучше другихъ мѣстъ" **).

Обращаясь къ черноземной полосѣ, Янсонъ указываетъ, что для покрытія продовольственной потребности населенія требуется *5 десятинъ* въ душевомъ надѣлѣ при урожаѣ самъ—4; при такомъ надѣлѣ почти не можетъ быть никакихъ избытковъ для *уплаты* денежныхъ повинностей и покрытія другихъ хозяйственныхъ расходовъ. Этому требованію не удовлетворяла ни одна *изъ* указанныхъ черноземныхъ губерній. Въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, конечно, были надѣлы даже превосходящіе указанную норму. Въ степныхъ губерніяхъ хотя и встрѣчались надѣлы, размѣръ которыхъ былъ замѣтно выше 5 десятинъ, но нельзя забывать, что здѣсь существовало залежное хозяйство, требующее много земли.

Количество пахотной земли было здѣсь также далеко недостаточно. Янсонъ приблизительно вычисляетъ, что въ душевомъ надѣлѣ необходимо имѣть десятины 4 пахотной земли. Между тѣмъ въ 2-хъ черноземныхъ губерніяхъ, относительно которыхъ вычислено количество пахотной земли на 1 р. душу ***), душевой надѣлъ пахоты былъ слѣдующій:

Тульская губ. . . . . 2,33 дес.
Курская „ . . . . 2 „

Сравнительная *ничтожность* надѣла говоритъ сама за себя. Само *собою* разумѣется, что при такомъ надѣлѣ всякіе денежные поборы, въ видѣ оброковъ, подушныхъ и пр., или ложились на

*) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 118—119.
**) Воспоминанія крѣпостного. «Русскій Вѣстникъ», 1877 г., кн. 7, стр. 342.
***) На основаніи свѣдѣній о пахотной землѣ, помѣщенныхъ въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Ред. Ком.

заработки крестьянъ или же вели къ ихъ раззоре-
гь можетъ, и объясняется, что отпускъ крестьянъ
черноземныхъ губерніяхъ не всегда велъ къ улуч-
ческаго положенія крестьянъ.
іъ свидѣтельствуетъ, что въ приволжской мѣстности
й губ.) „барщинныя деревни много богаче и лучше
). Тепловъ, помѣщикъ Орловской губ., указываетъ
мѣстности, гдѣ лежало его имѣніе (преимущественно
ой съ отсутствіемъ промысловыхъ занятій) „оброкъ
ъ обременительнѣе барщины“ **). Этимъ и нужно
го, не смотря на позволеніе Теплова откупаться отъ
оброкъ, крестьяне, даже самые зажиточные, упорно
, переходить на оброкъ, такъ что помѣщикъ, вы-
ъ терпѣнія „упрямствомъ“ крестьянъ, насильственно
самыхъ исправныхъ тяголъ на оброкъ ***). Оброкъ
ныхъ губерніяхъ могъ быть выгоденъ только въ 2-хъ
о 1), если помѣщикъ отводилъ большой надѣлъ, и во
ть выгодныя промысловыя занятія. Такъ, въ той же
гдѣ Гакстгаузенъ замѣтилъ бѣдность оброчныхъ кре-
авнительно съ барщинными, онъ указываетъ на де-
Орловой, расположенныя на мысѣ, образуемомъ Волгою.
евень состояла на оброкѣ, часть на барщинѣ; „пер-
богаче послѣднихъ, такъ какъ близость Волги даетъ
ть заработковъ въ различныхъ промыслахъ ****).
указанной недостаточности надѣла вытекаетъ и другой
въ лучшемъ случаѣ, при среднемъ урожаѣ крестьянинъ
овлетворить со своего надѣла первыя, необходимыя про-
зенныя потребности. Этотъ выводъ подтверждается сви-
вомъ современниковъ. Н. Н. Муравьевъ, авторъ примѣча-
изданному въ 1830 г. русскому переводу сочиненія Тэра
нія сельскаго хозяйства“, говоритъ: „каждому тяглу по-
$1^1/_2$ дес. пахотной земли въ полѣ, а въ трехъ—$4^1/_2$, сѣно-
го 2 десятины, подъ поселеніе и огороды $^1/_2$ десятины,
ь дачъ и выгоновъ 1 десятина: итого 8 д. на тягло“ *****);
акъ Муравьевъ считаетъ на 1 тягло по 2 рев. души, то
ев. душу приходится по 4 дес. М. Н. Семеновъ, авторъ
водства къ управленію имѣніемъ“, помѣщикъ Рязанской
анненбургскаго уѣзда, считаетъ необходимымъ давать на
—$8^1/_2$ дес. удобной земли (или 3,6 дес. на 1 рев. душу)
ба, сѣнокосъ, коноплянники и пашня). Этотъ надѣлъ былъ раз-
нъ Семеновымъ такъ, чтобы при среднемъ урожаѣ крестьяне

Гакстгаузенъ, т. I, стр. 348.
Тепловъ. «Опытъ улучшенія быта крестьянъ». Москва. 1870 г. стр. 21.
) Ibid., стр. 20.
) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 348.
*) Кн. Волконскій, «Условія помѣщ. хозяйства при крѣп. правѣ», стр. 26.

могли получать ровно столько, сколько нужно было на продовольствіе, считая по 2 четверти ржи на ѣдока. При большемъ урожаѣ получился бы излишекъ хлѣба, при меньшемъ недостатокъ *). Если обратиться къ среднему надѣлу въ Рязанской г., то надѣлъ окажется ниже надѣла, необходимаго, по указанію Семенова, для продовольствія 1 рев. души. Если даже допустить, что такой низкій размѣръ надѣла составляетъ результатъ неполноты свѣдѣній о крестьянской землѣ, все-таки придется признать, что въ лучшемъ случаѣ средній земельный надѣлъ обезпечивалъ только полученіе minimum'а необходимыхъ средствъ существованія. При неурожаѣ же крестьянинъ являлся совершенно необезпеченнымъ и требовалъ себѣ продовольственной и хозяйственной помощи. Г. Повалишинъ, описывая организацію хозяйства помѣщика К. В. Рязанской г., считавшагося образцовымъ хозяиномъ, отнюдь не притѣсняющимъ своихъ крестьянъ, указываетъ на ту же ограниченность надѣла крестьянъ. „Нерѣдко происходившіе въ имѣніи неурожаи воочію доказывали, что въ такіе годы большая часть крестьянъ не только не въ силахъ уплатить повинности, но даже не можетъ продовольствовать себя собственнымъ хлѣбомъ“ **). Выясняя, что считалось нормальнымъ строемъ крѣпостного хозяйства, основаннаго на барщинномъ трудѣ въ Рязанской губ., г. Повалишинъ дѣлаетъ выводъ, который можно до извѣстной степени распространить и на всю Россію: „пріобрѣтаемыя крестьянами отъ ихъ помѣщиковъ выгоды обезпечивали имъ лишь minimum существованія и не давали возможности даже въ отдаленномъ будущемъ думать объ улучшеніи этого положенія, путемъ пріобрѣтенія какихъ-либо средствъ для болѣе сноснаго человѣческаго существованія. Наоборотъ, весь ходъ помѣщичьяго хозяйства давалъ основаніе заключить о переходѣ крестьянъ въ совершенное рабство, т. е. объ ухудшеніи даже этого худого положенія“ ***).

И. Игнатовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Ibid, стр. 27.

**) Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, т. XIV, вып. I, 1899 г., Ст. Повалишина: «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные», стр. 38.

***) Ibid., стр. 50.

СЫНКИ ЖИЗНИ.

Разсказъ.

I.

началѣ осени,—той чудной тихой осени,
природа съ такой грустью разстается съ
лучительную любовь къ жизни будитъ въ
изкая, невзрачная, вся пропитанная табач-
ната К—ской почтово-телеграфной конторы
не смотря на раскрытыя настежь окна; такъ
эти скучныя стѣны и убѣжать на самый
гдѣ по широкому простору пожелтѣвшихъ
убая лента рѣки, гдѣ небо синѣетъ такъ
жемъ, прозрачномъ воздухѣ разлита по-
ая, нѣжная печаль. О чемъ она—кто ска-
эльзя,—нужно „жить“, работать!

перегородкой, нѣсколько по-одаль одинъ
ъ два длинныхъ, покрытыхъ темной клеен-
—для денежной корреспонденціи, другой—
денежной сидитъ“ самъ начальникъ кон-
— помощникъ. Впрочемъ, начальникъ се-
ь еще изъ внутреннихъ комнатъ, и въ ожи-
жнымъ столомъ одиноко бодрствуетъ моло-
, чистенькомъ, новомъ мундирчикѣ, торо-
іерелистывающій толстую казенную книгу.
юноша съ красивымъ открытымъ лицомъ,
ръвымъ нѣжнымъ пухомъ, съ ясными голу-
сразу видно, что не первый уже годъ си-
тимъ низкимъ потолкомъ, съ небольшими
не весь день сгибая спину надъ пакетами,
и по ночамъ: свѣжій румянецъ щекъ по-
нездоровой блѣдностью... Нелегко, видно,
днях только полученный, чинъ!

За столомъ для заказной корреспонденціи работа, между тѣмъ, уже въ полномъ разгарѣ. Помощникъ Максименко человѣкъ аккуратный, да ему и нельзя быть инымъ: съ восьми часовъ утра начинаетъ толпиться народъ, просовывая за перегородку письма; а тутъ еще нужно доканчивать запись полученной ночью заказной корреспонденціи. Максименко—худенькій, болѣзненно-блѣдный человѣчекъ съ глубоко ввалившимися, всегда лихорадочно возбужденными, карими глазками; видъ у него заморенный, взглядъ страдальческій... И, однако, нельзя не подивиться неистощимой бодрости этой загнанной рабочей клячи: вѣчно онъ улыбается, то-и-дѣло остритъ надъ собой и надъ другими и работаетъ за двоихъ. Природа, будто, знала, для какой неблагодарной черной работы создаетъ его на свѣтъ, и надѣлила двойнымъ запасомъ жизненной энергіи.

— Я вѣдь трехжильный!—говоритъ про себя Максименко, когда пріятели выражаютъ удивленіе его выносливости, и, должно быть, онъ правъ.

— Эй, Ѳоминъ!—окликаетъ онъ рыженькаго почтальона, продающаго рядомъ съ нимъ марки и поминутно клюющаго носомъ:—что̀, братъ, во снѣ видишь?

— Да что, Николай Иванычъ, —отвѣчаетъ, стараясь подбодриться, Ѳоминъ:—почесть, двѣ ночи глазъ не смыкалъ.

— Это съ чего такъ? На имянинахъ что-ль гулялъ?

— Какія тутъ имянины! Забудешь скоро, какъ и отца-то родного звали, а не то что чужія имена помнить... Третёводни дежурнымъ въ конторѣ былъ, а вчера на желѣзную дорогу не въ очередь послали. И спросить—за что? За то, что прилегъ на сундукъ. Не спалъ—видитъ Богъ, не спалъ, а такъ только прилегъ—спину распрямить. И какъ только услыхалъ, что скрипнула дверь, такъ сейчасъ и вскочилъ на ноги. А это онъ самъ, Дудинъ... Въ три часа ночи заглянулъ, въ туфляхъ, въ халатѣ. „Ты, говоритъ, спалъ!"—„Ей-Богу, господинъ начальникъ, ни однимъ, что есть, глазомъ!"—„А почему же лампа такъ сильно коптитъ?"—„Да онѣ у насъ всегда коптятъ, потому старой конструкціи лампы. Я за лампы не отвѣчаю."—„Можешь молчать. Изволь завтра не въ очередь за почтой ѣхать".

— Такъ почему жъ всю ночь, говоришь, не спалъ? Вѣдь поѣздъ въ двѣнадцать часовъ приходитъ.

— По росписанію оно точно—въ двѣнадцать, а съ опозданіемъ—въ два да въ три ночи. Кажный Божій день опозданіе!

— Не канючь, Ѳоминъ,—отозвался изъ угла долголицый, бѣлоглазый чиновникъ, — теперь за то хоть тепло ѣздить, а вотъ зимой,—дѣйствительно, плохо. Вьюги, заносы... Поѣзда на шесть, на семь часовъ запаздываютъ; изволь все время сидѣть и дрогнуть въ общей залѣ. Когда была одно время

чтовыхъ дежурныхъ особая комната, еще туда-сюда
, какъ отдали ее жандармамъ—хоть пропадай! Я такой,
ревматизмъ схватилъ!
Зотъ, господа, на тотъ свѣтъ отправимся — тогда по
статьямъ искъ предъявимъ!—сентенціозно изрекъ Мак-
о.
Ца ужъ что ни говорите, Николай Иванычъ, а нашей
на свѣтѣ нѣтъ тяжеле!—съ горячностью заговорилъ
:—Въ праздникъ Божій—и то нѣтъ отдыха. Получать
ı въ праздникъ надо, задѣлывать и сдавать также.
по домамъ разнести и въ Свѣтлый Христовъ день
въ заключенье того — никакой, то есть, тебѣ благо-
и! Я, вотъ, сколько времени при Никитѣ Васильичѣ
орѣ проработалъ—довольны были; а Дудинъ пріѣхалъ
тъ опять въ письмоносцы разжаловать!
Іу?!
Только я ужъ на это несогласенъ,—ноги у меня боль-
въ отставку лучше выйду. А и къ вамъ самимъ развѣ
эидирокъ? Гдѣ это видано, чтобъ помощникъ при раз-
писемъ обязательно присутствовалъ? Шутка сказать, съ
совъ утра на службѣ!
Io закону, говоритъ, полагается.
А самъ-то, небось, дрыхнетъ? Про самого законъ не
?
I, Ѳоминъ, не жалуюсь... По мнѣ, рано встать еще
Вскочишь этакъ, ровно встрепаный, на восходѣ сол-
и водой сейчасъ холодной окатишься.. Бр!.. славно!..
служба, говоришь, неблагодарная — такъ и это ты
o: вонъ, смотри, — юноша... Геморроя въ поясницу
ѣлъ еще получить — и ужъ первымъ чиномъ на-
ъ! Ха-ха-ха... Господинъ коллежскій регистраторъ,
уть не губернаторъ! Э, синьоръ Лозяновъ? Что, ножки
тъ послѣ вчерашняго моціона? Вѣдь мы съ вами
десять, пожалуй, отмахали—ась?
Да, пожалуй,—коротко отвѣчаетъ Лозяновъ, красивый
одиноко сидящій у денежнаго стола.
Зотъ вы все говорите — больной я, больной... А смот-
и чуточки не усталъ! Хоть сію минуту въ такое же
ствіе снова готовъ пуститься! А вы и вчера-то чуть не
ли... А? Стыдно, стыдно, юноша! Да-съ... Непремѣнно
еду объ этомъ до свѣдѣнія... гм! гм! однѣхъ... одной...
а полно вамъ, Николай Иванычъ, право, мѣшаете!
Дудинъ, чортъ возьми, придетъ, а у меня тутъ...
у-ну, ладно, не буду... Чины еще получаютъ, язви
аботы не могутъ шутя дѣлать!—ворчитъ Максименко
нуту, дѣйствительно, умолкаетъ.

Хлопотъ у него полонъ ротъ. Обыватели поминутно таскають сегодня письма. Почему бы просто не бросать ихъ въ ящикъ? Такъ нѣтъ! у расейскаго человѣка все еще не хватаетъ къ почтѣ довѣрія; всякій норовитъ приплатить лишнихъ семь копѣекъ, чтобы тотчасъ же по полученіи потерять или даже изорвать росписку. А марки приходится, при этомъ, самому чиновнику наклеивать на письмо. Онъ можетъ, конечно, сказать отправителю: „Потрудитесь“! Но, право же, стошнитъ иной разъ глядѣть, какъ какая-нибудь старушонка, взявъ въ руки марку, положительно не знаетъ, что съ нею дѣлать.

— Куды прикажете, батюшка? Сюды аль сюды?

Досада возьметъ нетерпѣливаго Максименка, выхватитъ онъ изъ дрожащихъ старческихъ рукъ письмо и самъ примется пристраивать марку, по-просту нализывая ее языкомъ. Говорятъ, этакъ можно заразиться, да развѣ есть время заботиться о такихъ нѣжностяхъ!

Почти всѣхъ жителей городка Николай Иванычъ въ лицо *и по имени* знаетъ, и за перегородку то-и-дѣло протягиваются къ нему руки для пожатія, начиная съ затянутой въ лайку ручки провинціальной львицы и кончая грубой мозолистой ладонью мелкаго лавочника.

— Добраго здоровьица, Николай Иванычъ! Въ коптилкѣ своей ужъ засѣдаете?

— Что подѣлаешь, Лука Ильичъ? Дѣла большого не дѣлаемъ, но и отъ службы не бѣгаемъ. Эге, куда письмецо-то засылать изволите: въ Портъ-Артуръ... Прямо сказать — къ чорту на кулички, къ дьяволу на рога. Да, велика ты, наша мать Расеюшка! Ахъ, и вы тутъ, Наталья Сергѣевна? Наше вамъ! Не забываете насъ, грѣшныхъ?

— Какъ поживаете, Николай Иванычъ? здорова ли ваша супруга? Вчера на базарѣ ея не было видно... Что это говорятъ, вы теряете казенную квартиру? (Понижая голосъ). Черезъ новаго начальника? Какая, право, жалость, что Никиту Васильича отъ насъ перевели...

Мимолетная тучка затуманила блѣдное лицо Максименка; онъ, молча, пожалъ плечами и съ улыбкой покосился на выходившаго въ эту минуту изъ боковой двери высокаго господина. Догадливая собесѣдница тотчасъ же сконфуженно ретировалась... И сразу все затихло въ конторѣ. Лозяновъ инстинктивно поглядѣлъ въ окно: въ низенькой комнатѣ стало темно и скучно...

II.

..али о назначеніи начальникомъ почтовой ..) рукамъ служащихъ ходила корреспон... ..инціальной газетки, гдѣ описывалось съ ..мъ и почетомъ провожали его почтовые ..юда, въ которомъ онъ передъ тѣмъ служилъ. ..и упоминалось о слезахъ, о тостахъ, объ... ..зывался другомъ законовъ, отцомъ роднымъ подчиненныхъ.

..овникъ, какъ извѣстно, человѣкъ очень ма... ..абитый и потому очень довѣрчивый. К—цы ..отъ удовольствія: Никита Васильичъ былъ, ..а не человѣкъ, за всю свою службу не только ..ю сказать, и клопа не раздавилъ, однако и ..ается, по счастью, не хуже.

..і почтмейстеръ, наконецъ, пріѣхалъ, чиновники, ..пошли представляться. Прежде всего, ихъ не... ..ала наружность Дудина. Обрюзгшее, изсѣра-зе... ..съ усталымъ, словно померкшимъ взглядомъ и ..пыренными губами дышало холодомъ и непри... ..въ голосѣ звучало что-то бездушное, металли... ..всей фигуры вѣяло тяжелой скукой и размѣрен... ..цимъ педантизмомъ. Чиновники съ недоумѣніемъ ..ались: что жъ это значитъ? Какъ же... корреспон... ..Но у всѣхъ блеснула сейчасъ же успокоительная ..разные, молъ, на свѣтѣ чудаки бываютъ: иной на ..стый звѣрь, а на дѣлѣ—добрѣйшая душа и про... ..ердце, такъ же какъ и наоборотъ. Вѣдь любили жъ ..будь человѣка, провожали за что-нибудь со слезами ..ъ!

..менко разлетѣлся съ обычной добродушной шут...

..росимъ любить насъ да жаловать, Зиновій Михайло... ..ы—ребята простые, и нравы тутъ у насъ простецкіе... ..и объ васъ также хорошаго слышали... Надѣюсь, бу... ..ить въ добромъ товариществѣ.

..инъ съ кислой улыбкой наклонилъ голову.

Имѣю честь съ помощникомъ говорить? Очень радъ. ..вольте, кстати, узнать, на какихъ условіяхъ пользова... ..вы квартирой?

- Какъ это, то есть, на какихъ? опѣшилъ маленькій ..щникъ,—квартирка казенная... Шесть уже лѣтъ живу, ..двухъ начальникахъ.

— Однако, насколько мнѣ извѣстно, помощнику не полагается здѣсь казенной квартиры.

Максименко молчалъ.

— Притѣснять я никого не намѣренъ,—продолжалъ начальникъ,—но... что подѣлаете? Законъ. Впрочемъ, вы будете получать квартирныя... шесть цѣлковыхъ ежемѣсячно.

Одинъ изъ чиновниковъ даже свиснулъ при этихъ словахъ.

— Помилуйте! да у насъ здѣсь и за двойную сумму не сыщешь квартиры для семейнаго человѣка... У Николая Иваныча пять человѣкъ дѣтей... Ему придется пропадать... Словомъ, мы всѣ, его товарищи, будемъ просить васъ... по примѣру предшественниковъ...

Эта краснорѣчивая и горячая тирада принадлежала старшему телеграфисту Буракову, кругленькому господину съ жизнерадостно-розовымъ носомъ и черными, какъ смоль, бакенбардами, придававшими его топорщащейся фигуркѣ довольно независимый видъ. Дудинъ бросилъ на непрошеннаго заступника холодный, недружелюбный взглядъ.

— Слова мои основываются не на капризѣ или придиркѣ... Предшественники мои были одиноки, а у меня семья... Она скоро прiѣдетъ... Квартира эта составляетъ лишь часть моей, и даже кухня у нихъ общая. Ну, да впрочемъ, дѣло касается лишь насъ съ *господиномъ* Максименкомъ (при словѣ господинъ всѣ опять переглянулись), и мы съ нимъ успѣемъ подробнѣе перетолковать. А вотъ вамъ, господинъ старшiй телеграфистъ, я имѣю замѣтить, что вчерашнiй день вы ушли изъ конторы въ десять часовъ безъ семи минутъ,—слѣдственно, раньше законнаго срока. Впредь рекомендую не дѣлать этого.

— Развѣ?—упавшимъ голосомъ спросилъ уличенный обладатель независимыхъ бакенбардъ и жизнерадостнаго носа, и даже поджилки его задрожали отъ недобраго предчувствiя: наканунѣ въ восемь часовъ вечера Дудинъ только что прiѣхалъ и, не смотря на то, уже успѣлъ подмѣтить погрѣшность въ какiя-то семь минутъ!..

Не глядя въ лицо, Дудинъ склонилъ, нѣсколько на бокъ, голову.

— Прежде всего, господа, я требую въ службѣ аккуратности; особенно же не терплю пьянства!—внушительно заключилъ онъ товарищеское собесѣдованiе.

Чиновники, расходясь, искренно негодовали.

— То есть, это просто... это чортъ знаетъ, что такое!

— Прямо хозяинъ съ извозчиками лучше обращается... За-кон-никъ!

— Да, двинетъ онъ насъ въ боковину, по всему видно, что двинетъ!

Іо, господа, какъ же корреспонденція-то? Я вотъ этого у переварить,—кипятился Бураковъ.

Квартирка моя улыбнулась, — мечтательно-добродушно вслухъ Максименко:—что-то запоетъ теперь моя же-

Неужели вы думаете, онъ, дѣйствительно, такая ско-іто прогонитъ васъ?

Если у него точно большая семья... Можетъ быть, это значаетъ еще, что онъ скотина.

Однако, кто же могъ написать такой лживый фелье—продолжалъ недоумѣвать Бураковъ:—вѣдь какъ напио былъ, шельмовство, прямо слезу прошибалъ!

Да что вы со своимъ фельетономъ пристали! Тутъ , можно сказать, во всей своей прелести открывается, намъ какой-то глупый фельетонъ въ носъ тычете!

Нѣтъ, всетаки интересно,—кто могъ написать?

Кто? Да самъ же Дудинъ и написалъ.

Са-амъ?!

пораженный этой простой мыслью, Бураковъ, точно нный, остановился посреди дороги, изобразивъ изъ себя ицательный знакъ.

, другой же день новый почтмейстеръ началъ показывать ически, что онъ отлично умѣетъ быть не только „отроднымъ", но и вотчимомъ. Всѣ конторскіе порядки признаны имъ никуда негодными, книги — веденными жно и неладно, низшіе служащіе—распущенными. Съ нной подозрительностью присматривался онъ къ ихъ цкѣ, а, разговаривая, старался подойти такъ близко, ю хотѣлъ прыгнуть въ самый ротъ для производства и какого-то изслѣдованія. Послѣднее обстоятельство больше смущало письмоносца Бунькова, долговязаго малаго отставныхъ солдатъ, съ багровымъ, какъ свекла, лицомъ сто протодьяконскимъ басомъ. Вытягивая руки по швамъ араясь не дышать, онъ грозно таращилъ на начальника посоловѣлые глаза и рыжіе щетинистые усы и усиленно лся назадъ, тогда какъ Дудинъ придвигался все ближе ядѣлъ, въ свою очередь, все проникновеннѣе и строже.

– Ты у меня смотри!.. — погрозилъ онъ, наконецъ, паль-ь,—чтобъ ничего этого впередъ не было!

– Никакъ нѣтъ, господинъ начальникъ, ничего не бу-ь!—гаркнулъ Буньковъ, спѣша скрыться.

Лозяновъ въ первый же день подвергся выговору за ноніе длинныхъ волосъ; Бураковъ — опять за опозданіе на ь минутъ, съ предвареніемъ, что въ слѣдующій разъ поцуетъ взысканіе. Даже у Максименка ретивый началь-ь попытался отыскать неисправность, заявивъ, что по

счету недостаетъ на 2 р. 50 к. марокъ. Гордившійся своей аккуратностью помощникъ дрожащими руками кинулся провѣрять счетъ и отъ волненія насчиталъ на себя даже бо̀льшую сумму. Дудинъ стоялъ все время возлѣ, и, какъ показалось Максименку, на его пухломъ зеленомъ лицѣ блуждала недобрая усмѣшка. Николай Иванычъ вспылилъ.

— Да уйдите вы ради Бога!—не могу я вѣрно сосчитать, когда вы глядите такими... страшными глазами!

— Однако, какъ вы странно выражаетесь, — съ преувеличенной мягкостью отвѣтилъ Дудинъ, отходя въ сторону.

Марки оказались послѣ этого всѣ на лицо, и Максименко, въ свою очередь, торжествовалъ.

— Ну, и шутникъ же вы, погляжу я, Зиновій Михалычъ! Надо будетъ ужо̀ и надъ вами подшутить.

Дудинъ окинулъ его убійственнымъ взглядомъ.

— Я бы просилъ васъ, господинъ помощникъ, употреблять *болѣе об*думанныя выраженія.

Максименко̀ съ удивленіемъ поднялъ голову: ему казалось, что онъ и такъ не сказалъ ничего обиднаго или безтактнаго. Простой и экспансивный, онъ не въ силахъ былъ сдерживаться, когда на языкъ просилось какое либо замѣчаніе, начальническій же апломбъ отскакивалъ отъ него, точно горохъ отъ стѣны. Дудинъ огрызался, а Максименко въ отвѣтъ на одно слово бросалъ десять. Коса нашла на камень!

Подойдетъ новый почтмейстеръ къ столу помощника, постоитъ, посмотритъ; медленнымъ движеніемъ возьметъ одну изъ свободныхъ книгъ и долго пыхтитъ надъ ней, словно придумывая, какое бы сдѣлать замѣчаніе. Максименко внутренно клокочетъ.

— Вамъ что здѣсь угодно, Зиновій Михалычъ?

Дудинъ продолжаетъ молчать, методически-медленно перелистывая книгу.

— Вы чего ищете?

Опять молчаніе.

— Мнѣ книга нужна! — возвышаетъ помощникъ голосъ, хотя всѣ отлично видятъ, что книга совсѣмъ не нужна ему.— Ежели имѣете что̀ замѣтить, такъ, пожалуйста, поскорѣе... Вы мѣшаете работать!

Дудинъ кидаетъ презрительно-равнодушный взглядъ, но и послѣ того продолжаетъ нѣсколько секундъ молча переворачивать страницы. Наконецъ, не торопясь, кладетъ книгу на мѣсто и, поворачивая спину, сухо говоритъ:

— Не мѣшаетъ писать поразборчивѣе.

Этого только не доставало!

— Я не машина, милостивый государь, — вскрикиваетъ

аксименко и даже косточкой пальца стучить по столу,—я же человѣкъ! Мнѣ въ иной день больше сотни росписокъ приходится написать, да столько же дубликатовъ... И то публика ждетъ—дождаться не можетъ. На этой работѣ двоимъ бы сидѣть, а не одному. Вамъ хорошо говорить: разборчивѣе!..

— Потише, потише, — зловѣщимъ шопотомъ останавливаетъ его Дудинъ и быстрыми кошачьими шагами убѣгаетъ къ себѣ.

И весь день они дуются другъ на друга, а если по какому нибудь неотложному дѣлу нужно обмѣняться парой словъ, то бросаютъ ихъ въ пространство, обращаясь какъ бы къ невидимому третьему лицу.

III.

Подозрительнымъ взглядомъ окинулъ Дудинъ контору изъ-за двери онъ явственно слышалъ веселый голосъ помощника, который при его появленіи сразу смолкъ. Озабоченно склонились надъ столами и лица другихъ служащихъ, передъ тѣмъ бывшія, очевидно, ясными и безпечными. Исторія эта, повторяющаяся неизмѣнно вотъ уже двѣ недѣли, невыносимо раздражаетъ новаго почтмейстера: не потому прицѣпились подлецы, что боятся, а потому, что—не любятъ!.. Но почему же тамъ, на прежнемъ мѣстѣ, его любили? За что тутъ возненавидѣли? Какъ могъ онъ иначе повести себя здѣсь, на бойкомъ почтовомъ пунктѣ, гдѣ столько работы и столько отвѣтственности, гдѣ служащіе, какъ его заранѣе предупреждали, были такъ невозможно распущены прежнимъ добродушнымъ начальникомъ? Ему вовсе не улыбалась перспектива попасть подъ судъ и оставить семью нищей... Однако, съ другой стороны, что же такого и худого онъ всѣмъ имъ сдѣлалъ? За то только не взлюбили, что онъ требуетъ честной, исполнительной службы, за то, что не гладитъ по головкѣ лѣнтяевъ, неряхъ и пьяницъ, за то, что общественный интересъ ставитъ выше частныхъ отношеній, за то, что... Ахъ, мерзавцы, мерзавцы! Такъ бы и треснулъ всѣхъ васъ по рожѣ!

Желчь моментально заклокотала въ немъ, и всегда зеленое лицо стало еще зеленѣе. Ему захотѣлось немедленно кого-нибудь уличить въ неисправности. Въ передней бросился ему въ глаза маленькій письмоносецъ Коровкинъ, который, кряхтя, натягивалъ на спину тяжеловѣстную сумку.

— Какъ! ты еще здѣсь? До сихъ поръ копался?

— Да и Буньковъ сейчасъ только вышелъ, господинъ

начальникъ, потому писемъ было огромадное множество, насилу разобрали.

— Что?! Да развѣ вы по утрамъ почту разбираете?

— Такъ точно-съ. Почта въ двѣнадцать часовъ ночи приходитъ, и прежній начальникъ Никита Васильичъ распорядились, чтобъ разборка дѣлалась въ шесть утра.

— Господинъ помощникъ, это что же такое? Почта лежитъ у васъ неразобранной цѣлыхъ шесть часовъ? Въ первый разъ слышу.

— Да, лежитъ. А какъ же прикажете? Людямъ тоже, я думаю, лежать полагается ночью.

— Можетъ быть, вашъ каламбуръ и остроуменъ, но онъ не отвѣтъ на вопросъ. Подобныхъ порядковъ я не могу допустить! Эка бѣда, подумаешь, два часа поработать ночью. Въ кабакахъ и ночью можно сидѣть, а работать нельзя?

— Кто же меня въ кабакахъ когда видѣлъ?—обиженно проворчалъ Коровкинъ.

— Что, что, что?—зашипѣлъ Дудинъ, наступая,—ты разговаривать? Да ты и сейчасъ-то не пьянъ ли, братецъ? Ну-ка, ну-ка, покажись сюда... Молодецъ! шатаешься?

— Шутить изволите, господинъ начальникъ... Въ сумкѣ-то, поди, полтора пуда есть.

— А въ Коровкинѣ и въ самомъ трехъ съ половиной нѣтъ,—ядовито вставилъ Максименко.

Онъ не утерпѣлъ и поднялся со стула.

— Да вы поглядите лучше, въ чемъ душа въ этомъ человѣкѣ держится... Эхма! голоднаго отъ пьянаго отличить не умѣете! Вѣдь у него чахотка... Вѣдь ему лѣчиться надо, а не по ночамъ бодрствовать за несчастныхъ семнадцать рублей, на которые надо содержать семью...

Коровкинъ, какъ-бы въ подтвержденіе этихъ словъ, вдругъ страшно закашлялся и, прислонившись спиной къ стѣнѣ, отчаянно схватился рукой за тощую, впалую грудь. Блѣдное, изнуренное личико покрылось потомъ и багровыми пятнами, а глаза точно собирались выскочить изъ орбитъ.

Дудинъ отвернулся.

— Прекрасныя чувства, но только служба, къ сожалѣнію, не богадѣльня, и я не могу держать ни пьяныхъ, ни больныхъ.

— Да вѣдь если не предъявлять невозможныхъ требованій, такъ онъ не хуже здороваго исполняетъ свое дѣло,— продолжалъ горячиться помощникъ.—Вѣдь этакъ и насъ съ вами нужно выбросить за бортъ, потому что, кажется, оба мы тоже того... чахоточные?

— Неумѣстныя сравненія, — пробурчалъ Дудинъ. — А въ

концовъ, выходитъ, я вижу, что подчиненный здѣсь
другіе...
Ну, кто васъ подчинитъ, батенька, этакого... жел-лѣз-
кал-листаго?
Позвольте, однако, господинъ Максименко... Это что же
Вы... вы сами-то въ какомъ сегодня видѣ?
Вотъ, вотъ, въ самую, то есть, точку угодили! И зор-
у васъ на этотъ счетъ глазокъ! Мы съ Лозяновымъ
самымъ вашимъ приходомъ одну бутылочку разда-
Хе-хе-хе! заслышали ваши шаги и спрятали въ шкапъ.
еловѣсный Дудинъ таращилъ глаза, пыхтѣлъ и не
что дѣлать. Способности язвить словами у него не
онъ умѣлъ только обухомъ по головѣ бить), а гене-
й тонъ не оказывалъ на чудаковатаго Максименка
ѣйшаго дѣйствія, и это его положительно обезкуражи-
Оставалось одно: затѣять скандалъ, донести высшему
ству... Но о чемъ же, собственно, донести? Какъ бы
еще въ дуракахъ не очутиться? Максименко—чи-
ь заслуженный, самъ давно уже кандидатъ на мѣсто
йстера.
евавъ губами, онъ, поэтому, смолчалъ и грузно опу-
въ кресло.
Вы что же пропустили пакетъ казенный палаты?—окры-
онъ вдругъ на Лозянова.
Для казенныхъ пакетовъ у насъ вѣдь особая книга.
Особая, особая... То—само собой, но и въ общую слѣ-
все заносить!
При Никитѣ Васильичѣ этого не дѣлалось.
Мало ли чего тамъ у васъ не дѣлалось! Пожалуйста,
те мнѣ больше въ носъ вашимъ Никитой Васильи-
не имѣлъ чести его знать, да и надобности ника-
имѣю... Я руковожусь единственно циркулярами выс-
чальства, до которыхъ вамъ, повидимому, нѣтъ дѣла.
мнѣ это вѣчное „у насъ такъ дѣлалось“. Смѣетесь
надо мной, что ли? Подчиненные должны съ одного
адывать волю начальства, а я вамъ по десяти разъ
повторяю одно и то же. Напримѣръ: не люблю и не
у себя въ конторѣ пьяницъ!
новій Михалычъ, ко мнѣ это не имѣетъ отношенія.
вотъ Бунькова я опять пьянымъ видѣлъ; разитъ,
винной бочки... Навѣрное, онъ и письма затериваетъ.
лобъ до сихъ поръ не поступало.
поступало, не поступало! Опять вы за свою пѣсню:
итѣ Васильичѣ“. Да что мнѣ за дѣло до вашего
асильича и до того, что у васъ до меня было? Я
астоящее да за будущее отвѣчаю. До сихъ поръ

все благополучно обходилось, а вдругъ — сегодня же или завтра поступятъ жалобы? Вдругъ... чей-нибудь доносъ? Что тогда? Кто будетъ въ отвѣтѣ? Вамъ, что-ли, слезы лить придется? Да вы еще, навѣрное, рады всѣ будете, ежели надо мной бѣда стрясется... Я вѣдь знаю, какого вы обо мнѣ мнѣнія: я несправедливо къ вамъ придираюсь, отравляю вамъ жизнь мелочами, трусостью... А не подумаете о томъ, какъ *вы* мнѣ жизнь отравляете! Я тамъ, на прежнемъ-то мѣстѣ, счастливымъ человѣкомъ былъ: тамъ всего три раза въ недѣлю почта получалась, здѣсь же минуты нѣтъ покойной... Здѣсь кусокъ хлѣба въ горло нейдетъ, я сна лишился отъ тревоги и вѣчнаго страха...

— Да вы больной человѣкъ, вамъ бы полечиться!—не отрываясь отъ работы, бросаетъ изъ-за своего стола Максименко.

Дудинъ на минуту умолкаетъ и только сопитъ носомъ. Входятъ посторонніе люди, и отвѣчать неудобно: да и стоитъ ли связываться съ нахаломъ и грубіяномъ?

Какая-то чуйка протягиваетъ за перегородку конвертъ съ деньгами и суетъ также въ руку крошечный кусокъ сургуча.

— Не лѣзь, вижу... Возьму самъ, когда придетъ время. Охъ, и народецъ же! Да это что за сургучъ ты мнѣ подаешь?

— А это, видите ли, господинъ почместеръ, свой сургучикъ. Потому пять копѣекъ намъ вѣдь—разсчетъ.

— Тебѣ-то разсчетъ, а какъ думаешь, мнѣ разсчетъ обжечь руку объ такой огрызокъ?

Лозяновъ торопливо беретъ сургучъ и бросаетъ въ кучу другихъ мелкихъ обрывковъ.

— Ничего, можно спаять.

Дудинъ переноситъ на него свой тяжелый взглядъ.

— Поблажайте—на шею сядутъ.

Чуйка глубоко вздыхаетъ.

Наконецъ, пробило двѣнадцать часовъ, и Дудинъ ушелъ къ себѣ завтракать. Тотчасъ же все свободно вздохнуло, зашумѣло.

— Ну, что синьоръ Лозяновъ, опять сегодня пропутешествуемъ?—расправляя спину, спрашиваетъ Максименко и, въ предвкушеніи пріятной загородной прогулки, сладко улыбается.

— А о восточной почтѣ забыли?—вмѣшивается рыженькій Ѳоминъ.

— О какой такой почтѣ? Фу ты, чортъ, и вправду забылъ, что сегодня—четвергъ. Въ седьмомъ часу почту разбирать!.. Развѣ что, на счастье, маленькая будетъ.

— Да и мнѣ, Николай Иванычъ, не съ руки сегодня

путешествовать: я вѣдь ночью на желѣзную дорогу поѣду за почтой,—такъ не мѣшаетъ, на случай, соснуть вечеркомъ...

— Ну, ужъ этому-то позвольте, синьоръ, не повѣрить! твяжетесь отъ меня, пойдете, якобы, соснуть да, глядишь, очутитесь у моихъ дамъ... Чортъ знаетъ, что такое! И что охота просиживать цѣлые вечера въ душной комнатѣ и птать съ барынями о разныхъ тамъ выспреннихъ вздорахъ— родствѣ душъ, о Бисмаркѣ, объ узорахъ для вышиванія?.. Карія глазки Максименка лукаво искрятся, наслаждаясь ущеніемъ юнаго пріятеля.

— Ну, ужъ узорами-то, — ошибаетесь,—Ольга Николаевна станетъ интересоваться!

— Да, конечно!.. Не даромъ, когда я при вашихъ бесѣ- ъ присутствую, у меня ротъ на части разрывается... отъ оты. Ну, а вы уши развѣшиваете!

— Къ сожалѣнію, Николай Иванычъ, и мое развитіе слиш- ъ ничтожно для разговоровъ съ такой образованной дѣви- какъ Ольга Николаевна... Оно и хотѣлось бы иной разъ ую книжку прочесть, узнать, что на бѣломъ свѣтѣ дѣ- ся, такъ вѣдь когда же? Сами видите. Ну, вотъ и тся уши развѣшивать, какъ вы выражаетесь.

- Не говорите только въ глаза ей такихъ словъ: въ ъ испортите мнѣ дѣвчонку похвалами!

Да ваша дочь въ какомъ классѣ-то?—полюбопытство- Ѳоминъ.

Въ томъ-то и горе, голубчикъ, что ужъ гимназію кон- Не-вѣ-ста!.. А, да вотъ и сама Мелитриса Кирбитьевна на поминѣ!

йствительно, въ эту минуту въ контору впорхнула кая, стройная дѣвушка лѣтъ шестнадцати, съ тяже- штановой косой, съ умнымъ миловиднымъ личикомъ, и проворная, какъ птичка. Точно солнечный лучъ я въ комнату и внесъ съ собою оживленіе и радость. юва задвоилось въ глазахъ, и сердце засосала не- і сладкая боль...

ро повернувшись во всѣ стороны и убѣдившись, что чихъ нѣтъ, Оля шумно влетѣла за перегородку и ла Максименка въ лобъ.

почка, милый, мы еще и не видались сегодня! Я гда ты ушелъ.

за то теперь вдвойнѣ бодрствуешь. Потише, по- авишь меня... Да и пора бы знать тебѣ, что входъ ятилище возбраняется вашему легкомысленному і увидитъ Дудинъ...

же онъ посмѣетъ сказать мнѣ?

-то онъ ничего не соблаговолитъ сказать, а скажетъ

нѣсколько прочувствованныхъ словъ папенькѣ. Нѣтъ, правда,—убирайся-ка по-добру, по-здорову, дочурка. Мѣшаешь работать.

— Уберусь, но только съ тобой вмѣстѣ. Пойдемъ, папа, завтракать. Ахъ, какой ты блѣдный, усталый!

— И некогда, голубчикъ, и охоты нѣтъ. Вонъ лучше того молодого человѣка подцѣпи: вѣдь это онъ отъ голода, надо думать, такъ покраснѣлъ и глаза выпучилъ.

— Ахъ, и вы, Григорій Андреевичъ, здѣсь?

— Не замѣтила раньше... Какова дипломатія!

— Ну, онъ и безъ моего завтрака живъ останется, а вотъ тебѣ, папушечка, надо беречь силы. Словомъ, если не пойдешь, я буду виснуть на твоей шеѣ, пока Дудинъ не вернется.

— Съ тебя станется, чертенокъ... Ну, пойдемъ, пойдемъ, что подѣлаешь! Пропущу стакашку чаю. — Эге, синьоръ, — вставая, обратился Максименко, шутя, къ Лозянову, — какъ это вы пишете? Книга-то у васъ кверху ногами?..

Смущенный Лозяновъ поднялъ умоляющій взглядъ, а Оля, точно и не слышавъ ничего, выскользнула изъ рукъ отца и побѣжала домой готовить завтракъ. Въ другую дверь осторожными, мягкими шагами входилъ Дудинъ, зорко вглядываясь, по обыкновенію, въ лица чиновниковъ.

— Змѣй Горынычъ,—довольно явственно прошепталъ Максименко.

И всѣмъ показалось опять, что солнце скрылось въ окнахъ.

— Николай Ивановичъ, у меня къ вамъ дѣльце-съ, неожиданно обратился къ помощнику начальникъ, и это внезапное обращеніе по имени и отчеству ужасно всѣхъ удивило. Въ довершеніе идилліи онъ взялъ Николая Иваныча за талію и повелъ къ двери.

— Что случилось?—процѣдилъ сквозь зубы Максименко, не совсѣмъ деликатно высвобождаясь изъ начальническихъ объятій, вызывавшихъ въ немъ чувство гадливости.

— Ничего, ровно ничего, пожалуйста, успокойтесь! Я все насчетъ квартирки-съ... Въ субботу пріѣдетъ жена... Согласитесь, что въ одной берлогѣ двумъ медвѣдицамъ не житье.

— Отлично рекомендуете вы свою супругу.

— Такова пословица... Двѣ женщины — будь онѣ даже ангелы — при одной кухнѣ ужиться не могутъ. Это законъ природы. Будетъ адъ, а не жизнь!

— Да чего вы такъ уговариваете меня, почтеннѣйшій? Вѣдь дѣло это давно рѣшенное. Всѣ эти двѣ недѣли я каждый день высматриваю себѣ квартиру.

— Да? Но вы бы поторопились, голубчикъ!

— Ничего не могу сыскать. Вотъ черезъ мѣсяцъ освободится одна подходящая.

— Какъ черезъ мѣсяцъ?! Этого я не могу... Это...

...е безпокойтесь! Я говорилъ съ женой, и она не станетъ пользоваться вашей кухней.

...кухнѣ одной дѣло-съ! Мнѣ тѣсно будетъ... У ...! Я еще разъ вынужденъ поставить вамъ, милостивый государь, на видъ, что помощнику не полагается квартиры. Вы не можете сказать, что я требую без-...

...что же — на улицѣ прикажете мнѣ съ семьей ... Мнѣ и безъ того казусъ этотъ солонъ приходится... квартира съ дровами, самая даже скромненькая, ...одиться мнѣ въ двѣ десятки, чуть не половину ...ванья...

...же дѣлать прикажете? Ну, вотъ что. Въ до-...съ квартирнымъ, я изъ собственнаго своего жало-...у вамъ ежемѣсячно... ну, два рубля давать. При-... какъ товарищескую... гм! гм! ну, вообще, какъ ...ивую комбинацію. Увѣрьтесь, что я тоже человѣкъ!

...именко разсмѣялся.

...ѣтъ, ужъ увольте, почтеннѣйшій... Поздненько до-...ь до человѣчества, благодарю. Авось и безъ вашихъ ...рублей обойдусь.

...Такъ и зналъ, — позеленѣлъ весь Дудинъ, — амбиціи ...омъ много... Ну, какъ хотите.

...обесѣдники сухо разстались.

IV.

...иколай Иванычъ проснулся среди ночи отъ какого-то ...ннаго стѣсненія въ груди; хотѣлъ глубоко вздохнуть и ... не крикнулъ отъ боли, которую вдругъ ощутилъ въ ...вомъ боку. Онъ поспѣшно повернулся на другой бокъ, ...ая, что причина боли — неловкое положеніе, но внутри ...-то кольнуло опять съ такой силой, что онъ со стономъ ...кочилъ на ноги. И внезапно почувствовалъ дрожь во всемъ ...лѣ... сердце замерло въ немъ отъ страха: значитъ, онъ ...лёнъ! Единственная опора семьи, онъ станетъ на время ...езсильнымъ, безполезнымъ инвалидомъ! Какой жестокій ...даръ готовится дорогимъ людямъ... Нѣтъ, нѣтъ, надо сдер-...жать рвущійся стонъ, пускай они спятъ, пускай хоть до утра ничего не узнаютъ!

Но за перегородкой кто-то пошевелился; кто-то, должно быть, услыхалъ уже его сдавленные стоны.

— Папочка, это ты? Что съ тобой?

Николай Иванычъ притихъ, пытаясь притвориться спящимъ; но вдругъ имъ овладѣлъ такой пароксизмъ озноба, что зубы

стали громко стучать одинъ о другой... Черезъ минуту у его постели уже стояли жена и дочь. Наскоро одѣтыя, блѣдныя, встревоженныя, онѣ укрывали его одѣялами, осыпали вопросами. Госпожа Максименко, еще не совсѣмъ проснувшаяся, повторяла растерянно одну и ту же фразу:

— Господи, съ чего же это? Вѣдь съ вечера ты былъ совершенно здоровъ, Коля?

— Мама, надо поставить горчишники,—заявила энергичная Оля, любившая всегда дѣйствовать, а не причитать и охать.

И, быстро накинувъ на плечи шубку, побѣжала тотчасъ въ аптеку.

Она сама дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Недавно выпавшій снѣгъ мягко хрустѣлъ подъ ногами. Морозная звѣздная ночь тихо плыла надъ крѣпко спавшимъ городкомъ. Лишь гдѣ-то въ отдаленіи тявкала неугомонная собака да раздавалась трещотка ночного сторожа. Дѣвушка инстинктивно подняла голову вверхъ, туда, гдѣ торжественно—спокойно сіяли звѣзды; передъ этой величавой картиной она чувствовала себя маленькой безпомощной дѣвочкой и, ускоряя шаги, почти вслухъ повторяла:

— Звѣздочки, ясныя, милыя... спасите папу!

Она сама не отдавала себѣ отчета, почему именно сегодня охвачена была такимъ мрачнымъ предчувствіемъ: вѣдь съ отцомъ не въ первый разъ случаются подобные припадки, онъ всегда отличался слабостью и болѣзненностью. Но сегодня ей почудилось въ этой неожиданной болѣзни что-то особенное, роковое... Жуткой, почти зловѣщей казалась ночная тишина, грозными—безмолвныя, яркія звѣзды, высоко стоявшія надъ головой, и съ губъ противъ воли срывалась молитва...

Бѣдная мама! она и безъ того не осушала послѣднее время глазъ... Неужели жъ и въ самомъ дѣлѣ никогда не вырваться имъ изъ когтей нищеты и несчастія?

Какими жалкими, безсильными представлялись теперь Олѣ мечты о поѣздкѣ въ Петербургъ, о дальнѣйшемъ образованіи, о свѣтломъ будущемъ всей семьи, а вѣдь вчера еще это были, казалось, не пустыя мечты и слова. Въ началѣ осени, съ потерей казенной квартиры, бюджетъ семьи сразу уменьшился почти вдвое, и разъ ночью Оля сдѣлала печальное открытіе, что мать, тайкомъ отъ мужа и дѣтей, принялась сама за стирку бѣлья, — она, такая нѣжная, слабая, непривычная къ черной физической работѣ! Всю ночь проплакала тогда Оля, и на другой же день энергично принялась за отыскиваніе уроковъ. Какое счастье испытывала молодая дѣвушка, вручая отцу свои первыя заработанныя деньги!

— Папочка, да почему же ты, какъ будто, недоволенъ?

Развѣ я не обязана помогать тебѣ, и развѣ это для меня не величайшее наслажденіе, не высшая честь?

Должно быть, слова эти сказаны были съ большимъ чувствомъ, съ большимъ убѣжденіемъ, потому что отецъ не сталъ спорить и выразилъ только опасеніе, что бѣготня по урокамъ можетъ вредно отозваться на ея здоровьи и собственныхъ занятіяхъ. Но она вѣдь такая здоровая, сильная! И будущее рисовалось въ такомъ лучезарномъ свѣтѣ!

Но вотъ налетѣлъ шквалъ, и точно карточный домикъ, разрушены золотыя мечты... Дрожащими руками Оля изо всѣхъ силъ дернула звонокъ у подъѣзда давно уже запертой, темной аптеки. Звонить пришлось очень долго; подошелъ, наконецъ, сторожъ и, объяснивъ, что звонокъ оборванъ, принялся стучать въ дверь кулакомъ...

Въ досадѣ на потраченное время, въ тревогѣ, дѣвушка летѣла назадъ, какъ на крыльяхъ. Вотъ, наконецъ, и мрачный силуэтъ ихъ дома. Не этотъ ли сырой, холодный домъ и былъ причиной того, что отецъ свалился?..

Въ одномъ изъ оконъ свѣтился огонь, двигалась чья-то тѣнь. Отъ волненія у дѣвушки подкашивались ноги; она дѣлала громадныя усилія воли, стараясь прогнать черныя мысли и нарисовать успокоительную картину. Въ дверяхъ ее встрѣтитъ блѣдная, но облегченно улыбающаяся мать и скажетъ:

— Отецъ заснулъ, ему лучше. Я думаю, къ утру все пройдетъ.

А сердце учащенно колотилось въ груди и твердило съ непонятно-злобнымъ упорствомъ: „Нѣтъ, нѣтъ, не пройдетъ! Нѣтъ, нѣтъ, не пройдетъ!“

На порогѣ показалась мать — дѣйствительно, блѣдная, измученная.

— Наконецъ-то... Какъ ты долго, Оля! Отцу очень плохо.

— Плохо?..

— Да. Боль ослабѣла, и ознобъ прошелъ, но за то голова, какъ въ огнѣ!

— Доктора бы надо...

— Гдѣ же теперь, ночью? Утромъ пойдешь въ гимназію забѣжишь къ Лозянову—онъ кого-нибудь найдетъ.

— Да, Лозяновъ... Онъ любитъ папу,—задумчиво сказала дѣвушка, торопясь къ отцу.

V.

Потянулись мрачные, печальные дни. Докторъ опредѣлилъ воспаленіе легкихъ и сказалъ, что самое опасное время болѣзни—первые семь дней. Бѣдной Олѣ пришлось особенно тяжело, такъ какъ съ ранняго утра до поздняго вечера она должна была находиться внѣ дома, — то въ гимназіи, то у своихъ учениковъ; отца удавалось видѣть лишь изрѣдка, мелькомъ. Поэтому, возвращаясь домой, она съ усиленно бьющимся сердцемъ отворяла каждый разъ дверь.

— Ну, что? Какъ папа?

— Все то же, Оленька, — неизмѣнно-печально отвѣчала мать, а иногда прибавляла:—Очень, очень худо!

И заливалась слезами...

У дѣвушки опускались руки, и она сама едва удерживалась отъ рыданій; однако, тутъ же вспоминала, что не имѣетъ права поддаваться малодушію, что послѣ отца она—главная опора семьи, и на ней лежатъ серьезныя обязанности.

Въ ея отсутствіе особенный мракъ царилъ въ домѣ. Больной или непрерывно кашлялъ и охалъ, или находился въ забытьи; младшія дѣти, спроваженныя въ самую крайнюю комнату, ссорились между собою, а хозяйка возилась въ кухнѣ. По нѣскольку разъ на день забѣгалъ Лозяновъ, и тогда она изливала передъ нимъ свои жалобы на горькое житье. Слова тихо и мѣрно барабанили, какъ грустный осенній дождь по крышѣ, вызывая въ слушателѣ чувство глубокаго унынія.

— Заложить больше ужъ нечего. Одна только серебряная ложка и осталась... для самого... чтобъ не догадывался. Моя шуба такъ, должно быть, и пропадетъ въ закладѣ, а его—боюсь всетаки относить.

— Почему? Мѣсяца полтора ужъ во всякомъ разѣ не понадобится.

— Кто знаетъ, Григорій Андреевичъ. А потомъ-то какъ? Думаете, выкуплю? Чѣмъ? Оленька и такъ, боюсь, въ конецъ изведется съ этими уроками. Одна вѣдь и опора у насъ, что она да... вы.

— Ну, я-то что же?—смущенно возражалъ молодой человѣкъ.

— Да какъ же? Не вы бы, такъ ни одна, пожалуй, собака и не вспомнила про насъ. Вы и доктора розыскали, вы и...

— Стоитъ ли о такихъ пустякахъ вспоминать, Анна Ивановна. Но противъ другихъ почтовыхъ служащихъ вы грѣшите. Повѣрьте, всѣ ужасно жалѣютъ Николая Иваныча, и

.къ потому только, что знають о моей
ьѣ. Служба, знаете... Каждому недо-
жизнь бьется, какъ рыба объ ледъ!..
iй Андревичъ, слова одни—это ихъ
конечно, особый ото всѣхъ человѣкъ,
ваныча...
зановна, я все собираюсь сказать вамъ...
Николая Иваныча товарищескій сборъ...
уже шестьдесятъ четыре рубля, а всего,
я сто.
й Андреевичъ?..
нѣтъ! Затѣялъ это Бураковъ.
;то покраснѣла и нѣкоторое время мол-

ьдили... Ну спасибо имъ! Не безъ доб-
на свѣтѣ...
тора—два года Лозяновъ былъ такимъ
Iаксименковъ, что всѣ они привыкли
ъ на близкаго родственника. Какъ и
лѣзнь Николая Иваныча повела къ еще
Теперь всѣмъ въ домѣ, словно, недо-
Гриша (такъ иногда фамильярно звали
чему-либо утромъ, идя на службу, за-
звращаясь домой обѣдать, и, наконецъ,
окончаніи служебныхъ дѣлъ и заботъ.
ь томительномъ безпокойствѣ. На седь-
сіяющимъ лицомъ объявилъ Аннѣ Ива-

ъ... Дайте ему хорошенько выспаться и
и себя: кризисъ миновалъ благополучно!
теперь прямо сказать,—была очень ве-
анизмъ сильно истощенный и легкія,
раньше не совсѣмъ были въ порядкѣ.
льнымъ уходъ и уходъ! Мѣсяца два, по
ного шагу за порогъ комнаты—видите,
озцы постукиваютъ. На дому работать,
ке дозволяйте возможно меньше... Глав-
превосходное питаніе. Кормите сочными
імъ бульономъ, яйцами... Не мѣшаетъ,
инцо, а послѣ и квартирку бы получше

елъ съ пріятнымъ сознаніемъ, что спасъ
нна же Ивановна, по женскому обыкно-
кать... на этотъ разъ, надо полагать, отъ
Оля и, услыхавъ счастливую новость,
ери на шею.

— Тише, сумасшедшая, разбудишь! Дѣтишекъ я и то ужъ на улицу выгнала.

Въ сосѣдней комнатѣ, дѣйствительно, послышалось движеніе, кашель—больной проснулся.

— Нюша, ты здѣсь? Кто тамъ съ тобой? Не вы ли, друже Лозяновъ?

Возлѣ кровати уже стояла на колѣняхъ Оля, цѣлуя отцу руки; съ порога радостно улыбались Анна Ивановна и Гриша.

— Папочка, ты спасенъ! Докторъ сказалъ—кризисъ!

VI.

Побѣда не была, къ сожалѣнію, полной. Николай Иванычъ поправлялся очень медленно и все время не переставалъ кашлять. Врачъ, время отъ времени посѣщавшій его, покачивалъ головой и загадочно молчалъ.

На минуту лишь вспыхнула радость, и домъ опять погрузился въ мракъ и уныніе. Лозяновъ, повидимому, не безъ сожалѣнія сократилъ свои частые визиты, и только по вечеромъ являлся неизмѣннымъ посѣтителемъ.

— Ну, что, каковъ сегодня Николай Ивановичъ? Уже спитъ? И дѣти спятъ? А... Ольга Николаевна дома?—съ замираніемъ сердца спрашивалъ онъ добродушную Анну Ивановну и пугался, получая отрицательный отвѣтъ.

— Такъ поздно? Гдѣ жъ это она? Развѣ пойти на встрѣчу?

Но раза два онъ уже получилъ изрядную головомойку за подобныя встрѣчи: Оля не любила, чтобы на нее глядѣли, какъ на барышню, которой нужны провожатые.

Гриша входилъ поэтому на цыпочкахъ въ гостинную и, усѣвшись въ уголку на продавленномъ диванѣ, выслушивалъ безконечныя финансовыя іереміады хозяйки дома. Если не спалъ самъ Максименко, то вечеръ проводили въ его спальнѣ.

— Что новенькаго?—съ живостью спрашивалъ Николай Иванычъ.—Что наша дудà? Все тѣ же пѣсни наигрываетъ?

— Вчера прогналъ Бунькова за пьянство.

— Тэкъ-съ...

— А на дняхъ у насъ Коровкинъ, должно быть, съ ногъ свалится. Утромъ я встрѣтилъ его на улицѣ. Вьюга ужасная, и тридцать градусовъ мороза; а онъ въ осеннемъ, знаете, пальтишкѣ... Уши обвязаны платочкомъ, лицо посинѣло... Глядѣть даже жутко! Идетъ съ сумкой черезъ плечо, насилу ноги изъ снѣга вытаскиваетъ... Пошли рядомъ. Второй, говоритъ, день то въ ознобъ, то въ жаръ кидаетъ... Чего жъ ты, спрашиваю, молчишь? Вѣдь и скотину больную на работу

выгоняютъ? „Да какъ, говоритъ, скажешь? Подойти страшно“. ...кое безотвѣтное существо!

— Всѣ къ тому же идемъ! Всѣмъ одинъ конецъ,—замерзнуть подъ заборомъ, или съ голоду подохнуть въ подвалѣ ...нищей семьей!—глубоко вздыхалъ въ отвѣтъ Максименко, радостное оживленіе его исчезало. Онъ падалъ на подушку закрывалъ глаза.

— Вотъ погодите,—утѣшалъ его Лозяновъ,—я въ газетѣ ...ера вычиталъ, есть проектъ и на нашего брата вниманіе ...ратить. Жалованье имѣется въ виду на цѣлую треть намъ ...высить.

Максименко съ сердцемъ махалъ рукой.

— Это не въ той ли газетѣ напечатано, гдѣ Дудина отцомъ ...днымъ называли? И вы повѣрили? Эхма! Я восемнадцать ...этъ по почтовому вѣдомству служу; все объ этихъ проек...хъ пишутъ и пишутъ, а намъ все солонѣй да солонѣй при...дится! Никогда этого не будетъ, чтобы насъ, маленькихъ ...одишекъ, за настоящихъ людей признали, ужъ повѣрьте ...оей опытности! Что вѣдь ужъ, кажется, нужнѣе сапоговъ ...юдямъ? А кто же, скажите, сапогъ уважаетъ?

Больной начиналъ сильно волноваться, и Лозяновъ не...ѣдко каялся, что заводилъ разговоръ на такую щекотливую ...ему, какъ положеніе почтовыхъ служащихъ. За время болѣзни ...аксименко, казалось, безслѣдно утратилъ прежнюю безпеч...ую жизнерадостность; сталъ ворчливъ и раздражителенъ, и ...дна Оля еще умѣла вызывать на его мрачное лицо улыбку. ...озянову чудилось даже, что и къ нему самому Николай ...вановичъ относится уже не съ прежней любовью и добро...душной шутливостью; а раза два онъ поймалъ прямо таки ...едружелюбный взглядъ, казалось, говорившій:

— И зачѣмъ ты сюда таскаешься? Безъ тебя тошно.

Что ни скажетъ Лозяновъ, что ни сдѣлаетъ, Максименко всегда имъ недоволенъ, всегда норовитъ ядовито вышутить, ...а не то—такъ и грубо оборвать.

— Эхъ, понесли околесицу! Уши вянутъ... И всегда, вотъ, такъ... Ужъ молчали бы лучше!

Юноша вспыхнетъ и быстро взглянетъ на Олю, какъ бы обращаясь къ ея посредничеству: что же онъ сказалъ такого глупаго? За что его оскорбляютъ?

Но дѣвушка смотритъ въ сторону, и по ея сдержанному виду трудно даже опредѣлить, слышала она или нѣтъ слова отца. Ея отношенія къ Гришѣ отличаются прежней дружеской теплотою; она такъ крѣпко пожимаетъ ему руку, такимъ свѣтлымъ взоромъ глядитъ въ его затуманенные глаза. Но мнительному влюбленному сердцу и тутъ уже чуется горькая перемѣна... „Нѣтъ, она сознаетъ свое превосходство... Я

былъ-бы смѣшонъ ей съ моими безумными мечтами и надеждами!“ съ тоской думаетъ юноша, глядя на стройную, маленькую фигурку съ ясными глазами, въ которыхъ читается столько гордости...

Съ особенной болью запечатлѣлся въ памяти Лозянова одинъ вечеръ. Въ присутствіи жены и дочери онъ сообщилъ Максименку о предстоящей свадьбѣ одного молодого телеграфиста. Неожиданно Максименко вскочилъ съ мѣста и съ злобно искаженнымъ лицомъ такъ стукнулъ кулакомъ по столу, что чайная посуда задребезжала.

— Это гадость и свинство!

Лозяновъ поглядѣлъ кругомъ съ недоумѣніемъ.

— Плодить нищихъ!.. Что? Молчите—глупость, навѣрное, скажете. Любовь? Эка, подумаешь, штука! Романей разныхъ начитались... Да съ любовью развѣ ѣсть не захочешь? Въ шалашѣ станешь жить? Идіоты! Наслѣдственнаго ни у него, ни у нея, а жалованья двадцать три рубля... Даже свадьбу придется, значитъ, въ долгъ справлять. Нѣтъ, свинство, повторяю, и ничего больше. Вы чего глядите такими глазами? Хотите напомнить, что я самъ женатъ? Да, женатъ. Да, тоже поступилъ когда-то, какъ послѣдній дуракъ и свинья. Когда изъ почтальоновъ,—вотъ какъ вы же,—въ чи-но-вни-ки произведенъ былъ, такъ думалъ—до фельдмаршала дойду... Ну, вотъ и дошелъ!

— Значитъ, большинству рода человѣческаго не слѣдуетъ вовсе жениться?

— Опять глупый вопросъ. Большинство рода человѣческаго заработываетъ себѣ хлѣбъ чернымъ физическимъ трудомъ и имѣетъ крѣпкія, здоровыя, умѣлыя руки. А вы что? Ни въ тѣхъ, что называется, ни въ сѣхъ, ни бѣлоручки, ни чернорабочіе... Эхъ вы, неудачники жалкіе, недоучки! Туда же еще о бракахъ думать, женъ и дѣтей имѣть, чортъ бы васъ по...

Максименко вдругъ поблѣднѣлъ, закашлялся и со стономъ схватился за грудь. Оля съ крикомъ бросилась къ отцу и, обративъ въ то же время на Лозянова взглядъ, полный, какъ ему показалось, вражды, замахала рукой:

— Уйдите, уйдите ради Бога... Вѣдь вы убьете его! Нелѣпый вы человѣкъ!

Лозянову показалось, что громъ съ яснаго неба ударилъ!.. За что, за что такое оскорбленіе? И отъ кого же?

Шатаясь, какъ пьяный, онъ побрелъ въ переднюю. Что теперь будетъ? Какъ онъ станетъ теперь жить?

Одѣвшись, онъ уже собирался открыть дверь на улицу, какъ вдругъ его окликнули.

— Григорій Андреевичъ!

Изъ полумрака передней глядѣли умоляющіе глаза.

— Милый, простите... Я сама не знала, что говорю...

Голосъ дѣвушки дрогнулъ слезами; худенькія ручки неожиданно обвились вокругъ его шеи, и горячія губы коснулись щеки.

— Ходите къ намъ не такъ часто Гриша!—услышалъ онъ шопотъ, и прежде чѣмъ успѣлъ опомниться, милое видѣніе скрылось...

Тихая зимняя ночь глядѣла сверху безчисленными звѣздами. Неизъяснимое чувство торжества и силы охватило юношу... Онъ твердо вѣрилъ въ эту минуту, что возьметъ съ бою свое счастье, и готовъ былъ на всякое испытаніе и всякую муку!

VII.

Только къ концу четвертаго мѣсяца Максименко снова явился въ контору, плотно закутанный въ шубу, со всѣхъ сторонъ обвязанный шарфами, еле передвигая ослабѣвшія ноги. Чиновники встрѣтили его шумными привѣтствіями; но когда Николая Ивановича развязали и раздѣли, то всѣ въ одинъ голосъ ахнули: это былъ не прежній, правда, заморенный и замученный, но всегда живой и веселый Николай Ивановичъ: на мертвенно-блѣдномъ лицѣ съ сильно выдавшимися скулами и обострившимся носомъ, живыми казались только глаза, сверкавшіе лихорадочнымъ блескомъ. Тяжело, прерывисто дыша и поминутно кашляя, онъ пошатывался и не могъ слова выговорить.

Максименка подвели подъ руки къ креслу и, усадивъ, обступили тѣснымъ кружкомъ.

— Николай Ивановичъ, батюшка, да вы зачѣмъ же притащились, совсѣмъ больной?

— Какъ это можно, что вы съ собой дѣлаете? Сидѣли бы себѣ дома до весны, когда тепло станетъ.

Онъ съ живостью оборачивался на сочувственные возгласы, улыбался, пожимая своими горячими руками протянутыя со всѣхъ сторонъ руки, и, хватаясь за грудь, опять страшно кашлялъ.

— Надо вѣдь, господа... жить... семьѣ кормиться.

— Такъ-то такъ, но все таки... Посидите у насъ немножко да, знаете, и того... отправляйтесь домой. По закону мѣсто теперь опять на четыре мѣсяца за вами.

— Начальникъ идетъ!—сообщилъ кто-то громко, и всѣ поспѣшно разступились.

Вошелъ Дудинъ. Одутловатое лицо его стало, какъ-

будто, зеленѣе прежняго, а водяночныя ноги тяжело шаркали по полу.

— Ага, и вы, наконецъ?—сказалъ онъ, протягивая помощнику свои холодные, скользкіе пальцы и пристально вглядываясь въ его лицо.

— Да... наконецъ.

— Крутенько намъ безъ васъ приходилось. Я самъ и при разборкѣ и при задѣлкѣ почты долженъ былъ присутствовать... А между тѣмъ, еле ноги волочу: печень шалитъ, желудокъ отказывается работать... Видъ-то у васъ лучше, чѣмъ... говорили. Ну, что-жъ, поработайте!

— Попробую.

— Надо, надо пробовать. Я ужъ изнемогъ. Однако, что-жъ, господа, всѣ вы стоите здѣсь? Работа не ждетъ. Всегда вотъ этакъ! Малѣйшему поводу рады, чтобы ничего не дѣлать.

Чиновники стали расходиться по мѣстамъ, переглядываясь и пожимая плечами; всѣ чувствовали себя, какъ напроказившіе школьники, которыхъ неожиданно стукнулъ по головѣ грозный кулакъ учителя. Максименко сидѣлъ, тоже, повидимому, ошеломленный, словно обдумывая какое-то тяжелое, мучительное рѣшеніе. Нѣтъ, лучше ужъ упасть, какъ надорвавшаяся кляча, за работой, чѣмъ просить пощады у этого бездушнаго человѣка!..

Къ удивленію всѣхъ, больной внезапно оживился, словно даже расцвѣлъ и помолодѣлъ. Даже прежняя улыбка заиграла на мертвенно-блѣдныхъ губахъ... Онъ бодро придвинулся къ столу и началъ писать. Минутами казалось, что онъ вотъ-вотъ свалится, но сила воли брала свое, и только въ два часа по-полудни, вмѣстѣ съ другими служащими, Николай Ивановичъ вышелъ съ почты, съ трудомъ держась на ногахъ, но все еще силясь казаться бодрымъ и крѣпкимъ.

И на другой, и на третій день онъ приходилъ на службу. Страшно было смотрѣть на этого живого мертвеца, когда его блѣдные пальцы съ судорожной быстротой бѣгали по бумагѣ; капли холоднаго пота покрывали восковой лобъ, на которомъ напряглась толстая синяя жила, и изъ-подъ очковъ глядѣлъ неподвижный стеклянный взглядъ.

Лозяновъ первый не выдержалъ этого зрѣлища и, воспользовавшись минутой, когда Дудинъ отлучился однажды къ себѣ, собралъ въ телеграфной комнатѣ кружокъ чиновниковъ.

— Господа,— заговорилъ онъ со слезами въ голосѣ,— молчать дольше постыдно! На нашихъ глазахъ убиваютъ человѣка, нашего товарища, а мы чего-то ждемъ... Чего же? Надо что нибудь сейчасъ же предпринять.

— Надо, надо! — пронесся общій ропотъ:—Только что можемъ мы сдѣлать?

— Нужно поговорить съ Дудинымъ, и поговорить серьезно.

— Скотиной нужно его обругать, въ рожу его поплевать! — загорячился Бураковъ: — вишь, притворяется больнымъ... Ноги еле волочить сталъ... А самъ какъ быкъ! Зелень вся эта у него отъ одной злости! Онъ ужъ двадцать лѣтъ все такой же зеленый и, повѣрьте, насъ всѣхъ переживетъ!

— Во всякомъ разѣ надо постараться его урезонить, при...

— А кто же къ нему пойдетъ?

— Да ужъ, конечно, вы, Лозяновъ, кому жъ больше? Къ вамъ онъ все-таки лучше относится.

— Что жъ, я готовъ, господа.

— Валите безъ доклада, напрямикъ! Была не была!

Молодой человѣкъ, провожаемый гурьбою чиновниковъ, съ рѣшительнымъ видомъ направился къ квартирѣ почтмейстера. Но въ ту самую минуту дверь отворилась и на порогѣ показался Дудинъ.

— Что за толпа?!—спросилъ онъ съ явнымъ испугомъ въ голосѣ.

Лозяновъ объяснилъ, что имѣетъ просьбу отъ лица всѣхъ служащихъ.

— Депутація? Это новости... Пожалуйте. А васъ, господа, прошу немедленно вернуться къ своимъ работамъ. Прошу и требую именемъ закона!

Голосъ его дрожалъ, какъ голосъ оскорбленнаго властителя, очутившагося передъ лицомъ народнаго возстанія. Онъ плотно заперъ за собой и за Лозяновымъ дверь; но толпа не разошлась и, стоя у дверей, изо всѣхъ силъ напрягала слухъ, ловя отзвуки происходящей въ сосѣдней комнатѣ бесѣды.

Одинъ только Максименко оставался на своемъ посту, ничего не замѣчая и не слыша, словно окаменѣвъ въ своей напряженной работѣ.

Едва только Дудинъ понялъ, чего хочетъ Лозяновъ, какъ истерическими взвизгиваніями началъ кричать:

— Ага! Вы хотите благодѣтельствовать на чужой счетъ, хотите, чтобъ я за всѣхъ васъ работалъ?.. Да вѣдь я тоже боленъ, тоже, чортъ возьми, на ладанъ дышу! У меня—аневризмъ, у меня сердце вотъ-вотъ въ куски разорвется... Меня вы не жалѣете? Ну, да дѣлайте, что хотите: пускай онъ домой уходитъ! Я тоже уйду... Я совсѣмъ скоро уйду отъ васъ. Я ужъ и прошеніе подалъ о переводѣ меня на старое мѣсто. Тамъ хоть жалованья поменьше, да за то въ тысячу разъ спокойнѣе, и служащіе меня тамъ любили... Да, да, лю-

били! Потому что не было тамъ лодырей и красноносныхъ пьяницъ, въ родѣ вашихъ Буньковыхъ и Бураковыхъ...

— Вретъ подлецъ! — съ негодованіемъ зашепталъ Бураковъ, обращаясь къ товарищамъ:—у меня отъ общаго малокровія, а вовсе не отъ пьянства кончикъ носа красный...

VIII.

Приближалась весна; потянуло тепломъ; прилетѣли первые вѣстники обновленія—скворцы и весело затрещали подъ окнами. А Николай Иванычъ, видимо, догоралъ, какъ свѣча. Иногда, впрочемъ, налетала волна жизнерадостности, и онъ мечталъ о той порѣ, когда выздоровѣетъ, окрѣпнетъ и станетъ по-прежнему совершать далекія путешествія пѣшкомъ за городъ.

— Какъ въ прошломъ году... съ Лозяновымъ... Ахъ, славное было время! Да что жъ это... онъ... такъ рѣдко сталъ навѣщать насъ? Съ глазъ долой—изъ сердца вонъ, что ли?

Но все чаще и чаще болѣзнь давала себя знать невыносимыми страданіями, и тогда больной даже сердился, если его утѣшали и обнадеживали.

— Э, чего тамъ! Къ концу этого же лѣта лопухъ изъ меня выростетъ, а еще черезъ годъ никто и помнить не будетъ, что жилъ-былъ на свѣтѣ такой-то рабъ Божій Николай, доброй души человѣкъ, оставившій, однако, нищими жену и пять человѣкъ дѣтей. Ну, что ты тамъ рюмишь опять, Нюша? Слезами развѣ замажешь правду?

Разъ, въ сумерки, безпокойно мечась по постели и нигдѣ не находя мѣста больнымъ костямъ, Николай Иванычъ усиленно повторялъ имя Лозянова, послѣдніе дни опять приходившаго ежедневно.

— Чего онъ такъ долго? Скорѣе бы, скорѣе... — шепталъ онъ, точно въ забытьи:—неужели это конецъ ужъ?.. Ну, да все равно... Одно слово еще сказать... Оля, погляди въ окно, нейдетъ ли.

Лозяновъ, дѣйствительно, вошелъ въ эту минуту и, торопливо раздѣвшись, сѣлъ возлѣ больного, на его кровати. По выраженію лица дѣвушки, блѣднаго и встревоженнаго, онъ понялъ, что происходитъ что-то особенное. Максименко приподнялся, схватилъ молодого человѣка за руку и крѣпко-крѣпко сжалъ ее, заглядывая въ лицо пристальнымъ взоромъ.

— Спасибо за все... И простите, голубчикъ! Я былъ несправедливъ, грубъ... Нарочно... Постарайтесь понять!

— За что прощать? Что съ вами, Николай Иванычъ! Успокойтесь... У васъ сегодня отличный видъ.

Максименко махнулъ рукою.

— Другъ мой, полно... Не обо мнѣ теперь рѣчь... Выслушайте завѣтъ умирающаго...

Онъ нагнулся къ уху Лозянова и что-то шепнулъ. Тотъ вздрогнулъ.

— Да, да, голубчикъ... Потому—не имѣете права! Пра-ва не имѣете, слышите? Понимаете? Не имѣете права новыя страданія на свѣтъ пускать. Мы—пасынки жизни, мы должны...

Онъ внезапно остановился: глаза съ удивленіемъ расширились, блѣдная рука судорожно потянулась ко рту... И вдругъ Оля и Лозяновъ замѣтили густую, темную струю, лившуюся изъ-подъ блѣдной руки на грудь, на рубашку, на одѣяло...

— За докторомъ!—вскакивая на ноги, крикнули оба перехваченнымъ голосомъ.

И съ ужасомъ глядѣли другъ на друга, чувствуя себя раздавленными и видомъ этой смерти, и жизнью, которая была передъ ними...

Л. Мельшинъ.

Роль психическаго автоматизма въ „новомъ искусствѣ“.

„Сумерки живописи“... подъ такимъ меланхолическимъ заглавіемъ была недавно напечатана въ одномъ изъ французскихъ журналовъ статья Камиля Моклэра *), появленіе которой только на нѣсколько дней опередило открытіе Салона, вмѣщающаго въ этомъ году около 1500 картинъ, не считая рисунковъ, пастелей, акварелей и т. п., и Всемірной Выставки, гдѣ искусства вообще и живопись въ частности представлены очень широко. Едва-ли, впрочемъ, знакомство съ Салономъ 1900 года и Большимъ Дворцомъ Выставки заставило бы автора перемѣнить свое мнѣніе, что среди массы Салоновъ и всякаго рода художественныхъ выставокъ можно по пальцамъ перечесть тѣ, которыя способны внушить „не то что какую-нибудь идею, но хотя-бы новое ощущеніе“ и что, „входя въ Салонъ, не чувствуешь себя въ такомъ мѣстѣ, гдѣ будешь думать“. Попадаются, однако, къ счастью, исключенія, и среди безчисленнаго множества „декоративныхъ“ саженныхъ полотенъ выдѣляются, какъ оазисы среди пустыни, картины, заставляющія зрителя думать, а не только любоваться красивыми пятнами и мазками. Вотъ, напримѣръ, въ испанскомъ отдѣлѣ живописи, на выставкѣ, картина Кабелло Изарры—„Fin de siglo“ (Конецъ вѣка). Передъ нами мастерская художника „конца вѣка“, декадента и, можетъ быть, символиста, ибо весьма возможно, что красующаяся на мольбертѣ женщина съ треугольнымъ лбомъ, уродливо выпяченными толстыми пунцово-красными губами и совсѣмъ зеленымъ лицомъ на длинной зеленой шеѣ представляетъ неуловимый для простыхъ смертныхъ символъ. Недаромъ-же она не только льетъ слезы, крупныя треугольной формы капли, но еще и собираетъ эти драгоцѣнныя капли въ какую-то замысловатую, лодкообразную чашечку, которую держитъ передъ собою, старательно вытянувъ при этомъ свои длинные, зеленые-же пальцы... Передъ

*) Camille Mauclaire, *Le crépuscule de l'art pictural*, «Revue des Revues», 1 и 15 апрѣля 1900 г.

стоящей на мольбертѣ, картиной остановился зашедшій въ
скую, вѣроятно по дѣлу, свѣжій человѣкъ, человѣкъ „улицы“,
ощій ни модныхъ увлеченій, ни обязательныхъ восторговъ,
рабочій... Остановился онъ не какъ въ землю вкопанный
акъ громомъ пораженный—для этого у него слишкомъ
льное и умное лицо, а такъ—очень ужъ, видно, ему это
нелѣпымъ и забавнымъ и вся его фигура какъ будто
„Вотъ такъ фунтъ“!
картиной испанскій художникъ очень остроумно пока-
е впечатлѣніе должны производить на здороваго и свѣ-
вѣка уродливыя кривлянія и кунштюки „новаго искус-
сожалѣнію, наше смутное время менѣе всего отличается
свѣжестью и такія чисто-болѣзненныя явленія, какъ
о и символизмъ *), не только пустили ростки въ Россіи—
рядъ выдающихся художниковъ слова и кисти завѣ-
тву культъ правды и добра,—но даже находятъ себѣ
тузіастовъ, увѣряющихъ, напримѣръ, что „въ послѣд-
экающаго вѣка въ русской поэзіи поднялось особое
В. Грибовскій, „Книжки Недѣли“, августъ 1899,
думайте, въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, „талантъ
создалъ особый новый типъ пѣсенъ, передающихъ
тонкія настроенія и порывы души, стремящейся
даннаго“, а съ другой стороны, намъ выпало на
слаждаться произведеніями г-жи Мирры Лохвицкой,
Востоку, гдѣ горячее солнце создавало яркія
страсти“, слѣдствіемъ каковаго тяготѣнія является
еніямъ г. Грибовскаго, поэзія г-жи Лохвицкой—
менѣе, какъ „пѣсни Суламиты, восклицающей въ
собственной красоты: *черна я и хороша, потому*
солнце“ (*тамъ-же*, стр. 193).
смотря на эти чудеса въ рѣшетѣ и вопреки
критика „Недѣли“, ни въ поэзіи, ни въ живописи
ни особаго оживленія, ни даже просто ожив-
совпаденія весьма знаменателенъ и свидѣтель-
ы упадка живописи кроются гораздо глубже,
заться на первый взглядъ—гораздо глубже,
римѣръ, Камиль Моклэръ, и что эти причины
и дѣйствіе не она одну только живопись. По
автора, мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ

тдѣляемъ здѣсь декадентства отъ символизма, такъ
ва представителей того и другого направленія пси-
тъ большую роль. То и другое, къ тому же, одина-
явилось самымъ рѣзкимъ протестомъ противъ
и, если оба эти направленія не исчерпываютъ всего
всякомъ случаѣ, даютъ прекрасное понятіе объ его

частичнымъ упадкомъ, которому онъ даетъ красивое, но довольно туманное объясненіе, сводящееся къ тому, что слишкомъ долго служившія формы искусства оказываются въ извѣстный моментъ истощенными (fatiguées), и что мозговая энергія имѣетъ своего рода приливы и отливы: слабость одного изъ проявленій этой энергіи вознаграждается усиленіемъ другихъ, родственныхъ ей способностей, такъ что потеря получается только кажущаяся, въ дѣйствительности-же происходитъ простое перемѣщеніе силъ и только. „Все въ мірѣ—компенсація“, успокоительно заключаетъ авторъ эту часть своего разсужденія.

Оставляя въ сторонѣ душеспасительныя разсужденія на тему о „міровой“ компенсаціи, мы замѣтимъ только, что упадокъ того или иного искусства вовсе не обусловливается непремѣнно расцвѣтомъ какого-нибудь конкуррента. Связь, существующая между различными отраслями искусства, не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что заставляло бы развиваться одну отрасль на счетъ и въ ущербъ другой отрасли. Свѣтлыя страницы исторіи эпохи Возрожденія уже давно наглядно показали, что искусства могутъ въ своемъ развитіи идти рука-объ-руку и, наоборотъ, хроника нашихъ дней не менѣе убѣдительно доказываетъ, что современное искусство переживаетъ упадокъ далеко не частичный, и что этотъ упадокъ кроется не въ „истощеніи“ тѣхъ или иныхъ формъ изящнаго, какъ полагаетъ французскій критикъ, а въ болѣе общихъ условіяхъ, отражающихся не только на формѣ произведеній искусства, но—и даже главнымъ образомъ—на ихъ содержаніи.

Вся эта диковинная и въ то же время чрезвычайно убогая флора „черныхъ розъ“ не могла появиться на здоровой почвѣ и въ нормальныхъ условіяхъ. Она ютится цѣликомъ въ увеличивающихся съ каждымъ днемъ трещинахъ стараго, тяжелой, архаической конструкціи зданія, въ которомъ европейскому человѣку уже давно слишкомъ тѣсно... Какъ ни убога эта флора и какъ ни крѣпки вѣковыя стѣны, а все-же тощія растеньица, пріютившіяся въ трещинахъ, въ свою очередь покушаются на прочность зданія. Но эти поползновенія случайно выросшихъ сорныхъ травъ и уродливыхъ карликовъ растительнаго царства вовсе не идутъ рука-объ-руку съ основнымъ процессомъ, подъ постояннымъ давленіемъ котораго медленно рушатся старые устои. Напротивъ, тутъ мы чаще всего имѣемъ дѣло только съ крайностями и уклоненіями отъ этого процесса, крайностями и уклоненіями, нерѣдко даже задерживающими его поступательное движеніе и совершенно искажающими его смыслъ. Такъ неравномѣрное, черезчуръ рѣзкое повышеніе температуры лихорадящаго больного обращаетъ процессъ, который долженъ былъ бы явиться только спасительной реакціей организма, въ новое зло, нерѣдко угрожающее жизни больного и требующее въ свою очередь новыхъ средствъ борьбы.

Въ искусствѣ этимъ аномаліямъ суждено было сыграть боль-

шую роль. Онѣ прежде всего нарушили правильное и разумное соотношеніе между личными и общественными элементами творчества. Клодъ Бернаръ, обогатившій науку цѣлымъ рядомъ новыхъ открытій, скромно заявлялъ, однако, что „нашъ вѣкъ не можетъ заглянуть впередъ, не взгромоздившись на плечи своихъ предшественниковъ". Представители „новаго искусства" для себя такой невозможности не признали. Мало того, они сочли своей прямой обязанностью отречься отъ всѣхъ завѣтовъ прошлаго, отъ кого бы эти завѣты ни исходили, и порвать со всѣми традиціями и законами художественнаго творчества, какова бы ни была ихъ сущность. Очутившись, такимъ образомъ, на пустомъ мѣстѣ и почувствовавъ себя свободными отъ всякихъ узъ, художники новаго пошиба стали прежде всего слагать хвалебныя пѣснопѣнія въ честь своего единственнаго кумира, единственнаго властителя думъ и сердецъ, божественнаго *я*. Вотъ, напримѣръ, совѣтъ, который давалъ въ свое время Эдмондъ Гарокуръ всѣмъ, кто хотѣлъ быть „великъ", а такихъ въ эти годы была тьма охотниковъ:

Si tu veux être grand, bâtis la citadelle:
Loin de tous et trop haut, bâtis-la pour toi seul;
Qu'elle soit imprenable et vierge, et qu'autour d'elle
Le mont fasse un rempart et la neige un linceul!

. . . .

C'est là qu'il faut bâtir l'asile de ton âme,
Et pour que ton désir y soit la seule loi,
Que rein n'accède à lui, de l'éloge ou du blâme,
Grave sur ton seuil blanc le mot magique: «Moi».

. . . .

Chante! Nul n'entendra ton hymne et que t'importe?
Chante pour toi; ton cœur est l'écho de ton cœur!
Les déserts élagris rendront ta voix plus forte,
Les déserts chanteront pour te répondre en chœur!

. . . .

Tu n'as qu'une patrie au monde, c'est toi-même!
Chante pour elle, et sois ton vœu;
Chante, et quand tu mourras, meurs dans l'orgueil suprême
D'avoir vecu ton âme et fait vivre ton dieu! *).

---

*) Если ты хочешь быть великъ, то построй себѣ крѣпость: вдали отъ всѣхъ и недостижимо высоко, построй ее для себя одного; пусть она будетъ неприступна и дѣвственно-чиста, защищена кругомъ горою и покрыта снѣгомъ, какъ саваномъ!.. Тамъ именно нужно тебѣ создать убѣжище для своей души, и чтобы твоя воля была тамъ единственнымъ закономъ, чтобы ничто—ни хвала, ни хула—не достигало ея, начертай на твоемъ свѣтломъ порогѣ волшебное слово: «Я»... Пой! Никто не услышитъ твоего гимна—что изъ того? Пой для себя; твое сердце—эхо твоего сердца! Широкія пустыни дадутъ больше силы твоему голосу, пустыни будутъ пѣть, чтобы вторить тебѣ хоромъ!.. У тебя одно только отечество въ мірѣ, это—ты самъ! Пой для него и будь своей собственной цѣлью, своимъ собственнымъ желаніемъ! Пой, а когда наступитъ смерть, умри съ высочайшей гордостью отъ сознанія, что ты жилъ своей душой и далъ жить своему богу!

Какъ видитъ читатель, тутъ нѣтъ ничего иного, кромѣ того, что Н. К. Михайловскій прекрасно охарактеризовалъ какъ „страстное, непреодолимое желаніе выпятить на всеобщее удивленіе свое я“. Правда, вопреки надменному пророчеству Гарокура, созерцаніе собственнаго пупка оказалось крайне неподходящимъ воспитательнымъ средствомъ для созданія великихъ людей, но пигмеи не унимались и, норовя стать выше своей головы, многіе изъ нихъ стали изощряться съ тѣмъ большимъ рвеніемъ въ техническихъ пріемахъ, что, при душевной пустотѣ этихъ маленькихъ кандидатовъ въ великіе люди, техника являлась единственной доступной для нихъ областью. И если отъ Камиля Моклэра, какъ мы видѣли, совершенно ускользаютъ общія причины современнаго упадка искусства, онъ за то вполнѣ правильно характеризуетъ этотъ упадокъ, по крайней мѣрѣ, относительно живописи, когда говоритъ, что эта послѣдняя въ настоящее время слѣдуетъ началу *наименьшаго усилія*. Живописцы, замѣчаетъ французскій писатель, считаютъ нелѣпымъ требовать отъ искусства идей. „Ихъ искусство только восхищаетъ глазъ. Они смутно чувствуютъ это, ибо ихъ самая большая забота въ настоящее время состоитъ въ томъ, чтобы писать *декоративно*. Повсюду только и слышишь это слово. Оно означаетъ искусство, основанное на прелести колорита самого по себѣ... Это—искусство ковровъ, арабесокъ и платья столько же, если не больше, чѣмъ живописи. Пытаются даже избавиться отъ картины въ рамкѣ. Живопись приноравливаютъ къ комнатамъ, къ цвѣту обоевъ, лишаютъ ее рельефа, сообразуютъ ея тоны съ предназначающимся для нея освѣщеніемъ, и картины превращаются въ декоративные аксессуары“, такъ что наилучшимъ похвальнымъ отзывомъ о картинѣ можетъ явиться, напримѣръ, то обстоятельство, что она „написана въ тонѣ восточнаго ковра.“ Въ этомъ отношеніи многіе художники достигли—надо имъ отдать справедливость—поразительныхъ успѣховъ, но какое глубокое и глубоко печальное несоотвѣтствіе между исходнымъ пунктомъ движенія и его конечными результатами: начать съ освобожденія отъ традицій, съ полной и всесторонней эмансипаціи и закончить болѣе или менѣе декоративной мазней въ тонѣ персидскихъ ковровъ; изъ смѣлыхъ новаторовъ, собирающихся произвести коренной переворотъ въ искусствѣ, превратиться въ совершенно лишенныхъ творческой самостоятельности копировщиковъ вычурныхъ и пестрыхъ узоровъ! Замѣтьте, къ тому же, что спеціальность по части искуснаго подражанія коврамъ составляетъ удѣлъ только наиболѣе способныхъ, другіе могутъ болѣе или менѣе громко заявить о своемъ существованіи лишь путемъ нелѣпыхъ изображеній того, „чего нѣтъ на свѣтѣ“, благо тутъ открывается самый широкій просторъ для... бездарности.

Въ томъ и другомъ случаѣ результаты получаются, слѣдовательно, самые мизерные и ничего общаго съ истиннымъ искус-

ствомъ не имѣющіе. Находятъ-ли, по крайней мѣрѣ, освободившіеся такимъ образомъ отъ стѣснительныхъ узъ традицій художники удовлетвореніе въ своей свободѣ? На этотъ вопросъ приходится опять-таки отвѣтить отрицательно, ибо исторія на свой ладъ свободолюбивыхъ жрецовъ „новаго искусства" напоминаетъ до нѣкоторой степени исторію проникнутой такимъ же страннымъ свободолюбіемъ героини „трагедіи изъ современной жизни" г. Минскаго—Альмы.

Дѣло въ томъ, что въ нормальныхъ условіяхъ стѣснительность традицій и существующихъ категорій выраженія мысли обратно пропорціальна индивидуальности художника. Чѣмъ больше у художника своего, личнаго, тѣмъ больше у него, конечно, шансовъ избѣжать шаблона готовыхъ формъ, и, въ концѣ концовъ, такой художникъ не только вполнѣ свободно орудуетъ оборотнымъ капиталомъ художественныхъ образовъ и формъ, представляющимъ наслѣдіе прошлаго, но еще обогащаетъ этотъ накопившійся вѣками запасъ средствъ выраженія человѣческой мысли новыми пріобрѣтеніями, внося и свою, болѣе или менѣе обильную лепту въ общую сокровищницу искусства. Пользованіе этими средствами въ сущности такъ же мало способно поработить художника вообще, какъ риѳма и ритмъ мало способны стѣснить истиннаго поэта. Послѣдній, конечно, не станетъ жертвовать въ угоду этимъ сочетаніямъ звуковъ ни художественной правдой, ни еще менѣе здравымъ смысломъ, потому что для его духовнаго существа недостаточно однихъ „звуковъ сладкихъ..."

...Ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ,

говоритъ поэтъ, и въ этомъ „союзѣ" *волшебные звуки* для него цѣнны лишь настолько, насколько они способствуютъ полнотѣ выраженія *чувствъ и думъ*, облегчая такимъ образомъ общеніе со слушателями или читателями. Пусть въ волшебныхъ звукахъ или краскахъ есть своя чарующая сила, но если художникъ не находитъ въ этихъ внѣшнихъ формахъ выраженія полной гармоніи съ внутреннимъ содержаніемъ, которое онъ стремится въ нихъ воплотить, онъ съумѣетъ отстоять свою мысль отъ деспотическихъ покушеній рискующей изуродовать ее готовой формы. Пусть ему приходится для этого выдерживать на каждомъ шагу тяжелую борьбу съ инерціей матеріала, изъ котораго онъ создаетъ новыя формы, но не есть-ли сама эта борьба прекрасное свидѣтельство того, что личные элементы творчества не могутъ быть заглушены общественными, что между тѣми и другими устанавливается взаимодѣйствіе, вполнѣ совмѣстимое со свободой творчества.

Нельзя сказать того же самаго объ узахъ, которыя добровольно наложили на себя жрецы „новаго искусства."

...Двѣ тропы,
Двѣ правды, два добра,
Раздоръ и муки для толпы,
Для мудреца игра

Такъ говорила приведшая автора *Альмы* „къ распутью въ часъ [illegible]ра“ и тамъ шептавшаяся съ нимъ „первымъ изъ людей“ Свобода. Не знаемъ, какъ для мудреца, но для человѣка, страдающаго, такъ называемымъ, нравственнымъ помѣшательствомъ (moral insanity), все это дѣйствительно только игра. Игра это и для того, у кого нѣтъ ничего за душою, кромѣ своего раздутаго до необычайныхъ размѣровъ *я*. Какъ и для нравственно помѣшаннаго, для него не существуютъ „раздоръ и муки“ двухъ путей— напротивъ, для него

Блаженство въ томъ, что все равно
Какимъ путемъ идти.

Но въ этомъ „блаженствѣ“, пришедшемся по вкусу, между прочимъ, и многимъ представителямъ искусства, только призракъ свободы, потому что тотъ, кому всѣ пути кажутся одинаково прекрасными, въ концѣ концовъ, непремѣнно пойдетъ по торной дорожкѣ „наименьшаго усилія“ и безропотно предоставитъ нести себя волнѣ господствующаго теченія... Отсюда то странное положеніе, которое такъ хорошо рисуетъ г-жа Гиппіусъ, когда она наивно восклицаетъ:

Стремлюсь къ тому, чего я не знаю,
Не знаю...
И это желанье не знаю, откуда
Пришло, откуда.

Такое стремленіе не предполагаетъ, конечно, „раздора и мукъ“, и можно быть увѣреннымъ, что ни у одного изъ такихъ, стремительно увлеченныхъ моднымъ теченіемъ художниковъ слòва, кисти или рѣзца собственное ихъ безсиліе никогда не вызывало тѣхъ мукъ, какія такъ ярко изобразилъ Золя въ романѣ „L'Œuvre“. Вспомните этотъ мучительный разладъ между идеалами художника и испытываемымъ имъ безсиліемъ воплотить свои идеалы въ картинѣ, вспомните эти муки страстнаго исканія правды, эту вѣчную тяжелую борьбу, и вы поймете, что quasi-великіе, но слабые люди торопятся отвернуть глаза отъ такихъ зрѣлищъ и находятъ

Блаженство въ томъ, что все равно
Какимъ путемъ идти.

Ну, и пусть это для нихъ блаженство, но, когда они увѣряютъ насъ, что такое блаженство нашептано самой свободой, мы съ этимъ, конечно, не можемъ согласиться. Чтобы не выходить изъ рамокъ искусства, спросимъ себя, мыслима-ли свобода

творчества, когда художникъ творитъ не потому, чтобы „вожглась ему въ грудь вдохновенья печать", а исключительно потому, что ему *нужно* сдѣлать *нѣчто* удивительное, къ чему была бы примѣнима вся богатая серія эпитетовъ парижскаго бульварнаго арго—épatant, renversant и т. п.; когда онъ вовсе не испытываетъ настоятельной потребности передать другимъ волнующія его чувства; когда, наконецъ, ничто собственно и волновать-то его самого не способно, кромѣ „волшебнаго" или кажущагося ему таковымъ *я!* И не любопытно-ли, что, не смотря на пожирающую ихъ страстную жажду оригинальности, современные искатели „новыхъ путей" въ искусствѣ въ сущности только усердно повторяютъ другъ друга и, въ лучшемъ случаѣ, дивятъ лишь свой муравейникъ. Въ живописи, напримѣръ, шаблонъ—свой, новый шаблонъ—чувствуется на каждомъ шагу. Всѣ чудачества сливаются въ одинъ общій тонъ и оставляютъ впечатлѣніе гнетущаго однообразія. Почти повсюду одни и тѣ же курьезы, часто напоминающіе изданныя когда-то покойнымъ Ф. Ѳ. Павленковымъ „Наглядныя несообразности"—дѣтскія задачи въ картинкахъ, изображающихъ то избушку на курьихъ ножкахъ, то франта, смотрящагося въ зеркало и видящаго тамъ баранью голову и т. п. И любопытно даже не столько то, что тотъ или иной художникъ умудряется видѣть баранью голову тамъ, гдѣ въ дѣйствительности имѣется нѣчто совсѣмъ другое, сколько то, что передъ зеркаломъ различныхъ художниковъ самые разнообразные сюжеты неизмѣнно обращаются все въ тѣ же бараньи головы... Шаблонъ чувствуется и въ выборѣ темъ, и въ общемъ большинству художниковъ пренебреженіи рисункомъ въ пользу несравненно легче дающихся красокъ, и часто даже въ мелочахъ, вродѣ подписыванія картины *не какъ всѣ*, а отдѣльно расположенными одна надъ другой буквами.

Фактъ такого рабскаго подражанія исключаетъ всякую мысль о свободномъ творчествѣ. Прочтите, къ тому же, какими штрихами описываетъ внутренній міръ этихъ жрецовъ искусства внимательный наблюдатель и вы увидите, что это—настоящіе узники, апатично влачащіе ими же самими скованныя цѣпи: „Осмотрите бѣгло салоны и васъ покоробитъ отъ этого акробатства и фокусничества, отъ состязанія въ хитрости и скоропреходящей граціи. Каждый старается усовершенствовать свой способъ вызывать удивленіе: въ этомъ есть нѣчто фальшивое и низкое. Войдите на минуту къ этимъ людямъ: они дѣлаютъ, что могутъ, но нисколько не задаваясь вопросомъ *для чего.* Вы замѣтите у нихъ слѣдъ этой душевной инерціи. Большинство не читаютъ, разговариваютъ только о ловкихъ пріемахъ въ своей спеціальности, не гуманизируются, пренебрегаютъ жизнью и становятся дикарями какъ по своему образу мыслей, такъ и по своимъ нравственнымъ понятіямъ. Ихъ искусство обращаетъ на себя вниманіе, какъ мертвый и обезплотенный наростъ, а не какъ искусство, которое питается отъ источни-

ковъ внутренней жизни. Оно не обогащается всѣмъ тѣмъ, что можетъ пріобрѣсти душа путемъ сострадания, страсти, печали и любви. Очень немногіе понимаютъ, что не слѣдуетъ быть художникомъ *исключительно*, ибо участіе даже всего существа является далеко не лишнимъ, чтобы создавать образы... Почти у всѣхъ художниковъ замѣчается коренной недостатокъ рабочаго, превосходно выдѣлывающаго—при режимѣ раздѣленія труда—какую-нибудь часть той вещи, которую создать въ цѣлости онъ, однако, не въ состояніи. Они пріобрѣтаютъ, такимъ образомъ, обманчивую и безполезную ловкость, принимаемую ими за даръ совершенства. Узкихъ разсужденій достаточно, чтобы дать имъ то грубое спокойствіе, которое имѣетъ столько же общаго съ духовной высотой, сколько самодовольство—съ гордостью" *).

Безспорно, что элементъ безсознательнаго до нѣкоторой степени присущъ начальнымъ фазамъ процесса творчества, и что нерѣдко самъ этотъ процессъ способствуетъ выясненію мысли, но это, конечно, нисколько не мѣшаетъ мыслящему художнику отдавать себѣ ясный отчетъ въ задачахъ искусства, а для того, кто отдаетъ себѣ въ нихъ отчетъ, немыслимо работать, „нисколько не задаваясь вопросомъ *для чего*". Дойти до такого автоматизма въ художественномъ творчествѣ можно только подъ вліяніемъ какой нибудь всесильной idée fixe, постепенно разростающейся до уродства и властно подчиняющей себѣ весь внутренній міръ человѣка. Свободолюбивымъ, или, вѣрнѣе, только самодовольно мнящимъ себя таковыми жрецамъ „новаго искусства" именно и суждено было стать послушными рабами такой облюбованной ими навязчивой мысли. Она обратила ихъ въ своего рода автоматовъ, и въ самомъ процессѣ ихъ творчества не трудно, какъ мы сейчасъ видѣли, прослѣдить проявленія того, что Камиль Моклэръ называетъ духовной инерціей и что правильнѣе будетъ назвать *техническимъ автоматизмомъ*.

Эти проявленія еще болѣе замѣтны въ поэзіи декадентовъ и символистовъ, но, прежде чѣмъ перейти къ этой послѣдней, небезъинтересно, пожалуй, сдѣлать небольшую экскурсію въ область психологіи и психіатріи, чтобы поближе познакомиться съ сущностью психическаго автоматизма.

На первый взглядъ слово *автоматизмъ* можетъ, пожалуй, показаться неумѣстнымъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о процессѣ художественнаго творчества или вообще объ умственной дѣятельности, потому что съ понятіемъ о послѣдней, обыкновенно, связано представленіе о болѣе или менѣе сложной мозговой работѣ, тогда какъ автоматизмъ представляется чѣмъ-то въ родѣ рефлекса. Въ дѣй-

*) Camille Mauclair, «Revue des Revues», 15 апр. 1900, стр. 154.

ствительности, однако, автоматическій актъ—явленіе болѣе высокаго порядка, чѣмъ чисто рефлекторный актъ. Послѣдній осуществляется подъ вліяніемъ *сейчасъ дѣйствующаго* внѣшняго импульса, первый совершается независимо отъ какого бы то ни было *сейчасъ дѣйствующаго* внѣшняго раздраженія (что не исключаетъ, конечно, возможности существованія импульса въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ) и можетъ, какъ мы увидимъ дальше, отличаться весьма значительной сложностью.

Съ другой стороны, автоматическій актъ можетъ даже не ускользать отъ сознанія субъекта, совершающаго такой актъ, но—и въ этомъ, именно, состоитъ важная отличительная черта техническаго автоматизма—актъ этотъ „подчиненъ строгому детерминизму, не знающему ни колебаній, ни капризовъ“ *): автоматическій актъ, даже въ томъ случаѣ, когда онъ не ускользаетъ отъ сознанія дѣйствующаго субъекта, совершается внѣ дѣйствительнаго контроля личности, какъ бы только присутствующей при этомъ актѣ въ качествѣ безучастнаго свидѣтеля. Профессоръ Грассе **) даетъ въ своихъ лекціяхъ интересный схематическій рисунокъ, наглядно показывающій, какимъ образомъ автоматическіе акты могутъ выходить или не выходить изъ области сознанія. „Пусть O представляетъ высшій психическій центръ—мѣстонахожденіе личнаго, сознательнаго, свободнаго и отвѣтственнаго *я*; подъ нимъ имѣется многоугольникъ автоматическихъ центровъ“—съ одной стороны, чувствительные центры воспріятія: A (совокупность слуховыхъ центровъ), V (совокупность зрительныхъ центровъ) и T (совокупность центровъ общей чувствительности); съ другой стороны, двигательные центры передачи: K (центръ различныхъ движеній тѣла), M (центръ членораздѣльной рѣчи) и E (центръ письма). Тѣ и другіе центры расположены въ сѣромъ веществѣ мозговыхъ извилинъ и сообщаются какъ между собою, такъ и съ центромъ O, причемъ для этого послѣдняго сообщенія имѣются двоякаго рода волокна: центростремительныя и центробѣжныя. „Автоматическіе акты комбинируются въ многоугольникѣ AVTEMK, а личное сознаніе заложено въ O. Понятно, что всякій разъ, какъ центростремительныя сообщенія AO,VO,TO,KO,MO,EO неповреждены и функціонируютъ (каково бы ни было, къ тому же, состояніе центробѣжныхъ путей OA,OV,OT,OK,OM,OE), автоматическіе акты будутъ достигать сознанія. Когда тѣ же центростремительныя волокна не функціонируютъ,—сознаніе автоматическихъ актовъ исчезаетъ“.

Элементъ сознательности, слѣдовательно, не присущъ авто-

---

*) Pierre Janet, *L'automatisme psychologique; essai de psychologie expérimentale sur les formes inférieures de l'activité humaine*; Парижъ, 1894; стр. 2.

**) Grasset, *Leçons de clinique médicale*, 3-me série; Монпелье и Парижъ, 1898, стр. 151 и слѣд.

матическому акту, какъ таковому: этотъ элементъ можетъ быть или не быть на лицо, независимо отъ состоянія автоматическихъ центровъ.

Во всякомъ случаѣ, автоматическіе акты характеризуются, главнымъ образомъ, *во первыхъ,* независимостью отъ какого бы то ни было сейчасъ дѣйствующаго внѣшняго импульса и, *во вторыхъ,* независимостью отъ воли дѣйствующаго субъекта, своего рода непреложной необходимостью, съ которой они совершаются. Первая черта отличаетъ автоматическіе акты отъ чисто рефлекторныхъ, вторая—отъ высшихъ психическихъ актовъ, отъ проявленій свободной и самосознательной дѣятельности ума.

Но въ этомъ послѣднемъ отличіи нѣтъ, очевидно, ничего такого, что заставляло бы насъ отрицать возможность *весьма сложныхъ* автоматическихъ актовъ. Сейчасъ упомянутый нами многоугольникъ сообщающихся другъ съ другомъ разнообразныхъ чувствительныхъ и двигательныхъ центровъ открываетъ, напротивъ, самый широкій просторъ для всевозможныхъ комбинацій, по своей сложности нисколько какъ будто не уступающихъ нормальной умственной дѣятельности и способныхъ даже ввести въ заблужденіе недостаточно внимательнаго наблюдателя.

Пишущему эти строки приходилось наблюдать *) замѣчательно сложный рядъ автоматическихъ поступковъ, требовавшихъ для своего осуществленія, повидимому, весьма значительной сообразительности, у одного насчастнаго крестьянскаго парня, представлявшаго множество стигматовъ вырожденія и неумѣвшаго ни читать, ни писать, ни сосчитать 2 франка мелкой монеты, не смотря на четырехлѣтнее пребываніе въ школѣ. Субъектъ этотъ былъ подверженъ припадкамъ сомнамбулизма, во время которыхъ онъ, съ закрытыми глазами и руковොдясь только осязаніемъ и обоняніемъ, свободно странствовалъ по больницѣ, состоявшей изъ разбросанныхъ на обширномъ пространствѣ, симметрически расположенныхъ и совершенно одинаковыхъ павильоновъ, что не мѣшало, однако, больному, послѣ болѣе чѣмъ двухчасовой такой прогулки, отыскать—въ сомнамбулистическомъ же состояніи—свой павильонъ, лѣстницу, ведущую въ его палату, и, наконецъ, найти среди помѣщавшихся въ палатѣ 32-хъ кроватей свою—фактъ тѣмъ болѣе замѣчательный, что въ нормальномъ состояніи больной этотъ почти не выходилъ изъ своей палаты. Въ больницу онъ былъ посланъ на испытаніе военнымъ начальствомъ, которое послѣ пріема этого несчастнаго на службу заподозрило въ немъ обманщика—un carottier, какъ принято выражаться на французскомъ казарменномъ арго. Подъ перекрестнымъ огнемъ подозрѣній начальства, съ одной стороны, и насмѣшекъ товарищей, съ

*) См. подробности моего наблюденія въ уже цитированныхъ лекціяхъ проф. Грассе, стр. 124—131.

другой, этотъ отъ природы крайне робкій субъектъ совсѣмъ былъ сбитъ съ толку и въ нормальномъ состояніи держался поэтому всегда нѣсколько на сторожѣ, рѣдко рѣшаясь заглянуть даже въ сосѣднюю палату. При такихъ условіяхъ требовалась, слѣдовательно, чрезвычайно сложная мозговая работа, чтобы разобраться съ закрытыми глезами въ лабиринтѣ аллей, корридоровъ и лѣстницъ, гдѣ и мнѣ, долго жившему въ больницѣ-же ординатору, случалось, однако, ошибаться. Прибавьте къ этому, что во время своихъ припадковъ сомнамбулъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, не ограничивался одними странствованіями, но еще выполнялъ обязанности, которыя ему успѣли внушить въ казармѣ: то онъ въ теченіе получаса предавался гимнастическимъ упражненіямъ съ усердіемъ, производившимъ чрезвычайно странное впечатлѣніе со стороны человѣка, въ сущности погруженнаго въ глубокій сонъ, то отправлялся къ умывальнику и занимался стиркой своего бѣлья, которое клалъ затѣмъ сушить у калорифера, то приводилъ въ тщательный порядокъ свою одежду и т. д. Наконецъ, въ теченіе этихъ припадковъ сомнамбулизма память настолько оставалась вѣрна больному, что прежде, чѣмъ окончательно улечься въ кровать, онъ не забывалъ достать ощупью съ полочки стклянку съ лѣкарствомъ и выпить нужную дозу, не иначе какъ убѣдившись заранѣе, по вкусу жидкости, что шутники-товарищи не подмѣнили ему лѣкарства... И всетаки, не смотря на всю свою сложность, эти дѣйствія больного не выходили изъ области чистаго автоматизма: личное, сознательное, свободное и отвѣтственное *я*" не принимало въ нихъ рѣшительно никакого участія.

Сейчасъ приведенный мною примѣръ психическаго автоматизма относится къ области чисто патологическихъ явленій, но я привелъ его, разумѣется, только какъ особенно яркую иллюстрацію такого рода автоматизма, а нисколько не съ цѣлью приравнять декадентство къ... сомнамбулизму. Существуетъ, правда, если не совсѣмъ такая, то, во всякомъ случаѣ, близкая къ этому тенденція, въ силу которой весь вопросъ объ интересующихъ насъ здѣсь новыхъ направленіяхъ въ искусствѣ обращается въ вопросъ психіатріи—и только. Съ легкой (и даже черезчуръ легкой) руки Макса Нордау, крайне растяжимое понятіе *вырожденія* примѣняется larga manu къ міру искусствъ, и спеціалисты усердно роются въ біографіяхъ поэтовъ и художниковъ, тщательно выуживая оттуда хотя бы и совершенно отрывочныя свѣдѣнія, способныя бросить тѣнь на психику этихъ представителей искусства *).

*) Такими попытками, нисколько въ сущности еще не выясняющими вліяніе психики на процессъ творчества, изобилуетъ, напримѣръ, очеркъ д-ра Лорана (Emile Laurent, *La poésie décadente devant la science psychiatrique*; Па-

Нужно ли говорить, что такой взглядъ на вещи отличается крайней односторонностью, даже когда рѣчь идетъ хотя бы только о поэзіи декадентовъ, и, если въ началѣ этой статьи мы назвали декадентство и символизмъ чисто болѣзненными явленіями, мы имѣли въ виду, конечно, не индивидуальную психику представителей этихъ двухъ направленій искусства, а общій характеръ „новаго искусства“. Объяснять умственныя эпидеміи индивидуальными особенностями лицъ, становящихся жертвами этихъ эпидемій, это значитъ изъ-за деревьевъ не видѣть лѣса. Тутъ дѣло не столько въ личной неуравновѣшенности представителей „новаго искусства“, сколько въ общихъ условіяхъ, вызывающихъ въ этихъ неуравновѣшенныхъ людяхъ одну и ту же hypertrophie du *moi*, т. е. такое душевное состояніе, при которомъ процессъ творчества не способенъ сосредоточить на себѣ все вниманіе художника и превращается поэтому изъ поисковъ „союза волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ“ въ одну автоматическую игру звуковъ: „чувства и думы“ стушевываются, исчезаютъ; чисто интеллектуальныя ассоціаціи, основанныя на аналогіи понятій и образовъ, уступаютъ мѣсто ассоціаціямъ низшаго порядка, ассоціаціямъ поверхностнымъ, основаннымъ, напр., исключительно на созвучіи словъ и т. п.

Склонные подчасъ къ маніи величія и гордящіеся даже своими дѣйствительными или только воображаемыми психическими аномаліями жрецы „новаго искусства“ могутъ, правда, сослаться на не разъ высказывавшееся въ наукѣ и въ извѣстномъ смыслѣ совершенно вѣрное мнѣніе, по которому сознательный процессъ мышленія представляетъ только переходный фазисъ отъ низшей мозговой организаціи къ высшей, такъ что, какъ выразилъ это, глубоко возмущавшійся такимъ мнѣніемъ, Маудсли, „усовершенствованіе организма какъ будто совпадаетъ съ его деградаціей на степень машины“. Мнѣніе это вѣрно въ томъ только смыслѣ, что сознательный процессъ мышленія предполагаетъ непремѣнно такіе поиски, колебанія и затрудненія, какихъ не знаетъ автоматизмъ: въ автоматическомъ механизмѣ передача вибрацій совершается съ большей скоростью и большей точностью (не имѣющей, конечно, ничего общаго съ точностью вызываемыхъ образовъ); различныя составныя части этого механизма реагируютъ безъ той потери

рижъ, 1897), который неизвѣстно зачѣмъ привлекъ за одно къ отвѣтственности технику поэтовъ, ничего общаго съ декаденствомъ не имѣющихъ, вродѣ Байрона, и даже ученыхъ, историковъ и романистовъ—Бэкона, Карлейля, братьевъ Гонкуровъ и т. п. Другой аналогичный очеркъ (Баженовъ, *Символисты и декаденты; психіатрическій этюдъ*. Москва, 1899) страдаетъ въ этомъ отношеніи той же, вполнѣ понятной, неполнотой и отрывочностью свѣдѣній, заставляющей автора, въ концѣ концовъ, отказаться отъ попытки вполнѣ опредѣленно зачислить такихъ выдающихся представителей новаго искусства, какъ *Стефанъ* Малларме или Мэтерлинкъ «въ ту или иную рубрику психопатологіи».

времени, которая неизбѣжна при сознательной работѣ ума и т. д. Все это такъ, но... увы! къ крайнему огорченію поэтовъ-автоматовъ, тутъ возникаетъ цѣлый рядъ всевозможныхъ *но*. Не говоря уже о томъ, что если психическіе процессы, теперь сознательные, когда нибудь станутъ автоматическими, отъ этого сознательное мышленіе вовсе не исчезнетъ, а только перемѣнитъ свой объектъ, станетъ еще болѣе сложнымъ, будетъ орудовать отвлеченіями болѣе высокаго порядка, завоевывать новыя области для своей плодотворной дѣятельности *)—не говоря уже объ этомъ, мы должны прежде всего имѣть въ виду, что искусство, низведенное на степень автоматической функціи, eo ipso перестаетъ быть искусствомъ. Конечно, пользованіе нѣкоторыми художественными формами, поэтическими образами, эпитетами, сравненіями можетъ à la longue принять чисто автоматическій характеръ и, какъ мѣтко замѣчаетъ А. Н. Веселовскій, „къ инымъ зеленымъ лугамъ и синимъ небесамъ не относится сознательно самъ поэтъ, не относимся и мы; эпитетъ потерялъ свою конкретность и только обременяетъ слово" **), но для того, чтобы удовлетворить задачамъ искусства, художественное творчество требуетъ непремѣнно активнаго участія личности художника. Этотъ послѣдній, говоря словами Льва Толстого, „сознательно, извѣстными внѣшними знаками передаетъ другимъ испытанныя имъ чувства, а другіе люди заражаются этими чувствами и переживаютъ ихъ". Такая „передача чувствъ" несовмѣстима съ полнымъ психическимъ автоматизмомъ художника.

Изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ ясно, что явленія психическаго автоматизма нисколько не предполагаютъ болѣе или менѣе постояннаго разстройства умственныхъ способностей: эти явленія наблюдаются и у нормальныхъ людей „либо когда высшій психическій центръ слабъ, утомленъ, подвиженъ, отказывается отъ господства, которое онъ долженъ, обыкновенно, имѣть надъ автоматическими центрами; либо, когда этотъ высшій центръ, напротивъ, сильно фиксируетъ, поглощенъ какой нибудь заботой, какой нибудь мыслью. Въ обоихъ случаяхъ, между этимъ центромъ и центромъ автоматизма существуетъ диссоціація: каждый изъ нихъ ведетъ свою линію (bat sa marche); привычное сотрудничество нарушено; существуетъ умственный разрывъ между высшими психическими центрами и низшими... Когда, подъ вліяніемъ страсти, ясность и свобода высшаго психическаго центра поколеблены, человѣкъ дѣйствуетъ, какъ автоматъ: высшій пси-

*) См. по этому поводу статью проф. А. Герцена *Les conditions physiques de la conscience* въ «Revue de Genève», янв., февр. и мартъ 1896 г.; стр. 32—37 отдѣльнаго оттиска.

**) А. Веселовскій. *Изъ исторіи эпитета*, «Журн. Минист. Нар Просв.», ноябрь 1895, стр. 187.

хическій центръ отвлеченъ самой страстью и неспособенъ контролировать осуществленіе исходящихъ отъ него импульсовъ“ *).

Во время сна или, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣкоторыхъ фазисовъ сна, психическая дѣятельность, какъ извѣстно, не прекращается, проявляясь въ формѣ сновидѣній, но это—опять-таки дѣятельность „безъ царя въ головѣ“, дѣятельность низшаго порядка, не подвергающаяся критическому контролю самосознательной личности. Отсюда тотъ общій различнымъ автоматическимъ состояніямъ роковой характеръ непреложной необходимости совершающагося; отсюда неопредѣленность и расплывчатость съ невѣроятной быстротой смѣняющихъ одна другую картинъ; отсюда преобладаніе простыхъ звуковыхъ или письменныхъ ассоціацій надъ ассоціаціями болѣе сложными, сочетаніе разныхъ ощущеній звука и свѣта, преувеличеніе ощущеній и т. п.

Всѣ эти черты психическаго автоматизма не трудно отмѣтить и въ произведеніяхъ „новѣйшихъ“ поэтовъ.

Неопредѣленность и расплывчатость образовъ тутъ даже возводится въ перлъ созданія и, устами Верлэна, жрецы новаго искусства смѣло заявляютъ, что для нихъ нѣтъ ничего милѣе этой поэтической туманности:

Rien de plus cher que la chanson grise
Où l'indécis au précis se joint.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, сколько indécis и какъ мало précis хотя бы въ слѣдующей „сѣрой пѣснѣ“, вылившейся изъ-подъ пера г. Льдова:

Повисли сѣрые туманы,
Клубится сумрачная мгла...
Мой духъ въ заоблачныя страны
Нѣмая греза увлекла.

Я позабылъ земные звуки,
Утратилъ слова даръ земной
И чьи-то пламенныя руки
Простерлись властно надо мной.

Осеннихъ дней воспоминанья
Святой огонь испепелилъ,
Послѣднимъ трепетомъ страданья
Я содрогнулся—и застылъ.

И переходъ былъ такъ прекрасенъ
Отъ бытія къ небытію,
Какъ будто брошенъ я, безгласенъ,
На грудь лилейную твою!

Тутъ и сѣрые туманы, и сумрачная мгла, и заоблачныя страны, и *нѣмая* греза, и *чьи-то* пламенныя руки, и лилейная грудь—

---

*) Grasset, *loc. cit.*, стр. 155 и 160.

опять-таки неизвѣстно чья, а въ смыслѣ précis только то на лицо, что поэтъ (какая жалость!) „позабылъ земные звуки, утратилъ слова даръ земной“.

Такія же „нѣмыя“ грезы и г. Фофанова

. . . . . манятъ страстно
Къ глуши невѣдомой своей,
Гдѣ все свершится, что напрасно
Я ждалъ отъ жизни и людей,

и можно только удивляться увѣренности, съ которою поэтъ заявляетъ, повидимому, en toute connaissance de cause, будто именно тамъ, въ глуши невѣдомой, „все свершится, что напрасно онъ ждалъ отъ жизни и людей“ и что онъ ужъ совсѣмъ напрасно оставляетъ въ туманѣ.

Туда же, въ сѣрый туманъ излюбленнаго французскимъ учителемъ indécis, стремится и г-жа Гиппіусъ, которая откровенно сознается, что и само это стремленіе неизвѣстно „откуда пришло, откуда“.

Расплывчатость образовъ усугубляется подъ вліяніемъ проявляющагося обыкновенно при пониженной мозговой работѣ сочетанія разныхъ ощущеній звука, свѣта, запаха и т. д., слѣдствіемъ чего получаются не только сѣрыя, но даже совсѣмъ безцвѣтныя картины, передающія, быть можетъ, дѣйствительныя, мимолетныя состоянія погруженной въ дремоту психики поэта—состоянія, не способныя найти въ читателѣ не только душевный откликъ, но хотя бы простое пониманіе, ибо что прикажете понять изъ слѣдующей фантазіи Густава Кана:

Un peu de blond, un peu de bleu, un peu de blanc.
Pourras-tu revenir dans les soirs, ô vieux Rêve!
L'Andante qui finit par l'Albe de l'Eve,
Un peu de son, de parfums doux, et du très lent.

Наконецъ, не мало способствуетъ неопредѣленности образовъ и характеризующее различныя состоянія психическаго автоматизма преувеличеніе ощущеній. Именно этимъ преувеличеніемъ ощущеній и слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, объяснить невѣроятно часто встрѣчающіеся у новѣйшихъ французскихъ поэтовъ архаизмы и неологизмы: отсутствіе задерживающаго вліянія анализа впечатлѣній вызываетъ на каждомъ шагу превращеніе мухи въ слона, а соотвѣтственно съ этимъ и общеупотребительная рѣчь оказывается недостаточной...

Еще болѣе любопытно преобладаніе, въ произведеніяхъ этихъ поэтовъ, простыхъ звуковыхъ ассоціацій надъ ассоціаціями болѣе сложнаго характера—преобладаніе, замѣчаемое также у дѣтей, у психическихъ больныхъ, у спящихъ и т. п., т. е. во всѣхъ случаяхъ, гдѣ самосознательная умственная дѣятельность выражена очень слабо или совершенно отсутствуетъ.

Мори, авторъ не утратившаго до сихъ поръ своего интереса изслѣдованія о снѣ и сновидѣніяхъ *), разсказываетъ, что одному его знакомому снился однажды садъ (jardin). Слово jardin вызвало въ автоматически работающемъ мозгѣ спящаго фамилію извѣстнаго въ свое время путешественника Chardin'a, который тутъ же—въ силу исключительнаго господства звуковыхъ ассоціацій и преобладанія аналогій словъ надъ аналогіями понятій—вручилъ разсказчику романъ Janin'a. Другой аналогичный фактъ: подъ вліяніемъ размышленій о словѣ *километръ*, Мори увидѣлъ себя во снѣ гуляющимъ по большой дорогѣ и разсматривающимъ столбы, на которыхъ отмѣчены въ километрахъ разстоянія; отъ километра онъ вдругъ перешелъ къ *кило*грамму, очутившись на вѣсахъ бакалейщика, каковой бакалейщикъ объявилъ ему, что онъ, Мори, находится теперь на островѣ *Жилоло*... Сонъ продолжается и Мори видитъ цвѣтокъ, носящій названіе *лобели*, затѣмъ генерала *Лопецъ* и, наконецъ, садится играть въ *лото*.

Все это, читатель, сны, а французскій декадентъ уже на-яву, но опять-таки только въ силу того-же психическаго автоматизма и той же анархической дѣятельности низшихъ мозговыхъ центровъ, озаглавливаетъ свои стихотворенія: Solo de saule, Sepulcrum pulchrum, Nix et nox, Prométhées promis, Peignoir-Baignoire, Rictus ictus и т. п. **). А вотъ, для примѣра, и одно изъ стихотвореній этого неумѣреннаго любителя созвучій: называется оно *Trêve*, и, какъ сейчасъ увидитъ читатель, это слово является точкой отправленія для цѣлаго ряда звуковыхъ комбинацій, въ которыхъ столько же смысла и логической связи, сколько въ вереницѣ образовъ, вызванныхъ въ сновидѣніи Мори двумя слогами *ки-ло*.

De rive en rive,
De rêve en rêve,
L'homme se prive,
L'âme se grève.

Aucune grève
Aucune grive
De rêve en rêve
De rive en rive.

Rien qui n'arrive.
Rien qu'on n'achève,
De rêve en rive,
De rive en rêve.

Rien qui ne crêve,
Rien qu'on n'écrive,
De rive en rêve
De rêve en rive

---

*) Alfred Maury, *Le sommeil et les rêves*; 4-е изд., Парижъ, 1878; стр. 137—138.

**) R. de Montesquiou-Fegensac, *Les hortensias bleus;* Парижъ, 1896 г.

Rien qui ne rive
De longue à brève,
A la dérive,
A la dérêve...

Можно, конечно, и обладая истиннымъ дарованіемъ, „шутить стихомъ, играть словами“ и для забавы писать, въ веселую минуту, о томъ, какъ

На мызѣ Кузѣ, муза мызы
Сидитъ и смотритъ въ небосклонъ,

но такъ можно писать именно только для забавы и только о такихъ предметахъ, какъ „мыза Куза“, а не для того, чтобы окончательно засвидѣтельствовать передъ современниками и потомствомъ свое недосягаемое величіе. Вѣдь подумайте, читатель, что французское стихотвореніе, которое я сейчасъ привелъ, фигурируетъ у автора — подъ какой рубрикой?.. ни болѣе, ни менѣе какъ подъ рубрикой Ecce homo! Что сей сонъ (вотъ ужъ именно сонъ) значитъ? При чемъ тутъ идеалъ не то, что человѣка вообще, но хотя бы поэта? Вѣдь даже въ смыслѣ фокусничества можно представить себѣ нѣчто болѣе совершенное. Вотъ, напр., г. Мережковскій, которому по части такихъ справокъ и книги въ руки, повѣствуетъ о нѣкомъ Публіи Оптатіанѣ Порфиріи, написавшемъ „диѳирамбъ Констанцію стихами различной длины, такъ что строки образовали цѣлыя фигуры, напр., многоствольную пастушью флейту, гидравлическій органъ, жертвенный алтарь, при чемъ дымъ былъ изображенъ въ видѣ нѣсколькихъ неравныхъ коротенькихъ строчекъ надъ алтаремъ. Чудомъ ловкости были квадратныя поэмы, состоявшія изъ 20 или 40 гекзаметровъ. Нѣкоторыя буквы выводились красными чернилами: при соединеніи, красныя буквы, внутри квадратовъ, изображали то монограмму Христа, то цвѣтокъ, то арабескъ, — причемъ выходили новыя строки съ новыми комплиментами. Наконецъ, послѣдніе четыре гекзаметра въ книгѣ могли читаться на 18 различныхъ ладовъ, съ конца, съ начала, съ середины, сбоку, сверху, снизу и т. д.; какъ ни читай,—все выходила похвала императору“ (*Отверженный*, стр. 67—68).

Не угодно ли теперь читателю, для большей полноты впечатлѣнія, полюбоваться интереснымъ образчикомъ той важности, съ которою смотрятъ нѣкоторые искатели новыхъ путей въ искусствѣ на свою „великую“ миссію. Авторъ уже цитированнаго нами очерка *La poésie décadente devant la science psychiatrique* имѣлъ несчастіе смѣшать одного изъ такихъ ультра-новаторовъ съ декадентами и символистами, за что и получилъ такую строгую отповѣдь: „У меня нѣтъ ничего общаго съ декадентами и символистами; я — глава эволютивно-инструментистской школы (école évolutive-instrumentiste), насчитывающей по сей день тридцать поэтовъ, борющихся вмѣстѣ со мною, во имя раціональныхъ

принциповъ, съ этими декадентами и символистами, какъ съ пережевывающими прошлое. Это извѣстно... Извѣстно также, что я работаю надъ Трудомъ (*OEuvre* съ прописной буквой), единственнымъ, трудомъ цѣлой жизни, состоящимъ изъ одиннадцати книгъ, т. е. болѣе чѣмъ изъ 30 томовъ, трудомъ одинаково поэтическимъ, философскимъ и соціологическимъ. Этотъ трудъ представляетъ развитіе моего принципа эволютивной философіи, научно обоснованнаго, и моя теорія словесной инструментаціи есть адекватная и научная же *форма* для выраженія этого Труда... Что касается краски *гласныхъ*, то г. докторъ долженъ былъ бы понять, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ прогрессивной эволюціей нашихъ высшихъ чувствъ и что мы идемъ такимъ путемъ къ сознательному синтезу ощущеній!“ *).

Изъ приведенныхъ выше образцовъ декадентской поэзіи читатель уже знаетъ, какія бываютъ на свѣтѣ удивительныя „словесныя инструментаціи“ и какъ господство сочетаній звуковъ неотвязчиво преслѣдуетъ автомата-риѳмоплета. Не всегда, конечно, оно проявляется въ такой грубой, обнаженной формѣ, но это,—во всякомъ случаѣ,—страшная сила, ежеминутно угрожающая тому, чей внутренній міръ не участвуетъ всецѣло въ процессѣ художественнаго творчества. Въ этомъ отношеніи весьма цѣнно признаніе, вырвавшееся изъ подъ пера поэта, заплатившаго и продолжающаго платить дань современной музѣ „звуковъ сладкихъ и молитвъ“: г. Минскій прекрасно обрисовалъ это могущество словъ, которыя „сами по себѣ обладаютъ какою-то притягательною, какъ бы накликающей силой“, такъ что мысль становится „рабою своихъ рабовъ; чуть только она рождается, на нее, беззащитную, со всѣхъ сторонъ нападаютъ образы, сравненія, берутъ ее въ плѣнъ и влекутъ по прямому направленію, оглушая своимъ звономъ“ (*При свѣтѣ совѣсти;* 2-е изд., стр. 126—127).

Судя по нѣкоторымъ даннымъ, плѣнной мысли поэтовъ-автоматовъ удается, однако, иногда, хоть на мигъ, освободиться отъ оглушительнаго пустозвона звуковъ—въ такія мгновенія нашимъ отечественнымъ піитамъ и поэтамъ, въ угоду модному теченію „позабывшимъ земные звуки“ и поющимъ съ чужого голоса, становится не по себѣ: даже г. Случевскій, которому и забывать-то, собственно говоря, нечего было, вдругъ замѣчаетъ тогда, что все это не то, что ломаться совершенно незачѣмъ или, по крайней мѣрѣ, „что ясной мысли вслѣдъ идти возможно“ (sic!)... Тогда, можетъ быть, г. Минскій оплакиваетъ потерянный рай — *земной* рай—и съ горечью повторяетъ слова „Послѣдняго луча“ г. Бальмонта:

О, да, я помню! Да, я былъ живымъ,
Когда-то!

*) Emile Laurent, *loc. cit.*, стр. 102—103.

Должно быть, въ одну изъ такихъ именно минутъ г-жа Лохвицкая сочинила себѣ и коллегамъ отходную, въ которой заявлялось, что всѣ они

Въ мечтахъ—великіе,
Въ дѣяньяхъ—ложные,
Въ порывахъ—дикіе,
Въ слезахъ—ничтожные,

„бродятъ странные среди ненастія". И это въ сущности вполнѣ вѣрно, даже вплоть до не совсѣмъ красиваго „ненастія", но подходящее ли времяпрепровожденіе—бродить такъ, зря, „все равно какимъ путемъ" и могутъ ли куда нибудь привести всѣ эти „странности" и „дикіе порывы", хотя бы они обусловливались „великими" мечтами и до нѣкоторой степени оправдывались окружающимъ „ненастіемъ"? На эти вопросы даже г. Сологубъ—должно быть, опять-таки въ одну изъ рѣдко выдающихся въ жизни новѣйшихъ поэтовъ минутъ дѣйствительно свободнаго творчества—отвѣтилъ безнадежно-отрицательно, причемъ поэтъ даже позавидовалъ судьбѣ доблестнаго Тезея, котораго мудрая Аріадна спасла среди запутанныхъ путей, „а я"—плакался г. Сологубъ—

А я—въ тиши, во тьмѣ блуждаю,
И въ лабиринтѣ изнемогъ,
И ужъ давно не понимаю
Моихъ обманчивыхъ дорогъ.
Все жду томительно: устанетъ
Судьба надежды хоронить,
Хоть передъ смертью мнѣ протянетъ
Путеводительную нить,—
И вновь я выйду на свободу—
Подъ небомъ яснымъ умереть
И, умирая, на природу
Глазами ясными смотрѣть.

Да сдѣлайте одолженіе, г. Сологубъ, вырвитесь—вы съ товарищи ваши — изъ добровольно наложенныхъ вами на себя узъ, уйдите подальше отъ моднаго повѣтрія, „выйдите на свободу", и вовсе не для того, чтобы „подъ небомъ яснымъ умереть", а чтобы, *живя*, на природу и *на жизнь* „глазами ясными смотрѣть". Пора бы, право!

Левъ Шейнисъ.

Разсказы Ив. Вазова *).

(Переводъ съ болгарскаго).

I.

Младенъ.

Поѣздъ только что остановился у станціи и уже готовился двинуться дальше. Онъ стоялъ тутъ не больше двухъ минутъ,—ровно столько, сколько было нужно для того, чтобы обмѣнять почтовую корреспонденцію. Рѣдко, рѣдко когда приходилось на этой заброшенной станціи оставлять или брать новыхъ пассажировъ.

Но сегодня—не въ примѣръ другимъ днямъ—передъ станціоннымъ зданіемъ собралась довольно густая толпа крестьянъ и крестьянокъ. Они живо болтали и прощались съ кучкою молодыхъ парней, шапки которыхъ были украшены цвѣтами и черешневыми вѣтками.

Это были запасные солдаты изъ ближняго села К., вызывавшіеся въ полкъ на обученіе. Обученіе должно было продолжаться всего три недѣли, но по окрестнымъ селамъ про-

---

*) Ив. Вазовъ—самый выдающійся представитель современной болгарской литературы, равно талантливый поэтъ и прозаикъ. За свои поэтическія произведенія, составляющія нѣсколько отдѣльныхъ сборниковъ, онъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ торжественно провозглашенъ болгарскимъ народнымъ поэтомъ. Какъ прозаикъ, онъ извѣстенъ цѣлымъ рядомъ талантливыхъ, часто пропитанныхъ неподдѣльнымъ юморомъ, разсказовъ изъ болгарской жизни, нѣсколькими драматическими произведеніями и двумя большими романами изъ современной болгарской исторіи. Одинъ изъ нихъ—«Подъ игомъ»—нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ переведенъ въ «Мірѣ Божіемъ». Другой—«Новая Земля»—изображаетъ общественно-политическую жизнь Болгаріи въ первые годы послѣ освобожденія отъ «ига». Въ разное время были переведены на русскій языкъ и нѣкоторые изъ его мелкихъ разсказовъ, но, вообще говоря, въ другихъ европейскихъ странахъ,—особенно въ славянскихъ,—его знаютъ лучше и цѣнятъ выше, чѣмъ у насъ, гдѣ онъ извѣстенъ гораздо меньше, чѣмъ того заслуживаетъ какъ по мѣсту, которое онъ занимаетъ въ своей родной литературѣ, такъ и по своему несомнѣнному таланту. *Прим. Перев.*

шелъ ложный слухъ о войнѣ, и потому-то крестьяне провожали своихъ сыновей и братьевъ съ особою торжественностью. Они скучились передъ старымъ, длиннымъ вагономъ третьяго класса, прицѣпленнымъ къ поѣзду тотчасъ же за локомотивомъ. Этою честью нищенскій вагонъ былъ обязанъ очень зловѣщимъ соображеніямъ: при несчастныхъ случаяхъ передніе вагоны имѣютъ печальную привилегію обращаться—вмѣстѣ съ заключенными въ нихъ живыми существами—въ обломки и, такимъ образомъ, спасать отъ перваго гибельнаго удара задніе вагоны II и I класса.

Но мысль объ этихъ гуманныхъ разсчетахъ желѣзнодорожнаго управленія не приходила въ голову никому изъ тѣхъ, которые стояли теперь передъ вагономъ или были набиты внутри его. Они были охвачены совсѣмъ иными мыслями и чувствами... Но вотъ дверцы вагоновъ начали хлопать,—знакъ, что сейчасъ раздастся крикъ кондуктора: готово! Парни высовывали головы изъ оконъ вагона и обмѣнивались послѣдними прощальными словами съ остававшимися.

Въ послѣдній моментъ, когда поѣздъ вздрогнулъ и уже начиналъ трогаться, красивая черноглазая дѣвушка вскочила на ступеньку вагона и протянула вѣтку высокому синеглазому солдату, который быстро подхватилъ даръ и крѣпко пожалъ при этомъ протягивавшуюся къ нему руку.

Поѣздъ тронулся, и молодые люди не успѣли обмѣняться ни однимъ словомъ. Вспыхнувшая румянцемъ дѣвушка слѣдила, затаивъ дыханіе, за быстро удалявшимся вагономъ, въ одномъ изъ оконъ котораго долго еще виднѣлась непокрытая голова синеокаго солдата.

Солнце уже садилось. Поѣздъ съ трудомъ взбирался на подъемъ, съ котораго какъ на ладони можно было еще видѣть и станцію съ толпою собравшихся тамъ крестьянъ, и село, раскинувшееся дальше въ неглубокой котловинѣ и освѣщенное послѣдними солнечными лучами. Еще немного, и оно загорѣлось золотымъ пятномъ на фонѣ черной пашни и потомъ окончательно потонуло въ огненномъ морѣ. Начинало темнѣть. Поѣздъ несся быстрѣе и быстрѣе надъ опустѣвшими и потемнѣвшими полями. Въ вагонѣ зажгли лампы. Солдатики начинали вынимать свои торбы съ провизіею и приступали къ ужину. Вдругъ раздался оглушительный свистъ паровоза, и поѣздъ остановился.

— Что такое? Станція?—спрашивали другъ друга путники, вглядываясь въ темноту. Но ничего похожаго на станцію нигдѣ не было. Поѣздъ остановился посреди поля: очевидно, на пути встрѣтилось какое-то препятствіе.

— Въ чемъ дѣло? Что случилось?—раздавались безпокойные вопросы.

— Красный фонарь виднѣется!—объявилъ од[illegible]ъ высунув-шійся изъ окна солдатъ.

Дѣйствительно, впереди горѣлъ красный фо[illegible]ъ, означав-шій, что путь дальше несвободенъ. Скоро вы[illegible]илось, что ближайшій мостикъ провалился, и поѣзду пр[illegible]тся ждать здѣсь до утра, пока проломъ не починятъ.

— Кому угодно, можетъ выйти!—выкрикивалъ кондукторъ, отворяя одну за другою дверцы вагоновъ.

Черезъ минуту всѣ солдаты были внизу, на полотнѣ до-роги. То же сдѣлали и другіе пассажиры, которые, однако, не отнеслись такъ спокойно и пассивно къ непріятному ин-циденту.

— Это безобразіе!—кричали пассажиры второго класса.

— Ослѣпли они, что-ли?—слышалось изъ перваго класса.—Раньше не могли принять мѣръ для поправки моста!

Ропотъ и недовольство росли.

Одни запасные отнеслись къ происшествію спокойно. Оно ихъ удивило, но не разсердило. Въ нихъ уже пробуждался солдатъ, первою обязанностью котораго является покорность и безропотное терпѣніе.

— Слышь, ребята, идемъ спать на поле!—закричалъ одинъ.

— Да, да, на траву, подъ синее небо!—отозвались другіе,—а „господа“ пусть себѣ спятъ въ вагонахъ.

Солдатскій вагонъ опустѣлъ. А когда „господа“ начали готовиться ко сну и опускали окна, чтобы не проникла къ нимъ ночная сырость, всѣ солдатики валялись уже на мяг-кой травѣ, вглядываясь въ трепещущія далекія звѣзды, которыя осыпали алмазнымъ пескомъ все небо, и думая о недале-комъ селѣ, въ которомъ не одна человѣческая душа вспоми-нала о нихъ и вздыхала по нимъ.

Разговоры понемногу утихли. Волненія дня при прощаніи съ дорогими сердцу людьми и упоительная ночная прохлада скоро смежили очи усталыхъ парней. Не прошло и часу, какъ въ ночной тишинѣ слышалось лишь равномѣрное дыханіе двадцати здоровыхъ молодыхъ людей.

Лишь одинъ изъ нихъ не спалъ. Это былъ Младенъ Рай-чевъ, тотъ самый синеокій парень, которому на станціи подала дѣвушка вѣтку. Образъ дѣвушки не покидалъ его ни на ми-нуту. Онъ стоялъ передъ нимъ такой, какимъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній моментъ передъ тѣмъ, какъ тронулся поѣздъ: съ лицомъ, горѣвшимъ пожаромъ румянца, съ дыханіемъ, прерывавшимся отъ быстраго сер[illegible], съ черными огненными, испуганными глазами, съ ал[illegible] [illegible]ещущими устами, на которыхъ застыли не выговоренн[illegible] [illegible]ощальныя слова.. Рука

его и теперь еще горѣла отъ послѣдняго пожатія ея руки и крѣпко сжимала данную ею вѣтку. Дума его была полна тайнымъ и мучительнымъ чувствомъ, напоминавшимъ неутоленную жажду, говорившимъ о страстной потребности кого-то видѣть, кому-то что-то высказать, что-то неопредѣленное и неуловимое, но давившее ему сердце, какъ какой нибудь тяжелый камень. Ему казалось минутами, что душа его осталась тамъ, на станціи... Муки, которыя онъ испытывалъ, были тѣмъ болѣе сильны, что за послѣдніе дни онъ совсѣмъ не видѣлъ Цанки; онъ увидѣлъ ее лишь въ минуту отъѣзда, да и то на одинъ лишь мигъ... Онъ не успѣлъ обмѣняться съ нею ни однимъ словомъ, а имъ такъ много, такъ много надо было переговорить между собою. Она мелькнула передъ нимъ, исчезла, какъ сонъ. Да, настоящій сонъ, на яву. Очевидно, бѣдняжка должна была тайкомъ урваться изъ дому, чтобы проводить его, и едва, едва успѣла... И онъ самъ былъ причиною того, что за нею слѣдили дома. Вчера еще зашелъ онъ къ ея отцу—Миля Каражелову, мѣстному чорбаджію, гордому, злоязычному и горячему крестьянину...

— Бай Милю,—сказалъ онъ ему тогда,—завтра я ухожу съ другими запасными въ полкъ; пришелъ попрощаться съ тобою и попросить твоего благословенія...

Милю давно уже былъ во враждѣ съ отцомъ Младена и это въ первый разъ, что Младенъ осмѣлился переступить порогъ его дома.—Съ чего это ему вздумалось прощаться со мною и просить моего благословенія—думалъ подозрительно Милю, мрачно глядя на своего нежданнаго гостя.

— Идешь?—проговорилъ онъ, наконецъ.—Въ добрый часъ! Тамъ, можетъ, сдѣлаютъ изъ тебя человѣка... Покойный Райчо, прости ему Господь, породилъ васъ такими собачьими дѣтьми, что...

— Бай Милю, не говори про отца худого,—прервалъ его разсерженный Младенъ.—Довольно ты его грызъ при жизни...

— Да чего тебѣ тутъ надо, парень? Идешь, такъ и иди себѣ,—закричалъ Милю, съ ненавистью глядя на Младена.

Но Младенъ и глазомъ не моргнулъ. Грубость раздраженнаго чорбаджія не пошатнула его рѣшительности.

— Я уйду,—сказалъ онъ,—но прежде чѣмъ уйти, скажу тебѣ два слова, и эти слова запомни себѣ хорошенько...

— Скажи, послушаю.

— Когда вернусь со службы, если буду живъ...

— Если будешь живъ?! Подумаешь, какъ страшно!..

— ...Если буду живъ, приду къ тебѣ за Цанкою... Не отдавай ее никому другому.

Услыхавъ такія дерзкія рѣчи, Милю подумалъ сначала, что Младенъ шутитъ, но, вглядѣвшись въ его глаза, увидѣлъ

въ нихъ не смѣхъ, а смѣлую рѣшительность. Тогда гнѣвъ Милю уступилъ мѣсто чувству глубочайшаго презрѣнія.

— Ты, собачій сынъ, хочешь чужихъ дочерей, да тебя-то кто хочетъ, нищенка ты этакій! Подумалъ ли ты объ этомъ? Смотрите на него, добрые люди: его гонятъ изъ села, а онъ зарится на поповскій домъ...

— Я попрошу у тебя Цанку, потому что мы любимъ другъ друга,—проговорилъ Младенъ, опуская глаза.

Вмѣсто всякаго отвѣта, Милю захохоталъ во всю глотку, засунулъ руки въ карманы штановъ и, продолжая презрительно смѣяться, пошелъ въ другую комнату.

— Не давай Цанки никому, слышишь!—закричалъ Младенъ задыхающимся голосомъ,—иначе въ порошокъ тебя изотру... въ пепелъ все обращу...

И бѣдный парень пошелъ домой и по пути долго еще слышалъ за собою громогласныя ругательства Милю:—Разбойникъ изъ разбойниковъ, будь ты проклятъ! Отъ разбойника отца что можетъ выйти, кромѣ разбойника сына? Только разбойникъ же!..

Эта сцена ярко всплыла теперь въ памяти Младена, и въ груди его снова закипѣла дикая злоба.—Я его убью, если онъ отдастъ ее другому, и ее убью, и себя вмѣстѣ съ нею—прошепталъ онъ... Но скоро мысли его приняли другое направленіе и остановились на болѣе нѣжной и успокоительной картинѣ. Тамъ тихо спитъ село подъ куполомъ звѣзднаго неба; вдоль Милева плетня извивается и журчитъ протекающій ручеекъ, у береговъ котораго дремлютъ гуси; все тихо во дворѣ; едва шепчутся грушевыя деревья, раскинувшія свои вѣтви надъ амбаромъ, въ которомъ обыкновенно спитъ Цанка. Всѣ ея домашніе теперь спятъ, но Цанка не спитъ, какъ не спитъ и ея возлюбленный, всѣ мысли котораго заняты ею. Какъ бы обрадовалась она, если бы вдругъ услышала его тихій зовущій шопотъ! Какое счастье было бы для нихъ обоихъ быть теперь вмѣстѣ, разсказать другъ другу, прежде чѣмъ проститься, все, что лежитъ у обоихъ на душѣ!.. И тутъ у него вдругъ пронеслось въ головѣ: да почему-бы, въ самомъ дѣлѣ, имъ и не свидѣться? Развѣ это невозможно? До разсвѣта еще 4—5 часовъ,—больше, чѣмъ нужно для того, чтобы сбѣгать на свиданіе и вернуться во время. И едва эта мысль промелькнула въ его головѣ, она обратилась въ твердое, окончательное рѣшеніе. Теперь ничто не могло бы остановить его. Если бы огненная рѣка пересѣкла ему путь, онъ переплылъ бы ее; если бы плетень бая Милю превратился въ крѣпостной валъ, онъ перебрался бы черезъ него... Звѣзды молчаливо трепетали на глубокомъ лазурномъ небѣ. Вокругъ царила полная тишина, нарушаемая лишь богатыр-

скимъ храпомъ крѣпко спавшихъ солдатъ. Младенъ осторожно приподнялся и быстро побѣжалъ полемъ вдоль полотна желѣзной дороги. Минута, другая, и онъ исчезъ въ полумракѣ лѣтней ночи.

Минула уже полночь, когда весь объятый сладостью свиданья выходилъ Младенъ изъ села. До сихъ поръ его никто не видѣлъ. Село было пусто и мертво, и Младенъ могъ надѣяться, что его ночная экскурсія такъ же, какъ и цѣль ея, останется для всѣхъ тайною. Онъ начиналъ понимать теперь, что его поступокъ былъ, въ сущности, безуменъ, что онъ нарушилъ солдатскую дисциплину. Онъ спѣшилъ выйти въ поле, боясь, чтобы заря не застала его на пути.

Вѣтеръ усилился и глухо гудѣлъ между плетнями и орѣховыми деревьями, которыми они были обсажены. Когда Младенъ былъ уже въ полѣ, слѣва отъ него заблестѣлъ вдругъ яркій свѣтъ. Младенъ взглянулъ въ этомъ направленіи: не болѣе, какъ въ сотнѣ шаговъ отъ него, яркіе огненные языки вырывались изъ сложенныхъ на сжатой уже нивѣ копенъ. Вѣтеръ подхватывалъ искры, перебрасывалъ ихъ на сосѣднія копны, образовывая изъ нихъ цѣлую огненную полосу, ярко освѣщавшую окрестности... Въ этотъ моментъ Младенъ вдругъ услыхалъ человѣческіе шаги; онъ остановился, вглядѣлся вдаль и увидѣлъ двѣ шедшія ему на встрѣчу человѣческія фигуры. Онѣ вошли въ полосу свѣта, и Младенъ призналъ въ нихъ двухъ своихъ односельчанъ. Онъ бросился въ сторону, спрятался за сосѣдними копнами и вышелъ изъ своей засады лишь тогда, когда они прошли мимо. Онъ былъ увѣренъ, что они его не видѣли и, нѣсколько успокоившись, остановился посмотрѣть на пожаръ. Ужасная картина наполнила жалостью его сердце. Передъ его глазами гибли плоды безмѣрныхъ усилій и страданій, обращалось въ пепелъ цѣлое богатство, созданное совмѣстнымъ трудомъ человѣка и природы, и никакая сила въ мірѣ не могла бы спасти, исторгнуть изъ объятій алчной стихіи этотъ сухой и легковоспламенимый матеріалъ. Этотъ пожаръ былъ, очевидно, дѣломъ какого нибудь злодѣя-поджигателя и потому показался плохимъ предзнаменованіемъ Младену. Онъ снова тронулся въ путь, и долго еще зловѣщій отблескъ пожара преслѣдовалъ его своимъ свѣтомъ. Онъ вздохнулъ свободнѣе лишь тогда, когда перевалилъ подъемъ, скоро закрывшій отъ него зарево пожара. Когда онъ подошелъ къ поѣзду, товарищи его всѣ еще спали. Онъ бросился возлѣ нихъ на траву и сразу заснулъ, какъ убитый. Заря начинала окрашивать слабымъ свѣтомъ поблѣднѣвшее небо.

На завтра, часамъ къ 9 утра мостъ былъ готовъ, и поѣздъ двинулся дальше. Къ обѣду онъ прибылъ въ городъ, куда призывались наши солдаты.

На другой день къ вечеру Младена позвали къ командиру. Младенъ былъ не мало удивленъ этимъ нежданнымъ зовомъ, но удивленіе его уступило мѣсто страху, когда онъ, войдя въ комнату, увидѣлъ у командира никого иного, какъ Цанкина отца, Милю чорбаджія.

Онъ поблѣднѣлъ.

— Неужели меня видѣли,—подумалъ онъ,—нѣтъ, не можетъ быть... Милю пришелъ жаловаться на меня за мои угрозы... Нечего бояться...

Лицо офицера было строго. На лицѣ Милю была написана едва сдерживаемая ярость; его губы дрожали.

Младенъ вошелъ и остановился, какъ вкопанный.

— Тебя ли зовутъ Младенъ Райчевъ?—спросилъ, хмуря брови, офицеръ.

— Точно такъ.

— Когда ты явился? Вчера?

— Вчера, господинъ капитанъ.

— Когда вы ночевали при проломившемся мосту, ходилъ ли ты куда нибудь?

Тутъ только Младенъ понялъ, что его экскурсія въ село извѣстна. Онъ рѣшился не увертываться, признаться въ нарушеніи дисциплины и храбро выдержать полагающееся за это наказаніе. Объ одномъ только не скажетъ онъ ни слова,—о своемъ свиданіи съ Цанкою. Нѣтъ, онъ не осрамитъ дѣвушку... ни за что на свѣтѣ. Скорѣе умретъ, но не скажетъ...

И онъ отвѣтилъ, что, дѣйствительно, ходилъ ночью въ село.

— Что ты тамъ дѣлалъ?

Младенъ молчалъ.

— Врешь, не въ село ты ходилъ, а на мою ниву!—злобно закричалъ Милю.

Младенъ опять пересталъ понимать, въ чемъ дѣло. Очевидно, свиданіе его съ Цанкою осталось тайною. Это его обрадовало. Но тогда откуда же этотъ гнѣвъ Милю, и чего онъ отъ него хочетъ? Младенъ недоумѣвалъ.

— Зачѣмъ ты ходилъ на Милеву ниву?—спросилъ офицеръ, убѣжденный теперь, что въ село онъ не ходилъ.

Теперь только Младенъ понялъ, въ чемъ дѣло: подожженныя копны принадлежали Милю, и онъ, очевидно, подозрѣваетъ его въ этомъ страшномъ преступленіи. Онъ возмутился при этой мысли и горячо отвѣчалъ:

— Я ходилъ только въ село, и никакой Милевой нивы знать не знаю.

Офицеръ нахмурился.

— Ладно, а шелъ ли ты черезъ нивы?

— Черезъ нивы? да, я проходилъ возлѣ нихъ, вдоль полотна.

— Встрѣтилъ ли кого нибудь около полуночи?

— Драгана и Ненко Влаха,—замѣтилъ Милю.

— Да.

Младенъ отъ природы не умѣлъ лгать. А вѣдь отрицаніе могло бы спасти его.

— Почему ты спрятался отъ нихъ?

Очевидно, вся бѣда произошла отъ этой злополучной встрѣчи съ крестьянами, которые узнали его, благодаря свѣту отъ пожара. Онъ сильно смутился и отвѣчалъ не сразу.

— Боялся,—сказалъ онъ наконецъ,—чтобы меня не узнали, потому что тайкомъ оставилъ товарищей и ходилъ въ село.

Отвѣтъ показался капитану слишкомъ наивенъ. Всякій другой на мѣстѣ Младена нашелъ бы болѣе правдоподобное объясненіе: напримѣръ, что принялъ встрѣчныхъ крестьянъ за злоумышленниковъ, или что нибудь подобное.

— А чѣмъ ты грозилъ вчера его милости?—спросилъ офицеръ, указывая на Цанкина отца.

Младенъ смутился.

— Чего мнешься?—вмѣшался Милю;—спроси, спроси его, ваше благородіе, не говорилъ ли онъ, что въ порошокъ меня изотретъ, все въ пепелъ обратитъ?

— Отвѣчай! сказалъ офицеръ.

— Говорилъ,—отвѣтилъ Младенъ.

Эта прямота и откровенность удивили офицера и понравились ему. Младенъ началъ казаться ему симпатичнымъ. Къ несчастію, всѣ обстоятельства говорили противъ него. Офицеръ не могъ сомнѣваться, что передъ нимъ стоитъ истинный виновникъ пожара.

— Отведи его на гауптвахту,—приказалъ онъ вѣстовому и, когда Младена увели, сказалъ, обращаясь къ Милю:

— Странное дѣло! По виду и по характеру парня совсѣмъ не похоже, чтобы онъ могъ...

— Настоящій поджигатель, ваше благородіе! Не призналея ли онъ самъ тебѣ, какъ на духу? Отъ разбойника отца развѣ можно ждать другого сына,—живо перебилъ офицера Милю.

По человѣколюбивымъ соображеніямъ преступникъ былъ преданъ не военному, а гражданскому суду, и надо признаться, что рѣдко выдаются процессы такого сорта, въ которыхъ все было бы такъ очевидно, какъ было въ данномъ случаѣ. Улики противъ Младена были до такой степени ясны и неоспоримы, что самъ защитникъ, вопреки упорнымъ

отрицаніямъ подсудимаго, не сомнѣвался въ его виновности и добивался для него не оправданія, а лишь смягчающихъ обстоятельствъ. Прокуроръ имѣлъ случай произнести длинную и вдохновенную обвинительную рѣчь, — не съ цѣлью убѣжденія судей, которыя въ этомъ не нуждались, а исключительно ради удовольствія поблистать краснорѣчіемъ и одержать новую юридическую побѣду, которой никто у него не оспаривалъ. Младена осудили на три года тюремнаго заключенія.

Судьи приняли во вниманіе молодость „злодѣя“, на которую особенно напиралъ защитникъ.

Общественная нравственность получила удовлетвореніе, и правда торжествовала.

Правда—человѣческаго правосудія...

Когда на сценѣ появилось правосудіе божественное, Младенъ просидѣлъ уже 5 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ.

Вскорѣ послѣ Димитрова дня, Милю получилъ повѣстку изъ того же суда, который судилъ Младена. Онъ запрягъ коня и въ назначенный день предсталъ передъ судомъ.

— Знаешь-ли ты Станоя Иванова?—спросилъ его предсѣдатель, отрываясь отъ прошенія, которое держалъ въ рукахъ.

— Знаю... изъ нашихъ онъ.

— Была ли у тебя съ нимъ ссора?

— Какъ не было! Ссорились, извѣстное дѣло.

— Что онъ за человѣкъ?

— Станой? Да нехорошій онъ человѣкъ и все тутъ.

— Не приходило ли когда нибудь тебѣ въ голову, что это онъ могъ поджечь твой хлѣбъ?

— Видитъ Богъ, согрѣшилъ я тогда и прежде всего на него подумалъ... Но оказалось, что подпалилъ тогда меня этотъ негодяй, Райчинъ сынъ! Сказалъ, что подожжетъ, и поджегъ въ ту же ночь... Такой разбойникъ!

Судьи пошептались между собою, и предсѣдатель сказалъ,— обращаясь къ приставу:

— Позовите Станоя Иванова.

Въ залъ вошелъ блѣдный и худой, какъ скелетъ, крестьянинъ лѣтъ около сорока. Глубоко впавшіе глаза его смотрѣли скорбно кругомъ. Его безкровныя уста трепетали, и весь онъ дрожалъ, какъ бы отъ холода.

— Разскажи, Станой, какъ было дѣло, — приказалъ ему предсѣдатель.

Станой повернулся лицомъ къ Милю, оперся обѣими руками на свою палку и заговорилъ слабымъ, дребезжащимъ голосомъ:

— Милю, Милю, сжегъ я Божій хлѣбъ, а онъ меня сжегъ въ наказаніе!.. Видишь ли, что изъ меня стало? живой мертвецъ! Съ той самой ночи, какъ поджегъ я твои копны, прости меня Господи, и обидѣлъ святой Божій хлѣбъ, стряслась со мною бѣда, разболѣлся я, всякій день хуже и хуже... Согрѣшилъ я, Милю, въ злобѣ на тебя, а Господь сто кратъ наказалъ меня. Эхъ, что мы надѣлали съ бѣднягою Райчевымъ сыномъ... Не причемъ онъ тутъ былъ, а мы съ тобою большой грѣхъ взяли на душу, что погубили его молодость... Поразила меня Божья казнь, и пришелъ я сюда самъ признаться въ грѣхѣ. Пусть хоть умру въ тюрьмѣ, да на душѣ легче станетъ... Это вотъ хотѣлъ я сказать тебѣ, Милю, и попросить у тебя прощенія за зло, которое тебѣ сдѣлалъ... А ты проси прощенія у Младена... Проститъ ли насъ Господь, не знаю...

Станой не могъ продолжать далѣе, потому что ноги его начали дрожать такъ сильно, что сторожа принуждены были подхватить его подъ руки.

Милю слушалъ его рѣчь, какъ пораженный громомъ. Страдальческое лицо несчастнаго краснорѣчиво говорило о томъ, что онъ испытывалъ. Его глаза увлажились слезами и онъ воскликнулъ:

— Господинъ предсѣдатель, вѣрно говоритъ этотъ человѣкъ, все вѣрно. Ошиблись, тяжко согрѣшили мы, и я, и вы!

— Всѣ мы, братъ, грѣшные люди; одинъ Богъ никогда не ошибается,—проговорилъ растроганный предсѣдатель, забывъ на минуту о своемъ званіи и помня лишь то, что и онъ человѣкъ.

— Выпустите же скорѣе несчастнаго парня!—воскликнулъ чуть не повелительно Милю, вытирая рукавомъ заплаканные глаза.

Съ этимъ грубымъ мужикомъ совершалось полное превращеніе: добрыя чувства пробуждались въ его зачерствѣлой душѣ, и онъ плакалъ, какъ дитя, быть можетъ впервые за много, много лѣтъ.

— Погоди,—сказалъ предсѣдатель, беря листъ бумаги и мокая перо въ чернильницу.—Младенъ Райчевъ будетъ освобожденъ сейчасъ же, и ты первый сообщишь ему эту радостную вѣсть и вымолишь при этомъ себѣ его прощеніе.. Сторожъ, отведи Милю Каражелева къ полиціймейстеру и передай ему это письмо.

Сторожъ и Милю поспѣшно вышли.

Молодой арестантъ былъ страшно пораженъ, увидѣвъ, что вслѣдъ за надзирателемъ въ его камеру вошелъ никто иной, какъ Цанкинъ отецъ.

— Младенушка,—заговорилъ послѣдній прерывающимся

голосомъ,—не безпокойся, дитятко, сейчасъ тебя выпустять... Ни въ чемъ ты не виноватъ... Станой проклятый поджегъ тогда мои копны... Выходи...

Младенъ смотрѣлъ недовѣрчиво, но надзиратель подтвердилъ слова старика.

— Простишь ли ты мнѣ, сынъ мой, все зло, которое я тебѣ сдѣлалъ? Прости, ради Христа, — продолжалъ Милю смиреннымъ, чуть не плачущимъ голосомъ.

— Ничего, ничего, бай Милю,—сухо отвѣчалъ Младенъ.

— И почему же ты тогда не сказалъ намъ всей правды, не объяснилъ намъ, какъ было дѣло... И ты бы не гнилъ въ тюрьмѣ, и мы не взяли бы такого страшнаго грѣха на душу!.. Боже, Господи, что мы, несчастные, надѣлали!..

— Развѣ я не говорилъ вамъ, бай Милю, что знать не зналъ твоей нивы?

— Знаю, знаю... Но почему же ты тогда не сказалъ, гдѣ ты былъ, и кто тебя видѣлъ въ селѣ?

Младенъ подумалъ, покраснѣлъ и, наконецъ, сказалъ:

— Почему не сказалъ? Да изъ за Цанки же!

— Какъ изъ за Цанки?

— Я ходилъ прощаться съ Цанкой... Могъ ли я назвать ее, чтобы осрамить ее передъ людьми,—проговорилъ Младенъ тихимъ, но взволнованнымъ голосомъ.

И онъ робко взглянулъ въ глаза Милю. И что же, вмѣсто гнѣва, въ этихъ глазахъ онъ увидѣлъ добродушное, даже нѣжное выраженіе.

— Ахъ, чортъ—проговорилъ, немного помолчавъ, Милю.— Такъ вы съ Цанкой въ серьезъ любите другъ друга?.. То-то она такая стала печальная съ той поры... Ну, Богъ съ тобою, цѣлуй руку, отдаю ее тебѣ...

— Хорошо дѣлаешь, — отвѣчалъ Младенъ, цѣлуя ему руку,—иначе силкомъ бы взялъ ее, по военному.

Милю поглядѣлъ на него: — А что, поджегъ бы меня, если бы я тебѣ ее не отдалъ?

— Ну, ну, ты же знаешь меня, бай Милю...

— Не *бай*, а *батюшка* говори, не путай, разбойникъ ты этакій,—строго говорилъ Милю, выходя съ Младеномъ изъ тюремныхъ воротъ.

По волѣ измѣнившагося до неузнаваемости чорбаджія Милю, въ тотъ же вечеръ было отпраздновано обрученіе Младена съ Цанкою, а на другой день сыграли и свадьбу. Одновременно со звономъ свадебныхъ колоколовъ по селу разнесся слухъ объ объявленіи сербско-болгарской войны. А на завтра Младенъ былъ уже въ строю и шелъ на бой.

Ни убѣжденія, ни мольбы, ни отчаянныя рыданія молодой жены не могли удержать его... Само начальство давало ему

недѣльный отпускъ, но Младенъ и слушать не хотѣлъ. — До сегодняшняго дня я душу свою отдалъ бы за дочь твою — говорилъ онъ старику Милю, — но теперь для меня отечество—и жена, и родъ, и Богъ мой...

И онъ пошелъ—отъ одной свадьбы къ другой—кровавой.

И онъ не вернулся съ нея, оставивъ свои кости на Царибродскихъ высотахъ, а молодую жену—неутѣшною вдовою.

Не было ему, бѣднягѣ, удачи на этомъ свѣтѣ.

Цанка имѣла отъ него ребенка, — синеокаго красавчика мальчишку, крѣпкаго и здороваго, какъ и отецъ.

Любилъ нянчить его старый дѣдъ и, цѣлуя его въ надутыя щечки, любилъ приговаривать:

— Настоящій отецъ! Настоящій разбойникъ отецъ!..

II.

Наводненіе.

Солнце бросало веселый снопъ лучей черезъ полуоткрытое окно. Полулежа на диванѣ въ позѣ, дышавшей безпечною прелестью, нѣжная и чувствительная софійская дама, Милица Арсеньева, дочитывала самую занимательную и сердцераздирательную главу стараго французскаго романа Дюма: „La Dame de Monsoreau“.

Съ сердечнымъ трепетомъ слѣдила она за страшными приключеніями героя, изъ которыхъ онъ неизмѣнно выходилъ здравымъ и невредимымъ, но только для того, чтобы попасть въ еще болѣе ужасныя и опасныя. Она съ безконечною тревогою раздѣляла всѣ его волненія, переживала съ нимъ его опасности и со слезами на глазахъ торжествовала его безпрерывныя спасенія.

Голосъ мужа, входившаго въ комнату, прервалъ ея чтеніе.

— Милица, не хочешь ли проѣхаться въ Ючъ-Бунаръ?

— Что мы тамъ будемъ дѣлать?

— Посмотримъ на наводненіе: Княжевская рѣченка вышла изъ береговъ и затопила весь Ючъ-Бунаръ, обративъ его въ настоящее озеро. Дома, какъ островки, показываются изъ воды... Интересное зрѣлище! Говорятъ,—закончилъ Арсеньевъ сообщеніе этихъ соблазнительныхъ новостей,—что нѣсколько дѣтей утонуло...

Тутъ Милица не устояла. Она закрыла книгу какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ начиналась дуэль между благороднымъ любовникомъ Діаны Монсоро и пятью его врагами—придворными Генриха III.

— Поѣдемъ, Іордо!

Она подбѣжала къ зеркалу и поспѣшно надѣла шляпку, украшенную страусовыми перьями. Подъѣхалъ позванный извозчивъ; они сѣли и поѣхали по направленію къ Ючъ-Бунару. Милица горѣла любопытствомъ.

Уже при въѣздѣ въ Солунскую улицу видны были предвѣстники Ючъ-Бунарскаго наводненія: маленькій горный ручеекъ протекающій тутъ черезъ Софію, тоже вышелъ изъ береговъ и обратилъ нижнюю часть этой улицы въ мутное, желто-грязное болото. Лошади съ трудомъ подвигались въ жидкой грязи, которая доходила имъ до животовъ. Милица возбужденно дышала... Что же дѣлается на Ючъ-Бунарѣ! думала она... Лошади вылѣзли, наконецъ, изъ болота, кнутъ щелкнулъ, и фаэтонъ быстро двинулся дальше, оставляя за собою грязные слѣды.

Арсеньевы выѣхали на Витошскую улицу, проѣхали мимо церкви Св. Краля, повернули на западъ—къ Ючъ-Бунару. И впереди ихъ, и рядомъ съ ними, и позади, въ томъ же направленіи поспѣшно двигался цѣлый рядъ экипажей. Зрѣлище раззоренія и несчастія влекло столицу къ ея жалкому предмѣстью. Всѣ, повидимому, горѣли нетерпѣніемъ застать еще картину катастрофы по возможности въ самомъ разгарѣ.

Богатое воображеніе Милицы, развитое къ тому же чтеніемъ романовъ, ярко рисовало ей картину наводненія... Какъ страшно шумитъ и пѣнится бѣшеный потокъ, въ которомъ несутся обломки мебели, одежда и другія хозяйственныя принадлежности разрушенныхъ домовъ! А между этими обломками тамъ и сямъ виднѣются трупы утопленниковъ... Картина и пугала и манила, и Милица чувствовала въ себѣ порывы неодолимаго любопытства.

Отъ Вайсовой паровой мельницы начиналось затопленное предмѣстье. Милица безпокойно вглядывалась впередъ, ожидая, съ минуты на минуту, увидѣть блескъ водяной поверхности, но ничего подобнаго не было видно. Столь же напрасно искала она и озера, о которомъ упоминалъ ей мужъ, когда они въѣхали въ самое сердце Ючъ-Бунара. Виднѣлись всюду лишь свѣжіе слѣды недавно спавшей воды, грязныя лужи, мутные, стекавшіе внизъ ручейки, гладкая поверхность тины, оставленной по обѣимъ сторонамъ замощенныхъ улицъ унесшимся потокомъ. На стѣнахъ домовъ видны были слѣды, оставленные водою, доходившей до подоконниковъ и даже выше, а на ихъ порогахъ толпились ихъ бѣдные обитатели съ перепуганными и забитыми лицами несчастныхъ, свыкшихся съ ударами судьбы.

Милица въ первый разъ была въ Ючъ-Бунарѣ.

Она съ удивленіемъ глядѣла вокругъ себя. Это новое, недавно выросшее изъ земли, предмѣстье носило на себѣ явные слѣды слишкомъ поспѣшнаго, необдуманнаго созданія. Домики маленькіе, низкіе, построенные чуть не изъ щепокъ; кварталы и улицы, вытянутые прямо и перпендикулярно другъ другу—пустые и непроходимые. Плодъ безчеловѣчной спекуляціи, Ючъ-Бунаръ выросъ на этой болотистой почвѣ съ такою же быстротою, съ какою ростутъ грибы. Тысячи бѣдныхъ и еврейскихъ семействъ, изгнанныхъ изъ центра столицы въ періодъ ея „обновленія“ и „украшенія“, были выброшены сюда съ своимъ жалкимъ имуществамъ, и осуждены на постоянныя эпидеміи, происходившія отъ сырой почвы и отъ воздушныхъ міазмовъ, тлѣтворное дыханіе которыхъ западный вѣтеръ навѣваетъ, какъ невидимую заразу, на самую столицу. Софія поспѣшила завести свое Гетто.

Фаэтонъ быстро подвигался впередъ по шоссированной улицѣ. И налѣво, и направо была все та же картина: слѣды наводненія, грязь, несчастные оборванные люди, анемичныя желтыя лица, грязные еврейскіе дѣти, полощущіеся въ выливаемыхъ на улицу помояхъ... Но озера, но разрушенныхъ домовъ, но утонувшихъ дѣтей, трупы которыхъ плавали бы на поверхности мутной воды—не было.

На концѣ улицы виднѣлась довольно густая кучка людей, возлѣ которой стояло и нѣсколько фаэтоновъ.

— Тамъ, очевидно,—проговорилъ Іордо.

Извозчикъ ударилъ по лошадямъ, и черезъ нѣсколько мгновеній нашъ фаэтонъ остановился возлѣ толпы. Люди стояли, оказалось, на мосту, перекинутомъ черезъ Княжевскую рѣку, и глядѣли внизъ. Рѣка была еще полна и бурливо несла свои мутныя, но отнынѣ неопасныя для Ючъ-Бунарскихъ домовъ волны по расширенному руслу.

Милица подозвала къ экипажу одного изъ стоявшихъ вблизи евреевъ.

— Нѣтъ ли воды гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ?—спросила она.

— Нѣтъ, нѣтъ, госпожа, не бойтесь. Слава Богу, спала вода,—отвѣтилъ еврей, подобострасно снимая шапку.

— А гдѣ разрушенные водою дома?

— Нѣтъ разрушенныхъ домовъ,—отвѣчалъ радостно еврей, глядя съ нескрываемымъ восхищеніемъ на зарумянившееся отъ свѣжаго вѣтра личико Милицы.

— Дѣти, говорятъ, утонули,—вмѣшался Іордо.

— Нѣтъ, господинъ, это все врутъ. Ни одинъ человѣкъ не погибъ, вода скоро спала.

На лицѣ Милицы выразилось недовольство, и она обернулась укоризненно къ мужу.

— Что же осталось отъ твоихъ новостей, Іордо?—сказала она.

— За что купилъ, за то и продалъ—отвѣчалъ тотъ.— Преувеличенія! изъ блохи люди готовы сдѣлать чуть не буйвола!.. Трогай назадъ,—приказалъ онъ извозчику.

И фаэтонъ покатился назадъ между двумя рядами жалкихъ домишекъ, покрытыхъ грязью лавчонокъ и оборванныхъ желтыхъ евреевъ,—рядомъ съ другими фаэтонами, въ которыхъ сидѣли люди съ такими же недовольными и недоумѣвающими лицами, какъ лица Милицы и Іордо.

Милица, разочарованная и сердитая, сняла шляпку въ своемъ уютномъ будуарѣ. Положительно не стоило *изъ-за этого* прерывать романъ на самомъ интересномъ мѣстѣ. Ни утонувшихъ людей, ни разрушенныхъ домовъ... Что же это за наводненіе?!..

Она снова взяла романъ и начала съ жадностью пожирать страницу за страницею, горя страстнымъ нетерпѣніемъ поскорѣе узнать, какъ избавился отъ новой опасности фантастическій герой...

III.

Будущій «литературный кружокъ».

Литературныя „свѣтила" столицы собрались на интимномъ собраніи.

Въ первый разъ комната одного изъ софійскихъ домовъ съ гордостью видѣла въ своихъ четырехъ стѣнахъ десятокъ писателей, безъ какой бы то ни было примѣси представителей другихъ профессій,—десятокъ кандидатовъ на славу!

Ледъ былъ скоро сломанъ, чувство стѣсненія прошло, и гости цѣликомъ вошли въ интимную бесѣду, охваченные сознаніемъ духовнаго и матеріальнаго общенія. Профессіональная зависть, обиженныя самолюбія, мелкая вражда и глухая взаимная ненависть уступили, казалось, мѣсто дружественнымъ и братскимъ чувствамъ. Казалось, атмосфера сердечной теплоты и искренности водворилась тутъ и крѣпко связала между собою эти непримиримые элементы.

Поклонникъ поэзіи, господинъ Пенеловъ, цѣною великихъ усилій успѣлъ вселить взаимное довѣріе этимъ соперничавшимъ звѣздамъ литературнаго небосклона Болгаріи и соединилъ ихъ теперь подъ своимъ гостепріимнымъ кровомъ.

Ему первому удалось совершить это чудо, и онъ былъ теперь на верху блаженства отъ своего успѣха.

Онъ съ радостью предоставилъ этимъ еженедѣльнымъ литературнымъ четвергамъ свой домъ, свое гостепріимство, свой чай, свои улыбки.

Онъ съ удовольствіемъ принесъ бы и гораздо бо́льшія жертвы, чтобы сдѣлать изъ своего дома нѣчто вродѣ болгарскаго „Отеля Рамбулье“!

Бесѣда велась очень оживленно. Темою была, конечно, литература.

Говорили о всѣхъ современныхъ явленіяхъ умственной жизни столицы, пересмотрѣли, одно за другимъ, послѣднія творенія всѣхъ присутствовавшихъ собратьевъ—писателей и единогласно ихъ расхвалили.

Комплименты сыпались, какъ изъ мѣшка.

Много таланта, силы и выразительности найдено было въ высоко-музыкальныхъ и звучныхъ стихахъ поэта Кушаева.

Отмѣтили задушевность и искреннее чувство въ новомъ стихотворномъ сборникѣ Церилова, этого „болгарскаго молодого Гейне“.

Восторгались мраморною пластичностью и буйностью фантазіи въ новой поэмѣ элегантнаго Чучаргова.

Расхвалили чистый языкъ и высокую художественность въ разсказахъ Дурманджіева, „нашего молодого Гоголя“.

Превознесли философскую глубину доктора Джанъ-Джана, глубину новой драмы доктора Дигонорова, силу, логику и несокрушимость аргументаціи молодого критика Правдова, легкость изложенія романиста Драйчева, новый романъ котораго сравнили, по психологической вѣрности изображенія страсти, съ „Notre Dame de Paris“ Виктора Гюго... и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Любезности слѣдовали одна за другою; вѣнки плелись за вѣнками; взаимныя симпатіи крѣпли подъ вліяніемъ одуряющаго фиміама льстивыхъ рѣчей... Хозяинъ восхищался и съ наслажденіемъ слушалъ эту пріятную, гармоничную музыку, подъ звуки которой его гости пили его ароматный чай.

Часамъ къ одиннадцати ночи поэтъ Кушаевъ и драматургъ Дигоноровъ поднялись, чтобы уходить.

— При всемъ томъ, надо сказать по правдѣ—началъ Чучарговъ, когда они простились и вышли—нѣкоторыя достоинства, которыми обладаетъ, пожалуй, Кушаевъ, не могутъ загладить громадныхъ недостатковъ его стихотвореній. Я считаю ихъ тяжелыми, даже болѣе—скучными.

— Это вѣрно,—отозвались сочувственно присутствовавшіе.

— Главное, чего не достаетъ его поэзіи — проговорилъ Правдовъ,—это жизни, души... Его поэзія—мертвая поэзія!

Съ этимъ всѣ согласились.

Между тѣмъ докторъ Джанъ-Джанъ поспѣшилъ съ своей стороны пустить желѣзную стрѣлу въ драматурга Дигонорова.

— Драмы Дигонорова лишены нѣкоторыхъ, такъ сказать, свойствъ... Въ сущности, вы напрасно будете искать въ нихъ драматическаго: какіе-то сухіе діалоги, произносимыя маріонетками... Пародія на драму!..

— Въ этомъ отношеніи докторъ Джанъ-Джанъ правъ,—поспѣшили подтвердить остальные.—Какъ драматургъ, Дигоноровъ, несомнѣнно, слабъ.

— Даже ничтоженъ!—пробормоталъ изъ своего угла Гейне, опрокинувъ въ порывѣ негодованія свою чашку съ чаемъ.

Пришло время уходить Драйчеву и Дурманджіеву,—романисту и популярному разсказчику, котораго собесѣдники называли „нашимъ Гоголемъ".

— Коснулись мы, между прочимъ, новаго романа Драйчева, и, кажется, большинство изъ насъ оцѣнили его довольно высоко,—сказалъ Правдовъ, когда шаги ушедшихъ заглохли вдали.—Что касается меня, я положительно не могу объяснить себѣ незаслуженный успѣхъ этого творенія... Герои его блѣдны; фабула — неправдоподобна... Впрочемъ, я еще не успѣлъ прочесть его... Чучарговъ! что собственно можно похвалить въ немъ?

— Я тоже не читалъ его, но мнѣ говорили, что деревянная работа...

— Но почему же его хвалятъ?

— Умственная незрѣлость и безвкусіе нашего образованнаго общества... Печальный фактъ!—строго замѣтилъ докторъ Джанъ-Джанъ, глубокомысленно поглаживая свою длинную бороду.

— Что касается до Дурманджіева, нельзя отрицать у него нѣкотораго талантика популярнаго разсказчика, — проговорилъ Правдовъ, — но этотъ человѣкъ рѣшительно чуждъ и литературнаго развитія и эстетическаго пониманія. Его тысячи разъ повторяемыя излюбленныя фразы несносны, а его безчисленныя многоточія утомляютъ даже глаза...

— Онъ, къ тому же, крадетъ,—замѣтилъ поэтъ Цериловъ.

— Да, крадетъ, страшно крадетъ,—подтвердили другіе.

— Кто это назвалъ Гоголемъ этого жалкаго кропателя?

Такое безпощадное развѣнчиваніе удалявшихся начало, видимо, пугать присутствовавшихъ. Охотниковъ уходить болѣе не оказывалось. Но Цериловъ, поэтъ, сдѣлалъ надъ собою усиліе и, простившись, пошелъ домой.

— Симпатичный талантикъ у этого Церилова,—произнесъ, поглаживая свою лысину, Чучарговъ, когда шаги „Гейне“ перестали доноситься,—жаль только, что стихъ и языкъ у него какіе-то вымученные. Когда читаешь его, кажется, что ходишь по турецкому кладбищу... Это, впрочемъ, мое личное мнѣніе...

— Да и чувства у него придуманныя, иными словами— фальшивыя,—прибавилъ кто-то.

— Онъ безнадеженъ—проговорилъ мрачно докторъ Джанъ-Джанъ.

Въ комнатѣ осталось лишь пятеро—самъ хозяинъ давно вышелъ и не возвращался, задержанный, вѣроятно, по хозяйству и каждый изъ оставшихся рѣшилъ уйти послѣднимъ.

Вошелъ слуга и сказалъ Чучаргову, что его зовутъ домой.

Чучарговъ нахмурился и отвѣтилъ, что сейчасъ придетъ, но продолжалъ сидѣть, какъ ни въ чемъ не бывало.

Бесѣда теряла свою оживленность и прерывалась все болѣе и болѣе продолжительными паузами.

Докторъ Джанъ-Джанъ спокойно и какъ будто бы случайно напомнилъ Чучаргову, что его ждутъ дома.

— Знаю зачѣмъ... Изъ за такихъ пустяковъ я не оставлю пріятной компаніи,—отвѣтилъ Чучарговъ, закуривая новую папиросу.

Сосѣди посмотрѣли на него изподтишка свирѣпыми взорами.

Докторъ Джанъ-Джанъ взглянулъ на часы. На его челѣ появились три поперечныя морщины. Оказалось, онъ запоздалъ гораздо дольше, чѣмъ расчитывалъ. Ему предстояло еще этою же ночью закончить одну спѣшную работу.

— Предлагаю расходиться, господа,—сказалъ онъ, поднимаясь,—уже болѣе часа ночи.

Но, увы, никто не поддержалъ его предложенія. Одни находили, что еще вовсе не поздно; другіе, что надо подождать хозяина; третьи, что имъ совсѣмъ еще не хочется спать.

Докторъ Джанъ-Джанъ съ улыбкою на устахъ, но съ яростью въ сердцѣ, простился и ушелъ.

Первый послѣ его ухода заговорилъ Чучарговъ:

— Что вы думаете, господа, насчетъ доктора Джанъ-Джана? Одно время онъ какъ будто подавалъ нѣкоторыя надежды, а что вышло въ концѣ концовъ?—упрямый педантъ и надутый индѣйскій пѣтухъ, и ничего больше... А между тѣмъ, подавалъ вѣдь надежды... Впрочемъ, это мое личное мнѣніе...

— И совершенно справедливое,—подтвердилъ Гулевъ.

— Кто это назвалъ его въ журналѣ „Новъ Зракъ“ геніемъ?— Вѣроятно, въ насмѣшку.

— Совсѣмъ не въ насмѣшку! Онъ самъ написалъ эту статью и подписалъ ее буквою X. Я знаю это самымъ положительнымъ образомъ,—сказалъ Петровскій, вѣрный пріятель доктора Джанъ-Джана.

Всѣ разсмѣялись.

— Петровскій знаетъ всѣ его тайны,—сказалъ Чучарговъ;— докторъ Джанъ-Джанъ такой грандоманъ, какого не найдете ни въ одномъ сумасшедшемъ домѣ... Болѣнъ, бѣдняга, а вѣдь могло и изъ него выйти что нибудь... Но, господа, не пора-ли трогаться и намъ?...

Чучарговъ поднялся, но тотчасъ же раскаялся въ своей опрометчивости, потому что никто другой не послѣдовалъ его примѣру. Однако, дѣлать было нечего: надо было идти.

Когда шумъ отъ его шаговъ на лѣстницѣ утихъ, Гулевъ сказалъ:

— Не знаю, почему это находятъ новую поэму Чучаргова превосходною! Чѣмъ больше я думаю о ней, тѣмъ рѣшительнѣе прихожу къ заключенію, что это просто наборъ словъ, безъ капли чувства. У этого человѣка въ груди не сердце, а какая-то подушка... Поэма — совершенно бездарное произведеніе...

— Бездарное, — машинально повторилъ успѣвшій задремать Черновичъ.

— Я всегда видѣлъ въ немъ только словоизвергателя,— сказалъ Правдовъ.

— И пустого риѳмоплета,—прибавилъ Петровскій.

Очевидно, всѣ были согласны въ этомъ. Полная гармонія въ мысляхъ и чувствахъ царила въ нѣдрахъ этого интимнаго собранія кандидатовъ на безсмертіе. Послѣ доктора Джанъ-Джана больше всего досталось отъ нихъ Чучаргову, потому что онъ такъ долго испытывалъ ихъ терпѣніе.

Скоро ушелъ и Правдовъ.

Не пощадили и его.

Въ комнатѣ оставалось лишь трое: поэтъ Гулевъ, нувелистъ Черновичъ и филологъ Петровскій.

Никто изъ нихъ не хотѣлъ уходить. Напротивъ, нувелистъ снова задремалъ въ своемъ углу, а филологъ началъ читать новый номеръ газеты „Единомысліе“, огромной, какъ простыня.

Гулевъ рѣшилъ воспользоваться этимъ психологическимъ моментомъ, чтобы уйти незамѣченнымъ. Онъ пробормоталъ: „съ Богомъ“ и вышелъ. На порогѣ онъ исподтишка обернулся и успокоился: Черновичъ дремалъ, а Петровскій уткнулся носомъ въ „Единомысліе“.

Но едва за нимъ закрылась дверь, они подняли головы и взглянули другъ на друга...

Бѣдный Гулевъ, если бы ты услышалъ, что говорила о немъ эта парочка!.. Нѣтъ, лучше не знай этого! Покойной ночи!

Петровскій и Черновичъ вышли вмѣстѣ, сознавая съ чувствомъ радостнаго удовлетворенія, что не оставляютъ за собою никого.

Такъ окончился этотъ знаменитый литературный вечеръ, первый и послѣдній въ столицѣ.

Въ слѣдующій четвергъ гости нашли домъ Пенелова запертымъ.

Пенеловъ слышалъ ихъ бесѣду изъ сосѣдней комнаты.

IV.

Травіата.

Зимнее солнце глядѣло мнѣ прямо въ окно. Широкій снопъ золотыхъ лучей падалъ на коверъ и яркимъ зеленымъ пятномъ выдѣлялся на моемъ письменномъ столѣ.

Я предложилъ доктору М., который сидѣлъ возлѣ стола прямо подъ падавшими на его лысину лучами, отодвинуться въ тѣнь.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же!.. Я люблю солнечные лучи. Солнце—здорово, — отвѣтилъ онъ, возвращаясь къ нашей прежней бесѣдѣ.

Въ это время на улицѣ заиграла шарманка. Докторъ съ видимымъ удовольствіемъ вслушивался въ дребезжащіе, мало-по-малу удалявшіеся, звуки.

— Я люблю музыку, люблю звуки вообще, — сказалъ онъ.

— Какіе деликатные вкусы у человѣка, привыкшаго рѣзать людей: звуки и лучи! Докторъ, ты, очевидно, по ошибкѣ попалъ въ свою профессію,—сказалъ я шутливо.

— Неронъ любовался римскимъ пожаромъ и игралъ на арфѣ! Одно не мѣшаетъ другому,—проговорилъ мнѣ въ тонъ докторъ.

— Значитъ, ты идешь сегодня вечеромъ на концертъ въ Славянскую Бесѣду?

— Думалъ, было, пойти: артистъ—европейская знаменитость, но пришлось отказаться отъ этого удовольствія.

— Жаль! Но почему же?

— Изъ за программы концерта.

— Чѣмъ же она тебѣ не понравилась?—спросилъ я, удивленный, потому что программа заключала въ себѣ отрывки изъ лучшихъ оперъ.

— Да тамъ есть кое-что изъ Травіаты.

— Тѣмъ лучше!

— Я не могу выносить Травіату, прямо не могу...—и, видя мое недоумѣніе, прибавилъ:

— Травіата—божественная музыка; такъ ее и называютъ русскіе: „божественная Травіата". Я кода-то страшно любилъ ее... Но въ одну ночь я возненавидѣлъ ее на всю свою остальную жизнь.

— Въ какую ночь?

— Возненавидѣлъ я ее въ ночь на 30 мая 1891 года, и съ тѣхъ поръ я не могу слышать ее безъ ужаса, безъ того чтобы волосы не становились дыбомъ у меня на головѣ.

— Но что же это за ужасная ночь на 30 мая 1891 года?

— Въ эту ночь, въ 11 часовъ меня перевели изъ 4-го полицейскаго участка, въ которомъ я провелъ тринадцать мѣсяцевъ, въ 3-й... Ты знаешь, конечно, что я былъ заключенъ въ тюрьму по Бѣлчевскому дѣлу *).

Лицо доктора болѣзненно сморщилось, но онъ продолжалъ:

— Третій полицейскій участокъ помѣщался тогда на Алабинской улицѣ, въ домѣ, смежномъ съ „Люксембургомъ"... Часовые-стражники ввели меня въ большую темную комнату, въ которой едва мерцала маленькая лампочка на стѣнѣ. Я началъ обдумывать свое положеніе. Не къ добру перевели меня сюда: репутація третьяго участка была, ты знаешь, самая ужасная. Въ комнатѣ не было ни постели, ни подушки, ничего, кромѣ голыхъ досокъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ пыли. Воздухъ былъ тяжелый, наполненный міазмами... Я ходилъ изъ угла въ уголъ, предаваясь своимъ печальнымъ предположеніямъ, какъ вдругъ до меня отчетливо донеслись звуки музыки, — это играли „Травіату" въ „Люксембургѣ". Какъ ни печально было мое настроеніе, эти божественные звуки подѣйствовали на меня успокоительно. Я страшно любилъ тогда эту оперу. Я весь обратился въ слухъ, боясь пропустить малѣйшую ноту... Съ одной стороны, меня тревожила неизвѣстность, ожидавшая меня на новомъ мѣстѣ; съ другой,— я радовался при мысли о томъ, что отнынѣ всякій вечеръ буду наслаждаться люксембургскими концертами, которые помогутъ мнѣ разсѣивать мрачныя мысли, навѣваемыя тюремною жизнью... Подумай самъ: въ 4-мъ участкѣ я въ теченіе 13-ти мѣсяцевъ не слышалъ не то, что музыки, но и простого уличнаго шума, простого человѣческаго голоса: надзирателю, который приносилъ мнѣ пищу, было строго запре-

---

*) Дѣло объ убійствѣ министра Бѣлчева во время диктатуры Стамбулова, убійствѣ, которое, по мнѣнію многихъ, было устроено самимъ же Стамбуловымъ, чтобы оправдать послѣдовавшія репрессаліи. *Прим. Перев.*

щено говорить со мною!.. Когда пѣвица окончила свою арію, я чуть не присоединился къ доносившимся изъ за стѣны аплодисментамъ...

Лицо доктора омрачалось все болѣе и болѣе. Онъ задумался, охваченный воспоминаніями, и замолчалъ.

— Изъ того, что ты разсказалъ, я вижу наоборотъ, что ты долженъ быть признателенъ этой „Травіатѣ", — прервалъ я его размышленія.

Докторъ взглянулъ на меня значительнымъ взглядомъ, какъ бы желая сказать: „погоди, я еще не кончилъ!", и продолжалъ свой разсказъ свойственнымъ ему спокойнымъ, ровнымъ, свободнымъ отъ риторическихъ украшеній, тономъ.

— Публика рукоплескала, требовала повторенія, и я приготовился слушать пѣвицу во второй разъ. Она запѣла, но въ этотъ самый моментъ, совершенно неожиданно, до меня донесся откуда-то близко, какъ будто изъ подъ земли, тяжелый, глухой крикъ: „ой-ой"! и затѣмъ: „бухъ"!, потомъ опять „ой-ой"! и опять: бухъ!, и такъ послѣ каждаго вопля „ой-ой" неизмѣнно слышался звукъ удара: „бухъ"!.. Травіата пѣла свою арію, но я уже не слушалъ ее. Волосы стали у меня дыбомъ, капли холоднаго пота выступили у меня на лбу. Подошелъ къ окошечку, которое надзиратель позабылъ запереть, высунулъ въ него голову, и Боже! что я увидѣлъ! Оконце погреба, выходившее въ корридоръ, было освѣщено и черезъ него ясно было видно, что дѣлалось внизу, въ погребѣ, изъ котораго доносились эти звуки. Въ погребѣ было четыре человѣка въ стоячемъ положеніи—городовые, а на полу, между ними, лежалъ связанный пятый, такъ обвитый веревками и потому неподвижный, что не кричи онъ, я пожалуй и не принялъ бы его за человѣка. Этого человѣка били, и онъ ревѣлъ. Кто былъ онъ? Не знаю. Я стоялъ у окошечка и смотрѣлъ, что будетъ дальше. Гнусно было это зрѣлище средневѣковаго звѣрства, но я не могъ оторваться отъ него. Потъ лилъ съ меня ручьемъ. Я ожидалъ такой же участи и для себя. Теперь только я понялъ, зачѣмъ перевели меня сюда. Этотъ погребъ былъ, очевидно, застѣнкомъ полицейскихъ инквизиторовъ. Не забудь надзиратель запереть мое оконце, я не услышалъ бы ничего черезъ толстую стѣну, при всемъ моемъ остромъ слухѣ охотника... Благодаря этому слуху я ясно слышалъ теперь эти подземные стоны и сопровождавшіе ихъ удары по человѣческому тѣлу. Это были удары знаменитыми песочными мѣшками *), о которыхъ такъ много слышалъ я еще

*) Узкіе мѣшки, какъ бы кишки, наполненные пескомъ. Во времена Стамбулова употреблялись предпочтительно передъ палками, потому что убивали, не оставляя на тѣлѣ никакихъ слѣдовъ... *Прим. Перев.*

будучи на свободѣ. Теперь я видѣлъ собственными глазами и слышалъ собственными ушами эти ужасы: среди ночи, подъ землею передо мною жестоко истязали связаннаго человѣка! Голова моя кружилась. Я чувствовалъ себя такъ, какъ если бы былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ чудовищами и страшными гадами, готовыми разорвать меня на куски...

— На нѣсколько минутъ въ погребѣ воцарилось молчаніе. „Окончили, сказалъ я себѣ, теперь очередь за мною!..“ Но немного погодя до меня снова начали доноситься: „бухъ! ой-ой!“ и глухіе стоны... „Милю!—крикнулъ одинъ изъ бывшихъ (хорошо помню, что онъ крикнулъ „Милю“),—заткни ему глотку! И ему заткнули глотку! Несчастный не кричалъ болѣе, и звуки ударовъ доносились теперь до меня безъ всякихъ перерывовъ. А въ „Люксембургѣ“ раздавались рукоплесканія. Знаменитая арія Травіаты разливалась нѣжными звуками въ тихомъ ночномъ воздухѣ. И эти рукоплесканія, и эти сладостные звуки казались мнѣ теперь ужаснѣе и отвратительнѣе, чѣмъ скрежетъ зубовный, которымъ наполненъ адъ. Такіе ужасы и такіе восторги рядомъ! По одну сторону стѣны дѣйствуетъ палочка капельмейстера, по другую — песочный мѣшокъ палача! Глубочайшее варварство бокъ-о-бокъ съ пѣнками цивилизаціи! Да, эта цивилизація только горькая насмѣшка, богохульство, позоръ!.. Травіата стала для меня отвратительною. Отвратительною стала для меня и сама Болгарія! Надо было пролить столько болгарской крови, надо было уложить двѣсти тысячъ русскихъ труповъ по нашимъ полямъ и горамъ, чтобы увидѣть въ свободной Болгаріи, въ ея столицѣ, въ самомъ центрѣ этой столицы, повтореніе сценъ варварскаго правосудія мрачныхъ среднихъ вѣковъ!

Докторъ съ омерзеніемъ плюнулъ. Начавъ свой разсказъ спокойно и ровно, онъ не выдержалъ до конца и теперь кипѣлъ, какъ вулканъ. Его глаза блестѣли отъ негодованія и слезъ. Онъ постоянно вытиралъ платкомъ потѣвшій лобъ и быстро ходилъ взадъ и впередъ по тѣсному пространству между моимъ письменнымъ столомъ и окномъ. Моя комната казалась ему тѣсною. Онъ снова переживалъ страданія той страшной ночи.

— Потомъ опять наступило молчаніе—продолжалъ онъ,— а немного спустя въ корридорѣ послышались шаги. Я задрожалъ. Слышно было, что идетъ много народа, и что несутъ что-то тяжелое. Прошли мимо моихъ дверей, вошли въ сосѣднюю комнату, и тамъ бросили на полъ что-то мягкое и тяжелое, какъ человѣческій трупъ. Слышно было, какъ булькала вода, выливаемая изъ кувшина. Голосовъ никакихъ не было слышно. Я все ждалъ, что вотъ вотъ подойдутъ къ моей двери, отворятъ ее и повлекутъ меня въ погребъ. Ни живъ

ни мертвъ стоялъ я, какъ вдругъ изъ сосѣдней комнаты послышались слабые стоны. Несчастный мученикъ стоналъ и задыхался, какъ человѣкъ, находящійся въ состояніи агоніи. Я нашелъ довольно широкую щель въ деревянной перегородкѣ, раздѣлявшей наши комнаты, и припалъ къ ней глазомъ. На полу сосѣдней комнаты лежалъ развязанный теперь человѣкъ. Лицо его было мнѣ незнакомо. Ротъ его былъ запачканъ чѣмъ то краснымъ. Очевидно несчастнаго рвало кровью. Его били въ грудь; только отъ этого можетъ случиться подобная вещь... Онъ тихо стоналъ и агонизировалъ... Только на завтра вошелъ къ нему докторъ, да и то на одну минуту. И вотъ все, что этотъ господинъ сказалъ ему: „Такъ тебѣ проклятому, и надо! Лопни!“ Потомъ выругалъ его, и вышелъ, даже не взглянувъ на него. Я былъ возмущенъ! Его поведеніе было безчеловѣчнѣе, чѣмъ самихъ палачей. Только у насъ въ Болгаріи среди представителей нашей священной науки могутъ попадаться такіе негодяи!.. Прошелъ еще день, и больной исчезъ изъ комнаты...

— Что съ нимъ случилось?

— Узналъ послѣ, черезъ цѣлые пять мѣсяцевъ, когда былъ оправданъ военнымъ судомъ и освобожденъ. Это былъ несчастный, который былъ арестованъ по тому же дѣлу, что и я, такъ же какъ и я—невинно. Въ ту самую ночь онъ былъ также переведенъ изъ другого участка. Потомъ, ночью, перенесли его въ больницу, а изъ больницы, опять таки ночью, на кладбище, гдѣ и закопали неизвѣстно въ какомъ мѣстѣ.

— Понимаешь теперь, почему я не могу идти на концертъ, на которомъ поютъ что нибудь изъ „Травіаты“?

Докторъ былъ правъ.

V.

Потерянный вечеръ.

Представленіе на аренѣ Пиза еще не началось, не смотря на то, что девять часовъ уже минуло. Причиною запозданія было слишкомъ еще незначительное число зрителей въ залѣ. Всего ихъ было человѣкъ семь-восемь, да и тѣ—больше на галереѣ. На первыхъ мѣстахъ, возлѣ самой сцены, сидѣли лишь офицеръ съ женою и ребенкомъ да какой-то штатскій.

Спущенные на лампахъ фитили бросали скорбный свѣтъ на обширную, пустую, жалко убранную обвѣтшавшими декораціями сцену. Струи холоднаго воздуха шли изъ за кулисъ... И сцена, и залъ, тоже потонувшій въ полумракѣ, навѣвали чувства неотразимаго унынія и меланхоліи. Мюссе сказалъ:

„Triste comme la porte de prison“. Съ такимъ же правомъ можно было бы сказать: „печально, какъ пустой театральный залъ...“ У дверей чернѣла кучка артистовъ и артистокъ, среди которыхъ слышались шумные разговоры и смѣхъ. Этимъ они, очевидно, хотѣли подбодрить самихъ себя: они постоянно поворачивали головы къ пустому залу и озабоченно шушукались.

Содержатель арены, господинъ Судластонъ, безпокойно бросался то туда, то сюда и дѣлалъ какія-то поспѣшныя распоряженія,—больше для виду, конечно. Всякій разъ, какъ раздавался шумъ отворяемой входной двери, онъ невольно оглядывался и всматривался, кто входитъ. Но входилъ, обыкновенно, или кто нибудь изъ труппы, или городовой, прикомандированный къ цирку для соблюденія порядка, или, наконецъ, какой нибудь празднощатающійся съ улицы, который оглядывалъ пустой залъ, поворачивался и уходилъ снова... Этотъ маленькій человѣчекъ, съ безцвѣтною физіономіею, съ смутнымъ взоромъ и колеблющеюся походкою, проходилъ въ одномъ представленіи черезъ большее количество метаморфозъ, чѣмъ самъ Юпитеръ въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ: онъ былъ и антрепренеромъ, и содержателемъ трупы, и акробатомъ при гимнастическихъ представленіяхъ, и паяцомъ въ комическихъ сценахъ, и слугою при уборкѣ декорацій, и маркизомъ или разбойникомъ въ пантомимѣ.

Господинъ Судластонъ сдѣлалъ, наконецъ, знакъ музыкѣ, устроившейся надъ сценою, на галереѣ. Музыка уныло заиграла, какъ при погребеніи, но черезъ минуту снова замолкла. Музыканты начали съ ропотомъ укладывать свои инструменты. Судластонъ бѣгомъ направился къ нимъ и послѣ горячаго спора, съ усиленною жестикуляціею съ обѣихъ сторонъ, успѣлъ таки задержать ихъ.

Уныніе и холодъ въ залѣ продолжали рости, не росло только число зрителей. Къ десяти часамъ это число дошло лишь до одиннадцати. Безнадежная тоска читалась на лицахъ артистовъ. Тѣ, которые стояли у дверей, болѣе не смѣялись и не разговаривали между собою; они стояли неподвижно и молчаливо. Коптившія лампы наводили еще большее уныніе. Судластонъ продолжалъ сновать между заломъ и сценою и отдавать безцѣльныя распоряженія...

Офицеръ, сидѣвшій на первомъ мѣстѣ, полный мужчина съ довольнымъ румянымъ лицомъ, взглянулъ на свои золотые часы и сказалъ:

— Десять съ четвертью! — Затѣмъ повернулся къ своему сосѣду, штатскому, и съ досадою проговорилъ:

— Три вечера подрядъ приходимъ мы сюда, и все та же исторія: нѣтъ достаточнаго числа зрителей, и намъ возвра-

щають деньги за билеты. Это, наконецъ, чортъ знаетъ что! Если бы я зналъ, не тащилъ бы въ такой холодъ ребенка съ другого конца города.

— Почему не идете въ театръ „Славянской Бесѣды"? Тамъ вы можете быть увѣрены въ томъ, что васъ не постигнетъ подобная непріятность.

— Былъ я и тамъ, а теперь вотъ пришелъ сюда.

— Для разнообразія, вѣроятно?..

Офицеръ сдѣлалъ головою отрицательный знакъ.

— Что же? Не нравится вамъ тамъ игра?

— Не то, что не нравится,—проговорилъ офицеръ, подтягивая пальто,—не могу сказать, чтобы тамъ плохо играли... Напротивъ, наши актеры играютъ очень не дурно... Но, какъ вамъ сказать... сами-то представленія ихнія мнѣ не нравятся...

— Драмы, то есть?..

— Да, драмы... Не скажу, чтобы и драмы сами по себѣ были плохи... Напротивъ, онѣ составлены обыкновенно очень хорошо... Но почему они выбираютъ какъ нарочно такія драмы, что послѣ нихъ человѣкъ выходитъ изъ театра совсѣмъ больнымъ, разстроеннымъ, и не можетъ спать отъ всякихъ безобразныхъ мыслей, которыя лѣзутъ ему въ голову?.. Я не изъ трусливыхъ, и не изъ особенно деликатныхъ—въ сербскую войну видѣлъ я не мало ужасовъ и глядѣлъ на нихъ хладнокровно, но тутъ не могу спокойно присутствовать при всѣхъ этихъ мрачныхъ сценахъ и ужасахъ... Этою зимою пять разъ ходилъ я смотрѣть болгарскую труппу и представьте себѣ: постоянно видишь такія вещи, какъ убійства, самоубійства, кровопролитія, отчаянія, сумасшествія, отравленія, одинъ разъ дошло даже до того, что на сценѣ фигурировали похороны, и мертвецъ выглядѣлъ ну настоящимъ мертвецомъ! Только ладану не доставало! Драма называлась *Клавиго*. Кого не хватитъ лихорадка при такомъ зрѣлищѣ, да еще въ ночное время!.. Это, по моему, ни красиво, ни гуманно... Я на такія пьесы смотрю просто какъ на спекулированіе съ нервами зрителей. Но вѣдь они вовсе не затѣмъ идутъ въ театръ! Гёте, говорятъ, авторъ этой драмы. Что же изъ того? Я всетаки говорю, что онъ написалъ отвратительную драму; она, можетъ быть, и геніальна, но на сценѣ—отвратительна... Наша жизнь и безъ того переполнена бѣдствіями, проклятіями и слезами... Пусть литература изображаетъ ихъ, разъ она—какъ утверждаютъ,—должна отражать собою жизнь, но пусть хоть сцена избавитъ насъ отъ ихъ воспроизведенія. Согласитесь сами: мы бѣжимъ отъ улицы съ ея жалкою дѣйствительностью и ищемъ въ театрѣ успокоенія, пожалуй, развлеченія, въ ясной и спокойной сферѣ, а намъ тычутъ въ носъ убійства, отчаянія, похоронныя процессіи и отпѣванія! И знаете

ли, когда это было? Когда въ городѣ свирѣпствовала жестокая эпидемія, когда передъ нашими окнами ежедневно проѣзжали по тридцать-сорокъ катафалковъ!.. Пріятное зрѣлище, не правда ли?.. Да вотъ и сегодня въ „Славянской Бесѣдѣ“ идетъ драма, въ которой есть одно убійство и одно сумасшествіе...

— „Иванку“?

— Нѣтъ „Русская“. Вотъ почему я предпочитаю арену Пиза. Грубо здѣсь, что говорить, но все же эти паяцы съ своими шутками и часто плоскими каламбурами и оплеухами заставляютъ тебя смѣяться. А смѣхъ, по моему,—нѣчто здоровое. Надо научить нашихъ болгаръ смѣяться; тогда они станутъ, можетъ быть, подобрѣе... Если бы я былъ министромъ народнаго просвѣщенія, я непремѣнно далъ бы субсидію этому бѣднягѣ Судластону за то, что онъ заставляетъ насъ смѣяться, въ то время какъ „Славянская Бесѣда“, наоборотъ, старается привести насъ въ трепетъ.

— Дѣло вкуса,—замѣтилъ равнодушно штатскій.—А! публика увеличилась еще на два человѣка!

Въ это время служитель вышелъ на сцену и поднялъ фитили двухъ переднихъ лампъ, которыя распространили вокругъ себя радостный свѣтъ.

— Браво, молодецъ Судластонъ!..—проговорилъ офицеръ.— Съ четырнадцатью человѣками въ качествѣ публики онъ рѣшается начать представленіе. Какой храбрый!..

Судластонъ появился на сценѣ въ чистомъ черномъ сюртукѣ, вмѣсто оборванной жакетки, въ которой былъ до сихъ поръ, подошелъ къ рампѣ и проговорилъ глухимъ голосомъ, обращаясь къ пустой залѣ:

— Господа, представленіе сегодня откладывается. Прошу почтенную публику извинить меня и взять назадъ изъ кассы деньги за билеты.

Послѣднія слова застряли у него въ горло и едва долетѣли до ушей слушателей.

— Это безобразіе, государь мой,—вскипѣлъ офицеръ, ожидавшій совсѣмъ другого. — Вотъ уже третій разъ какъ вы продѣлываете со мною такую штуку!.. Зачѣмъ печатаете афишу, а потомъ гоните публику?..

— Вы видите, нѣтъ публики!..—проговорилъ виноватымъ, едва слышнымъ голосомъ несчастный антрепренеръ, казавшійся еще болѣе жалкимъ и ничтожнымъ въ своемъ смущеніи.

Офицеръ съ семьею и его штатскій сосѣдъ вышли изъ залы и остановились у кассы. Кассирша, хорошенькая дѣвушка, которая должна была въ розовомъ трико принять дѣятельное участіе въ упражненіяхъ на трапеціи, воз-

вращала стоимость билетовъ немногочисленнымъ посѣтителямъ. Рука ея дрожала, и въ глазахъ ея стояли слезы.

Штатскій дотронулся до плеча офицера и показалъ ему афишку, приклеенную къ доскѣ. Онъ обратилъ вниманіе на нѣсколько строчекъ, напечатанныхъ болѣе мелкимъ шрифтомъ, чѣмъ остальныя. Раньше онъ ихъ не замѣтилъ.

Эти строчки были изумительны, невѣроятны! Едва ли когда нибудь и гдѣ нибудь появилась театральная афиша подобнаго содержанія.

„Умоляемъ почтенную публику пожаловать на сегодняшнее представленіе, изъ милости и человѣколюбія, потому что я и мое семейство умираемъ съ голоду" *).

Это зловѣщее объявленіе страдало, вѣроятно, большимъ преувеличеніемъ, но оно во всякомъ случаѣ свидѣтельствовало о безысходности положенія, его вызвавшаго.

Посѣтители въ смущеніи глядѣли другъ на друга.

— Вотъ и тутъ трагедія, живая трагедія,—сказалъ, наконецъ, офицеръ,—а я отъ такихъ трагедій шелъ сюда въ поискахъ за развлеченіемъ... Проклятая жизнь!

И они вышли, не подойдя къ кассѣ.

VI.

Единственный исходъ.

Онъ предалъ!

Предалъ своего друга.

И этотъ другъ погибъ на висѣлицѣ.

Цѣною предательства были нѣсколько горстей золота и прощеніе, открывшее ему самому доступъ въ Болгарію.

Онъ спряталъ золото и отправился въ отечество,—когда трупъ его жертвы еще не былъ снятъ съ веревки.

Самъ Іуда проявилъ больше чувства!

Преступленіе было совершено умѣло и тайно. Золото было дано и взято во мракѣ, безъ малѣйшаго звука. Преступникъ думалъ: „Никто ничего не видѣлъ и не слышалъ. Одинъ только человѣкъ могъ бы открыть тайну, но могила не говоритъ. Секретъ обезпеченъ. Я могу спокойно ѣхать на родину".

И онъ поѣхалъ въ Болгарію.

Едва вступилъ онъ въ ея предѣлы, какъ почувствовалъ трепетъ. Замершая совѣсть вдругъ ожила и дала знать о себѣ. Предатель сказалъ себѣ: „когда я пріѣду домой, меня встрѣтятъ тысячи вопросительныхъ взглядовъ, двусмыс-

*) Фактъ.

ленныхъ намековъ и вопросовъ. Я долженъ быть готовъ къ нимъ, отвѣчать на нихъ смѣло и безъ колебаній, выйти изъ нихъ бѣлѣе снѣга, чище кристала. Буду смотрѣть прямо въ глаза людямъ, на дерзость буду отвѣчать дерзостью или презрѣніемъ. Я убилъ—чтобы жить, и я буду жить“.

Такъ размышлялъ умъ его, и его совѣсть прибавила къ этимъ размышленіямъ свое: „да“!

И онъ успокоился.

Въ столицѣ вокругъ него сразу образовалась мертвая пустота.

Общество его игнорировало.

Ни одна рука не протянулась къ нему; ни одно слово не обратилось къ нему; ни одинъ взглядъ не встрѣтилъ его взгляда.

Никто не требовалъ отъ него никакого отвѣта, потому что всякій уже далъ себѣ этотъ отвѣтъ самъ. Приговоръ былъ произнесенъ. Онъ былъ осужденъ безъ суда, безъ формальностей, безъ свидѣтельскихъ показаній и протоколовъ, безъ ссылки на какой бы то ни было параграфъ уголовнаго кодекса,—потому что самое низкое, самое отвратительное, самое гнусное и самое жестокое изъ всѣхъ преступленій—предательство—не наказуется этимъ кодексомъ, который его не предвидитъ и не признаетъ.

Общественная совѣсть судитъ часто по своему собственному кодексу, совершенно не похожему на писанный законъ. Ея приговоръ не требуетъ утвержденія и не подлежитъ аппеляціи. Онъ неумолимъ, непогрѣшимъ, неуловимъ, какъ судьба.

Несчастный встрѣтилъ товарищей дѣтства, друзей юности и юношескихъ увлеченій, товарищей эпохи борьбы и страданій, которые дѣлили съ нимъ когда-то и радости и скорби; онъ узналъ ихъ всѣхъ, но изъ нихъ—никто не узналъ его.

При встрѣчѣ съ нимъ они исчезали неизвѣстно куда; живые бѣжали отъ него, какъ отъ зачумленнаго; улица передъ нимъ пустѣла.

Онъ встрѣтилъ родныхъ, даже братьевъ, но и они проходили мимо него: даже родная кровь не говорила имъ ничего.

Не разъ онъ первый рѣшался протянуть свою руку, но рука падала, не встрѣчая отвѣтной руки.

Онъ чувствовалъ себя одинокимъ, чужимъ, какъ въ безмолвной могилѣ, въ этой шумной и людной столицѣ. Онъ чувствовалъ вокругъ себя мертвую тяжелую атмосферу, и никакія радости и страданія окружавшихъ его людей не проникали къ нему черезъ эту холодную стѣну ледяного пре-

зрѣнія. Отверженный и ни къ чему не причастный, присутствовалъ онъ на трапезѣ жизни.

Въ этой ужасающей тишинѣ онъ безумно жаждалъ услышать обращенное къ нему человѣческое слово. Онъ съ радостью готовъ бы былъ услышать даже слова: Подлецъ! Предатель! Негодяй!

Но и этой страшной радости ни разу не удалось испытать ему. Эти слова раздавались, правда, въ его ушахъ, но они не исходили изъ живыхъ устъ: они носились гдѣ-то въ воздухѣ, въ пространствѣ, долетали до него, какъ эхо далекаго, ни на мгновеніе не останавливающагося хора проклятій. Онъ видѣлъ тысячи невидимыхъ взоровъ, гнѣвно устремленныхъ на него, кулаки, въ негодованіи сжимавшіеся и грозившіе ему, уста, искривленныя отвращеніемъ... Онъ тонулъ въ потокѣ безграничнаго позора...

Онъ началъ, наконецъ, терять мужество. Его собственная совѣсть, какъ хищная гіена, впилась своими острыми зубами въ сердце нравственнаго трупа.

Для него настало время ужасныхъ страданій, страданій ужасныхъ не только потому, что они были безмѣрны, но и потому, что имъ не предвидѣлось конца. Онъ не видѣлъ исхода для нихъ, не зналъ лѣкарства противъ нихъ... Свѣтъ оказывался тѣсенъ для него, потому что нигдѣ не находилъ онъ уголка, въ которомъ могъ бы хоть на мгновеніе освободиться отъ осаждавшихъ его страшныхъ образовъ и забыться. Если бы онъ могъ, съ какою бы радостью переселился бы онъ на другую планету... Если бы могъ, съ какимъ наслажденіемъ вырвалъ бы онъ собственными руками свои внутренности и свое сердце, въ которомъ загнѣздился мучившій его демонъ...

У него явилась ужасная потребность, ставшая для него источникомъ новыхъ невѣроятныхъ страданій,—видѣть могилу *того.* Разъ ночью онъ исчезъ изъ дому, въ которомъ жилъ, и на завтрашнее утро вернулся весь покрытый пылью и грязью: на колѣнахъ его панталонъ виднѣлись большія пятна съ приставшими къ нимъ мокрою землею и увядшими стебельками травы,—какъ будто бы онъ долго стоялъ на колѣняхъ на мягкой покрытой травой землѣ, а глубоко впавшіе глаза его глядѣли полубезумныхъ взглядомъ куда-то въ даль... Кладбищенскій сторожъ разсказывалъ въ этотъ день, что ночью гнался за какимъ-то незнакомымъ ему человѣкомъ, который забрался на кладбище съ воровскими намѣреніеми...

Однажды онъ шелъ по маленькой улицѣ—онъ теперь ходилъ только по такимъ заброшеннымъ улицамъ, гдѣ человѣческія лица не казались ему такими жестокими, потому что рѣдко кто здѣсь зналъ его. Этотъ день былъ годовщиною мученической смерти его жертвы. Улица называлась „Погребальною“ и вела къ кладбищу. Идя по ней, онъ встрѣтился съ экипажемъ, въ которомъ сидѣла дама въ трауре.

Онъ сразу узналъ благородное, печальное лицо дамы и, опустивъ голову, подошелъ къ экипажу.

Дама увидѣла его и приказала кучеру остановиться.

Онъ подошелъ и протянулъ было руку, но тотчасъ же опомнился и опустилъ ее:

— Милости, милости прошу... О, смилуйтесь хоть вы надо мною... Я такъ несчастенъ... простите.

Дама проговорила тихимъ голосомъ (въ первый разъ за все это время услышалъ онъ обращенный къ нему человѣческій голосъ):

— Одно только могу сказать вамъ, одинъ только совѣтъ могу подать вамъ: умрите!

Она съ сожалѣніемъ кивнула головою, и экипажъ поѣхалъ дальше.

Это была мать мученика. Она возвращалась съ кладбища, съ могилы своего погибшаго сына.

Слово „умрите“ было настоящимъ откровеніемъ для предателя. Страшная тяжесть спала у него съ плечъ. Онъ вдругъ увидѣлъ, что и для него есть исходъ—единственный исходъ—изъ того моря нечеловѣческихъ страданій, изъ той стихіи безчестія и позора, которою была для него до сихъ поръ жизнь.

Смерть!

Иными словами: избавленіе отъ самого себя.

Этою же ночью выстрѣлъ въ его комнатѣ разбудилъ его сосѣдей. Поднялась тревога. Явилась полиція и выломала дверь. Онъ лежалъ на полу, неподвижный, съ головою, пробитою пулею. Изъ его рта сочилась струйка крови. Его глаза глядѣли равнодушно и неподвижно.

На столѣ лежало открытое письмо. Это была его исповѣдь передъ Богомъ и передъ людьми...

Такъ умеръ предатель!

Общественная совѣсть была отомщена. Ощество наказало.

Почему оно не употребляетъ чаще свою несокрушимую, уничтожающую силу? Почему оно не поднимаетъ чаще свою руку для удара? Почему оно не пользуется всегда, съ неизмѣннымъ единообразіемъ, своимъ божественнымъ правомъ? Можетъ быть на свѣтѣ было бы меньше позорныхъ дѣлъ!..

VII.

Эпитропъ.

Я хорошо его помню: высокъ, толстъ, широкогрудъ былъ дѣдъ Хаджи Енчо. Гора-человѣкъ! Но въ то же время кротокъ и добродушенъ. И теперь еще я ясно вижу его смуглое, огромное лицо съ благодушнымъ и нѣсколько туповатымъ выраженіемъ, съ небольшими подстриженными усами, съ толстымъ ртомъ, испускавшимъ изъ себя такіе громовые звуки, отъ которыхъ дрожала вся наша классная комната... Онъ былъ попечителемъ нашего училища,—малограмотный и невѣжественный; но замѣчательно усердный. Онъ былъ единственнымъ изъ членовъ эпитропіи, который посѣщалъ училище разъ или даже два раза въ недѣлю. Я его не могу представить себѣ иначе, какъ въ видѣ эпитропа. Община каждый годъ выбирала его, зная, что, каковъ бы ни былъ составъ попечительства, присутствіе въ немъ Хаджи Енчо служило вѣрною гарантіею тому, что все въ училищѣ будетъ всегда въ порядкѣ. Онъ предвидѣлъ всѣ нужды, доставлялъ всѣ необходимыя училищныя принадлежности, исправлялъ всѣ изъяны. Испортится ли училищный водопроводъ, разобьется ли оконное стекло, упадетъ ли съ потолка штукатурка, понадобятся ли на зиму дрова—прежде всего на сцену появлялся Хаджи Енчо. Онъ до такой степени свыкся съ этими постоянными заботами, что регулярное посѣщеніе училища стало для него потребностью, къ удовлетворенію которой примѣшивалась извѣстная доля тщеславія. Онъ сознавалъ, что сталъ необходимъ общинѣ, и это гордое сознаніе еще болѣе усиливало его рвеніе... Злые языки поговаривали, правда, что это рвеніе не было совсѣмъ безкорыстно, что онъ умѣлъ извлекать и для себя пользу изъ поставокъ, которыя дѣлалъ для училища, но это была чистѣйшая клевета, свойственная мелкимъ завистливымъ душамъ, которыя подъ всякимъ добрымъ дѣломъ непремѣнно находятъ дурныя побужденія... Но добросовѣстный попечитель не ограничивался этими заботами, онъ частенько захаживалъ и въ классныя отдѣленія, какъ бы съ цѣлью контролировать ходъ учебнаго дѣла въ городкѣ.

— Добрый день, учитель! Слушаются ли мальчуганы?—гремѣлъ онъ своимъ могучимъ голосомъ, входя неожиданно въ классъ и прерывая на самомъ интересномъ мѣстѣ разсказъ учителя—по учебнику Шульгина—о реформаціи.

Внезапное вторженіе Хаджи Енчо вызывало въ первый

моментъ мертвую тишину, за которымъ слѣдовало веселое шушуканіе учениковъ.

Учитель вставалъ съ своего мѣста и, съ пріятельски-почтительною улыбкою кивая головою эпитропу, предлагалъ ему стулъ.

Хаджи Енчо садился, пыхтѣлъ и начиналъ обмахивать вспотѣвшее лицо краснымъ носовымъ платкомъ, а учитель продолжалъ стоя свой разсказъ о Лютерѣ.

Хаджи Енчо слушалъ съ большимъ вниманіемъ: вѣроятно, эпоха реформаціи очень интересовала этого достойнаго человѣка... Но долго онъ у насъ никогда не засиживался. Оглядитъ, бывало, учениковъ, какъ бы желая удостовѣриться, что никто изъ нихъ не занимается постороннимъ дѣломъ, осмотритъ полъ, стѣны, потолокъ,—нѣтъ ли гдѣ новаго изъяна, требующаго починки,—встанетъ, сдѣлаетъ легкій поклонъ учителю и пойдетъ къ выходной двери. Тогда на лицѣ учителя снова появлялась на мгновеніе пріятная улыбка, онъ бралъ свой стулъ, садился и продолжалъ свой урокъ среди веселаго шушуканія учениковъ... А черезъ нѣсколько минутъ до нашего слуха доносились со двора грозные окрики Хаджи Енчо, который бранился съ учениками начальнаго училища, тоже находившагося подъ его вѣдѣніемъ.

Эти невинныя инспекціи смѣшили учителей, но все же производили свое дѣйствіе. Благодушная физіономія эпитропа, которая во всякую минуту могла появиться въ дверяхъ класса, заставляла учителей быть точными и аккуратными относительно своихъ учебныхъ часовъ. Такимъ образомъ, заботы Хаджи Енчо и въ моральномъ отношеніи не оставались безъ вліянія на успѣхи просвѣщенія въ нашемъ городкѣ.

Мы, ученики, тоже свыклись съ этими частыми посѣщеніями эпитропа. Они разнообразили собою скуку монотонныхъ классныхъ занятій, и мы часто съ нетерпѣніемъ поворачивали свои головы къ дверямъ, ожидая увидѣть въ нихъ знакомую фигуру Хаджи Енчо, и уже заранѣе предвкушая сладость сдержанной веселости, которую она въ насъ всегда вызывала. Не смотря на то, что эпитропъ никогда не произносилъ у насъ въ классѣ ни одного слова, за исключеніемъ своего обязательнаго привѣтствія при входѣ: „Добрый день, учитель! Слушаются ли мальчуганы?“—во всей его фигурѣ, въ его огромной головѣ, въ выраженіи его спокойныхъ и честныхъ глазъ, въ тяжеломъ и полномъ важности способѣ садиться на учительскій стулъ, таился для насъ такой комизмъ, что мы лишь съ большимъ трудомъ могли удерживаться отъ смѣха. Въ этомъ смѣхѣ не было ничего злобнаго; въ

немъ просто проявлялась непреодолимая потребность молодыхъ душъ въ живомъ волненіи. Когда мы встрѣчали эпитропа на улицѣ, мы не видѣли въ немъ ничего смѣшного, ничего, что отличало бы его въ этомъ отношеніи отъ всѣхъ другихъ людей; но стоило ему появиться въ классѣ, чтобы окружавшая насъ атмосфера тотчасъ же насытилась едва сдерживаемою веселостью. Быть можетъ, не безъ вліянія на такое настроеніе была и пріятная улыбка, которою учитель встрѣчалъ обыкновенно его появленіе у насъ, хотя у учителя она вызывалась совершенно иными побужденіями и ничѣмъ не отличалась отъ стереотипной улыбки, появлявшейся на его лицѣ при встрѣчѣ со всякимъ другимъ эпитропомъ или, вообще, виднымъ членомъ городской общины. Въ этой пріятной улыбкѣ была какая-то смѣсь привычной вѣжливости просвѣщеннаго человѣка и раболѣпства болгарскаго учителя, знающаго какое значеніе можетъ имѣть для него благоволеніе или недоброжелательство мѣстныхъ воротилъ... Нашъ учитель уже давно поселился въ нашемъ городѣ, былъ женатъ, имѣлъ дѣтей и зналъ, что остаться безъ работы изъ за каприза какого-нибудь обиженнаго его невниманіемъ вліятельнаго члена общины было для него великою бѣдою. Краснорѣчивая улыбка на устахъ была для него щитомъ, громоотводомъ противъ возможныхъ, какъ нибудь нечаянно вызванныхъ имъ стрѣлъ уязвленнаго чорбаджійскаго честолюбія. Она стала для него обычною, инстинктивною и сама появлялась на лицѣ, когда это было нужно. Трагическая улыбка! Въ ней вся горькая исторія тѣхъ безвѣстныхъ героевъ турецкаго времени, которые назывались болгарскими общинскими учителями...

При всей простотѣ, добротѣ и наивности Хаджи Енчо, при его появленіи въ классѣ, у нашего учителя появлялся какой-то принужденный видъ; его рѣчь становилась стѣсненною; въ голосѣ слышалась строгость и въ то же время какая-то невольная дрожь. Очевидно, онъ стѣснялся и даже, пожалуй, волновался. Онъ зналъ, конечно, что Хаджи Енчо ничего не понимаетъ въ наукахъ, но онъ зналъ тоже, что какое нибудь ничтожное обстоятельство можетъ случайно вызвать почему нибудь недовольство эпитропа, а отъ эпитропа зависѣла вся его судьба... Поэтому, вѣроятно, онъ всегда вызывалъ въ его присутствіи лучшихъ учениковъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда ученикъ давалъ неправильный отвѣтъ, учитель старался поправить его такъ, чтобы Хаджи Енчо ничего не замѣтилъ.

— Какія бываютъ тѣла въ природѣ?—спрашивалъ, напр., онъ на урокѣ физики.

Ученикъ не зналъ, но смѣло отвѣчалъ:

— Тѣла состоятъ изъ маленькихъ частицъ, называемыхъ атомы, которые...

— Да, да,—подхватывалъ учитель отеческимъ тономъ,— иными словами, тѣла бываютъ твердыя, жидкія или газообразныя... Хорошо, хорошо... садись.

— Молодецъ, Колчо!—замѣчалъ довольный Хаджи Енчо.

Эти невинныя, впрочемъ совершенно излишнія, хитрости учителя тоже заставляли насъ, особенно нашихъ лѣнтяевъ, съ радостью встрѣчать появленіе эпитропа.

Но не всегда такъ благополучно проходили эти своеобразныя инспекціи.

Разъ, на урокѣ риторики, случился инцидентъ, страшно разсердившій Хаджи Енчо и поставившій въ очень трудное положеніе нашего учителя.

Мы проходили „о періодахъ", и между разными вопросами учитель спросилъ одного изъ нашихъ лучшихъ учениковъ, что такое раздѣлительный періодъ?

— Раздѣлительный періодъ связывается союзомъ *или-или*,—отвѣчалъ ученикъ.

— Хорошо, приведи примѣръ.

Ученикъ подумалъ и, не найдя сразу готоваго примѣра, началъ оглядывать классную комнату, ища вдохновенія въ окружающихъ предметахъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ нашелъ, что ему было нужно, и отвѣтилъ громко и самоувѣренно:

— *Наше училище* или *должно быть поправлено*, или *оно совсѣмъ пропадетъ!*

— Хорошо!—сказалъ учитель, но тотчасъ же сообразилъ всю нелѣпость такого отвѣта въ присутствіи Хаджи Енчо, и на его лбу сразу выступили крупныя капли пота.

Хаджи Енчо вскочилъ со стула: тутъ онъ впервые уловилъ истинный смыслъ этой, до сихъ поръ непостижимой для его ума, науки—риторики.

— Отлично, учитель! Такъ вотъ чему учишь ты этихъ остолоповъ!—закричалъ онъ.—Наше училище пропадетъ, если его не поправятъ?! Да что же въ немъ не поправлено, чортъ возьми?—повернулся онъ вдругъ къ провинившемуся ученику.—А что же дѣлаетъ здѣсь въ такомъ случаѣ твой Хаджи Енчо? мухъ ловитъ, что ли?... Да отвори ты, ослиное отродье, свои буркалы и покажи мнѣ, гдѣ нужны поправки, почему пропадетъ училище?... Столько денегъ тратимъ, училище, какъ картинка, а онъ... Что же это такое? Для того ли мы учимъ васъ, и платимъ учителю, и за дрова, и за стекла, и за книги, чтобы вы здѣсь ругались?... И Хаджи Енчо при-

ходилъ все въ большее и большее негодованіе. Его широкая грудь поднималась и опускалась, какъ волнующееся море; его глаза метали молнію и увлажнялись слезами обиды и гнѣва. Никогда еще не видали люди столь сердитымъ Хаджи Енчо. Его самолюбію былъ нанесенъ жестокій ударъ. Бѣдный Хаджи, какъ плохо оцѣнили его неусыпные труды и заботы!...

Учитель попробовалъ было объяснить, въ чемъ дѣло, но громовый голосъ эпитропа заставилъ его замолчать.

Когда Хаджи Енчо вышелъ, учитель повернулся къ окаменѣвшему ученику, виновнику разразившейся грозы, и сказалъ ему при полной тишинѣ въ классѣ:

— Дуракъ!

Урокъ риторики былъ прерванъ. Учитель вышелъ изъ класса и, мрачный какъ ночь, скрылся въ своей комнатѣ.

Хаджи Енчо сердился нѣсколько мѣсяцевъ. Впрочемъ, это ничуть не уменьшило и не охладило его рвенія. Онъ продолжалъ по прежнему посѣщать училище, слѣдить за дѣтьми и, вообще, блюсти за порядкомъ. Какъ было сказано выше, эта добровольная служба обратилась для него въ безсознательную привычку, и онъ дошелъ постепенно до того, что отожествлялъ училище съ своимъ собственнымъ домомъ.

— Куда, дѣдъ Хаджи?—спрашивали его встрѣчные знакомые.

— Да иду поглядѣть дѣтей, чтобы не баловались...—отвѣчалъ онъ.

„Дѣти"—значило: ученики и училище.

Но въ классное отдѣленіе онъ болѣе не показывался. Мы видали его часто во дворѣ; видѣли, какъ онъ направлялся въ начальное училище, но въ нашу сторону онъ даже не смотрѣлъ болѣе. Мы чувствовали себя какъ бы осиротѣвшими.

— Хаджи Енчо, Хаджи Енчо идетъ,—слышался шопотъ между учениками, когда высокая фигура эпитропа показывалась на дворѣ.

Учитель невольно оглядывался безпокойно на дверь,—не къ намъ ли направляется эпитропъ.

Но нѣтъ! Онъ проходилъ неизмѣнно мимо. Онъ все еще продолжалъ сердиться.

Впослѣдствіи я слышалъ, что нашъ учитель не разъ за это время видѣлся съ Хаджи Енчо и пытался разъяснить ему происшедшее недоразумѣніе, успокоить его, но Хаджи рѣшительно отказывался выслушивать его извиненія. Учитель обращался къ посредничеству другихъ вліятельныхъ горожанъ, но и ихъ усилія разбились объ упрямство обиженнаго эпитропа. Рана, нанесенная его самолюбію въ тотъ зло-

счастный день—передъ цѣлымъ классомъ и, очевидно, съ одобренія самого учителя—казалась ему неизлѣчимою. „Если учитель позволилъ ученикамъ такъ опозорить меня въ моемъ присутствіи, то чего только не говорятъ они за моею спиною! Нѣтъ!“—отвѣчалъ онъ рѣшительно на всѣ убѣжденія миротворцевъ.

Такое положеніе дѣлъ было въ высшей степени непріятно учителю. Мы горячо ему сочувствовали и, съ своей стороны, всею душою желали возобновленія посѣщеній Хаджи Енчо. Увидѣть его снова у насъ, важно сидящимъ на учительскомъ стулѣ, внимательно вслушивающимся въ наши отвѣты и обмахивающимся своимъ краснымъ платкомъ—казалось для насъ настоящимъ праздникомъ. И счастливая улыбка снова появилась бы на устахъ любимаго учителя! И всѣ вокругъ были бы такъ довольны и счастливы!

Однажды мы рѣшились попробовать помочь учителю безъ его вѣдома и укротить гнѣвъ Хаджи Енчо другимъ, намъ однимъ доступнымъ, способомъ.

Мы уговорили—не безъ труда добились мы этого — товарища, автора несчастнаго періода, изъ за котораго разверзлась такая глубокая пропасть между нашимъ классомъ и Хаджи Енчо, попросить прощенія у обиженнаго эпитропа и признать передъ нимъ всю свою вину.

Случай представился въ тотъ же день. Хаджи Енчо появился въ училищномъ дворѣ, посѣтилъ взаимное и начальное училища, вошелъ въ комнату нашего сторожа, Лилка, чтобы сдѣлать ему какія-то сердитыя замѣчанія (съ Лилкой онъ всегда говорилъ сердитымъ тономъ), и затѣмъ, даже не взглянувъ на наше отдѣленіе, направился къ воротамъ.

Мы вытолкали изъ класса нашего товарища; онъ побѣжалъ за эпитропомъ и скоро догналъ его.

— Дѣдъ Хаджи! Дѣдъ Хаджи! Погоди, погоди,—раздался голосъ запыхавшагося отъ быстраго бѣга ученика.

Мы увидѣли, что Хаджи повернулся на зовъ и затѣмъ остановился. Послѣдовалъ краткій разговоръ; Хаджи снова повернулся и исчезъ за воротами.

Когда ученикъ вернулся, мы всѣ накинулись на него съ разспросами:

— Я ему сказалъ,—разсказывалъ ученикъ,—дѣдъ Хаджи, прости меня, ради Христа, за тѣ мои слова... Учитель тутъ не причемъ, онъ ничего не зналъ.. Я самъ ихъ придумалъ.— А онъ мнѣ въ отвѣтъ: „Если ты самъ ихъ придумалъ, почему же ты ихъ не обдумалъ прежде, чѣмъ сказать“?—Я ему опять: Прости меня, дѣдъ Хаджи; учитель не виноватъ... — „Да

чего же ты хочешь отъ меня"?—Чтобы ты простилъ меня!— „Еще что"?..—И чтобы ты опять приходилъ въ наше отдѣленіе... Почему никогда теперь не приходишь?.. Сказалъ ему я это, а онъ подумалъ, подумалъ, поглядѣлъ на меня таково сердито и крикнулъ: „Я съ мальчишками не разговариваю!"— крикнулъ и ушелъ...—закончилъ печально свой разсказъ товарищъ.

Полная неудача!

Прошло еще нѣсколько времени. И вотъ какъ-то въ понедѣльникъ утромъ учитель вошелъ въ классъ съ необыкновенно веселымъ и довольнымъ лицомъ. Его прекрасное расположеніе духа проявилось, между прочимъ, въ томъ, что онъ оставилъ въ сторонѣ урокъ и началъ съ увлеченіемъ разсказывать намъ анекдоты изъ своей студенческой жизни. Такія пріятныя отклоненія отъ своихъ обязанностей онъ иногда позволялъ себѣ и до ссоры съ Хаджи Енчо. Иногда его охватывала жажда душевныхъ изліяній, и тогда онъ по долгу посвящалъ насъ въ свои интимныя и личныя дѣла. То, напримѣръ, онъ разсказывалъ намъ о томъ, какъ бѣдствовалъ, будучи студентомъ, какъ жилъ впроголодь, зарабатывая ничтожные гроши перепискою чужихъ лекцій или уроками; или описывалъ намъ тревожное волненіе, съ которымъ выходилъ къ столу, за которымъ торжественно засѣдали экзаменаторы—профессора, и трепетною рукою бралъ билетъ; или, наконецъ, рисовалъ передъ нами счастливую, беззаботную студенческую жизнь послѣ экзаменовъ, на вакаціяхъ... Въ этихъ случаяхъ интимныхъ изліяній мы—какъ говорятъ французы—„были всѣ уши".

Глубокая тишина царила въ классѣ.

Вдругъ дверь отворилась.

Вошелъ Хаджи Енчо!

Высокій, торжественный, царственный... По крайней мѣрѣ, такимъ онъ показался намъ въ эту минуту. Его лицо сіяло. Наши головы обернулись въ сторону учителя. Съ разцвѣтшею на устахъ улыбкою, онъ привѣтливо кивалъ эпитропу головой и подавалъ ему свой стулъ.

— Ну что, учитель? Какъ дѣтишки?—спросилъ эпитропъ и, пыхтя, усѣлся на стулъ.

Мы поняли, что примиреніе, наконецъ, состоялось, и всѣ вздохнули облегченно. Шумныя выраженія радости наполнили на минуту классную комнату. Мы чувствовали теперь себя вполнѣ счастливыми. Хаджи внимательно слушалъ урокъ. Потомъ онъ поднялся, но прежде чѣмъ выйти, пробѣжалъ глазами по скамьямъ, какъ бы ища кого-то. Взглядъ его остановился на авторѣ злополучнаго періода, и онъ произнесъ, обращаясь къ нему, своимъ громовымъ басомъ:

— Эй ты, дубина, держи другой разъ языкъ за зубами... а то отрѣжу!..

Въ этихъ словахъ излилась послѣдняя капля горечи, остававшейся еще въ сердцѣ Хаджи Енчо. Послѣ этого полный миръ снова воцарился между нимъ и нашимъ отдѣленіемъ.

Прошла осень и наступила зима. Для Хаджи Енчо наступила пора усиленной дѣятельности. Каждый день во дворъ училища въѣзжали возы съ дровами, которыя тутъ же кололись и складывались въ углу подъ навѣсомъ. Эту послѣднюю работу исполняли по приказанію Хаджи ученики изъ взаимнаго училища. Въ окна вставлялись стекла, въ классы вносились большія желѣзныя печи, чистились трубы, забивались и затыкались дверныя щели... Училище приготовлялось встрѣтить зимніе холода и вѣтры, и бдительное око Хаджи заботливо слѣдило за тѣмъ, чтобы ничто не было забыто. Его собственный домъ, думаю, не былъ такъ внимательно исправленъ, какъ наше училище.

— Пусть эти чертенята учатся на здоровье, ни о чемъ не заботясь,—говорилъ онъ, осматривая, хорошо ли укрѣплены печныя трубы.—Пусть не бѣгаютъ грѣться въ цыганскія кузницы...

Въ теченіе зимы Хаджи Енчо посѣщалъ училище съ своею обычною регулярностью, не смотря ни на морозы, ни на глубокій снѣгъ. Онъ входилъ весь бѣлый отъ снѣга, внося съ собою струю морознаго воздуха, и прерывалъ урокъ громогласною фразою:

— Вотъ такъ зима выдалась, чтобы ее чортъ взялъ!—говорилъ онъ, стряхивая съ себя снѣгъ.

Иногда онъ прибавлялъ, усаживаясь на стулъ и обращаясь къ намъ:

— Что, вамъ тепло, небось? Тепло, а, чертенята?.. Любите тепло, какъ кошки... Помните Хаджи Енчо, когда онъ умретъ... Ну, начинайте!..

Въ этихъ словахъ само собою подразумѣвалось, что онъ умретъ на своемъ посту эпитропомъ. Ни малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ Хаджи Енчо не допускалъ [illegible] въ мысли. Но всякія вещи случаются на бѣло[illegible]ъ свѣтѣ. Лѣтомъ пришелъ срокъ выборовъ н[illegible]ваго училищнаго настоятельства. Городъ раздѣлился на двѣ [illegible] партіи: чорбаджійскую и молодую. Послѣдняя побѣдила. Настоя[illegible]ельство было выбрано сплошь изъ молодыхъ. Хаджи Енчо про[illegible]овалился. Это было смертельнымъ ударомъ для бывшаго эпитропа. Ему нечего было больше дѣлать въ [illegible]илищѣ.

Всѣ скоро замѣтили въ немъ внезапную и необыкновенную перемѣну. Онъ какъ-то сразу опустился. Онъ видѣлъ себя оторваннымъ отъ всего своего прошлаго, разлученнымъ съ тѣмъ, къ чему былъ такъ привязанъ, лишенъ цѣли въ жизни, которая стала для него теперь пустою и несносною. Училище съ его стѣнами, дворомъ, колодцомъ, дѣтьми было теперь чуждо ему, не нуждалось въ немъ. Лишній тамъ, онъ чувствовалъ себя лишнимъ на всемъ свѣтѣ... Ему какъ-то стыдно стало показываться на улицѣ. Когда же ему приходилось случайно проходить мимо училища, видъ его бѣлыхъ стѣнъ заставлялъ его сердце сжиматься отъ боли... Кажется, онъ не чувствовалъ бы себя столь несчастнымъ, даже если бы его изгнали изъ собственнаго его дома.

Подъ бременемъ этихъ нравственныхъ истязаній Хаджи Енчо видимо слабѣлъ со дня на день.

Мы смотрѣли на него съ состраданіемъ, когда сталкивались съ нимъ случайно на улицѣ. Но напрасно старались мы въ такихъ случаяхъ встрѣтить его взглядъ: онъ избѣгалъ насъ, какъ слишкомъ свѣжаго воспоминанія о безвозвратно утраченномъ величіи... А, можетъ быть, онъ боялся найти иронію въ нашихъ любопытныхъ взорахъ. Онъ не зналъ, какъ искренно мы ему сочувствовали.

Разъ какъ-то мы остановили его на улицѣ и съ участіемъ спросили:

— Дѣдъ Хаджи, почему ты не приходишь къ намъ въ гости? Забылъ училище!

Онъ взглянулъ на насъ, увидѣлъ выраженіе искренняго сочувствія на нашихъ лицахъ и сказалъ, тяжело вздохнувъ:

— Приду, приду, дѣтишки; скоро приду въ гости въ училище и навсегда уже...

Мы не поняли, что онъ хотѣлъ сказать этими загадочными словами. Но какъ печально и убито было его лицо! Въ голосѣ его слышались слезы!..

Уже давно прошелъ часъ урока, а учитель все не выходилъ изъ своей комнаты. Насъ охватывало нетерпѣніе. Жара въ этотъ день была ужасная, и въ классѣ была невыносимая духота. Хотѣлось поскорѣе освободиться отъ урока и убѣжать въ лѣсъ. А учитель все не выходилъ.

— Боленъ, вѣроятно,—предполагали одни изъ насъ.

— Гости у него,—говорили другіе.

Передъ дверями учительской комнаты образовалась живая обсерваторія. Одинъ ученикъ взобрался на плечи другого и старался увидѣть черезъ скважину въ двери, что дѣлается внутри.

— Пишетъ! — прошепталъ онъ, поспѣшно соскакивая на землю.

Дверь отворилась, и на порогѣ показался учитель со свернутою бумагою въ рукѣ. Лицо его было мрачно и строго.

— Урокъ будетъ позднѣе,—проговорилъ онъ глухо,—подождите меня тутъ; я скоро вернусь.

Произнеся эти слова, онъ быстро сошелъ внизъ и вышелъ на улицу.

Пріятное недоумѣніе охватило насъ. Начался веселый шумъ, на который вышелъ училищный сторожъ, Лилка.

— Лилка, куда ушелъ учитель?—набросились мы на него, увѣренные, что онъ все знаетъ и дастъ намъ ключъ къ загадкѣ.

— Не знаете, развѣ?.. Хаджи Енчо приказалъ долго жить, сейчасъ его хоронятъ... Учитель будетъ говорить рѣчь... Глупый Хаджи, подохъ отъ злости, что его не выбрали эпитропомъ...—бормоталъ безсердечный Лилка.

На одинъ моментъ мы остолбенѣли, и не одинъ изъ насъ почувствовалъ при этомъ извѣстіи сердечную боль... Но только на одинъ моментъ... Черезъ нѣсколько минутъ дворъ снова огласился громкими криками, шумомъ борьбы и веселыхъ игръ... Жизнь и молодость снова вошли въ свои права.

Похоронили Хаджи Енчо на кладбищѣ, находившемся возлѣ училищнаго двора. Тогда только мы поняли, что хотѣлъ онъ сказать своими словами: „скоро приду въ гости въ училище и навсегда уже“. Бѣдный дѣдъ Хаджи! Деревянный крестъ, поднимавшійся надъ его могилою, виднѣлся черезъ ограду, отдѣлявшую кладбище отъ нашего двора. Изъ оконъ нашего отдѣленія можно было видѣть и всю могилу, въ которой спалъ вѣчнымъ сномъ нашъ бывшій эпитропъ. Бѣдный дѣдъ Хаджи,—теперь никто уже не могъ отнять у него его любимый постъ!..

НА МЕЛЬНИЦѢ.

Разсказъ.

Черный осенній вечеръ былъ весь насквозь пропитанъ сырою мглой. Пронзительный вѣтеръ свисталъ и метался безостановочно. Мелкій дождь сыпался медленно и упорно на размякшую холодную землю.

Ольга Константиновна Петрова ѣхала домой изъ села, куда ее вызывали къ тяжелой больной. Бабѣ пришлось сдѣлать операцію и выждать нѣкоторое время у ея постели, поэтому Ольга Константиновна не могла выбраться домой ранѣе девяти часовъ вечера. Она не обратила вниманія, что небо, днемъ свѣтлое и ясное, все сплошь заволоклось темными рыхлыми тучами, изъ которыхъ сыпался на землю, сплошной сѣткой, холодный, рѣзкій дождь.

Она не придала никакого значенія тому, что ей придется ѣхать въ этой мглистой тьмѣ цѣлыхъ десять верстъ. Ея работникъ при выѣздѣ изъ села намекнулъ ей было:—„Какъ бы намъ не тово“... Но она хотя и слышала его, но не слушала. Она была вся полна своей радостью, той радостью, которая являлась въ ней всякій разъ отъ сознанія принесенной пользы и не даромъ прожитаго дня. Она ѣхала теперь домой усталая, но веселая и довольная тѣмъ, что поспѣла къ больной во время, успѣшно сдѣлала операцію и, можетъ быть, только этимъ спасла жизнь и матери, и ребенку. Телѣжка, въ которой она ѣздила по своему участку, была хотя старая, но крѣпкая, и Ольга Константиновна уже привыкла приспособляться къ ней: когда правыя колеса попадали въ канаву, она хваталась лѣвой рукой за желѣзный прутъ, окружавшій сидѣнье, и оставалась на мѣстѣ; когда телѣжка наклонялась на лѣво, приходилось цѣпляться правой рукой. И все это дѣлалось инстинктивно и не мѣшало думамъ плыть своей дорогой. Теперь Ольга Константиновна думала о томъ, какъ удачно выбрала она свое дѣло—дѣло земскаго врача, и сколько

радости дало ей это дѣло. Ея городскимъ пріятельницамъ казалось невѣроятнымъ, что она могла мириться съ жизнью въ глухой деревнѣ, безъ людей, безъ зрѣлищъ, безъ того шума, который и утомляетъ, и увлекаетъ городскихъ жителей. Но именно она-то и жила съ людьми. Она, какъ врачъ, видѣла столько разныхъ житейскихъ положеній, та „книга жизни", которую она постоянно читала, была такъ богата и разнообразна, что она не скучала ни минуты и жила, не замѣчая, какъ день шелъ за днемъ, годъ за годомъ. Вотъ и сегодня: сколько впечатлѣній везла она съ собой изъ этого села; въ каждой избѣ своя жизнь, свои волненія, но чаще всего—свое горе. Старуха Хмѣлева, или Хмѣлиха, какъ ее звали въ деревнѣ, разсказала ей про своего „старика" и сноху такія подробности, что Ольгѣ Константиновнѣ и во снѣ не снилось. А священникъ! Сколько наговорилъ онъ ей и смѣшного, и жуткаго. Сегодня онъ былъ особенно говорливъ и нервенъ, и, какъ только увидалъ Ольгу Константиновну, началъ разсказывать:

— Нѣтъ-съ! Каковы молодцы! Лѣсъ воруютъ, да еще и меня подвести хотятъ.

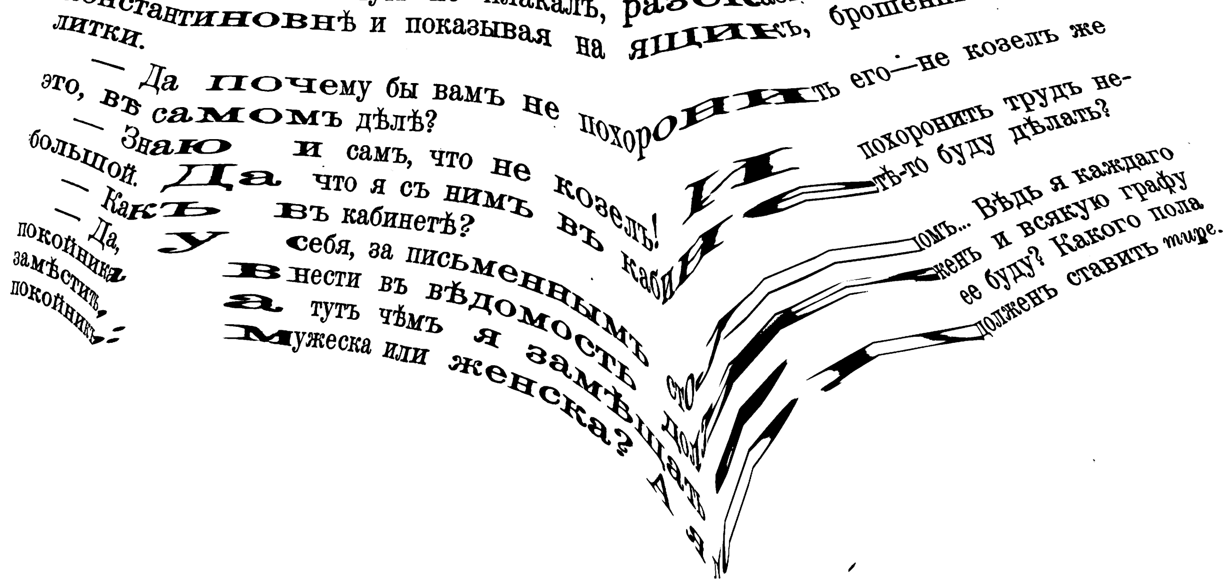
— Да что случилось?

— Нѣтъ-съ, меня не поймаютъ... Велѣлъ имъ тащить обратно... Умѣли вырыть—съумѣйте и назадъ зарыть...

— Кого, батюшка, кого?

— А я почему знаю кого? Я анатоміи не учился. По костямъ узнавать не умѣю... Говорятъ—борода! И у козла борода. Не могу же я козла отпѣть.

Оказалось, что въ предыдущую ночь мужики, воруя церковный лѣсъ, наткнулись на человѣческій скелетъ. Онъ былъ закопанъ не глубоко; отъ долгихъ осеннихъ дождей землю размыло, и показался черепъ. Сохранилась короткая борода. Мужики отрыли весь скелетъ, собрали кости въ кучку и рѣшили его „предать землѣ честь честью". Сбѣгали въ деревню за ящикомъ, сложили туда кости и снесли къ батюшкѣ. Онъ волновался и чуть не плакалъ, разсказывая все это Ольгѣ Константиновнѣ и показывая на ящикъ, брошенный у калитки.

— Да почему бы вамъ не похоронить его—не козелъ же это, въ самомъ дѣлѣ?

— Знаю и самъ, что не козелъ! И похоронить трудъ небольшой. Да что я съ нимъ въ кабинетѣ-то буду дѣлать?

— Какъ въ кабинетѣ?

— У себя, за письменнымъ столомъ... Вѣдь я каждаго покойника внести въ вѣдомость долженъ и всякую графу замѣстить. А тутъ чѣмъ я замѣщать ее буду? Какого пола покойникъ: мужеска или женска? Да я ... долженъ ставить тире.

Какого возраста? *Тире.* Когда умеръ? *Тире.* Отъ какой болѣзни? *Тире.* Вы думаете похвалять меня за это?

Какъ ни старалась Ольга Константиновна успокоить священника и убѣдить его, что ничего изъ этого не будетъ, онъ остался непреклоннымъ. Онъ послалъ за мужиками и приказалъ сейчасъ же снести кости на то же мѣсто, гдѣ они ихъ нашли. Мужики пошептались, пошептались, молча просунули шесть въ петлю веревки, которой былъ перевязанъ ящикъ, подняли шесть на плечи и понесли. Ольга Константиновна долго смотрѣла, какъ мѣрно раскачивался ящикъ съ костями, привѣшенный за длинную петлю къ шесту. И теперь, въ этотъ холодный мокрый вечеръ, ей вдругъ опять вспомнились эти кости, обезпокоенныя безпокойными людьми.

— Держитесь, Ольга Костентиновна! — услышала она голосъ своего возницы.

— Куда ты? Куда?—закричала она.

Но было уже поздно: телѣжка точно нырнула куда-то Ольга Константиновна ткнулась лбомъ о спину работника и привычнымъ движенiемъ удержалась на сидѣнiи. Лошади зашлепали по водѣ, и телѣжка почти до половины ушла въ рѣчку.

— Отчего же ты не по мосту?—спросила Ольга Константиновна.

— Ну его! Ничего не видно... Еще ноги обломаешь...

— А теперь ось треснула...

— Не должно этого быть...

— А что же затрещало?

— Держитесь, Ольга Костентиновна! — только отвѣтилъ возница и хлопнулъ всѣми возжами по лошадямъ.

Телѣжка выскочила на берегъ и закачалась по ненаѣзженной дорогѣ. Ольгѣ Константиновнѣ показалось, что ея работникъ тревожно оглянулся куда-то внизъ.

— Что? Не сломалось?—спросила она его.

— Не должно быть...

За рѣкой сейчасъ же пошелъ густой сосновый боръ. Толстые, сучковатые корни перерѣзали всю дорогу, и телѣжка подпрыгивала на нихъ, хотя лошади шли шагомъ. Въ своихъ частыхъ переѣздахъ Ольга Константиновна такъ привыкла къ подобнымъ дорогамъ, что уже не считалась съ ними, но тутъ ее безпокоило то, что работникъ все время тревожно оглядывался на заднее колесо. Въ лѣсу было такъ темно, что въ десяти шагахъ нельзя было разглядѣть дороги. Работникъ не правилъ лошадьми, предоставляя имъ самимъ находить путь; онъ только сдерживалъ ихъ и все время ѣхалъ шагомъ.

Въ лѣсу дождь и вѣтеръ не такъ хлестали лицо, но тьма была, буквально, непроглядная; Ольгѣ Константиновнѣ не хотѣлось погонять возницу: все равно, не черезъ два, такъ

черезъ три часа, она будетъ дома, въ своей маленькой теплой квартиркѣ, за кипящимъ самоваромъ и вкуснымъ ужиномъ. Она даже улыбнулась отъ этой картины. Здѣсь, во тьмѣ, въ лѣсу, подъ пронизывающимъ дождемъ ей показалась почти невозможной такая картина. И тѣмъ болѣе она была мила ей.

На верху, по деревьямъ пробѣжалъ порывъ вѣтра и отряхнулъ съ вѣтвей крупныя холодныя капли. Ольга Константиновна надвинула на лобъ капюшонъ своего непромокаемаго плаща и, туго запахнувшись имъ, рѣшила терпѣливо ѣхать шагомъ. Боръ спустился въ оврагъ, дорога пошла глинистая, и колеса постоянно проваливались въ какія-то ямы.

Вдругъ что-то хрустнуло, треснуло и провалилось. Ольгу Константиновну тряхнуло и отбросило куда-то.

— Такъ оно и есть,—облегченно сказалъ работникъ, точно довольный, что его сомнѣнія, наконецъ, разрѣшились.

— Что случилось?

— Ось задняя трахнула... Вѣрно. Такъ оно и есть!

Онъ сошелъ съ козелъ и безпомощно остановился у заднихъ колесъ.

— Что же намъ дѣлать?

— Кабы веревка!..

— Возжей завяжи...

— Можно и возжей...

Работникъ и двигался, и говорилъ точно не хотя, зная впередъ, что все равно изъ его стараній ничего не выйдетъ. Ольга Константиновна стояла у телѣжки въ холодной лужѣ, не зная куда двинуться. Злые приступы вѣтра срывали съ нея плащъ и пронизывали ее на сквозь. Она, во тьмѣ, могла различить длинную неуклюжую фигуру своего работника, то опускающуюся внизъ, то снова выпрямляющуюся надъ телѣжкой.

— Ну что же, Тихонъ?—наконецъ, спросила она.

— Ничего не подѣлаешь, Ольга Костентиновна! Одному не вытащить... Потому глина!..

— Не оставаться же здѣсь?

— Это точно! зачѣмъ оставаться... Кас[illegible]ы—день,—я живой ногой сбѣгалъ бы въ Кирилино за народомъ...

— А это развѣ близко?..

— Версты три больше не будетъ...

— А я что же тутъ буду дѣлать?

— То-то и оно!—вяло и неохотно пр[illegible]говорилъ работникъ и также вяло сталъ подлѣзать подъ тел[illegible]ку. Лошади стояли, какъ вкопанныя. Дождь хлесталъ [illegible] вѣтеръ тормошилъ имъ гривы, а онѣ не шевелились, точно [illegible]агипнотизированныя тьмой лѣса. Тихона подъ телѣжкой то[illegible]же не было слышно.

— Ну что же ты? Заснулъ? — спросила Ольга Константиновна.

— Зачѣмъ спать?.. Да не видать ничего...

— Однако надо же что нибудь дѣлать?..

— До свѣта дѣлать совсѣмъ нечего...

Хладнокровіе работника начало выводить изъ себя Ольгу Константиновну.

— Давай, я тебѣ помогу... Говори, что надо дѣлать...

Телѣжка легкая, поднять ее ничего не стоитъ...

Но колеса такъ упорно врѣзались въ глину, что какъ ни забѣгалъ Тихонъ и съ одной, и съ другой стороны, какъ ни напирала на телѣжку Ольга Константиновна—ничего не выходило.

А дождь все сѣялъ, какъ изъ сита, и вѣтеръ все пѣлъ свою заунывную пѣсню.

— Надо сбѣгать за народомъ, ничего не подѣлаешь!—наконецъ, рѣшилъ Тихонъ.

— Куда?

— Да въ Кирилино... Куда-же?

— На мельницу ближе...

— Ближе-то ближе... Да...—работникъ не договорилъ.

— Чего ты? — спросила Ольга Константиновна. — Ступай сейчасъ на мельницу за народомъ.

— Да! Подступись къ нимъ! Собаки, какъ волки... Да и народу у нихъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Такое большое дѣло! Кто же у нихъ работаетъ?

— Хозяинъ съ сыномъ сами управляются... И все знаютъ дѣлать: и сарай срубятъ, и крышу желѣзомъ покроютъ, и принадлежности къ мельницѣ всѣ сами могутъ: и плотину, и мостикъ... Вотъ-те и сталовѣры...

— Да вѣдь они люди съ достаткомъ.

— Деньжищъ страсть сколько!.. А небель какая: посмотрѣли бы! И диваны, и гардеробы... А иконы! Даромъ что сталовѣры, а иконы большія, хорошія...

— Такъ отчего же они работниковъ не держатъ? — продолжая свою мысль, спросила Ольга Константиновна.

— Разное болтаютъ,—неохотно отвѣтилъ Тихонъ и точно со страхомъ оглянулся кругомъ. — Такъ идти, что ли, Ольга Костентиновна?

Она замѣтила его тревожный взглядъ, и ей вдругъ показалось жуткимъ оставаться одной въ этой непроглядной тьмѣ, въ лѣсу, подъ осеннимъ ненастьемъ, ночью. Но она привыкла скрывать передъ крестьянами всѣ свои слабости, считала, что только этимъ она обязана своему вліянію на нихъ, и тутъ переломила себя.

— Ступай,—сказала она Тихону.—Только не копайся очень.
— Такъ я въ Кирилино...
— Иди, куда хочешь, только живѣе...

— Хоть бы заснуть!—думала Ольга Константиновна, оставшись одна и плотно усаживаясь въ телѣжку.

А вѣтеръ вылъ все заунывнѣе и упорнѣе, и дождь зло и порывисто бросался на землю. Лѣсъ точно весь иззябъ и продрогъ. Какой-то болѣзненный трепетъ пробѣгалъ по деревьямъ и наполнялъ вздохами и стонами промокшія вѣтви. Ольга Константиновна уже привыкла къ темнотѣ, но и она не могла отличить ничего, кромѣ черныхъ длинныхъ стволовъ. Ей становилось все болѣе и болѣе жутко. Она закрывала глаза, закутывалась плащемъ и убѣждала себя, что ничего страшнаго нѣтъ и быть не можетъ; этотъ лѣсъ она знаетъ хорошо, проѣзжала черезъ него двадцать разъ.

И вдругъ она сообразила, что это тотъ самый церковный лѣсъ, куда мужики понесли ящикъ съ костями. Ей стало холодно.

— Не доставало еще, чтобы я боялась человѣческихъ костей,—подумала она.

Но ей уже было невозможно владѣть собой. Она сидѣла, какъ скованная. Чудилось, что сзади надъ нею склонился кто-то громадный и страшный и шепчетъ ей что-то. Хотѣлось обернуться, убѣдиться, что все это вздоръ, что никого нѣтъ возлѣ нея, но она не могла шевельнуться, придавленная безотчетнымъ ужасомъ передъ этой тьмой лѣса. И вспомнилось ей, какъ священникъ, прощаясь, шепнулъ ей:

— Подвести меня хотятъ... Тутъ человѣкъ пропалъ лѣтъ пять назадъ... И человѣкъ не маленькій... Это его кости! Тутъ и не разварзаешься, если тронуть ихъ!..

Вѣтеръ хозяйничалъ по верхушкамъ лѣса все злѣе и злѣе. Деревья трещали и стонали подъ его неистовыми порывами. Казалось, конца не будетъ ни ему, ни пронизывающему дождю, ни непроглядной тьмѣ. Что-то безнадежное закралось въ душу Ольги Константиновны и держало ее въ своихъ тискахъ.

Вдругъ вдали что-то хруснуло. Она [illegible] насторожила уши. Громкій шопотъ и хриплый голосъ доно[illegible]сились обрывками, но съ необыкновенной ясностью.

— Тащи, тащи—знай...

— Дорога тутъ близко, не наткнуться [illegible]ы на кого!.. Боязно.

Вѣтеръ рванулъ и унесъ голоса. Но [illegible]резъ нѣсколько секундъ тяжелые шаги зашаркали по [illegible]панной намокшею хвоей землѣ, и Ольга Константиновна ус[illegible] [illegible]гла различить двѣ

тѣни и по походкѣ и кряхтѣнью сообразила, что онѣ несли что-то.

— Воруютъ лѣсъ,—рѣшила она и сейчасъ же окликнула:

— Кто здѣсь?

Тѣни остановились и что то тяжелое шлепнулось на землю.

— Кто здѣсь?—еще разъ повторила Ольга Константиновна.

Тѣни точно замерли на мѣстѣ.

— Да откликнитесь же!—уже властно и раздраженно сказала Ольга Константиновна.

Послышался шопотъ и какое-то движеніе. Изъ тьмы раздался хмурый голосъ.

— Вы кто-же будете?

— Я докторша изъ Хорошилова. Ѣду отъ больной... Да вотъ ось сломалась... Помогите мнѣ выбраться изъ лѣсу...

Никто не отвѣчалъ ей. Тѣни точно скрылись; порывъ вѣтра зашумѣлъ и наполнилъ собою лѣсъ.

— Гдѣ же вы?—безпокойно окликнула Ольга Константиновна, боясь потерять эту единственную возможность выбраться изъ лѣсу.

Она быстро соскочила съ телѣжки и хотѣла броситься въ чащу, туда, гдѣ она чувствовала людей. Къ ней на встрѣчу быстро двинулись два мужика, одинъ—старый, высокій и толстый, другой—молодой, поменьше и похудѣе.

— Вотъ и дорога!.. Вотъ и дорога!.. — нервно заговорилъ молодой.—А мы путались, путались въ лѣсу...

Старикъ степенно и молча снялъ шапку. Ольга Константиновна узнала въ немъ мельника.

— Терентій Ивановичъ, вы?—радостно сказала она.

— Мы!..—смущенно проговорилъ старикъ.

— Да вотъ заблудились было... — быстро объяснилъ сынъ.—Плутали, плутали по лѣсу... А вотъ дорога-то! Тутъ и она есть.

Ольгѣ Константиновнѣ стало смѣшно это смущеніе мужика, ворующаго лѣсъ. И зачѣмъ имъ воровать? Вѣдь богатые...

— Гдѣ же вашъ кучеръ-то?—хмуро спросилъ старикъ.

— Ушелъ за народомъ, въ Кирилино... Да я не буду его ждать, продрогла вся... Вы куда? Домой?

— А то куда же?

— Да вотъ заблудились... Ходили, ходили, кружили, кружили, а дорога тутъ и есть!.. — опять засуетился молодой.

— Я пойду съ вами, Терентій Ивановичъ,—рѣшительно объявила Ольга Константиновна.—Я не могу больше тутъ оставаться.

Мужики стояли у телѣжки. Молодой хлопоталъ у задней оси. Старикъ тяжело сопѣлъ.

— Какъ же лошадей-то оставить? — недружелюбно спросилъ онъ.

— Да Богъ съ ними! Кто ихъ тронетъ! Скоро и Тихонъ прибѣжитъ...

— Нѣтъ! Такъ нельзя! Справить надо!.. Ей! Иванъ! Бери на себя! Навались!..

Они бросились на телѣжку какъ разъяренные, толкали ее, поднимали, трясли, но ничего не могли сдѣлать. Колеса ушли въ глину до половины, а задняя сломанная ось уперлась въ дно ямы, и въ темнотѣ нельзя было управиться съ нею.

— Ничего не подѣлаешь, папенька,—измученно сказалъ молодой.—Бросить надо!

— Да пойдемте отсюда, пожалуйста,—сказала Ольга Константиновна.—Я такъ устала и продрогла, что не могу больше. Пойдемте всѣ на мельницу.

Ей показалось, въ темнотѣ, что мужики переглянулись.

— Ну-къ, что-жъ! Пойдемте!—неохотно и угрюмо сказалъ старикъ.

Минутъ десять они шли молча. Старикъ впереди, за нимъ Ольга Константиновна, сзади молодой — сынъ Терентія Ивановича—Иванъ Терентьичъ.

Ольга Константиновна сразу успокоилась, и опять радостное чувство наполнило ее. Она бодро шлепала калошами по мягкой глинѣ, не смотря даже, куда попадаетъ нога. Для нея это было все равно теперь, когда около нея были люди. И людей этихъ она хотя знала мало, но уважала ихъ и вѣрила, что они не сдѣлаютъ ей зла.

Терентій Ивановичъ, какъ и вся его семья, былъ староверъ, жилъ отдѣльно отъ „православныхъ" и имѣлъ съ ними только отношенія, какъ мельникъ. И Ольга Константиновна имѣла съ нимъ дѣло только по мельницѣ.

Но часто проѣзжая мимо мельницы, она знала всѣхъ ихъ: и Ивана Терентьича, и его жену—красавицу—вѣчно съ ребенкомъ на рукахъ. Она воспитывалась въ Москвѣ, была хорошей бѣлошвейкой и говорила широкимъ московскимъ говоромъ. Ольгѣ Константиновнѣ были пріятны выдержанные и серьезные поклоны и, проѣзжая мимо мельницы, она всегда съ удовольствіемъ смотрѣла на чистую террасу и длинный столъ, покрытый бѣлой скатертью, кругомъ котораго собиралась семья Терентія Ивановича. Передъ каждымъ стоялъ отдѣльный приборъ, и докторское сердце Ольги Константиновны радовалось, что ѣдятъ не изъ одной деревянной чашки. Вообще отъ всей мельницы и ото всего дома мельника вѣяло тишиной и довольствомъ...

— Неужели же и они лѣсъ воруютъ? — подумала Ольга Константиновна.—Зачѣмъ имъ?—А несомнѣнно они несли бревно и бросили его, какъ только услыхали ея голосъ. И теперь ихъ смущеніе было слишкомъ очевидно; старикъ шелъ тяжело и мрачно сопѣлъ, молодой то отставалъ, то догонялъ Ольгу Константиновну, какъ-то тревожно откашливался и точно хотѣлъ заговорить. Онъ и начиналъ нѣсколько разъ, но слово на половинѣ застрѣвало у него въ горлѣ.

Ольга Константиновна, чтобы выйдти изъ этого тяжелаго молчанія, рѣшилась спросить его:

— Вы откуда идете?

Она сказала это совсѣмъ просто и только по ихъ смущенію увидала, что вопросъ былъ неумѣстный.

Старикъ что-то проворчалъ себѣ подъ носъ, не то отвѣтилъ ей, не то сказалъ что-то самъ себѣ. Молодой громко проговорилъ:

— Темь-то! Темь-то! Хоть глазъ выколи!

Темнота была, дѣйствительно, удручающая. Приходилось идти, какъ съ завязанными глазами.

— Скоро выйдемъ изъ лѣсу, тамъ посвѣтлѣе будетъ, — сказала Ольга Константиновна.

Мужики молчали.

— Вѣдь тутъ недалеко до мельницы?—продолжала Ольга Константиновна, желая разговориться со своими спутниками.

— Межой вовсе близко, да вамъ не пройти, небось?

— Какъ не пройти? Я привыкла ко всякимъ дорогамъ.

— А вамъ куда?—неохотно спросилъ старикъ.

— Пріютите меня до утра у себя... Куда же я одна пойду?...

Мужики не отвѣтили ей, и Ольгѣ Константиновнѣ было непріятно ихъ отношеніе къ ней. Но она объяснила себѣ это ихъ недовѣріемъ къ православнымъ и рѣшила, что они имѣютъ основаніе и право такъ относиться къ ней.

Мельница и домъ Терентія Ивановича стояли отдѣльно отъ всякаго жилья. Рѣка дѣлала около нихъ крутую дугу и, упираясь въ высокую хворостяную плотину съ переходнымъ мостомъ, разливалась въ цѣлое озеро. Оба берега были приподняты насыпью; правый берегъ, какъ клешней, охватывалъ водную гладь до самой плотины. На лѣвомъ — за насыпью, какъ въ ямѣ, пріютилась громадная мельница, точно посѣдѣвшая отъ мучной пыли; сбоку былъ пристроенъ „дворецъ" для колесъ. Немного выше плотины отъ рѣки широкій досчатый рукавъ „языка", который впадалъ во дворецъ, нырнувъ сперва подъ мостикъ; вода, журча и переплетаясь, катилась

по языку на колеса и съ шумомъ падала на нихъ. За плотиной чернѣлъ въ рѣкѣ глубокій омутъ. Сквозь щели опущенныхъ вешекъ слезилась, пробиваясь тонкими струйками, рѣка.

Тутъ же рядомъ съ мельницей на самомъ берегу помѣстился и домъ мельника съ крытымъ пространнымъ дворомъ; у растворенныхъ настежь воротъ всегда толпились мужики, пріѣхавшіе съ зерномъ и ждавшіе своей очереди. Низкій длинный домъ мельника былъ весь, съ фундамента до крыши, выкрашенъ зеленой краской; онъ точно сливался съ травой и деревьями, густо обросшими его. Низкая терраса въ уровень съ землей была обсажена вьющимися растеніями, кой гдѣ выглядывали огненные цвѣтки гераней. На самомъ берегу рѣки былъ врытъ столъ и три скамьи. Ольгу Константиновну, когда она проѣзжала мимо, всегда тянуло посидѣть здѣсь и отдохнуть душой въ этомъ уютномъ, мирномъ уголкѣ, въ дружной и чистой семьѣ мельника И теперь она была бы очень довольна, что ей придется укрыться отъ этой ужасной ночи у мельничихи, если бы не это непріязненное отношеніе къ ней хозяевъ.

Лѣсъ перешелъ въ мелкій, но частый кустарникъ, тяжелое небо близко висѣло надъ нимъ; было свѣтлѣе, чѣмъ въ лѣсу, но земля была еще болѣе размыта, и ноги вязли и утопали въ жидкой глинѣ. Иванъ Терентьичъ обошелъ Ольгу Константиновну и пошелъ вслѣдъ за отцомъ. Шагали они оба крупно и быстро; Ольга Константиновна едва поспѣвала за ними. Ей слышно было, что они говорили о чемъ-то, но такъ тихо и непонятно, что она могла разобрать только, какъ старикъ пробормоталъ своимъ хриплымъ голосомъ:

— Ты только не робѣй!

А молодой, дѣйствительно, имѣлъ видъ пришибленный и оробѣлый. Худой, со впалой грудью и узкими плечами, онъ шелъ какъ-то боязливо и виновато. Отецъ, прямой старикъ съ круглой сѣдой бородой, шагалъ бодро, хотя и тяжело. Ольгѣ Константиновнѣ казалось, что онъ все время шепчетъ что-то самъ себѣ, и это давало и ему озабоченный и взволнованный видъ.

За кустарникомъ шелъ оврагъ, а за нимъ громадное плоское поле. Мужики пошли межой между сжатыми и потемнѣвшими полосами. Ольга Константиновна едва волочила ноги, съ налипшею на нихъ глиной.

Дождь пересталъ, и сдѣлалось тихо особенной осенней тишиной. Кругомъ — ни одного звука. На верху ни одной звѣздочки. Тяжелое небо спустилось еще ниже надъ землей.

— Далеко еще?—спросила Ольга Константиновна.

— Нѣтъ... Тутъ ужъ рукой подать... Съ полъ-версты, больше не будетъ.

Ольгѣ Константяновнѣ было трудно идти по непрокошенной межѣ, покрытой какой-то жесткой, колючей травой, и, кромѣ того, ей становилось все тяжелѣе и тяжелѣе очевидное непріязненное отношеніе къ ней ея спутниковъ. Она привыкла къ довѣрію и симпатіи со стороны крестьянъ и ей было непріятно, что эти старовѣры точно боятся ее. Но ей не оставалось другого выхода, какъ провести ночь подъ ихъ кровлей.

— Терентій Ивановичъ! — сказала она, — я хотѣла бы со свѣтомъ ѣхать къ себѣ...

Онъ молчалъ.

— Вы дадите мнѣ лошадь?

— Что жъ? можно.

— Ну и отлично. Я посижу до разсвѣта у васъ, хоть на террасѣ, а какъ станетъ свѣтать—и уѣду.

Мужики и на это ничего не отвѣтили. Только молодой сказалъ:

— У насъ свѣтъ... Марья ждетъ насъ.

Дѣйствительно, вдали виднѣлось тусклое красное пятно. У Ольги Константиновны сразу стало веселѣе на сердцѣ; она умѣла ладить съ бабами, да и красивое лицо мельничихи давно уже внушало ей довѣріе и симпатію.

Красное тусклое пятно становилось свѣтлѣе и прозрачнѣе, и Ольга Константиновна сообразила, что ей осталось не больше пяти—шести минутъ ходьбы.

— Несете, что ли? — вдругъ услышала она въ темнотѣ женскій голосъ, переходящій изъ шопота въ какой-то свистъ.

Мужики остановились, какъ вкопанные, но только на секунду. Старикъ быстро кинулся на кого-то въ темнотѣ и увлекъ съ собою. Молодой продолжалъ стоять, точно хотѣлъ задержать Ольгу Константиновну. Она добродушно усмѣхнулась: ей показалась наивной эта покража церковнаго лѣса, а главное эта тайна. Въ деревнѣ она такъ привыкла къ тому, что крадутъ лѣсъ.

Послѣ сырой мглы промокшаго насквозь поля домъ мельника показался Ольгѣ Константиновнѣ раемъ. Было тепло и свѣтло. Висячая большая лампа, съ плоскимъ металлическимъ кругомъ на ней, ярко освѣщала чистую просторную комнату. Къ одной изъ стѣнъ былъ приставленъ столъ, покрытый сѣрой скатертью.

На подносѣ были собраны въ кучку блюдечки, стаканы и чайникъ. Ольга Константиновка слышала какую-то возню за стѣной; шопотъ, всхлипываніе, строгіе окрики и тяжелые вздохи. Она осторожно сняла плащъ и калоши, оставила все въ углу и безпокойно начала ходить по комнатѣ. Большіе стѣнные часы скрипуче и хрипло отбили двѣнадцать ударовъ.

— Чайку, чайку сейчасъ...—заговорилъ Иванъ Терентьевичъ, показываясь въ дверяхъ.

Онъ отворилъ шкафъ съ посудой, посмотрѣлъ въ него и опять убѣжалъ куда-то. И опять Ольга Константиновна осталась одна. За стѣной то умолкали, то опять начинали шептать громко и тревожно. Такъ прошло минутъ десять. Ольгу Константиновну начинало тяготить ея положеніе нежеланной гостьи и она уже искренно жалѣла, что пришла сюда. Вдругъ она услыхала голосъ старика. Онъ говорилъ бодро и весело:

— Ну, Марья! Поворачивайся съ просонокъ-то!.. Мы тебѣ гостью дорогую привели.

Онъ внесъ кипящій самоваръ и поставилъ на столъ. За нимъ вбѣжалъ сынъ и сталъ хлопотать съ чашками и чайникомъ. Онъ ставилъ, переставлялъ, шумѣлъ и все поглядывалъ на дверь.

— Разоспалась... Дѣло молодое... Сейчасъ придетъ...

Марья вошла робкой походкой и поклонилась гостьѣ низкимъ, виноватымъ поклономъ. Ольгу Константиновну поразилъ ея блѣдный, болѣзненный видъ.

— Здравствуйте,—сказала она.—Вы уже спали, а мы васъ побезпокоили.

Мельничиха ничего не отвѣтила и сѣла къ самовару.

— Присаживайтесь, барышня,—суетился Иванъ.—Ужъ не обезсудьте... Чѣмъ Богъ послалъ... Маша, ты бы молочка...

— Не егози, не егози! — остановилъ его отецъ.—Все будетъ!

— Мнѣ ничего не надо,—сказала Ольга Константиновна.— Чаю выпью съ удовольствіемъ... Озябла...

Марья безмолвно сидѣла у самовара и разливала жидкій чай въ пестрыя чашки.

Всѣ молчали. Старикъ пытался говорить о погодѣ, о дождѣ, о мукѣ—но ничего не выходило. Наконецъ, онъ выразительно посмотрѣлъ на сына, всталъ, какъ бы нехотя, и вышелъ. Иванъ сейчасъ же заговорилъ съ Ольгой Константиновной.

— Полѣчили бы мнѣ жену, барышня... Ни на что она не похожа!

— Да. Почему вы такая блѣдная? — участливо спросила Ольга Константиновна мельничиху.

— Дѣти! Дѣти ее извели,—поторопился отвѣтить за нее Иванъ.

— Будетъ тебѣ, Иванъ! Никакого извода мнѣ отъ дѣтей нѣтъ...

— И обмираетъ же она по нимъ! Любитъ ихъ какъ полоумная... Да и ребятишки-то на заказъ! Малъ-мала меньше, а ужъ другъ друга лучше...

Онъ говорилъ, не останавливаясь, и не спускалъ тревожно-нѣжнаго взгляда съ жены.

— Я видала, какъ проѣзжала мимо,—сказала Ольга Константиновна.—Дѣйствительно — чудныя дѣти, особенно дѣвочка...

— Картинка! Ну какъ есть картинка! А умна какъ! и сказать невозможно!..—продолжалъ Иванъ, и слезы покрыли его глаза.

Мельничиха упорно смотрѣла въ чашку. Ея губы были сжаты и недвижны.

— Ну, дѣтушки, не пора ли и на боковую? — съ дѣланнымъ весельемъ сказалъ старикъ.—Гдѣ мы барышню-то положимъ?

— Да вы не безпокойтесь! Я здѣсь посижу, а какъ разсвѣтетъ—и поѣду.

— Нѣтъ, такъ не подобаетъ... Желаете въ свѣтелочку или здѣсь, на диванчикѣ?

Ольга Константиновна, по привычкѣ, боялась жилыхъ комнатъ въ деревнѣ, поэтому и рѣшила лечь на диванѣ.

Черезъ пять минутъ чистая простыня съ красной каймой покрывала диванъ. На тугихъ кумачныхъ подушкахъ были надѣты чистыя наволочки съ вязаными прошивквми. Малиновое кашемировое одѣяло было туго простегано и едва гнулось. Все было ново и чисто.

Послѣ грязи, бѣдности и по большей части—разброда деревенскихъ семей, на Ольгу Константиновну опять пахнуло довольствомъ, чистотой и дружбой. Она съ удовольствіемъ легла на жесткій, но чистый диванъ и осмотрѣла еще разъ комнату. Въ простѣнкѣ стоялъ деревянный крашенный комодъ, покрытый вязаной салфеткой. На комодѣ аккуратно поставлены деревянныя рамки съ портретами, вазочки съ искусственными цвѣтами и большая гармонія. На окнахъ—тюлевыя занавѣси и горшки съ цвѣтами. Надъ столомъ, приткнутомъ однимъ бокомъ къ стѣнѣ, олеографія въ рамкѣ. Въ шкапчикѣ со стеклянной дверцей разставлены чашки, кружки и стаканы.

Всего много и все блеститъ, точно сейчасъ куплено. И опять Ольгѣ Константиновнѣ вспомнились избы нашихъ крестьянъ. Грязь, въ какой живутъ они, а главное полное безсиліе бороться съ этой грязью, всегда приводили ее въ отчаяніе. Еще сегодня, въ той избѣ, гдѣ ей пришлось оперировать больную бабу, она наткнулась на вонь, на клоповъ, на грязное бѣлье. Пришлось самой вымыть столъ, постлать на него свой запасный фартукъ и переложить на него больную для операціи. Сказала повитухѣ, какъ ей не стыдно держать въ такой грязи роженницу? Та добродушно отвѣтила: „Не велика прынцесса! и такъ полежитъ!“

Здѣсь чистота, просторъ, хорошій воздухъ, можетъ быть, помогаютъ и дружному житью всей семьи мельника. Видно, какъ всѣ они любятъ другъ друга, какъ ласково относятся одинъ къ другому.

Ольга Константиновна потушила лампу и съ удовольствіемъ закрыла глаза; она чувствовала, какъ сонъ сходитъ на нее. Мысли въ головѣ пріятно путались, сладкая тяжесть сковывала члены. Вдругъ ей смутно послышались чьи-то всхлипыванія. Она привстала. Рядомъ за стѣной кто-то торопливо и убѣжденно говорилъ что-то. Его прерывали тяжелыя рыданія. Сонъ сейчасъ же улетѣлъ куда-то. Ольга Константиновна сѣла на кровать и ждала. Она такъ привыкла являться на помощь страдающимъ, что невольно думала, что и тутъ позовутъ ее. Но рыданія становились все глуше и глуше, а голосъ все мягче и мягче. Наконецъ кто-то заходилъ по комнатѣ, стукнула выходная дверь, и все стихло.

Ольгѣ Константиновнѣ уже не спалось. Въ этотъ тихій пріютъ вошло какое-то смутное безпокойство, что то тревожное и неуловимое. На дворѣ заговорили; Ольга Константиновна сообразила, что встали мужики, ждавшіе съ вечера своей очереди, и скоро примутся за работу. Дѣйствительно, минутъ черезъ пять послышался визгливый скрипъ, потомъ плескъ воды, потомъ заворчали колеса. Мельница принялась за свою шумную работу.

Ольга Константиновна чувствовала необычайную усталость, а на слѣдующій день у нея уже съ девяти часовъ утра начинался пріемъ больныхъ, и она рѣшила заснуть хоть часъ передъ тѣмъ, какъ пуститься въ путь. Она повернулась на бокъ, надвинула на ухо одѣяло и закрыла глаза. Но непривычный шумъ колесъ безпокоилъ ее. Она прежде никогда не замѣчала, какъ тревожно рокотали они, точно хрипѣлъ, скрежеталъ зубами и стоналъ какой-то гигантъ; и этотъ скрежетъ и стоны опять напомнили ей ту деревню, гдѣ она была сегодня. И вдругъ ей опять вспомнились кости... Эти безпокойныя кости, такъ безпомощно качавшіяся въ ящикѣ на двойномъ шестѣ. Колеса затрещали и застонали; точно кости захрустѣли подъ жерновомъ, и кто-то близкій, родной застоналъ надъ ними. Кто-то заплакалъ горько и отрывисто. Кости хрустѣли, стонъ повторялся равномѣрно и жалобно, всхлипыванія становились все громче и громче. Ольга Константиновна зарылась въ одѣяло съ головой. Ей хотѣлось спать, хотѣлось думать о счастьи и довольствѣ семьи мельника, о томъ, что, наконецъ, она нашла уголокъ, гдѣ всѣмъ живется легко и привольно, но стоны и рыданія шли къ ней ближе и ближе, и она уже различала слова:

— Не могу! Не могу! Не могу!...

Она вскочила и присѣла на постели. За стѣной, совсѣмъ близко къ дивану, истерическія рыданія перемѣшивались съ какими-то словами, изъ которыхъ монотонно выдѣлялось:

— Не могу! Не могу! Не могу!

Ольга Константиновна ясно различала голосъ Марьи. Она быстро встала и черезъ нѣсколько секундъ была у постели мельничихи.

Она лежала одѣтая, въ платьѣ, на широкой кровати, подъ ситцевымъ пологомъ и металась по подушкѣ своей растрепанной головой.

— Марья! Что съ вами?—спросила Ольга Константиновна.

Марья взвизгнула и стала рыдать еще глубже, еще неудержимѣе.

— Перестаньте сейчасъ же,—строго сказала Ольга Константиновна, входя въ свою роль врача.—Нельзя такъ распускаться... Это что еще за глупости...

Она стала разстегивать Марью, но та схватила ее за руку и заговорила быстро, быстро:

— Не могу! Не могу я больше!.. Моченьки моей нѣтъ... Барышня милая! Спаси меня! Освободи ты мою душу отъ совѣсти... Не могу я, не могу больше молчать... О Господи! Адъ! Адъ кромѣшный во мнѣ...

Она рыдала и говорила, давясь своими словами.

— Тише, Марья, пожалуйста, успокойтесь... Дѣтей напугаете.

Тутъ же, на узкой желѣзной кровати, спали двое ребятишекъ Марьи: мальчикъ лѣтъ шести и дѣвочка двухъ лѣтъ. Марья точно не слыхала словъ Ольги Константиновны и продолжала:

— Я!.. Одна я!.. Они не виноваты!.. Вотъ какъ передъ Богомъ... Ихъ не вините... Я одна!.. Я! Я! Я!.. Лучше бы мнѣ на свѣтъ не родиться!.. Лучше извести себя сразу... Земля не приметъ... Грѣшница!.. Должна покаяться... Не пускаютъ! Молчи, говорятъ... А я не могу, не могу, не могу!..

— Успокойтесь, Марья, — говорила ей Ольга Константиновна, смачивая ей лобъ водою.—Вотъ выпейте воды...

Марья не унималась, и ея рыданія перешли въ истерическія завыванія.

— Барышня! Милая! Не бросайте меня такъ... Спасите меня... Васъ прошу, какъ просила бы Господа... Избавьте меня отъ ада... Охъ! Непереносно мнѣ! Непереносно...

Ольга Константиновна, видя, что она не унимается, подошла къ двери и громко позвала:

— Иванъ Терентьевичъ!

Марья вскочила съ постели, бросилась за ней и зашептала:

— Не зовите!.. Нѣтъ ихъ... Они опять туда же поѣхали... Говорятъ: „если позоветъ—скажи Тихону помогать пошли“... А они за ящикомъ... Схоронить его надо, а то попадется...

Ольга Константиновна ничего не понимала, она видѣла, что Марья въ возбужденномъ состояніи, и ждала отъ нея всякаго бреда.

— Хорошо, хорошо, — уговаривала ее Ольга Константиновна. Ложитесь, Марья, успокойтесь...

— Какъ мнѣ успокоиться? Какъ успокоиться?—говорила мельничиха, пока Ольга Константиновна вела ее къ постели... Вѣдь пять лѣтъ!.. Ни днемъ, ни ночью покою не знаю... Живу какъ проклятая...

Ольга Константиновна стала раздѣвать ее, но она бросилась въ подушку лицомъ и снова зарыдала громко и тяжело. Дѣвочка приподняла голову, почмокала губками, прошептала что-то, перевернулась на другой бокъ и заснула. Мальчикъ спалъ крѣпкимъ сномъ и звонко посапывалъ. Марья продолжала метаться по подушкѣ и громко говорила:

— Лучше каторга.... Не могу молчать... Вяжите меня... Я убила! Одна я...

— Не говорите глупостей, Марья, — строго крикнула на нее Ольга Константиновна.—Выпейте сейчасъ воды и засните...

Она приподняла голову мельничихи и дала ей пить. Та покорно выпила весь стаканъ; зубы ея стучали о стекло, и она вся дрожала. Ольга Константиновна уложила ее, покрыла ей лобъ мокрымъ платкомъ и хотѣла уйдти. Марья крѣпко схватила ее за руку и стала говорить шопотомъ:

— Да выслушай ты меня, Христа ради... Вѣдь мнѣ отъ него житья не было!.. Какъ онъ меня извелъ своими приставаньями... Цѣлый годъ проходу не давалъ... Куда я, туда и онъ!.. Чѣмъ, чѣмъ не стращалъ!.. Мужа извести сулилъ!.. А тутъ иду я съ Ванюшкой, лѣсомъ... Онъ!.. бѣговыя дрожки у опушки оставилъ, а самъ за мной... Ребенка у меня изъ рукъ какъ выхватитъ!.. Я словно ополоумѣла... Ванюшку вырвала отъ него, да домой... Онъ за мной... Я—кричать!.. Прибѣжала домой, да все и выложила Ивану. Осатанѣлъ онъ, а папенька и еще пуще... И порѣшили они проучить его... Они не думали убивать, вотъ какъ передъ Богомъ—не думали...

— Марья! Кого—„его?“ Я ничего не понимаю и не хочу понимать—прервала ее Ольга Константиновна.

— Да его!.. Чьи кости-то вы сегодня свидѣтельствовали.

— Никакихъ костей я и не видала, ничего не знаю... Я у больной была... Замолчите пожалуйста, Марья!

— Нѣтъ больше силъ молчать! Довольно молчала! Эку муку терпѣла!.. Всему народу разскажу, какъ я его къ себѣ заманила, наказала ему, что одна буду... Онъ и пришелъ...

Да сразу меня въ обнимку... А Терентій Ивановичъ съ мужемъ-то стерегли его... Да какъ налетятъ! проучить думали... А какъ отошли—не дышетъ онъ!..

Она замолчала. Ольгѣ Константиновнѣ припомнился разсказъ о пропажѣ безъ вѣсти урядника лѣтъ пять тому назадъ. Его лошадь съ бѣговыми дрожками нашли около Хорошилова, той деревни, гдѣ былъ врачебный пунктъ Ольги Константиновны, а урядникъ скрылся безслѣдно.

Марья сѣла на кровати, обхватила колѣни руками и, раскачиваясь въ стороны, уставясь глазами въ одну точку, заговорила почти спокойно:

— А дѣло было, вотъ какъ теперь, около Покрова... Чужіе мужики со двора не сходятъ... Только что съ хлѣбомъ убрались, всѣмъ молоть надо... А тутъ—онъ мертвый лежитъ. Мы его подъ диванъ засовали и всѣ трое, словно уговорились, все на народѣ, какъ ни въ чемъ... Ночь пришла, дождались мы темноты—поволокли его изъ избы... Вотъ еще муку-то приняли! Папаша остался дома, чтобъ народъ чего не подумалъ, а намъ велѣлъ безпремѣнно въ церковный лѣсъ... Мужъ-то у меня хилый, да и боязливый такой. Темь, хоть глазъ выколи. Несемъ мы его, холодный онъ, да тяжелый, какъ камень... Никакъ его взвалить-то не можемъ, все валится. А мужъ еще заступъ тащитъ... Пойдемъ, пойдемъ, остановимся, а онъ смотритъ стеклянными глазами-то, такъ и смотритъ. И ротъ у него открытъ и десны бѣлыя видны...

Марья вся затряслась. Колеса по прежнему хрустѣли и стонали. Окна уже стали свѣтло-сѣрыми.

— Иванъ мой обезсилѣлъ совсѣмъ. Какъ дошелъ до оврага, да какъ хлопнется на земь, да зареветъ! Что мнѣ тутъ дѣлать? Схватила я тѣло-то—не подниму. Къ мужу брошусь—ничего сдѣлать не могу... Какъ я и жива-то осталась—не знаю!

Она замолкла, точно устала. И не всхлипывала больше, а какъ-то истерически вздыхала. Ольга Константиновна сидѣла неподвижно.

— Барышня! Выслушайте вы меня. И все скажите имъ. Я его убила, я и сволокла его туда, я и яму копала въ церковномъ лѣсу... Оттого и не глубоко... Кабы поглубже—никогда бы не размыло его... И опять все сызнова, и опять лги, и опять дрожи, и опять хоронись отъ людей, отъ своей совѣсти... Не могу я, не могу... Они пошли сегодня кости выкрадывать, а я говорю: все равно скажу. Все скажу! Мужъ молитъ: не губи дѣтей!.. Старикъ кричитъ... А я не могу, барышня, милая... Силъ нѣтъ... Вѣдь пять лѣтъ... Уже позабывать стала, а тутъ опять... Нашли кости... А Терентій Ивановичъ еще первый начинаетъ, чтобы не замѣтили, а мужъ-то все ра-

ботаетъ, все работаетъ... работой обмануться хочетъ... А я не могу... Вы такъ и скажите имъ, барышня: я заманила, я придушила, я схоронила, я одна и отвѣчать должна...

— Кому же сказать?—прошептала Ольга Константиновна. У нея отъ волненія перехватило голосъ.

— Кому тамъ надо... Начальству...

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ?—съ ужасомъ спросила Марья.—Не покрывать же вамъ убійцу! Ваша должность—сказать правду... Я не запираюсь—я убійца! И взыскать съ меня надо!.. Я прошу этого... И давно бы пошла въ городъ, да жалость мѣшаетъ. Такъ вдругъ станетъ жалко всѣхъ: и старика жалко, ужъ очень онъ добръ до меня, и мужа жалко—онъ вѣдь съ простинкой, изъ него хоть лапти плети...

— А дѣтей?

— Дѣтей я съ собой возьму,—рѣшительно отвѣтила Марья и вдругъ опять горько заплакала.

Въ комнатѣ стало настолько свѣтло, что Ольга Константиновна ясно видѣла блѣдное лицо, опухшія вѣки подъ лихорадочно блестящими глазами, вздрагивающія узкія плечи Марьи. Мельница злилась и хрустѣла по прежнему, дѣлая свое дѣло. Ольга Константиновна встала и хотѣла уйти изъ комнаты. Марья опять съ ужасомъ схватила ее за руки.

— Барышня! Помните: муку несу непереносную... Нѣтъ горше моей жизни... Спасите меня отъ моей совѣсти... Не могу я больше!.. Виновата, я виновата! Убійца!..

Дверь шумно отворилась. На порогѣ стоялъ Иванъ. Онъ быстро схватился за голову съ какимъ-то стономъ.

— Ваша жена больна, Иванъ Терентьичъ,—сказала Ольга Константиновна.—Сильное нервное разстройство...

— Чего она вамъ тутъ наболтала?

— Ничего не понимаю... У нея бредъ... Придите ко мнѣ за лѣкарствомъ, я ей выпишу...

— Находитъ на нее!—сказалъ Иванъ и, подойдя къ женѣ, онъ сказалъ ей дѣланно-грубо:

— Чего нюни-то распустила?

Марья сидѣла вся опустившаяся и пришибленная и не шевелилась.

— Вашъ Тихонъ здѣсь...—объявилъ Иванъ Ольгѣ Константиновнѣ.—Мы ось ему справили...

— Значитъ можно ѣхать? Выдержитъ?

— Сколько угодно!.. Хоть тыщу верстъ...

Минутъ черезъ десять телѣжка Ольги Константиновны ныряла изъ ямы въ яму по размытой дорогѣ. Мглистое осеннее утро наступало медленно и неохотно.

Ек. Лѣткова.

Греки въ Палестинѣ и Сиріи.

I.

Палестина и Сирія.—Общія впечатлѣнія.

Печальны и бѣдны Палестина и Сирія. Я проѣхалъ отъ Триполи и отъ Дамаска до Іерусалима, отъ Іордана до береговъ Средиземнаго моря. Всюду бѣдность. Ничтожные уединенные городки, села и деревни затерялись въ одноцвѣтныхъ съ ними горныхъ хребтахъ и скалахъ. Въ Антиливанѣ мнѣ приходилось встрѣчать такія деревни, въ присутствіи которыхъ я сомнѣвался на разстояніи 50 саженъ отъ нихъ: домики сложены почти изъ необтесанныхъ камней и перемѣшаны съ одноцвѣтными громадными скалами. Никакого признака жизни, никакихъ цвѣтовъ, красокъ, никакого движенія: все сѣро, однообразно, мертво. Только закопченые дымомъ камни показываютъ, что тутъ обитаютъ живыя существа, похитившія съ неба божественный огонь.

Говорятъ, что природа Сиріи и Палестины богата. Вздоръ; она бѣдна и печальна. Фаррарь, восхищаясь весеннею природой Палестины, могъ только нѣсколько разъ упомянуть въ своихъ описаніяхъ красивую сизоворонку, которая перепархиваетъ съ одного камня на другой. Такія отдѣльныя мѣста, какъ Дамаскъ, Триполи, Байрутъ, Яффа и нѣкоторыя долины по Іордану не могутъ идти въ счетъ общему впечатлѣнію; это рѣдкостные оазисы, это бриллiанты въ каменной оправѣ. Все же остальное пространство— почти сплошная пустыня. Нѣкогда громадные лѣса вслѣдствіе многочисленныхъ войнъ, неразсчетливости населенія и безпечности турецкаго правительства истреблены до тла. Только Ливанъ коегдѣ щетинится, точно цѣлую недѣлю небритый подбородокъ нѣмецкаго чиновника. Послѣдніе остатки лѣсовъ — корни выкорчевываются и продаются почти въ одинаковой цѣнѣ съ виноградомъ—по полкопѣйкѣ за фунтъ. Это въ Сиріи, а въ Палестинѣ и того нѣтъ, тамъ всюду запустѣніе. А вѣдь было время, когда эти страны по словамъ библіи „текли молокомъ и медомъ“, имѣли укрѣпленные и большіе города.

Красива эта страна, но не растительностью, а своими дикими горными видами, развертывающимися съ вершины высокихъ горъ подъ ногами путника; красиво ея синее небо, красива торжественная ночь съ блестящими звѣздами, которыя однѣ не измѣнились и не потеряли своихъ красивыхъ нарядовъ. Все же остальное внизу на землѣ пришло въ страшное запустѣніе. Только частыя развалины — остатки прежнихъ дворцовъ и храмовъ—свидѣтельствуютъ о лучшихъ временахъ.

Народъ, населяющій Сирію и Палестину, очень бѣденъ. Страшно большіе имущественные поборы—около 20%, за исключеніемъ всѣхъ косвенныхъ налоговъ, не даютъ подняться ни земледѣлію, ни промышленности. Изъ этихъ громадныхъ налоговъ на мѣстныя нужды населенія возвращается такая ничтожная часть, о которой можно даже и не упоминать. Кромѣ того, населеніе обременено не менѣе тяжелыми негласными налогами, которые безпощадно деретъ хищническое турецкое чиновничество. Ни одно, самое маленькое, дѣло не дѣлается мѣстными властями безъ взятки. Правосудія не существуетъ. Въ религіозномъ воображеніи одной изъ особыхъ сирійскихъ сектъ (друзской) рисуется заманчивая картина земного царства, когда ихъ богъ—воплощеніе—сойдетъ на землю въ послѣдній разъ и всѣхъ своихъ послѣдователей сдѣлаетъ турецкими чиновниками.

Какъ бѣденъ, такъ и невѣжественъ этотъ народъ. Арабская литература, нѣкогда такъ блестяще начавшая свою жизнь, въ длинный періодъ безпрерывныхъ войнъ и отъ смѣшенія съ литературами другихъ, низшихъ по развитію народовъ, а впослѣдствіи подъ тяжелымъ турецкимъ игомъ, совершенно заглохла. Сказки, сладострастные стихи, да нелѣпыя историческія повѣствованія вполнѣ исчерпываютъ все содержаніе арабской литературы. Разноплеменность, разнообразіе религій и вѣроисповѣданій еще болѣе разъединяютъ отдѣльныя группы здѣшняго населенія, отдаляютъ возможность какого бы то ни было умственнаго и нравственнаго объединенія. Здѣсь нѣтъ ни школъ, ни образованнаго мѣстнаго духовенства, ни печати, ничего, что могло бы пробудить человѣческую мысль, усыпленную горячимъ южнымъ солнцемъ и бдительно-нетерпѣливымъ турецкимъ правительствомъ. Все спитъ долгимъ, но нездорово-чуткимъ сномъ. Пробужденіе, кажется, не за горами...

Кажется, проклятіе тяготѣетъ надъ этой страной. Трудно придумать такой историческій народъ, который не прошелъ бы по ней съ войною. Ни на какомъ клочкѣ земного шара не пролито такъ много человѣческой крови, не затоптано въ землю столько человѣческаго труда; нигдѣ не сталкивалось столько цивилизацій, языковъ, народностей, не создавалось столько разнообразныхъ религій и религіозныхъ сектъ, какъ въ Сиріи и Палестинѣ. Все это водворялось одно за другимъ на этихъ горахъ съ мечемъ въ ру-

кахъ. Осложнялись и причины вражды. Здѣсь всегда находился поводъ ко всякаго рода раздорамъ и насиліямъ.

Три религіи чистаго единобожія выстраданы были здѣсь человѣчествомъ (ибо всякая религія должна быть имъ выстрадана). Но кажется, что проповѣдь Христа имѣла самое меньшее нравственное значеніе именно въ той странѣ, гдѣ она раздалась въ первый разъ. Почти половина человѣчества воспитывается мыслями и чувствами, зародившимися подъ этимъ голубымъ небомъ въ каменистой пустынѣ, переживаетъ тѣ историческія событія, которыя происходили здѣсь. Но кажется, что все это менѣе всего пригодилось для людей, населяющихъ именно эту пустынную страну. Здѣсь, въ этой маленькой странѣ, христіане забыты за величавыми тѣнями прошлаго; они задавлены великими и малыми историческими событіями. Въ этомъ центрѣ религіозной борьбы, порожденной религіозными вопросами, на ихъ долю выпала лишь страдательная роль. Вотъ уже цѣлыхъ девятнадцать вѣковъ здѣсь непрестанно льется ихъ кровь. Въ первые вѣка христіанства объ нихъ вспоминали хотя для того, чтобы гнать ихъ и убивать. Въ послѣдующій періодъ времени съ V стол. ихъ перестали гнать за вѣру, но оттого крови проливалось не меньше. Не успѣли еще обсохнуть окровавленныя персами поля, какъ нахлынули арабы и съ мечомъ въ рукахъ, во имя Божіе, прошли до самого сѣвера Сиріи, все разрушая по пути. Потомъ, во имя Божіе, сюда пришли убивать людей крестоносцы, а потомъ турки... А теперь, во имя Божіе, происходитъ грязная борьба между христіанскими вѣроисповѣданіями, а на долю здѣшнихъ христіанъ выпадаетъ та же страдательная роль. Они служатъ жалкой игрушкой въ рукахъ всѣхъ національностей, статистическими единицами, число которыхъ создаетъ то или иное положеніе извѣстному христіанскому вѣроисповѣданію въ Святой землѣ.

Христіанъ въ Сиріи и Палестинѣ, по самому турецкому счету, насчитывается около милліона. Тутъ можно найти самыя разнообразныя вѣроисповѣданія и секты, но главную массу христіанъ составляютъ православные, которыхъ насчитывается до четырехсотъ тысячъ.

Центромъ религіозной борьбы является, конечно, Іерусалимъ. Тамъ, надъ Гробомъ Господнимъ и прочими святынями, сталкиваются интересы всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій или, лучше,—всѣхъ христіанскихъ народовъ. Но къ религіозному разномыслію примѣшиваются еще различные политическіе, матеріальные интересы и разнообразныя человѣческія страсти и страстишки, имя которымъ въ повседневной житейской практикѣ—легіонъ. И вотъ все это скрывается подъ общей крышкой—религіей, скрывается, какъ можетъ, натягивая ее на свое обнаженное тѣло или стараясь просунуть подъ нее хотя бы только одну голову, какъ наивно дѣлаетъ страусъ, скрываясь отъ своего врага.

Заглавная роль во всей этой недостойной борьбѣ принадлежитъ несомнѣнно грекамъ, нѣсколько вѣковъ тому назадъ завладѣвшимъ святынями Іерусалима, а постепенно и верховною властью надъ всѣмъ православіемъ ближняго Востока. Древніе носители христіанскихъ идеаловъ, наши просвѣтители, играютъ въ Св. землѣ далеко не завидную роль. Многіе путешественники по Св. землѣ говорятъ, что они „сознательно сторонились отъ мрачной области этой (т. е. роли грековъ въ Св. землѣ), никого не разспрашивали, ничего не изслѣдовали, упорно стремились закрывать глаза на нѣкоторые вопросы и все же не могли не услышать, не увидѣть, не узнать многое такое, что омрачаетъ чистѣйшія воспоминанія и рождаетъ чувство досады противъ тѣхъ, кто великіе идеалы и духовные интересы христіанства приноситъ въ жертву мелкимъ разсчетамъ національной обособленности, оскорбленнаго самолюбія и неудовлетворенной корысти“ (Е. Э. Картавцовъ „По Египту и Палестинѣ“. Путевыя замѣтки). Во всякомъ случаѣ, этого *сознательнаго* закрыванія глазъ въ заслугу поставить никому нельзя, а тѣмъ болѣе образованному человѣку, который можетъ *видѣть*. Мнѣ кажется, напротивъ, гораздо лучше скрыть отъ читателя „святая-святыхъ“ своего религіознаго чувства, ибо оно и безъ того извѣстно всякому истинно религіозному человѣку. Но зло есть зло, оно будетъ зломъ на всякомъ мѣстѣ, и закрывать на него сознательно глаза, это значитъ въ извѣстномъ смыслѣ быть его соучастникомъ. Если же кто либо изъ паломниковъ боится обратить вниманіе на тѣ безобразія, которыя творятся около столь уважаемыхъ имъ святынь, только потому, что боится расплескать свое религіозное чувство, заготовленное имъ, очевидно, еще раньше посѣщенія св. мѣстъ, то и чувство его—невысокаго качества. Что-то слишкомъ много дѣланнаго и неискренняго въ этомъ настойчивомъ стремленіи придти въ должное умиленіе при посѣщеніи святынь! Наши мужички умиляются безъ словъ, восторгаются безъ приготовленій, безъ сознательнаго закрыванія глазъ на окружающее зло, ибо они его не видятъ, а и увидятъ, такъ не поймутъ.

Постараемся же разобраться въ немъ, насколько можемъ.

II.

Возникновеніе Святогробскаго братства и его дѣятельность въ Іерусалимѣ.

Греки утвердились въ Іерусалимѣ болѣе трехъ столѣтій тому назадъ. Въ 1534 году, посредствомъ различныхъ происковъ въ Константинополѣ, Іерусалимскимъ патріархомъ сдѣлался грекъ, по имени Германъ Пелопониси. Мѣстное христіанское населеніе, въ рукахъ котораго находилось право на обладаніе св. мѣстами,

со временъ Омаръ'а Ибну-ль Хаттабъ'а *), не оказало никакого сопротивленія. Да врядъ-ли оно и имѣло что нибудь противъ этого избранія. Ему казалось, что ловкіе и искусные греки сумѣютъ обратить манифестъ Омара о свободѣ христіанскаго вѣроисповѣданія и объ исключительномъ правѣ завѣдыванія св. мѣстами въ дѣйствительную силу и извлекутъ изъ этого для мѣстнаго православія всевозможную пользу. Германъ оправдалъ только первую половину ожиданій православнаго населенія. Онъ постарался упрочиться на новомъ мѣстѣ. Около него образовалось монашеское братство. Дальновидный Германъ выработалъ себѣ особую программу дѣйствій. Онъ началъ постепенно оттирать отъ церковныхъ должностей лицъ мѣстнаго происхожденія. На мѣста умиравшихъ митрополитовъ онъ посвящалъ грековъ. Скоро также всѣ должности при Св. Гробѣ были замѣщены греками. Доходы отъ св. мѣстъ начали, конечно, безраздѣльно поступать въ руки грековъ. Эти деньги они употребляли на нужды братства и на подкупы турецкаго правительства. Своему преемнику, который также былъ выбранъ имъ изъ грековъ, Германъ оставилъ завѣщаніе — не допускать никого къ Св. Гробу и по возможности на всѣ остальныя высшія духовныя мѣста изъ лицъ мѣстнаго населенія. Это правило было не разъ повторено его преемниками, каждый разъ еще тверже и еще съ большими ограниченіями.

Не смотря на свою задолженность въ первое время существованія, Святогробское братство пріобрѣло скоро большую силу. Въ концѣ XVI вѣка попытка Константинопольскаго патріарха, Парѳенія — соединить вмѣстѣ обѣ патріархіи, Іерусалимскую и Константинопольскую, и управлять Іерусалимомъ изъ Константинополя—окончилась полною неудачею. Святогробское братство рѣшительно этому воспротивилось. Но новый патріархъ, Паисій, пріѣхавшій изъ Константинополя въ Іерусалимъ, былъ встрѣченъ мѣстнымъ населеніемъ настолько недружелюбно, подвергся такимъ оскорбленіямъ, что для водворенія его на мѣстѣ понадобилось вмѣшательство турецкихъ властей. Мѣстные христіане отлично поняли замыслы грековъ, но уже было поздно. Имъ, при всеобщихъ смутахъ и безпорядкахъ внутри страны, при тѣхъ стѣсненіяхъ, которымъ подвергалось христіанство со стороны господствующей, государственной религіи, оставалось только покориться.

Съ теченіемъ времени Святогробское братство поняло, что положеніе будетъ гораздо прочнѣе, если патріархи будутъ избираться изъ его-же среды, проникнутой единствомъ извѣстныхъ замысловъ и цѣлей. Патріархъ Досиѳей издалъ уже указъ объ избраніи патріарха Іерусалимскаго изъ монаховъ братства. Съ тѣхъ поръ, не смотря на то, что патріархи Іерусалимскіе часто жили въ Константинополѣ, гдѣ они могли скорѣе улаживать всевозможныя затрудненія

*) Омаръ Ибну-ль Хаттабъ—одинъ изъ первыхъ арабскихъ халифовъ.

въ Іерусалимской патріархіи и жить съ большими удобствами, правила объ избраніи патріарха изъ среды Святогробскаго братства неуклонно соблюдались и соблюдаются до настоящаго времени. Въ настоящее время братство обладаетъ громадными суммами денегъ, скопленными въ теченіе трехъ столѣтій, пользуется большими доходами съ русскихъ имѣній, преклоненныхъ Св. Гробу и даже до сихъ поръ получаетъ солидныя ежегодныя подачки отъ Св. Синода *).

Главною своею цѣлью Святогробское братство поставило себѣ борьбу съ другими вѣроисповѣданіями за обладаніе св. мѣстами, ибо въ этомъ заключалось ихъ главное могущество. Въ особенности обострилась эта борьба съ начала XIX столѣтія, когда могущественный католицизмъ рѣшительно предъявилъ свои права на совмѣстное обладаніе св. мѣстами. И вотъ началась страшная борьба, которая продолжается и до настоящаго времени. Отстаивается положительно каждый миллиметръ пространства въ храмѣ Воскресенія—въ Іерусалимѣ и въ храмѣ Р. Х.—въ Виѳлеемѣ. Греческое духовенство, которому принадлежитъ въ этихъ мѣстахъ львиная доля, говоритъ, что—уступить сегодня одну пядь, это значитъ завтра отступить на двѣ. Поэтому при малѣйшемъ спорѣ обѣ стороны обращаются къ хозяевамъ св. мѣстъ—мусульманамъ—за разрѣшеніемъ вопроса. Мусульманинъ радостно протягиваетъ въ обѣ стороны свои руки и склоняется на ту сторону, въ которой почувствуетъ болѣе тяжелый кусокъ золота. Бываетъ также, что враждующіе католическіе и греческіе монахи берутся за кинжалы. Такъ, не особенно давно на порогѣ вертепа Р. Х. въ Виѳлеемѣ произошла кровавая стычка. Ссоры же и драки — обыкновенное явленіе.

Въ Западной Европѣ возникали различныя общества, помогавшія своимъ агентамъ въ Палестинѣ деньгами; дипломатія не забывала ихъ своимъ предстательствомъ.

Такимъ образомъ, латиняне, марониты, армяне, копты, сиріяне, эфіопы и др. вѣроисповѣданія отвоевали себѣ извѣстную долю въ храмѣ Воскресенія и другихъ, освященныхъ воспоминаніями мѣстахъ Іерусалима и всей Св. Земли. Когда невозможно было подѣлить св. мѣста, не стѣснялись выдумывать новыя и оспаривать подлинность старыхъ святынь. На почвѣ этой религіозной борьбы возникали научныя изслѣдованія, которыя, наконецъ, привели къ тому, что въ настоящее время въ Іерусалимѣ нѣтъ ни одной святыни, надъ которой не тяготѣло бы *научное* сомнѣ-

*) Свѣдѣнія объ основаніи Св. Гр. братства взяты изъ арабской книги «Историческій отрывокъ о Св. Гр. братствѣ греческомъ Шейха Абду-ль ахадъ Шафи умершаго. Отпечатано въ типографіи Сима, сына Ноя, миръ ему. 1893 г.» «Типографія Сима, сына Ноя»—это, конечно, выдумка. Такъ же и имя автора—«Шейхъ Абду-ль ахадъ Шафи». Авторъ этой книги скрылъ свое имя и даже мѣсто изданія книги, боясь преслѣдованій со стороны «братства».

ніе со стороны противныхъ партій. Кажется, нѣтъ также ни одного мѣста, которое не имѣло бы себѣ двойника. Въ Іерусалимѣ двѣ Елеонскихъ горы, два Гефсиманскихъ сада, нѣсколько крестныхъ путей; подлинность Св. Гроба, лиѳостротона и мн. др. оспаривается многими учеными археологами. Была даже попытка доказать, что старый Іерусалимъ находился совсѣмъ не здѣсь, а на мѣстѣ еврейскаго города Палестины—Сыфата, находящагося немного сѣвернѣе Тиверіадскаго озера.

Для доказательства своихъ правъ при всѣхъ столкновеніяхъ съ другими вѣроисповѣданіями грекамъ нужны были деньги. Большіе доходы, какъ уже было упомянуто выше, братство получаетъ съ преклоненныхъ Св. Гробу имѣній. Другая важная статья доходовъ, это—православные паломники, главнымъ образомъ, конечно, русскіе. Для истинно религіозныхъ людей неважны всѣ эти археологическія препирательства, и въ Іерусалимъ ежегодно стекается масса богомольцевъ. Въ послѣдніе два десятка лѣтъ, съ возникновеніемъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, взявшаго на себя обязанности всевозможными средствами облегчать путешествіе къ св. мѣстамъ, количество русскихъ паломниковъ возросло до десяти тысячъ въ годъ. Удешевленный проѣздъ, громадныи даровыя помѣщенія въ Іерусалимѣ, даровые проводники по св. мѣстамъ — способствовали этому необычайному развитію русскаго паломничества. Въ Западной Европѣ образовалось также нѣсколько компаній, которыя за извѣстную, довольно, впрочемъ, высокую плату берутъ на свое попеченіе паломниковъ. Для нихъ снаряжаются цѣлые пароходы; въ Св. Землѣ готовы помѣщенія и проводники. Путешествуютъ изъ Западной Европы болѣе всего зажиточные, даже богатые люди. Какая же громадная разница между ними и тою сѣрою массою русскихъ паломниковъ, которые передъ Пасхой положительно запружаютъ всѣ улицы Іерусалима! Кажется, что Россія только что еще дожила до временъ крестовыхъ походовъ, совершаемыхъ ею въ мирномъ настроеніи.

Іерусалимъ передъ Пасхой шумитъ, волнуется и кричитъ. Каждый по-своему, на своемъ языкѣ и на свой ладъ выкрикиваетъ имя Божіе, каждый такъ искренно увѣренъ въ своей исключительной правотѣ, что становится почему-то очень грустно и досадно за человѣчество. Мусульмане бьютъ въ барабаны, стрѣляютъ изъ пушекъ и ружей, носятся со своими знаменами по всѣмъ улицамъ города; различныя христіанскія вѣроисповѣданія, каждое отдѣльно и на свой ладъ, выражаютъ свое молитвенное настроеніе, устраиваютъ крестные ходы и различныя другія церемоніи, бьютъ въ колокола, поютъ и волнуются отъ одного конца до другого. Евреи выползаютъ по пятницамъ изъ своихъ грязныхъ улицъ, чтобы поплакать о разрушенномъ храмѣ, о погибшемъ царствѣ и почерпнуть новыя силы для томительнаго ожиданія запоздавшаго Мессіи.

Только турецкіе солдаты въ грубыхъ поношенныхъ мундирахъ съ ружьями у ногъ спокойно и строго наблюдаютъ за порядкомъ и обуздываютъ разгулявшіяся страсти этой громадной, разношерстной и дикой толпы. Не будь турецкаго солдата, исчезни онъ изъ Іерусалима въ это время хоть на одинъ день, и во имя милостиваго Бога улицы Іерусалима покрылись бы человѣческою кровью.

Всѣ палаты Православнаго Палестинскаго Общества набиты биткомъ. „Классныхъ“ богомольцевъ, т. е. состоятельныхъ, ничтожное количество, развѣ наберется 1%. Вся остальная масса русскихъ богомольцевъ — сѣрый крестьянскій людъ, основа котораго — женщины старушки. Мужчинъ меньше 1/3. Отъ русскаго подворья до храма Воскресенія всю страстную недѣлю непрерывное движеніе, одинъ потокъ. Добродушныя, бородатыя, неглупыя лица видны на всѣхъ улицахъ Іерусалима. Вездѣ виднѣются запрокинутыя шапки и разинутый отъ удивленія ротъ. Темнаго цвѣта платки и сморщенныя, сѣроватыя лица богомолокъ встрѣчаются рѣже въ праздной толпѣ. Но что это за лица! Сколько въ нихъ самого дѣтскаго умиленія, тихаго восторга! Кажется, эти наклоненныя къ землѣ, сутуловатыя фигуры разсматриваютъ внимательно, идя по дорогѣ, невидимые слѣды ногъ Спасителя, оставленные имъ здѣсь двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Съ разныхъ концовъ громадной Россіи стянулись сюда всѣ эти взрослыя дѣти. Кто изъ Средней Азіи, кто изъ подъ Москвы, кто даже изъ Архангельска. Нѣкоторые живутъ здѣсь по цѣлому году, и очень многіе по нѣсколько мѣсяцевъ. Большинство привозитъ съ собою провизію — мѣшокъ сухарей, которыми и питается все время своего пребыванія въ Іерусалимѣ. Дрожатъ надъ каждымъ грошомъ, который нужно истратить на свое пропитаніе. Сопровождавшій караванъ паломниковъ въ Назаретъ, служащій на русскомъ подворьѣ г. П. разсказывалъ мнѣ прямо поразительныя вещи. Въ Тиверіадѣ русскіе паломники расположились отдохнуть у берега Тиверіадскаго озера и поѣсть той рыбки, которою питался Христосъ. Но чтобы не тратить лишней копейки на горячую воду, богомолки начали парить эту рыбу въ водѣ, вытекающей изъ грязнаго канала тиверіадскихъ бань, построенныхъ на горячихъ ключахъ. Многія мыли въ этомъ же банномъ стокѣ свои головы, удивляясь такой благодати — натурально горячей водѣ. Отъ такой жизни, по увѣреніямъ русскаго врача въ Іерусалимѣ, г. Северина, изъ 6 тысячъ богомольцевъ, бывшихъ на Пасху 1900 года въ Іерусалимѣ, третья часть больны всевозможными болѣзнями, развившимися въ дорогѣ и во время жизни въ св. мѣстахъ, кромѣ больныхъ хронически.

И вотъ эта масса людей, изъ которыхъ каждый тратитъ на себя въ десять разъ меньше того, что тратитъ въ день арабъ на своего загнаннаго ослика, всегда найдетъ у себя не одинъ деся-

токъ рублей на то, чтобы пожертвовать „на св. мѣста“. Да и не мудрено! Цѣлыя сотни лѣтъ греческое духовенство воспитываетъ всю Россію на той мысли, что только деньги, однѣ деньги, присланныя „въ св. мѣста“, могутъ очистить ея грѣшную душу. Масса листковъ, разсылаемыхъ греческими монахами по всей Россіи, явно свидѣтельствуетъ о томъ, насколько важны деньги въ этомъ дѣлѣ. Во всѣхъ св. мѣстахъ — на Аѳонѣ и въ Палестинѣ есть особыя таксы на плату за поминовеніе душъ. Привожу одну изъ нихъ, взятую изъ монастыря Хозева, находящагося въ Іудейскихъ горахъ, между Іерусалимомъ и Іерихономъ. Сохраняется ороографія.

„Чиноположеніе нашей Обители Св. Георгія Хозевита.

1) Вѣчное поминовеніе за одну душу 30 р. ежедневно 2 раза въ день на ектеніяхъ и четыре раза въ недѣлю на проскомидіяхъ Божественныхъ Литургіи, и въ субботу на панихидахъ въ храмѣ, и въ пятницу вечеромъ въ усыпальницѣ на панихидѣ.

2) Вѣчное поминовеніе въ субботу и воскресеніе на проскомидіяхъ 10 р. за душу.

3) Вѣчное за поминовеніе одинъ разъ въ мѣсяцъ на проскомидіяхъ 5 руб.

4) На годъ за каждое имя на проскомидіяхъ по одному рублю за душу, за здравіе или за упокой.

5) Сорокоустъ за одно имя или 10 и болѣе 20 р.

Кромѣ вышесказанныхъ поминовеній имена благодѣтелей будутъ поминаться и въ пещерномъ скиту подвизающимися тамъ нашими отшельниками схимниками“.

Тутъ же приложенъ адресъ.

Въ другихъ монастыряхъ цѣны еще выше, по крайней мѣрѣ, на Аѳонѣ, если только теперь громадная конкурренція различныхъ монастырей не понизила ихъ.

Во всѣхъ греческихъ монастыряхъ богомольцу предлагаютъ „записаться“. Впрочемъ, нужно отдать монахамъ справедливость, они налегаютъ сильно только на нашихъ крестьянъ. Съ паломникомъ изъ интеллигентныхъ они обращаются въ высшей степени тактично, ни за что не заикнутся ни о записи, ни о какой бы то ни было платѣ, даже при случаѣ примутъ видъ стыдливой невинности. Въ этой узкой сферѣ своей многовѣковой практики греки—хорошіе психологи. Въ воспоминаніе о монастырѣ „усерднымъ“ посѣтителямъ даются различныя иконки на деревѣ и шелкѣ, заготовленныя въ громадномъ количествѣ въ Россіи. Толстыя книги, исписанныя русскими именами, конечно, истребляются, потому что нѣтъ никакой физической возможности выполнить желанія всѣхъ вѣрующихъ, внесшихъ въ монастырь по таксѣ свою лепту—перечитать ихъ имена за литургіей.

Раньше основанія Православнаго Палестинскаго Общества, греки давали пріютъ русскимъ паломникамъ, что, конечно, прино-

сило имъ громадный доходъ. Съ этою цѣлью братство раскинуло по Палестинѣ цѣлую сѣть монастырей. Яффа, Іерусалимъ, Хозева, Іерихонъ — это одна линія; Виѳлеемъ, Іерусалимъ, Рамъалла, Наблусъ, Назаретъ—другая; Тиверіада, Ѳаворъ, Назаретъ и Кайфа—третья; три монастыря вдоль Іордана—четвертая; есть еще много монастырей въ окрестностяхъ Іерусалима; въ самомъ Іерусалимѣ до 15 монастырей. Главное назначеніе этихъ монастырей — давать пріютъ православнымъ паломникамъ, о чемъ можно судить уже и по тому, что число братіи въ нихъ крайне ограниченно: игуменъ — онъ же и настоятель монастырскаго храма и экономъ обители—и нѣсколько послушниковъ. Палаты Палестинскаго Общества и его руководительство русскими паломниками нанесли братству страшный ударъ, котораго греки никогда ему не простятъ.

Теперь же у грековъ осталась одна статья доходовъ—записи богомольцевъ. За то и стерегутъ же греки русскихъ богомольцевъ. Храмъ Воскресенія внѣ спора,—туда придетъ первымъ дѣломъ всякій богомолецъ; но другіе монастыри ревниво наблюдаютъ за движеніемъ паломническихъ каравановъ по св. землѣ. Въ настоящемъ году, когда караванъ богомольцевъ въ Назаретъ измѣнилъ свой обыкновенный маршрутъ и зашелъ сначала въ Тиверіаду, а не въ Назаретъ, какъ то было всегда, греческій митрополитъ назаретскій, Фотій, разгнѣвался. Предполагая, что причиною такого посягательства на его исконныя права были русскіе представители Палестинскаго общества въ Назаретѣ, онъ проявилъ имъ свое неудовольствіе самымъ недостойнымъ его высокаго сана образомъ. Онъ приказалъ выгнать изъ церкви Богородицы въ Назаретѣ учениць русской школы И. П. П. общества, пришедшихъ слушать туда литургію.

Мнѣ пришлось наблюдать любопытную сцену въ Хозевитскомъ монастырѣ. Когда мы пришли въ пріемную, тамъ за столомъ съ перомъ къ рукѣ сидѣлъ греческій монахъ. Его окружала толпа нашихъ русскихъ богомольцевъ.

— Запиши ты, кормилецъ, Петра, Марѳу, Сидора и Карпа,—говорилъ низкорослый, рыжій, похожій на растрепанную швабру, мужичокъ. Онъ то и дѣло смыгалъ своими руками, высвобождая ихъ изъ длинныхъ рукавовъ праздничной поддевки.

— Погоди ты, говори по одному, а то всѣхъ-то онъ не упомнитъ и перепутаетъ,—посовѣтовалъ рыжему высокій, благообразный, сѣдой старикъ.—Ты заплати золотой *), да я еще запишусь... А остальные сдачи возьми.

— Да не даютъ сдачи-то, нѣтъ, говорятъ,—сказалъ мужичокъ, растопыривъ руки. — Вонъ Марьѣ тоже не дали сдачи съ пятишни.

*) 7 р. 50 к.

— Ну, отдай весь золотой; что жъ, божье дѣло,—согласился сѣдой старикъ.

— Молитесь за насъ, батюшки,—растроганнымъ голосомъ говорила старушка съ добрымъ, еще сохранившимся, красивымъ лицомъ.

— Жертвуйте, жертвуйте. Будемъ молиться, — сказалъ греческій монахъ, обводя толпу вызывающимъ взглядомъ и держа наготовѣ перо.

— А какъ мы на сорокодневную-то гору взбирались, Господь насъ сподобилъ,—говорила мнѣ по дорогѣ къ экипажу, едва переводя отъ усталости духъ, красивая старушка, просившая греческаго монаха молиться. — Всѣ поснимали сапоги; трудно было идти-то.

— Ну и что же тамъ?

— О, благодать-то какая! Были мы, гдѣ Господь молился и какъ Его врагъ-то смущалъ... Монастырь тамъ строится. Монахи насъ мимоходомъ угостили. Мы пришли—всѣ вспотѣли. Ду-ушу они нашу отвели.

— Да вѣдь это не даромъ! Вы „записывались“ и тамъ — не утерпѣлъ пылкій Щ.

— Понятно записались; но это вѣдь намъ же на пользу.

— Они васъ грабятъ,—не унимался Щ.

— Э, батюшка! Затѣмъ мы сюда и пріѣхали въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни. Все, что мы нажили—и принесли сюда съ собой. Не наше дѣло—куда они деньги дѣваютъ, голубчикъ. Богъ тамъ разберетъ...

Вообще посѣщеніе греческихъ монастырей непріятно утомляетъ и раздражаетъ. Наглыя лица греческихъ монаховъ, смотрящія вамъ прямо въ карманъ, не даютъ успокоиться мысли и чувствамъ въ тихой монастырской обстановкѣ. Въ каждый греческій монастырь входишь съ больнымъ сердцемъ, съ предчувствіемъ знакомыхъ, непріятныхъ впечатлѣній этой неумѣстной и не извинительной никакими обстоятельствами человѣческой наглости и жадности. Но за то какая поразительная разница (по крайней мѣрѣ, съ этой видимой стороны) между греческими монастырями и монастырями разныхъ католическихъ орденовъ. Во многихъ изъ послѣднихъ посѣтитель входитъ и уходитъ, не встрѣчая ни одного человѣческаго лица. Онъ можетъ спокойно наслаждаться чистотою и убранствомъ церквей, прекрасными картинами и статуями. Развѣ въ рѣдкихъ случаяхъ можно увидѣть опрятнаго католическаго монаха, который стоитъ неподвижно передъ иконой на колѣняхъ и шепчетъ молитвы. Если васъ встрѣтятъ тамъ, то встрѣтятъ съ предупредительной ласковой любезностью, покажутъ всѣ углы монастыря, и ни одного жеста, ни одного взгляда, сколько нибудь напоминающаго посѣтителю о необходимости платы. Даже кружки для сбора пожертвованій очень рѣдки. Только въ монастырѣ

сіонскихъ сестеръ, въ подземной его части я увидѣлъ кружку съ надписью: „pour les orphelines“.

Конечно, наши богомольцы правы. Если они приведены были къ такому убѣжденію, что чѣмъ больше они заплатятъ въ св. мѣстахъ денегъ, тѣмъ ихъ путешествіе будетъ угоднѣе Богу, для нихъ естественный, вполнѣ логичный выводъ—платить кто сколько можетъ. Но греческихъ монаховъ, знающихъ то, что они дѣлаютъ съ этими стариками-дѣтьми, оправдать трудно. Вѣдь эти дѣти настолько слѣпы и довѣрчивы во всемъ, что касается религіи, что давно во всей Палестинѣ и Сиріи въ средѣ разсчетливыхъ мѣстныхъ жителей сдѣлались посмѣшищемъ, синонимомъ самаго непростительнаго простодушія. Слова „матушка“ и „батюшка“ хорошо извѣстны каждому палестинцу и всегда въ его устахъ сопровождаются презрительной улыбкой. И чего только не продаютъ въ Палестинѣ нашимъ богомольцамъ наглые мѣстные спекулянты? Имъ продаютъ гвозди, которыми былъ пригвожденъ Спаситель; они покупаютъ ихъ, какъ святыню; продаютъ стружки отъ Св. Гроба (хотя онъ каменный), молоко Богородицы въ сушеномъ видѣ, слезы Богородицы, пролитыя ею у Креста, египетскую тьму въ пузырькахъ—они покупаютъ и стружки, и молоко, и слезы, и египетскую тьму, которую Богъ послалъ на Египетъ по слову Моисея... Не та-ли же это египетская тьма—эти записи въ книги, которыя потомъ сожигаются, какъ негодный хламъ? Находились въ средѣ греческихъ монаховъ и такіе люди, которые продавали за деньги мѣста на небѣ по мѣрѣ—русскими четвертями аршина. Въ одно время греческое духовенство начало было давать за деньги отпущеніе грѣховъ, въ родѣ папскихъ индульгенцій, но теперь, кажется, прекратило.

III.

Благодатный огонь и іерусалимская литература.

Все это, впрочемъ, вполнѣ послѣдовательно. Развѣ не могутъ эти люди рѣшать дѣла на небѣ такъ же свободно, какъ и на землѣ, если самъ Богъ отличилъ ихъ передъ всѣми представителями другихъ вѣроисповѣданій, и въ храмѣ Воскресенія ежегодно совершается чудо—въ страстную субботу съ неба на Св. гробъ сходитъ божественный огонь?

Божественный огонь началъ сходить очень давно, но въ настоящее время, по увѣренію грековъ, онъ сходитъ только при томъ условіи, если Кувукліей (часовня внутри Хр. В. надъ Св. Гробомъ) завѣдуетъ греческое духовенство. Въ этомъ насъ увѣряетъ книга „Святый Огонь, исходящій отъ гроба Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ день великой субботы въ Іерусалимѣ по сказаніямъ древнихъ и новыхъ путешественниковъ Ф. М. А.“ Книга эта издана въ Москвѣ; но, конечно, греками. Ука-

зывая на то, что Балдуинъ I „присутствовалъ при явленіи св. огня и принималъ отъ епископа свѣчу, епископъ же былъ православный, а не католикъ“,—авторъ дѣлаетъ заключеніе: „Вѣроятно были опыты, что католическимъ епископамъ не сходилъ Святой огонь, потому и предоставлено было это право православнымъ“. Но такъ какъ изъ православныхъ греки считаютъ себя наиболѣе достойною милости Божіей націею, то далѣе приводится „свидѣтельство паломника іеромонаха Мелетія и другихъ позднѣйшихъ писателей“, откуда ясно вытекаетъ, что греки имѣютъ особенное право получать съ неба огонь. Попытка „Армянъ изгнать православныхъ христіанъ изъ храма Іерусалимскаго, чтобы черезъ своихъ архіереевъ удостоиться принять огонь непосредственно въ кувукліи“, окончилась неудачею. „Греки, дѣйствительно, не были допущены турецкимъ пашею, подкупленнымъ за деньги, а стояли внѣ храма предъ заколоченными дверями. „Приближающуся же часу, въ который, обыкновенно, бываетъ чудо, *вдругъ разсѣлся одинъ изъ столповъ,* которые суть въ стѣнѣ предъ святыми вратами, и изшелъ святый свѣтъ. Сіе видя, Патріархъ (православный) притече со тщаніемъ и возже отъ онаго свѣщи“.—„Армяне же, повѣтствуетъ далѣе іеромонахъ Мелетій, „совсѣмъ не вѣдая *о святомъ свѣтѣ* (курсивы книги) яко оный снисшелъ къ Православнымъ, ожидали онаго къ себѣ внутрь Гроба, сильнымъ гласомъ, яко Ваалитяне вопія тщетно. Турки же, стрегущіе св. врата, видя такое чудо, тотчасъ отворили оныя“. Патріархъ вошелъ внутрь храма съ православными, вопія: „Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса! и т. далѣе“... Съ тѣхъ поръ никто не рѣшается отнять у грековъ это право.

Добываніе благодатнаго огня обставляется греческимъ братствомъ съ таинственной торжественностью. Въ русскомъ подворьѣ (Палест. Общ.) объ этомъ сообщается заранѣе въ особыхъ объявленіяхъ въ видѣ короткой фразы: „Благодатный огонь въ 1 часъ дня“. Съ самаго утра храмъ начинаетъ наполняться паломниками. Многіе, чтобы удержать за собою болѣе удобныя для наблюденій мѣста, нѣсколько сутокъ проводятъ въ храмѣ... Нѣтъ такого года, чтобы арабы и русскіе поклонники не поколотили какого нибудь греческаго монаха за его сластолюбивыя поползновенія. Часамъ къ 10—11 утра субботы вводится почти цѣлый полкъ турецкихъ солдатъ, которые въ нѣсколько рядовъ съ ружьями въ рукахъ окружаютъ кувуклію. Тѣснота и давка неимовѣрная. Вся внутренность храма унизана людьми. На всѣхъ выступахъ, гдѣ только можно какъ нибудь прицѣпиться, виднѣются человѣческія фигуры. Многія ложи вокругъ кувукліи занимаются мусульманами, собравшимися съ ироническимъ любопытствомъ и тайнымъ суевѣрнымъ страхомъ, посмотрѣть на ежегодно въ извѣстный день и часъ повторяющееся чудо. Внизу волнуется плотная

масса головъ, настолько плотная, что малѣйшее движеніе въ одномъ краѣ волной передается въ другой. У каждаго паломника по пучку, состоящему изъ 33-хъ, по числу лѣтъ Спасителя, свѣчей, покрытыхъ ватными колпачками для тушенія огня.

Въ храмѣ страшная жара. По временамъ наступаетъ торжественная минутная тишина. Слышатся нервные вздохи, шопотъ молитвы. Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе растетъ заразительное, нервно-ожидательное настроеніе. Нетерпѣливая масса мѣстныхъ южныхъ поклонниковъ по своему выражаетъ свое настроеніе: начинается хлопаніе въ ладоши, пѣніе и своебразное женское люлюканіе. Иногда сирійцы, склонные вообще всякую радость и горе выражать въ рѣзкихъ движеніяхъ, начинаютъ кричать, прыгать и ходить по головамъ поклонниковъ.

Въ это время идутъ приготовленія. Всѣ огни потушены. Начинается крестный ходъ вокругъ кувукліи. Раздается адскій униссонъ греческаго пѣнія... Широкая и богатая гармонія современной церковной музыки—это, главнымъ образомъ, достояніе послѣдняго тысячелѣтія. Греки не только ничего не переняли и не улучшили въ этомъ отношеніи, но даже пошли назадъ. Настоящее греческое пѣніе—это ревъ всевозможныхъ животныхъ, ревъ гнусливый, теребящій русское ухо самымъ безжалостнымъ образомъ. Мѣстныхъ жителей греки уже давно пріучили къ такому пѣнію, и тѣ находятъ его хорошимъ.

Крестный ходъ оконченъ. Патріархъ раздѣвается и входитъ въ кувуклію. Нервное напряженіе толпы доходитъ до послѣдней степени. Всѣ, кто бы ни былъ въ храмѣ,—христіане и нехристіане, вѣрующіе и невѣрующіе, старики и молодые, даже дѣти испытываютъ безпокойство. Испытывается то же чувство, которое овладѣваетъ человѣкомъ, стоящимъ на изолированной скамейкѣ подъ дѣйствіемъ электричества. Толпа зловѣще затихаетъ. Всѣ затаили дыханіе и ждутъ... Можно представить себѣ, что произойдетъ, если задержать явленіе божественнаго огня на неопредѣленное время. Раньше это случалось. Начиналось страшное волненіе, заканчивавшееся обыкновенно человѣческими жертвами. Патріарху угрожала смерть. Онъ такъ или иначе долженъ былъ дать обезумѣвшей толпѣ божественный огонь. Мнѣ передавали, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ турецкое правительство, изъ опасенія подобныхъ возмущеній и безпорядковъ, приказало греческому духовенству оффиціальной бумагой „впредь появленіе божественнаго огня не задерживать“... Съ тѣхъ поръ все совершается довольно мирно и во время.

Но вотъ изъ праваго окошечка кувукліи блеснулъ свѣтъ. Патріархъ подалъ оттуда пучокъ горящихъ свѣчей. Раздался вдругъ оглушительный звонъ, страшный дикій ревъ, вырвавшійся изъ 10 тысячъ человѣческихъ грудей; ударили въ какія-то литавры; отъ кувукліи до греческаго алтаря промчалась темная

масса греческихъ монаховъ, и вскорѣ все засвѣтилось. Огонь разливался пожаромъ по всему храму. Зажженные пучки свѣчъ поднимались на веревкахъ подъ самый куполъ храма. Огненная волна плеснула сразу по всему низу, брызнула наверхъ, и скоро весь полъ и стѣны храма были въ огнѣ. Черезъ какія нибудь 4—5 минутъ весь храмъ наполнился дымомъ, черные клубы котораго заволокли всѣ предметы. Ничего не было видно. Только огни свѣчъ смутно просвѣчивали и двигались въ этой густой мглѣ. Суевѣрное воображеніе человѣка, конечно, никогда не рисовало себѣ болѣе подходящей картины ада.

Перезвонъ смолкъ. Толпа тоже безмолвствовала, занятая зажиганіемъ и тушеніемъ свѣчей. Всѣ хватаютъ горстями пламя и утираютъ этою рукою себѣ лица. Нѣкоторые прикладываютъ огонь къ шеѣ, къ лицу, къ бородамъ и одеждѣ, въ полной увѣренности, что благодатный огонь не жжетъ. Многіе обжигаются, но суевѣріе держится упорно. Мѣстные жители считаютъ необходимымъ три раза зажигать и тушить свѣчи. Пошелъ смрадъ отъ горѣлой ваты. Страшная жара усилилась. Да и немудрено. Горѣло самое меньшее полмилліона свѣчей.

Я положительно задыхался. Кавасъ *) вывелъ насъ въ одну изъ боковыхъ пристроекъ храма, гдѣ нужно было подождать, пока немного разойдется народъ. Тамъ на лѣсенкѣ сидѣло нѣсколько нашихъ богомолокъ, съ цѣлыми ворохами пучковъ свѣчей. Изъ внутренней двери показалась русская старуха, повязанная платкомъ на манеръ чепца, тоже съ цѣлымъ беремемъ пучковъ, завернутыхъ въ приподнятую полу куцавейки. По ея морщинистой шеѣ текли крупныя капли пота. Закопченое дымомъ лицо ея дышало свѣтлою радостью. Она подошла къ сидѣвшимъ на ступенькахъ бабамъ и заговорила съ ними радостно, торопливо.

— Господи Исусе Христе, какая благодать-то! Какъ это огонь-то, огонь-то Богъ съ неба послалъ. И-и-ихъ родная! Теперь хоть умереть ничего... А все проклятые католики, да, слышь, какіе-то фіепы (эфіопы) всегда мѣшаютъ огню-то сойти съ неба. Мнѣ одинъ греческій монахъ сказывалъ, — вдругъ перемѣнила она разговоръ.—Какъ это патріархъ-то раздѣлся, точно голубь бѣлый. Католики да фіепы его пхнули туда, къ гробу-то... Ну, да вѣдь не попустилъ Богъ, помиловалъ насъ, сподобилъ своей благодати.

— А ты, должно, близко была къ патріарху-то,—завистливо спросила одна изъ сидѣвшихъ.

— Вотъ, какъ на ладони, мать моя, какъ на ладони! Все видѣла. Да вѣдь я, голубонька ты моя, еще со среды сюда съ вечера забралась. Три ночи тутъ провела. Ну, да прощайте ужъ; иду, иду... Вишь, я сколько свѣчей-то несу... Вотъ эти—сестрѣ

*) Проводникъ русскаго консульства.

Палагеѣ, эти—дѣдушкѣ Карпу; много тутъ... И она торопливо поправила беремя свѣчныхъ пучковъ и засеменила внизъ по лѣстницѣ.

Положимъ, передъ интеллигентными поклонниками греки не скрываютъ, что это ни болѣе ни менѣе, какъ обрядъ, совершаемый въ воспоминаніе дѣйствительно случившагося когда-то чуда, что въ настоящее время они не могутъ не совершать этого обряда и не выдавать его за чудо передъ невѣжественною массою русскихъ и мѣстныхъ поклонниковъ, потому что опасаются страшнаго возмущенія. Кромѣ того, говорятъ они, зачѣмъ отнимать у людей дорогую для нихъ увѣренность, что Богъ проявляетъ на св. мѣстѣ такъ поразительно свою милость? Зачѣмъ отнимать это, хотя и ложное, но для нихъ въ высшей степени убѣдительное доказательство милосердія Божія? Эта сѣрая масса слишкомъ невѣжественна для болѣе высокаго пониманія христіанской религіи. Она вѣритъ грубо. Ей нужны чудеса, нужны матеріальныя доказательства. Зачѣмъ же намъ сознательно нарушать ея духовное равновѣсіе? А что мы нарушимъ это духовное равновѣсіе толпы, такъ это несомнѣнно. Попробуйте сказать ожидающимъ огня, что чуда не будетъ, да его и не было; мы васъ до сихъ поръ обманывали, хитрили, и толпа разорветъ васъ за такую дерзость. Да она и не разувѣрится. Людскія убѣжденія въ дѣлахъ вѣры при яркихъ противоположныхъ доказательствахъ какъ бы укрѣпляются еще болѣе, твердѣютъ, становятся будто прочнѣе, а главное, озлобленнѣе. Предоставимъ все просвѣщенію и времени. „Для одного—божественный огонь, для другого—спички"—обычная фраза греческихъ монаховъ.

Понятно затрудненіе духовенства, руководящаго милліонами невѣжественныхъ умовъ, привыкшихъ видѣть или знать, что гдѣ-то тамъ, далеко, въ Св. градѣ, не оскудѣла еще милость Божія и проявляется она такъ поразительно ясно. Понятно, что духовный пастырь долженъ быть осторожень, онъ долженъ все предвидѣть. Въ его рукахъ находится сокровенная часть человѣческаго духа, называемая вѣрой. „Великій Инквизиторъ" у Достоевскаго говоритъ: „И всѣ будутъ счастливы, всѣ милліоны существъ, кромѣ сотни тысячъ управляющихъ ими. Ибо лишь мы, хранящіе тайну, только мы будемъ несчастны". До нѣкоторой степени также разсуждаютъ и греки. Но у нихъ нѣтъ твердыхъ религіозныхъ идеаловъ, даже можетъ быть у самыхъ лучшихъ изъ нихъ. Только лишь не въ мѣру развитое національное самолюбіе да непомѣрная жадность къ наживѣ придаетъ имъ страшную сплоченность, даже, какъ будто, идейность. Греки отлично понимаютъ, что это заблужденіе темной массы—ихъ сила, подъ защитой которой они могутъ еще не одно столѣтіе приносить свои самыя искреннѣйшія молитвы золотому тельцу. Поэтому они не только не стараются подготовить къ этому разочарованію весь православный

міръ, а напротивъ, стараются поддержать всѣ необходимыя и столь доходныя суевѣрія.

Съ этою цѣлью святогробское братство разсылаетъ по всей Россіи множество печатныхъ листковъ и брошюръ, которыя нарасхватъ покупаются и въ Іерусалимѣ нашими паломниками. Многіе изъ нихъ печатаются въ Россіи, многіе и въ самомъ Іерусалимѣ въ греческой типографіи. Только по этимъ листкамъ и брошюркамъ въ совокупности съ общими впечатлѣніями отъ Іерусалима можно понять, на степень какой недостойной аферы сводится христіанская религія, какъ сознательно эксплуатируются лучшія чувства религіознаго человѣка.

Вотъ вышеупомянутая брошюра „Святый огонь исходящій... и т. д.“ Книга состоитъ главнымъ образомъ изъ выдержекъ описаній различныхъ путешественниковъ. Всѣ путешественники — русскіе. Въ массѣ цитатъ есть одна изъ описанія женщины-путешественницы. Женщина эта, съ явными признаками истеріи, судя по описанію ея чувствъ и ощущеній, замѣтила, что огонь сходитъ съ неба въ видѣ облака съ дождемъ... Много самыхъ нелѣпыхъ описаній, даже раздражительное обращеніе къ наукѣ, которая забыла чудеса, а вѣритъ только въ самыя обыкновенныя явленія.

Вотъ „Благодатный огонь листокъ свѣтлый праздникъ въ Іерусалимѣ“, отпечатанный для торжественности красною краскою. Это поддѣлка подъ письмо простолюдина, съ изображеніемъ тѣхъ чувствъ, которыя волнуютъ паломника при посѣщеніи храма Воскресенія и главнымъ образомъ во время службы на 1-й день Пасхи. Написано это письмо въ высшей степени безграмотно, въ ложномъ тонѣ непрочувственнаго умиленія, неиспытаннаго восторга.

Вотъ „Псальма“ гдѣ описывается положеніе какого-то паломника, которому

«*Нетъ* пристаница гдѣ
Главу преклонить
О царице всѣхъ
И Владычице
И Заступницѣ»

Вотъ „Надъ гробный стихъ“. Очевидно, какой-нибудь грекъ, учившійся въ Россіи, припомнилъ стихотвореніе изъ русскихъ писателей и воспроизвелъ его по памяти, но съ ошибками противъ стихотворнаго размѣра и уже, конечно, орѳографіи.

...«Ночъ немая садъ *объ* емлетъ
Стража грозная не спитъ,
Чуткій слухъ ея не дремлетъ
Зорко вдаль она глядитъ.
Ночъ прошла на гробъ Мессіи
Съ ароматами въ рукахъ
Шли печальныя Маріи
Безпокойство въ ихъ сердцахъ» и т. д.

Невѣжество издателей находитъ себѣ сочувствіе въ еще бо́льшемъ невѣжествѣ благочестивыхъ покупателей, читающихъ весь этотъ печатный хламъ съ восторгомъ и слезами, не замѣчающихъ ни фальшиваго тона, ни лжи. Русскій языкъ въ греческой обработкѣ подвергся страшнымъ искаженіямъ. Чтобы дать читателю полное представленіе объ іерусалимской „русской“ литературѣ (разъ уже объ ней зашла рѣчь) приведемъ еще нѣкоторыя выдержки изъ „Баллады на новый годъ 1900“, написанной, по наивному убѣжденію автора, стихами и русскимъ языкомъ. Сохраняется орѳографія.

I.

«Новый годъ!
Вотъ подходитъ
Годъ невзгодъ—
Жаръ наводитъ,
Вродѣ блесковъ
Съ темной ночи,
Иль какъ очи,
Сходятъ звѣздки».

Я отказываюсь рѣшительно понять что-нибудь изъ всей этой „Баллады“; для этого вмѣстѣ съ авторомъ—

«Какъ ни смысль,
А сей смыслъ
Чтобъ понять,
Мчусь «Пегаса»
Близь «Парнаса»
Догонять»!

Тутъ есть и обращеніе къ дѣвѣ:

V.

«Но мотиву
Въ мысль ретиву
Не находятъ—
Знать о годѣ
Изъ пророчествъ:
Что же «ночью»
Звалъ Христосъ?
Что вопросъ
Обезпеченности
Христіанской?
Въ даль не зрятъ
Объ отвѣтственности...
Хоть не спятъ,
Страсть предводятъ...
Но честь давши,
Шелъ я вспять...
А дождавшись
На привѣтъ,
Я въ отвѣтъ
Оцѣнилъ и
Дѣвы цвѣтъ».

VI.

«Какъ бы роза
На Сіонѣ
Изъ Сарона
Благовонна!
Губки нѣжны
Ей присущій
И взглядъ жгучій
Очка зорки.—
Какъ Зорница
Азарница!

Бѣло-снѣжны
Плечки, станъ
Красота!
Благосклонна
Доброта.
Какъ цѣвница
Подпѣваетъ
Проясняетъ
Мнѣ любовь»!

И упреки за отсутствіе вѣры:

IX.

«Было-бъ можетъ
Царство Божье
Безъ тревогъ
Тысьчу лѣтъ
Если-бъ вѣра;
Вѣры нѣтъ!
Фарисейскій
Только квасъ!
Противъ Бога
Цѣль у насъ!
Да и Гога
И Магога
Націй нѣтъ:
Сей злой свѣтъ
На сто лѣтъ
Послѣ тысьчи»...

И нѣсколько словъ о Сатанѣ:

XIX.

«Но не спитъ
Сатана,
А дрожитъ,
Поблѣднѣлъ
Какъ стѣна,
Онѣмѣлъ...
Въ бездну ты
Пропади!
Въ цѣпь и прочь!
Ты Статутомъ
Не морочь!
Бить редутомъ
Не торочь!
Любишь трупы?
Ибо глупый!
Тысьчу лѣтъ
Не всходи!
На сей свѣтъ!
Тамъ сиди»!

И даже обращеніе къ Руси:

XVIII.

«Божья Русь!
Ты какъ Гусь
Древне-римскій,
Крикомъ спасъ
Римъ въ напасть
Разбуди
Глупства сонъ
Что-бъ спастись:
Перекрестись!
Не забудь!
Рада будь!
Привитать!
Воспѣвай
Въ честь судьи:
Святъ! Святъ! Святъ!
Къ намъ Грядый!
Вспрянь! Суди!
Скиптръ возми!
Царствуй въ насъ,
И вонми,
О Содѣтель!
Богъ Христосъ!
Есть ли въ насъ
Добродѣтель?
Аппелетовъ сбросъ!
Авторъ Учитель рисованія
Иванъ Ивановъ Матвѣевъ
Іерусалимъ
25 Декабря 1899 года».

Того-же автора есть еще стихотвореніе „Іерусалимъ", но его уже приводить не будемъ.

Такія вещи печатаетъ греческая іерусалимская типографія. На „русскомъ“ языкѣ греки хоть что нибудь пишутъ, а мѣстный арабскій языкъ они не снисходятъ даже изучать. Это, по ихъ мнѣнію, варварскій языкъ, и эллину изучать его непристойно. Но этого мы коснемся въ другомъ мѣстѣ.

IV.

Задачи греческихъ патріарховъ въ Палестинѣ и Сиріи.

Вслѣдствіе исключительнаго положенія здѣшняго христіанства, духовенство имѣетъ здѣсь гораздо большія полномочія, чѣмъ во всякой другой странѣ. Зачастую духовенство здѣсь и судья, и адвокатъ, и администраторъ, и просвѣтитель. „Власть духовнаго начальства отдѣльныхъ вѣроисповѣданій съ дозволенія правительства распространяется на болѣе или менѣе обширную сферу гражданскихъ отношеній, сюда относятся дѣла по наслѣдству, училища, судъ надъ духовенствомъ, управленіе церковнымъ имуществомъ и т. п. Правительство желало прекратить эти привиллегіи, но греки воспротивились, и патріархъ константинопольскій затворилъ храмы, чтобы оказать давленіе на правительство, которое уступило и даровало соотвѣтствующія привиллегіи всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ“ (Сообщ. И. П. П. Общ. за іюнь 1893 г. стр. 366).

По извѣстнымъ уже причинамъ, указаннымъ въ I главѣ, мѣстное населеніе вообще очень не любитъ обращаться къ турецкимъ властямъ за разрѣшеніемъ тѣхъ или иныхъ спорныхъ вопросовъ и идетъ къ священнику, митрополиту, патріарху. Часто духовенство ведетъ въ „сараѣ“ *) многія дѣла вмѣсто темныхъ и невѣжественныхъ претендентовъ изъ паствы. Бываетъ также, что только духовенство можетъ вникнуть въ своеобразныя отношенія не только между отдѣльными лицами, но даже селами и городами. Обычай родовой мести заводитъ часто слишкомъ далеко и надолго затягиваетъ обострившуюся вражду. Только одно духовенство можетъ дотронуться до этого больного мѣста. Турецкія власти тутъ не помогутъ, да и побоятся вмѣшиваться. Такъ, лѣтъ двадцать тому назадъ греко-католическій митрополитъ (изъ мѣстныхъ) помирилъ два враждовавшихъ между собою города въ Хауранѣ **). Но больше всего и прежде всего духовенство здѣсь *просвѣтитель*. Вѣдь Турція не откроетъ для своихъ подданныхъ христіанъ *православной* школы, тѣмъ болѣе, что и на мусульманскія то оно крайне скупо, не учредитъ для православнаго духовенства семинаріи. Эта задача лежитъ всецѣло на здѣшнемъ духовенствѣ.

*) Присутственное мѣсто; мѣсто полиціи.

**) Горная страна къ югу отъ Дамаска. Хауранскія горы.

Греки же, какъ люди чужіе населенію Палестины и Сиріи, не хотѣли вникнуть, какъ должно, въ жизнь мѣстныхъ христіанъ. За долгій промежутокъ времени своего господства они не сдѣлали ничего или почти ничего, не смотря на отчаянныя усилія самихъ христіанъ—выбиться изъ такого печальнаго положенія. Греческіе патріархи и митрополиты, добившись престола цѣною подкупа своей же паствы, обыкновенно о ней больше уже и не заботились.

А между тѣмъ мѣстное духовенство коснѣетъ въ невѣжествѣ. Въ настоящее время православные священники берутся прямо отъ сохи, да и не берутся даже патріархомъ или митрополитомъ, а выбираются жителями. Здѣсь еще не забыты маленькія общественныя единицы—семейства. Каждый городъ или село состоитъ изъ нѣсколькихъ семействъ. Каждое семейство, или, по крайней мѣрѣ, самыя вліятельныя изъ нихъ выбираютъ изъ своей среды по священнику, котораго во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній обыкновенно безпрекословно посвящаетъ митрополитъ на должность. Въ рѣдкомъ селѣ нѣтъ 2-хъ—3-хъ священниковъ. Чуть возникаетъ ссора,—появляется и новый священникъ изъ той семьи, которая его до сихъ поръ не имѣла. Понятно, что доходы священника прямо грошовые. Да онъ такъ и смотритъ на свою дожность: придти въ праздникъ въ церьковь, надѣть истрепанную ризу и отслужить прихожанамъ обѣдню, какъ онъ сумѣетъ—вотъ и всѣ обязанности. Понятно, что на эту незавидную должность часто выбираются и наименѣе годные члены сельскаго общества. Часто это даже полуидіоты, люди въ физическомъ и умственномъ отношеніи стоящіе ниже уровня среды. Я знаю одного священника въ селѣ Кафаръ Кукъ *). Послѣ своего посвященія онъ служилъ первую обѣдню, по окончаніи которой хотѣлъ сказать прихожанамъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ. „Эй вы, православные христіане!.“. Дальше онъ ничего сказать не придумалъ и добавилъ: „вы знаете, что я произошелъ изъ испражненій быковъ, говорить не умѣю. Богъ васъ благословитъ“... Такая невѣжественная простота, можетъ быть, очень трогательна, но для дѣла она нежелательна. Собственно говоря, всѣ священники по своему умственному развитію подобны вышеупомянутому новичку. Приведемъ еще проповѣдь священника города Р. „О вредѣ пьянства“, сказанную имъ 26 февраля 1899 года. Приводимъ, насколько возможно, точный переводъ. Священникъ взялъ свою мысль изъ читаннаго имъ народу поученія Св. Іоннна Златоустаго. „Слышите, что говоритъ вамъ Св. Іоаннъ!—не употребляйте напитковъ, а вы ежедневно пьянствуете. Вонъ, смотрите на себя, какія у васъ желтыя лица, пухлые глаза... Я тоже позволяю себѣ иногда употреблять напитки, но это больше для исправленія желудка по примѣру апостола Павла (?). Но пить до опьяненія ни

*) Въ Антиливанѣ близъ Ермона.

подъ какимъ видомъ я себѣ не позволю. Сегодня я вамъ позволяю пьянствовать, но только съ завтрашняго дня прекратите пьянство и начинайте поститься. Не смѣйте ѣсть мяса и пить вина. Довольно съ васъ! 60 дней, какъ начали ѣсть мясо и пить водку. Посмотрите на себя, какъ вы потолстѣли и сдѣлались похожими на верблюдовъ... Еще хочу вамъ сказать одно. Я запретилъ вамъ говорить съ однимъ человѣкомъ и съ одной женщиной, потому что они совершили между собою скверное дѣло; но такъ какъ вамъ жалко оставить такую женщину, то вы не обратили вниманія на мои слова. Потому я могу только подумать, что и вы еще совершите съ ней такія же дѣла. Кромѣ того, вы не только меня не послушались, вы ругали меня, всѣхъ моихъ родныхъ, а главное мою бороду, такъ что я теперь не буду съ вами говорить, не буду вмѣшиваться въ ваши дѣла; только буду просить у Бога,—наказать васъ какъ можно строже".. Конецъ рѣчи былъ покрытъ неудержимымъ смѣхомъ присутствующихъ въ церкви мирянъ. Священникъ махнулъ рукой и ушелъ въ алтарь.

Вполнѣ понятнымъ является вопросъ, какое умственное и нравственное вліяніе можетъ оказывать такое духовенство на народную массу, чему оно можетъ научить свою паству, какой благой совѣтъ подать? А между тѣмъ улучшить духовенство, поднять его умственный уровень было вполнѣ возможно.

Народныя школы существуютъ у грековъ или только на бумагѣ, или, если и въ дѣйствительности, то въ самомъ жалкомъ видѣ. В. П. Кулинъ въ статьѣ „о состояніи лѣтомъ 1887 года православныхъ патріаршихъ школъ въ Палестинѣ и Сиріи" пишетъ о кайфскихъ школахъ. „Школа для мальчиковъ помѣщается въ грязномъ сараѣ, не знающемъ свѣжаго воздуха; по мокрому неровному каменному полу разбросаны остатки овощей и разный соръ; стѣны голыя; по тремъ сторонамъ у стѣнъ сидятъ на скамейкахъ грязные, жалкіе съ виду оборванцы — 38 человѣкъ"... „Школа для дѣвочекъ произвела на насъ еще болѣе удручающее впечатлѣніе. Входимъ въ сарай, служащій конюшнею для лошадей православнаго митрополита Акрскагона во время пріѣзда его въ Кайфу, а также для помѣщенія его кавасовъ; отсюда открытая боковая дверь ведетъ въ грязную комнату, 4-хъ аршинъ длины и 3-хъ ширины,—это и есть женская школа! На стѣнахъ—никакихъ учебныхъ пособій, даже иконы въ школѣ нѣтъ. 15 бѣдныхъ, исхудалыхъ маленькихъ дѣвочекъ сидѣли за старыми ученическими столами съ истрепанными арабскими азбуками въ рукахъ; одна дѣвочка, склонивъ голову на руки, положенныя на столъ, спала очень крѣпко и не проснулась во все время пребыванія нашего въ школѣ. Молодая учительница, красивая арабка съ сильнымъ отпечаткомъ грусти на выразительномъ лицѣ, стояла у своего стола, на которомъ лежала такая же оборванная азбука и псалтирь—все учебныя богатства школы. Только три мѣсяца со-

стоитъ она въ должности учительницы, жалованія еще не получала и неизвѣстно когда и сколько получитъ. Если научитъ она бѣдныхъ дѣвочекъ чтенію и нѣсколькимъ молитвамъ, то и это будетъ подвигомъ съ ея стороны, ибо при полной заброшенности школы, безъ денежныхъ средствъ, безъ учебниковъ, безъ малѣйшаго о ней попеченія со стороны учредителей, ничего большаго нельзя и требовать отъ полуголодной учительницы. Горько было, больно до слезъ, смотрѣть на этихъ несчастныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей съ ихъ учительницею, на эту всяческую бѣдноту, приниженную и всѣми забытую, тогда какъ тутъ же рядомъ, для такихъ же бѣдныхъ дѣтей, устроены европейцами удобныя помѣщенія, снабженныя всѣмъ необходимымъ для учебнаго дѣла; тамъ и порядокъ, и иностранные языки, и подарки дѣтямъ, — и нѣтъ ничего мудренаго, если православная школа опустѣетъ, а ея дѣвочки перейдутъ въ иновѣрныя школы; повидимому это неизбѣжно" (Сообщ. И. П. П. Общ. за февр. 1892 г. стр. 42, 43 и 44). Г. Кулинъ посѣтилъ еще нѣсколько школъ и приходитъ къ такому заключенію: „Видя такое нищенское состояніе православныхъ школъ въ названныхъ городахъ, отсутствіе всякой о нихъ заботливости со стороны патріархіи, можно подумать, что дѣло просвѣщенія мѣстныхъ жителей составляетъ для нея тяжелую повинность, вовсе несогласную съ ея желаніями, и которую она исполняетъ только для формы, единственно изъ видовъ политическаго приличія" (Тамъ же стр. 44).

Въ половинѣ настоящаго XIX столѣтія патріархъ іерусалимскій, Кириллъ, основалъ въ Іерусалимѣ духовную семинарію съ 6-ти лѣтнимъ курсомъ. Но странно то, что для дѣтей изъ мѣстныхъ жителей тамъ сначала не было мѣста, а потомъ имъ было позволено учиться, но только до 4-го класса включительно. Остальные классы и науки предназначались исключительно для греческихъ мальчиковъ, которые привозились для этого изъ греческихъ провинцій. Арабскіе ученики находятся тамъ въ загонѣ. Греческій мальчикъ, обидѣвшій арабскаго, наказывается очень легко или вовсе не наказывается; но плохо будетъ арабу, если онъ дерзнетъ оскорбить эллина. Одинъ сиріецъ, учившійся въ этой школѣ, разсказывалъ мнѣ, что арабы воспитываются тамъ въ черномъ тѣлѣ и преслѣдуются несправедливостями и презрѣніемъ не только со стороны учениковъ—грековъ, но и наставниковъ—тоже грековъ. Впечатлѣніе вынесъ онъ изъ этой школы самое тяжелое.

Лучшіе изъ мѣстныхъ жителей понимали свое печальное положеніе и не разъ обращались къ іерусалимскому и антіохійскому патріархамъ съ различными проектами устройства семинаріи и народныхъ школъ и объ упорядоченіи народнаго просвѣщенія. Населеніе, не смотря на свою бѣдность, само шло на встрѣчу духовенству, давало все свое сочувствіе и часть денегъ, но просило помочь. Такъ, напримѣръ, жители города Дамаска просили

своего патріарха Іероѳея основать духовную семинарію. Патріархъ отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ бѣденъ, у него нѣтъ средствъ, тогда какъ на своей родинѣ во Ѳракіи онъ не стѣснялся производить громадныя постройки. Средства у греческихъ патріарховъ были и есть, да и не малыя средства. Нѣтъ только у нихъ желанія заботиться о чужой имъ народности. „Церковь бѣдствуетъ, а палестинскіе архіереи и архимандриты швыряютъ сотни тысячъ рублей на подкупы (какъ это произошло недавно въ Антіохійской церкви *), теряютъ сотни тысячъ въ жидовскихъ банкирскихъ конторахъ, прельщаемые процентами отъ 6 до 7 на текущемъ счету, строятъ дома, разводятъ виноградники и ублажаютъ красивыхъ старицъ“ (М. П. Соловьевъ „По Святой Землѣ 1891 г.“ С. П. 1897 г. стр. 156). Во многихъ городахъ и селахъ образовывались и въ настоящее время образуются частныя общества полурелигіознаго, полуобщественнаго характера. Грошевыми взносами собираются небольшія суммы, которыя употребляются жителями на школы и нужды церкви. Но нужны были люди, которые могли бы хотя руководить этимъ дѣломъ. И такихъ людей не находилось. Въ теченіе своего трехсотлѣтняго пребыванія въ этихъ странахъ греки не выработали изъ мѣстнаго православнаго населенія ни духовныхъ, ни свѣтскихъ дѣятелей. Да здѣшнее греческое духовенство само часто невѣжественно. Послѣдній греческій антіохійскій патріархъ, Спиридоній, едва умѣлъ писать. Въ большинствѣ случаевъ это — пронырливые искатели приключеній, покидающіе свою родину затѣмъ, чтобы поживиться въ странѣ варваровъ.

Доходами и пожертвованіями, присылаемыми иногда прямо на опредѣленное дѣло, греческіе архипастыри распоряжаются въ высшей степени произвольно. Передавать же пожертвованіи непосредственно по назначенію патріархъ запрещаетъ. У греческаго братства девизомъ является евангельскій текстъ съ небольшимъ добавленіемъ. „Всякое даяніе да будетъ благо, если оно идетъ черезъ руки іерусалимскаго патріарха“. А между тѣмъ храмы содержатся въ крайней бѣдности. Даже храмъ Воскресенія—для грековъ главная „статья“ дохода, опорный пунктъ ихъ могущества—содержится ими очень грязно. Можетъ быть это дѣлается для того, чтобы разжалобить своею „бѣдностью“ благочестиваго русскаго паломника, но золоченныя лампады выглядываютъ странно на фонѣ грязныхъ и облѣзлыхъ стѣнъ.

Съ учрежденіемъ Императорскаго П. П. Общества пожертво-

*) Можетъ быть г. М. П. Соловьевъ имѣетъ здѣсь въ виду 90,000 рублей, обѣщанныхъ дамаскинцамъ бывшимъ антіохійскимъ патріархомъ, Спиридоніемъ, передъ его вступленіемъ на престолъ. Обѣщаніе это впослѣдствіи не было выполнено, и теперь бѣдному патріарху антіохійскому, Мелетію, приходится расплачиваться съ грубою паствою за своего искуснаго предшественника, не уплатившаго цѣну своего высокаго сана.

ванія на нужды Св. земли получаютъ болѣе разумное примѣненіе. За какія нибудь 20 лѣтъ своего существованія П. Общество основало много школъ въ Сиріи и Палестинѣ, поддерживаетъ много церквей своими подарками въ видѣ ризъ и др. церковной утвари; построило въ Іерусалимѣ палаты для паломниковъ, гдѣ послѣднихъ никто не обидитъ и не ограбитъ. До сего же времени Святогробское братство по отношенію къ Россіи служило бочкою Данаидъ, куда безрезультатно лился золотой потокъ пожертвованій оффиціальныхъ учрежденій и частныхъ лицъ. Основаніе Пал. Общества было первымъ ударомъ, нанесеннымъ Россіей греческому братству. Послѣднее затаило свое неудовольствіе, но никогда не проститъ Обществу его „вмѣшательства" въ дѣла восточной церкви. Не смотря на принципіальную видимую общность интересовъ Общества и Братства, послѣднее считаетъ Россію въ лицѣ этого Общества своимъ исконнымъ врагомъ, примиреніе съ которымъ состояться не можетъ. Греческое духовенство всѣми силами старается противодѣйствовать П. Обществу, — греческіе митрополиты не позволяютъ открывать въ своихъ эпархіяхъ школъ, тормозятъ черезъ турецкую администрацію пріобрѣтеніе Обществомъ земельныхъ участковъ и постройку необходимыхъ зданій. Но остановить его дѣятельность братство, конечно, безсильно.

V.

Инославная пропаганда.

Что такое религіозная пропаганда въ Палестинѣ и Сиріи? Это не борьба религіозныхъ убѣжденій при помощи нравственныхъ доказательствъ превосходства одного вѣроисповѣданія передъ другимъ, это борьба за преобладаніе одной европейской націи передъ другой, игра на самыхъ низкихъ инстинктахъ мѣстнаго необразованнаго населенія, борьба, создавшаяся на почвѣ бѣдственнаго положенія послѣдняго и столкновеніи интересовъ различныхъ европейскихъ національностей въ Св. землѣ.

Греки своимъ невнимательнымъ отношеніемъ къ паствѣ не въ малой мѣрѣ способствовали успѣху инославной пропаганды, достигшей особенно широкихъ размѣровъ во второй половинѣ настоящаго XIX столѣтія. Чтобы предотвратить пропаганду или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ее затруднительной, нужно было *объединить* націю на почвѣ мѣстныхъ интересовъ и неотложныхъ нуждъ. Для этой цѣли нужно было *полюбить* страну, вложить въ нее свои силы и средства. Но греки были далеки отъ такого пониманія своей задачи. Они слишкомъ заботились о себѣ, о своей личной наживѣ, чтобы заботиться еще о паствѣ. Страну они не любятъ, ея языкъ не изучаютъ, народъ презираютъ. Вслѣдствіе ли богатыхъ историческихъ воспоминаній или по обычному въ та-

кихъ случаяхъ недоразумѣнію, невѣжды греки смотрятъ на обитателей Сиріи и Палестины, какъ на низшую расу, какъ на варваровъ, въ противоположность имъ — просвѣщеннымъ грекамъ. Поэтому послѣдніе полагаютъ, что самое лучшее для мѣстнаго „дикаго стада“ — покоряться имъ, грекамъ, пить изъ источника греческой мудрости, а за это возможно лучше ублажать и кормить мудрецовъ. Проживъ иногда 20 — 30 лѣтъ въ Іерусалимѣ, многіе греки не умѣютъ говорить по-арабски. По озлобленному увѣренію книги „Историческій отрывокъ о греческомъ Святогробскомъ Братствѣ“, упомянутой выше, самую большую часть запаса арабскихъ словъ у греческихъ архипастырей составляютъ слова ругательныя. Своимъ грубымъ и наглымъ обращеніемъ они очень часто сильно оскорбляли мѣстное населеніе, которое по своей склонности къ разнаго рода дѣтскимъ демонстраціямъ въ отместку принимало унію. Въ настоящее время въ Дамаскѣ многіе грекоуніаты проклинаютъ бывшихъ своихъ архипастырей, послужившихъ нравственной причиной ихъ отпаденія отъ православія.

Католичество, протестантство, православіе въ сознаніи мѣстныхъ жителей не имѣютъ рѣзкихъ границъ и служатъ лишь формами, въ которыя отливается разнообразная вражда въ ихъ средѣ, вражда, иногда, просто по пустякамъ. Цѣлыя села во враждѣ дѣлятся на части; обиженная оставляетъ православіе и переходитъ въ католичество, въ протестантство. Въ „сараѣ“ при дѣятельномъ участіи соотвѣтствующаго духовенства, боящагося упустить такой подходящій случай, происходитъ переписка именъ изъ рубрики православныхъ въ другую. Нерѣдко католики принимаютъ православныхъ только съ извѣстной гарантіей, въ видѣ денежнаго или земельнаго залога, изъ боязни, чтобы не вышло водевиля съ переодѣваніемъ. Такъ случилось лѣтъ 10—15 тому назадъ въ селѣ Кафаръ Мышки въ Антиливанѣ. Греко-уніатскій патріархъ переписалъ на свое имя земли озлобленной партіи на случай, если бы она вздумала возвратиться снова въ православіе. Черезъ нѣкоторое время крестьяне снова приняли православіе, но и до настоящаго времени тянется дѣло о правѣ на землю, переведенную въ припадкѣ гнѣва на имя уніатскаго патріарха. Есть случаи, когда причина перемѣны исповѣданія настолько ничтожна, что можетъ показаться невѣроятной. 40 домовъ селенія Кфайра (около Ермона) перешли было въ католичество (унія) только потому, что мальчишка бросилъ камень и нечаянно разбилъ коровѣ ногу. Семейства перессорились; обиженныя пожелали отомстить и выразили это въ такой дѣтской формѣ. Во всѣхъ этихъ переходахъ и возвращеніяхъ большую роль играетъ мѣстное духовенство— священники, интересы которыхъ такъ же мелочны, какъ и интересы паствы.

Иногда цѣлыя семейства переходятъ въ католичество или протестантство лишь потому, что ихъ дѣти учатся въ школахъ соот-

вѣтствующаго исповѣданія. Многіе и сами не знаютъ, кто же они такіе: православные, протестанты, католики или, можетъ быть, даже мусульмане? Они принимаютъ ту или иную физіономію, смотря по тому, съ кѣмъ живутъ и что въ настоящее время для нихъ выгоднѣе. Мнѣ даже кажется, что если бы мусульмане—арабы, а впослѣдствіи даже Турція обратила большее вниманіе на народности, входящія въ составъ ея имперіи, и исповѣдуемыя ими религіи, если бы у нея было побольше государственной мудрости, то христіанъ въ ея азіатскихъ провинціяхъ осталось бы очень мало. Но мусульмане всегда подчеркивали разницу между ними и исповѣдывающими другую религію; иногда даже мусульманское правительство само бросало негласное сѣмя раздора въ среду религіознаго разногласія и устраивало избіеніе христіанъ. Такъ было въ 60 годахъ XIX ст. когда друзы, натравленные изподтишка правительствомъ, произвели страшную рѣзню въ Ливанѣ и Антиливанѣ. Армянская рѣзня—второй яркій примѣръ организованнаго государствомъ звѣрства. Это перлы турецкой государственной системы управленія, одинъ изъ способовъ ослабить усиливающійся элементъ. Невѣжественное мусульманское населеніе тоже всегда считало своимъ долгомъ при всякомъ удобномъ случаѣ доказать христіанамъ всю неустойчивость даннаго ими еще арабскими калифами права, всячески оскорбляло „собакъ христіанъ", усиливая накоплявшуюся вѣками ненависть. Все это въ совокупности является громадною стѣною, отдѣлившей христіанъ отъ мусульманъ. Не мусульманиномъ сдѣлаться страшно, а страшно побороть въ себѣ воспитанную тысячелѣтними раздорами ненависть и счесть братомъ своего врага. Сирійцы-христіане не постѣснятся убить того, кто изъ ихъ среды принялъ бы исламъ. А кто же, въ самомъ дѣлѣ, изъ мѣстныхъ христіанъ знаетъ разницу между христіанствомъ и мусульманствомъ?

Поэтому является вполнѣ понятнымъ быстрый успѣхъ католической и протестантской пропаганды. Католичество и протестантство явились сюда съ деньгами, съ орудіями просвѣщенія—школами высшими, средними и низшими, съ больницами, съ умными, преданными своему дѣлу людьми, тщательно изучавшими страну и ея языкъ, а главное—съ умѣньемъ угадывать мѣстные интересы и нужды. Въ особенности успѣли католики. Протестантство съ его раціонализмомъ не могло имѣть большого успѣха среди невѣжественной массы населенія. Но унія никому не казалась чѣмъ нибудь особеннымъ отъ православія. Что же было ждать православнымъ отъ грековъ? Да и чѣмъ папа хуже ихъ? Папа проситъ лишь только упоминать свое имя за литургіей, считать, что онъ самый старшій изъ патріарховъ, нѣсколько лишнихъ словъ въ молитвахъ, а больше, кажется, и нѣтъ никакихъ различій? Въ дѣла же папа не вмѣшивается, а главное даетъ деньги на школы и больницы, основываетъ монастыри, а при случаѣ оказываетъ

поддержку своей паствѣ передъ турецкимъ правительствомъ... И вотъ коренное православное населеніе начало цѣлыми селами принимать унію.

Главное же, о чемъ особенно приходится пожалѣть при видѣ всего этого, это то шатаніе, та общественная раздробленность одного и того же народа, которую создаетъ разнославная конкурренція. Въ средѣ одного и того-же народа искусственно воздвигаются преграды, мѣшающія его развитію и духовному объединенію. Озлобленіе проповѣдниковъ отчасти передается и населенію, и вотъ создается еще лишній тормазъ просвѣщенія—фанатичное озлобленіе и недовѣріе христіанина къ христіанину.

Католичество стоитъ живымъ укоромъ передъ глазами греческаго духовенства. За какія нибудь 50 лѣтъ своей усиленной дѣятельности оно успѣло выработать изъ мѣстнаго населенія образованныхъ священниковъ и цѣлую систему школьнаго дѣла. Низшія школы у нихъ плохи, но все лучше, чѣмъ ничего. Греко-уніаты имѣютъ 5 духовныхъ семинарій (исключая свѣтскихъ) въ Палестинѣ и Сиріи, нѣсколько монастырей и больницъ. Доходы же католическаго духовенства, не смотря на поддержку папы и частныхъ обществъ, меньше доходовъ греческихъ, тѣмъ болѣе, что уніаты совершенно не имѣютъ мѣстъ въ храмѣ Воскресенія и другихъ святыняхъ Іерусалима, а слѣдовательно и очень важной статьи доходовъ.

И католики и протестанты смотрятъ очень серьезно на свое дѣло и понимаютъ, что въ религіозной пропагандѣ самую важную роль играютъ: образованное духовенство, хорошіе, искусные проповѣдники, а главное воспитаніе молодого поколѣнія. Только при этомъ воспитаніе юношества, въ особенности въ духовныхъ заведеніяхъ и первоначальныхъ школахъ, принимаетъ у нихъ уродливыя формы. Дѣтскія головы набиваются негоднымъ хламомъ схоластики, при чемъ особенно оттѣняются всѣ мельчайшія различія между даннымъ и другими христіанскими исповѣданіями. Дѣлается все это на спѣхъ, торопливо, а потому первымъ послѣдствіемъ такого воспитанія является искусственно развитое озлобленіе къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, односторонній взглядъ на жизнь и ея запросы. Уніатскіе священники—фанатики своего неопредѣленнаго религіознаго положенія. Но за уніатами есть сила. У нихъ стройная система духовной іерархіи, сильной своимъ безбрачіемъ, монашескими обѣтами и послушаніемъ, въ особенности же тѣмъ, что она вся цѣликомъ состоитъ изъ образованныхъ мѣстныхъ людей. Удастся ли папѣ окатоличить ихъ совершенно, это еще вопросъ.

Протестанты въ особенности слѣдятъ за школьнымъ дѣломъ. Ихъ маленькія школы разбросаны по всѣмъ уголкамъ Сиріи и Палестины; многія—въ селахъ уніатовъ или православныхъ, не имѣющихъ собственныхъ школъ. Ихъ многочисленные проповѣд-

ники толкують Св. Писаніе вездѣ, гдѣ только возможно, даже, говорятъ, въ своихъ больницахъ предъ больными.

Говорятъ, что греки не боролись съ инословною пропагандой. Они не боролись съ нею разумными мѣрами, но они хотѣли сломить ее своею грубостію и султанскими приказами; возбуждали даже гоненіе на уніатовъ. Папа испросилъ въ концѣ XVIII столѣтія у султана особое имя для уніатовъ, назвавъ ихъ греко-католиками. Но онъ не могъ защитить ихъ отъ насилій со стороны православнаго населенія. Возбуждаемые греками, православные сирійцы совершали иногда звѣрскія избіенія греко-католиковъ. Таковы бунты въ Дамаскѣ и Халя въ 60 годахъ XIX стол. Одно время даже самъ султанъ рѣшалъ вопросъ, возбужденный греками: позволительно ли уніатамъ носить на головѣ камилавку (обыкновенный головной уборъ восточнаго духовенства). Передаютъ анекдотъ объ этомъ спорѣ. Когда греческій и уніатскій патріархи явились во дворецъ, султанъ былъ въ затрудненіи, ибо для рѣшенія такого вопроса въ ту или другую сторону не было никакихъ мотивовъ. Тогда уніатскій патріархъ предложилъ рѣшить это дѣло слѣдующимъ образомъ: онъ задастъ греку вопросъ; если послѣдній дастъ удовлетворительный отвѣтъ, тогда султанъ можетъ дать рѣшеніе въ пользу грековъ, и наоборотъ. Султанъ согласился. „Сколько было апостоловъ божіихъ?“ спросилъ уніатскій патріархъ—„Двѣнадцать“—отвѣчалъ греческій.—„Перечисли ихъ имена“. Греческій патріархъ перечислилъ имена 12-ти апостоловъ Христовыхъ.—„Нѣтъ, тринадцать“, отвѣчалъ уніатскій патріархъ и добавилъ имя Мухаммеда. Вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу уніатовъ...

Но эта борьба съ совершившимся зломъ кладетъ новое пятно на греческое духовенство. Оно и тутъ сыграло далеко незавидную роль.

К. С.

ЭЛИНОРЪ.

Романъ *Гемфри Уордъ.*

(Перев. съ англійскаго В. Кардо-Сысоевой).

XV.

— Въ силахъ-ли вы перенести эту жару?—съ безпокойствомъ спросила Льюси.

— Вѣроятно, скоро сдѣлается прохладнѣе,—вяло проговорила Элиноръ.

Она и Льюси сидѣли рядомъ въ просторномъ старинномъ ландо; напротивъ нихъ помѣщалась горничная миссисъ Бургоинъ, Мари Вефуръ. Послѣдняя имѣла нѣсколько нахмуренный видъ и все время хранила молчаніе. На козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, возсѣдалъ щеголевато одѣтый юноша съ блестящими глазами, который сопровождалъ этихъ лэди въ „Forte Amiata".

Они только что покинули расположенный между холмами городокъ Орвіето, быстро спустились въ долину, лежавшую къ юго-западу отъ этихъ косматыхъ высотъ, и теперь снова поднимались съ противоположнаго ея конца. Между тѣмъ какъ они взбирались все выше и выше, Льюси, вниманіе которой было на время поглощено заботой объ сидѣвшей подлѣ нея утомленной и хрупкой женщинѣ, начала сознавать, что тѣ ландшафты, среди которыхъ они проѣзжали, отличались замѣчательной красотой. Глаза ея, до этого полные тревоги, повеселѣли. Она смотрѣла теперь вокругъ себя съ возрастающимъ удовольствіемъ.

Дорога извивалась къ востоку. По лѣвую руку отъ нихъ раскинулся городъ, который путешественники, видавшіе Палестину, сравнивали съ Іерусалимомъ,—настолько высоки и отвѣсны ярко коричневыя и оранжевыя скалы, на которыхъ онъ стоитъ, настолько сливается съ массами этихъ скалъ самый городъ, настолько бросается въ глаза и выдѣляется

среди прочихъ зданіе большого собора; положительно ка-
жется, будто видишь передъ собою Сіонъ.
Это было 6 іюня, и былъ крайне жаркій день. Дорога была
вся покрыта густымъ слоемъ бѣлой пыли. Фиговыя деревья
и виноградники, покрывавшіе вершины, достигли уже почти
полнаго расцвѣта; цѣлыя миріады пунцоваго мака пестрѣли
въ поляхъ между колосьями; а по пыльнымъ окраинамъ до-
роги дикія розы, необыкновенно яркихъ и густыхъ оттѣнковъ,
голубые цвѣты „love-in-the-nust" и кое-гдѣ стрѣлочки гладіо-
лисовъ поражали глазъ сѣвернаго жителя.
Затѣмъ, когда дорога сдѣлала новый поворотъ,—обширная
долина раскинулась на западѣ по ту сторону Орвіето—долина
Пагліи; по обѣимъ ея сторонамъ взбѣгали холмы, покрытые го-
лубовато-зелеными лѣсами, среди которыхъ мелькалъ неболь-
шой городокъ со своими стройными колоколенками и про-
легающія повсюду извилистыя тропинки; а на всемъ ея про-
тяженіи долину пересѣкала полноводная темная рѣка со
своими безконечными изгибами и поворотами. И все кру-
гомъ было какъ бы пропитано этой іюньской жарой: ослѣпи-
тельно бѣлыя стѣны построекъ, молодая зелень винограда,
желтѣющіе хлѣба, красивые загорѣлые ребятишки, ко-
торые босикомъ и съ непокрытыми головами бѣжали рядомъ
съ коляской, крестьяне, которые работали въ виноградникахъ,
понурившія головы лошади, красно-коричневое лицо возницы.
— Если бы м'эмъ осталась въ Орвіето! — прошептала
Мари, оглядываясь на городъ, а потомъ на свою госпожу.
Элиноръ слабо улыбнулась и потрепала дѣвушку по рукѣ.
— Успокойтесь, Мари! Помните, какъ скоро мы вполнѣ
комфортабельно устроились на виллѣ.
Мари покачала своей кудрявой головкой. Боже мой! Если
пришлось употребить три мѣсяца, чтобы сдѣлать Мари-
нату хоть сколько нибудь обитаемой, то неужели изъ этого
слѣдуетъ, что надо снова ѣхать въ другую пустыню?
Льюси въ свою очередь тоже испытывала опасенія. Номи-
нально значилось, что она путешествуетъ подъ покрови-
тельствомъ Элиноръ Бургоинъ. На самомъ же дѣлѣ именно
она-то и являлась покровительницей всей ихъ компаніи и
въ душѣ испытывала сознаніе серьезной отвѣтственности.
Имъ пришлось уже цѣлую недѣлю провести въ Орвіето,
благодаря состоянію Элиноръ, которая слегла въ постель.
Опаснаго не было ничего, но тѣмъ не менѣе нельзя было
не имѣть подъ руками доктора и аптеки и забираться въ
глушь, въ пустыню. Онѣ пріютились въ маленькой гостиницѣ
на одной изъ отдаленныхъ улицъ и кое-какъ скоротали эти дни.
Быть можетъ, и этотъ душный вечеръ, и эта ветхая коляска,
и эта пыльная дорога,—все это окажется только непріят-

нымъ сномъ, отъ котораго она сейчасъ очнется снова, когда очутится въ Маринатѣ, въ своей комнаткѣ, обращенной на Монте Каво?

Между тѣмъ, какъ мысль эта проносилась въ головѣ Льюси, она почувствовала на своемъ лицѣ свѣжее дуновеніе вѣтра, которое живо напомнило ей то раннее утро, когда онѣ съ Элиноръ поспѣшно спускались съ холма Маринаты, озареннаго первыми солнечными лучами, затѣмъ миновали улицы Альбано, уже оживленныя и полныя рабочаго люда, обогнули странный зеленый кратеръ, обращенный къ большому віадуку „Pio Novo“ и достигли Цечины, желѣзнодорожной станціи въ долинѣ.

Бѣгство!.. Да, это было настоящее бѣгство, задуманное наканунѣ вечеромъ, когда твердый и здравый смыслъ Льюси повторялъ ей, что единственное средство для ея собственнаго спокойствія и для спокойствія Элиноръ — удалиться немедленно, прервать всякое дальнѣйшее развитіе отношеній и избѣгнуть какой-бы то ни было новой сцены съ Мэнистеемъ.

Она вспомнила и другія подробности: письмо, оставленное тетѣ Патти, въ которомъ говорилось, что онѣ уѣзжаютъ въ Римъ пораньше, чтобы сдѣлать кое-какія покупки до жары; затѣмъ „срочная“ телеграмма, отправленная въ тотъ день, когда, какъ онѣ въ томъ предварительно удостовѣрились, Мэнистей уѣхалъ въ Римъ къ своимъ клерикальнымъ и ультрамонтанскимъ друзьямъ, которымъ онъ обѣщалъ свое участіе въ избирательной агитаціи, и, наконецъ, пріѣздъ смущенной и ошеломленной тети Патти и ея совѣщанія сперва съ Элиноръ, а потомъ съ нею самою, съ Льюси.

Странная маленькая лэди — эта тетя Патти! Угадала ли она дѣйствительность? Что произошло между нею и миссисъ Бургоинъ? Когда въ концѣ всѣхъ разговоровъ она и Льюси стояли, держа другъ друга за руки, молодая дѣвушка своей чуткой душой сейчасъ же замѣтила извѣстную натянутость и охлажденіе вмѣсто той доброты, которую старушка постоянно проявляла въ отношеніи къ своей гостьѣ. Осуждала ли ее тетя Патти? Лелѣяла ли она въ сердцѣ своемъ особые виды и надежды относительно племянника и мистриссъ Бургоинъ? Находила ли она, что Льюси безъ всякаго на то права дерзко разрушила эти планы и надежды?

Во всякомъ случаѣ Льюси угадала ея намекъ: „вамъ слѣдовало ободрить его!“ Впрочемъ, за этими словами, быть можетъ, скрывалась тайная, неискоренимая семейная и свѣтская гордость, въ силу которой эта дѣвушка не считалась подходящей партіей для Эдварда Мэнистея. Льюси

внутренно содрогалась при воспоминаніи о томъ
горый она провела съ тетей Патти.
казалась спокойной и подъ конецъ совѣщанія ма-
і нѣжно поцѣловала ее со слезами на глазахъ.
ольшая доброта съ вашей стороны. Вы позаботи-
й Элиноръ, не правда ли?“ — сказала она при

дѣвушкѣ до сихъ поръ слышался свой собствен-
„Разумѣется, разумѣется, я сдѣлаю все, что
!“ —На эти слова у тети Патти вырвался неволь-
„Ахъ, если бы только кто нибудь научилъ меня,
нимъ теперь дѣлать!“
ей вспомнилось еще, какъ она, по уходѣ тети
дол жала стоять въ недоумѣніи и смотрѣть въ
щенное въ узенькій переулокъ. Почему тутъ была
доброта“ съ ея стороны? И почему тѣмъ не менѣе
всѣхъ этихъ плановъ оказывалась ея виною и она
отвѣтственной за все—даже съ собственной точки
дну минуту ей показалось смѣшнымъ, что все
икъ сразу перемѣнилось. Но затѣмъ сердце мучи-
трепетало въ груди: она вспомнила тотъ вечеръ, тѣ
оторыя Элиноръ говорила ей въ своемъ отчаяніи:
ю увѣрять, что вы ничего не знаете, что онъ не
вамъ ничего. Я знаю все это лучше. Если вы
сь, онъ не дастъ вамъ покоя: воля его необузданна.
вы уѣдете, онъ сейчасъ же догадается, что я тутъ
на. Я не буду въ состояніи это скрыть, а онъ можетъ
естокимъ человѣкомъ, когда ему сопротивляются!
ѣ дѣлать? Я бы сейчасъ же уѣхала домой, но... я...
мереть дорогой...“
си никакъ не могла забыть весь ужасъ этого разго-
нѣ сидѣли тогда рядомъ и она держала руки Эли-
ъ своихъ рукахъ, и передъ нею постепенно поднима-
авѣса, за которой скрывалась ея собственное горе.
жду тѣмъ терпѣливыя и вспотѣвшія лошади все под-
ись и поднимались. Скоро путешественники очутились
омъ гребнѣ холма, откуда они могли бросить послѣд-
зглядъ на Орвіето. Затѣмъ они выѣхали на широкое
огорье, пустынную припекаемую солнцемъ мѣстность,
ромадныя стада овецъ и бѣлыхъ, черныхъ и коричне-
козъ блуждали, подъ охраной оборванныхъ пастуховъ,
ыжженнымъ и безводнымъ пастбищамъ. Мѣстами по-
ась также и пахатная земля, гдѣ группами рабо-
крестьяне, совершенно терявшіеся въ этихъ обшир-
пространствахъ; раза два попалась имъ „остерія“,
я обычной вывѣской и залитыми виномъ столиками,

разставленными въ тѣни. Фермы почти не встрѣчались; разъ только проѣхали они мимо одного большаго строенія, на подобіе фабрики, расположеннаго среди обширныхъ, опаляемыхъ солнцемъ полей. „Ecco! la fattoria!“ сказалъ возница, указывая на это зданіе. Затѣмъ миновали рядъ какихъ-то подземныхъ жилищъ, дымовыя трубы которыхъ находились на одномъ уровнѣ съ поверхностью земли, и откуда выскочила цѣлая ватага ребятишекъ, чтобы посмотрѣть на проѣзжавшій экипажъ и выпросить себѣ нѣсколько „soldi“.

Главную красоту этой выжженной солнцемъ возвышенности составлялъ дрокъ. Порою они углублялись въ густо заросшія дорожки, напоминавшія англійскіе проселки, съ тою только разницею, что тутъ по обѣимъ сторонамъ высились цѣлыя стѣны этихъ золотистыхъ цвѣтовъ; порою выѣзжали на обширныя, совсѣмъ обнаженныя равнины, гдѣ тотъ же дрокъ застилалъ своими стеблями почву, отливая золотомъ подъ ослѣпительными небесами. Огромные ястреба кружились въ вышинѣ; весело и громко распѣвали соловьи и другія птицы въ изрѣдка попадавшихся лѣсахъ. Въ общемъ эта была жаркая безлюдная страна — сердце Италіи, гдѣ скалы испещрены могилами старинной этрусской расы, этого Мельхиседека между націями, пришедшаго невѣдомо откуда и неимѣющаго ни матери, ни отца; страна, къ западу отъ которой тянутся пропитанная лихорадкой Маррема и высоты Аміатскихъ горъ, а къ югу—лѣсистая мѣстность Витербо.

Элиноръ смотрѣла на дорогу и поля глазами, которые едва ли что замѣчали, а сердце ея, какъ всегда, сжималось мучительной тоской о прошломъ. Она сама предложила эту поѣздку. Однажды, въ концѣ ноября, она, тетя Патти и Мэнистей провели два или три дня въ Орвіето съ нѣсколькими итальянскими друзьями. Часть обратнаго пути въ Римъ они совершали съ „vetturino“ и, выѣхавъ изъ Орвіето на Больсьену и Витербо, ночевали дорогой въ уединенномъ мѣстечкѣ, которое отличалось очаровательной красотой и произвело на Элиноръ глубокое впечатлѣніе. Побывать здѣсь имъ пришлось благодаря итальянскимъ друзьямъ, которые были знакомы съ богатымъ владѣльцемъ помѣстья, управляющій котораго предложилъ всей компаніи остановиться у него на ночь. И вотъ теперь, когда они тащились по іюньской жарѣ, Элиноръ съ горькой тоской вспоминала тотъ свѣжій ноябрьскій день, чудный горный воздухъ, опадающую листву и восторгъ, въ который приводили Мэнистея эта странная пр знакомая мѣстность, эти дубовые лѣса надъ Пагліей и из лестная церковь въ Монте Фіасконе.

Но не въ тотъ домъ управляющаго, не въ то мѣсто их прежней остановки везла она теперь Льюси. Когда они тог

эпистемъ, въ ожиданіи экипажа, спѣшили совершить ю прогулку, то, обходя часть густого дубоваго лѣса, на- на какой-то заброшенный монастырь, въ одномъ изъ овъ котораго ютилась крестьянская семья, и на разру- ую часовенку, въ которой оказалось нѣсколько фресокъ Пинтуричіо.

къ живо рисовалось ей негодованіе Мэнистея противъ кто расхитилъ этотъ монастырь и разорилъ часовню! живая по опустошенному убѣжищу, онъ приходилъ въ ство противъ „савойскихъ разбойниковъ“, исчисляя, можетъ обойтись, если откупить обратно это мѣсто у ническаго Орвіетскаго „Municipio“, которому оно теперь длежало, и возвратить его прежнимъ владѣльцамъ- итамъ. А Элиноръ тѣмъ временемъ болтала съ женой ра и узнала отъ нея, что въ монастырѣ есть еще нѣ- о жилыхъ комнатъ, и что лѣтомъ небогатые люди заютъ сюда иногда изъ Орвіето подышать прохладой, акъ плоскогоріе это расположено на три тысячи футовъ ровнемъ моря. Элиноръ освѣдомилась, пріѣзжаютъ ли нибудь англичане.

Inglesi no! mai Inglesi,—отвѣчала на это женщина съ ніемъ.

норъ записала названіе и всѣ особенности этого мѣс- въ приливѣ восторга передъ его красотой и уедине- „Представьте себѣ, что въ одинъ прекрасный день мы яемся сюда писать!“ — мимоходомъ замѣтилъ тогда ей, оглядываясь съ сожалѣніемъ кругомъ, когда они брались въ обратный путь. И вотъ, съ той минуты названіе „Torre Amiata“ сдѣлалось сладостнымъ для ь.

но ли было допустить, чтобы онъ со своей стороны ь объ этомъ уголкѣ, чтобы онъ пустился по ихъ слѣ- Едва ли. Онъ, вѣроятно, предполагаетъ, что въ такую ѣ направятъ путь свой на сѣверъ. Ему и въ голову етъ искать ихъ въ Италіи!

у тѣмъ, какъ экипажъ катился все далѣе, Элиноръ могла рѣшительно думать ни о чемъ другомъ, какъ послѣднихъ сценахъ на виллѣ и въ Римѣ. Въ головѣ сились фразы изъ ея собственнаго письма къ Мэни- превратился ли онъ теперь подъ вліяніемъ этихъ ь ея вѣчнаго врага? При этой мысли кровь засты- ея жилахъ,—послѣднія силы падали; но въ ея тепе- состояніи ревнивой страсти такая мысль была все- осимѣе, нежели другое представленіе—представле- ь, что Льюси сдалась, что она теперь на ея мѣстѣ! зи Фостеръ со мною, писала она. Мы желаемъ по-

быть немного вмѣстѣ передъ ея отъѣздомъ въ Америку, и чтобы быть совершенно однимъ, мы предпочитаемъ не сообщать нашего адреса въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Папа я написала, что уѣзжаю на нѣкоторое время съ одной изъ своихъ подругъ отдохнуть и возстановить свои силы. Вы и тетя Патти легко могли бы устроить, чтобы на этотъ счетъ не было никакихъ толковъ, ни сплетенъ. Я думаю и надѣюсь, что вы это сдѣлаете. Само собой разумѣется, что если мы очутимся въ какомъ-либо затрудненіи, то немедленно извѣстимъ своихъ друзей“.

Какъ принялъ онъ все это? Порой она съ ужасомъ и отчаяніемъ представляла себѣ его гнѣвъ; порою же эта мысль вызывала какое-то злорадное возбужденіе, которое наполняло ядомъ все ея существо. Кротость и мягкость переходили въ ненависть и жестокость — и не отъ этого ли пожирающаго ее чувства, а не отъ того сердечнаго недуга, которому доктора давали длинныя названія, угасала теперь Элиноръ Бургоинъ?..

Они выѣхали на обширное открытое пространство, перерѣзанное кое-гдѣ желѣзными изгородями. Мѣстность представляла частью скудное пастбище, частью же—песчаную и каменистую равнину. На алѣющемъ западѣ, куда они направляли свой путь, окрашенныя пурпуромъ вершины поднимались надъ далекой окраиной обширнаго плоскогорія; а на югѣ и на восткѣ громадные лѣса замыкали горизонтъ.

Коляска свернула съ большой дороги и направилась по плохо проторенной тропинкѣ, очевидно, проложенной черезъ какое-то частное владѣніе.

— Ахъ! Я вспоминаю теперь!—воскликнула Элиноръ, внезапно выпрямляясь:—сейчасъ будетъ „palazzo“ и деревня.

И дѣйствительно, передъ ними выростала старая вилла эпохи возрожденія, съ ея длинными плоскими кровлями, изящными „loggia“ и расположенными террасами виноградниками. Неуклюжая деревня, составлявшая какъ будто часть тѣхъ туфовыхъ скалъ, отъ которыхъ она начиналась, тѣснилась вокругъ виллы, наполняя собою ея оливковые сады и подползая къ самымъ ея стѣнамъ. Земля становилась мягче и плодороднѣе. Виноградныя лозы и фиговыя деревья густо росли между полями зеленыхъ хлѣбовъ и цвѣтущей люцерны; крестьяне, возвращавшіеся съ работы—мужчины на мулахъ, женщины съ малютками на рукахъ, попадались на встрѣчу и останавливались поглазѣть на экипажъ и перекинуться словами съ проѣзжими.

Вдругъ изъ рва, окаймляющаго дорогу, выскочили двѣ воинственнаго вида фигуры.

— Carabinieri!.. — воскликнула Льюси съ восторгомъ. Она

кбу со многими членами этого молодецкаго отряда ьно охраняемыхъ дорогахъ Альбанскаго озера и, ихъ теперь здѣсь, сразу ощутила какое-то чувство жности.

увшись черезъ дверцы коляски, она кивнула головой умъ красивымъ загорѣлымъ молодцамъ, и тѣ въ едь отвѣтили ей улыбкой.

ь далеко до „Santa Trinita“?—спросила она.

miglio grassa (добрая миля), signorina! E tutto! Но цали. Васъ тамъ ожидали еще часъ тому назадъ.

ь принялъ это за упрекъ и, какъ-бы въ оправданіе, на своихъ лошадей, отъ которыхъ валилъ паръ. eri“ засмѣялись и, выйдя на поле, слѣдили за коля-а она не приблизилась къ деревнѣ.

авво, мы какъ будто возвращаемся домой!—съ удив-воскликнула Льюси. И дѣйствительно, коляску ихъ о все населеніе деревни, только что возвратившееся й и, дружески смѣясь и болтая, указывало путникамъ Santa Trinità—Ecco!—Santa Trinità!—раздавалось со-торонъ и сопровождалось жестами цѣлаго лѣса рукъ.

акъ могли они узнать?—сказала Элиноръ, глядя тре-и глазами на эту маленькую толпу.

си перемолвилась нѣсколькими словами съ молодымъ комъ, сидѣвшимъ рядомъ съ кучеромъ.

)ни знали уже вчера, какъ только была заказана ко-—сказалъ онъ.—Видите! Вотъ телеграфныя проволоки. мъ пріѣздѣ теперь уже извѣстно во всей окрестности! іень рады пріѣзду „forestieri“, особенно въ это время

Боже мой! намъ нельзя здѣсь оставаться! — сказала ъ съ легкимъ стономъ, сжимая руки.

Но вѣдь здѣсь никого нѣтъ, кромѣ этого деревенскаго —проговорила Льюси, нѣжно взявъ одну изъ ея рукъ въ —Развѣ вы видѣли „контессу“, когда пріѣзжали сюда вый разъ?

она окинула взглядомъ громадную желтую массу „па-“, возвышавшагся надъ мѣстечкомъ. Лучи заходив-солнца заливали яркимъ свѣтомъ весь западный фа-этого зданія.

Нѣтъ. Она была въ отсутствіи. А „fattore“, который принималъ, уѣхалъ отсюда въ январѣ. На его мѣстѣ ь другой господинъ.

- Въ такомъ случаѣ все безопасно,—воскликнула Льюси французски. Своими добрыми, выразительными глазами увѣренно смотрѣла на Элиноръ, какъ бы безмолвно обод-и поддерживая ее.

Элиноръ безсознательно прижала руку къ груди и смотрѣла кругомъ со всей мукою внезапно пробудившагося воспоминанія прошлаго. Вотъ они уже проѣхали деревню, спустились съ возвышенности и углубились въ лѣсъ, вотъ и бѣлыя стѣны монастыря, и пустыя окна въ разоренной части его корпуса, а у воротъ убогаго фермерскаго двора улыбающаяся во весь ротъ жена фермера, крѣпкая женщина съ грубоватыми чертами, которую Элиноръ хорошо помнила.

Она тоскливо ступила на пыльную дорогу. Когда нога ея послѣдній разъ касалась этой земли, Мэнистей былъ тутъ съ нею рядомъ, и обновляющая сила любви и счастья наполняла всѣ фибры ея существа.

XVI.

— Можете вы со всѣмъ этимъ помириться? Удобно-ли вы будете себя здѣсь чувствовать?—говорила Льюси съ нѣкоторымъ разочарованіемъ.

Онѣ находились въ одной изъ тѣхъ четырехъ или пяти комнатъ, которыя были имъ предоставлены. Кровать съ соломеннымъ матрацомъ, два сломанныхъ стула и остатки какой-то другой источенной червями мебели составляли все убранство этого ряда бывшихъ келій, расположенныхъ въ верхнемъ корридорѣ. Полъ былъ кирпичный и крайне грязный. Изодранный холстъ, съ лубочнымъ изображеніемъ святого Лаврентія, висѣлъ вдоль стѣны, все еще напоминая собою прежнее назначеніе этихъ комнатъ.

Путешественники распорядились, чтобы имъ привезли изъ Орвіето нѣкоторыя необходимыя вещи; но повозка, которая должна была ихъ доставить, еще не прибыла. Между тѣмъ, въ сосѣдней комнатѣ Мари заливалась слезами, и „contadina“ стояла и смотрѣла на нее съ удивленіемъ и съ нѣкоторой досадой. Люди, пріѣзжавшіе изъ Орвіето, никогда не жаловались. Чѣмъ же недовольны эти лэди?

Элиноръ оглядывалась кругомъ съ улыбкой.

— Ничего, не безпокойтесь, — сказала она тихимъ голосомъ. Затѣмъ взглянула на Льюси.

— Какъ хорошо мы заботимся о васъ! Какъ прекрасно васъ оберегаемъ!—И она закрыла лицо руками въ припадкѣ истерическаго смѣха, близкаго къ рыданью.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула Льюси, — какъ будто я не могу спать гдѣ угодно и ѣсть все, что придется! Вы—другое дѣло! Когда пріѣдетъ повозка, мы можемъ устроить васъ нѣсколько лучше. Но какъ быть на сегодняшнюю ночь?

И, нахмуривъ брови, молодая дѣвушка обвела глазами пустую комнату.

Съ этимъ рѣшительно ничего не устроишь, а то бы я той сейчасъ же принялась за дѣло.

Ессо, signora! — проговорила жена фермера. Она съ омъ несла старое разшатанное кресло—единственный, имому, предметъ роскоши, которымъ могъ снабдить сырь.

иноръ поблагодарила ее. Женщина, оперпшись руками ка, продолжала стоять и наблюдать за пріѣзжими. Брови ли слегка сдвинуты, такъ какъ она усиленно размыш-какъ бы снискать милость этихъ странныхъ существъ, енныхъ, повидимому, большимъ запасомъ лиръ.

- Ахъ!—воскликнула она вдругъ, — да вѣдь лэди-то не ли еще нашихъ bella vista! нашихъ loggia! Santa Ma-да никакъ я вовсе разсудокъ потеряла! Синьорина! а—venga lei!.

сдѣлавъ знакъ Льюси, она распахнула незамѣченную ше дверь въ углу комнаты. Льюси и Элиноръ послѣдо-за ней. Даже Элиноръ присоединила свой возгласъ ищенія къ восторженному крику Льюси.

— Ессо!—сказала фермерша съ гордостью, какъ будто весь ывшійся ландшафтъ былъ ея собственностью. — Монто ıта! Сельвапенденто-Паглія,—а видѣли синьоры мостъ тамъ зу?—veda lei, подъ Сельвапенденто? Вотъ тѣ лѣса, что ь на горѣ — всѣ они принадлежатъ къ Casa Guerrini—), tutto!, на сколько далеко синьорина можетъ видѣть! ›тотъ маленькій домикъ на холмѣ — эта casa di caccia— принадлежалъ бѣдному Дону Эмиліо, который былъ гъ на войнѣ.

И она продолжала болтать на своемъ „patois“, не всегда ятномъ даже для привычнаго уха Элиноръ; разсказывала овдовѣвшую контессу, про ея дочь и сына, про новыя оги, которыя донъ Эмиліо проложилъ черезъ лѣса; про едѣлки и перестройки на Villa Guerrini, которыя съ его ртью всѣ пріостановились; про семейства Синдако и Сель-енденте, которыя часто пріѣзжаютъ сюда на лѣто; про мо-инь въ новомъ монастырѣ, только что выстроенномъ подъ момъ, и про ихъ „fattore“, сынъ котораго находился при ъ Эмиліо, когда онъ былъ раненъ и когда бѣдный молодой ювѣкъ умолялъ пристрѣлить его и тѣмъ положить конецъ мученіямъ, и какъ онъ оставался съ нимъ до минуты смерти и потомъ привезъ контессѣ его часы и записную ижку.

— А contessa теперь находится здѣсь? — спросила Эли-ръ, глядя на женщину напряженнымъ, испуганнымъ взгля-мъ, который становился у нея теперь обычнымъ, какъ будто

каждая малѣйшая новость могла только увеличить ей тяжесть жизненнаго бремени.

Ну, разумѣется, contessa тутъ! Она и донна Терреза постоянно находились въ виллѣ. Прежде онѣ, бывало, проводили часть года въ Римѣ и Флоренціи, но теперь уже больше не уѣзжаютъ!

Внезапный гвалтъ раздался внизу, слышались крики дѣтей, собачій лай; женщина всплеснула руками.

— Что такое тамъ? — воскликнула она и съ этими словами исчезла изъ комнаты.

Льюси вернулась за принесеннымъ кресломъ. Она захватила также два толстыхъ флорентійскихъ покрывала, которыя оказались у нихъ между пледами, и разостлала ихъ по кирпичамъ „loggia“; затѣмъ отыскала какой-то убогій столикъ въ комнатѣ Элиноръ, ея дорожный мѣшокъ и шаль.

— Ахъ, не причиняйте себѣ столько хлопотъ изъ за меня!—проговорила Элиноръ жалобно, пользуясь услугами Льюси, которая усадила ее въ кресло, накинула ей на колѣни шаль и разложила передъ ней нѣсколько книжекъ. Молодая дѣвушка ласково усмѣхнулась, наклонилась къ ней и поцѣловала ее.

— Ну, а теперь я должна пойти осушить слезы Мари. Потомъ я спущусь внизъ и разыщу кухню. Они говорятъ, что нашли кухарку; обѣдъ будетъ скоро готовъ. Развѣ не прелестно? И повозка, я въ этомъ увѣрена, сейчасъ же пріѣдетъ!.. Это самое красивое мѣсто, какое я только видала въ своей жизни! — сказала Льюси, сжимая руки съ обычнымъ жестомъ и обертываясь къ обширной панорамѣ горъ, лѣса и рѣки. — И это такъ странно — странно все! Точно другая Италія! Ну, вотъ, хоть эти лѣса,—совершенно такіе же видала я въ Мэнѣ. Только не видно ни одного виноградника. А воздухъ — какова свѣжесть? развѣ онъ не безподобенъ? развѣ не чувствуется, что мы сейчасъ на высотѣ трехъ тысячъ футовъ? Я совершенно увѣрена, что мы васъ прекрасно устроимъ. Какъ только повозка пріѣдетъ, я сейчасъ же пошлю ее обратно въ Орвіето за цѣлой массой вещей. И вы скоро поправитесь тутъ, будете себя чувствовать гораздо, гораздо лучше, чѣмъ когда нибудь. Ну, скажите же, будетъ такъ?

Дѣвушка опустилась на колѣни передъ Элиноръ и взяла обѣ ея прозрачныя руки. Лицо ея, нѣсколько откинутое назадъ, утратило недавнюю веселость, губы дрожали.

Но Элиноръ встрѣтила сухо нѣжный порывъ дѣвушки. Въ сотый разъ въ теченіе этого дня она задавала себѣ лихорадочный, мучительный вопросъ: любитъ ли она его?

— Разумѣется, я здѣсь поправлюсь, — отвѣтила она,

и разглаживая рукой волосы дѣвушки,— что за бѣда?

іа головой.

і, вы непремѣнно должны поправиться,— медленнымъ, рѣшительнымъ тономъ: — и и хорошо.

чала. Въ глубинѣ души она съ каждымъ іоворотнѣе убѣждалась, что для нея ничто не ıться къ лучшему. Но какъ сказать Льюси, ысли и чувства сосредоточены теперь не на надеждѣ для себя, а на твердомъ рѣшеніи ,е для Мэнистея?

ѣело вздохнула, поднялась и пошла выполнять зенныя обязанности.

,сталась одна. Глаза ея, горѣвшіе лихорадочнымъ , ничего не видѣвшіе, были устремлены на озагомъ небо, на которомъ выдѣлялись голубыя верікомыхъ горъ.

цоносились веселые голоса возившихся дѣтей и возгласы женщинъ. Затѣмъ послышался отдаленколесъ и, наконецъ, показалась повозка изъ Орвіето, цаемая всей деревней. Любопытные наблюдали за ховкой, награждая щедрыми коментаріями каждый и оспаривая мѣсто другъ у друга въ переднемъ ı лучшаго наблюденія. Даже патеръ и докторъ, зшіе въ это время по дорогѣ, и тѣ остановились ѣть. Льюси, порхавшая взадъ и впередъ, мельıазличила молодого улыбающагося патера въ плосırокополой шляпѣ и рясѣ съ капюшономъ, а рядомъ мъ глубокомысленную и пасмурную фигуру доктора, ıй стоялъ, широко разставивъ ноги, и пускалъ дымъ сигары точно изъ дымовой трубы.

) у Льюси не было времени наблюдать за толпой. Она ıлась, указывая рабочимъ, куда поставить привезенную Орвіето плиту, которую надо было помѣстить въ полуıалившейся кухнѣ подвальнаго этажа монастыря; подиась милоходомъ на „risotto“ и „pollo“, приготовленіемъ орыхъ занималась мѣстная артистка, т. е. ихъ новая курка, сестра фермерши, не имѣя, повидимому, подъ руками ı огня, ни кухонныхъ принадлежностей. Потомъ повела переэворы съ ихъ маленькой служанкой Цекко, которая, быть южетъ, съ меньшимъ изяществомъ, нежели Альфредо, но ıе съ меньшей готовностью угодить пріѣзжимъ лэди бѣгала взадъ и впередъ, стараясь разыскать достаточное количество ножей и вилокъ для приборовъ. И между всѣми этими дѣлами Льюси успѣвала то пошутить, то ободрить Мари, кото-

рая была убѣждена, что Италія — какой-то адъ, а Торре ди Аміата самая глубокая изъ его пропастей.

Въ этотъ мягкій, прохладный вечеръ все это забытое и разрушенное зданіе снова наполнилось оживленнымъ шумомъ и весельемъ, повсюду раздавались: топотъ людей, переносившихъ багажъ, шаловливые голоса дѣтей, перекрикиваніе кухарки и Цекко и нѣжный голосокъ Льюси съ ея неувѣреннымъ итальянскимъ языкомъ. Только Элиноръ была одна, совершенно одна!

Безжизненно опустивъ руки, она продолжала сидѣть тамъ, гдѣ ее оставила Льюси. Она всегда отличалась худобой; но за послѣднюю недѣлю превратилась въ положительную тѣнь. Ея наряды утратили прежнее совершенство, хотя въ самой небрежности ихъ была какая-то инстинктивная грація — грація женщины, которая даже въ горѣ и отчаяніи не можетъ безъ привычнаго изящества въ движеніи накинуть какую-нибудь шаль или простую шляпку. Прозрачность и худоба лица теперь далеко уже не отвѣчали требованіямъ красоты: онѣ говорили о болѣзни и вызывали жалость въ проходившихъ мимо.

Ея одиночество тяготило ее невыразимо, проникало мучительно все ея существо, преслѣдовало ее. Она не могла съ нимъ примириться. Она боролась противъ одиночества, отталкивала его, какъ ребенокъ отталкиваетъ настигающую его волну прилива. Еще нѣсколько недѣль тому назадъ она была счастлива, такъ богата друзьями; міръ казался ей такимъ добрымъ и привѣтливымъ!

Теперь ей казалось, что у нея нѣтъ болѣе ни одного друга — нѣтъ никого, къ кому бы она могла обратиться; ей никого не хотѣлось видѣть, за исключеніемъ этой дѣвушки, которую она знала всего какихъ-нибудь два мѣсяца, — дѣвушки, которая сдѣлала ее такой несчастной.

Она вспоминала о зимнихъ собраніяхъ въ Римѣ, полныхъ для нея остраго удовольствія; о тѣхъ женщинахъ, которыя любили ее, которымъ она тоже отвѣчала расположеніемъ и которымъ такъ нравилась въ ней неукротимая жажда привязанности. Но наряду съ внѣшней нѣжностью къ нимъ, она носила въ себѣ какую-то гордую и часто неожиданную сдержанность. Она не сдѣлала своей „повѣренной" ни одной изъ своихъ подругъ. Что ея отношенія къ Мэнистею были угаданы и признаны въ Римѣ; что на нихъ смотрѣли, какъ на романъ, который всѣ добрыя сердца желаютъ видѣть законченнымъ такъ, какъ обыкновенно кончаются романы этого рода, — Элиноръ знала все это Она гордилась мѣстомъ, которое занимала подлѣ него, гордилась тѣмъ, что Римъ безмолвно признавалъ ея права надъ нимъ. Но сердца своего

›аскрыла никому. Ея бурная сцена съ Льюси была ›нной, безпримѣрной въ исторіи ея жизни.

›рь она никого не желала видѣть — никого рѣши- Съ инстинктомъ побитаго животнаго, она отвертыва- › себѣ подобныхъ. Ея отецъ? Чѣмъ былъ онъ для ›да бы то ни было? Тетя Патти? Но уже въ силу са- участія и расположенія, Элиноръ была рада, что отъ нея. Другіе ея родственники или родственницы? ѣтъ! Счастливая, она могла ихъ любить; несчастная, интересовалась ни кѣмъ изъ нихъ. Ея несчастное за- ›о привело ее въ какое-то оцѣпенѣніе и наложило печать молчанія на многіе годы. И скованные этимъ ъ источники жизни распустились только для того, ›сякнуть теперь окончательно.

ея душа представляла собою одну сплошную рану. моментъ, когда она стояла тогда въ полусвѣтѣ ком- акъ заколдованная, видя передъ собою Мэнистея, склонился надъ лежавшей безъ сознанія Льюси и ›валъ ей слова любви, — въ тотъ моментъ опустился ›несенный надъ ея головой, и разрубилъ надвое са- ›ень ея существованія.

›перь — странная иронія! Единственное сердце, къ ко- ›й хотѣлось прильнуть, единственная рука, на кото- хотѣлось опираться, были рука и сердце Льюси!

›ля чего, для чего мы здѣсь? — мысленно воскликнула ›оской, перемѣняя положеніе. Бѣгство ихъ не было ›о безуміемъ, униженіемъ для нея самой, разъ оно ›о то, чего не должна выдавать ни одна женщина? ›ому же все это такъ смѣшно, такъ безполезно ›лѣ тормаза для Мэнистея. Развѣ онъ откажется отъ ›зъ-за того, что ей удастся спрятать ее на нѣсколько Развѣ его страстная воля покорится когда нибудь ›му пораженію, которое она ему нанесла? Предпо- что ей даже удастся переправить Льюси въ Аме- допустивъ между ними дальнѣйшаго свиданія, — ›звѣ нѣтъ пароходовъ и поѣздовъ, которые могутъ ›ъ нетерпѣливыхъ влюбленныхъ къ желаемой цѣли? ›бяческое безразсудство весь этотъ поступокъ!

удастся ли ей выполнить все это? Развѣ онъ не и теперь напасть на ихъ слѣды? Легко можетъ ›я, что онъ вспомнитъ про этотъ уголокъ, про его ›е и про то, сколько удовольствія они испытали здѣсь

›на вздрогнула и приподнялась на своемъ креслѣ. ›ось, что она уже слышитъ его шаги на дорогѣ.

опять мысль ея воспрянула съ гордымъ торже- съ какимъ-то ликованіемъ, которое потрясло все

ея слабое существо. Она въ безопасности! Она, если такъ можно выразиться, окружена окопами въ сердцѣ самой Льюси. Никогда эта натура не воспользуется собственнымъ удовольствіемъ насчетъ несчастія другого. Нѣтъ! нѣтъ! она не влюблена въ него!—настойчиво твердилъ бѣдный взволнованный разсудокъ. Она была заинтересована, возбуждена. Онъ всегда можетъ покорить женщину, если захочетъ. Но время и перемѣны скоро разсѣятъ эти первыя мечты юности. Между ними нѣтъ настоящаго соотвѣтствія и не можетъ быть его никогда, никогда.

Но, предположивъ даже, что она ошибается, что Льюси будетъ тронута настойчивостью Мэнистея, — даже въ этомъ случаѣ Элиноръ можетъ быть спокойной. Она хорошо знаетъ, какое дѣйствіе произвела на нѣжное сердце Льюси ея болѣзнь и отчаяніе, и насколько еще сильнѣе окажется это впечатлѣніе теперь. Уже единственно тѣмъ, что она будетъ находиться на глазахъ у Льюси, она достигнетъ желаемаго результата. Съ самаго начала она угадала основныя свойства этой сильной и вмѣстѣ кроткой дѣвушки. Она разсчитывала именно на то, чего, со своей стороны, опасался Мэнистей.

Порою, на одну минуту, съ тѣмъ чувствомъ, которое человѣкъ испытываетъ, заглядывая въ пропасть, она рисовала себѣ,—что вотъ покоряется, призываетъ Мэнистея, отказывается отъ своихъ правъ и устраняетъ ту преграду, которую воздвигла подъ вліяніемъ мстительной агоніи. Мысль быстро перебирала подробности, могущія послѣдовать за этимъ: упорное сопротивленіе Льюси, пылкая настойчивость Мэнистея, его обаяніе, та атмосфера очарованія и вниманія, которою онъ ее окружитъ, а потомъ всѣ эти сцены раздоровъ, въ которыхъ Льюси, со своей сдержанностью и красотой, можетъ вызвать къ себѣ со стороны этого человѣка всю нѣжность, на которую онъ только способенъ, и затѣмъ, въ концѣ концовъ, неизбѣжное смягченіе кроткой стойкости золотого сердца Льюси.

Нѣтъ! Льюси не ощущаетъ страсти!—она непремѣнно высказалась бы съ лихорадочною запальчивостью. И какъ могла бы она ужиться съ Мэнистеемъ — съ его постоянными переходами отъ возбужденія къ упадку духа? съ его крайностями и перемѣнами?

И среди призраковъ прошедшей зимы передъ Элиноръ промелькнулъ образъ ея самой: вотъ она сидитъ за столомъ, занятая писаніемъ, а Мэнистей склоняется надъ нею; его рука водитъ ея перомъ, плечо его касается ея плеча. Рука эта была такая сильная, нервная, безпокойная, какъ весь онъ самъ, и это-то соединеніе капризной прихотливости и силы такъ плѣняло романтическое воображеніе Элиноръ. И когда пальцы его касались ея собственныхъ гибкихъ

никовъ, она съ трудомъ удерживалась, чтобы не вложить овѣрчиво въ его мощную руку. Изъ боязни, какъ бы не ть себя какимъ нибудь невольнымъ движеніемъ, она поно отстранялась, между тѣмъ какъ въ разгоряченной ѣ проносилась смѣлая мысль: что, если сейчасъ прися къ его груди и высказать ему все, все порѣшить ну минуту! А что послѣдуетъ затѣмъ—блаженство воси или отчаяніе—все равно!

огла ли Льюси осмѣлиться на такую мечту? Дикая ревь Элиноръ тайно отомстить этой юной дѣвственной хоной сдержанности, надъ которой нѣкогда смѣялся Мэни. Какъ невѣроятно, чтобы она могла его обворожить! незрѣлость Льюси, всѣ ея недостатки проходили передъ лизирующимъ воображеніемъ Элиноръ.

Одну минуту она мысленно смотрѣла на дѣвушку съ той ріязнью и холодностью, съ какими могъ бы на нее смоть только врагъ.

Затѣмъ она быстро прогнала это чувство; ею овладѣло ращеніе къ себѣ, внезапный ужасъ передъ новой низостью, орая закрадывалась въ ея душу, отнимая у ней ея собенное „я" и все то, что она въ себѣ любила, что любили ней люди; такъ какъ она на самомъ дѣлѣ знала, что а именно тѣмъ, чѣмъ считали ее другіе—добрымъ и кротмъ существомъ съ нѣжной душою.

Въ концѣ концовъ, все завершилось наплывомъ удручаюй нѣжности къ Льюси и раскаяніемъ, что, однако, не прило ей облегченія, такъ какъ ни на минуту не ослабляло того ительнаго напряженія, которое таилось за всѣмъ этимъ.

Серебристая ночь прокрадывалась вслѣдъ за закатомъ, лощая и претворяя всѣ золотистыя и пурпурныя окраски ада въ своемъ собственномъ блѣдно-голубомъ сіяніи.

Элиноръ была уже въ постели; искусныя руки Льюси лали изъ ея комнаты чудо, и теперь Элиноръ, съ своей роны, движимая угрызеніемъ совѣсти, давала поспѣшя распоряженія Мари, чтобы та позаботилась объ удобѣ миссъ Фостеръ и объ ея вещахъ.

Льюси, наконецъ, выбралась изъ комнаты, загроможденй сундуками и платьями. Она взяла шляпку, набросила себя легкую накидку и скользнула въ широкій коррирь, по обѣимъ сторонамъ котораго тянулся рядъ маленьхъ комнатъ, бывшихъ нѣкогда кельями кармелитовъ. лько тѣ четыре-пять комнатъ съ западной стороны, т. е. то огое помѣщеніе, которое онѣ занимали, еще оставалось лымъ и невредимымъ. Съ половины же корридора, какъ пѣла замѣтить Льюси, уже начинались покои, гдѣ на были безъ стеколъ, штукатурка по стѣнамъ осыпалась,

потолки провалились и, на половину разрушенн
вались книзу. Въ восточномъ концѣ корридора
большое окно съ выступомъ, въ которое
время, ради удобства квартирантовъ, вставили за
дившая луна бросала сквозь это окно свои ст
лыя грязныя стѣны и полъ, а свѣжій горный лу
налъ дуть и завывать въ пустыхъ, лишенныхъ вѣт
кельяхъ. Даже Льюси и та слегка вздрогнула. I
тельно, что французженка-горничная приходила въ во

Льюси тихо спустилась по старой каменной
въ нижній этажъ. Тутъ былъ такой же длинн
доръ съ комнатами по обѣимъ сторонамъ, но т
еще болѣе плачевномъ состояніи, чѣмъ наверху.
ленномъ концѣ этого корридора видѣнъ былъ отб
кого-то свѣта и слышался гулъ голосовъ, исходив
того угла зданія, гдѣ помѣщалась семья „cont
ихъ собственная кухня. Между тяжелой дверью,
Льюси пришлось отворить, и свѣтомъ въ отдале
большое пространство съ землянымъ поломъ, изоби
трещинами и ямами, а по обѣимъ его сторонамъ ш
то мрачныя пещеры—старые винные и маслянные
монастырскія кухни и дровянники, имѣвшіе теперь
кихъ-то логовищъ, и совершенно темные даже среди бѣ
благодаря заколоченнымъ окнамъ. Въ корридорѣ пахл
ней, такъ какъ въ одной изъ дальнихъ пещеръ, какъ
уже извѣстно Льюси, содержались мулъ и оселъ „co

— Можемъ ли мы здѣсь остаться?—спросила она
то со смѣхомъ, не то съ недоумѣніемъ.

Она откинула тяжелый засовъ, которымъ замыкал
рая двойная дверь, и очутилась на дворѣ монастыря
котораго тянулась ниже дороги, круто сбѣгавшей
ревнѣ, а другая—выше ея.

Льюси сдѣлала нѣсколько шаговъ направо.

Какъ восхитительно!

Передъ нею открылся маленькій монастырь съ д
колоннадой, поддерживающей романтическія арки;
этой колоннады виднѣлась часовня съ миніатюрной ко
ней. Подъ волшебнымъ луннымъ свѣщеніемъ отчетли
дѣлялись малѣйшая линія, малѣйшее украшеніе; гипсъ
пичъ превращались въ слоновую кость и серебро. Круго
рило полное безмолвіе, несравненная чистота воздуха, и
ло проникнуто прелестью и красотою ночи. Льюси живо п
вились разрушенныя фрески этой заброшенной часовни
ангеловъ и святыхъ, смотрѣвшихъ съ ея стѣнъ въ ти

Она поднялась вверхъ по дорогѣ и опять спус
внизъ по направленію къ лѣсу, который виднѣлся по

Іе была ли это другая часть монастыря? — его крыло,
цее вправо отъ главнаго зданія, въ которомъ онѣ помѣ-
ись, и заключавшее въ себѣ тоже нѣсколько жилыхъ
иатъ? Въ самомъ крайнемъ изъ оконъ виднѣлся свѣтъ и
жавшая мимо него фигура,—высокая черная фигура—по
вѣроятности, священникъ. Дѣйствительно, когда фигура
ошла ближе къ окну, то Льюси явственно различила
;уру и рясу.

Какъ странно! Она ничего не слыхала отъ „massaja" о
омъ-либо постояльцѣ. Эта высокая сухощавая фигура не
етъ ничего общаго съ маленькимъ улыбавшимся пате-
ь, котораго она видѣла въ толпѣ.

Удивленная, она направилась дальше.

Лѣса подобно гигантскимъ неподвижнымъ облакамъ спу-
лись внизу надъ блестящей полосой рѣки и поднимались
за по другую ея сторону. То были дубовые лѣса, такъ живо
ірившіе Льюси о сѣверѣ Англіи и Америки; только нѣж-
мелкіе кустарники вереска и арбутуса, которые можно
о различить при свѣтѣ мѣсяца, снова возвращали во-
ажение въ „блаженную страну".

А тамъ голубые, воздушно-прозрачные, какъ мечты, гор-
вершины отпечатывались на горизонтѣ, и надо всѣмъ
ое, чистое лучезарное небо!

Вотъ засвистали соловьи, зазвучала грустная нотка ма-
ькой совы, которая поселилась въ оливковыхъ рощахъ
инаты. Льюси затаила дыханіе. Слезы затуманили ей
за: то были слезы, вызванныя воспоминаніемъ, наплывомъ
ительной тоски.

Но она сдержала эти слезы. Стоя среди небольшого рас-
ценнаго пространства, вблизи дороги, откуда передъ ней
ывалась вся ночная понорама, она ушла въ поэтиче-
о грусть, которой можно было отдаться безъ угры-
й совѣсти, и которая не могла обезсилить ея волю. Какъ
ко, какъ страшно далеко была она отъ дяди Бэна и
гаго гонтомъ домика въ Вермонтѣ! Была уже почти се-
ина лѣта, и всѣ англичане и американцы бѣжали изъ
ой Италіи; Италія же чувствовала себя уютно и удобно
ебя дома, живя собственной богатой воспоминаніями
нью, ничего не зная и не думая объ иностранцѣ. Нѣтъ,
на этихъ плоскогоріяхъ, ни въ этихъ лѣсахъ не думала
о немъ, хотя тамъ внизу, въ долинѣ пролегала старая
ъзжая дорога, ведущая изъ Флоренціи въ Римъ, по ко-
й Гете и Винкельманъ совершали свой путь въ Вѣчный
одъ. Льюси испытывала такое чувство, какъ будто она,
ашняя путешественница и незнакомка, теперь, подобно
нку, закралась въ чужую семью.

Но чувства уносятся быстро и далеко помимо нашей воли, и вскорѣ оказалось, что она не въ силахъ ихъ остановить. Эти недѣли потрясающихъ перемѣнъ развязали ей душу и языкъ, если можно такъ выразиться. Въ этотъ вечеръ какъ могла бы она поговорить обо всемъ съ тѣмъ, кто былъ теперь отдѣленъ отъ нея, быть можетъ, навсегда! какъ внимательно сталъ бы онъ ее слушать, проявляя порой свое обычное нетерпѣніе! Какъ бы посмѣялся надъ нею и какъ сталъ бы съ нею спорить! а потомъ наступило бы внезапное смягченіе! Его прекрасные глаза загорѣлись бы блескомъ. Ахъ! сколько власти и нѣжности въ этой тиранніи, сколько въ ней обаянія для женщины и вмѣстѣ какое желаніе бороться противъ нея вызываетъ она собой!

И тѣмъ не менѣе тяжела была мысль о Мэнистеѣ. Льюси чувствовала себя пристыженной, униженной. Этимъ бѣгствомъ она признавала за собой то, чего, не смотря на всѣ подозрѣнія Элиноръ, онъ не говорилъ ей никогда, никогда! и чему она не имѣла права вѣрить. Гдѣ былъ онъ теперь? Что онъ думалъ? Одну минуту сердце ея рвалось къ нему навстрѣчу, какъ рвется пойманная птичка; но она поспѣшила себя обуздать. Стоя тутъ, въ ночномъ полусвѣтѣ, надъ этими лѣсами и глядя на смутно бѣлѣвшіе утесы Монте Аміата, она чувствовала себя какъ бы поставленной лицомъ къ лицу съ требованіями духа и тѣхъ внутреннихъ голосовъ предостереженія и сострраданія, которые поднимались изъ самой глубины ея существа.

Съ глубокимъ вздохомъ облегченія, какъ человѣкъ, сбросившій съ себя большую тяжесть, она подняла вверхъ свои молодыя руки, затѣмъ медленно поднесла ихъ къ глазамъ, словно желая скрыть отъ себя и эти картины, и это чувство. А губы ея невольно прошептали:

— Мама, дорогая мама, если бы ты могла теперь быть со мною хотя бы на одинъ только часъ.

Она собрала всѣ силы своей души.

— Помоги же мнѣ ты, Господи!—проговорила она и содрогнулась отъ сознанія, какое напряженіе приняли ея мысли.

Она прошла еще нѣсколько шаговъ по дорогѣ, съ намѣреніемъ заглянуть въ лѣсъ съ его благоуханіемъ и тишиной. Ночь была такъ хороша, что ей положительно не хотѣлось съ ней разставаться.

Вдругъ она увидѣла какую-то свѣтящуюся точку и различила запахъ табаку.

Съ окраины дороги поднялся человѣкъ. Льюси остановила шагъ и собиралась уже уйти, какъ услышала веселое обращеніе.

— Buona sera, segnorina!—Она узнала голосъ, слышанный ею послѣ обѣда. То былъ красивый карабинеръ. Льюси весело ступила впередъ.

— Я вышла погулять, потому что погода такая прелестная,—сказала она.—А вы еще находитесь на своемъ посту? Гдѣ же вашъ товарищъ?

Онъ улыбнулся и показалъ на лѣсъ.

— У насъ есть тамъ хижинка. Сперва выспится Руджіерри, а затѣмъ пойду спать я. Мы не часто посѣщаемъ эту дорогу; но когда есть пріѣзжіе, мы должны дѣлать осмотръ.

— Развѣ тутъ есть разбойники?

Онъ сверкнулъ своими бѣлыми зубами.

— Я однажды подстрѣлилъ двоихъ вотъ этимъ самымъ ружьемъ,—сказалъ онъ.

— Но не тутъ именно,—не правдали-ли?—сказала Льюси смущенно.

— Нѣтъ, тамъ, за горами—въ Мареммѣ.—Онъ сдѣлалъ неопредѣленное движеніе рукой по направленію къ западу и покачалъ головой.—Плохая страна, дурной народъ въ этой Мареммѣ.

— Да, я знаю!— сказала Льюси, смѣясь. — Если только здѣсь случается что-нибудь дурное, то вы сейчасъ же говорите, что это изъ Мареммы. Когда сегодня у насъ дорогой порвалась упряжь, нашъ кучеръ сказалъ: ее дѣлали въ Мареммѣ! Скажите, кто живетъ въ той части монастыря, вотъ тамъ?

И, обернувшись назадъ, она показала на освѣщенное окно, виднѣвшееся вдали.

Карабинеръ не отвѣтилъ ничего и только сплюнулъ на дорогу; затѣмъ онъ, не спѣша, снова набилъ свою трубку и только тогда медленно проговорилъ:

— Тоже пріѣзжій, синьорина.

— Вѣдь онъ священникъ, неправда-ли?

— И священникъ, и не священникъ, — сказалъ карабинеръ послѣ небольшого молчанія и разсмѣялся съ итальянской беззаботностью.—Патеръ, который не служитъ обѣдни! странный сортъ священниковъ, неправда-ли?—произнесъ онъ.

— Я не понимаю, что вы говорите,—сказала Льюси.

— Per dio, что можетъ значитъ? — сказалъ итальянецъ, смѣясь. — Здѣшній народъ не сталъ бы утруждать своей головы... Но вы понимаете, синьорина? — онъ нѣсколько понизилъ голосъ,—священники—большая сила, molot! molot! Донъ Теодоро, здѣшній патеръ, основалъ кассу. Если рабочему нужны деньги для посѣва, или на свадьбу дочери, на покупку телѣги или вола, онъ идетъ къ патеру. Съ тѣхъ поръ какъ пошли эти новые банки, деньги стали у священниковъ. Если вамъ нужны деньги, вы должны спрашивать у нихъ; вы понимаете, синьорина, что не выгодно съ ними ссориться. Нужно тоже любить ихъ друзей.—Его жестъ и выраженіе лица закончили фразу.

— Но въ чемъ же дѣло,—спросила Льюси съ удивле-

ніемъ.—Развѣ онъ совершилъ какое нибудь преступленіе?— Она съ любопытствомъ взглянула на монастырское окно.

— Онъ лишенъ сана, синьорина.

— Лишенный сана?—Слово было ей незнакомо и она задумалась.

— Отлученъ отъ церкви,—сказалъ карабинеръ со смѣхомъ.

— Отлученъ отъ церкви?

Она ощутила приливъ жалости, смѣшанной съ ужасомъ.

— Почему? что онъ сдѣлалъ?

Карабинеръ засмѣялся снова. Смѣхъ его былъ отвратителенъ, но она уже была знакома съ страннымъ инстинктомъ итальянскаго низшаго класса, инстинктомъ, который заставляетъ смѣяться надъ несчастіемъ ближняго. У нихъ есть страсти, но нѣтъ чувства; они инстинктивно ненавидятъ все патетическое.

— Che so, синьорина? Онъ кажется совсѣмъ старымъ человѣкомъ. Мы строго за нимъ слѣдимъ; онъ не причинитъ никакого вреда. Онъ взялъ, было, привычку давать дѣтямъ конфекты, но матери запретили имъ брать. Вотъ этотъ Джіанни,—онъ указалъ на монастырь, и Льюси поняла, что онъ подразумѣвалъ „contadino“,—ходилъ къ дону Теодоро спрашивать, не слѣдуетъ ли его прогнать? Донъ Теодоро не сказалъ ни да, ни нѣтъ. Платитъ онъ хорошо, но вся деревня желаетъ, чтобы онъ удалился. Они говорятъ, что онъ приноситъ несчастіе ихъ жатвѣ.

— А патеръ разговариваетъ съ нимъ?

Антоніо засмѣялся.

— Когда онъ попадается ему на дорогѣ, тотъ какъ будто не видитъ его, синьорина. Такъ и всѣ другіе священники. Когда онъ имъ встрѣчается, у нихъ словно нѣтъ глазъ. Это епископъ отдалъ такое приказаніе.

— И всѣ здѣсь дѣлаютъ то, что имъ приказываютъ священники?

Въ тонѣ Льюси слышалось инстинктивное недоброжелательство, которое питаетъ пуританинъ къ правящему и господствующему католицизму.

Антоніо засмѣялся снова. То былъ смѣхъ человѣка, который сознаетъ, что не стоитъ труда объяснять извѣстныя дѣла иностранцамъ.

— Они хорошо знаютъ свое дѣло!—былъ его отвѣтъ.—И богаты же они, эти патеры,—продолжалъ онъ:—За послѣдніе годы столько банковъ, столько разныхъ кассъ, столько обществъ! Этимъ лучше дѣйствовать на народъ, чѣмъ молитвой.

Возвращаясь домой, Льюси невольно обратила взоръ на освѣщенное окно. Священникъ въ немилости? и иностранецъ? Зачѣмъ ему скрываться здѣсь, въ этомъ отдаленномъ

уголкѣ департамента, который, какъ ей говорили въ Орвіето былъ католическимъ до фанатизма?

Утро вставало надъ горою и лѣсами, свѣжее, величественное.

Элиноръ слѣдила за полосами свѣта, которыя, проникая сквозь деревянные ставни, ложились на оштукатуренныя стѣны и разгорались все ярче и ярче. Она была крайне утомлена проведенной ночью. Старое зданіе было полно странныхъ звуковъ, какими-то шепотами, шорохами, и все это страшно напрягало нервы. Комната ея сообщалась съ комнатою Льюси. Двери ихъ были снабжены задвижками, новизна которыхъ только говорила о страхахъ прежнихъ квартирантовъ. Элинoръ всю ночь испытывала различные ужасы, и всѣ долгіе часы прошли для нея въ нравственной борьбѣ и физическомъ безпокойствѣ.

На деревенской колокольнѣ пробило семь. Элинoръ спустилась съ кровати. У нея подъ руками лежалъ на готовѣ одинъ изъ ея мягкихъ, элегантныхъ капотовъ, совсѣмъ свѣжій, недавно выписанный изъ Парижа, глядя на который, Льюси не разъ удивлялась, какъ можно тратить такъ много денегъ на подобныя вещи.

Элинoръ, разумѣется, ни минуты не испытывала ни, малѣйшаго угрызенія совѣсти въ этомъ отношеніи. Красивые и дорогіе наряды были для нея второй натурой; она никогда объ этомъ даже не думала. Но въ это утро, когда она надѣла это старательно сдѣланное шелковое платье, на которое положили столько головного и ручного труда блѣдныя дѣвушки въ душныхъ мастерскихъ Парижа, а затѣмъ вглянула на свое собственное лицо и плечи въ надтреснутое зеркало, висѣвшее на стѣнѣ,—то ею овладѣло какое-то ужасное предчувствіе, подъ впечатлѣтіемъ котораго она нѣсколько времени, словно окаменѣлая, неподвижно стояла въ полусвѣтѣ, вся дрожа въ своихъ дорогихъ кружевахъ и блондахъ. Конецъ! конецъ для нея всѣмъ маленькимъ женскимъ радостямъ! Было ли у нея хотя одно платье, которое такъ или иначе не говорило бы ей о Мэнистеѣ, которое не было бы втайнѣ задумано сообразно его вкусамъ и требованіямъ, знакомыхъ ей теперь едва ли не больше своихъ собственныхъ?

Ей вспомнилось выраженіе лица доктора въ Орвіето и тѣ слова, которыя готовы были сорваться съ его губъ, но которыя она сама удержала изъ боязни ихъ услышать. Внезапный ужасъ смерти овладѣлъ всѣмъ ея существомъ. Умереть съ этимъ навѣки не высказаннымъ крикомъ души! Умереть нелюбимой, неудовлетворенной, невознагражденной,— ей, которая отдавалась вся, всѣмъ своимъ существомъ! Какъ можетъ Богъ обрекать человѣческія существа на такую судьбу?

А тутъ опять таже дивная картина природы, эта панорама скалъ, лѣса и воды, это великолѣпіе радужныхъ облаковъ, золотистыя пшеничныя поля, цвѣты, пестрѣющіе между травами—вся эта красота, между тѣмъ, какъ человѣческія сердца разбиваются, человѣческія жизни угасаютъ, и на кладбищѣ, которое раскинулось тамъ на холмѣ, все тѣснѣе и тѣснѣе становятся ряды металлическихъ крестовъ, украшенныхъ вѣнками...

Вдругъ, съ небольшого луга по ту сторону дороги донеслась пѣсня. Молодой человѣкъ, высокій и стройный, работалъ на этомъ лугу. Валы скошеннаго сѣна быстро ложились передъ нимъ; каждое движеніе молодого косца говорило объ увѣренной жизнерадостной силѣ. Онъ пѣлъ рѣзко и пронзительно, какъ обыкновенно поютъ въ Италіи, отчетливо и нѣсколько въ носъ выговаривая слова.

Мало-по-малу Элиноръ могла уловить смыслъ пѣсни: молодая дѣвушка прощалась съ своимъ возлюбленнымъ, который уходилъ на зиму работать въ Марему.

Молодой человѣкъ пѣлъ пѣсню небрежно, заурядно, нисколько не думая о словахъ и время отъ времени прерывая себя, чтобы наточить косу, и затѣмъ принимался пѣть снова. Звуки эти казались Элиноръ голосомъ утра, эхомъ вопля той разлуки, которая тянется — для кого день, для кого цѣлое время года, а для кого и вѣчно.

На душѣ у нея было слишкомъ неспокойно, чтобы наслаждаться „loggia“ и видомъ, или чтобы снова вернуться въ постель. Она растворила дверь въ комнату Льюси и увидала, что молодая дѣвушка крѣпко спитъ. Но на лѣстницѣ слышались шаги и голоса. Фермерская семья уже въ теченіе нѣсколькихъ часовъ отсутствовала.

Элиноръ совершила наскоро свой туалетъ, взяла шляпу и прокралась внизъ по лѣстницѣ. Когда она растворила наружную дверь, дѣти тотчасъ же окружили ее со всѣхъ сторонъ, таращa на нее свои большіе глазенки и засунувъ пальцы въ ротъ. Она направилась къ часовнѣ и къ маленькому монастырю, которые запечатлѣлись въ ея памяти. Дѣти съ восклицаніями кинулись обратно къ старому зданію. Но когда Элиноръ приблизилась къ дверямъ часовни, они снова нагнали ее, и одинъ изъ мальчугановъ протянулъ ей руку съ ключомъ.

Элиноръ взяла ключъ и повела съ дѣтьми переговоры. Они должны оставить ее одну, совершенно одну. Потомъ, когда она вернется, они получатъ сольдо.

Дѣти плутовски улыбнулись, всей толпой устремились обратно въ уголъ монастыря и стали наблюдать, что послѣдуетъ дальше.

Элиноръ вошла. Изъ одного изъ круглыхъ оконъ наверху лился холодный утренній свѣтъ, играя и переливаясь въ маленькомъ пространствѣ съ оштукатуренными стѣнами. По обѣимъ сторонамъ двѣ фрески, насчитывающія каждая по пятисотъ лѣтъ, были какимъ-то чудомъ пощажены штукатуркой. Онѣ казались какими-то нѣжными цвѣтками на этихъ грубыхъ свѣтло-желтыхъ стѣнахъ и представляли одна—страданія Св. Екатерины, а другая — распятіе Христа. Нѣжные голубые и лиловые тона, яркіе зеленые и свѣтло-красные цвѣта составляли утонченную гармонію съ общей опрятностью и чистотой этой покинутой часовни. Убогій маленькій алтарь съ нѣсколькими уцѣлѣвшими на немъ принадлежностями, полуразрушенная отъ времени исповѣдальня и нѣсколько стульевъ—было все ея убранство.

Элиноръ опустилась на колѣни подлѣ одного изъ стульевъ. Когда она оглянулась кругомъ, то, вѣроятно, подъ вліяніемъ физической слабости и концентраціи мыслей на одномъ предметѣ, на одной личности, она на одну минуту сдѣлалась жертвой иллюзіи, поразительной по своей жизненности и остротѣ.

Мэнистей, какъ живой, стоялъ передъ нею въ своемъ платьѣ изъ грубаго шотландскаго сукна, которое было на немъ въ то ноябрьское утро; одной рукой, державшей шляпу, онъ опирался въ бокъ; его кудрявая голова была откинута назадъ, а глаза, только что обращенные къ картинѣ, смотрѣли теперь на нее со своимъ обычнымъ выраженіемъ довѣрчивости.

— Школа Пинтуричіо, разумѣется; только мѣстная работа,— слышался ей его голосъ:—Та же рука—неправда ли?—что и въ той маленькой часовнѣ въ соборѣ. Вы помните, Элиноръ?

Она вздрогнула и закрыла лицо руками; глубокій вздохъ вырвался изъ ея груди. Боже мой! неужели теперь ее вѣчно будутъ преслѣдовать эти галлюцинаціи слуха и зрѣнія?

Она начала снова молиться, порывисто, съ отчаяніемъ, какъ молилась за послѣднія недѣли. Это было страстное возмущеніе противъ судьбы, жестокой и несправедливой, и въ ея порывѣ не чувствовалось самоотреченія, наоборотъ, было бурное, настойчивое отстаиваніе своихъ правъ, принимавшее характеръ какого-то безумія: настолько чуждо оно было всѣмъ свойствамъ ея души.

— Чтобы онъ послѣднія минуты пользовался мною, а затѣмъ прогналъ на всѣ четыре стороны! чтобы я уступила свое мѣсто и тѣмъ помогла ему въ достиженіи его цѣли, а затѣмъ покорно исчезла бы съ его пути! Нѣтъ! Онъ тоже долженъ испытать страданіе! и онъ долженъ знать, что все это сдѣлала Элиноръ, что это Элиноръ преграждаетъ ему дорогу!—Но въ тоже время въ самой глубинѣ ея души вставало горькое сознаніе, что вѣдь сама она съ самаго начала

позволяла цѣнить себя слишкомъ низко, что она была уже такъ счастлива—ахъ! слишкомъ, слишкомъ счастлива—всѣмъ, что ему угодно было ей давать; что, если бы она требовала больше, если бы выказывала меньше деликатности и утонченности въ своей любви, то онъ сталъ бы дорожить ею, придавать ей болѣе значенія.

Вдругъ она услыхала за собой, что дверь часовни растворилась; но въ тотъ же моментъ почувствовала, что лицо ея залито слезами, и не посмѣла оглянуться. Она опустила вуаль и приободрилась, на сколько могла.

Человѣкъ, находившійся сзади, тоже, повидимому, опустился на колѣни. Судя по его поступи и движеніямъ, это былъ человѣкъ непоротливый, грузный: вѣроятно, какой-нибудь крестьянинъ,—подумала она.

Но какъ не рада она была этому сосѣду! Часовня перестала теперь быть для нея убѣжищемъ, гдѣ можно дать волю своимъ чувствамъ. И она моментально поднялась и направилась къ двери. Слабый возгласъ вырвался изъ ея груди. Человѣкъ, стоявшій на колѣняхъ у входа, съ удивленіемъ тоже поднялся и пошелъ къ ней навстрѣчу.

— Сударыня!

— Отецъ Бенеке! Вы? Здѣсь?—проговорила Элиноръ, прислоняясь къ стѣнѣ, чтобы удержаться на ногахъ: такую слабость почувствовала она вдругъ, настолько поражена была этимъ внезапнымъ появленіемъ человѣка, котораго въ послѣдній разъ видѣла на порогѣ стеклянной галлереѣ въ Маринатѣ не болѣе двухъ недѣль тому назадъ.

— Боюсь, сударыня, что я васъ обезпокоилъ,—произнесъ патеръ, глядя на нее въ смущеніи:—Я сейчасъ же удалюсь отсюда.

— Нѣтъ, нѣтъ,—проговорила Элиноръ, протягивая руку. Къ ней отчасти вернулись ея прежній голосъ и прежняя улыбка.—Я только была удивлена... это такъ неожиданно. Кто могъ бы подумать, что мы встрѣтимся здѣсь, отецъ Бенеке?

Патеръ ничего не отвѣтилъ на это. Они вмѣстѣ оставили часовню. Толпа дѣтей, ожидавшая около монастыря, при видѣ Элиноръ, разразилась веселыми криками и кинулась было къ ней навстрѣчу. Но какъ только увидѣла ея спутника, она остановилась, какъ вкопанная. Маленькія лица омрачились, нахмурились, черные глаза засвѣтились злобой. Вдругъ мальчишки подняли съ земли цѣлую горсть каменьевъ и съ криками: „Bestia! bestia!“ запустили каменьями въ отца Бенеке, послѣ чего, сбивая съ ногъ одинъ другого, въ безпорядкѣ бросились бѣжать и изчезли изъ вида.

— Гадкіе, маленькіе бѣсенята!—воскликнула Элиноръ съ негодованіемъ.—Что съ ними сдѣлалось? я обѣщала имъ сольдо. Не задѣли ли они васъ, отецъ Бенеке?

Она остановилась, пораженная видомъ его лица.

— Они? — спросилъ онъ подавленнымъ голосомъ: — Вы подразумѣваете дѣтей? О, нѣтъ, они не сдѣлали мнѣ никакого вреда.

Что случилось съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ они видѣлись въ послѣдній разъ на виллѣ? Безъ сомнѣнія, онъ находился въ распрѣ со своимъ начальствомъ и со своей церковью. Не былъ ли онъ уже лишенъ сана, отлученъ отъ церкви? Но онъ до сихъ поръ носитъ рясу!

Но тутъ внезапное опасеніе за себя овладѣло ея душой и заглушило всѣ другія чувста. Всѣ планы ея теперь были разрушены. Отецъ Бенеке, вѣроятно, уже былъ или же каждую минуту могъ очутиться въ сношеніяхъ съ Мэнистеемъ. Боже мой, Боже мой! какая незадача!

Они продолжали идти вмѣстѣ по дорогѣ. Элиноръ мысленно составляла фразу за фразой, но не могла произнести ни одной. Наконецъ, какимъ-то жалобнымъ тономъ она проговорила:

— Это такъ удивительно, отецъ, что вы находитесь здѣсь!

Патеръ отвѣтилъ не сразу. Онъ шелъ какой-то странной, нерѣшительной походкой. Элиноръ замѣтила, что ряса его разорвана и въ пыли, и что онъ давно не подстригалъ себѣ волосъ. Та особая трогательная прелесть, которою нѣкогда вѣяло отъ контраста между тѣлесной мощью, унаслѣдованной имъ отъ сабинской крестьянской расы, и необыкновенной нѣжностью кожи и очертанія лица съ дѣтской ясностью и кротостью взгляда,—прелесть эта теперь значительно померкла. Онъ былъ удрученъ и разбитъ. Его можно было теперь принять за неуклюжаго, неопрятнаго старика, забитаго горькой нуждой и лишеніями.

— Вы помните, что я говорилъ вамъ и мистеру Мэнистею въ Маринатѣ?—проговорилъ онъ, наконецъ, съ трудомъ.

— Да, я помню: вы взяли назадъ свое письмо.

— Я взялъ его. Затѣмъ я пріѣхалъ сюда. У меня есть тутъ старинный другъ, канонникъ въ Орвіето. Онъ однажды разсказывалъ мнѣ про этотъ уголокъ.

Элиноръ взглянула на него со своей вновь пробудившейся добротой и состраданіемъ.

— Боюсь, что вы пережили очень, очень много тяжелаго, святой отецъ,—сказала она задумчиво.

Священникъ остановился. Рука его, опиравшаяся на палку, дрожала.

— Я не долженъ задерживать васъ, сударыня, — проговорилъ онъ съ какой-то робкой формальностью. — Вы, вѣроятно, желаете поскорѣе вернуться къ себѣ. Я слышалъ, что ожидаютъ двухъ англійскихъ лэди, но никоимъ образомъ не могъ предположить...

— Разумѣется, вы этого не могли!—поспѣшно проговорила

Элиноръ:—Но я нисколько не спѣшу. Еще очень рано. Не разскажете ли вы мнѣ подробно, что съ вами произошло? Вы, безъ сомнѣнія, разсказали бы все... мистеру Мэнистею?

— Ахъ! мистеръ Мэнистей!—сказалъ патеръ съ глубокимъ и тяжкимъ вздохомъ.—Надѣюсь, что онъ хорошо себя чувствуетъ, сударыня?

Элиноръ вспыхнула.

— Я надѣюсь. Онъ и миссъ Мэнистей еще въ Маринатѣ. Отецъ Бенеке...

— Сударыня?

Элиноръ слегка отвернулась и подталкивала зонтикомъ камушки на дорогѣ.

— Вы сдѣлаете мнѣ великое одолженіе, — проговорила она, — если нѣкоторое время не будете говорить о нашемъ пребываніи здѣсь никому изъ нашихъ друзей въ Римѣ— рѣшительно никому. Прошлой осенью мнѣ пришлось проѣзжать мимо этого мѣстечка, и я нашла его необыкновенно красивымъ. И вотъ, мы рѣшились съ миссъ Фостеръ—вы помните ту американскую лэди, которая у насъ гостила?—рѣшили поѣхать сюда. На виллѣ стало ужасно жарко и... и были еще другія причины. А теперь намъ хочется побыть совершенно однѣмъ нѣкоторое время, удалиться даже отъ своихъ друзей. Я увѣрена, что вы уважите наше желаніе?

Она подняла на него глаза, дыханіе ея было ускорено. Вся краска исчезла съ ея лица. Ея тревога и возбужденіе были очевидны. Патеръ сдѣлалъ низкій поклонъ.

— Я буду скроменъ, сударыня,—произнесъ онъ съ естественнымъ достоинствомъ своего сана.—Смѣю просить васъ, чтобы вы извинили меня. Я долженъ пойти въ Сельвапенденте для полученія одного письма.

Онъ приподнялъ свою плоскую войлочную шляпу, снова поклонился и пошелъ своею дорогой большими шагами. Элиноръ почувствовала—точно ее оттолкнули. Она поспѣшила вернуться въ монастырь. Дѣти ожидали ее у дверей и, когда увидали, что она одна, то рѣшились взять свои сольдо, хотя и съ оттѣнкомъ нѣкотораго неудовольствія. Дверь отворила ей Льюси.

— Бѣглянка!—воскликнула дѣвушка съ легкимъ упрекомъ и обвила руками талію Элиноръ.—Да развѣ вы имѣете право уходить безъ кофе? все для васъ приготовлено на террасѣ. Гдѣ вы были? Что случилось?

Элиноръ разсказала ей новость, пока онѣ поднимались въ комнаты

— А, такъ вотъ кто былъ тотъ священникъ, котораго я видѣла вчера вечеромъ!—воскликнула Льюси.—Я только что собиралась разсказать вамъ свои приключенія. Отецъ Бенеке!

какъ это безконечно странно и какъ дасадно! Вотъ почему у васъ такой утомленный видъ!

И не давая Элинoръ разсказывать дальше, Льюси усадила ее въ кресло, въ глубокой тѣни „loggia“, принесла кофе, хлѣбъ и фрукты съ маленькаго стола, на которомъ она сама разставляла все съ помощью Цекко, и не отходила отъ Элинoръ, пока послѣдняя не выпила, наконецъ, чашку кофе и не съѣла маленькаго хлѣбца. Затѣмъ она принесла свой собственный кофе и усѣлась на коврѣ у ногъ Элинoръ.

— Я знаю, о чемъ вы думаете!—воскликнула она, глядя на нее съ своей нѣжной улыбкой.—Вы замышляете уѣхать, немедленно же!

— Можемъ ли мы на него положиться?—проговорила Элинoръ съ уныніемъ:—Эдвардъ не знаетъ въ настоящее время, гдѣ мы находимся, но отецъ Бенеке, разумѣется, можетъ каждую минуту ему написать.—Она отвернула отъ Льюси свое лицо; всякое упоминаніе имени Мэнистея вызывало болѣзненную краску на ея лицѣ, краску стыда за этотъ позоръ,—жить по милости побѣдителя.

— Конечно, онъ можетъ это сдѣлать,—сказала Льюси, размышляя.—Но если бы вы его попросили? Впрочемъ, нѣтъ, я не думаю, чтобы онъ это сдѣлалъ. Я увѣрена, что душа его такъ же прекрасна, какъ и лицо.

— Ахъ! несчастный отецъ Бенеке! Вы не можете себѣ представить, до какой степени онъ измѣнился.

— Да, да! Антоніо разсказывалъ мнѣ вчера вечеромъ. Онъ отлученъ отъ церкви,—чуть слышно проговорила Льюси.

И она передала свой разговоръ съ красивымъ Антоніо. Элинoръ, съ своей стороны, разсказала про выходку дѣтей.

— И все это изъ за его книги!—сказала Льюси, сдвигая брови:—Какая тираннія!

Онѣ обѣ молчали нѣкоторое время. Льюси думала о поѣздкѣ въ Нэми, о взглядахъ и словахъ Мэнистея; Элинoръ вспоминала послѣднее посѣщеніе патера на виллѣ и про ту тайную душевную бурю, которая овладѣла ею, когда она прощалась съ нимъ въ тотъ день. Но когда Льюси заговорила о томъ, что бы такое могло произойти съ несчастнымъ патеромъ, Элинoръ едва отвѣчала на ея вопросы. Она впала въ какое-то дремотное молчаніе, отъ котораго ее нужно было пробудить. Для Льюси было очевидно, что личное положеніе отца Бенеке интересовало ее весьма мало. Въ ея мысляхъ не было для него мѣста! То, что поглощало ее теперь—былъ лихорадочный вопросъ: могутъ ли онѣ впредь считать себя безопасными въ Торре-Аміата, или же имъ слѣдуетъ сняться съ якоря и ѣхать дальше?

(Продолженіе слѣдуетъ).

О горной свободѣ.

I.

Представимъ себѣ, что всѣмъ и каждому, безъ различія сословій и состояній, предоставлено право свободно производить развѣдки на какія бы то ни было ископаемыя на какихъ бы то ни было земляхъ, а первому открывателю — право свободной разработки найденныхъ богатствъ, съ отводомъ ему послѣ заявки о томъ опредѣленной небольшой площади (напримѣръ, 250 кв. саж.), и съ обязательствомъ для промышленника уплачивать владѣльцу земли двойное вознагражденіе за убытки, а казнѣ—опредѣленный % съ валового дохода, но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы право на разработку участка прекращалось черезъ извѣстный срокъ послѣ остановки или уменьшенія добычи ниже опредѣленной нормы. Далѣе въ нашемъ воображеніи возникаетъ такая картина: громадныя горнозаводскія дачи Урала, какъ бы застрахованныя теперь отъ научныхъ и промышленныхъ изысканій, а также крестьянскія, башкирскія, церковныя, казенныя, удѣльныя земли и владѣнія частныхъ лицъ наводняются партіями искателей; духъ предпріимчивости и соревнованія побуждаетъ ихъ зорко всматриваться въ каждый клочекъ земли и отыскивать здѣсь признаки, указывающіе на возможность присутствія того или другого ископаемаго. Открытія новыхъ мѣсторожденій желѣзныхъ, мѣдныхъ и другихъ рудъ повсюду слѣдуютъ одно за другимъ съ поразительной быстротой, обнаруживаются коренныя мѣсторожденія такихъ минераловъ, о присутствіи которыхъ до сего времени существовали только одни предположенія. Для желѣзодѣлательнаго производства открывается возможность безпредѣльно увеличиваться, благодаря открытію лучшихъ сортовъ каменнаго угля, вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ коренной переворотъ во всей горной промышленности, потому что употребленіе живого лѣса для металургическихъ производствъ, въ видахъ общественной пользы, воспрещается закономъ. Затѣмъ возникаетъ рядъ новыхъ отраслей горнозаводской промышленности,—и Уралъ дѣлается міровымъ

поставщикомъ не только желѣза, мѣди, золота, платины, но и серебра, ртути, цинка, свинца, нефти. Монополія и покровительственная политика исчезаютъ совершенно, какъ ненужное, вредное и давно отжившее явленіе. Поэтому и вопли горнозаводчиковъ о поддержкѣ и вспомоществованіяхъ за счетъ государства и потребителей, вслѣдствіе явной безрезультатности ихъ, прекращаются навсегда. Каждый промышленникъ, подъ страхомъ гибели, принимаетъ всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы не отстать отъ быстро прогрессирующей техники и напрягаетъ всю силу своей изобрѣтательности, чтобы опередить другихъ. На смѣну отставнымъ, недостаточно энергичнымъ, изобрѣтательнымъ и предпріимчивымъ являются другіе, болѣе сильные, и такимъ образомъ темпъ промышленнаго прогресса все ускоряется и, наконецъ, поступательное движеніе его сливается съ общимъ ходомъ мірового промышленнаго прогресса. Стоимость продуктовъ горнозаводской промышленности быстро понижается—вплоть до уровня цѣнъ мірового рынка. Цѣна на желѣзо уменьшается втрое, а производство и внутреннее потребленіе его возрастаетъ въ 10 разъ...

Эта фантастическая, повидимому, картина промышленнаго прогресса на самомъ дѣлѣ легко можетъ превратиться въ живую дѣйствительность при условіи установленія горной свободы (въ истинномъ смыслѣ этого слова) и съ отмѣною покровительственной системы. По даннымъ департамента торговли и мануфактуръ потребленіе чугуна въ Россіи равнялось въ 1892 г. 23,66 фунтамъ на 1 жителя, а въ Англіи оно опредѣлялось въ это же время въ 11 пудовъ *), стало быть, Россія должна потреблять желѣза въ $18^1/_2$ разъ больше, чтобы догнать въ этомъ отношеніи Англію. Но и настоящая, болѣе чѣмъ скромная норма русскаго потребленія покрывается отечественнымъ производствомъ лишь въ размѣрѣ 62,7%; остальные-же 37,3% потребленія пополняются привозомъ желѣза изъ-за границы, который растетъ изъ года въ годъ, не смотря на существующія запретительныя пошлины.

Ввезено въ Россію.	Желѣза: (милліоны пудовъ).	Стали и рельсовъ. (милліоны пудовъ).	Металлич. издѣлій и машинъ на сум. (мил. руб.):
въ 1887 г. . . .	3,3	0,5	25,9
„ 1888 „ . . .	4,0	0,6	33,1
„ 1889 „ . . .	5,3	1,0	38,1
„ 1890 „ . . .	5,9	1,0	35,5
„ 1891 „ . . .	3,8	0,9	35,1
„ 1892 „ . . .	2,1	1,0	37,1

*) «Фабричная и фабрично-заводская промышленность Россіи. С.-Петербургъ 1892 г.», страница 364-я.

въ 1893 г.	5,3	2,1	45,9
„ 1894 „ . . .	12,7	3,0	60,3
„ 1895 „ . . .	13,3	3,2	73,7
„ 1896 „ . . .	16,7	4,4	84,9
„ 1897 „ . . .	18,8	5,3	75,5

О томъ, насколько русское желѣзное производство изъ года въ годъ отстаетъ отъ возрастающихъ требованій внутренняго рынка, краснорѣчиво говорятъ слѣдующія цифры оффиціальной статистики.

	% потребленія желѣза, удовлетворяемаго:	
	отечествен. производствомъ.	привозомъ изъ-за границы.
Въ 1893 году .	85,5	14,5
„ 1894 „ . .	70,8	29,2
„ 1895 „ . .	67,3	32,7
„ 1896 „ . .	64,9	35,1
„ 1897 „ . .	62,7	37,3

Что же касается вывоза за границу, то его почти не существуетъ: свинца, олова и цинка въ 1897 г. не вывезено ни одного пуда, желѣза сравнительно съ привозомъ вывезено меньше въ 74 раза, каменнаго угля—въ 64, чугуна—въ 412, стали — въ 455 и мѣди въ 473.

Едва-ли нужно доказывать, что ничтожная, прямо нищенская норма русскаго потребленія желѣза — явленіе въ значительной мѣрѣ искусственное, поддерживаемое во благо, но не во славу заводовладѣльцевъ усиленнымъ покровительствомъ и охраной ихъ отъ вліянія иностранной конкурренціи. Нѣтъ надобности доказывать и ту очевидную для всѣхъ истину, что непомѣрная дороговизна желѣза отражается на всемъ экономическомъ строѣ Россіи и тормозитъ на всѣхъ путяхъ ея культурное и промышленное развитіе. Всѣ отрасли обработывающей промышленности въ той или другой мѣрѣ страдаютъ отъ ненормально высокихъ цѣнъ на желѣзо, увеличивающихъ стоимость производства и возвышающихъ цѣны на продукты, что, съ одной стороны, ложится тяжелымъ бременемъ на потребителя, а съ другой,—понижаетъ его покупательную способность и постоянно тормозитъ ростъ внутренняго потребленія.

Г. Радцигъ переплаты русскихъ потребителей на желѣзѣ, чугунѣ и стали вычисляетъ для 1895 года въ 100,000,000 руб. Если-же взять данныя потребленія главнѣйшихъ продуктовъ горной промышленности за 1897 годъ и допустить, что переплата съ каждаго пуда равна таможенной пошлинѣ, то въ результатѣ окажется, что русскими потребителями въ 1897 г. приблизительно переплачено:

на мѣди	3,5	милл.	руб.
„ чугунѣ, желѣзѣ и стали.	137,6	„	„
„ каменномъ углѣ . . .	16,2	„	„
	157,3	милл.	руб.

Въ дѣйствительности переплата на всѣхъ продуктахъ горной промышленности гораздо значительнѣе этой суммы. Но и этой колоссальной переплатой не ограничиваются жертвы русскаго народа, ежегодно приносимыя имъ на алтарь отечественной горной промышленности. По вычисленіямъ того-же г. Радцига, вслѣдствіе дороговизны желѣза устройство крупчаточной мельницы стоитъ у насъ на 50% дороже, нежели въ сосѣдней Германіи, а стоимость, напримѣръ, жестяныхъ коробокъ русскаго производства подъ охраною таможенной пошлины настолько непомѣрна, что *„американскія жестянки съ мясомъ въ Лондонѣ стоятъ дешевле пустыхъ жестянокъ въ Россіи“* *). Между тѣмъ столь усиленная охрана русской промышленности отъ иностранныхъ конкуррентовъ отнюдь не оправдывается пользами ея, если таковыя разсматривать даже съ точки зрѣнія защитниковъ покровительственной системы, потому что цѣны на горнозаводскіе продукты въ Россіи могутъ быть значительно понижены безъ всякаго ущерба для дѣла. Въ настоящее время нѣкоторые южные заводы (по вычисленію г. Радцига) получаютъ болѣе 100 % чистой прибыли. Громадные барыши даютъ и уральскіе горные заводы, несмотря на отсталость техники и поразительную скупость заводчиковъ на переустройства и улучшенія. Свои отчеты уральскія заводоуправленія держатъ въ строгой тайнѣ (за исключеніемъ акціонерныхъ компаній, обязанныхъ печатать ихъ „въ Вѣстникѣ Финансовъ“), потому что опубликованіе ихъ обнаружило-бы, во 1-хъ, что ни въ какомъ покровительствѣ заводовладѣльцы не нуждаются и, во 2-хъ, что получаемые послѣдними баснословные барыши идутъ отнюдь не на расширеніе и улучшеніе производства. Изъ приведенныхъ-же выше цифръ явствуетъ также, что и цѣль покровительственной политики не достигается: русское производство оказывается безсильнымъ удовлетворить своими продуктами внутренній спросъ, и ввозъ изъ-за границы произведеній горнозаводской промышленности быстро растетъ изъ года въ годъ.

Крестьянское хозяйство и земледѣліе несутъ на себѣ едва ли не самую большую часть этой тяготы. Распространеніе въ народѣ усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ и улучшеніе техники земледѣльческаго хозяйства вообще, повышеніе производительности земли и уменьшеніе стоимости производства, а слѣдовательно, экономическій и культурный ростъ деревни—въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ цѣнъ на желѣзо.

*) Г. Радцигъ «Желѣзодѣлательная промышленность всего свѣта».

Значеніе для сельскаго хозяйства дешевыхъ цѣнъ на желѣзо выяснено въ литературѣ съ достаточною ясностью и полнотой. Къ пониженію продажной стоимости его должны-бы стремиться и сами заводчики ради расширенія внутренняго потребленія и будущаго развитія горнозаводскаго дѣла. Все это общеизвѣстно, безспорно и отнюдь не требуетъ новыхъ доказательствъ. Но тѣмъ не менѣе будетъ не лишнимъ еще разъ иллюстрировать эти безспорныя истины хотя-бы такимъ примѣромъ.

Потребности народнаго хозяйства въ желѣзѣ разнообразны и всѣ они удовлетворяются въ ничтожной части. При пониженіи-же продажной стоимости желѣза до извѣстнаго предѣла условія внутренняго рынка должны совершенно измѣниться, потому что, помимо всѣхъ прочихъ послѣдствій этого явленія, желѣзо неизбѣжно вытѣснитъ нѣкоторые матеріалы и встанетъ на ихъ мѣсто. Въ одной Пермской губерніи насчитывается всѣхъ крестьянскихъ построекъ, застрахованныхъ по обязательному страхованію, до $2^3/_4$ милліоновъ. Изъ нихъ около 2 милліоновъ (1,993,622) крыты деревомъ, 666 тысячъ соломой, около 75 тысячъ—разными несгораемыми строительными суррогатами (дерномъ, глино-соломой, землей и проч.) и только 5—6 тысячъ—желѣзомъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ желѣзныхъ крышъ до смѣшного мало: въ Оханскомъ—всего 258 изъ 324,633, въ Осинскомъ—160 изъ 348,542, въ Чердынскомъ — 82 изъ 75,182 и это въ центрѣ желѣзодѣлательной промышленности! Между тѣмъ съ пониженіемъ цѣнъ на желѣзо, деревянныя кровли должны совершенно исчезнуть, уступивъ мѣсто желѣзнымъ, на что потребуется не менѣе 10—20 милліоновъ пудовъ для одной только Пермской губерніи и не менѣе милліарда—для всей Россіи. Если-же, кромѣ того, исчезнутъ и соломенныя кровли, при содѣйствіи которыхъ русская деревня сгораетъ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, то одного только листового желѣза для деревни потребуется уже значительно болѣе милліарда пудовъ.

При сопоставленіи-же этой колоссальной цифры съ ежегодной выдѣлкой въ Россіи кровельнаго желѣза, которая едва достигаетъ 6—7 милліоновъ пудовъ, оказывается, что всѣ русскіе заводы для удовлетворенія только потребностей деревни въ этомъ продуктѣ должны работать, по крайней мѣрѣ, 150 лѣтъ при настоящихъ размѣрахъ производства. Если-же, не дожидаясь удешевленія русскаго желѣза (Улита ѣдетъ — когда-то будетъ), допустить безпошлинный ввозъ въ Россію иностраннаго желѣза, то въ теченіе 2—3 десятковъ лѣтъ деревянныя кровли могли-бы совершенно исчезнуть (за исключеніемъ развѣ глухихъ лѣсистыхъ мѣстностей), причемъ постепенно была бы вытѣснена изъ деревни и соломенная стихія. Слѣдствіемъ такого переустройства деревни явилось-бы, во 1-хъ, значительное сбереженіе лѣсовъ, во 2-хъ, уменьшеніе опустошительности пожаровъ, въ 3-хъ, сокращеніе расходовъ

въ бюджетѣ крестьянъ на постройки: желѣзная крыша можетъ выстоять до 100 лѣтъ, а деревянная не болѣе 25; если-же допустить, что стоимость ихъ будетъ одинакова, то расходы по устройству крышъ послѣ замѣны желѣза деревомъ сократятся въ 4 раза.

Стоимость пуда заграничнаго кровельнаго 10-фунтоваго желѣза среднихъ сортовъ, пригоднаго для крестьянскихъ построекъ, безъ таможенной пошлины, можно принять въ 1 р. 45 к. въ Петербургѣ, а въ Перми оно стоило-бы не дороже 1 руб. 65 коп. На 1 квадр. сажень желѣзной кровли для крестьянскихъ построекъ потребно:

5 листовъ желѣза или 1 п. 10 ф. . .	на	1 р.	$81^1/_2$	к.
работы	„	— „	25	„
гвоздей	„	— „	10	„
		2 р.	$16^1/_2$	к.

Стоимость-же 1 квадр. сажени тесовой крыши по мѣстнымъ цѣнамъ на работу и матеріалы опредѣляется такъ:

тесу	на	2 р.	—	к.
работы	„	— „	30	„
гвоздей	„	— „	12	„
		2 р.	42	к.

Такимъ образомъ (не считая обрѣшетины, стоимость которой подъ желѣзную и тесовую кровлю почти одинакова), крыша изъ чужого заморскаго желѣза, съ отмѣной таможенной пошлины, стоила-бы въ Перми дешевле деревянной кровли. Если-же подобный разсчетъ произвести для такихъ безлѣсныхъ мѣстностей каковы Шадринскій уѣздъ Пермской губерніи и сосѣдній съ нимъ Челябинскій—Оренбургской губерніи, то разница въ цѣнѣ желѣзной и деревянной кровли будетъ уже громадной. О разныхъ строительныхъ суррогатахъ, которые по нуждѣ употребляетъ населеніе, едва-ли стоитъ и упоминать: всѣ они крайне непрактичны, непрочны, неудобны, обходятся, въ сущности, страшно дорого, такъ какъ быстро разрушаются и вызываютъ постоянныя перестройки. Какъ и всякіе суррогаты, они не удовлетворяютъ и не могутъ удовлетворять своему назначенію. Какъ лебеда или древесная кора никогда не устранятъ необходимости хлѣба, такъ и всякая огнестойкая дрянь, въ родѣ дерна, земли или соломы, обмазанной глиной, не замѣнитъ собой настоящихъ строительныхъ матеріаловъ. Интересы населенія, государства и самого горнозаводскаго дѣла настоятельно требуютъ пониженія цѣнъ на желѣзо и увеличенія внутренняго потребленія его, а не изысканія мѣръ къ замѣнѣ желѣза суррогатами.

Надѣюсь, что и на этомъ одномъ примѣрѣ способность внутренняго сбыта увеличиться при благопріятныхъ условіяхъ во много кратъ раскрывается предъ читателемъ съ непреложною очевидностію. При изученіи-же всѣхъ потребностей народнаго хозяйства, а также крупной и мелкой промышленности, прогрессивное пониженіе цѣнъ на желѣзо окажется однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ культурнаго и промышленнаго прогресса страны, а дороговизна его — тормозомъ этого развитія, гнетомъ, который отражается безчисленными послѣдствіями на всемъ экономическомъ строѣ Россіи. Чтобы разъ и навсегда избавиться отъ него, необходимо, во 1-хъ, отказаться отъ покровительственной системы и, во 2-хъ, установить повсемѣстно свободу горнаго промысла.

II.

Идея горной свободы заключается въ томъ, что нѣдра земли не могутъ служить объектомъ частной собственности, потому что право распоряженія ими должно принадлежать всецѣло государству, которое объявляетъ ихъ свободными для развѣдокъ и разработки, при соблюденіи тѣхъ или другихъ условій, составляющихъ сущность горнаго законодательства. Понятіе горной свободы не заключаетъ въ себѣ ничего новаго: оно исходитъ изъ глубокой древности и имѣетъ за собой тысячелѣтнюю исторію.

Въ древнихъ государствахъ Греціи, въ Египтѣ и Карфагенѣ нѣдра земли принадлежали государству или царямъ и только въ одномъ древнемъ Римѣ ископаемыя признавались „произведеніями земли“ и нѣдра ея принадлежали собственнику поверхности. Въ Германіи правительство облагало добычу и обработку ископаемыхъ особымъ налогомъ и предоставляло всѣмъ и каждому право свободно искать и разработывать ископаемыя на извѣстномъ ограниченномъ пространствѣ по праву перваго открытія, при условіи уплаты горной подати ($^1/_{10}$—$^1/_8$ валовой добычи), постояннаго веденія работъ (перерывъ въ разработкѣ ограничивался опредѣленнымъ срокомъ) и вознагражденія собственника земли за порчу поверхности. Кромѣ того землевладѣлецъ получалъ иногда % съ прибыли предпріятія.

Во Франціи нѣдра земли издавна считались собственностью короны. Въ XII вѣкѣ феодаламъ удалось укрѣпить за собой право распоряженія „низшими ископаемыми“, но въ самомъ началѣ XV столѣтія права и на эти ископаемыя вновь перешли къ королю. Во время великой французской революціи были попытки передать право распоряженія нѣдрами земли собственникамъ ея поверхности, но Мирабо возсталъ противъ этихъ попытокъ, и учредительное собраніе признало земныя нѣдра состоящими „въ распоряженіи

націи" *). По дѣйствующимъ французскимъ законамъ ископаемыя дѣлятся на 3 разряда: рудники, копи и каменоломни. Къ первымъ относятся мѣсторожденія всѣхъ металлическихъ рудъ, сѣры, каменнаго угля, квасцовъ, горной смолы, каменной соли, сѣрнокислыхъ солей съ металлическимъ основаніемъ. Рудники разрабатываются по полученіи концессіи, разрѣшеніе которой зависитъ всецѣло отъ государственнаго совѣта, причемъ ни владѣлецъ поверхности, ни первый открыватель не пользуются преимуществомъ. Копи (заключающія въ себѣ наносныя желѣзныя руды, квасцовыя и колчеданистыя земли, а также торфъ) находятся въ распоряженіи землевладѣльца, съ нѣкоторыми ограниченіями. Каменоломни (мѣсторожденія мрамора, гипса, строительнаго камня, мѣла, глины, песку и проч.) находятся въ безусловномъ распоряженіи землевладѣльца.

Для разработки тѣхъ ископаемыхъ, право распоряженія которыми принадлежитъ государству, во Франціи отводятся обыкновенно весьма значительныя площади (до 15 и даже 20 квадратныхъ верстъ) по усмотрѣнію правительства. Вознагражденіе-же собственнику земли выдается только за ту площадь, которая дѣйствительно разрабатывается (въ размѣрѣ двойного дохода, который собственникъ получалъ съ поверхности земли).

Современныя законодательства Голландіи, Бельгіи, Люксенбурга, Греціи и Турціи въ основныхъ чертахъ имѣютъ близкое сходство съ французскимъ законодательствомъ, заключая въ себѣ и недостатки послѣдняго, изъ которыхъ главнѣйшими являются: отсутствіе опредѣленной нормы отводовъ и лишеніе искателей права перваго открытія. Законодательства Саксоніи, Пруссіи, Австріи, Болгаріи, Сербіи имѣютъ значительное преимущество передъ французскимъ законодательствомъ въ томъ именно отношеніи, что они, во 1-хъ, признаютъ право перваго открытія и, во 2-хъ, не даютъ простора „усмотрѣнію" при отводахъ площадей для разработки. Среди государствъ съ высокимъ развитіемъ горной промышленности исключеніемъ является Англія, гдѣ собственнику поверхности принадлежитъ право распоряженія и нѣдрами земли. Но исключительно благопріятныя условія этой страны для широкаго развитія здѣсь промышленной жизни и высокій культурный уровень націи исключаютъ возможность застоя, рутины и косности въ англійской горной промышленности. Тамъ собственникъ земли не боится издержекъ на развѣдки, и богатства земныхъ нѣдръ не остаются долго подъ спудомъ.

Въ Россіи Петромъ I въ 1719 г. были широко проведены въ жизнь принципы горной свободы. „Соизволяется (гласитъ 1-й пунктъ Бергъ-привилегіи), всѣмъ и каждому дается воля, *какого-бы чина и достоинства ни былъ, во всѣхъ мѣстахъ, какъ на собственныхъ,*

---

*) Энциклопедическій словарь Брокгауза—Эфрона, т. IX, «Горное законодательство».

такъ и на чужихъ земляхъ, искать, плавить, варить и чистить всякіе металлы", „також минераловъ, яко селитра, сѣра, купоросъ и всякихъ красокъ потребныя земли и каменья". Первому открывателю по этому закону отводилась площадь въ 250 кв. саж., при условіи уплаты владѣльцу земли $^1/_{32}$ доли прибытка за порчу поверхности земли (Бергъ-регламентомъ въ 1739 г. это вознагражденіе опредѣлено во 2% прибыли) и $^1/_{10}$ валовой добычи въ казну.

Къ сожалѣнію, горная свобода существовала въ Россіи недолго и принципы ея на практикѣ нарушались слишкомъ часто. Самъ Петръ, всѣми силами стремившійся къ расширенію горнозаводскаго дѣла, нерѣдко поступалъ вопреки имъ-же изданному закону, а послѣ его смерти нарушенія основныхъ принциповъ горнаго законодательства сдѣлались обычнымъ и постояннымъ явленіемъ. Однако, и въ томъ видѣ, въ какомъ Бергъ-привилегія примѣнялась на практикѣ за время своего непродолжительнаго существованія, она сильно двинула развитіе горнозаводскаго дѣла въ Россіи.

Горная свобода упразднена окончательно въ Россіи закономъ 28 іюня 1782 года. Съ этого времени право собственности землевладѣльцевъ было распространено „на нѣдра земли, на всѣ сокровенные минералы и произращенія и на всѣ дѣлаемые изъ того металлы" *). Съ тѣхъ поръ хотя и были попытки къ проведенію коренной реформы въ горномъ законодательствѣ, но онѣ не встрѣтили сочувствія въ министерствѣ государственныхъ имуществъ. Польша является въ этомъ отношеніи счастливымъ исключеніемъ **). Закономъ 16 іюня 1870 г. здѣсь установлена свобода горнаго промысла по отношенію къ каменному углю, цинковымъ, свинцовымъ рудамъ, съ вознагражденіемъ владѣльцевъ земной поверхности не только за порчу послѣдней, но и за нѣдра земли. Не смотря на всѣ недостатки этого закона, послѣдній весьма благотворно повліялъ на развитіе польскаго горнаго дѣла и въ первые 17 лѣтъ своего существованія вызвалъ 1000 заявокъ. Изданіе его было вызвано изслѣдованіемъ инженера Антипова, убѣдившимъ правительство въ томъ, что причиной высокаго развитія горной промышленности въ сосѣднемъ съ Польшей Прусскомъ королевствѣ можетъ быть объяснено всецѣло существующей тамъ свободой горнаго промысла, такъ какъ геогностическое строеніе обѣихъ странъ совершенно одинаково. Нынѣ законъ 1870 г. замѣненъ положеніемъ 28 апрѣля 1892 года, которымъ установлена свобода горнаго промысла на всѣхъ земляхъ по отношенію къ ка-

*) По дѣйствующему законодательству горная свобода существуетъ только на казенныхъ земляхъ.

**) Въ предѣлахъ Россіи, кромѣ Царства Польскаго, горная свобода существуетъ еще въ Финляндіи, причемъ наиболѣе значительной особенностію финляндскаго горнаго законодательства является право владѣльцевъ земной поверхности участвовать въ половинѣ предпріятія по разработкѣ ископаемыхъ.

менному углю, свинцовымъ, цинковымъ и желѣзнымъ рудамъ (за исключеніемъ наносныхъ). По этому закону предварительнаго разрѣшенія для развѣдокъ не требуется. Вознагражденіе землевладѣльцамъ (при отсутствіи добровольнаго соглашенія) опредѣляется: при добычѣ угля и цинковой руды въ 1%, а при разработкѣ остальныхъ ископаемыхъ въ 2% съ валовой добычи. Крайній срокъ для начала работъ послѣ отвода—1 годъ, а минимальная норма ежегодной добычи—30 куб. сажень.

Главнымъ богатствомъ земныхъ нѣдръ Царства Польскаго является каменный уголь. Добыча его съ 1860 г. возрастала слѣдующимъ образомъ:

	Милл. пудовъ.
1860	$10^3/_4$
1870	20
1880	$78^1/_2$
1890	$150^3/_4$
1896	$223^1/_2$

Т. е. въ десятилѣтіе, предшествовавшее установленію горной свободы (1860—1870 гг.) добыча угля увеличилась въ 1,88 раза, а въ послѣдующее десятилѣтіе почти въ 4 раза, не смотря на то, что въ 1870—1880 гг. таможенная пошлина на уголь равнялась всего $^1/_2$ коп на пудъ. Послѣдующее же возрастаніе добычи идетъ гораздо медленнѣе, хотя пошлина увеличена съ 1882 г. до 1 к. золотомъ на пудъ (для таможенъ Царства Польскаго) и съ 1884 г. до 2 коп. (для портовъ Чернаго и Азовскаго морей). Очевидно, что въ первое 10-ти лѣтіе послѣ установленія горной свободы угольная промышленность Царства Польскаго переживала необычайное оживленіе.

Данныхъ по добычѣ желѣзныхъ рудъ, выплавкѣ чугуна и выдѣлкѣ желѣза и стали въ Царствѣ Польскомъ я не привожу, такъ какъ установленіе свободной добычи и разработки желѣзныхъ рудъ (въ 1892 г.) почти совпало съ введеніемъ новаго таможеннаго тарифа (въ 1891 г.), вслѣдствіе чего выяснить вліяніе горной свободы на польскую желѣзодѣлательную промышленность совершенно невозможно. Кромѣ того и вообще это вліяніе можетъ быть значительнымъ при томъ лишь непремѣнномъ условіи, если нѣдра земли заключаютъ въ себѣ богатые запасы рудъ.

III.

Въ настоящее время ни одинъ владѣлецъ обширной дачи не знаетъ, что именно заключается въ ея нѣдрахъ и чаще всего добычу рудъ производитъ изъ старыхъ, давно открытыхъ мѣсторожденій; обезпеченный древеснымъ сгораемымъ изъ собственной дачи или отводами отъ казны на льготныхъ условіяхъ, онъ не

заботится предпринять солидныя, дорого стоющія изысканія на каменный уголь; новые золотоносные участки открываются старателями, отъ которыхъ богатыя розсыпи или немедленно же отбираются заводоуправленіями, или же плата за добычу золота сокращается обратно пропорціонально богатству розсыпи; такимъ образомъ, трудъ и этихъ добровольцевъ-искателей, лишенный всякаго для нихъ интереса, пресѣкается заводоуправленіями въ самомъ началѣ. На подѣлочные и драгоцѣнные камни заводы не обращаютъ никакого вниманія, ни какими новыми минералами, не входящими въ оборотъ заводскаго производства, заводоуправленія не интересуются, рудъ какихъ-либо иныхъ металловъ, кромѣ желѣзныхъ и мѣдныхъ, они не ищутъ. Но при снятіи запрета съ горнозаводскихъ земель (позволяю себѣ еще разъ обратить на это вниманіе читателя), лѣнивая дрема, въ которую теперь погруженъ Уралъ, смѣнилась бы необыкновеннымъ оживленіемъ, соревнованіе соискателей, вызываемое выгодами перваго открытія, заставило бы всѣхъ предпріимчивыхъ людей, у которыхъ теперь связаны руки, изслѣдовать Уралъ вдоль и поперекъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Тысячи заявокъ на всевозможныя ископаемыя слѣдовали бы одно за другимъ, открывались бы новыя, неизвѣстныя теперь богатства и возникали бы новыя отрасли обработывающей горной промышленности. Заводовладѣльцы же, столь ревниво оберегаемые теперь отъ соперничества Европы, принуждены были бы или примѣниться къ новымъ условіямъ, или уступить мѣсто другимъ, потому что на какія-либо исключительныя покровительственныя мѣры они уже не могли бы разсчитывать.

Конечно, возможность такихъ перемѣнъ въ горнопромышленной жизни Урала защитникамъ заводовладѣльческихъ интересовъ совсѣмъ не нравится, но, съ другой стороны, и высказываться открыто противъ введенія въ русское горное законодательство принциповъ горной свободы они не рѣшаются, потому что благодѣтельность этого установленія въ отношеніи промышленнаго прогресса—фактъ очевидный и безспорный, подтверждаемый, какъ современнымъ состояніемъ горнаго дѣла за границей, такъ и свидѣтельствомъ исторіи. Поэтому, говоря о „горной свободѣ“, они пытаются самое содержаніе этого понятія подмѣнить другимъ, прямо ему противоположнымъ: подъ именемъ свободы горнаго промысла они разумѣютъ новый видъ монополіи, по характеру своему еще нигдѣ не виданный до сего времени, а именно: они требуютъ предоставленія заводовладѣльцамъ исключительнаго права на „свободную“ эксплуатацію нѣдръ крестьянскихъ земель, съ тѣмъ, чтобы земли самихъ заводчиковъ оставались по прежнему закрытыми для постороннихъ искателей, и нѣдра этихъ дачъ находились, какъ и теперь, въ исключительномъ распоряженіи владѣльцевъ. Мало того: стремясь къ захвату крестьянскихъ земель,

они желаютъ, во 1-хъ, чтобы сами крестьяне были лишены права разработывать ископаемыя на своихъ надѣлахъ, потому что „право распоряженія нѣдрами земель, предоставленное неразвитой толпѣ, влечетъ за собой хищническую разработку ископаемыхъ“ *) и во 2-хъ, чтобы отчужденіе крестьянскихъ надѣловъ для цѣлей горной промышленности не сопровождалось „никакимъ вознагражденіемъ владѣльцевъ, кромѣ дѣйствительныхъ убытковъ отъ порчи поверхности“, потому что крестьяне надѣляются землей „для цѣлей исключительно сельско-хозяйственныхъ“ **).

Въ сущности это равносильно тому, какъ если бы защитники заводовладѣльческихъ интересовъ заявили приблизительно слѣдующее: „Мы знаемъ, что горная свобода безспорно полезна и для государства, и для населенія, и для дальнѣйшаго развитія промышленности, но для насъ она вредна, потому что лишаетъ насъ привилегированнаго положенія. А такъ какъ до государственныхъ и народныхъ интересовъ намъ нѣтъ никакого дѣла, то мы требуемъ не свободы промысла, а новыхъ монополій для себя, мы требуемъ, чтобы всѣ крестьянскія земли были даромъ отданы въ наше распоряженіе, а горнозаводскія дачи оставались-бы неприкосновенными для постороннихъ искателей и попрежнему находились-бы въ нашемъ исключительномъ распоряженіи“.

Конечно, въ такой откровенной формѣ никто и никогда своихъ желаній не высказываетъ. Напротивъ, тщательно скрывая истинныя побужденія, любители монополій, льготъ, поощреній и барышей, изображаютъ изъ себя ревнителей и радѣтелей общественнаго блага. А такъ какъ изложеніе подобныхъ требованій въ приличныхъ выраженіяхъ, съ приличной же, по возможности, мотивировкой—задача не совсѣмъ легкая, требующая особыхъ спеціальныхъ способностей, то послѣ объединенія уральскихъ горнопромышленниковъ, возникла потребность въ „собственной литературѣ“ и въ „собственныхъ литераторахъ“. Частью потребность эту удовлетворяютъ бюро съѣзда уральскихъ горнозаводчиковъ и печатный органъ послѣдняго—„Уральское Горное Обозрѣніе“. Секретаремъ перваго и редакторомъ второго состоитъ нѣкто г. Штейнфельдъ, который является, такимъ образомъ, представителемъ въ литературѣ всего союза. Кромѣ того, служебная дѣятельность г. Штейнфельда и его сотрудниковъ выражается многочисленными статьями, сообщеніями, письмами, замѣтками во всевозможныхъ изданіяхъ, общихъ и спеціальныхъ, столичныхъ и мѣстныхъ—вплоть до справочныхъ сборниковъ включительно. На первый взглядъ значеніе этой литературы кажется совершенно ничтожнымъ—настолько пріемы ея грубы, подтасовки—очевидны, а разсужденія порой просто безграмотны. Но когда вы убѣждаетесь, что на разные

*) «Уральское Горное Обозрѣніе» 1898 г. № 2.

**) Тамъ же.

голоса тоже самое слово въ слово выкрикиваютъ вездѣ—на всѣхъ базарахъ и задворкахъ, улицахъ и площадяхъ, то вы начинаете чувствовать, что агенты союза въ массѣ составляютъ хорошо организованную силу. Вы слышите постоянно крики: „обратите вниманіе на недостатокъ рабочихъ рукъ на Уралѣ!...“ „необходимо обуздать произволъ рабочихъ особыми репрессивными мѣрами!...“ „пора отнять отъ невѣжественной толпы право на нѣдра земли!...“ „Въ интересахъ государственныхъ необходима свобода горнаго промысла на крестьянскихъ надѣлахъ!...“ и проч. и проч. Доказать лживость этихъ возгласовъ не трудно, но вашъ голосъ услышатъ немногіе—онъ просто затеряется среди хора этихъ новоявленныхъ литераторовъ. Если-же вы припомните, что кромѣ того существуетъ еще литература письменная, въ видѣ докладныхъ записокъ, проектовъ, ходатайствъ, прошеній, и такія учрежденія, какъ съѣзды, бюро, особые уполномоченные для поддержанія ходатайствъ съѣздовъ предъ подлежащими учрежденіями и лицами и, наконецъ, особыя мѣры и средства, а также благосклонность крупныхъ авторитетовъ, то предъ вами раскроется уже съ непреложною очевидностью существованіе цѣлаго похода противъ „общественныхъ пользъ и нуждъ,“ отъ котораго естественно страдаютъ болѣе другихъ права и интересы населенія, какъ наименѣе защищенныя. Познакомить читателя съ характеромъ этой обширной „литературы“ я нахожу положительно необходимымъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ читающей публики и даже нѣкоторые органы столичной печати, повидимому, склонны видѣть въ служебной дѣятельности горнозаводскихъ литераторовъ независимый голосъ самостоятельно мыслящей группы мѣстнаго интеллигентнаго общества. Въ дѣйствительности-же, кромѣ своихъ довѣрителей, помянутые литераторы сочувствіемъ и одобреніемъ мѣстнаго общества отнюдь не пользуются и единомышленниковъ среди него не имѣютъ. Что касается мѣстной печати, то она въ лицѣ „Урала“, „Уральской Жизни“, „Рудокопа“, „Екатеринбургской Недѣли“, „Вятскаго Края“ и даже „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ всегда относилась къ этой литературѣ вполнѣ отрицательно.

Между прочимъ, одной изъ этихъ газетъ („Рудокопомъ“), теперь уже несуществующей, „Уральское Горное Обозрѣніе“ встрѣчено было слѣдующимъ отзывомъ: „Редакція и сотрудники каждаго органа печати, каковъ бы онъ ни былъ, по силѣ своего разумѣнія, высказываютъ собственныя мысли и руководятся тѣми именно взглядами, которые они избираютъ по собственной волѣ и совѣсти. Редакція „Уральскаго Горнаго Обозрѣнія“, не располагая этимъ „естественнымъ правомъ“, обречена мыслить по предписанію съѣзда, обязана формулировать, развивать и доказывать чужія мнѣнія, безотносительно къ тому, соотвѣтствуютъ-ли эти послѣднія ея собственнымъ взглядамъ. Уже это одно обстоятель-

ство заключаетъ въ себѣ глубокій трагизмъ для писателя, относящагося съ уваженіемъ къ печатному слову и собственнымъ убѣжденіямъ. Но трагизмъ этотъ усиливается во много кратъ въ тѣхъ случаяхъ, когда редакціи, въ силу принятыхъ ею на себя обязательствъ, приходится защищать и отстаивать положенія, безусловно выгодныя для издателей „Обозрѣнія", но до очевидности несправедливыя, имѣющія притомъ характеръ явнаго посягательства на общественныя „пользы и нужды". Чѣмъ искуснѣе защита такихъ положеній, чѣмъ смѣлѣе подборъ доказательствъ въ ихъ пользу, чѣмъ талантливѣе діалектика, обезпечивающая ихъ торжество, тѣмъ сильнѣе долженъ чувствоваться трагизмъ этого положенія, вызывающаго такой рѣзкій конфликтъ между гражданскимъ долгомъ мыслящаго человѣка и обязательствами наймита".

Для образца литературныхъ работъ этого рода останавливаюсь на статьѣ г. Штейнфельда „Горнопромышленные съѣзды въ Екатеринбургѣ" *), въ которой доказывается, что причиною отсталости уральской горной промышленности являются: 1) новые центры горной промышленности, гдѣ ростъ производства вызванъ искусственными мѣрами, 2) отсутствіе притока капиталовъ на Уралѣ (кромѣ иностранныхъ), 3) рабочій вопросъ („отовсюду слышатся жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ"), 4) отсутствіе „солидарности между предпріятіями", а также недостатокъ пониманія ими „общихъ интересовъ и значенія взаимопомощи". Кромѣ устраненія этихъ причинъ промышленнаго застоя, по увѣреніямъ г. Штейнфельда (вполнѣ согласнымъ съ резолюціями съѣзда горнозаводчиковъ), необходимо: въ 1-хъ, уменьшить тарифныя ставки на перевозку горнозаводскихъ грузовъ, „которыя далеко не всегда благопріятны для уральскихъ заводовъ и промысловъ"; во 2-хъ, оборудовать заводы на счетъ казны рельсовыми путями для перевозки заводскихъ матеріаловъ и продуктовъ; въ 3-хъ, установить опеку надъ башкирами „въ дѣлѣ сдачи ими въ аренду земель подъ горные промыслы", такъ какъ „по некультурности и недостатку любви къ землѣ, свойственной только природнымъ хлѣбопашцамъ", сами башкиры оказываются неспособными соблюдать свои интересы; въ 4-хъ, распространить на вспомогательныхъ заводскихъ рабочихъ „правила найма на сельско-хозяйственныя работы, предусматривающія, какъ извѣстно, уголовную кару за недобросовѣстное уклоненіе отъ исполненія контрактовъ" (по отношенію къ цеховымъ рабочимъ эту мѣру г. Штейнфельдъ находитъ излишней, такъ какъ послѣдніе уже состоятъ „въ большинствѣ случаевъ въ полной зависимости отъ заводоуправленій"); въ 5-хъ, „усилить надзоръ со стороны администраціи за волостными правленіями въ мѣстностяхъ, гдѣ особенно развиты отхожіе

*) «Адресъ-Календарь и Памятная книжка Пермской губерніи на 1898 годъ».

промыслы“; въ 6-хъ, „распространить уголовныя кары, установленныя закономъ за хищническую разработку казенныхъ земель, на такія-же правонарушенія въ частныхъ владѣніяхъ“; въ 7-хъ, переносить дѣла о хищничествѣ „на расмотрѣніе присяжныхъ другого округа...“ и т. д. и т. д. Въ заключеніе своей статьи г. Штейнфельдъ провозглашаетъ: „отнынѣ политика одиночества и эгоизма (?!) въ горномъ дѣлѣ должна уступить мѣсто единенію на почвѣ общихъ интересовъ и уступокъ...“

Служебное рвеніе г. Штейнфельда не знаетъ границъ, но усердіе не можетъ замѣнить аргументація, а аргументація его хромаетъ на обѣ ноги.

„Оживленіе новыхъ центровъ промышленности“, о которыхъ говоритъ г. Штейнфельдъ, явленіе самаго послѣдняго времени, а Уралъ коснѣетъ въ своей неподвижности искони — это во 1-хъ; а во 2-хъ, другіе горнопромышленные районы ничѣмъ Уралу не мѣшаютъ, такъ какъ вся вообще русская горнозаводская промышленность едва удовлетворяетъ $^2/_3$ внутренняго спроса на металлы, причемъ цѣны не только не уменьшаются, но даже увеличиваются.

Участіе постороннихъ капиталистовъ въ уральской промышленности возможно теперь лишь при исключительныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ весь почти горнозаводскій Уралъ раздѣленъ между немногими владѣльцами, которые, за нѣкоторыми исключеніями, являются въ то же время и богатѣйшими людьми въ имперіи.

Недостатка рабочихъ рукъ на Уралѣ не ощущается. Напротивъ вездѣ существуетъ громадный избытокъ ихъ, который во много кратъ увеличится въ будущемъ, съ улучшеніемъ техники и постройкой рельсовыхъ путей для передвиженія заводскихъ грузовъ, перевозимыхъ теперь гужемъ (руды, дрова, лѣсъ, уголь, флюсы и проч., а также продукты заводскаго производства до станцій, пристаней и складовъ). Громадныя арміи безработныхъ среди горнозаводскихъ мастеровыхъ, а также существующее здѣсь изстари обыкновеніе давать работу мастеровымъ по очередямъ— 1—2 недѣли въ мѣсяцъ и, вообще, крайняя необезпеченность мастерового населенія горнозаводскими работами — явленіе настолько общеизвѣстное, что спорить съ г. Штейнфельдомъ представляется совершенно излишнимъ *).

*) По новѣйшему изслѣдованію, произведенному пермскимъ губернскимъ земствомъ («Матеріалы къ выясненію вопроса объ обезпеченіи горнорабочаго населенія Пермской губерніи») всѣхъ горнозаводскихъ мастеровыхъ въ Пермской губерніи насчитывается около 563 тыс., а заводскими работами занято изъ нихъ около $72^1/_2$ тыс. челов. (по свѣдѣніямъ самихъ заводоуправленій). Но и эти цифры, какъ выясняется въ той же книгѣ, далеко неточны: на самомъ дѣлѣ горнозаводскаго населенія нѣсколько больше, а занятыхъ работой—меньше. Можно считать, что на горнозаводскихъ работахъ обращается отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ всего мужского населенія въ рабочемъ возрастѣ.

На отсутствіе солидарности между предпринимателями г. Штейнфельду сѣтовать тоже не слѣдовало-бы: всѣ горнозаводчики понимаютъ свои интересы совершенно одинаково и достигаютъ своихъ цѣлей съ рѣдкимъ единодушіемъ. Высокія цѣны на продукты, низкія заработныя платы, ежовыя рукавицы какъ для рабочихъ, такъ и для всего мѣстнаго населенія, возможное сокращеніе надѣловъ и правъ на надѣльныя земли горнозаводскихъ крестьянъ, охрана заводовъ отъ какихъ-бы то ни было конкуррентовъ (высокія таможенныя пошлины—для внѣшнихъ враговъ и полное запрещеніе населенію устраивать въ горнозаводскихъ районахъ какія-бы то ни было огнедѣйствующія заведенія—для внутреннихъ „злоумышленниковъ“), всевозможныя стѣсненія мастеровыхъ въ пользованіи лѣсомъ, и, наоборотъ, всевозможныя льготы для заводовъ въ пользованіи казенными лѣсными дачами, дешевые тарифы для перевозки заводскихъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ, уголовныя кары для крестьянъ за разработку ископаемыхъ въ заводскихъ дачахъ и безпрепятственное распоряженіе заводоуправленій нѣдрами крестьянскихъ земель... Всѣ эти „блага“ не одинаково-ли близки сердцу каждаго изъ горнозаводскихъ дѣятелей?

Обращаясь къ слѣдущему положенію г. Штейнфельда, я желалъ-бы спросить его, справедливо-ли было-бы требовать устройства для заводовъ *на счетъ казны* разныхъ сооруженій, напримѣръ, доменныхъ или мартеновскихъ печей, заводскихъ корпусовъ, плотинъ, паровыхъ двигателей? И если несправедливо, то почему-же подъѣздные рельсовые пути для заводскихъ надобностей должны быть устроены счетомъ казны, т. е. почему расходы, относящіеся къ оборудованію заводовъ, онъ полагаетъ справедливымъ возложить на все населеніе имперіи и такимъ образомъ взимать съ него, кромѣ всѣхъ существующихъ косвенныхъ налоговъ въ пользу заводовладѣльцевъ, еще новую дань?

Недостатокъ у башкиръ „любви къ землѣ“, а съ другой стороны, чрезмѣрное влеченіе горнозаводскихъ дѣятелей къ чужимъ землямъ — слишкомъ недостаточное основаніе для того, чтобы весь башкирскій народъ лишить свободы распоряженія имуществомъ, т. е. въ угоду заводовладѣльцамъ (которые, кстати сказать, и въ собственныхъ своихъ дачахъ не производятъ правильныхъ изысканій), поколебать одну изъ главнѣйшихъ основъ гражданскаго права.

Установленіе уголовныхъ каръ для рабочихъ за несоблюденіе ими договоровъ (т. е. гражданскихъ сдѣлокъ)—требованіе очень смѣлое, но ровно ни на чемъ не основанное. Урегулированіе отношеній между нанимателями и рабочими настоятельно необходимо, но не въ смыслѣ лишенія правъ всего населенія, а въ смыслѣ безпристрастной охраны интересовъ обѣихъ сторонъ, изъ которыхъ особенно нуждаются въ защитѣ отнюдь не заводы, а живу-

щее заводской работой населеніе, всецѣло зависящее отъ воли и милости заводоуправленій.

Усиленіе надзора за выдачей волостными правленіями паспортовъ, т. е. новое стѣсненіе бѣдствующаго населенія въ пріисканіи заработковъ на сторонѣ, необходимыхъ для уплаты податей и собственнаго прокормленія, — было-бы мѣрой и жестокой и безсмысленной, потому что отъ этого никакихъ выгодъ даже и для заводскихъ конторъ ожидать нельзя. О требованіяхъ горнозаводчиковъ усилить кары за хищническую разработку ископаемыхъ и переносить судебныя дѣла о „хищникахъ" на разсмотрѣніе присяжныхъ другого округа я довольно подробно говорилъ въ своей статьѣ „Старая пѣсня", напечатанной въ „Русскомъ Богатствѣ" (1898 февраль). Послѣднее требованіе, являющееся посягательствомъ на честь суда присяжныхъ и цѣлость судебныхъ уставовъ, въ основѣ своей имѣетъ разсчетъ на несправедливые приговоры присяжныхъ другихъ округовъ вслѣдствіе незнакомства ихъ съ тайнами золотопріисковаго дѣла.

Въ той-же статьѣ г. Штейнфельдъ не забываетъ упомянуть о необходимости для горнопромышленныхъ съѣздовъ обратить вниманіе на вопросы земскаго обложенія. „Горные заводы съ ихъ грандіозными земельными владѣніями, говоритъ г. Штейнфельдъ, составляютъ самый крупный предметъ обложенія земскими сборами, суммы получаемыя земствомъ съ заводовъ, доминируютъ надъ всѣми другими въ таблицахъ земскаго бюджета".

Въ Пермской губерніи горные заводы (казенные и частные) по величинѣ принадлежащихъ имъ земель дѣйствительно имѣютъ рѣшительное преобладаніе надъ остальными владѣніями: имъ принадлежитъ около 8 милліоновъ десятинъ, тогда какъ владѣнія сельскихъ обществъ составляютъ $7^1/_2$ милліоновъ, а казны (управленія государственныхъ имуществъ) немного болѣе 7 милліоновъ. Кромѣ того колоссальную матеріальную цѣнность составляютъ фабричныя устройства, зданія и сооруженія, поэтому для земствъ Пермской губерніи горные заводы дѣйствительно должны были-бы служить главнѣйшимъ источникомъ дохода. Въ дѣйствительности-же замѣчается явленіе совсѣмъ иного рода. Главнѣйшимъ плательщикомъ оказываются не заводы, а крестьянскія общества, хотя имъ принадлежитъ всего 30% земельной собственности, причемъ тяжесть обложенія крестьянъ особенно въ послѣдніе годы относительно возрастаетъ, а сборы съ остальныхъ плательщиковъ постепенно уменьшаются:

Земскіе сборы въ % къ общей суммѣ ихъ *):

	съ крестьянскихъ земель:	съ остальныхъ предметовъ обложенія:
1871	37,0	63,0
1876	36,0	64,0

*) Цифры заимствованы изъ статьи г. Голубева «30-лѣтіе земства Пермской губерніи» («Уралъ» 1900 г. № 967).

	Земскіе сборы въ % къ общей суммѣ ихъ:	
	съ крестьянскихъ земель:	съ остальныхъ предметовъ обложенія:
1881	32,6	67,4
1886	36,4	63,6
1890	41,8	58,2
1895	44,0	56,0
1900	43,5	56,5

Такимъ образомъ, крестьяне только за однѣ земли уплачиваютъ около половины всѣхъ земскихъ сборовъ, остальная же половина земскаго бюджета упадаетъ на всѣ остальныя земли (70% общей площади), всѣ горные заводы, фабрики, промышленныя заведенія, городскія имущества, жилые дома, сборы съ торговыхъ свидѣтельствъ и всѣ остальныя поступленія. Но и этими 43,5% не ограничиваются сборы съ крестьянъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ „горнозаводскихъ" уѣздахъ привлечены къ обложенію и крестьянскіе дома. Въ Верхотурскомъ уѣздѣ, напримѣръ, уѣздный сборъ *) съ крестьянскихъ жилищъ составляетъ $35^1/_2$ тысячъ рублей, а со всѣхъ фабрикъ и сооруженій частныхъ заводовъ—$58^3/_4$ тыс. руб.!

Поразительная неравномѣрность обложенія крестьянскихъ и горнозаводскихъ имуществъ объясняется крайне незначительнымъ представительствомъ въ земствѣ сельскихъ обществъ, что особенно рѣзко выразилось послѣ уменьшенія числа гласныхъ отъ крестьянъ (въ 1890—1900 гг.) **).

Такимъ образомъ и по вопросу обложенія горнозаводскихъ имуществъ земскими сборами г. Штейнфельдъ опять таки говоритъ явную неправду: главнымъ земскимъ плательщикомъ является крестьянское населеніе, а не заводовладѣльцы, съ которыхъ, напротивъ, платежи взимаются въ такой сравнительно ничтожной долѣ, что о дальнѣйшемъ сокращеніи ихъ не можетъ быть и рѣчи.

Обращаюсь къ другой статьѣ г. Штейнфельда („4-е письмо съ Урала"), напечатанной въ „Торгово-Промышленной газетѣ" (1900 г. № 57) и посвященной всецѣло „тяжелымъ" условіямъ полученія горнопромышленниками „права на эксплуатацію нѣдръ(?), что можетъ отразиться весьма неблагопріятно на успѣхахъ развитія горнозаводской промышленности на Уралѣ". Въ подтвержденіе этой мысли г. Штейнфельдъ приводитъ слѣдующіе возмутительные, по его мнѣнію, факты: „Въ 1870-хъ и 1880-хъ годахъ совершено было множество нотаріальныхъ актовъ между крестьянами и горнопромышленниками на аренду рудниковъ", призна-

*) Данныя взяты изъ раскладки уѣзднаго сбора на 1899 г.

**) Въ Верхотурскомъ уѣздѣ по положенію 1864 г. было 10 гласныхъ отъ крестьянъ, а положеніемъ 1890 г. число ихъ ограничено 5. Въ Екатеринбургскомъ у. раньше ихъ было 22, а положеніемъ 1890 г. число это уменьшено до 5. Кромѣ того надо имѣть въ виду, что до 1890 г. крестьяне избирались гласными отъ городовъ и отъ владѣльцевъ, какъ по собственнымъ цензамъ, такъ и по довѣренностямъ.

вавшихся законными. „Теперь, заднимъ числомъ (?!), подобные нотаріальные акты признаются недѣйствительными, потому что крестьяне не могли до окончательнаго утвержденія надѣловъ распоряжаться землями. Другая причина отмѣны—сроки аренды. Нѣкоторыя сельскія общества сдавали свои земли впредь до выработки, но теперь требуется соблюсти максимальный 12-лѣтній срокъ. И вотъ десятки нотаріальныхъ договоровъ, дѣйствовавшихъ четверть столѣтія, представляются въ окружный судъ для отмѣны“. Очевидно отсюда, заключаетъ г. Штейнфельдъ, что „существуетъ какое-то колоссальное недоразумѣніе и нагроможденіе противорѣчій; то, что считалось 25 лѣтъ законнымъ, признается теперь беззаконіемъ, то отводятъ рудники въ крестьянскихъ земляхъ, зная впередъ (?!), что онѣ предназначены въ надѣлъ крестьянамъ, то предоставляютъ крестьянамъ самимъ распоряжаться еще не принадлежащими имъ землями. Единственный выходъ изъ даннаго положенія можно видѣть въ измѣненіи кореннымъ образомъ самаго порядка эксплуатаціи земель. *Я разумѣю принципъ свободы горнаго промысла* (курсивъ мой). Два года тому назадъ вопросъ объ упорядоченіи горнаго промысла на земляхъ, предназначенныхъ въ надѣлъ населенію Урала, разсматривался въ особой коммиссіи, созванной въ Екатеринбургѣ“... „Тогда, помнится, пришли къ категорическому заключенію, что такія земли должны быть объявлены свободными для горнаго промысла. Мнѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстна дальнѣйшая судьба заключенія коммиссіи“.

Я съ намѣреніемъ сдѣлалъ большую выписку изъ статьи г. Штейнфельда, чтобы читатель ближе могъ познакомиться съ пріемами синдикатской литературы. При бѣгломъ чтеніи возможно вынести такое впечатлѣніе отъ гнѣвнаго тона статьи, что здѣсь, на мѣстѣ, и судъ, и администрація проявляютъ явное пристрастіе къ крестьянамъ и жестокость по отношенію къ заводовладѣльцамъ въ ущербъ правосудію и справедливости. Въ дѣйствительности же ничего подобнаго, конечно, нѣтъ и въ поминѣ. Даже тотъ фактъ, о которомъ г. Штейнфельдъ повѣствуетъ съ такою запальчивостью, показываетъ только, что раньше за всѣми крестьянами признавалось право распоряжаться нѣдрами своихъ земель, и никто этого права тогда не оспаривалъ (а въ томъ числѣ и заводовладѣльцы, входившіе въ договоры съ крестьянами). Но въ 1893 году сенатъ разъяснилъ (13 сентября 1893 г., № 3400), что до выдачи владѣнныхъ записей горнозаводскіе люди не имѣютъ права *безъ согласія заводоуправленія* распоряжаться нѣдрами земель и угодій, отграниченныхъ имъ въ надѣлъ. Такимъ образомъ, крестьяне съ этого времени потеряли очень важное для нихъ право, а заводоуправленія получили новое преимущество въ своихъ земельныхъ отношеніяхъ съ крестьянами. На что же можетъ жаловаться г. Штейнфельдъ? Сѣтованія же его на то, что нѣкоторые договоры, выгодные заводовладѣльцамъ, оспариваются и даже (какая дерзость!)

„представляются въ окружный судъ для отмѣны" прямо комичны, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, серьезно требовать воспрещенія всѣмъ, кромѣ заводовладѣльцевъ, отстаивать свои имущественныя права судомъ. Противъ установленія *закономъ* предѣльныхъ сроковъ аренды земель г. Штейнфельдъ тоже ратуетъ совершенно напрасно, потому что законъ этотъ относится не къ однимъ уральскимъ заводовладѣльцамъ, а ко всѣмъ гражданамъ Россійской имперіи.

Въ „Горнозаводскомъ Листкѣ", ревнуя все о тѣхъ же выгодахъ своихъ довѣрителей, г. Штейнфельдъ предлагаетъ, вмѣсто того, чтобы „даромъ кормить голодающихъ", направлять „часть голоднаго населенія въ промышленные центры" и мѣру эту „рѣшительно проводить въ жизнь, не останавливаясь „предъ принужденіемъ" въ интересахъ „промышленности, общества и самихъ принуждаемыхъ"...

Какъ видитъ читатель, г. Штейнфельдъ съ готовностью пропагандируетъ даже рабовладѣльческіе проекты своихъ господъ.

Для полноты характеристики синдикатской литературы приведу еще одинъ примѣръ. Въ статьѣ „Значеніе ходатайствъ" *) „Уральское Горное Обозрѣніе" поетъ восторженный гимнъ ходатайствамъ, какъ вѣрнѣйшему средству для улучшенія заводовладѣльческаго благосостоянія и рекомендуетъ возбуждать ихъ какъ можно больше, въ томъ простомъ разсчетѣ, что при удовлетвореніи хотя бы незначительной части ихъ—убытка не будетъ. „Однимъ только харьковскимъ съѣздомъ возбуждено около сорока ходатайствъ по разнымъ вопросамъ, вытекающимъ изъ торгово-промышленной жизни юга", а если „изъ числа сорока, приблизительно, ходатайствъ будетъ удовлетворено хотя бы пять („несомнѣнно, будетъ удовлетворено гораздо больше", успокаиваетъ авторъ), то промышленность юга получитъ воспособленіе въ размѣрахъ, о которыхъ Уралъ до сихъ поръ никогда не смѣлъ мечтать." Авторъ рекомендуетъ отнюдь не стѣсняться тѣмъ, если даже ходатайства будутъ заключать въ себѣ и нѣкоторыя излишества. „Когда на минувшемъ 5-мъ съѣздѣ уральскихъ горнопромышленниковъ было намѣчено болѣе 2.000 верстъ подъѣздныхъ путей, то скептики посмѣивались въ полномъ убѣжденіи, что изъ этого ничего не выйдетъ"... „Помилуйте, 2.000 верстъ для одного Урала, да гдѣ же это видано"!.. И что же? „Когда пріѣхалъ въ Екатеринбургъ представитель министерства финансовъ съ готовымъ уже проектомъ подъѣздныхъ путей весьма значительнаго протяженія, то разговоры о неисполнимости проектовъ съѣзда сразу замолкли"...

Такова и вся вообще синдикатская литература. Она очень низкопробна по существу, но преимущество ея въ томъ, что она хорошо организована, дѣятельна и настойчива.

*) 1898 г., № 2-й.

IV.

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы освѣтить еще одну сторону горнопромышленной жизни Урала, которая среди заботъ о расширеніи заводскаго дѣла обыкновенно остается въ тѣни. Я имѣю въ виду благосостояніе горнозаводскаго населенія, его интересы и нужды.

Въ настоящее время положеніе этого люда въ большинствѣ случаевъ не обезпечено ни земельнымъ надѣломъ, ни заводскими работами, ни кустарными или другими какими-либо занятіями и промыслами. Присматриваясь къ жизни горнозаводскихъ мастеровыхъ нѣкоторыхъ округовъ, нельзя не удивляться тому, что они еще какъ-то живутъ и чѣмъ-то питаются, хотя питаться, повидимому, совершенно нечѣмъ и жить не у чего.

Въ Пермской губерніи около 29% мастеровыхъ или совсѣмъ не имѣютъ земли (кромѣ усадьбъ) или располагаютъ надѣломъ (въ среднемъ) менѣе 1/2 десятины на наличную душу мужского пола, затѣмъ около 19% имѣютъ на душу менѣе одной десятины, около 27%—менѣе 2 десятинъ и только 25% владѣютъ землей свыше 2 десятинъ на душу. Конечно, при такомъ ничтожномъ земельномъ надѣлѣ, а также вслѣдствіе суровости климата и безплодности каменистой почвы, развитіе земледѣлія среди горнозаводскаго населенія немыслимо; и дѣйствительно, 64% мастеровыхъ совсѣмъ не имѣютъ пашни, 20 1/2%, въ среднемъ, имѣютъ ея менѣе 1/2 десятины на душу и только у 15 1/2% этого населенія причитается пахотной земли на душу болѣе 1/2 десятины.

Въ поясненіе этихъ цифръ не лишнимъ будетъ освѣтить хотя нѣкоторые важнѣйшіе моменты освобожденія и поземельнаго устройства горнозаводскихъ крестьянъ.

По положеніямъ 19 февраля и 8 марта 1861 года мастеровымъ казенныхъ, частныхъ и поссессіонныхъ заводовъ предоставлялось въ надѣлъ, кромѣ усадьбы, по 1 десятинѣ покоса, и по 200 кв. саж. выгона на ревизскую душу. Сельскіе же работники *) казенныхъ заводовъ получали надѣлы, какъ и государственные крестьяне, по дѣйствительному пользованію, а сельскіе работники частныхъ и поссессіонныхъ заводовъ—въ размѣрахъ, установленныхъ для крестьянъ помѣщичьихъ (высшій надѣлъ—отъ 5 до 7 десятинъ на душу и низшій отъ 1 дес. 600 кв. саж. до 2 дес. 800 кв. саж.). Въ виду такой громадной разницы въ

*) Положеніями 19 февраля и 8 марта 1861 г. все населеніе казенныхъ, частныхъ и поссессіонныхъ заводовъ было подраздѣлено на два разряда: 1, на заводскихъ мастеровыхъ, исполнявшихъ техническія горнозаводскія работы и 2, на сельскихъ работниковъ, исполнявшихъ разныя вспомогательныя работы и кромѣ того занимавшихся хлѣбопашествомъ.

размѣрахъ надѣла мастеровыхъ и сельскихъ работниковъ, для владѣльцевъ выгодно было зачислять послѣднихъ въ разрядъ мастеровыхъ, каковая операція, повидимому, производилась тогда повсемѣстно. По свидѣтельству чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ Мордвинова *), „почти все горнозаводское населеніе Уральскаго хребта“ отнесено было „по уставнымъ грамотамъ къ сословію мастеровыхъ, тогда какъ населеніемъ исполнялись всѣ заводскія работы, какъ техническія, такъ и вспомогательныя“, причемъ послѣднія составляли „3/4 и 4/5 всѣхъ заводскихъ работъ“. „При прочтеніи грамотъ, говоритъ г. Мордвиновъ, заводскіе люди не могли согласиться на надѣленіе ихъ по одной только десятинѣ покосовъ, тогда какъ для отправленія обычныхъ работъ имъ необходимо до 3 лошадей на каждаго работника и, по свойству мѣстности, до 3 десятинъ покоса на душу, и не могли признать справедливой установленную въ ст. 14 дополнительныхъ правилъ за покосы повинность, которая далеко несоразмѣрна съ наемною цѣной земли въ сосѣдственныхъ съ заводами мѣстностяхъ“... Отрѣзка количества покосовъ, превышающаго законную пропорцію, тѣмъ болѣе затруднительна, что покосы „издавна расчищались мастеровыми безъ всякаго препятствія со стороны заводоуправленія; пользованіе ими было повсемѣстно участковое и наслѣдственное. Эти обстоятельства и вообще неблагопріятное настроеніе умовъ, а также почти повсемѣстное опасеніе мастеровыхъ вступить въ какія бы то ни было обязательныя отношенія ко владѣльцамъ, имѣли послѣдствіемъ, что заводскіе люди не только не соглашались подписывать грамотъ, но энергически протестовали противъ нихъ; одни при этомъ случаѣ дѣлали такія заявленія, которыя не могли быть записываемы въ протоколы и замѣнялись общепринятымъ выраженіемъ „законныхъ возраженій не предъявлено“; другіе отказывались отъ покосовъ по предоставленному имъ праву, а иногда вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ усадебной осѣдлости. Только въ немногихъ протоколахъ обозначено, что мастеровые отказываются отъ покосовъ вслѣдствіе недостаточности размѣра ихъ и тяжести повинностей“. Съ другой стороны, и сами заводчики были встревожены возможностію обезземеленія крестьянъ, потому что раззореніе послѣднихъ грозило сокращеніемъ конной силы рабочихъ и неустранимыми затрудненіями въ заводскомъ производствѣ. Поэтому заводчики, говоритъ г. Мордвиновъ, „понимая истинные свои интересы и не желая лишить себя конныхъ работниковъ“, не требовали даже повинностей за покосы, а большею частію предоставляли имъ таковые по дополнительнымъ условіямъ въ безвозмездное пользованіе. Но такъ какъ черезъ посредство этихъ условій заводоуправленія пытались ограничить

*) Изъ журнала пермскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія за 19 сентября 1863 г. № 1130

не только пользованіе надѣльной землей, но и личныя права мастеровыхъ, то послѣдними на многихъ заводахъ дополнительныя условія не были приняты, и отъ подписанія ихъ мастеровые рѣшительно отказались.

Для характеристики этихъ „дополнительныхъ условій“ привожу примѣръ, характерный и вообще для существующихъ земельныхъ отношеній между заводами и населеніемъ.

Къ уставнымъ грамотамъ Н.-Тагильскихъ заводовъ приложено нѣсколько условій, касающихся пользованія мастеровыхъ лѣсомъ, покосами, выгономъ и проч. Въ 7 пунктѣ одного изъ такихъ условій значится: „лѣсъ, растущій на покосахъ, никто не можетъ рубить безъ дозволенія заводскаго начальства“. Хотя мастеровые, а также ихъ уполномоченные и сторонніе добросовѣстные отказались подписать эти условія, подъ которыми нѣтъ даже скрѣпы мирового посредника, а есть только подпись уполномоченнаго отъ заводовъ, однако, эти непринятыя мастеровыми условія до сихъ поръ считаются обязательными для обѣихъ сторонъ и за нарушеніе ихъ населеніе преслѣдуется судебными исками. Ежегодно по всѣмъ заводамъ Н.-Тагильскаго округа протоколы о самовольныхъ порубкахъ крестьянъ на ихъ надѣльныхъ покосахъ составляются тысячами и во всѣхъ случаяхъ, когда фактъ такой порубки установленъ, завершаются обвинительными приговорами съ взысканіемъ убытковъ и присужденіемъ виновныхъ въ этомъ „уголовномъ преступленіи“ къ тюремному заключенію (по третьему протоколу). Между тѣмъ эти условія, которымъ практика присваиваетъ силу закона, не имѣютъ никакого юридическаго значенія и представляютъ изъ себя просто писанную бумагу, причемъ связь ихъ съ уставными грамотами заключается только въ томъ, что они сшиты съ грамотами одной ниткой. Всякіе договоры суть двустороннія сдѣлки, требующія участія и соглашенія обѣихъ сторонъ. Это основное требованіе закона о договорахъ законодатель нашелъ необходимымъ еще разъ подтвердить въ правилахъ „о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ“, гдѣ въ ст. 36, 39 и 54 значится, что всякія условія, прилагаемыя владѣльцами къ уставнымъ грамотамъ, требуютъ согласія крестьянъ и должны быть подписаны ими, сторонними добросовѣстными и, наконецъ, засвидѣтельствованы мировымъ посредникомъ (85 и 86 ст. полож. о губ. и уѣздн. по крест. дѣламъ учрежденій). Мало того, мировой посредникъ обязанъ былъ черезъ повѣрку на мѣстахъ удостовѣриться въ томъ, что „сіи условія крестьянамъ вполнѣ извѣстны и приняты ими добровольно“. Наконецъ, по 32 ст. тѣхъ-же правилъ, условія могли заключать въ себѣ только такія сдѣлки, которыя имѣли срочный характеръ; условія-же, которыми опредѣлялись постоянныя хозяйственныя отношенія владѣльца къ водвореннымъ на его земляхъ крестьянамъ, подлежали включенію въ уставныя грамоты, а не въ приложенія къ нимъ. Таковы

ясно и точно установленныя закономъ требованія, которымъ должны отвѣчать условія, составляющія особыя приложенія къ уставной грамотѣ. Кромѣ того, по отношенію къ Пермской губерніи министромъ внутреннихъ дѣлъ было сдѣлано особое разъясненіе о томъ, что „приложенныя къ уставнымъ грамотамъ условія, не подписанныя мастеровыми, не могутъ считаться дѣйствительными".

Надѣленіе горнозаводскихъ мастеровыхъ незначительнымъ земельнымъ надѣломъ (1 дес. покоса и 200 кв. саж. выгона на ревизскую душу) объясняется тѣмъ, что по соображеніямъ законодателя существованіе ихъ должно быть обезпечено горнозаводскими работами, которыя исключаютъ для нихъ возможность заниматься хлѣбопашествомъ. Но, съ другой стороны, вся масса этого населенія, поставленная въ полную зависимость отъ заводскихъ заработковъ и лишенная возможности заняться земледѣліемъ, получала съ этого времени *право на заработокъ,* или на соотвѣтствующее обезпеченіе, въ случаѣ пріостановки или сокращенія заводскаго дѣйствія. Впослѣдствіе это подразумѣвавшееся право было санкціонировано законами 3 декабря 1862 и 12 марта 1868 года, которые сводятся къ слѣдующимъ главнѣйшимъ положеніямъ:

1) о предполагаемомъ закрытіи завода заводоуправленіе обязано предупредить за годъ впередъ мирового посредника и мастеровыхъ, обезпечивъ послѣднихъ полнымъ провіантомъ на 1 годъ;

2) послѣ закрытія завода всѣмъ оставшимся безъ работы мастеровымъ частныхъ и поссессіонныхъ заводовъ отводятся земельныя угодья въ размѣрѣ высшаго надѣла крестьянъ помѣщичьихъ, а мастеровымъ казенныхъ заводовъ—въ тѣхъ количествахъ, какія установлены для государственныхъ крестьянъ;

3) обязательность надѣленія землей мастеровыхъ, лишившихся работъ на заводѣ, распространяется и на тѣ случаи, когда заводское дѣйствіе хотя и не прекращается, но, вслѣдствіе уменьшенія потребности въ рабочихъ, часть ихъ остается безъ работы;

4) при отсутствіи заводскихъ земель, мастеровымъ предоставляется право переселяться на казенныя земли съ тѣми-же льготами, какія установлены для государственныхъ крестьянъ.

Кромѣ заводовъ, окончательно прекратившихъ производство, въ предѣлахъ одной Пермской губерніи насчитывается 25 заводовъ, гдѣ число рабочихъ послѣ 1863 г. сократилось болѣе или менѣе значительно (по оффиціальнымъ даннымъ въ 1863 году на этихъ заводахъ работало 20,769 челов., а въ 1897 г.—только 12,150) *). Изъ остальныхъ заводовъ громадное большинство хотя и увеличили число рабочихъ, но вслѣдствіе прироста населенія

*) Дабы не увеличивать объема статьи, списка этихъ заводовъ не привожу.

и привлеченія на заводы посторонних рабочихъ, здѣсь образовался послѣ 1860 годовъ громадный избытокъ рабочихъ рукъ, который по мѣрѣ улучшенія заводской техники будетъ увеличиваться въ возрастающей прогрессіи. Между тѣмъ нигдѣ мастеровые дѣйствующихъ заводовъ, лишившіеся работъ, земельнаго надѣла по законамъ 3 декабря 1862 и 12 марта 1868 гг. не получили (по крайней мѣрѣ, въ Пермской губерніи *).

По отношенію къ мастеровымъ казенныхъ заводовъ это обстоятельство въ настоящее время уже не имѣетъ большого значенія, такъ какъ закономъ 12 марта 1877 г. за ними были сохранены всѣ земли, какъ отданныя имъ въ собственность, въ силу предшествовавшихъ узаконеній, такъ и состоявшія въ ихъ пользованіи, а кромѣ того, имъ-же предоставленъ лѣсной надѣлъ (въ малоземельныхъ дачахъ по 1 дес., а въ многоземельныхъ—отъ $1^7/_8$ до 3 дес. на ревизскую душу). Мастеровые поссессіонныхъ заводовъ также устраиваются на новыхъ основаніяхъ по закону 19 мая 1893 г., благодаря которому они будутъ болѣе или менѣе обезпечены землей, если только на практикѣ всесильное вліяніе заводоуправленій не лишитъ его благодѣтельнаго для поссессіонныхъ крестьянъ значенія, что весьма возможно, тѣмъ болѣе, что заводчиками въ этомъ направленіи сдѣлано уже не мало **).

---

*) Исключеніе составляетъ Суксунскій округъ, бывшій въ казенномъ управленіи, гдѣ мастеровые получили дополнительные надѣлы и въ тѣхъ заводахъ, гдѣ производство не было окончательно прекращено, но не по закону 3 декабря 1862 г., а по правиламъ 12 марта 1877 гг. «объ окончательномъ поземельномъ устройствѣ горнозаводскаго населенія казенныхъ горныхъ заводовъ».

**) Закономъ 19 мая 1893 г., кромѣ земель, предоставленныхъ населенію по уставнымъ грамотамъ, должны быть отведены въ надѣлъ полевыя и луговыя угодья, «коими означенные люди дѣйствительно пользовались не по найму отъ заводоуправленій по 1 января 1893 г.» и выгоны по 600 кв. саж. на душу. Передъ изданіемъ этого закона заводоуправленія употребляли всѣ усилія, чтобы заставить населеніе брать билеты на земли, находящіяся въ ихъ пользованіи, причемъ или совсѣмъ не требовали за нихъ никакой платы или назначали ее въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Инстинктивно крестьяне чувствовали опасность въ этихъ, повидимому, безобидныхъ требованіяхъ и упорно отказывались исполнять ихъ, но тѣмъ не менѣе многіе должны были подчиниться имъ подъ угрозой лишенія заработковъ.—Послѣ опубликованія закона, на совѣщаніи начальниковъ партій, производящихъ межевыя работы по этому закону, гдѣ участвовали представители поссессіонныхъ округовъ, разсматривались вопросы, вытекающіе изъ инструкціи, утвержденной 15 декабря 1894 г. министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. На этомъ совѣщаніи состоялись слѣдующія постановленія: 1) «выгона и рѣдки, покрытые лѣсомъ», находящіеся въ пользованіи населенія, на планы не снимать; потому что «на планы должны быть обязательно снимаемы лишь присельные выпуски и выгона; съемка же прочихъ пространствъ, на которыхъ производится пастьба скота, не можетъ быть допускаема, какъ ведущая къ значительной и совершенно безцѣльной работѣ». Между тѣмъ «рѣдки» (т. е. рѣдколѣсныя пространства земли, гдѣ населеніе пасетъ лошадей) составляютъ весьма значительную часть угодій. Напримѣръ, въ

Впрочемъ, во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ оговориться: законами 12 марта 1877 и 19 мая 1893 г. горнозаводское населеніе казенныхъ и поссессіонныхъ заводовъ болѣе или менѣе обезпечивается землей, но такъ какъ по тому и другому законамъ оно получаетъ надѣлы по дѣйствительному пользованію, то тѣмъ самымъ для нихъ лишь возстановляются условія, существовавшія до освобожденія, когда эта земля горнозаводскимъ людямъ, также какъ и теперь, предназначалась главнымъ образомъ для содержанія лошадей и выполненія конныхъ заводскихъ работъ. Для хлѣбопашества же отходящія горнозаводскому населенію земли въ большинствѣ случаевъ непригодны, а кромѣ того и недостаточны.

Что касается мастеровыхъ частныхъ горныхъ заводовъ, то по отношенію къ нимъ до сего времени не издано еще дополнительныхъ правилъ для ихъ поземельнаго устройства, такъ что и въ настоящее время они или совсѣмъ не имѣютъ земли, или имѣютъ не болѣе $1^1/_4$ десят. (покоса, выгона и усадьбы) на ревизскую душу.

Такимъ образомъ, право безработныхъ мастеровыхъ дѣйствующихъ заводовъ на полученіе полнаго надѣла по закону 3 декабря 1862 г. до сего времени не осуществлено, и до сего времени ничѣмъ это упущеніе не исправлено.

По послѣднимъ даннымъ горнозаводскими работами занято не болѣе $^1/_4$ или $^1/_3$ мужского населенія заводовъ въ рабочемъ

д. Толмачевой Н. Алапаевской волости «рѣдки» составляютъ около $^1/_3$ всѣхъ земель, которыя должны отойти населенію по закону 1893 г. Для пастьбы скота крестьяне не имѣли выгона (кромѣ 200 кв. саж. на ревизскую душу, отведенныхъ по уставнымъ грамотамъ) и потому изъ своихъ луговыхъ и полевыхъ угодій, росчистей въ лѣсахъ или же на мѣстахъ, отведенныхъ для этого заводоуправленіями, они принуждены были устраивать особыя пастбища («рѣдки»). Съемку этихъ именно пастбищъ («рѣдки» и выгона въ лѣсахъ) совѣщаніе и признало совершенно безцѣльной работой. Между тѣмъ въ инструкціи, утвержденной 15 декабря 1894 г., въ 3 примѣчаніи къ ст. 11-й сказано совершенно ясно: «съемщикамъ рекомендуется возможная тщательность при нанесеніи на планы мелкихъ угодій, расположенныхъ въ заводскихъ лѣсахъ; они обязываются *всѣ лѣсные сѣнокосы и выгоны въ лѣсахъ снимать тщательно, инструментально, по дѣйствительному очертанію ихъ въ натурѣ*». Затѣмъ пунктъ а) § 4-го гласитъ: на межевыхъ чиновъ возлагается приведеніе въ положительную извѣстность, посредствомъ съемки, *всѣхъ земельныхъ угодій, состоящихъ въ дѣйствительномъ пользованіи мастеровыхъ и сельскихъ работниковъ*. 2) «Мелкіе лѣсные сколки, расположенные *среди угодій населенія*», показывать «особой рубрикой *въ числѣ заводскихъ земель*». При этомъ совѣщаніе *не нашло возможнымъ устанавливать предѣльный размѣръ* выдѣляемыхъ лѣсныхъ сколковъ, находящихся внутри угодій населенія... То есть, каждую квадратную сажень, гдѣ растетъ 2—3 деревца, межевщики должны выдѣлять изъ крестьянскихъ угодій и показывать ее заводскимъ владѣніемъ!.. Пока отмѣчаю только эти два пункта изъ практики землеустроительныхъ работъ по закону 19 мая 1893 г., потому что размѣры статьи не позволяютъ мнѣ разсмотрѣть эти вопросы хотя бы въ общихъ чертахъ.

возрастѣ, причемъ въ 29 заводахъ, вслѣдствіе прекра
изводства, все населеніе лишено заводскихъ заработ
заводахъ безработные составляютъ до 90%, въ 7—80
70%, въ 16—60%, въ 15—отъ 30 до 40%, въ 14—
9 до 10% *). Но въ большинствѣ случаевъ и тѣ м
которые числятся рабочими, на самомъ дѣлѣ работой
обезпечены, потому что, вслѣдствіе громаднаго избытка
рукъ, работы исполняются по очередямъ черезъ нѣкото
называемые, „гулевые" промежутки. Изъ 81 завода I
губерніи, откуда имѣются свѣдѣнія, нѣтъ „гулевыхъ дне
заводахъ, въ 2 заводахъ (на нѣкоторыхъ цеховыхъ р
„гулевые дни" достигаютъ 10% рабочаго времени въ
мѣсяца, въ 20 заводахъ—25%, 24 заводахъ—50% и въ
дахъ 75% **).

Свѣдѣній о заработныхъ платахъ горнозаводскимъ ра
заводоуправленія не публикуютъ и достать ихъ чрезв
трудно. Почти единственнымъ источникомъ этихъ свѣдѣні
ются „Матеріалы для статистики Красноуфимскаго уѣзда",
чающіе въ себѣ данныя по 16 заводамъ. Изъ этихъ послѣ
свѣдѣній, относящихся къ *голодному* 1891/2 г., видно, что
въ такое исключительно тяжелое время платы рабочимъ
поразительно ничтожны: напримѣръ, въ Нязепетровскомъ за
столяры, плотники и каменьщики получали за рабочій день
35 до 60 коп., чернорабочіе — отъ 25 до 30 коп., а женщи
подростки — отъ 15 до 20 коп., тогда какъ цѣна ржаной м
доходила тогда до 2-хъ рублей за пудъ.

Для горнозаводскаго населенія, необезпеченнаго ни зем
ни заводскими заработками, повидимому, единственнымъ выход
являются кустарные промыслы и ремесла, но развитіе ихъ
Уралѣ,—по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ отраслей мелкой промы
ленности,—почти невозможно при существующихъ условіяхъ.

Извѣстно, что уральскіе металлы увозятся за тысячи верст
и затѣмъ въ видѣ готовыхъ издѣлій возвращаются снова на Урал
или идутъ далѣе — въ Сибирь. Повидимому, мѣстное населені
свободно могло-бы заняться переработкой желѣза, мѣди, стал
чугуна и широко развить здѣсь мелкія производства металличе
скихъ издѣлій. Однако, въ дѣйствительности этого нѣтъ, по той
простой причинѣ, что въ заводскихъ селеніяхъ „запрещается
устраивать такія промышленныя заведенія, которыхъ произ-
водство основано главнѣйше на огненномъ дѣйствіи, требующемъ большихъ
дровъ или угля, а также воспрещается устройство
мельницъ и производство торговли лѣсомъ".

*) «Матеріалы къ выясненію вопроса объ обезпеченіи на-
селенія Пермской губерніи въ продовольственномъ отношеніи
**) Тамъ же.

относится исключительно къ населенію казенныхъ горныхъ заводовъ (ст. 11, положенія 8 марта 1861 г.), но практика распространяетъ его на всѣ вообще горнозаводскія селенія, безъ всякаго законнаго къ тому основанія. Напримѣръ, въ ст. 5 „дополнительныхъ условій“ къ уставнымъ грамотамъ Нижне-Тагильскихъ заводовъ (не принятыхъ мастеровыми) значится: „общество мастеровыхъ не можетъ на отведенныхъ въ его пользованіе покосахъ производить въ свою пользу ни поисковъ, ни добычу рудъ, минераловъ или *какихъ либо ископаемыхъ матеріаловъ* безъ дозволенія заводовладѣльцевъ (между тѣмъ по ст. 101 мѣстн. полож. великоросс., крестьяне могутъ свободно добывать на своихъ надѣлахъ песокъ, торфъ, глину, камень), какъ равно не можетъ оно возводить на этихъ угодьяхъ *какихъ либо промышленныхъ заведеній безъ согласія заводовладѣльца*“. Конечно условія эти въ юридическомъ отношеніи ничтожны, но практическое значеніе ихъ несомнѣнно и нарушеніе ихъ невозможно безъ серьезной имущественной и уголовной отвѣтственности.

Такимъ образомъ, населеніе всѣхъ вообще уральскихъ заводовъ фактически не можетъ вновь устраивать: кузницъ, гвоздарныхъ, слесарныхъ, механическихъ, мѣдноиздѣльныхъ, гончарныхъ, черепичныхъ, кирпичедѣлательныхъ заведеній, вагранокъ, лѣсопилокъ, смолокуренъ и вообще какихъ бы то ни было заведеній для полученія и обработки продуктовъ сухой перегонки дерева, не говоря уже о доменныхъ печахъ, мѣдеплавильныхъ, сталелитейныхъ, желѣзодѣлательныхъ, стеклянныхъ, фарфоровыхъ и т. п. заводахъ.

Что-же касается поисковъ и эксплуатаціи полезныхъ ископаемыхъ, то въ этомъ отношеніи для массы населенія здѣсь никогда не существовало благопріятныхъ условій, нѣтъ ихъ и въ настоящее время: во 1-хъ, громадныя горнозаводскія дачи, принадлежащія заводовладѣльцамъ на правѣ полной собственности, въ силу дѣйствующихъ законовъ совершенно закрыты для постороннихъ искателей; во 2-хъ, поссессіонныя дачи, по причинамъ, которыя подробно выяснены мной въ статьѣ „Народъ и поссессіонныя владѣнія на Уралѣ“, также недоступны для частной предпріимчивости; въ 3-хъ, нѣдрами земель, отходящихъ въ надѣлъ населенію поссессіонныхъ округовъ, по закону 19 мая 1893 г., послѣднее не можетъ пользоваться и распоряжаться, такъ какъ по 198 ст. устава горнаго впредь до 19 мая 1908 г. „развѣдку и разработку ископаемыхъ“ въ этихъ угодьяхъ предоставлено производить заводоуправленіямъ; въ 4-хъ, и вообще „до выдачи владѣнныхъ записей *горнозаводскіе люди не имѣютъ права безъ согласія заводоуправленія распоряжаться* нѣдрами земель и угодій, отграниченныхъ имъ въ надѣлъ“ (Рѣшеніе сената 13 сентября 1893 г. № 3400); въ 5-хъ, развѣдки на руды, каменный уголь и другіе минералы, потребные для заводскаго дѣйствія,

могли-бы имѣть мѣсто при обезпеченіи сбыта этихъ ископаемыхъ, или при возможности устройства новыхъ заводовъ для ихъ переработки. Но разсчитывать на сбытъ продуктовъ этой добычи въ большинствѣ случаевъ невозможно, а устройство огнедѣйствующихъ заведеній въ горнозаводскихъ селеніяхъ крестьянамъ воспрещено.

Отмѣна запретовъ, которые тяготѣютъ надъ горнозаводскимъ населеніемъ, и предоставленіе ему права свободно устраивать огнедѣйствующія и какія бы то ни было промышленныя заведенія, права свободно искать и свободно-же разработывать всѣ вообще ископаемыя необходимо не только въ интересахъ этого населенія, оторваннаго отъ земли, прикрѣпленнаго къ заводамъ, но не обезпеченнаго горнозаводскими работами. Еще болѣе настоятельно требуютъ этого интересы самого горнаго дѣла. Наконецъ, требованія элементарной справедливости вопіютъ противъ ничѣмъ неоправдываемаго устраненія милліоннаго населенія отъ участія въ промышленномъ развитіи края, того населенія, трудами котораго этотъ край завоеванъ и предпріимчивостію котораго положено здѣсь основаніе горной промышленности. Не говоря уже о зарождавшемся среди уральскихъ поселенцевъ желѣзодѣлательномъ производствѣ, которое было въ корнѣ пресѣчено съ появленіемъ монопольныхъ владѣльцевъ Урала, и послѣ того, *за все время существованія крупнаго горнозаводскаго производства, большинство развѣдокъ и открытій рудныхъ мѣсторожденій было сдѣлано не заводчиками, а крестьянами.*

Кромѣ всѣмъ извѣстныхъ открытій крестьянами и инородцами минеральныхъ богатствъ (напримѣръ, Ницинской руды—татариномъ, горы Благодать,—вогуломъ Чумнинымъ и проч.), въ своей „Горной исторіи" де'Геннинъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ подобныхъ-же открытій, *благодаря которымъ возникали новые заводы и возрождались старые.* Вотъ эти свидѣтельства старины, относящіяся къ началу XVIII столѣтія.

„Въ 1702 году по Полевой рѣчкѣ на Гумешкахъ вверхъ Чусовой рѣки, въ старыхъ чудскихъ капищахъ найдена мѣдная руда *крестьяниномъ* Арамильской слободы Козмою Сулеевымъ. Да въ 1710 году Арамильской-же слободы *крестьянинъ* Федоръ Бабинъ нашелъ тамъ же вверхъ Чусовой рѣки, у Полевой рѣчки, въ горѣ мѣдную руду и на томъ мѣстѣ оная добывалась, а плавилась мѣдь на Уктусѣ".

Въ 1729 г. „объявилъ на Уктусѣ коммиссару [illegible] *турецъ* Кононъ Заваринъ съ двухъ мѣстъ по [illegible] рѣчкамъ рудные знаки".

Въ 1733 г. нѣкто Федоръ Молодой нашелъ [illegible] Уктуса въ 43 верстахъ по другую сторону Чусовой [illegible] верстахъ").

Арамильской слободы *крестьяне* Федоръ Васи[illegible]

щемъ объявили ему (де'Геннину) „желѣзную руду, обысканную близъ рѣки Сысерти, о которой при объявленіи ея доносили что она обрѣтена назадъ тому лѣтъ съ 40 Арамильской слободы *крестьянами*, которые изъ оной руды *до зачатія заводовъ* и до прибытія его, генералъ-лейтенанта, *дѣлали черезъ малыя печи и употребляли въ продажу желѣзо и съ онаго десятую платили въ Арамильскую Контору.* А когда онъ, генералъ-лейтенантъ, прибылъ, тогда кричнаго желѣза *для непорядочнаго жженія на уголь лѣсамъ и въ рудѣ отъ незнанія практики напрасной траты, имъ, генералъ-лейтенантомъ, пресѣчено, а велѣно довольствоваться желѣзомъ отъ казенныхъ заводовъ и по объявленіи тѣ руды оставлены были безъ произведенія въ дѣйствіе затѣмъ, что тогда строили новые заводы въ другихъ мѣстахъ*".

Въ 1722 г. въ „Верхотурскихъ горахъ", *по указанію мѣстныхъ людей*, найдены мѣдныя руды, которыя „пробованы и по пробѣ явились во многихъ мѣстахъ прибыльны и велѣно: то рудное дѣло производить сильною рукой". Но вслѣдъ затѣмъ „не малая была печаль": мѣдныя руды пресѣклись и заводы втунѣ стояли. Безъ мужика опять нельзя было обойтись, а посему объявлено было всѣмъ тамошнимъ обывателямъ: „ежели кто вновь руды обыщетъ, то не токмо тотъ отъ заводскихъ работъ, но и дѣти его отъ службы рекрутской освобождены будутъ. *И по тому объявленію въ ономъ-же году Лялинскій рудоискатель Власъ Коптяковъ объявилъ мѣсто рудное въ Павдинскомъ кряжу*"... И „*на ономъ Павдинскомъ рудникѣ работа зачалась въ томъ-же году*".

Въ 1722 г. де'Геннину *отъ мѣстныхъ людей* „вѣдомо учинилось", что на р. Камѣ, при д. Григоровѣ „въ прежнихъ давнихъ мѣстахъ нѣкто изъ старинныхъ людей" нашелъ мѣдную руду. Послѣ осмотра старыхъ добычь въ этомъ мѣстѣ де'Геннинъ вскорѣ же построилъ мѣдеплавильный заводъ.

Опять таки *по указанію мѣстныхъ людей* де'Геннину „при Вишерѣ обыскана была желѣзная руда, видомъ подобная карандашу или свѣтлой антимоніи".

Въ 1722 г. объявлены „*отъ татаръ* Боляка Русаева да Азима Ермакова разныя руды, сысканныя въ Кунгурскомъ уѣздѣ, по которому ихъ объявленію онъ, генералъ-лейтенантъ, для осмотра тѣхъ рудъ ѣздилъ и по свидѣтельству его явилось оныхъ не мало", особенно же на Мулянскомъ рудникѣ, вслѣдствіе чего 4 мая 1723 г. начатъ былъ постройкой Ягошихинскій заводъ (на мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ г. Пермь).

„Въ Кунгурскомъ уѣздѣ Степановскаго острожка *крестьянинъ* Федоръ Попковъ да Верхъ-Иренской четверти *татаринъ* Болякъ Русаевъ обыскали по рѣкѣ Туркѣ, Бырмѣ и по Ялыму мѣдныя руды" и объявили полковнику Нейгарту. Послѣдній доставленные ему образцы рудъ повезъ было съ собой внизъ по Камѣ рѣкѣ въ Саралинскіе мѣдные малые заводы для пробы, но не довезя

тѣ руды потонули и такъ тѣ прiисканныя руды втунѣ были оставлены"...

Если бы возможно было составить полный списокъ всѣхъ открытiй крестьянами рудъ и другихъ ископаемыхъ, то, вѣроятно, получилось бы нѣсколько объемистыхъ томовъ. Въ этомъ отношенiи на всемъ протяженiи исторiи уральскаго горнаго дѣла съ утомительнымъ однообразiемъ повторяется одно и то же явленiе: крестьяне, вогулы, башкиры открываютъ мѣсторожденiя всевозможныхъ ископаемыхъ, а затѣмъ эти богатства и земли, въ которыхъ они обрѣтаются, поступаютъ въ монопольное владѣнiе постороннихъ лицъ. Объявляя о своихъ открытiяхъ, крестьяне не получали никакихъ выгодъ. Наоборотъ, подъ предлогомъ предупрежденiя напрасной траты лѣса и руды „отъ незнанiя практики", вслѣдъ затѣмъ крестьянское производство пресѣкалось, хотя объявленныя руды и послѣ того оставлялись иногда „безъ произведенiя въ дѣйствiе". Какую-же картину представлялъ-бы изъ себя Уралъ, если бы у населенiя не были связаны руки и предпрiимчивость его не убивалась въ корнѣ всезахватывающей монополiей, которая царитъ здѣсь уже почти два столѣтiя?

Повторяемъ, выгодами государства, интересами промышленности и нуждами населенiя выясняется съ достаточною очевидностью неотложная необходимость, во 1-хъ, установленiя горной свободы (а слѣдовательно и отмѣны ограниченiй для крестьянъ въ отношенiи поисковъ, добычи и переработки ими ископаемыхъ), и, во 2-хъ, уничтоженiя таможенныхъ пошлинъ на металлы. Къ этому нужно добавить, что съ отмѣною правъ собственности владѣльцевъ на нѣдра земель, причины, тормозившiя до сего времени и обезпеченiе горнозаводскаго населенiя землей, потеряютъ свое значенiе и крестьяне волею законодателя получатъ, наконецъ, надѣлы, достаточныя для веденiя хозяйства. И дѣйствительно,— какая надобность для заводскаго дѣйствiя можетъ быть въ покосахъ и пашняхъ, если нѣдра этихъ земель будутъ открыты для каждаго искателя?

А между тѣмъ въ настоящее время сколько грѣха и сваръ возникаетъ изъ-за этихъ *земледѣльческихъ угодiй* между горными заводами и населенiемъ, сколько жестокости и изощреннаго коварства пускается въ ходъ, чтобы сохранить эти угодья во владѣнiи заводовъ, и сколько вражды, злобы и непримиримой ненависти выростаетъ на этой почвѣ!

Изъ писемъ о голодѣ.

Самарская рабочая контора.

I.

Во время голодовокъ 1898—99 гг. въ Приволжьѣ, въ числѣ другихъ мѣръ помощи голодающимъ крестьянамъ, сдѣланы были попытки устройства рабочихъ конторъ, для посредничества между ищущими работы и нанимателями.

Съ исторіей одной изъ этихъ конторъ—самарской—мы и имѣемъ въ виду познакомить читателей.

Своимъ появленіемъ на свѣтъ Божій рабочая контора обязана была исключительно безъисходной нуждѣ голодающихъ крестьянъ Самарской и сосѣднихъ съ ней губерній.

Уже въ концѣ ноября 1898 года улицы Самары представляли изъ себя совершенно необычный для нихъ видъ: куда ни посмотришь, вездѣ стоятъ толпы нищихъ,—полураздѣтыхъ, посинѣвшихъ не то отъ холода, не то отъ крайняго истощенія. Въ газетѣ „Курьеръ“ по этому поводу тогда писали изъ Самары: „Трудно себѣ представить, сколько бродитъ у насъ нищихъ по улицамъ: на каждомъ перекресткѣ стоитъ цѣлая толпа оборванцевъ, по всѣмъ признакамъ, принадлежащихъ къ деревенской голытьбѣ, выгнанной страшной голодовкой, болѣзнями и безработицей. Видъ у этихъ нищихъ невозможный: вамъ кажется, что вотъ по какому-то мановенію изъ могилъ поднялись сотни покойниковъ, облеклись въ тряпки, лохмотья и двинулись по всѣмъ улицамъ и переулкамъ г. Самары; цвѣтъ лица землистый, желтый или синій, голосъ замогильно жалобный, глухой, трогающій за душу“...

Вскорѣ въ городѣ начались неслыханныя кражи и грабежи; крадутъ въ теченіе всѣхъ 24 часовъ въ сутки, крадутъ въ жилыхъ и нежилыхъ помѣщеніяхъ, у богатыхъ и бѣдныхъ, у лицъ безъ всякаго общественнаго положенія и съ „большимъ вѣсомъ“, грабятъ въ глухихъ закоулкахъ и на окраинахъ, равно и въ самомъ центрѣ города, почти рядомъ съ губернаторской квартирой. Были и случаи убійствъ—двоихъ убили у полицейскаго поста на главной улицѣ (Дворянской), одного на вокзалѣ... Обыватели приходили въ ужасъ, полиція и администрація теряли головы и не знали, какъ оградить себя и другихъ отъ нашествія непрошенныхъ гостей, почему-то не желающихъ умирать голодной смертью (кражи и грабежи всѣ приписывали голодающимъ). Думали открыть нѣ-

сколько безплатныхъ столовыхъ, но побоялись еще большаго наплыва въ городъ деревенской голытьбы; предполагали организовать общественныя работы, но и онѣ какъ-то не состоялись; полиція пускала въ ходъ свое неизмѣнное и радикальное средство борьбы съ нищетой—ловить бродягъ и отправлять этапнымъ порядкомъ на родину; однако и это не помогало: вмѣсто одной сотни пойманныхъ и высланныхъ, въ городъ приходило двѣ, три и болѣе...

Въ такую-то критическую минуту главному уполномоченному Общества Краснаго Креста г. Александровскому пришла счастливая мысль—учредить въ Самарѣ справочную рабочую контору. Съ этою цѣлью онъ обратился въ губернскую земскую управу, прося ее принять на себя всѣ предварительныя и дальнѣйшія хлопоты по организаціи и веденію дѣла въ рабочей конторѣ. Управа согласилась и немедленно приступила къ дѣлу.

Прежде всего рѣшено было возможно широко распространить свѣдѣнія объ организаціи справочнаго бюро и найти работодателей. Статистическое отдѣленіе совмѣстно съ управой составило и отпечатало въ 10 тысячахъ экземпляровъ воззваніе, съ просьбой указать, гдѣ есть спросъ на рабочія руки.

На отрывномъ бланкѣ требовалось дать свѣдѣнія: о мѣстѣ, куда вызываются рабочіе (губернія, уѣздъ, городъ, волость), о работодателѣ (званіе, имя, отечество и фамилія владѣльца), о характерѣ работъ (сельско-хозяйственныя, фабричныя, заводскія и проч.), о количествѣ потребныхъ рабочихъ, требуется или нѣтъ какая-либо подготовка отъ рабочихъ, на какой срокъ нанимаются рабочіе и къ какому времени они обязательно должны прибыть на мѣсто работъ, какая назначается плата полному рабочему, полурабочему, женщинѣ, подростку, чьи харчи—свои или хозяйскіе, помѣщеніе, за чей счетъ дорога туда и обратно и проч. Въ заключеніе требовалось указать подробный маршрутъ къ мѣсту работы, почтовый адресъ конторы или владѣльца, адресъ для телеграммъ. Такъ какъ заполненный бланкъ служилъ обязательнымъ условіемъ, то подъ нимъ должна былъ стоять подпись владѣльца или его уполномоченнаго, а также обозначенъ годъ, мѣсяцъ и число его заполненія.

Эти объявленія были разосланы во всѣ концы Россіи: въ земскія губерніи черезъ губернскія и уѣздныя земскія управы, въ неземскія—черезъ губернаторовъ.

Но не успѣли получиться отъ работодателей отвѣты, какъ самарская земская управа очутилась въ осадномъ положеніи. Какъ дошли до голытьбы слухи объ организаціи справочной конторы—сказать трудно; но фактъ тотъ, что ежедневно съ ранняго утра улица, гдѣ помѣщается управа, и примыкающія къ ней положительно были запружены народомъ, выжидавшимъ не подачки, не милостыни, а только и исключительно работы изъ-за куска хлѣба. Менѣе, чѣмъ въ двѣ недѣли записалось болѣе 2 тысячъ

человѣкъ. Напрасно „чающимъ движенія“ объясняли, что никакихъ работъ пока нѣтъ, они умоляли, даже плакали и твердили свое: „дайте намъ работу!..“

Наконецъ, давно ожидаемые отвѣты и предложенія работодателей стали приходить. Началась наемка и отправка рабочихъ.

Просуществовавъ мѣсяца три, рабочая контора убѣдилась въ необходимости произвести нѣкоторыя реформы. Дѣло въ томъ, что средства, выданныя Обществомъ Краснаго Креста на отправку рабочихъ и содержаніе конторы, постепенно истощались, требованія же на рабочую силу день-ото-дня все увеличивались и увеличивались; это обстоятельство и заставило бюро сдѣлать объявленіе въ томъ смыслѣ, что „отселѣ рабочіе должны отправляться непремѣнно за счетъ самихъ нанимателей (по разсчету 1/4 стоимости билета 3-го класса); причемъ деньги на проѣздъ вмѣстѣ съ кормовыми въ дорогѣ (6 коп. въ сутки) высылаются рабочей конторѣ впередъ“. Теперь рабочая контора считала себя вполнѣ обезпеченною матеріальными средствами вплоть до новаго года или, по крайней мѣрѣ, до очередного губернскаго земскаго собранія, на обсужденіе котораго рѣшено было внести докладъ управы о необходимости сдѣлать бюро постояннымъ земскимъ учрежденіемъ. Но судьба судила иначе.

28-го іюля управа получила отъ губернатора предписаніе—закрыть рабочую контору и „всѣ оставшіяся въ ея распоряженіи суммы немедленно внести въ кассу самарскаго мѣстнаго управленія Общества Краснаго Креста“.

Въ своемъ отвѣтѣ губернатору управа указывала на полную невозможность закрыть бюро немедленно и просила дать, по крайней мѣрѣ, извѣстный срокъ для окончанія спѣшныхъ и неотложныхъ дѣлъ: 1) по сношенію съ работодателями, приславшими деньги на наемъ рабочихъ; 2) по выдачѣ свидѣтельствъ льготнаго тарифа тѣмъ рабочимъ, которые въ скоромъ времени будутъ возвращаться обратно съ мѣстъ наемки; 3) по выдачѣ и разсылкѣ паспортовъ рабочимъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ отказавшимся отъ работъ; 4) по разработкѣ цифрового матеріала, полученнаго путемъ регистраціи отправляющихся на заработки; 5) кромѣ того, контора должна дать многочисленные отвѣты на разнаго рода запросы какъ отъ частныхъ нанимателей, такъ и отъ учрежденій (въ томъ числѣ казенныхъ).

Въ заключеніе управа просила не закрывать рабочую контору впредь до рѣшенія о судьбѣ ея на очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи.

11 и 12-го августа управа получила двѣ бумаги—одну отъ главнаго уполномоченнаго Общества Краснаго Креста г. Александровскаго, другую отъ исправляющаго должность мѣстнаго губернатора; содержаніе обѣихъ бумагъ одинаково, а потому мы приводимъ текстъ лишь одной изъ нихъ.

„Вполнѣ сочувствуя рѣшенію управы, писалъ г. Александровскій, обратить самарскую рабочую контору Краснаго Креста въ постоянное учрежденіе, я, по соглашенію съ исправляющимъ должность предсѣдателя мѣстнаго управленія Краснаго Креста, нахожу возможнымъ оставшіяся не израсходованными конторою деньги (731 рубль) не возвращать въ кассу мѣстнаго управленія, а употребить на поддержаніе дѣятельности конторы впредь до перехода въ число учрежденій губернскаго земства“.

Рабочая контора, считавшая себя уже умершею, снова воскресла и воспрянула духомъ; около ея дверей снова начали толпиться группы рабочихъ и переселенцевъ изъ Бузулукскаго и Николаевскаго уѣздовъ, въ третій разъ подрядъ пораженныхъ неурожаемъ. Рабочая контора и управа теперь уже мечтали о новыхъ реформахъ и расширеніи дѣятельности юнаго учрежденія, а именно: до сихъ поръ контора старалась отыскивать работу, главнымъ образомъ внѣ предѣловъ Самарской губерніи, теперь же она беретъ на себя роль посредника въ удовлетвореніи спроса и предложенія рабочихъ рукъ и внутри своей губерніи; далѣе, прежде посылались на работы исключительно чернорабочіе, не обладающіе какой-либо особенной подготовкой; теперь контора, сверхъ того, обязывалась рекомендовать и спеціалистовъ,—мастеровыхъ, конторщиковъ, приказчиковъ, садоводовъ, огородниковъ и проч.

Но не успѣли эти объявленія, напечатанныя въ количествѣ 4-хъ тысячъ экземпляровъ, дойти по своему назначенію, какъ въ управу поступило (1 сентября) новое распоряженіе г. губернатора объ окончательномъ закрытіи рабочей конторы и о прекращеніи всѣхъ ея функцій.

II.

За короткій срокъ своего существованія, рабочая контора не могла многаго сдѣлать; но во всякомъ случаѣ въ ея дѣлахъ накопились не безъинтересные матеріалы, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и переходимъ.

Начнемъ съ тѣхъ многочисленныхъ заявленій, которые поступили въ рабочую контору за первые 6 мѣсяцевъ ея работы отъ нанимателей, ищущихъ рабочихъ. Передать вполнѣ содержаніе этихъ заявленій очень трудно. Постараемся, однако, отмѣтить нѣкоторя характерныя ихъ черты.

Очень многія письма начинаются съ заявленія сочувствія пострадавшему отъ неурожая населенію Самарской губерніи. Пишущіе „изболѣлись душой и сердцемъ о несчастныхъ самарянахъ“ (?), которымъ „нечего пить-ѣсть, у которыхъ нѣтъ подчасъ ни крова, ни одежонки“, и высказываютъ горячее желаніе помочь „обездоленному и изголодавшемуся рабочему люду“. Иногда выходитъ

даже такъ, будто крупные наниматели, приглашая самарскихъ рабочихъ къ себѣ въ имѣнія и фермы, преслѣдуютъ единственную цѣль — облегчить гнетъ крестьянской нужды. Но условія, какія при этомъ предлагались, не всегда позволяли, однако, голодающимъ воспользоваться этими приглашеніями. Вотъ нѣсколько иллюстрацій.

Одинъ смоленскій помѣщикъ пишетъ въ контору: „Черезъ московское управленіе Краснаго Креста я узналъ, что въ вашей губерніи недородъ хлѣба, и люди нуждаются въ разныхъ работахъ; въ нашей же Смоленской губерніи нынѣшній годъ — наоборотъ, обильный урожай: хлѣба, овса, сѣна, льна и льняного сѣмени народилось очень много. Въ виду этого крестьяне наши, которые отъ продажи всего этого себя обезпечили, работать совершенно не хотятъ, если же и работаютъ, то просятъ баснословныя цѣны“. И въ слѣдъ за этимъ предлагаетъ заработокъ никакъ не болѣе, какъ 40—50 коп. въ день полному рабочему со своею лошадью! Причемъ оказывается, что 1 пудъ сѣна тамъ стоитъ 25—30 коп., овесъ — 60 коп., мука 95 коп. Такимъ образомъ, самарскій крестьянинъ за свое удовольствіе работать на смоленскаго помѣщика, долженъ отъ себя приплачивать каждый день не менѣе 15—20 копѣекъ. Другой наниматель, изъ Черниговской губ., оплакавъ бѣдственное положеніе самарскихъ крестьянъ и выразивъ негодованіе противъ земства, которое „многихъ изъ нихъ несправедливо лишило ссудъ“,—въ заключеніе предлагаетъ наниматься къ нему на условіяхъ: „хорошему, вполнѣ здоровому рабочему“ 35 рублей въ годъ, женщинѣ 18 рублей! „Но—добавляетъ онъ при этомъ—самый главный и важный вопросъ заключается въ томъ: кто гарантируетъ мнѣ ихъ годовую службу? А если они пробудутъ у меня на хлѣбахъ самое безплодное въ хозяйствѣ время—зиму, а весною, когда закипитъ работа, бросятъ экономію, найдя болѣе выгодныя условія, или пойдутъ на родину и оставятъ помѣщика въ *самомъ критическомъ и комическомъ положеніи*? (курсивъ автора) гдѣ тогда ихъ искать и какъ быть? Требовать къ суду въ страдную пору, когда нужны рабочія руки, нечего и думать, да и предъ мѣстнымъ населеніемъ нельзя будетъ показать всю несостоятельность такого новшества!“

Вообще мысль о „гарантіяхъ“ проводится во многихъ предложеніяхъ. „Въ виду того, читаемъ мы въ заявленіи одного херсонскаго землевладѣльца, что рабочіе дѣлаютъ стачку, и на поденной работѣ не исполняютъ всѣхъ назначенныхъ имъ работъ, экономія заявляетъ, что можетъ принять рабочихъ только на такихъ условіяхъ, если земство гарантируетъ, что работы будутъ выполняться сполна, а именно: прорвать и просапать должна одна дѣвка 960 сажень свекловицы, связать за жатвой 420 сноповъ хлѣба, накопать и очистить, какъ требуется, для завода свекловицы 50 пудовъ, при хорошемъ урожаѣ“. „Принимаетъ-ли,—спрашиваетъ дру-

...ой помѣщикъ,—управа на себя отвѣтственность на случай ухода съ работъ и нежеланія ихъ добросовѣстно работать, какъ объ этомъ много писали въ 1891 году, когда рабочіе, посланные губернаторами на работы, уходили съ работы, не смотря на угрозы лишить ихъ пособія. Они такъ уже хорошо знаютъ свою безнаказанность и такъ недобросовѣстны къ работамъ, что трудно съ ними справиться! Да не служитъ ли это главною причиной теперешнихъ голодовокъ?!...“ „Рабочіе должны быть наняты по договорнымъ листамъ и съ гарантіей земства,—заявляетъ г. Г-нъ,—что они самовольно не уйдутъ ранѣе срока найма. Убытки, происшедшіе вслѣдствіе самовольнаго ухода рабочихъ, должны быть гарантированы земствомъ.“ Другіе всю отвѣтственность за уходъ рабочихъ до срока найма возлагаютъ на уѣздныя земскія управы, третьи—на сельскія общества; четвертые предлагаютъ завести особый институтъ чиновниковъ-надсмотрщиковъ: „при рабочихъ должны находиться блюстители точныхъ исполненій, назначенные самарской губернской управой“ (проектъ екатеринославскаго помѣщика г. Н-ва).

Какихъ же качествъ требуютъ при этомъ отъ рабочихъ ихъ наниматели?

Какъ и можно ожидать, большинство помѣщиковъ обращаютъ свое главное вниманіе на здоровье и физическую силу рабочихъ. „Больныхъ, хилыхъ, калѣкъ, пишетъ одинъ, не присылайте; подвергайте всѣхъ докторскому осмотру“; „больныхъ я не принимаю, требуетъ другой, ибо у меня на мѣстѣ практикуется медицинское освидѣтельствованіе поголовно каждаго рабочаго“, „рабочіе должны быть безъ физическихъ недостатковъ, вполнѣ здоровы и способны къ работѣ“. Воронежскій помѣщикъ г-нъ Щ. за 42 рубля въ годъ проситъ прислать рабочихъ „по возможности болѣе или менѣе *атлетическаго тѣлосложенія*“. Еще притязательнѣй оказался инженеръ К., который принимаетъ рабочихъ не иначе, какъ съ вѣсу: всякій рабочій, который вѣситъ менѣе 4 пудовъ, безусловно забраковывается.

Относительно возраста рабочихъ мнѣнія нанимателей крайне разнообразны; и тѣмъ не менѣе лишь одинъ изъ нихъ признаетъ способнымъ къ труду достигшаго 50-лѣтняго возраста; другой, скрѣпя сердце, соглашается принять рабочаго 45 лѣтъ; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ предѣльнымъ возрастомъ считается 40 лѣтъ, 37, 35, 30 даже 25 лѣтъ! „Присылайте рабочихъ, но не старше 40 лѣтъ, и притомъ крѣпкаго сложенія“; „старыхъ не надо, не болѣе 30 лѣтъ“ и т. д. Со сколькихъ лѣтъ крестьянинъ долженъ считаться „полнымъ работникомъ“—на этотъ счетъ опять нѣтъ установившагося взгляда у нанимателей; одни, напримѣръ, полурабочихъ признаютъ въ возрастѣ 17—18 лѣтъ; другіе 16—20, третьи 17—19, четвертые 18—20 или, наконецъ, 18—22 лѣтъ; равно и полными работниками считаютъ разно: кто отъ 20 до

40 лѣтъ, кто отъ 22 до 35 и т. п. „Набирайте для меня, пишетъ одинъ помѣщикъ, рабочихъ отъ 27 до 35—37 лѣтъ, а не такихъ, которые у крестьянъ называются рабочими, т. е. женатыхъ,—у нихъ какъ женятъ парня, такъ и рабочій, а женятъ они своихъ сыновей очень рано—лѣтъ 18."

Но другіе работодатели идутъ гораздо дальше—кромѣ крѣпкаго здоровья, „атлетическаго тѣлосложенія" и полнаго развѣта силъ, они требуютъ еще „благовидной наружности" или симпатичныхъ чертъ лица. „Люди, пишетъ одна нанимательница, которыхъ вамъ угодно будетъ прислать мнѣ, должны быть безъ физическихъ и органическихъ пороковъ (здѣсь будутъ освидѣтельствованы врачемъ), расторопны и по сочетанію чертъ лица—симпатичны, съ выраженіемъ доброты, честности и умности. Къ физіономическому выраженію лица я придаю большое значеніе, вѣруя, что лицо—зеркало души. Грубыя черты обозначаютъ грубый характеръ и такія же наклонности натуры."

Не забыть и костюмъ.

„Мнѣ оборванцевъ или обтрепышей какихъ-нибудь не присылайте; нужно, чтобы они имѣли и одежду, какъ слѣдуетъ, и обувь, а не ходили босые", пишетъ одинъ. „Рабочіе должны быть одѣты чисто и вполнѣ прилично", замѣчаетъ другой.

Нравственныя качества рабочаго опредѣляются нанимателями главнымъ образомъ, путемъ отрицательнымъ.

„Не могу ли я нарваться, спрашиваетъ управу тамбовскій помѣщикъ, на разгульныхъ и дерзкихъ людей? Не возьмется ли (т. е. не поручится ли) земство за этихъ людей?"—„Обратите серьезное вниманіе, милостивый государь, господинъ предсѣдатель, пишетъ другой наниматель, намъ вашъ этотъ народъ неизвѣстный, можетъ быть они какіе лѣнтяи или грубіяны; экономія тогда потерпитъ невознаградимые убытки. Стало быть,—заканчиваетъ проситель,—на васъ, милостивый государь, господинъ предсѣдатель губернской управы, вся моя надежда и рискъ этого серьезнаго дѣла"! „Требую рабочихъ не пьяницъ, не воровъ, не лодырей, а трудолюбивыхъ". „Что касается честности и добросовѣстности, пишутъ изъ окрестностей Петербурга, управа не можетъ ручаться (за рабочихъ), то я съ своей стороны прошу покорно господина предсѣдателя управы. Если вы примете близко къ сердцу мою просьбу и въ виду нужды населенія вы можете чрезъ своихъ агентовъ вполнѣ узнать добросовѣстныя и честныя семейства; я полагаю, что у васъ въ Самарѣ еще не разувѣрились въ Бога, какъ здѣсь около Петербурга, воръ на ворѣ, мошенникъ на мошенникѣ. Поэтому я льщу себя надеждою, что самарская губернская земская управа не оставитъ мою просьбу безъ вниманія".

Изъ положительныхъ нравственныхъ качествъ на первомъ мѣстѣ всегда ставится—безпрекословное послушаніе рабочихъ и олнѣйшее смиреніе.

„Рабочіе обязаны безпрекословно исполнять всѣ распоряженія хозяина и его служащихъ“; „рабочіе безусловно должны исполнять всякую работу добросовѣстно и аккуратно, безъ всякихъ отговорокъ“ и проч. и проч. (Ниже, когда будемъ говорить о вычетахъ и штрафахъ, мы еще разъ коснемся этихъ требованій).

„Прежде всего наблюдайте, чтобы нанимаемые вами для меня рабочіе были смирные, негрубые и непремѣнно трезвые“. „Я требую отъ всѣхъ рабочихъ безусловной вѣжливости и послушанія, потому что я человѣкъ больной и для меня покой — дороже денегъ“. „Всѣ рабочіе должны быть снабжены ручательствомъ въ ихъ благонадежности“ (черниговскій помѣщикъ г. Б.). „Прошу покорно обратить свое вниманіе на слѣдующія качества рабочихъ: 1) чтобы они были трезвы и 2) по возможности болѣе или менѣе основательны или же просто имѣть честность. Причемъ считаю нужнымъ 2-й пунктъ предоставить на усмотрѣніе Ваше“ (изъ Воронежской губерніи).

Кромѣ того, нѣкоторые работодатели обращаютъ вниманіе и на семейное положеніе рабочихъ, ихъ національность, мѣсто жительства, вѣроисповѣданіе, грамотность.

„Всѣ рабочіе должны быть безъ семей“, требуетъ одинъ; „желательно, чтобъ были съ женами, но безъ дѣтей“, замѣчаетъ другой (Оренбургской губ.); „можно принять и женатыхъ, съ дѣтьми, пишетъ третій, но дѣтей должно быть не болѣе 1 или двоихъ“; „противъ женщинъ съ дѣтьми ничего не имѣю, но ребята не должны быть въ возрастѣ 8—10 лѣтъ,—много шалятъ“. „Рабочіе ни въ какомъ родствѣ между собою состоять не должны“. „Беременныхъ женщинъ не надо“; „женщинъ выбирайте лучше всего изъ солдатокъ или вдовыхъ“ (Харьков. губ.).

По вопросу о національности рабочихъ у помѣщиковъ существуетъ большое разнообразіе мнѣній, одному нужны татары, другому чуваши, третьему хохлы и т. д. Изъ Оренбургской губерніи пишутъ: „намъ нужны чуваши, умѣющіе вести хозяйство“; „чувашей или иныхъ подобныхъ инородцевъ, замѣчаетъ харьковскій помѣщикъ г. Б., отнюдь не принимаю“; „я нанимаю только татаръ“; „присылайте исключительно магометанъ, пишутъ изъ Риги, мы здѣсь строимъ для нихъ даже мечеть и приглашаемъ муллу“. „Желалъ бы имѣть, заявляетъ харьковскій землевладѣлецъ, служащихъ изъ хохловъ, такъ какъ они болѣе подходятъ для работы въ нашей мѣстности, и обыкновенно знаютъ свое дѣло, а москали, какъ у насъ ихъ принято называть, нашихъ работъ и способовъ не понимаютъ, кажутся какими-то придурковатыми, вслѣдствіе чего наши мѣстные рабочіе ихъ подымаютъ на смѣхъ и обыкновеннымъ послѣдствіемъ этого получается уходы съ работъ“. „Намъ предлагаютъ, сообщаетъ изъ Виленской губерніи г. П-ій, рабочихъ изъ Галиціи и изъ Польши, но мнѣ хотѣлось бы имѣть русскихъ

прошу имѣть въ виду, что харчей я не даю, а церковь православная находится въ трехъ верстахъ".

Замѣчательно, что многіе помѣщики не желаютъ имѣть рабочихъ изъ одной мѣстности, а тѣмъ болѣе изъ одной деревни. „Рабочіе, пишетъ по этому поводу одинъ, должны быть непремѣнно изъ разныхъ мѣстностей, т. е. не изъ одной деревни"; другой требуетъ того же, но дѣлаетъ и поясненіе: „Желательно имѣть рабочихъ изъ разныхъ уѣздовъ, дабы они не могли устроить какой-либо стачки, такъ какъ обыкновенно случается, если они изъ одного мѣста, и если приходится взыскивать съ одного, то они, *какъ овцы, бунтуютъ всѣ*". „Прошу, категорически заявляетъ третій, изъ уѣздовъ Новоузенскаго и Николаевскаго рабочихъ не назначать"!

Вопросъ о вѣроисповѣданіи рабочихъ въ заявленіяхъ нанимателей затрогивается лишь между прочимъ, мимоходомъ. „Желательно, говоритъ одинъ изъ нихъ, чтобы рабочіе были по возможности православнаго вѣроисповѣданія"; „нанимаю исключительно православныхъ"; „рабочіе должны быть непремѣнно православными христіанами,—это потому, что у насъ требуется (начальствомъ), чтобы рабочіе соблюдали посты и по средамъ и пятницамъ скоромнаго не употребляли".

Еще рѣже упоминаютъ работодатели о грамотности рабочихъ; изъ цѣлой груды заявленій мы встрѣтили только четыре случая, когда грамотному отдавалось предпочтеніе передъ неграмотнымъ. Воронежскій землевладѣлецъ г. Щ. пишетъ: „рабочіе должны быть непремѣнно (отчасти, немного) грамотные и безусловно трезваго поведенія". „Желательно набрать грамотныхъ"; „грамотнымъ плачу больше" (изъ обл. войска Донскаго).

Посмотримъ теперь, сколько же предлагаютъ платить наниматели этимъ здоровымъ, бодрымъ, „болѣе или менѣе атлетическаго тѣлосложенія", „не ворамъ, не мошенникамъ", „трезвымъ, честнымъ, трудолюбивымъ", „благовидной наружности", „съ симпатичными по сочетанію чертъ лицами, съ выраженіемъ доброты, честности и умности", „прилично одѣтымъ", „смирнымъ и безпрекословно повинующимся всякаго рода распоряженіямъ хозяина и его служащихъ", „по возможности православнымъ" рабочимъ.

Высота заработной платы зависитъ отъ массы самыхъ разнообразныхъ причинъ: въ промышленныхъ районахъ вообще платятъ дороже, чѣмъ въ земледѣльческихъ; въ южныхъ губерніяхъ больше, чѣмъ въ средней полосѣ Россіи, а тѣмъ болѣе въ сѣверной и т. д.; затѣмъ, колебаніе цѣнъ на рабочія руки въ значительной степени опредѣляется различными сроками найма (годовые рабочіе, полугодовые, нанятые съ весны до осени, на время уборки хлѣба и проч. и проч.), возрастомъ нанимающихся, поломъ, трудоспособностью. Наконецъ, на размѣръ заработной платы оказываетъ свое вліяніе характеръ работъ, степень тяжести

условій, предлагаемыхъ нанимателемъ, даже та или иная добросовѣстность или недобросовѣстность послѣдняго.

Чаще всего полному рабочему въ заявленіяхъ нанимателя предлагали отъ 6 руб. 50 коп. до 7 рублей въ мѣсяцъ (за весну-лѣто), полурабочему (17—19 лѣтъ) отъ 4 руб. до 4 руб. 50 коп., женщинѣ—отъ 3 руб. 80 коп. до 4 руб. 25 коп.; но не рѣдко были и такіе случаи, когда наниматели хотѣли платить здоровому, взрослому рабочему всего 5 руб. въ мѣсяцъ, 4 руб. 50 коп., 4 руб., даже 3 руб. 50 коп. и 3 руб. 15 коп.; женщинѣ предлагали: 3 руб. 50 коп., 3 руб., 2 руб. 50 коп. и 2 руб. 25 коп.

Но и эту плату далеко невсегда можно было разсчитывать получить сполна: существуетъ множество пунктовъ, несоблюденіе которыхъ неизбѣжно влечетъ за собою штрафы и вычеты съ рабочихъ. Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Вотъ точная копія съ печатнаго условія, которое ежегодно подписываютъ тысячи рабочихъ, нанимающихся одною изъ самыхъ крупныхъ экономій.

„Я, нижеподписавшійся, 1) добровольно принялъ на себя обязанность постояннаго рабстника въ имѣніи, а именно: быть при господскомъ N имѣніи—работать въ полѣ и вездѣ, гдѣ укажетъ правленіе, исполнять разныя сельско-хозяйственныя работы, которыя производить *во всякое время безпрекословно* и на которыя обязанъ являться рано утромъ при восхожденіи солнца, исполнять всѣ приказанія и распоряженія приказчика, смотрителей или другихъ лицъ, назначенныхъ отъ правленія; вести себя честно и трезво. Грубости и ослушаній противъ распоряженій правленія или должностныхъ лицъ я ни въ какомъ случаѣ не долженъ дозволить себѣ, въ противномъ же случаѣ правленіе имѣетъ право *оштрафовать меня по своему усмотрѣнію.*

2) Если *я по какимъ-нибудь причинамъ* не доживу условленнаго срока, то правленіе въ правѣ взыскать съ меня неустойки 10 руб., равно если правленіе безъ всякой причины отказало бы мнѣ отъ должности, то и оно обязано уплатить мнѣ 10 рублей неустойки.

3) Съ данными мнѣ на-руки господскими вещами и разными земледѣльческими орудіями я долженъ обращаться бережно и по окончаніи срока найма сдать таковыя въ цѣлости, а за поломку уплатить по стоимости.

4) Рабочихъ дней считать 30 въ мѣсяцъ; двунадесятые же праздники экономія принимаетъ за собой.

5) За прогульные дни экономія вычитаетъ отъ 50 коп. до одного рубля въ день.

6) Въ случаѣ потребуется на экономическихъ работахъ топоръ, то таковой я долженъ имѣть собственный.

7) *Являться на экономическіе пожары, гдѣ бы таковой ни*

произошелъ, а если же я не явлюсь, то *плачу штрафъ* по усмотрѣнію управляющаго.

8) За дурное обращеніе съ животными, если я буду замѣченъ въ этомъ, *плачу штрафъ по усмотрѣнію управляющаго.*

9). Во время ночной пастьбы господскихъ лошадей я обязанъ въ помощь конюхамъ быть по-очередно съ прочими рабочими каждую ночь.

10) Экономія имѣетъ право требовать меня въ воскресенье и другіе праздные (?) дни на работу во время косовицы, и я не въ правѣ отказаться отъ такого требованія.

11) Во время работъ курить какъ на гумнѣ, такъ и въ полѣ при уборкѣ хлѣба строго воспрещается, въ противномъ же случаѣ я долженъ отвѣтить *штрафомъ въ три рубля.* Если я пожелаю курить, то могу только на гумнѣ въ землянкѣ, а въ полѣ—при таборѣ.

12) Если правленіе замѣтитъ меня въ воровствѣ или лѣности къ работѣ, то оно имѣетъ право разсчитать и до условленнаго срока".

Въ Полтавской губерніи въ одно крупное имѣніе требовали отъ конторы нѣсколько сотъ рабочихъ, причемъ мѣсячная плата взрослому мужчинѣ назначалась въ 6 (и даже менѣе) рублей за лѣтнее время, женщинѣ 3 руб. и полурабочему (16—18 л.)— 3 руб. 50 коп.; иными словами, въ первомъ случаѣ рабочій получалъ въ среднемъ 20 коп. въ день, во второмъ 10 и въ третьемъ 12 коп.! Между тѣмъ въ печатномъ договорѣ, который долженъ подписать каждый рабочій, читаемъ слѣдующее: „1) Я (такой-то) на работу долженъ выходить до восхода солнца и оставлять таковую не иначе, какъ по приказанію надемотрщика за работой и по сдачѣ данныхъ мнѣ для работы скота, сбруи, орудій и т. д. тому завѣдующему отдѣломъ, отъ котораго я получилъ. Если сдаваемые инструменты окажутся при сдачѣ утерянными, то я отвѣчаю ихъ стоимостью. 2) Если же я (такой-то) буду приставленъ исполнять какую-либо постоянную должность, напримѣръ, конюха, скотника и т. д., то работа моя не должна считаться часами, а тѣмъ дѣломъ, которое требуется исполненіемъ назначенной мнѣ должности, т. е. я долженъ ее исполнять и по праздникамъ. 3) Ни отъ какой работы отказываться я не имѣю права, въ какое бы время она ни была назначена если я былъ бы вызванъ въ экономію случайно надсмотрщикомъ работъ даже ночью. За отлучку безъ спроса подвергаюсь штрафу, какъ за самовольную". Далѣе идутъ перечисленія тѣхъ случаевъ, въ которыхъ налагаются на рабочихъ штрафы; такихъ случаевъ насчитывается довольно много, и нельзя думать, чтобы хотя одинъ рабочій ускользнулъ отъ „каръ".

Болѣть рабочему отнюдь не полагается; въ противномъ случаѣ у него дѣлаются вычеты изъ жалованья. За „прогульные дни" полагается взыскивать штрафы,—чаще всего въ двойномъ раз-

мѣрѣ, иногда въ тройномъ и даже выше. „За проболѣвшій день,— ставить въ своемъ условіи екатеринославскій помѣщикъ г. Н.,—экономія вычитаетъ за день, за прогульный день или несвоевременную явку вычитается за два дня“. „За каждый пьянственный день вычитается 1 руб. 50 коп. (получаетъ же рабочій 35—40 коп. въ день), за каждый больной день, по разсчету, сколько обходится рабочему этотъ день“ (Ф—въ). „За пьянство и самовольную отлучку съ работъ хозяинъ удерживаетъ плату, равняющуюся платѣ за три рабочихъ дня“ (Донск. обл. г. М.). Одинъ полтавскій помѣщикъ вычитаетъ изъ жалованія сроковыхъ рабочихъ *„за всѣ дождливые дни“*. Многіе штрафуютъ: „за отказъ работать въ праздничные дни“, „за потерю разсчетной книжки“, „за неаккуратное выполненіе работъ“, „за порчу орудій“ и проч. и проч. „Замѣченные въ порокахъ—пьянствѣ и развратѣ—увольняются, причемъ на нихъ налагается штрафъ въ размѣрѣ 2 рублей въ пользу церковно-приходской школы и вычитается плата за проѣздъ“. „Грубость, лѣность и неповиновеніе рабочихъ подвергаетъ ихъ штрафу отъ 50 коп. до 2 руб.“ (Екатеринославской губ.). „Переходъ рабочихъ въ другую экономію повлечетъ за собою удержаніе заслуженныхъ денегъ (Черниговской губ.)“. „Рабочіе, лѣнивые, дерзкіе, портящіе инвентарь живой и мертвый подвергаются вычетамъ по усмотрѣнію управляющаго или увольняются вовсе“.

Очень многіе землевладѣльцы въ своихъ печатныхъ и письменныхъ условіяхъ прямо требовали, чтобы рабочій мѣсяцъ считался въ 30 дней; исключенія дѣлаются лишь для двунадесятыхъ праздниковъ. „Рабочихъ дней, читаемъ мы въ договорной книжкѣ Ю—ва, считать 30 въ мѣсяцъ; двунадесятые же праздники экономія принимаетъ за собой“. Въ другихъ заявленіяхъ хотя и говорится, что рабочіе „освобождаются отъ работы во *всѣ* воскресные и праздничные дни“, но тутъ же дѣлаются многія оговорки, уничтожающія всякое значеніе перваго условія. „Въ праздничные дни, говорится въ одномъ договорѣ, рабочимъ предоставляется отдыхъ; но во время молотьбы хлѣба они не въ правѣ отказаться и въ праздничные дни, и во время просушки хлѣба и сѣна, и должны содѣйствовать при перевозкѣ машинъ“. „Рабочій мѣсяцъ, пишетъ другой, у меня считается въ 26 дней. Рабочіе, желающіе получать харчевое содержаніе и въ дни праздничные и воскресные, обязаны послѣ обѣденной поры (послѣ 12 часовъ дня) возить сѣно и хлѣбъ, перевозить орудія и машины, если понадобится, возить зерно въ амбары, ѣздить за дровами и соломой, ѣздить, куда будутъ посланы, сушить и кидать сѣно, сушить копны хлѣба и т. п. работы, вообще, если таковыя окажутся, *въ противномъ случаѣ—отдыхаютъ*“. И это за шесть рублей въ мѣсяцъ, вдобавокъ съ вычетомъ за всѣ ненастные дни! Въ договорномъ листѣ имѣнія Ш—ва (въ Рязан. губ.) значится:

„Освобождаюсь я (такой-то) отъ работы во всѣ воскресные и двунадесятые праздники, но по требованію конторы я долженъ явиться на работу и въ праздничный день, получая за то особую поденную плату въ двойномъ размѣрѣ противъ причитающагося мнѣ денного заработка (17 коп.), по разсчету моего мѣсячнаго жалованья. За отказъ отъ работъ въ праздничный день подвергаюсь денежному вычету изъ жалованья, какъ за прогулъ". Это единственный случай, когда за праздничный день рабочіе получаютъ отдѣльную плату.

Рабочій день опредѣляется обыкновенно „отъ восхода солнца и до заката", „отъ зари до зари", съ перерывомъ въ 2—2½ часа, „съ 4 часовъ утра и до 8½—9 вечера съ обѣденнымъ перерывомъ", „вставать на работу до восхода солнца и кончать послѣ заката", „являться на работу по первому требованію и кончать съ закатомъ солнца; послѣ заката сдаются всѣ орудія и живой инвентарь" и т. п. Съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ договоръ г-на М—аго, херсонскаго помѣщика, гдѣ рабочій день продолжается всего 10 часовъ; къ тому же и жалованіе рабочему назначается 80 рублей за 7 мѣсяцевъ, т. е. по 11½ р. въ мѣсяцъ.

При наймѣ на сельскія работы очень видную роль играетъ вопросъ о харчахъ. Случается такъ, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ предлагаются весьма сносныя условія, но харчи плохіе,—и рабочіе не нанимаются: бываетъ и такъ, что единственной причиной оставленія хозяина до срока является плохая пища. Недаромъ одинъ помѣщикъ г-нъ Л—ій на этотъ счетъ замѣчаетъ: „Харчи у меня хорошіе; я держусь того правила, что лучше рублей пять жалованія меньше дать въ годъ, но рабочаго не морить плохими харчами" *) (Рѣчь идетъ о годовыхъ рабочихъ). Впрочемъ и въ другихъ заявленіяхъ мы подмѣтили ту особенность, что годового рабочаго стараются кормить гораздо лучше, чѣмъ срокового, послѣдняго лучше, чѣмъ поденщика. Такъ, кромѣ обычной „дачки", въ видѣ муки, крупъ, соли и масла, годовому рабочему выдаются иногда овощи, овесъ и проч., или же отводится на семью небольшой огородъ, мѣсто въ яровомъ полѣ подъ картофель (мѣръ на 8); предоставляется право каждому рабочему содержать на хозяйскомъ выгонѣ и зимнемъ кормѣ корову и овцу (см., напримѣръ, заявленіе г-на Ч-ва, изъ Псков. губ.). Сроковымъ рабочимъ чаще всего выдается „мѣсячина", т. е. извѣстное количество пищевыхъ продуктовъ, состоящихъ обыкновенно изъ муки или печенаго хлѣба, крупъ, соли, постнаго масла или сала.

---

*) Другой помѣщикъ пишетъ: «Желательно было бы имѣть кормовыя нормы, принятыя для рабочихъ въ экономіяхъ Самарской губерніи, чтобы эти нормы были внесены въ договорныя книжки во избѣжаніе недоразумѣній при различіи привычекъ здѣсь и тамъ: рабочіе часто уходятъ потому, что имъ не нравится наша пища».

Количество выдаваемой на каждаго рабочаго ржаной муки колеблется между $1^1/_2$ и 3 пудами; къ этому иногда прибавляется фунтовъ 10 и 15 пшеничной муки (на галушки); крупъ—ячной, гречневой или пшена—полагается не менѣе 15 фунтовъ, но и не болѣе 30 фунтовъ въ мѣсяцъ; масла постнаго и сала отъ $^1/_{12}$ до $^1/_8$ фунта въ день на человѣка; соли столько же. Чаще всего рабочій въ теченіе полгода или 8 мѣсяцевъ день-изо-дня имѣетъ совершенно одинаковую пищу: кулешъ, кашу и хлѣбъ; хлѣбъ, кашу и кулешъ; кашу, хлѣбъ и кулешъ. Рѣже нѣкоторымъ рабочимъ выдается для разнообразія картошка и кислая капуста длщей; въ видѣ исключенія въ экономіяхъ средней и сѣверной полосы Россіи полагается по скоромнымъ днямъ мясо отъ $^1/_4$ до $^3/_4$ фунта на человѣка. Одинъ тульскій помѣщикъ, г-нъ Р-ль, у котораго въ теченіе десяти лѣтъ ни одинъ рабочій не ушелъ до срока, пишетъ въ своемъ заявленіи: „рабочимъ у меня полагается завтракъ, обѣдъ и ужинъ; всѣ три ѣды съ горячимъ. Въ скоромные дни каждый получаетъ отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ фунта мяса; каши и картофеля (то и другое съ льнянымъ масломъ) въ волю (кто сколько съѣстъ). Въ постные дни щи съ селедкой или рыбой и тѣ же каша и картофель... Хлѣбомъ рабочихъ я не стѣсняю,— пусть ѣдятъ, сколько душѣ угодно“. Въ нѣкоторыхъ экономіяхъ въ придачу къ отпускаемой мукѣ, крупѣ, соли и маслу, выдается еще на приварокъ и деньгами, отъ 1 рубля до 1 р. 50 коп. въ мѣсяцъ.

О помѣщеніи для рабочихъ почти никто изъ работодателей не считалъ нужнымъ даже и упоминать: всякій знаетъ, что никакихъ особенныхъ помѣщеній для нихъ не полагается. Не только въ лѣтнюю теплую погоду, но и въ раннюю весеннюю и позднюю осень рабочіе спятъ большею частью подъ открытымъ небомъ на голой землѣ.

III.

Перейдемъ къ анализу цифровыхъ данныхъ, полученныхъ путемъ регистраціи отправлявшихся на заработки рабочихъ.

На опредѣленныя работы всего отправлено конторою 1709 человѣкъ (къ этому числу нужно прибавить 1652 чел. переселенцевъ и отправившихся на заработки на свой счетъ).

Въ первое время существованія бюро отправляли главнымъ образомъ самарскихъ рабочихъ; и только съ апрѣля мѣсяца стали посылать всѣхъ желающихъ. Въ общемъ за полгода было отправлено 829 самарцевъ (48,5%) и 880 не-самарцевъ (51,5%), пришедшихъ искать работы преимущественно изъ пораженныхъ неурожаемъ губерній — Казанской, Уфимской и Симбирской. Непосредственно примыкающіе къ Самарѣ и особенно поражен-

ные неурожаемъ дали большую цифру рабочихъ, менѣе пострадавшіе отъ голодовки и наиболѣе отдаленные—меньшую.

Изъ общаго числа всѣхъ отправленныхъ рабочихъ на долю женщинъ было всего 58 (или 3,4%), мужчинъ—1651 (или 96,6%). На сторонніе заработки, особенно въ отдаленныя отъ родины мѣстности, крестьянская женщина идетъ только съ ближайшими родственниками-мужчинами: съ мужемъ, братомъ или отцомъ; посылать на отхожіе промыслы дѣвушку считается для семьи позоромъ, а потому уходили на заработки лишь тѣ, у которыхъ нѣтъ ни отца, ни матери.

Раздѣливши всѣхъ рабочихъ, по экономическимъ признакамъ, на три группы: хозяйственныхъ (т. е. имѣющихъ озимый посѣвъ и рабочій скотъ), полухозяйственныхъ (имѣющихъ или одинъ посѣвъ или однѣхъ лошадей) и безхозяйныхъ (не владѣющихъ ни живымъ инвентаремъ, ни запашкой), мы получимъ, что къ первой категоріи принадлежало 454 человѣка (26,6 %), ко второй 392 (22,9%) и къ послѣдней всѣ остальные 863, т. е. на долю безхозяйныхъ приходилось болѣе половины всѣхъ отправленныхъ рабочихъ. Впрочемъ не слѣдуетъ забывать, что и изъ числа тѣхъ рабочихъ, которые имѣютъ озимые посѣвы или лошадей, далеко не всѣхъ можно считать экономически обезпеченными, такъ какъ огромное большинство изъ нихъ владѣетъ лишь minimum'омъ крестьянскаго достатка. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 833 рабочихъ, имѣющихъ озимые посѣвы, засѣвали болѣе двухъ десятинъ на дворъ лишь 197 или 23,7% (а только такихъ и можно признавать болѣе или менѣе обезпеченными); 209 рабочихъ (25,1%) имѣли по 2 дес. посѣва; 87 (10,4%) по 1½; 222 (26,7%) по 1 десятинѣ; и 118 (14,1%) менѣе десятины; въ среднемъ на одинъ дворъ приходится 1,7 десят. озимаго посѣва. Но и это не все: изъ 833 рабочихъ, обезпеченныхъ своими посѣвами, владѣли лошадьми лишь 462 или немного болѣе половины; остальные вынуждены были обработывать землю чужимъ инвентаремъ или сдавать свой надѣлъ въ аренду или „исполу". Пойдемъ дальше. По условіямъ сельскаго хозяйства Самарской и сосѣднихъ съ нею губерній, вполнѣ „справнымъ дворомъ" можетъ считаться только такой, гдѣ имѣется не менѣе двухъ лошадей. Такому требованію удовлетворяли лишь 108 рабочихъ изъ 1709, или менѣе 7%.

Вообще, чѣмъ зажиточнѣй крестьянинъ, тѣмъ меньше онъ стремится уходить на сторонніе заработки; напротивъ, экономически необезпеченный имѣетъ сильную тенденцію оставить свое пепелище и искать счастья въ другихъ губерніяхъ. Наши цифры вполнѣ подтверждаютъ это.

На вопросъ, предложенный рабочимъ: гдѣ они были послѣдній годъ: дома (въ предѣлахъ своей губерніи) или на сторонѣ? 1081 (или 64%) отвѣтили, что они были дома и 628 (36%), —

[...]то жили „на сторонѣ“; при этомъ, изъ ста хозяйственныхъ рабочихъ оставались дома 80 человѣкъ, изъ ста полухозяйственныхъ 67, а изъ безхозяйныхъ менѣе половины — 47 человѣкъ.

И это вполнѣ понятно: рабочему, имѣющему свой посѣвъ и живой инвентарь, нѣтъ никакого разсчета бросать свое хозяйство и идти въ батраки, напротивъ, безхозяйному, у котораго подчасъ нѣтъ „ни кола, ни двора“, гораздо выгоднѣе искать работу „на сторонѣ“; такимъ образомъ, перваго гонитъ изъ дому неурожай, голодъ, пожаръ и вообще какое-нибудь случайное несчастіе, второго (безхозяйнаго)—обычная обстановка его жизни; полухозяйственный стоитъ между ними въ срединѣ, склоняясь, примѣнительно къ обстоятельствамъ, то въ сторону перваго, то въ сторону второго.

Болѣе детальное разсмотрѣніе этого вопроса подтверждаетъ высказанную нами мысль. Изъ 1709 опрошенныхъ рабочихъ 1068 (62,5%) дали показаніе, что они идутъ на сторонніе заработки лишь первый годъ, 225 (13,2%) заявили, что идутъ 2-й годъ и 416 (24,3%)—3-й и болѣе; причемъ категорія хозяйственныхъ рабочихъ даетъ болѣе устойчивую группу по сравненію съ полухозяйственными, а тѣмъ болѣе—съ безхозяйными. Такъ, изъ каждой сотни рабочихъ первой категоріи (хозяйственныхъ) 78 человѣкъ ходятъ на сторону лишь 1-й годъ, по 2-му году идутъ 12 человѣкъ, по 3-му и болѣе—10; соотвѣтствующими цифрами для второй группы (полухозяйственныхъ) будутъ: 61%, 13% и 26%; за то изъ категоріи безхозяйныхъ только половина отправляется на сторонніе заработки по 1-му году, 1/7 ходитъ 2-й годъ и 1/3— болѣе двухъ лѣтъ (изъ нихъ половина порвала съ родиною всякую связь и батрачитъ по 5, 10 и болѣе лѣтъ внѣ предѣловъ своей губерніи). На вопросъ регистрирующаго: „который годъ идете на сторонніе заработки?“ нерѣдко приходилось слышать отъ рабочихъ: „съ измалѣтства“, „почитай, съ тѣхъ поръ, какъ о себѣ ходить сталъ“, „съ 10 лѣтъ скитаюсь по чужимъ мѣстамъ“, „такъ давно, что и не упомню“, „20 лѣтъ“, „болѣе 25 лѣтъ“, „всю жизнь провелъ на сторонѣ“, „у чужихъ родился, у чужихъ вскормился, чужіе, видно, и въ гробъ положатъ“ и т. п., и т. п.

Всю важность и значеніе справочной конторы мы тогда поймемъ и оцѣнимъ, когда обратимъ вниманіе на скитаніе рабочихъ, на ихъ безплодные поиски какой-нибудь работы въ теченіе нѣсколькихъ недѣль и даже мѣсяцевъ. Измученные длинными переходами, изголодавшіеся и исхолодавшіеся, они являются въ контору, вѣря, что послѣдняя положитъ конецъ всѣмъ ихъ страданіямъ и укажетъ, гдѣ они могутъ найти приложеніе своихъ рукъ. И кто знаетъ, сколько времени пришлось бы бродить тѣмъ рабочимъ, которыхъ пристроила контора къ мѣсту? Тѣ цифры, которыя мы сейчасъ приведемъ, будутъ говорить лишь объ од-

номъ: какъ трудно и долго рабочій не находитъ себѣ заработка даже при существованіи учрежденія, спеціально предназначеннаго указывать эти работы.

Изъ общаго количества отправленныхъ конторою рабочихъ оставались безъ работы:

менѣе 2 недѣль	307	челов.	(или 18,1%)
отъ 2 недѣль до 1 мѣсяца . .	531	„	(„ 31,0%)
„ $1^1/_2$ до 3 мѣсяцевъ . . .	544	„	(„ 31,7%)
болѣе 3 мѣсяцевъ	327	„	(„ 19,2%)

Въ общемъ, 1709 отправленныхъ конторою рабочихъ провели 91,635 дней безъ всякой работы, или въ среднемъ каждый изъ нихъ скитался въ поискахъ за заработкомъ въ теченіе 53,5 дней, причемъ на долю хозяйственнаго приходится 34,4 дня безработицы, полухозяйственнаго—40,7 (т. е. на 12% больше) и безхозяйнаго—69,6 (на 104% больше противъ хозяйственнаго). Считая стоимость рабочаго дня только въ 25 коп. и харчей въ 10 коп., получимъ, что въ общемъ каждый рабочій потерялъ 18 руб. 72 коп. (рабочій первой группы 12 р. 04 коп., второй—14 руб. 38 коп. и третьей—24 р. 36 коп.) или всѣ вмѣстѣ 32,072 руб. 25 коп.

Возрастный составъ рабочихъ, отправленныхъ конторою, опредѣлялся такъ:

Подростковъ моложе 18 лѣтъ отправлено на работы всего 75 человѣкъ или 4,4% общаго числа рабочей массы; это самая ничтожная группа. За нею слѣдуютъ рабочіе въ возрастѣ свыше 40 лѣтъ, которыхъ зарегистровано 160 человѣкъ или немного менѣе $^1/_{10}$; третье мѣсто занимаютъ рабочіе отъ 31 до 40 лѣтъ,—такихъ отправлены 413 душъ или почти $^1/_4$. Наконецъ, $^2/_3$ приходится на самый цвѣтущій возрастъ отъ 18 до 30 лѣтъ, причемъ 28% падаетъ на молодыхъ людей отъ 18 до 23 лѣтъ и 34% на зрѣлыхъ рабочихъ 24—30 годовъ.

Присматриваясь внимательнѣе къ цифрамъ, мы подмѣтили слѣдующую особенность: возрастный составъ рабочихъ первой группы (хозяйственныхъ) значительно отличается отъ состава второй, а тѣмъ болѣе третьей, а именно: экономически состоятельная группа выдѣляетъ изъ своей среды самыхъ лучшихъ, зрѣлыхъ и способныхъ къ труду людей, въ возрастѣ отъ 18 до 30 лѣтъ, которыхъ насчитывается здѣсь 77,8 % (болѣе $^3/_4$); между тѣмъ, среди полухозяйственныхъ такихъ встрѣчается 58,4%, а въ послѣдней группѣ (безхозяйныхъ) и того меньше—55,5%. Далѣе, цифры говорятъ, что нужда выгоняетъ изъ дому стараго и малаго гораздо скорѣй, чѣмъ хотя бы самый ничтожный достатокъ: изъ группы безхозяйныхъ подростковъ (моложе 18 лѣтъ) уходитъ на заработки вдвое болѣе, чѣмъ изъ второй группы, и въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ изъ первой; стариковъ—старше 40 лѣтъ — отправлено конторою: изъ

категоріи хозяйственныхъ только 5,3%, между тѣмъ какъ изъ двухъ другихъ группъ—11,5% и 10,6%.

Еще интереснѣе цифровыя данныя, рисующія численный составъ семьи рабочаго люда. Изъ общаго числа отправленныхъ рабочихъ (т. е. изъ 1709) 183 или 11% оказались совсѣмъ безсемейными, 10%—вышли изъ семей, состоящихъ изъ 2 членовъ, 31% приходится на долю семей съ 3—4 членами, 28% на семьи съ 5—6 членами и, наконецъ, 20% на семьи съ 7 и болѣе членами.

Въ среднемъ на каждую семью отправившагося рабочаго приходится всего 4,6 челов.; но въ отдѣльныхъ экономическихъ группахъ эта средняя испытываетъ сильныя колебанія, какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, а именно: семья хозяйственнаго рабочаго состоитъ изъ 6,2 члена, полухозяйственнаго —изъ 5,2 и безхозяйнаго — 3,6; или въ группѣ экономически обезпеченныхъ рабочихъ преобладающимъ типомъ является семья съ 7 и болѣе членами ея (39,6%), для второй группы (полухозяйственныхъ) семья—въ 5—6 человѣкъ (36,5%), для третьей—только въ 3—4 души.

При разспросахъ о семьѣ намъ не разъ приходилось выражать свое изумленіе по поводу малочисленности членовъ ея, и слышать отвѣты на подобіе слѣдующихъ:

„Семьѣ и ребятамъ тотъ радъ, у кого домъ свой, хлѣба много да жена хороша.“ „Много ртовъ, много (надо) и кусковъ; а коли у тебя одинъ хребетъ, такъ онъ и надломиться можетъ... нѣтъ, не дай Богъ имѣть много ребятъ!..“ Во многихъ отвѣтахъ указывалось, что дѣвочки въ крестьянской семьѣ—только „обуза“, „помѣха“, что онѣ „земли въ домъ не несутъ, а сундуки изъ дому тащатъ,“ „дѣвки хуже овецъ: съ овцы шерсть снимешь, а у дѣвки хоть и длинны волосы, да валенокъ изъ нихъ не скатаешь“ и проч. и проч. Безхозяйные рабочіе открыто заявляютъ себя противниками брака и семьи. На вопросъ: „велика ли ваша семья?“ часто слышится въ отвѣтъ: „Весь тутъ! не дай Богъ обзаводиться бабой—пойдутъ отъ нея плодиться ребята, что отъ с..и щенята, съ ними и не сладиться... нѣтъ, одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна!“ „Нынѣ и одному-то въ пору съ голоду не помереть,—куда ужъ дармоѣдовъ на руки брать; чѣмъ кормить ихъ станешь — кто женатъ, тотъ вору братъ.“ „Имѣю жену да троихъ дѣтей, да не найду на нихъ покупателя; женился, когда некому было пороть меня.“—„Женаты, батюшка, женаты, видно, бѣсъ попуталъ да и люди говорили: „жениться каждый парень долженъ, что въ кори и въ оспѣ вылежать; только отъ оспы съ корью я избавился, а противъ жены съ ребятами лѣкарствовъ нѣту...“

О грамотности рабочихъ у насъ имѣются весьма скудныя данныя. Вполнѣ грамотныхъ, т. е. умѣющихъ читать и писать всего зарегистровано 22,4%, полуграмотныхъ 11% и совершенно безграмотныхъ 66,6% или $^2/_3$.

Давая отрицательный отвѣтъ на вопросъ о грамотности, многіе рабочіе выражали большое сожалѣніе о томъ, что ихъ никто не училъ. „Нѣтъ, неграмотный"—заявляетъ уфимскій рабочій и тутъ же прибавляетъ: „кому нужно. насъ учить? школъ кругомъ ни одной, просить станешь—и слышать не хотятъ: „на что, говорятъ, вамъ грамота понадобилась; не учиться, а хорошенько пахать да косить надо!" „Безъ грамоты, какъ безъ ногъ;—куда ни пойдешь, вездѣ споткнешься". „Неграмотному жить, что косаремъ дрова рубить,—дровъ не нарубишь, а силу потеряешь; таково и наше темное житье". Особенно много негодованія въ слухъ высказывалось тогда, когда читалось заявленіе какого-нибудь нанимателя, которому нужны „преимущественно грамотные рабочіе". „Что тутъ подѣлаешь, слышится кругомъ, чѣмъ мы виноваты, что наши старики-дураки насъ не учили, либо въ школу не пускали; вотъ теперь и гуляй безъ работы!" „А все наше земство виновато", „обчество", „наши широкогорлые глоты", „кулаки-міроѣды" и проч. и проч. Много остротъ и насмѣшекъ посыпалось на одного пожилого рабочаго, который на вопросъ: „грамотный ли онъ?" отвѣчалъ: „нѣтъ, господинъ, мы по старому завѣту,—неграмотные". „Го-го-го, по старому завѣту!" „Ха-ха-ха, старозавѣтный Авраамъ выискался! Ахъ старый хрычъ! Вы все такъ, по старому-то завѣту ребятъ въ училище не пускаете". И добродушный смѣхъ постепенно переходилъ въ насмѣшку, а потомъ въ брань и взаимное препирательство.

Главный контингентъ пристроенныхъ конторою рабочихъ составляли сельско-хозяйственные рабочіе, которыхъ насчитывалось 898 человѣкъ или 52,5% общаго количества; на черныя работы отправлено 449 человѣкъ (26,1%), на фабрики и заводы—366 человѣкъ или 21,4%.

Рабочіе уходили на заработки главнымъ образомъ въ губерніи, отстоящія отъ Самары за тысячу и болѣе верстъ: болѣе $^2/_5$ общаго числа рабочихъ отправлено за 1200—1400 верстъ отъ Самары; 10% ушли за $1^1/_2$ тысячи верстъ и $^1/_3$ за 1600—2000. Въ среднемъ проѣздъ каждаго рабочаго обошелся въ 2 руб. 60 коп., колеблясь между 25 коп. и 3 руб. 10 коп. Стоимость харчей (по разсчету 6 коп. въ сутки или за каждыя 200 верстъ дороги) равнялась 46 коп. на человѣка.

Среднюю плату, за которую подряжены были отправленные конторою сельско-хозяйственные рабочіе, далеко нельзя назвать высокою, не смотря на всѣ усилія конторы выбирать и удовлетворять лишь тѣ заявленія работодателей, которыя могли считаться болѣе или менѣе сносными въ ряду другихъ. Впрочемъ, это не всегда удавалось: рабочіе со слезами просили дать какую-нибудь работу, лишь бы не бродить зря по городу и не проживать послѣднюю одеженку и обувь. Что же оставалось дѣлать,

какъ не отправлять на работы, завѣдомо невыгодныя для трудящейся массы...

На болѣе выгодныхъ условіяхъ были отправлены рабочіе въ С.-Петербургскую губернію, гдѣ трудъ полнаго рабочаго въ среднемъ оцѣнивался 11 рублями въ мѣсяцъ. Плата отправленнымъ въ губерніи: Владимірскую, Тульскую, Смоленскую и въ области Донскую и Терскую стоитъ уже ниже на 2—3 руб.; посланные въ Курскую и Полтавскую губерніи получили меньше противъ петербургскихъ на 4 рубля въ мѣсяцъ, а посланные въ въ Воронежскую губернію даже вдвое меньше.

Полурабочіе были отправляемы конторою: въ Херсонскую губернію по 6 руб. 10 коп. въ мѣсяцъ, въ Донскую область по 6 руб., Екатеринославскую по 5 руб. 80 коп. (отъ 4 руб. до 8 руб. 25 коп.) и въ Харьковскую по 4 руб. 50 коп.

Женщины получали: отправленныя въ Харьковскую губернію 4 руб. 50 коп., въ Московскую 4 руб. 40 коп., Курскую 4 руб. и Владимірскую 3 руб. 10 коп.

Если мы сравнимъ среднюю плату отправленныхъ рабочихъ съ тою, какую предлагали наниматели, то первая окажется нѣсколько выше второй; такъ это и должно было быть, хотя, повторяемъ, контора не всегда имѣла возможность выбирать лучшія условія и отправлять рабочихъ туда, гдѣ плата не спускалась ниже среднихъ, годами установившихся нормъ.

IV.

Переходимъ къ одному изъ самыхъ щекотливыхъ вопросовъ— къ *вопросу объ оставленіи рабочими своихъ хозяевъ до срока*.

Мы не можемъ и не должны замалчивать того прискорбнаго обстоятельства, что большинство отправленныхъ конторою рабочихъ на сельскія и черныя работы дѣйствительно оставили своихъ первыхъ нанимателей и перешли къ другимъ или же возвратились обратно домой. Теперь спрашивается, отчего все это произошло?

По нашему мнѣнію, главнѣйшая и основная причина бѣгства рабочихъ коренится въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ была открыта самарская контора, въ годъ неурожая и голодовки мѣстнаго населенія. Какъ мы уже упоминали, рабочая контора не всегда была свободна въ выборѣ болѣе подходящихъ заявленій нанимателей. Иногда, она была вынуждены отправлять рабочихъ туда, гдѣ условія найма и работы были много тяжелѣе среднихъ. Отсюда случаи бѣгства рабочихъ отъ хозяевъ, жалобы послѣднихъ на первыхъ и на контору, угрозы полиціей и судомъ и разнаго рода недоразумѣнія въ средѣ самой рабочей массы.

„Рабочіе, посланные конторою — писали помѣщики въ своихъ

жалобахъ, — очевидно не голодающіе, такъ какъ они вовсе не хотятъ у насъ работать, и уходятъ къ другимъ, гдѣ даютъ имъ больше". „Что же это такое?—пишетъ одинъ землевладѣлецъ, у котораго разбѣжались рабочіе, я хлопоталъ, затратилъ деньги на проѣздъ рабочихъ, и вдругъ теперь остался не при чемъ... Съ кого мнѣ взыскивать сдѣланныя мною затраты? съ рабочихъ?—но гдѣ ихъ искать и что съ нихъ взять... можетъ быть, заплатитъ за нихъ управа, такъ какъ это ея вина, что рабочіе меня бросили".

Нѣкоторые помѣщики жалуются на лѣность рабочихъ, на неумѣніе исполнять сельско-хозяйственныя работы („рабочіе, видимо, набраны управою изъ числа праздношатающихся на толчкѣ или въ трактирныхъ заведеніяхъ, такъ какъ всѣ они оказались къ нашимъ работамъ не привычными"), на грубость и т. п. Одинъ землевладѣлецъ передаетъ совершенно невѣроятную вещь: „рабочіе ушли отъ меня, заявивъ, что они нанимались *воду возить и кашу варить*, а не пахать и косить". Нѣкто г. С., помѣщикъ области Войска Донскаго, хочетъ видѣть причину ухода рабочихъ отъ хозяевъ въ привычкѣ русскаго люда къ бродяжничеству, къ исканію какой-то обѣтованной земли съ молочными рѣками и кисельными берегами. „Мы, хозяева, говоритъ онъ, ежегодно нуждаемся въ хорошихъ сроковыхъ рабочихъ и, къ нашему прискорбію, хорошихъ рабочихъ почти никогда не видимъ. Если же и являются пришлые, то всѣ они спѣшатъ въ воображаемое Эльдорадо,—„Кубань", „на линію", „въ Задонье" (только и слышишь такіе отвѣты); изъ такихъ рабочихъ ни одного не остановить ближе этихъ волшебныхъ мѣстъ, хотя зачастую они возвращаются оттуда Христовымъ именемъ. Намъ же приходится довольствоваться послѣднимъ отбросомъ, да и того не найдешь на срокъ, развѣ поденно. Вообще послѣднее время только и думаешь о ликвидаціи хозяйства, такъ какъ безъ хорошихъ рабочихъ оно дѣлается немыслимымъ". Такія же жалобы повторяются и въ заявленіяхъ другихъ нанимателей.

Одну сторону мы, такимъ образомъ, выслушали; но, намъ думается, что самая элементарная справедливость требуетъ выслушать и другую. Къ сожалѣнію, большинство рабочихъ—народъ неграмотный,—они и не могли, и не умѣли писать такихъ жалобъ и „объясненій", какія въ обиліи поступали въ контору отъ нанимателей. Мы выслушали всего лишь нѣсколько десятковъ рабочихъ, оставившихъ хозяевъ до срока, и вотъ что они передали намъ.

Прежде всего, почти всѣ они подтверждаютъ справедливость жалобъ нанимателей, что главною причиною ухода была низкая плата за трудъ и желаніе заработать денегъ побольше.

„Пришли мы, разсказываетъ одна партія, на Донъ, а тамъ платятъ въ полтора да въ два раза дороже противъ того, что намъ назначено было по условію; обидно то, что у нашего же

хозяина нанять народъ совсѣмъ по иной цѣнѣ... Мы стали просить прибавки, приказчикъ началъ ругать насъ и грозить полиціей... мы говоримъ ему честью, а онъ и слышать не хочетъ,—знай ругается да ругается. Мы и ушли къ сосѣдямъ,—тамъ плата выше и жить лучше". Изъ объясненій многихъ рабочихъ видно, что къ нимъ нерѣдко являлись разнаго рода агенты и сманивали отъ хозяевъ, обѣщая самыя выгодныя условія. „Изъ Риги пришли къ намъ (въ Митаву) какіе-то приказчики, и стали насъ уговаривать, чтобы мы бросили своего хозяина и перешли къ нимъ; они давали намъ хорошую плату и сулили выдать впередъ большой задатокъ („по 10 рублей на брата...") Мы стали имъ говорить, что управа не велѣла намъ перебѣгать отъ одного нанимателя къ другому, что она на насъ разсердится да и хозяинъ тоже... А они намъ: „наплевать-де вамъ на управу и помѣщика, вамъ съ ними не ребятъ крестить,—ушли да и дѣлу конецъ! вамъ же дуракамъ, лучше будетъ, когда домой принесете больше денегъ". Мы стали совѣтъ держать артелью,—одни усовѣщивали и говорили, что это не хорошо; другіе указывали, что нужда заставитъ и не то дѣлать, а управа насъ проститъ... Порѣшили уйдти. Такъ всѣ и ушли; только одни татары остались: тѣ долго чего-то лопотали между собой—татары устояли и остались у прежняго (хозяина), а мы ушли... Ничего, господинъ, не подѣлаешь, когда нужда горло грызетъ, и сами знаемъ, что негоже".

„Платой обиждаютъ, жаловались другіе, потому и бросили хозяина; никто себѣ не врагъ; недаромъ говорится, что „рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше".

Нельзя пройти молчаніемъ слѣдующій весьма характерный фактъ, который имѣлъ мѣсто въ Кронштадтѣ. Туда было отправлено 100 человѣкъ рабочихъ къ А. М-чу и К° для укладки досокъ въ трюмѣ и на палубѣ судовъ, а также для разгрузки и укладки угольнаго брикета и чугуна. Плата предлагалась, судя по самарскимъ цѣнамъ, очень высокая,—въ своемъ родѣ даже единственная и исключительная,—23 рубля въ мѣсяцъ (на харчахъ рабочаго). Но что же оказалось? Самарскіе рабочіе нужны были г. М-чу лишь затѣмъ, чтобы сбить цѣны мѣстнымъ грузчикамъ, которые получали по 2 рубля въ сутки. Такой пріемъ этотъ предприниматель практикуетъ уже не въ первый разъ, за что послѣдній разъ и получилъ строгій выговоръ отъ г. командующаго портомъ. Когда грузчики, работавшіе по 2 рубля въ день, узнали, что изъ Самары выписываются рабочіе за плату въ 70 коп. они страшно заволновались и, не имѣя подъ руками иныхъ средствъ, рѣшили прибѣгнуть къ насилію: несчастныхъ конкуррентовъ просто на просто стали всячески притѣснять, бить, грозили бросить въ море, а двоимъ самарскимъ рабочимъ даже проломили головы. Дѣлать нечего, пришлось уступить силѣ,—и рабочіе ушли „отъ грѣха подальше".

„Мы платой были довольны, заявляли возвратившіеся изъ имѣнія N. Московской губерніи, у насъ дѣло вышло изъ-за задатку. Выходя изъ дому искать работу, мы заняли денегъ подъ залогъ озимаго посѣва; своему новому хозяину все это мы обсказали и просили его, чтобы онъ насъ выручилъ изъ бѣды, далъ задатку. Ужъ мы его просили-молили, и въ ноги падали,—куда тутъ: стоитъ на своемъ да и только; „вы, говоритъ, двухъ дней не проработали, а денегъ спрашиваете“, и началъ онъ насъ пробирать на всѣ корки. Мы опять ему бухъ въ ноги,—нѣтъ, ни почемъ; а тутъ на наше счастье и подвернись приказчикъ отъ другого барина. „Чего, спрашиваетъ онъ насъ, мужички, вамъ надо?“ Мы ему объяснили, а онъ не долго думая выложилъ на столъ толстый-претолстый бумажникъ и говоритъ: „кому сколько задатку надо? Подходите, а я стану записывать васъ“. Деньги выдалъ, въ книжку записалъ, мы къ нему, значитъ, и перешли въ тотъ же день. А прежній-то баринъ сталъ браниться съ нимъ, въ судъ хотѣлъ подать; да это насъ не касается,—ихнее дѣло, судитесь, какъ знаете“.

Вообще уходъ изъ-за задатковъ повторялся довольно часто. Когда же я спрашивалъ рабочихъ, зачѣмъ они просили у хозяина впередъ денегъ, когда въ условіи этого не было выговорено, они отвѣчали: „такъ вездѣ заведено,—безъ задатку никто работать не станетъ и не въ такое время; потому изъ-за того и продаешь себя, что дома нужда,—деньги до зарѣзу требуются. Кабы было чѣмъ извернуться, развѣ стали бы просить впередъ плату,—мы понимаемъ“. Бесѣдую на ту же тему съ другой партіей, читаю даже письменное условіе, гдѣ прямо и опредѣленно сказано: „никакихъ задатковъ рабочіе не получатъ“. „Вѣдь слышали же вы, говорю имъ, когда вамъ объявляли условіе...“—„Какъ не слыхать, гудятъ, слышали“. „Такъ какъ же вы рѣшились изъ-за задатка уходить отъ хозяина... вѣдь ясно написано: „никакихъ задатковъ рабочіе не получатъ!“—„Написать, ваше благородіе, все можно; да писать-то надо со смысломъ“. „А развѣ тутъ написано безъ смысла?“—„Извѣстно дѣло, безъ разуму написано: кабы у человѣка было какое понятіе въ головѣ, онъ не сталъ бы писать этого“.

Нерѣдко однимъ изъ поводовъ ухода отъ нанимателей служило и обращеніе съ рабочими распоряжающихся работою лицъ.

„Мы отъ него не слыхали ни одного хорошаго слова,—жаловались рабочіе на приказчика,—съ утра до ночи только и слышишь въ полѣ его крикъ да отборную брань... Ему все кажется, будто мы мало и плохо работаемъ, часто отдыхаемъ. Какой отдыхъ! не дастъ цыгарки выкурить, сейчасъ подскочитъ, вырветъ ее изъ зубовъ, да еще и въ загривокъ иному дастъ... Развѣ эдакъ можно? Мы вѣдь—не барскіе, слава Богу: нонѣ на каждаго судъ да расправа есть“... О другомъ приказчикѣ рабочіе передавали, что онъ постоянно ѣздитъ „верхомъ на лошадѣ и все плеткой

посвистываетъ“; а когда рабочіе рѣшили уйти отъ такихъ порядковъ подальше, то эта плетка „сильно погуляла“ по ихъ спинамъ.

Въ одномъ имѣніи южной губерніи практикуется такой оригинальный способъ воздѣйствія на трудящуюся массу. Изъ среды рабочихъ выбирается самый расторопный, энергичный и вліятельный; ему дается лишній рубль въ мѣсяцъ и каждый вечеръ одинъ шкаликъ водки; но ставится непремѣннымъ условіемъ—зорко слѣдить за рабочими, „подзуживать ихъ гдѣ тычкомъ, гдѣ пинкомъ, а гдѣ и ласковымъ словцомъ“, когда надо, доносить хозяевамъ и указывать „зачинщиковъ и бунтарей“. Рабочіе отъ всей души ненавидятъ такого подкупленнаго „надсмотрщика“, котораго они чаще всего зовутъ „переметной сумой“, „подлипалой“ и „сыщикомъ“, и изъ-за котораго нерѣдко происходятъ крупныя „недоразумѣнія“; но экономія въ послѣднихъ случаяхъ всегда остается въ сторонѣ, сваливая всю вину на черезчуръ усерднаго работника, радѣющаго о благѣ своихъ господъ.

Харчи тоже служили предметомъ жалобъ рабочихъ на своихъ хозяевъ. Одни, напримѣръ, рабочіе никакъ не могли привыкнуть къ кукурузному хлѣбу („лучше съ лебедой станемъ ѣсть, а куричьяго (кукурузнаго) хлѣба не надо“), другіе не выносили галушекъ („мутитъ насъ съ этихъ проклятыхъ галушекъ,—какъ въ ротъ возьмешь, такъ все нутро и переворачивается“), третьи жаловались на мутную, грязную и вонючую воду, бравшуюся изъ какихъ-то болотныхъ лужъ („какая тутъ работа, когда день поработаешь, да два безъ памяти валяешься, какъ снопъ,—тутъ и жизни не радъ, не то заработку“). Въ рабочей конторѣ лежали образцы хлѣба, которымъ кормили рабочихъ въ имѣніи г. Ю. (Дон. область), и котораго „не ѣли даже бездомные собаки“. Рабочимъ говорили здѣсь, что они, какъ пришедшіе изъ голодающихъ губерній, должны ѣсть все, что имъ ни подадутъ.

„Развѣ дома-то вы лучше жрали?—говорили намъ. Правда, что хуже; да вѣдь, господинъ, дома-то зимой у насъ и работы-то почесть не было никакой,—лежишь на печи, и ѣсть много не спрашиваешь; а здѣсь не то: будятъ до зари, а кончать велятъ, когда солнышко давно отдыхать ушло. Къ тому же эти жары несносныя установились,—просто не въ терпежъ; даже лошади отъ истомы дохли. А тутъ дадутъ тебѣ какой-то мутной бурды да экого кирпича нарубятъ (рабочій вынимаетъ изъ-за пазухи комъ твердой, черной массы), вотъ и жуй, да сытъ будь, и жаловаться не смѣй... А вы намъ говорите, зачѣмъ ушли? Развѣ намъ самимъ-то больно сладко болтаться безъ работы да слоны слонять“.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о причинахъ ухода рабочихъ съ Николаевской желѣзной дороги (въ Петербургѣ и на ближайшихъ станціяхъ), куда они подрядились производить ремонтъ пути. Всего отправлено было самарскою конторою 67

человѣкъ, изъ которыхъ большинство вскорѣ ушло. Главный инженеръ г. П—въ, сообщая объ этомъ фактѣ, огуломъ обвинялъ всѣхъ рабочихъ въ нежеланіи работать и въ лѣни; потомъ это извѣстіе попало на столбцы газетъ, сначала „Новаго Времени“, а потомъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Случай былъ сильно раздутъ, и контора получила даже изъ-за него замѣчаніе. Къ сожалѣнію, ей не было тогда извѣстно то, что она узнала отъ рабочихъ лишь спустя $1^1/_2$—2 мѣсяца. Изъ 67 рабочихъ 5—6 человѣкъ дѣйствительно оказались невполнѣ добросовѣстными, такъ какъ они хотѣли воспользоваться даровымъ проѣздомъ и поступить въ Петербургѣ на какой-нибудь механическій заводъ. Въ извиненіе и этихъ 5—6 рабочихъ мы должны сказать, что весной текущаго года самарскія желѣзнодорожныя мастерскія значительно сократили штатъ своихъ служащихъ и многихъ выкинули за бортъ, оставивъ безъ всякихъ средствъ; изъ группы этихъ-то безработныхъ нѣкоторые и записались на Николаевскую желѣзную дорогу, надѣясь оттуда перебраться въ Петербургъ и найти занятія по своей спеціальности, а не подбивать шпалы за 50 коп. въ день на своихъ харчахъ. Въ этомъ и заключается ихъ вина.

Другіе рабочіе отказались отъ работы потому, что всѣ условія труда оказались для нихъ крайне тяжелыми. „Насъ нанимали, заявлялъ конторѣ один изъ возвратившихся, работать съ 6 часовъ утра и до 6 часовъ вечера; а на самомъ дѣлѣ поднимали въ 4, даже въ 3 часа утра и заставляли работать зачастую до 7 вечера. Работа трудная, — все на камняхъ; однихъ лаптей издерешь видимо-невидимо: на недѣлю не хватаетъ двухъ паръ, а двѣ-то пары стоятъ полтинникъ... Харчи тоже дорогіе; задатковъ не даютъ. Рабочіе тамъ харчатся артелью, а насъ, самарскихъ, всѣхъ разогнали по разнымъ мѣстамъ, не дали составить своей артели; старые же насъ, новичковъ, къ себѣ не принимаютъ, хоть волкомъ вой. Каждому въ отдѣльности кормиться, сами знаете, дорого, отъ заработка и гроша не останется. Вотъ какое дѣло. Нѣтъ, не отъ радости ушли отъ нихъ; а тутъ стали приходить разные наниматели, давали плату больше... Мы пошли просить начальника выдать намъ паспорта, начальникъ намъ паспортовъ не выдалъ, а сказалъ, что онъ отошлетъ ихъ въ управу; такъ и сдѣлалъ. Мы очутились по его милости и безъ видовъ, и безъ работы; а тамъ по этой части строго,—никто безъ билетовъ не принимаетъ. Что намъ оставалось дѣлать? По этапу идти не хочется—обществу накладно за насъ отдуваться, расплачиваться—мы пошли въ Самару сами за паспортами. Шли цѣлыхъ шесть съ половиной недѣль, спали подъ открытымъ небомъ, то въ канавахъ, то въ болотѣ, гдѣ попало, лишь бы насъ, безбилетныхъ, не словили; чѣмъ кормились, одинъ Богъ вѣдаетъ, не знаемъ какъ душа въ тѣлѣ осталась, просить милостыни стыдились да и боязно какъ-то, какъ-бы, думаемъ, не попасть въ кутузку. Нѣсколько

нашихъ товарищей дорогой слегли и до сей поры находятся въ больницахъ".

Другой рабочій ко всему этому прибавилъ еще слѣдующее: „Проработали мы семь дней и ничего за свою работу не получили, окромя харчей... Староста такой озорной, что не приведи Богъ такого, — озоруетъ, матерится, а кто поплоше да потощѣе, того даже билъ. Урокъ намъ данъ былъ большой, — подбить 13 шпалъ; а гдѣ ихъ подобьешь, когда черезъ каждые полчаса бѣгутъ поѣзда то туда, то сюда; только успѣвай оглядываться и смотрѣть въ оба, какъ бы подъ вагонъ не угодить... А староста все бѣгаетъ, бранится да съ кулаками подступаетъ".

Рабочіе просили контору выслать имъ возвращенные инженеромъ П—мъ паспорта въ Александро-Невскую часть (въ Петербургѣ); контора, разумѣется, немедленно исполнила ихъ просьбу; и тѣмъ не менѣе паспортовъ оттуда они не получили. Контора получила отъ пристава паспорта рабочихъ обратно, причемъ въ препроводительной бумагѣ говорилось, что адреса рабочихъ Александро-Невской части неизвѣстны. Тогда контора снова отправила злополучные „виды на жительство" съ просьбой выдать ихъ на руки тѣмъ рабочимъ, которые непремѣнно явятся къ приставу, какъ они сами о томъ писали конторѣ. Но не прошло и $1^1/_2$ недѣли, какъ управа получила пакетъ обратно даже не распечатаннымъ. Такимъ образомъ, нѣсколько десятковъ рабочихъ вынуждены были потерять $1^1/_2$ мѣсяца дорогого времени и испытать тысячи лишеній, чтобы получить свои паспорта.

V.

Мы уже говорили выше, что первымъ дѣломъ иниціаторовъ Самарской рабочей конторы было—широкое оповѣщеніе работодателей объ открытіи справочнаго бюро.

Самою удобною формою извѣщенія оказалась разсылка особаго рода печатныхъ объявленій черезъ посредство губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ всей Россіи, мѣстныхъ управленій Общества Краснаго Креста, высшихъ административныхъ лицъ неземскихъ губерній, сельско-хозяйственныхъ обществъ и проч. Изъ общаго числа поступившихъ въ контору требованій на рабочія руки 80% были написаны на бланкахъ, разосланныхъ самарскою губернскою управою.

Другимъ путемъ извѣщенія нанимателей о справочномъ бюро служили газеты, гдѣ помѣщались объявленія и письма въ редакціи за подписью предсѣдателя управы, частныя корреспонденціи и статьи. Такимъ способомъ узналъ о существованіи конторы 41 наниматель (изъ 351) или 11,7%, причемъ 8 изъ нихъ ссылались на „Русскія Вѣдом.", 7 на „Новое Время", 5 на „Курьеръ",

3 на „Недѣлю", столько же на „Биржевыя Вѣдом.", 2 на „Сынъ Отечества", остальные 13 на разныя мѣстныя провинціальныя изданія.

Кромѣ того, въ свободное отъ текущихъ занятій время, контора разсылала свои печатныя объявленія всѣмъ извѣстнымъ крупнымъ фабрикамъ и заводамъ ближайшихъ къ Самарѣ губерній, пользуясь адресами, указанными въ справочной книгѣ „Вся Россія".

Какимъ путемъ проникали свѣдѣнія о существованіи конторы въ среду рабочихъ, сказать трудно; мы должны констатировать тотъ фактъ, что еще задолго до открытія дѣйствій ея прошелъ нелѣпый слухъ, будто „земство", „казна", „царь" *всѣмъ* даютъ работу, и управа съ ранняго утра до полудня находилась какъ бы въ осадномъ положеніи.

По мѣрѣ того, какъ въ контору стали поступать отъ нанимателей заявленія, они громко прочитывались собравшейся толпѣ и давались соотвѣтствующія разъясненія. Нѣсколько разъ практиковалось расклеиваніе по городу или печатныхъ объявленій общаго характера, или бюллетеней съ указаніемъ: куда требуются рабочіе (губернія, уѣздъ, волость), на какія работы (сельско-хозяйственныя, фабричныя, черныя и т. п.), въ какомъ количествѣ (мужчины, женщины, подростки, полурабочіе), за какое вознагражденіе. Были случаи, когда рабочіе, узнавъ о конторѣ, увѣдомляли объ этомъ письменно своихъ родныхъ и знакомыхъ, и тѣ немедленно пріѣзжали за сотни верстъ, въ надеждѣ получить „мѣсто".

Впрочемъ, недостатка въ рабочихъ не было никогда, а зимой, даже наоборотъ, постоянно чувствовался избытокъ. Тогда въ конторѣ ежедневно можно было наблюдать самыя тяжелыя сцены. Молодые парни, бородатые, солидные мужики, старики лѣтъ 50—55, женщины, а нерѣдко и дѣти падали на колѣни, плакали на-взрыдъ и просили принять ихъ на работу. „Сдѣлай божескую милость, возьми меня!" молитъ одинъ; „меня, меня запиши, родной, не погуби, плачетъ другой: третій день маковой росинки во рту не бывало, съ голоду умираю"... Третій валяется въ ногахъ и разсказываетъ что-то ужасное объ оставшейся дома семьѣ; изъ его бормотанья, прерываемаго судорожными всхлипываніями, можно понять одно, что у него лежатъ въ деревнѣ голодныя, холодныя и при смерти больныя жена съ кучей ребятишекъ...

Дѣлать какой-либо выборъ: принимать одного и произвольно отказывать другому было совершенно немыслимо, приходилось придерживаться извѣстнаго порядка, соблюдая хронологическую подачу паспортовъ. Но этотъ порядокъ вызывалъ страшный безпорядокъ: лишь только объявлялось, что пріемъ паспортовъ начался, какъ въ конторѣ и около нея (на улицѣ) устраивалась настоящая „ходынка". Напрасно стали бы вы водворять дисциплину и урезонивать рабочихъ,—всѣ ваши попытки въ этомъ направленіи непремѣнно потерпятъ пораженіе передъ всесокрушающимъ

доводомъ голодной массы: „мы хотимъ ѣсть и работать!“ Не рѣдко случалось, что на 20 свободныхъ мѣстъ заявлялось 100, 150, даже 200 конкуррентовъ. Какъ тутъ быть? Кому отдавать предпочтеніе? Невольно охватывало какое-то отчаяніе и стыдъ при видѣ сотни оставшихся „за флагомъ“, которымъ и сегодня не придется купить хлѣба на обѣдъ; невольно вставалъ назойливый и мучительный вопросъ: „къ чему все это? и можно ли исчерпать необъятное море мужицкой нужды этой маленькой ложкой— учрежденіемъ рабочей конторы?!.. Впрочемъ долго предаваться размышленіямъ было некогда,—кругомъ толпились кучки оборванцевъ и поминутно жалобно повторяли: „нѣтъ ли, кормилецъ, какой ни-на-есть работишки?“ а дальше снова шли безконечные разсказы о нуждѣ, голодѣ, о послѣдней лошаденкѣ, которая не дотянула до весны и пала отъ безкормицы, о полномъ крестьянскомъ раззореніи, о грозномъ будущемъ, о пожарѣ, превратившемъ въ груды мусора и дома, и дворы, и все мужицкое добро...

Самая наемка рабочихъ производилась слѣдующимъ образомъ.

По мѣрѣ поступленія отъ нанимателей требованій, какъ мы уже сказали, они прочитывались вслухъ рабочимъ; и если условія по чему-либо оказывались неподходящими, работодатель увѣдомлялся объ этомъ. Если же рабочіе, въ общемъ, соглашались принять извѣстное предложеніе, имъ всетаки, во избѣжаніе могущихъ произойти недоразумѣній, оно прочитывалось вновь и обсуждалось, причемъ рабочіе обнаруживали много ума, сообразительности и практической сметки. Случалось не разъ (особенно это нужно сказать о томъ времени, когда отхлынула главная масса), что рабочіе отказывались наняться только потому, что имъ неизвѣстны были тѣ или иныя условія найма (продолжительность рабочаго дня, отдыха, количество и качество пищи, вычеты и штрафы и проч. и проч.). Въ подобныхъ случаяхъ уже съорганизовавшаяся партія уходила, а ея мѣсто заступала новая, съ которой опять приходилось продѣлывать все то, что и съ первой...

Но вотъ, наконецъ, окончательно сформировалась партія, требуемое количество паспортовъ отобрано; тогда контора приступала къ опросу рабочихъ и занесенію на особыя карточки отвѣтовъ.

Но насколько умны и дѣльны были замѣчанія рабочихъ въ вопросахъ, касающихся взаимныхъ отношеній между ними и ихъ хозяевами, настолько же безтолковы, сбивчивы, курьезны подчасъ бывали ихъ отвѣты на вопросы программы. Пока вы задаете чисто полицейскіе вопросы,—спрашиваете фамилію, имя, отчество, званіе и мѣсто прописки, у васъ все идетъ сравнительно гладко; хотя и тутъ случаются нѣкоторыя заминки. „Какъ зовутъ?“ спрашиваете вы.—„Левонъ!“ получаете въ отвѣтъ. „Какой Левонъ? вѣдь такого и имени-то нѣтъ?“

— А ужъ про это не могу знать, всѣ такъ зовутъ... спросите у попа, зачѣмъ такъ назвалъ.

Или: „ваше имя?"— „Липатъ", „Лопатъ", „Линоръ", „Кудинъ", „Пехнутъ", „Ортюшка", „Васёна", „Лушка" и т. п. и т. п.

Вопросъ о лѣтахъ уже очень многихъ ставитъ въ затрудненіе. Начинались медленныя соображенія, тяжелое пыхтѣніе, всевозможныя выкладки, по-видимому, очень мало имѣющія отношеніе къ возрасту рабочаго.

„Сколько лѣтовъ?" повторяетъ рабочій вашъ вопросъ и начинаетъ загибать пальцы: родился я, сказывала мамка, когда купили „лужокъ" или „меренка" и т. п.; затѣмъ вычислялось, сколько лѣтъ, какъ здохъ или проданъ меренокъ. Нѣкоторые измѣряли свой возрастъ „волей" (1861 г.): „до воли за 5 лѣтъ", „послѣ воли черезъ три года"; иные пріурочивали свое рожденіе къ „войнѣ" (болгарской), къ пожару, постройкѣ новаго дома, смерти отца, дѣда и т. д. безъ конца. Многіе прямо отсылаютъ регистрирующаго къ паспорту: „загляни въ паспортъ, — тамъ прописано", „тебѣ виднѣй изъ грамоты"; другіе, напротивъ, сильно возмущались „враньемъ паспорта": „ты, милый человѣкъ, на паспортъ не смотри, — тамъ это лѣта написано зря: мнѣ не 16 лѣтъ, а съ вешняго Николы пошелъ 19-й, а это писарь по злобѣ на меня набрехалъ,—потому я не сунулъ ему въ глотку-то полбутылки!"...

Съ опросомъ о составѣ семьи рабочаго приходилось биться еще дольше: иной пять разъ принимается считать, сколько у него душъ въ домѣ, и всѣ пять разъ результаты получаются новые: то онъ считаетъ однихъ полныхъ ѣдоковъ, то позабудетъ старуху-бабку („пошто ее въ счетъ класть, она чуть дышетъ, съ печи ногъ не спускаетъ"), то какого-нибудь убогаго калѣку, то маленькаго ребенка (развѣ онъ человѣкъ,—и весь-то онъ съ циплёнка безпёраго).

По окончаніи длинной и утомительной процедуры „опроса", рабочимъ дѣлалась перекличка, потомъ имъ писалась и прочитывалась копія съ условія найма; тѣмъ временемъ рабочіе выбирали изъ своей среды артельнаго старосту (а если партія велика, то двоихъ или троихъ), непремѣнно грамотнаго, по-возможности, толковаго и трезваго. Этому старостѣ вручалась, прежде всего, копія съ условія, потомъ списокъ рабочихъ его партіи, маршрутъ слѣдованія по желѣзной дорогѣ и отъ послѣдней станціи до мѣста назначенія съ подробнымъ адресомъ нанимателя, льготный билетъ на проѣздъ всей партіи и кормовыя для раздачи дорогой по 6 к. на человѣка въ сутки, причемъ отъ него бралась росписка въ полученіи какъ льготнаго свидѣтельства, такъ и кормовыхъ денегъ.

За все время существованія конторы было три случая, когда артельные старосты не оправдали довѣрія своихъ избирателей: одинъ изъ нихъ удержалъ у себя по 5 к. кормовыхъ съ каждаго человѣка („это мнѣ за труды, говорилъ онъ, съ вами никто даромъ возиться не обязанъ"), двое другихъ, напившись пьяными, потеряли артельный билетъ и вмѣсто Таганрога и Петербурга

попали въ самарскую „кутузку“ (Мимоходомъ замѣтимъ, что всѣ трое старостъ, оказавшихся не на высотѣ своего призванія, были коренными жителями города и принадлежали къ сословію мѣщанъ).

Гораздо чаще встрѣчались случаи иного рода, а именно, къ отходу поѣзда не всѣ рабочіе оказывались на лицо: однихъ задерживали на постоялыхъ дворахъ за грошовые долги, другіе заболѣвали, третьи запутывались въ незнакомомъ городѣ и не могли отыскать вокзала, четвертые просыпали (рабочій поѣздъ отходилъ въ 2—3 часа ночи), пятыхъ, какъ нетрезвыхъ, не брала съ собой артель. Помню такой случай. Въ контору, какъ на судъ, привели одного подвыпившаго рабочаго; товарищи наотрѣзъ отказывались принять его въ свою среду.

— Какой онъ работникъ, кричали со всѣхъ сторонъ, ужъ если теперь не утерпѣлъ—нализался, тамъ, на мѣстѣ, съ нимъ сладу не будетъ. Намъ такихъ забулдыгъ не надо!

— Братцы,—взмолился „подсудимый“, весь трясясь не столько отъ водки, сколько отъ страха,—пожалѣйте меня, Христа-ради! Ей-Богу выпилъ всего одинъ шкаликъ... какъ не выпить съ радости? Три мѣсяца шлялся безъ работы, а тутъ, дай имъ Богъ здоровья, мѣсто дали!.. Смилуйтесь, братцы,—ей-Богу одинъ шкаликъ, много ли мнѣ надо? выпилъ на тощакъ—и захмелѣлъ,—вѣдь второй день, почесть, крохи во рту не бывало.—Пожалѣйте—(съ этими словами онъ упалъ на колѣни). Но артель была жестока и неумолима, — она не хотѣла „оконфузить“ себя и „пьяницу“ съ собой не взяла.

Для конторы очень важно было, чтобы отъ партіи не откалывался ни одинъ ея членъ; въ противномъ случаѣ, къ работодателю прибудетъ меньшее количество рабочихъ, чѣмъ требовалось; во-вторыхъ, конторѣ приходится переплачивать даромъ деньги за тѣхъ, которые почему либо не поѣхали (билетъ по желѣзной дорогѣ берется одинъ на всю артель); въ-третьихъ, во избѣжаніе проволочки и могущихъ возникнуть недоразумѣній (хозяева не принимаютъ рабочихъ, пока не получатся отъ конторы паспорта), контора *немедленно* посылала нанимателямъ увѣдомленіе объ отправкѣ рабочихъ и *немедленно* же отсылала ихъ паспорта; такимъ образомъ, рабочіе, не успѣвшіе сѣсть въ артельный вагонъ и застрявшіе въ Самарѣ, лишались мѣста и оставались безъ паспортовъ, т. е. не могли никуда наняться на сроковыя работы.

На этой почвѣ между конторой и рабочими иногда возникали недоразумѣнія и столкновенія. На второй или третій день послѣ отправки партіи приходитъ какой нибудь рабочій и требуетъ обратно свой паспортъ; ему объясняешь, что его паспорта въ бюро уже нѣтъ, что онъ посланъ на мѣсто наемки, но проситель и слышать не хочетъ, — ему, видите ли, „безъ бумаги жить никакъ невозможно“, а потому она сейчасъ же должна быть вы-

дана ему на руки. Двое рабочихъ подали даже жалобу въ губернскую управу на „неправильныя дѣйствія рабочей конторы“ и на „беззаконное удержаніе чужихъ паспортовъ“; помимо этого, они ежедневно являлись въ контору, шумѣли, ругались и даже грозились „расправиться съ писарями“. Но когда имъ объяснили все, какъ слѣдуетъ, и въ ихъ же присутствіи написали трогательное письмо къ нанимателю съ просьбой войти въ ихъ положеніе и выслать немедленно ихъ паспорта, они сразу поняли, что ихъ вовсе не обманываютъ, что паспортовъ въ конторѣ дѣйствительно нѣтъ, что вообще здѣсь заботятся о нихъ и близко принимаютъ къ сердцу ихъ интересы; кончилось это самое крупное изъ всѣхъ столкновеній бюро съ рабочими тѣмъ, что грозившіе „разнести контору“ расплакались и стали просить прощенія, приговаривая: „это не мы виноваты, насъ сбили съ толку лихіе люди“. Изъ разспросовъ оказалось, что, дѣйствительно, какіе-то два пропойца, кабацкіе аблакаты, писавшія жалобу въ управу, посовѣтовали „поучить какъ слѣдуетъ конторскихъ писателей“.

У многихъ рабочихъ установился взглядъ на контору, какъ на одну изъ тысячи казенныхъ канцелярій или волостныхъ правленій, гдѣ ловкіе писаря не прочь повернуть дѣло либо въ ту, либо въ другую сторону, смотря по настроенію, личнымъ просьбамъ или доброхотнымъ приношеніямъ. Было нѣсколько случаевъ, когда рабочіе предлагали служащимъ въ конторѣ взятку: одинъ совалъ двугривенный, другой 50 коп., третій свертокъ съ чаемъ и сахаромъ, четвертый неизвѣстно что и пятый двѣ плошки со цвѣтами. Всѣмъ имъ казалось страннымъ и непонятнымъ, почему это „вездѣ берутъ, а здѣсь отказываются“; а нѣкоторые даже обижались: „значитъ ты нами брезгаешь,—не хочешь нашего мужицкаго подарка принять“. „Вѣдь и ты изъ-за насъ сапоги портишь, урезонивалъ другой, а можетъ, и жена съ ребятами есть; вотъ и отдай имъ“. „Возьми хоть на сѣмечки,—больше дать не могу“...

Нѣкоторые рабочіе полагали, что контора дѣйствуетъ исключительно въ интересахъ помѣщиковъ и отъ помѣщиковъ; поэтому они обращались къ завѣдующему съ просьбой „прибавить жалованія“, „выдать задаточку“, „не маять работой“, „не штрафовать безъ нужды“ й т. п. и т. п.

Но большинство составило себѣ болѣе или менѣе правильный взглядъ на бюро, какъ на такое учрежденіе, которое организовано, главнымъ образомъ, въ ихъ интересахъ. „Это все земство объ насъ хлопочетъ, — дай имъ Богъ здоровья!“ „Въ деревняхъ кормятъ голодныхъ, да лѣчатъ больныхъ, а здѣсь намъ даютъ работу“. „Видно, добрые люди не перевелись еще на бѣломъ свѣтѣ,—не забываютъ и насъ мужиковъ-сѣряковъ“...

А. В. Пановъ.

Новыя книги.

П. П. Гнѣдичъ. Туманы. Романъ. Спб. 1900. **Его же.** По духовнымъ завѣщаніямъ.—Водяные.—Nord-Express.—Спб. 1900.

„Они налегли, и лодка еще быстрѣе стала скользить туда, гдѣ толпились розоватые клубы... Они шли, ничего не видя, но шли прямо на свѣтъ, руководясь его далекимъ мерцаньемъ. Они знали, что наступитъ минута, когда молочная пелена порѣдѣетъ, и свѣтъ живого, грѣющаго солнца встрѣтитъ ихъ на далекомъ берегу, наперекоръ этимъ холоднымъ, влажнымъ, сѣдымъ туманамъ, что такъ мощно и властно все охватили вокругъ, и думаютъ, что ихъ царенью не будетъ конца". Такъ оканчиваются „Туманы" г. Гнѣдича. Предразсвѣтная мгла, о которой идетъ рѣчь въ приведенномъ отрывкѣ, исчезнетъ, она уступитъ мѣсто яркому солнечному свѣту; и подобно этой реальной мглѣ, заволакивающей непроницаемой пеленой землю, исчезнутъ и разсѣются „туманы", которые окутываютъ на землѣ человѣческую жизнь, всѣ человѣческія отношенія: еще далеко до „царства Божія", но признаки его уже есть, уже оно какъ будто мерещится вдали... Такова, повидимому, „идея" этого произведенія.

Въ цѣломъ романъ—сплошное недомысліе, а въ частностяхъ—полонъ вопіющихъ противорѣчій. У автора „Тумановъ" мы не нашли ни настоящей вѣры въ лучшее будущее, подкупающей читателя, ни должнаго пониманія условій общественной жизни, подлежащихъ измѣненію. И если бы читатель спросилъ, какіе все-таки пути къ „царству Божію" намѣчаются въ „Туманахъ", мы могли бы отвѣтить только слѣдующее: всѣмъ вообще людямъ дается совѣтъ быть „смирными сердцемъ", а въ частности людямъ, пьющимъ шампанское и разъѣзжающимъ въ каретахъ, рекомендуется кромѣ того отдавать свои лишнія деньги въ пользу голодающихъ или заняться устройствомъ дѣтскихъ пріютовъ, школъ и богадѣленъ для престарѣлыхъ стариковъ и старушекъ.

О дѣйствующихъ лицахъ романа г. Гнѣдича нѣтъ никакой возможности составить себя ясное представленіе. Въ особенности неудачны центральныя фигуры „Тумановъ", главные носители „царства Божія"—нѣкій Миропольевъ, банковскій служащій съ крупнымъ окладомъ, и Бахарева, жена „знаменитаго" профессора, ученаго-спеціалиста. Это не живые люди, а какія-то безжизненныя куклы, маріонетки. Ихъ рѣчи и поступки не мотивированы, не обоснованы психологически и никакъ не вяжутся въ одно цѣльное представленіе. Пожелавъ поупражняться на душеспаситель-

ную тему о любви къ ближнему, авторъ совершенно произвольно заставляетъ этихъ людей произносить разныя „жалкія слова", которыя совсѣмъ не соотвѣтствуютъ ни ихъ поведенію вообще, ни ихъ характеристикѣ, хотя бы и противорѣчивой, данной самимъ авторомъ. Почему они говорятъ именно эти фразы, а не другія, и чего они собственно хотятъ—остается непонятнымъ. Одно лишь ясно,—что Миропольевъ и Бахарева люди удивительно тряпичные, несчастные въ семейной жизни и ни къ чему не пригодные и что они ноютъ: ноютъ благодаря своей тряпичности и негодности, ноютъ, за отсутствіемъ супружескаго счастья, отъ бездѣлья. Все же остальное, главное, въ нихъ искусственно и фальшиво, и заводить по поводу этихъ неумѣло сочиненныхъ и негодныхъ людишекъ рѣчь о „царствѣ Божіемъ"—значитъ быть или наивнымъ человѣкомъ, или кощунствовать.

Гораздо естественнѣе и проще другія произведенія г. Гнѣдича, указанныя въ заголовкѣ. Въ нихъ, по крайней мѣрѣ, все ясно, понятно, и нѣтъ претензій. Авторъ и самъ не бродитъ въ туманѣ, и читателей туманами не угощаетъ, и вы не встрѣтите здѣсь ни „царства Божія", ни евангельскихъ цитатъ, ни прочихъ неудобоваримыхъ блюдъ, которыхъ желудокъ г. Гнѣдича не переноситъ. Очерки „По духовнымъ завѣщаніямъ", правда, носятъ несомнѣнные слѣды подражанія Терпигореву; но разсказы „Водяные" (пользующіеся водами минеральныхъ источниковъ) и „Nord-Express" чрезвычайно характерны для нашего беллетриста: тутъ г. Гнѣдичъ въ своей сферѣ и вполнѣ выдерживаетъ тонъ—тонъ безпринципнаго и безпечнаго молодого человѣка. Курорты, Nord-Express'ы и тому подобные пункты скопленія праздной публики—вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, настоящее мѣсто для празднаго вояжера и бойкаго разсказчика.

Ал. Н. Будищевъ. Пробужденная совѣсть. Романъ. Спб. 1900.

Заглавіе этого романа шире его содержанія: авторъ даетъ читателю меньше того, что онъ обѣщаетъ, или, вѣрнѣе, даетъ не совсѣмъ то, о чемъ говорится въ заглавіи. Своимъ романомъ г. Будищевъ хочетъ иллюстрировать слѣдующее положеніе. За время своего существованія на землѣ „человѣчество пережило два періода. Первый періодъ, это, когда люди совершали преступленія и не мучились ими. Этотъ періодъ можно назвать царствомъ Мертвой Совѣсти или Царствомъ Звѣря. Второй періодъ, начавшійся съ Галилейской проповѣди и продолжающійся до сего времени, можно назвать Царствомъ Пробужденной Совѣсти или Царствомъ Человѣка. Люди этого періода уже не могутъ безнаказанно для своей совѣсти совершать преступленія". Мы оставимъ въ сторонѣ это искусственное и фиктивное дѣленіе жизни человѣчества на періоды и обратимся къ самому понятію „совѣсти", которое авто-

ромъ романа значительно съужено и, такъ сказать, специализировано. „Совѣсть“ г. Будищева не подсказываетъ человѣку никакихъ правилъ поведенія, она не побуждаетъ его что-нибудь дѣлать и даже не останавливаетъ отъ тѣхъ или другихъ дѣяній: она только казнитъ его за „преступленіе“, т. е. за убійство себѣ подобнаго человѣка. Эта „пробужденная совѣсть“ не есть сознательная и воспитанная въ себѣ человѣкомъ потребность согласовать свои поступки со своими нравственными понятіями, и потому самый безсовѣстный человѣкъ, никогда къ голосу совѣсти не прислушивающійся и даннаго своего проступка не считающій безнравственнымъ, можетъ испытывать муки *этой* совѣсти. Она представляетъ собой безотчетное, унаслѣдованное отъ длиннаго ряда поколѣній отвращеніе къ убійству, имѣющее своимъ источникомъ вообще особую неустойчивость и чувствительность нервно-психическихъ органовъ къ непривычнымъ ощущеніямъ. Убійца г. Будищева страдаетъ не потому, что онъ совершилъ преступленіе, что онъ поступилъ противъ совѣсти, а только потому, что убилъ. Психическій феноменъ, занимающій г. Будищева, относится къ числу душевныхъ состояній низшаго порядка и не имѣетъ почти никакого отношенія къ нравственнымъ категоріямъ,—если не считать за таковыя букву закона и обычныхъ нормъ поведенія, къ которымъ человѣкъ прислушивается безсознательно, какъ къ внушенію толпы, стада.

Но г. Будищевъ, очевидно, смотритъ на дѣло иначе и рѣшается говорить по поводу своего убійцы о царствѣ пробужденной совѣсти. Мы думаемъ, что авторъ опоздалъ со своимъ романомъ и стучится въ открытыя двери. Какой, въ самомъ дѣлѣ, смыслъ писать теперь подобные романы и какое они могутъ имѣть общественное значеніе? Вопросъ о совѣсти въ той постановкѣ и въ томъ освѣщеніи, какія ему приданы въ романѣ, навѣрное очень интересовалъ нашихъ предковъ отдаленной эпохи, но теперь такая постановка вопроса является съ общественной точки зрѣнія полнѣйшимъ анахронизмомъ. Совѣсть человѣческая, дѣйствительно, пробуждется, функціи ея усложняются, содержаніе становится шире. Но эта пробужденная совѣсть уже не въ состояніи удовлетвориться прописной моралью и отрицательными императивами: она ихъ пережила и не интересуется ими, она стремится стать дѣйственной и тѣснѣе связать индивидуума съ обществомъ. Убійца же, описанный г. Будищевымъ, не представляетъ для общественной совѣсти никакого интереса и нисколько не можетъ ее волновать. Тутъ дѣло не въ совѣсти, а въ душевной патологіи, и романъ могъ бы представить нѣкоторый интересъ съ точки зрѣнія психіатрической. Кое-что въ этомъ отношеніи удалось г. Будищеву, у него мѣстами недурно изображены нѣкоторыя особенности патологическаго настроенія и отдѣльные симптомы нарушенной психической дѣятельности. Въ общемъ же романъ

санъ грубо, въ своемъ родѣ тенденціозно, и мораль, пришитая бѣлыми нитками, неуклюже торчитъ въ немъ на первомъ планѣ.

В. Авсѣенко. Петербургскіе очерки. 2 тома Спб. 1900.

По „Петербургскимъ очеркамъ“ г-на Авсѣенко познакомиться съ жизнью Петербурга нельзя, и нельзя было бы даже въ томъ случаѣ, если бы авторъ написалъ не два только, а двадцать два томика подобныхъ очерковъ. Эта невозможность зависитъ въ данномъ случаѣ не отъ сложности жизни, требующей много бумаги для своего описанія, а отъ несложнаго взгляда на жизнь, отъ величины угла зрѣнія, чрезвычайно малой, ничтожной, подъ которымъ эта жизнь наблюдается и воспроизводится. Для такого описанія столичной жизни и двухъ томиковъ оказалось много, потому что и въ двухъ маленькихъ томикахъ авторъ безпрестанно повторяется.

Въ его полуюмористическихъ бытовыхъ сценкахъ передъ читателемъ фигурируютъ петербургскія кокотки, хлыщи, отдѣльные кабинеты, загородные сады и дачи, мужья, обманывающіе женъ, и жены, обманывающія своихъ мужей, велосипедисты, атлеты, опять велосипедисты и опять атлеты и т. д., все въ этотъ родѣ. Въ концѣ концовъ, авторъ пытается познакомить читателя не съ Петербургомъ вообще, а съ тѣми петербуржцами и тѣми сторонами петербургской жизни, къ которымъ всего скорѣе подошло-бы опредѣленіе „накипи“ Петербурга. Задача очерковъ въ однихъ случаяхъ—осмѣять, въ другихъ—только посмѣшить. Но высмѣиваетъ г. Авсѣенко слишкомъ ужъ поверхностно и не всегда то, что нужно, а заставить смѣяться мѣшаетъ ему недостатокъ остроумія.

И. С. Соколовъ. Дома. Очерки современной деревни. Спб. 1900.

Книга написана правдиво и тепло. Авторъ — крестьянинъ, хотя и не живущій въ деревнѣ, но не порвавшій кровныхъ связей съ мѣстомъ своего первоначальнаго воспитанія и деревенской средой. Онъ гордится своимъ происхожденіемъ отъ честныхъ землепашцевъ, но въ то же время помнитъ, что, интеллигентъ въ столицѣ, въ деревнѣ онъ—„податная единица“, котораго плутъ—старшина Петръ Костра можетъ въ любой моментъ послать чинить дороги и мосты, даже посадить въ арестантскую—за непочтеніе“. Пріѣхавъ въ деревню послѣ десятилѣтняго отсутствія, авторъ нашелъ въ ней большую перемѣну. „Энергическая“ власть земскаго начальника вмѣшалась въ мирную деревенскую жизнь, стало больше „порядку“ и „строгости“; волостной судъ превратился въ канцелярію, очень опрятную, но и безжизненную; арестантская, вѣчно пустовавшая прежде, теперь расширилась и служила мѣстомъ невольнаго отдохновенія „озорныхъ“ мальчишекъ

и парней въ горячую рабочую пору. Распоряженіе насчетъ всего вышло, даже насчетъ посѣщенія церкви. „Нашему брату пришелъ капутъ,—разсказываетъ съ глубокой грустью прежній „земскій“ учитель.—Только было выбрались на широкую дорогу, школу полюбилъ народъ, какъ—стопъ машина, вороти назадъ, держи около и нашего брата подъ ноготь“... За то въ сосѣдней церковно-приходской школѣ дѣти упражнялись въ церковныхъ письменахъ, писали поминальники, упражнялись въ часословахъ и псалтыряхъ, а русскихъ тетрадокъ не оказалось... Человѣкъ взялъ да водрузилъ національный флагъ на мачту, пускай развѣвается; чего бы, кажется, кромѣ признательности за усердіе отъ начальства за это ждать, — оказывается, нѣтъ, нельзя: неравно земскому не понравится, безъ распоряженія, дескать. Заигралъ парень на гармоникѣ — нельзя: земскій начальникъ запретилъ нарушать тишину и спокойствіе. Кое-кто ослушался, ихъ арестовали, судили, подвергли экзекуціи... А на выборахъ старшины произошла такая сцена:

— Ну, что ребята,—обратился земскій къ мужикамъ:—старшину выбирать собрались?

— Такъ точно, ваше благородіе.

— Дѣло хорошее. На это вамъ дано право. Только выбирайте хорошаго, вотъ какъ нынѣшній старшина Агапъ Евдокимовъ. Я имъ доволенъ. Человѣкъ онъ дѣльный, исправный, дѣло свое знаетъ. За все трехлѣтіе ни разу не провинился. По моему, такого старшину вы должны благодарить.

— Благодарить, благодарить!—закричали горланы, сторонники Евдокимова.

— Кого же вы желаете нынче избрать?—продолжалъ земскій.

— Стараго!—кричали тѣ же горланы.

— Ну, стараго, такъ стараго. Я имъ доволенъ.

— Не надо стараго!—раздались голоса въ толпѣ.

— Онисима Кузьмича желаемъ,—загудѣла толпа.

— Почему Анисима, а не стараго?—спросилъ земскій.—Чѣмъ не хорошъ Агапъ Евдокимовъ? Эй, кто тамъ глотку деретъ на задахъ? Выходи сюда и говори по совѣсти. Тогда и слушать будемъ.

Впередъ проталкивается Захаръ Ивановъ, мужикъ зажиточный и смѣлый.

— Этотъ старенекъ, ваше благородіе. — началъ Захаръ, — пора ему и на покой, будетъ, послужилъ. Спасибо.

— А еще что скажешь?

— Да что, ваше благородіе, міръ обижается на Овдокимова. Больно трудно при немъ мужичкамъ. Тѣснитъ шибко.

— А ты докажи, братецъ, чѣмъ онъ тѣснитъ.

— Да всѣмъ. Ежели, къ примѣру взять... Не все можно и разсказывать.

— Нѣтъ, ты разсказывай, коли за міръ взялся хлопотать. Ты порочишь доброе имя человѣка. Говори, не отвертывайся.

Захаръ смѣшался и замолчалъ.

— Что же ты молчишь? Вѣдь я знаю почему ты хлопочешь: племянника твоего Николку погладили. Такъ это, братъ, его заслуга. Что заслужилъ, то и получилъ. Кто еще тамъ желаетъ сказать что? Выходи сюда. Что кричать за спиной?

Проталкивается другой смѣльчакъ, Василій Кузнецъ, но съ этимъ случилась бѣда. Кузнецъ показался земскому пьянымъ. Его тотчасъ же отправили въ арестантскую. Больше желающихъ говорить не оказалось. Всѣ молчали да переминались съ ноги на ногу.

— Молчаніе — знакъ согласія, — рѣшилъ земскій. — Агапъ Евдокимовъ вновь единогласно избранъ на должность старшины. Анисима Кузьмина утверждаю кандидатомъ. Согласны?

— Согласны, ваше благородіе!

— Ну, а ежели согласны, такъ слушайте дальше,—продолжалъ земскій.— Старшина выстроилъ вамъ новое правленіе, завелъ вездѣ хорошій порядокъ, отлично исполняетъ всѣ мои приказы и распоряженія, я имъ доволенъ и желаю, чтобы труды его были вознаграждены волостью. Предлагаю прибавить ему жалованья сто рублей. Кто не согласенъ?

Мужики молча стали расходиться.

Знаніе внутреннихъ сторонъ деревенской жизни и сочувствіе къ ней выводятъ живые очерки г. Соколова изъ границъ простыхъ этнографическихъ описаній. Написанные просто и безпритязательно, они понравятся читателямъ, интересующимся неподкрашенной, настоящей дѣйствительностью современнаго деревенскаго быта.

Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Томъ IV. Этнографія и правовѣдѣніе. Спб. 1900.

Съ выходомъ въ свѣтъ этого тома заканчивается новое изданіе сочиненій Кавелина. О предыдущихъ томахъ этого изданія мы давали уже въ свое время отчетъ на страницахъ „Р. Богатства". Что касается настоящаго тома, то въ немъ читатель, знакомый съ напечатанными ранѣе работами покойнаго ученаго, не найдетъ для себя почти ничего новаго. Впервые напечатана здѣсь по рукописи лишь небольшая „Записка о различіи законовъ и постановленій", составленная нѣкогда Кавелинымъ для гр. Д. А. Милютина и не заключающая въ себѣ ничего особенно важнаго или характернаго для ея автора. Затѣмъ болѣе трети книги занимаютъ изслѣдованія и мелкія статьи по этнографіи и исторіи русскаго права, относящіяся къ первому періоду научной дѣятельности Кавелина и вошедшія еще въ изданіе его сочиненій 1859 года. Большая часть этихъ работъ въ настоящее время уже утратила свое непосредственное значеніе для науки и сохранила лишь чисто историческій интересъ. Значительно менѣе устарѣли изслѣдованія Кавелина въ области гражданскаго права и вообще правовѣдѣнія, составляющія главное содержаніе книги и до выхода ея остававшіяся разбросанными въ отдѣльныхъ изданіяхъ и журналахъ 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годовъ. Время выставило ярче и рельефнѣе нѣкоторые недостатки этихъ трудовъ, но не уничтожило окончательно ихъ значенія. Наконецъ, редакція изданія въ приложеніяхъ къ этому тому помѣстила составленный въ хронологическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ сочиненій и статей Кавелина, какъ напечатанныхъ, такъ и остающихся еще въ рукописи, равно какъ списокъ статей о Кавелинѣ. Послѣдній, правда, не совсѣмъ полонъ, но упущеній въ немъ немного и онъ отличается боль-

шою обстоятельностью, содержа въ себѣ порой даже указанія на тѣ страницы книгъ и статей, на которыхъ говорится о Кавелинѣ. Въ общемъ это тщательно выполненное изданіе является прочнымъ литературнымъ памятникомъ, достойнымъ памяти крупнаго ученаго и недюжиннаго общественнаго дѣятеля эпохи преобразованій.

И. Энгельманъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Переводъ съ нѣмецкаго В. Щербы, подъ редакціей А. Кизеветтера. М. 1900.

Книга г. Энгельмана—не новость въ литературѣ. На нѣмецкомъ языкѣ она была издана еще въ 1884 г. и тогда же обратила на себя вниманіе спеціалистовъ. Вышедшій теперь русскій переводъ ея такимъ образомъ лишь прокладываетъ ей дорогу въ болѣе широкіе слои читающей публики. Книга дерптскаго профессора несомнѣнно заслуживаетъ этого. Правда, отзывъ о ней редактора перевода, какъ объ „единственномъ и незамѣнимомъ связномъ очеркѣ исторіи крѣпостного права въ Россіи", даетъ нѣсколько преувеличенное представленіе о значеніи этого труда. Прежде всего, изслѣдованіе г. Энгельмана разсматриваетъ исторію возникновенія, развитія и уничтоженія крѣпостного права исключительно съ юридической точки зрѣнія. Въ тѣхъ, весьма рѣдкихъ, случаяхъ, когда авторъ касается экономической стороны этого института, его положенія страдаютъ крайней произвольностью и бездоказательностью. Достаточно сказать, что, по его словамъ, благодаря крѣпостному праву „крестьянинъ, близкій къ номадному состоянію, пріучался мало-по-малу къ прочной осѣдлости, къ порядку и точному выполненію обязанностей" (185). Анализу юридическихъ отношеній, связанныхъ съ возникновеніемъ и развитіемъ крѣпостного права, посвящены лучшія страницы книги г. Энгельмана, но и онѣ въ настоящее время нуждаются въ извѣстныхъ поправкахъ и дополненіяхъ. Основная мысль автора, согласно которой крѣпостное право явилось результатомъ не столько сознательныхъ усилій московскаго правительства, сколько общаго направленія его дѣятельности, преслѣдовавшей исключительно фискальныя цѣли и не считавшейся съ правами отдѣльныхъ лицъ и сословій, нашла себѣ почти всеобщее признаніе въ наукѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ позднѣйшія изслѣдованія внесли и много новаго въ разъясненіе спорнаго вопроса о происхожденіи крестьянской крѣпости. Менѣе удовлетворительны тѣ главы книги, которыя трактуютъ исторію освобожденія крестьянъ. Авторъ касается въ нихъ почти одной только правительственной дѣятельности и въ изложеніи и оцѣнкѣ ея пріемовъ и достигнутыхъ ею результатовъ руководствуется особой точкой зрѣнія. Идеаломъ крестьянской реформы онъ считаетъ способъ, которымъ она была осуществлена въ остзейскихъ губерніяхъ, стремленіе же „сохранить за каждымъ селяниномъ его полевой

участокъ“ представляется ему „утопіей“ и „химерой“ (300—301). Защиту редакціонными коммиссіями крестьянской общины онъ изображаетъ въ такихъ краскахъ: „люди, проникнутые національнымъ тщеславіемъ, въ своемъ излишнемъ усердіи постарались осчастливить великорусское крестьянство общиннымъ землевладѣніемъ—подаркомъ весьма сомнительной цѣнности, но не позаботились о томъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ переходъ всей совокупности общинныхъ земель въ руки одного лица“ (324). Съ этими взглядами, на которыхъ лежитъ весьма явственный отпечатокъ ихъ происхожденія, русской литературѣ въ свое время приходилось уже имѣть много дѣла и теперь едва-ли есть надобность доказывать, что они не могутъ сдѣлаться достояніемъ науки. Въ виду указанныхъ особенностей книги г. Энгельмана, ее, даже при условіи отсутствія въ литературѣ другихъ общихъ очерковъ исторіи крѣпостного права, трудно признать незамѣнимой. Присущія ей достоинства, заключающіяся главнымъ образомъ въ отчетливомъ изображеніи юридической стороны крѣпостного права, дѣлаютъ ее полезнымъ пособіемъ для начинающихъ знакомиться съ историческими судьбами русскаго крестьянства, но при этомъ, пользуясь ею, не слѣдуетъ упускать изъ виду и другихъ имѣющихся въ литературѣ пособій.

С. Н. Прокоповичъ. Рабочее движеніе на Западѣ. Опытъ критическаго изслѣдованія. Т. I. Германія. Бельгія. Спб. 1899 г.

Появившійся въ свѣтъ первый томъ предпринятаго г. Прокоповичемъ „критическаго изслѣдованія рабочаго движенія на Западѣ“ заключаетъ въ себѣ два очерка, посвященные развитію рабочаго движенія въ Германіи и въ Бельгіи. Въ слѣдующемъ, второмъ томѣ авторъ разсчитываетъ сгруппировать данныя о рабочемъ движеніи въ Англіи, Франціи и Швейцаріи. До этого второго тома онъ откладываетъ и изложеніе общихъ теоретическихъ выводовъ, являющихся результатомъ изслѣдованія, хотя и въ настоящемъ, первомъ выпускѣ мы находимъ многочисленныя замѣчанія, въ значительной мѣрѣ выясняющія точку зрѣнія автора и ту оцѣнку, какую онъ даетъ разсматриваемымъ въ его трудѣ явленіямъ.

Г. Прокоповичъ воспользовался для своей работы богатою западною литературою по рабочему вопросу, въ значительной своей части недоступною русской публикѣ; указанія печатныхъ источниковъ онъ имѣлъ возможность пополнить и личными наблюденіями. Благодаря этому, ему удалось собрать въ своей книгѣ очень много цѣнныхъ и любопытныхъ свѣдѣній и дать интересный абрисъ разнообразныхъ теченій, изъ которыхъ складывается та борьба, которую ведутъ послѣдніе полвѣка рабочіе классы передовыхъ странъ западной Европы для достиженія болѣе благо-

пріятныхъ и болѣе справедливыхъ экономическихъ и правовыхъ условій жизни трудящихся массъ. Мы находимъ въ книгѣ бѣглый очеркъ различныхъ экономическихъ организацій, направленныхъ къ улучшенію матеріальнаго положенія рабочихъ классовъ (обществъ взаимопомощи, товариществъ разныхъ видовъ, кредитныхъ, потребительныхъ, производительныхъ и др. профессіональныхъ союзовъ), а съ другой стороны, общую характеристику политической дѣятельности рабочихъ партій въ Германіи и Бельгіи. Г. Прокоповичъ особенно подчеркиваетъ тѣсную зависимость „содержанія" и формы рабочаго движенія отъ экономическихъ, правовыхъ и политическихъ отношеній, существующихъ въ обществѣ. На первыхъ страницахъ своей книги онъ цитируетъ положеніе Вандервельде, называющее профессіональные союзы организмами, „строеніе которыхъ опредѣлено соціальною средою, и которые измѣняются вмѣстѣ съ измѣненіемъ среды". „Это обобщеніе—говоритъ г. Прокоповичъ—мы вправѣ распространить на всѣ формы рабочаго движенія". Съ тою же мыслью мы встрѣчаемся много разъ на протяженіи всей книги. Измѣненія въ характерѣ и значеніи различныхъ экономическихъ организацій объясняются перемѣнами во внѣшнихъ условіяхъ соціальной среды; въ зависимости отъ этихъ же условій происходитъ и смѣна направленій въ политической дѣятельности рабочей партіи. Г. Прокоповичъ придаетъ такое большое значеніе вліянію на ходъ развитія рабочаго движенія объективныхъ условій, лежащихъ „внѣ точки зрѣнія дѣйствующихъ рабочихъ группъ", и настолько мало цѣнитъ, наоборотъ, „идеалогическія надстройки", что склоненъ даже видѣть извѣстныя помѣхи для движенія въ существованіи принципіальныхъ партійныхъ программъ. Эти программы дѣлаютъ тактику партій менѣе гибкою и менѣе способною примѣняться къ измѣняющимся условіямъ соціальной среды. „Не программа опредѣляетъ движеніе,—говоритъ онъ,—а само движеніе программу. Принципіальная же программа—неизбѣжно ведущая къ догматизму—только помѣха на пути здороваго развитія партіи; консервируя идеалогическіе элементы пережитыхъ уже партіею стадій историческаго развитія, она является тормазомъ, какъ самому движенію, такъ и образованію новыхъ идеалогическихъ надстроекъ, соотвѣтствующихъ новой стадіи развитія.... Какъ только пропаганда уступаетъ мѣсто практической дѣятельности, — „принципіальная программа" мѣшаетъ партіи практически дѣйствовать сообразно съ требованіями даннаго момента. Продуктъ дѣятельности партіи,—ея идеалогія становится въ этомъ случаѣ самостоятельною силою, оковами, препятствующими дальнѣйшему развитію партіи" (стр. 157).

При такомъ воззрѣніи на значеніе внѣшней соціальной среды, на характеръ и результаты дѣятельности соціальныхъ группъ, г. *Прокоповичъ* оставляетъ тѣмъ не менѣе внѣ рамокъ своего

труда изслѣдованіе эволюціи объективныхъ условій рабочаго движенія. Въ предлагаемой работѣ, говоритъ онъ въ предисловіи къ книгѣ, совершенно не затрогивается „вопросъ о развитіи экономическихъ отношеній, происходящихъ внѣ поля зрѣнія дѣйствующихъ соціальныхъ группъ, такъ сказать, за ихъ спиною. Изслѣдованіе посвящено вопросу о дѣятельности рабочаго класса на почвѣ данныхъ экономическихъ, правовыхъ и политическихъ отношеній, защитѣ рабочими своихъ интересовъ на почвѣ этихъ отношеній и измѣненію этихъ послѣднихъ, поскольку это измѣненіе является непосредственнымъ, во многихъ случаяхъ преднамѣченнымъ слѣдствіемъ рабочаго движенія".

„Но экономическія отношенія — замѣчаетъ далѣе г. Прокоповичъ — измѣняются не только непосредственно въ силу рабочаго движенія. Если мы вычтемъ изъ соціально-экономическаго процесса всѣ непосредственные результаты соціаль-политической дѣятельности всѣхъ соціальныхъ группъ общества, у насъ получится остатокъ, по своему значенію несомнѣнно превосходящій значеніе соціально-политической дѣятельности. Въ общественной жизни существуютъ двѣ формы классовой борьбы: сознательная — соціаль-политическая дѣятельность различныхъ соціальныхъ группъ — общества, и безсознательная — результаты соціально экономическаго процесса, складывающіеся въ пользу той или другой соціальной группы за ея спиной, внѣ прямой зависимости отъ ея планомѣрной дѣятельности". Изслѣдованіе г. Прокоповича „посвящено лишь первой, сознательной формѣ классовой борьбы" (II).

Конечно, каждый изслѣдователь сложнаго соціальнаго процесса вполнѣ въ правѣ сосредоточиться на изученіи одной только части, одного элемента этого процесса — поэтому совершенно законно и то ограниченіе своей задачи, которое принялъ г. Прокоповичъ; но при этомъ самые выводы изслѣдованія не могутъ имѣть категорическаго характера, какой они нерѣдко имѣютъ у него. Если та часть неразрывнаго въ жизни и подлежащаго разъясненію лишь въ основахъ общаго процесса, которой, по заявленію г. Прокоповича, принадлежитъ значеніе, „несомнѣнно превосходящее" значеніе сознательной, планомѣрной дѣятельности активныхъ соціальныхъ группъ, происходитъ не только „за спиной" этихъ группъ, но остается и „внѣ поля зрѣнія" читателя изслѣдованія, — многіе категорическіе выводы этого изслѣдованія оказываются неизбѣжно висящими въ воздухѣ и самое утвержденіе объ указанной соподчиненности обѣихъ частей соціальнаго процесса получаетъ характеръ скорѣе догмы, чѣмъ обоснованнаго научнаго положенія. Этотъ догматическій характеръ далеко не чуждъ и „критическому изслѣдованію" г. Прокоповича.

И въ тѣхъ рамкахъ, которыя ставитъ своему изслѣдованію г. Прокоповичъ, не всѣ части этого изслѣдованія разработаны съ одинаковою полностью и обстоятельностью. Авторъ и самъ ого-

варивается о недостаточности матеріала, которымъ онъ могъ располагать для нѣкоторыхъ отдѣловъ своего труда, затѣмъ иногда ему не достаетъ необходимаго для историка спокойствія. Это нужно сказать въ особенности о тѣхъ, въ высшей степени интересныхъ по содержанію, главахъ, которыя посвящены политическому движенію рабочаго класса въ Германіи и дѣятельности нѣмецкой рабочей партіи. Эта часть книги г. Прокоповича носитъ на себѣ въ значительной мѣрѣ полемическій характеръ. Хотя авторъ заявляетъ въ предисловіи, что онъ растерялъ во время изслѣдованія добрую половину тѣхъ теоретическихъ предпосылокъ, съ которыми приступилъ къ работѣ,—но, быть можетъ, самый процессъ замѣны этихъ предпосылокъ другими отразился на характерѣ изложенія; и какъ бы то ни было, въ названныхъ главахъ труда г. Прокоповича мы находимъ не столько объективное изображеніе соціально-политическаго движенія послѣднихъ десятилѣтій, сколько полемическое обсужденіе разногласій по нѣкоторымъ принципіальнымъ вопросамъ, раздѣляющимъ нынѣ передовую часть нѣмецкой демократіи на два лагеря. Въ этомъ расколѣ „старыхъ“ и „новыхъ“, авторъ склоняется въ сторону того теченія, теоретикомъ котораго является Бернштейнъ, а наиболѣе опредѣленнымъ практическимъ представителемъ—Фолльмаръ. Г. Прокоповичъ полемизируетъ, впрочемъ, и съ нѣкоторыми выводами Бернштейна (главнымъ образомъ по отношенію къ роли научныхъ построеній въ опредѣленіи цѣлей дѣятельности партіи — г. Прокоповичъ находитъ у Бернштейна извѣстную переоцѣнку значенія „идеологическихъ надстроекъ“),— но во всякомъ случаѣ трудно сказать, чтобы ему удалось занять синтетическое положеніе въ данномъ спорѣ и провесть благополучно свою ладью между старымъ „утопизмомъ“ (sit venia verbo) и новою безпринципностью. На правильности историческаго освѣщенія развитія и значенія нѣмецкой соціалъ-демократіи эта полемическая точка зрѣнія не могла не отразиться неблагопріятно.

Не смотря на всѣ отмѣченныя недостатки и односторонности, книга г. Прокоповича во всякомъ случаѣ заслуживаетъ полнаго вниманія читателей. Нельзя не пожелать, чтобы автору удалось выполнить свой планъ до конца.

Дж. Гобсонъ. Проблемы бѣдности и безработицы. Перев. съ англ. подъ ред. Л. Зака и С. Франка съ приложеніемъ статьи П. Струве о безработицѣ. Спб. 1900.

Если присмотрѣться къ характеру получившей въ послѣднее время такое широкое распространеніе переводной русской литературы, то одна черта ея невольно обращаетъ на себя вниманіе. Эта черта — періодическое, такъ сказать, приковываніе вниманія русскаго читателя къ тому или иному переводимому на русскій языкъ писателю. Такъ было въ послѣднее время, напримѣръ, съ

Гюйо, разнообразныя сочиненія котораго появились въ русскомъ переводѣ, съ Рескиномъ, которому не менѣе посчастливилось въ русской литературѣ, то же случилось и съ англійскимъ экономистомъ Гобсономъ. Сравнительно недавно появился одновременно въ двухъ изданіяхъ переводъ его капитальнаго сочиненія „Эволюція современнаго капитализма", теперь переведены его два этюда „Проблемы бѣдности" и „Проблема безработицы", удачно соединенные по-русски въ одну книжку. Эта, подлежащая нашему разбору, книжка касается самыхъ животрепещущихъ вопросовъ современной экономической жизни и блещетъ обычными достоинствами работъ англійскаго экономиста. Въ первомъ этюдѣ Гобсонъ начинаетъ съ установленія „размѣровъ бѣдности", затѣмъ даетъ анализъ различныхъ факторовъ и условій современной бѣдности, касается вліянія машинъ на положеніе рабочаго класса, процесса скопленія рабочихъ въ большихъ городахъ, развитія, такъ называемой, „потогонной системы" („sweating system"), промышленнаго положенія женщины, настоящаго состоянія и вѣроятной будущности малообученныхъ рабочихъ, соціалистическаго законодательства. Второй этюдъ посвященъ изученію безработицы,— явленія, находящагося въ тѣсной связи съ предметомъ предыдущаго очерка—бѣдности. Здѣсь выясняется самое понятіе безработицы, очерчиваются ея размѣры, затѣмъ анализируются причины ея возникновенія и возможныя средства ея устраненія. Всѣ эти главы, проникая въ самую сущность современнаго капиталистическаго строя, даютъ широкое освѣщеніе анализируемыхъ явленій. Остановимся на нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ и любопытныхъ выводахъ автора. Прежде всего интересенъ вопросъ: увеличивается или уменьшается бѣдность въ современномъ обществѣ? Отвѣтъ Гобсона вполнѣ сходится съ рѣшеніемъ вопроса, даннымъ Уэббомъ и другими англійскими изслѣдователями. Несомнѣнно, старая формула, гласившая, что „богатые становятся все богаче, а бѣдные все бѣднѣе", должна быть отброшена. По мнѣнію Гобсона, „условія труда для рабочаго класса значительно улучшились въ продолженіе послѣдней половины столѣтія. Весьма вѣроятно, хотя это точно не доказано, что доходъ класса наемныхъ рабочихъ, взятаго въ цѣломъ, растетъ даже быстрѣе, чѣмъ доходъ класса капиталистовъ" (22). Все это не даетъ, однако, Гобсону матеріала для излишняго оптимизма. Онъ обращаетъ вниманіе и на обратную сторону медали. Такъ, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что низшія категоріи необученныхъ рабочихъ сравнительно мало получили отъ этого общаго прогресса въ условіяхъ жизни рабочаго класса (23). Далѣе, еще болѣе внушительнымъ фактомъ является то, что цѣны большинства предметовъ комфорта и роскоши значительно упали, но цѣны большей части предметовъ необходимости поднялись. Слѣдовательно, „отъ общаго паденія цѣнъ больше всего выиграли

богатые, а не бѣдные... Такимъ образомъ, пропасть между богатствомъ и бѣдностью теперь больше, чѣмъ прежде", и „хотя процентное отношеніе дѣйствительныхъ бѣдняковъ ко всему населенію нѣсколько уменьшилось, но никогда еще во всей исторіи Англіи, кромѣ несчастнаго періода въ началѣ нынѣшняго столѣтія, абсолютное число настоящихъ бѣдняковъ не было такъ велико, какъ теперь" (23, 24—5). Къ сожалѣнію, недостатокъ соотвѣтствующихъ статистическихъ данныхъ мѣшаетъ дать точный отвѣтъ на другой вопросъ того же порядка и не меньшей важности—о размѣрахъ безработицы. Тѣмъ не менѣе и по этому вопросу нашъ экономистъ приходитъ къ малоутѣшительному выводу о томъ, что „общее положеніе труда въ Англіи есть положеніе крайняго непостоянства занятій, и что потеря времени и энергіи въ настоящее время гораздо больше, чѣмъ это было полвѣка тому назадъ или въ теченіе XVIII столѣтія" (239). Русскаго читателя особенно должны заинтересовать тѣ мѣста работы Гобсона, гдѣ онъ говоритъ о промышленныхъ кризисахъ, какъ о „коренной причинѣ безработицы". „Вопросъ о безработицѣ", съ своей стороны, „является по своему основанію существенной частью вопроса о промышленныхъ кризисахъ" (259). Гобсонъ считаетъ „основнымъ фактомъ" существующаго экономическаго строя — общій избытокъ производительныхъ силъ. При этомъ англійскій экономистъ совершенно не раздѣляетъ мнѣній представителей классической школы, полагавшихъ, что перепроизводство въ однѣхъ отрасляхъ промышленности предполагаетъ недостаточное производство въ другихъ. Наоборотъ, на основаніи дедуктивныхъ соображеній и свидѣтельства коммиссіи по вопросу о промышленномъ кризисѣ 1885 года, Гобсонъ устанавливаетъ положеніе, что во время кризисовъ „паденіе цѣнъ, застой промышленности, недостатокъ занятій составляютъ явленіе общее, а не частное" (260). Причиною же этого „крупнаго избытка производительныхъ силъ", по мнѣнію Гобсона, является то, что „какъ бы великъ ни былъ общій ростъ народнаго потребленія, онъ все же совершался далеко не такъ быстро, какъ ростъ производительныхъ силъ" (265). При этомъ *производительное* потребленіе лишь временно можетъ помочь дѣлу. Такъ фабрики и машины строятся и производятся, это даетъ пищу труду, создаетъ занятіе и въ результатѣ — потребленіе. Но, когда постройка орудій производства окончена, всѣ онѣ могутъ быть пущены въ ходъ и систематически функціонировать лишь въ томъ случаѣ, „если окажется, что потребленіе увеличилось въ той же мѣрѣ, въ какой возрасли производительныя силы" (277). Итакъ, причиною кризисовъ, по мнѣнію Гобсона, является недостаточность потребительныхъ силъ населенія въ капиталистическомъ обществѣ. Но откуда же проистекаетъ эта недостаточность потребленія? „Невозможность утилизаціи потребительной силы", — объясняетъ Гоб-

сонъ,—„происходитъ отъ того, что значительная часть ея присвоена лицами, которыя, удовлетворивъ уже всѣмъ своимъ текущимъ потребностямъ, не имѣютъ достаточнаго побужденія утилизировать ее въ настоящее время и потому даютъ ей накопляться" (288). Изъ этихъ словъ до очевидности ясно, что у Гобсона, какъ и у многихъ другихъ экономистовъ, русскихъ и иностранныхъ, происходитъ въ данномъ случаѣ ошибка въ формулировкѣ; очевидно, не въ недостаткѣ потребленія слѣдуетъ искать причины кризисовъ и связанной съ нею безработицы, а въ чрезмѣрномъ накопленіи. Но откуда же происходитъ эта чрезмѣрность накопленія? На этотъ вопросъ не даетъ отвѣта Гобсонъ. Много еще интересныхъ вопросовъ затрогивается въ работахъ Гобсона, но размѣры журнальной рецензіи не позволяютъ на нихъ останавливаться. Къ книжкѣ приложена статья г. П. Струве о безработицѣ, первоначально напечатанная на страницахъ „Новаго Слова". Въ ней, по словамъ автора, „резюмировано, если можно такъ выразиться, *впечатлѣніе*, получившееся у автора отъ чтенія „Синихъ книгъ", въ которыхъ собраны труды парламентской коммиссіи, засѣдавшей въ 1895 и 1896 гг. и изслѣдовавшей явленіе безработицы".

Фабрика и фабричная система. Кука-Тэйлора (фабричнаго инспектора). Переводъ съ англ. М. В. Лучицкой подъ редакціей И. Лучицкаго. Кіевъ. 1900.

Книжка эта можетъ служить полезнымъ пособіемъ для ознакомленія съ исторіею фабричной системы и особенно фабричнаго законодательства Англіи. Авторъ книжки—фабричный инспекторъ, ведущій изложеніе въ тонѣ практическаго наблюдателя и дѣлового изслѣдователя. Отсюда нѣсколько чрезмѣрная фактичность, почти сухость изложенія. Но книжка, дѣйствительно, богата фактами. На первыхъ 9 страницахъ Тэйлоръ занимается уясненіемъ понятія „фабрики" и рисуетъ состояніе фабричной системы у древнихъ народовъ. „Мы знаемъ теперь съ достовѣрностью",—утверждаетъ здѣсь авторъ,—„что системы производства съ помощью организованнаго труда существовали не только среди древнѣйшихъ расъ, но и въ самыя отдаленныя времена, предшествовавшія задолго начаткамъ исторіи, такъ что организованный трудъ является признанною чертою ранняго каменнаго вѣка, соотвѣтствовавшаго дѣтству человѣчества" (6). Послѣ нѣсколькихъ указаній на положеніе дѣлъ въ древнемъ Египтѣ и Вавилонѣ, въ Лидіи, Фригіи, Персіи и въ Римѣ, авторъ переходитъ къ непосредственному предмету своей работы—выясненію англійской фабричной системы и порожденнаго ею фабричнаго законодательства. Тэйлоръ говоритъ о происхожденіи первыхъ англійскихъ фабрикъ, причемъ большую роль въ этомъ отношеніи придаетъ факту иммиграціи въ Англію протестантовъ, изгнанныхъ

изъ Нидерландовъ и Франціи и водворившихъ въ Англіи цѣлый рядъ отраслей промышленности. Съ другой стороны, этой же иммиграціи иностранцевъ обязана, по словамъ Тэйлора, въ значительной степени своимъ возникновеніемъ англійская кустарная система, возникшая какъ бы параллельно съ системою фабричною (13—14). Наибольшею подробностью отличается очеркъ фабричнаго законодательства. Авторъ начинаетъ съ первыхъ преобразователей (напр. врача Персеваля), переходитъ къ фабричной агитаціи Роберта Пиля и Роберта Оуэна, Остлера и Ашлея, даетъ подробный фактическій анализъ фабричныхъ законовъ 1802 и 1803 гг., съ 1863 по 1867 гг., съ 1867 по 1891 гг., излагаетъ также законодательство по отношенію къ инымъ промысламъ, кромѣ непосредственно-фабричныхъ: работамъ въ рудникахъ, каменоломняхъ, хлѣбопекарняхъ, въ лавкахъ, земледѣліи, въ литературныхъ и артистическихъ промыслахъ и т. д. Въ приложеніи сообщены „требованія фабричныхъ законовъ", дающія представленіе о содержаніи англійскаго фабричнаго законодательства. Къ фабричному законодательству вообще Тэйлоръ относится съ величайшимъ уваженіемъ. „Сомнѣніе внушаетъ",—говоритъ онъ, „слѣдующій вопросъ: въ чемъ заключается величайшее благо, принесенное человѣчеству современною фабричною системою: въ матеріальныхъ ли выгодахъ или скорѣе въ возмущеніи противъ связанныхъ съ нею злоупотребленій, которое привело къ изданію фабричныхъ законовъ? Весьма возможно, что когда всѣ эти явленія будутъ замѣнены другими,—что несомнѣнно произойдетъ современемъ,—эти законы останутся величайшею славою своего времени" (30). Единственные параграфы нѣсколько теоретическаго характера: „будущее фабричной системы" и „будущее фабричнаго законодательства" (140—5) не отличаются достаточною ясностью. Характеръ будущей системы, по мнѣнію автора, будетъ находиться въ зависимости отъ того, „кому будетъ принадлежать механизмъ производства". „По всей вѣроятности концентрація труда окажется излишней", „экстенсивная система производства уступитъ мѣсто интенсивной". „Каждый домъ представитъ свой собственный центръ производства, производства столь же облегченнаго, какъ поваренное искусство въ настоящее время. Если же окажется, что соединенный трудъ дѣйствуетъ болѣе успѣшно, то онъ удержится, но приметъ нѣсколько различную форму, форму ассоціаціи въ группахъ, скорѣе, чѣмъ ассоціаціи въ массахъ". Эти предположенія, однако, не развиты и, главное, не обставлены достаточными доказательствами. Каково же вѣроятное будущее фабричнаго законодательства? „Оно будетъ, по всей вѣроятности, такимъ же, какъ и теперь... Весьма возможно, впрочемъ, что въ немъ не окажется надобности... Капиталъ и трудъ перестанутъ быть организованными отдѣльно; они вступятъ во взаимныя соглашенія и будутъ дѣйствовать совмѣстно другъ съ

другомъ". И эти мысли не являются выраженіемъ достаточно опредѣленнаго міровоззрѣнія.

Переводъ книги исполненъ въ общемъ недурно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ неправильностей. Несомнѣнно нежелательными оборотами рѣчи являются, напримѣръ, слѣдующія выраженія: „Философія фабричнаго законодательства изучаетъ фабрики почти исключительно исторической категоріи, причемъ связь между ними въ значительной степени случайна" (30); „истинная философія фабричнаго законодательства выступаетъ на сцену, а равнымъ образомъ и ея связь въ исторической категоріи только съ извѣстнымъ классомъ учрежденій, получившихъ наименованіе фабрикъ въ извѣстныя времена" (32); „надежды на будущее относительно общаго срока жизни" (33); „въ виду такихъ фактовъ должна подвергнуться спеціальному пересмотру столько же соціальная, сколько и механическая сторона задачи труда, согласно съ политико-экономическимъ качествомъ окружающей среды" (142) и т. д.

Альфредъ Фулье. Психологія французскаго народа. Съ приложеніемъ статьи **Бугле:** Философія антисемитизма (идея расы). Перевелъ съ французскаго Б. Никитинъ. М. 1900.

Книга Фулье интересна и поучительна во многихъ отношеніяхъ, и прежде всего — въ смыслѣ ясности и увлекательности изложенія. Мы не особенно богаты книгами, въ которыхъ сравнительная спеціальность темы соединяется съ пріятной легкостью выраженія — способность, отличающая преимущественно французовъ. „Легкость есть нашъ первый интеллектуальный даръ, говоритъ авторъ. Во Франціи мы склонны ко всему, что упрощаетъ дѣло". Правда, въ огромномъ большинствѣ случаевъ съ этой способностью почти неразлучна и другая черта—нѣкоторая поверхностность, стремленіе къ внѣшней стройности и законченности, а къ нимъ такъ не идутъ массовыя ссылки, доказательства, сличенія и прочія тяжелыя приправы, безъ которыхъ не можетъ обойтись, напримѣръ, нѣмецкая ученая кухня. Въ этомъ отношеніи А. Фулье—самый настоящій французъ: остроумный, живой, скользящій въ своихъ обобщеніяхъ, какъ привычный танцоръ по паркету, въ то же время серьезный... даже научный. Мы говоримъ— даже, потому что добрая половина выводовъ его опирается на данныя, къ которымъ еще вчера лишь приклеили ярлычки научности, и послѣдніе не успѣли присохнуть: таковы иныя изъ его разсужденій на темы изъ области „коллективной психологіи"; таковы нѣкоторыя гипотезы или, лучше сказать, мнѣнія антропологовъ и новѣйшихъ теоретиковъ естествознанія. Фулье не обошелся безъ нихъ, хотя самъ отнесся крайне скептически къ тѣмъ, которые не подошли къ его теоріи. Но самое привлеченіе подобнаго матеріала къ рѣшенію любопытнѣйшаго и широко поставленнаго

вопроса раскрываетъ предъ читателемъ новыя сферы мышленія, вводитъ его въ новыя соціологическія и біологическія комбинаціи, придаютъ смѣлость и размахъ отвлеченной мысли,—и въ этомъ заключается, несомнѣнно, крупная положительная сторона книги французскаго психолога, въ этомъ ея поучительность.

Книга распадается на двѣ части. Въ первой авторъ изслѣдуетъ основы національныхъ характеровъ вообще и устанавливаетъ, что въ нихъ можетъ быть отнесено на счетъ расы, какъ таковой, и что должно быть сочтено неопровержимымъ показателемъ пріобрѣтеннаго и прогрессирующаго характера націи. Преобладаніе въ исторіи психологическихъ и соціологическихъ фактовъ опредѣляетъ ихъ огромную важность въ общемъ ходѣ жизненнаго процесса и лишній разъ доказываетъ, что человѣческую исторію нельзя сводить къ естественной исторіи. Дѣло не въ „расахъ", какъ ни старается ложная наука узаконить признаніе расовыхъ инстинктовъ и утвердить принципъ неизбѣжности расовой борьбы, соперничества бѣлыхъ, желтыхъ и черныхъ. Расы—это просто психологическіе типы, мозговыя условія которыхъ намъ еще неизвѣстны; они, „эти, такъ называемые, „естественные" продукты, суть, главнымъ образомъ, соціальные продукты: вовсе не наслѣдственность и вовсе не физическая среда породила ихъ; это сдѣлала, главнымъ образомъ, моральная, религіозная, философская среда. „Расы" суть воплощенныя чувства и мысли; борьба расъ сдѣлалась борьбой идей, дополняемой борьбой страстей и интересовъ; измѣните идеи и чувства—и вы избѣгнете мнимо-неизбѣжныхъ войнъ".

Сдѣлавъ этотъ симпатичный, хотя и нѣсколько смѣлый выводъ, Фулье переходитъ къ опредѣленію „истинной" физіономіи французскаго духа. Основныя черты его не трудно узнать еще въ галльскомъ характерѣ, какъ его изображаютъ древніе писатели; опредѣленную окраску наложило на эти черты римское вліяніе. Физіологическій признакъ французскаго темперамента обусловливается наслѣдственнымъ излишкомъ напряженности нервовъ и чувствительныхъ центровъ. Благодаря этому, у французовъ на первомъ планѣ стоятъ чувства, которыя подстрекаютъ и экзальтируютъ жизненность, въ ущербъ тѣмъ, которыя устанавливаютъ и задерживаютъ порывъ, требуя въ то же время болѣе или менѣе продолжительнаго усилія; энтузіазмъ рѣшительно господствуетъ надъ „сосредоточенной страстью". Высшее развитіе во Франціи соціальнаго инстинкта, создавшееся подъ вліяніемъ различныхъ интеллектуальныхъ и историческихъ причинъ, свое первоначальное объясненіе находитъ въ экспансивности, общительности французской націи, которая заразительно дѣйствуетъ на другіе народы и увлекаетъ ихъ, не смотря на природную флегму однихъ и мудрую недовѣрчивость другихъ. Природа чувствительности и воли, опредѣляя форму и естественныя проявленія ума, склоннаго къ дедукціи и построенію, дѣйствуетъ еще и на выборъ предметовъ,

которыми занимается мысль; отсюда можно предвидѣть, что идеи, которыя обладаютъ соціальнымъ и человѣческимъ характеромъ, будутъ особенно гармонировать съ французскимъ духомъ. Въ ихъ приложеніи къ обществу, общія идеи становятся великодушными идеями; не будучи въ состояніи мыслить, чувствовать, радоваться одни, „мы часто, говоритъ авторъ, имѣемъ наивность думать, что то, что насъ сдѣлаетъ счастливыми, сдѣлаетъ счастливымъ и міръ, что все человѣчество должно мыслить и чувствовать, какъ Франція“.

За блестящей характеристикой свойствъ и особенностей національнаго духа, проявившагося въ языкѣ, „проворномъ, готовомъ для мысли, слова и дѣла“, религіи, философіи, политикѣ, литературѣ и искусствѣ, слѣдуетъ „гвоздь“ книги, глава посвященная уясненію вопроса: вырожденіе или кризисъ совершается во Франціи? Вопросъ жгучій, не разъ поднимавшійся въ европейской печати, волнующій умы и понынѣ. Авторъ понимаетъ все грозное значеніе дѣйствующихъ въ современной Франціи разрушительныхъ факторовъ—систематическаго безплодія и алкоголизма, но онъ далекъ отъ признанія, вмѣстѣ съ итальянцемъ A. de Bella и Максомъ Нордау, что Франція на краю своего разрушенія. По мнѣнію послѣдняго, французскіе романтики достаточно выяснили присущія этой націи черты: эготизмъ, мистицизмъ и ложный реализмъ непристойности. „Нордау, замѣчаетъ по этому поводу авторъ, видитъ повсюду болѣзни. Вы мало написали: это симптомъ безсилія; вы написали много: это симптомъ графоманіи. Что бы вы ни сдѣлали, вы „выродились“... Судить о нашемъ fin de siecl'ѣ по его дурнымъ поэтамъ—это желать судить вѣкъ Людовика XIV по Прадонамъ и Шапеленамъ, или XIX в. по его первымъ годамъ“. Пониженіе рождаемости и алкоголизмъ—не признаки физическаго вырожденія (тѣмъ менѣе расоваго, если раса есть просто психологическій типъ), но результатъ неблагопріятно сложившихся историческихъ и соціальныхъ условій, дѣйствію которыхъ подлежатъ, въ разныхъ степеняхъ, всѣ культурныя страны; въ частности ограниченіе рождаемости авторъ ставитъ въ связь, подобно Гюйо, съ развитіемъ капитализма. Слѣдуетъ лишь стремиться къ измѣненію этихъ условій, къ побѣдѣ надъ скептицизмомъ, утилитарными заботами, финансовой испорченностью, узкой политикой партій и интересовъ. Эта побѣда явится побѣдой идейныхъ силъ вообще, а во Франціи, кромѣ того, побѣдой ея великодушнаго идеала, ея безкорыстнаго соціальнаго и гуманнаго генія, который во всѣ времена былъ отмѣченъ любовью къ свободѣ и просвѣщенію.

Можно пожелать успѣха книгѣ Фулье среди образованныхъ русскихъ читателей. Переводъ исполненъ толково и „по-русски“, хотя безъ нѣкоторыхъ шероховатостей дѣло не обошлось.

Рисъ-Дэвидсъ. Буддизмъ. Переводъ подъ редакціей профессора С. Ф. Ольденбурга. Спб. 1899.

Сутта Нипата. Сборникъ бесѣдъ и поученій. Буддійская каноническая книга, переведенная съ пали на англійскій языкъ Др. Фаусболлемъ. Русскій переводъ Н. И. Герасимова. Спб. 1899.

Русская литература о буддизмѣ продолжаетъ пополняться популярными книгами, разсчитанными на широкій спросъ. Это хорошій знакъ, свидѣтельствующій о распространеніи у насъ интереса къ философскому знанію и отвлеченному мышленію вообще. Отсутствіе хорошихъ оригинальныхъ работъ о философскихъ ученіяхъ на русскомъ языкѣ заставляетъ съ удовольствіемъ привѣтствовать переводы такихъ книгъ, какъ книга Рисъ-Дэвидса, соединяющая общедоступность изложенія съ глубокимъ знаніемъ предмета. Это сочиненіе, сравнительно очень краткое, представляетъ собою весьма полезное руководство для ознакомленія съ буддизмомъ палійскаго канона; оно явилось результатомъ чтеній, произнесенныхъ Рисъ-Дэвидсомъ зимою 1894—95 гг. въ разныхъ городахъ Америки по приглашенію „Американскаго Комитета чтеній по исторіи религій". Особенность этой книги состоитъ въ томъ, что авторъ ея, подобно нѣкоторымъ другимъ ученымъ, считаетъ палійскій канонъ древнѣйшимъ представителемъ первоначальнаго ученія Будды и для исторіи буддизма придаетъ ему такое же значеніе, какое имѣютъ каноническія евангелія для исторіи христіанства. Такъ ли это — спорный вопросъ, который рѣшится не раньше, чѣмъ въ распоряженіи ученыхъ окажется вся наличность матеріаловъ, въ большинствѣ еще не изданныхъ. Опредѣленіе древнѣйшаго вида буддійскаго ученія представляетъ очень трудную задачу, такъ какъ и въ самомъ буддійскомъ канонѣ встрѣчается смѣшеніе болѣе древняго съ новымъ. Содержаніе книги Рисъ-Дэвидса обнимаетъ біографію вѣроучителя, ученіе и картину буддійской общины. При переводѣ сдѣланы сокращенія наиболѣе спеціальныхъ мѣстъ. Переводы съ восточныхъ текстовъ сдѣланы С. Ф. Ольденбургомъ по подлинникамъ.

Въ прошломъ году мы имѣли случай высказаться по поводу сборника поученій „Dhammapada" (Путь къ истинѣ), который открывалъ собою задумманное Н. И. Герасимовымъ изданіе „Восточной Библіотеки". Сутта-Нипата является второй частью перваго тома. Это одно изъ наиболѣе раннихъ произведеній буддійской литературы; лингвисты утверждаютъ, по крайней мѣрѣ, что вся IV и значительная часть III книги могутъ принадлежать ближайшимъ ученикамъ Будды Готамы. По содержанію Сутта-Нипата распадается на три отдѣла: 1) поученіе мудрости, какъ жить въ духѣ и истинѣ; 2) изъясненіе духовныхъ подвиговъ, ведущихъ къ личному совершенству; 3) осужденіе дѣятельности схоластиковъ—брахман(ов)ъ. Изреченія проникнуты легендарно-символистическимъ элементомъ, что налагаетъ на нихъ колоритъ своеобразной

поэзіи, созерцательной и возвышенной. Чтобы возможно ближе стать къ настроенію переводимаго памятника, переводчикъ, повидимому, намѣренно прибѣгалъ къ архаизмамъ и искусственнымъ оборотамъ,—отъ этого мѣстами переводъ читается тяжело и не вездѣ, какъ намъ кажется, передаетъ благородную красоту подлинника, тѣмъ болѣе, что послѣднимъ служилъ для автора не италійскій текстъ, а англійскій переводъ. Въ общемъ трудъ г. Герасимова заслуживаетъ полнаго вниманія.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

М. Горькій. Разсказы. Томъ третій. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1900. Ц. 1 р.

А. И. Фаресовъ. Въ одиночномъ заключеніи. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Т. Щепкина-Куперникъ. Незамѣтные люди. Москва. 1900. Ц. 1.

Т. Щепкина-Куперникъ. Ничтожные міра сего. Москва. 1900. Ц. 1 р.

И. Сохинъ. Деревенскіе разсказы. Спб. 1900. Ц. 2 р.

Н. Н. Брешко-Брешковскій. Повѣсти и расказы. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Н. Манлецова. Революціонеръ (исторія одной души). Москва. 1900. Ц. 1 р.

Ив. Наживинъ. Родныя картинки. Москва. 1900. Ц. 75 к.

Соч. Кальдерона. Перев. К. Д. Бальмонта. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва. 1900. Ц. 90 к.

Полное собраніе сочиненій *Артура Шопенгауэра*. Переводъ подъ ред. Ю. И. Айхенвальда. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». М. 1900. Вып. I—II. Ц. по подпискѣ за 4 т. 8 р.

Н. Н. Страховъ. О методѣ естественныхъ наукъ и значеніи ихъ въ общемъ образованіи. Изданіе 2-е И. П. Матченко. Кіевъ. 1900. Ц. 1 р.

Сибирскій сборникъ. Прилож. къ газетѣ «Восточное Обозрѣніе». Вып. 1. Иркутскъ. 1900.

Полное собраніе *соч. В. Г. Бѣлинскаго*. Въ 12 томахъ. Подъ ред. *С. А. Венгерова*. Т. II. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

В. Г. Бѣлинскій. Литература, поэзія, театръ. Изд. Н. Зинченко. Спб. 1899. Ц. 10 к.

В. Бѣлинскій. Герценъ (Искандеръ). «Кто виноватъ?» Гончаровъ. «Обыкновенная исторія». Спб. 1900. Ц. 15 к.

В. Вартаньянцъ. Ученіе Л. Н. Толстого, какъ идеализація рабства. Тифлисъ. 1900. Ц. 35 к.

А. Энкъ. Янъ Колларъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности и его поэма «Дочь славы». Варшава. 1900. Ц. 1 р.

Жоржъ Фонсегривъ. Элементы психологіи. Пер. съ франц. Сергіевъ посадъ. 1990. Ц. 1 р. 25 к.

С. И. Гальперинъ. Органическая теорія строенія и развитія общества. I. Изложеніе и критика ученія Спенсера. Екатеринославъ. 1900. Ц. 1 р.

Гётчинсонъ. Вымершія чудовища. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1900. Ц. 1 р. 20 к.

Китай и китайцы. «Новая библіотека». Изд. журнала «Русская Мысль». 1900. Москва. 1900. Ц. 25 к.

Николай Зинченко. Россія и Китай. Краткій очеркъ русско-китайской торговли. Спб. 1899. Ц. 10 к.

И. С. Андреевскій. Классическое и реальное образованіе. Глуховъ. 1900.

Д-ръ К. Соколовъ. Латынь для сестеръ и братьевъ милосердія. Спб. 1900. Ц. 15 к.

Къ вопросу о призрѣніи эпилептиковъ и идіотовъ. Д-ра *П. Б. Никитина*. Москва. 1900.

П. Будринъ. Данныя по культурѣ сельско-хозяйственныхъ растеній на опытной фермѣ въ Новой-Александріи. Варшава. 1900. Ц. 80 к.

Ежегодникъ сельско-хозяйственной колоніи при бакинской Императора Александра III мужской гимназіи. № 1-й. Баку. 1900. Ц. 5 р.

Труды VII совѣщанія земскихъ врачей и предсѣдателей земскихъ управъ Воронежской губ. Воронежъ. 1900.

Дифтерія въ Воронежской губ. Врача *В. П. Успенскаго*. Воронежъ. 1900.

Малярія по Воронежской губ. Врача *А. М. Шингарева*. Воронежъ. 1900.

Пермская губернія въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Пермь. 1900.

Отчетъ Пушкинской безплатной библіотеки-читальни въ Великомъ-Устюгѣ. Ярославль. 1900.

Отчетъ Тифлисскаго общества трезвости. Тифлисъ. 1900.

The Anglo-Russian literary society. London. 1900.

Iohn Rae. La Journée de huit heures. Paris. 1900. Prix. 8 fr.

Англійскій имперіализмъ.

«Пью за торговлю и за имперіализмъ. Въ этомъ тостѣ, джентельмэны, заключается все. Онъ говоритъ столь же много нашему воображенію, сколько и матеріальнымъ интересамъ. Можно было бы два слова сжать въ одно, такъ какъ имперіализмъ и торговля—синонимы».

(Застольная рѣчь на конгрессѣ торговыхъ палатъ).

«Юніонъ Джэкъ» *) это—драгоцѣнная концессія!»

(Изъ рѣчи С. Родса послѣ освобожденія Кимберлея).

I.

Прежде, чѣмъ выяснить характеръ явленія, которое воспѣвается поэтами, проповѣдуется съ церковной каѳедры, обсуждается въ газетахъ и въ парламентѣ, восхваляется въ застольныхъ рѣчахъ; явленіе, за которое льютъ потоки крови на чужбинѣ и сворачиваютъ скулы въ самой Англіи,—я опишу одну сцену. Я только что поднялся изъ подземной станціи желѣзной дороги, что близь дворца лорда-мэра, въ самомъ сердцѣ Сити, возлѣ биржи и англійскаго банка. Въ три часа дня движеніе здѣсь нѣсколько замираетъ. Многочисленное кочующее населеніе сидитъ въ банкахъ и въ торговыхъ конторахъ. Вдругъ раздался вопль мальчишекъ-газетчиковъ. Вышло „спеціальное изданіе“ вечернихъ газетъ. Мальчишки обыкновенно бѣгутъ стремглавъ, съ пачкой сырыхъ

*) Національный англійскій флагъ.

еще газетъ подъ мышкой. Можно подумать, что изъ редакцій выпустили на мальчишекъ стаю собакъ. Въ глазахъ прохожихъ мелькаютъ лишь огромныя надписи на аншлагахъ, которыми, какъ флагами, машутъ разносчики. Вмѣсто того, чтобы замереть въ дали, какъ обыкновенно, крики все усиливались. Къ кричащимъ присоединялись сотни новыхъ голосовъ.

— Что такое?—спрашиваютъ тѣ, которые только что вышли изъ наполненнаго удушливымъ сѣрнымъ дымомъ подземелья желѣзной дороги.

— Преторія наша! гипъ! гипъ! ура!

Моментально площадь биржи превратилась въ волнующееся море человѣческихъ головъ въ цилиндрахъ, въ засаленныхъ шапочкахъ, въ шляпкахъ съ пестрыми перьями. Изъ всѣхъ банковъ Ломбардстрита и Корнгилла, изъ всѣхъ конторъ высыпали джентельмэны въ черныхъ сюртукахъ. „Гипъ! гипъ! ура!“ кричатъ въ одномъ концѣ площади. „God save the Queen!“—начинаютъ пѣть сотни людей въ другомъ. „Rule, Britannia!“—поютъ клэрки, бѣгущіе толпой изъ громаднаго банка Пара. Вотъ раздаются апплодисменты. На балконъ Мэншенъ-гауза выходитъ красивый, плотный старикъ съ лихо закрученными усами. Это—лордъ-мэръ, Ньютонъ. Должно быть, онъ говоритъ что-то очень патріотическое, потому что машетъ кулакомъ, указываетъ на „юніонъ джэкъ“ и стучитъ въ грудь; но словъ нельзя разобрать за общимъ гуломъ. Слышны лишь отдѣльныя восклицанія: „Pax Britannica!“ „Великая имперія!“ „Славный день!“

И кто бы подумалъ, что этотъ благородный ораторъ, который для отечества не жалѣетъ даже собственной груди, теперь подъ судомъ за устройство дутыхъ биржевыхъ компаній! Площадь принимаетъ живописный видъ. Въ одномъ мѣстѣ, подобравъ полы чернаго сюртука, толстый, налитый жиромъ и кровью джентельмэнъ, дробно семеня ногами, обутыми въ желтые башмаки, выплясываетъ skirt-dance подъ звуки шарманки, которую энергично вертитъ перевязанная накрестъ на груди платкомъ итальянка. Противъ джентельмэна, подобравъ одной рукой юбку, выплясываетъ дѣвица съ огромными красными перьями на шляпкѣ. Въ другой рукѣ у дѣвицы—огромное павлинье перо, которымъ она щекочетъ по носу толстаго джентельмэна. Послѣднему жарко. Толстый, туго обтянутый пестрымъ шелковымъ жилетомъ, животъ дрожитъ и колышется при каждомъ прыжкѣ; джентельмэнъ пыхтитъ, но кричитъ, задыхаясь отъ жира и жары: „слава Бобсу“ (Робертсу)! На площадь со всѣхъ концовъ бѣгутъ оборванные разносчики, которые спѣшатъ воспользоваться моментомъ, чтобы сбыть павлиньи перья, трещотки, флаги, колпаки изъ цвѣтной бумаги, булавки съ портретами генераловъ и прочіе аттрибуты, необходимые при проявленіи патріотическаго восторга. Вотъ другой джентельмэнъ въ цилиндрѣ, тоже толстый, но помоложе,

пробуетъ неудачно взобраться на фонарный столбъ.—Другой, молодой джентельмэнъ беретъ что-то изъ рукъ толстаго и лѣзетъ на столбъ. Въ рукахъ у него веревка, къ концу которой привязано чучело съ библіей въ рукахъ. Чучело при аплодисментахъ вѣшаютъ. Пронзительно пищатъ дудки, верещатъ трещетки.—Тысячи мальчишекъ тянутся безконечными процессіями. Кто-то прикрѣпилъ огромный флагъ на фонарѣ. Вокругъ столба составляется хороводъ. Выплясываетъ дама, довольно пожилая, нарядно одѣтая, старикъ, повидимому, рабочій, молодой джентельмэнъ въ цилиндрѣ, въ высочайшихъ воротничкахъ и солдатъ въ красной курткѣ. На площади становится душно. Въ окнѣ одного магазина на Чипсайдъ появляется громадный транспарантъ, изображающій льва, который разорвалъ двухъ кабановъ (*boar*—кабанъ и *boer*—буръ, по англійски произносятся одинаково). Это—картина, только что выпущенная газетой-ренегатомъ *Daily Chronicle*. Еще и еще танцующіе на улицахъ. Ѣдетъ карета; на верху, на крышѣ сидитъ дама, болтаетъ ногами, машетъ огромнымъ флагомъ и кричитъ пронзительно: „Rule, Britannia!“ Возлѣ витрины магазина гравюръ еще болѣе эксцентричная сцена: въ окнѣ выставленъ портретъ генерала Баденъ-Поуэлля въ желтой рамѣ. Какая-то дама, нарядно одѣтая, вскрикиваетъ: „мое сокровище!“ и бросается цѣловать окно противъ того мѣста, гдѣ стоитъ портретъ. Десятокъ дамъ слѣдуетъ примѣру. Опять хороводъ на улицѣ. Англичане тяжелы, степенны и „подтянуты“ на улицѣ. Въ силу этого, особенно причудливое впечатлѣніе производятъ эти джентельмэны и дамы, вывертывающія ногами на тротуарѣ. Темнѣетъ. Улицы принимаютъ еще болѣе шумный характеръ. Изъ кабаковъ высыпаютъ тысячи другихъ ликующихъ съ кастрюлями, котелками и сковородами въ рукахъ. На улицахъ—адскій гомонъ: пискъ дудокъ, трескъ барабановъ, лязгъ котелковъ и сковородъ, крики „ура!“, отрывки патріотическихъ пѣсенъ, сложенныхъ въ кафэ-шантанѣ... Все сливается въ одинъ гулъ, покрываемый безпрерывно грохотомъ петардъ. Новое изданіе вечернихъ патріотическихъ газетъ говоритъ о „ликующемъ имперіализмѣ“, о восторгѣ, который охватилъ весь Лондонъ.. Посторонній наблюдатель старается анализировать явленіе. Досуга много у него, такъ какъ гамъ и шумъ все равно не дадутъ спать всю ночь. Сцены являются лишь высшимъ проявленіемъ того „имперіализма“, который насаждается уже около 15 лѣтъ, но который вполнѣ опредѣлился въ послѣднія пять-шесть лѣтъ. Оставимъ въ сторонѣ стихійный характеръ всякаго массоваго движенія и постараемся выяснить, что такое „имперіализмъ“? При внимательномъ изученіи мы наблюдаемъ въ немъ нѣсколько теченій. Не подлежитъ сомнѣнію, что лондонскій лордъ-мэръ, биржевикъ, крупный фабрикантъ, затѣмъ, старый рабочій, выплясывавшій вокругъ фонаря, или пѣвецъ джингоизма Рюдіардъ Киплингъ, должны нѣ-

сколько различно понимать „имперіализмъ“. Для однихъ это—новая римская имперія, только еще большая, обнявшая Англію, колоніи, Америку. „Юніонъ Джэкъ“ развѣвается всюду. Весь міръ трепещетъ „Большей Великобританіи“. (The greater great Britain). Каждая нація имѣетъ миссію,—говорятъ эти.—Миссія англичанъ—создать всемірную имперію. Имперія же создается силой, а не „руками, затянутыми въ лайковыя перчатки“. „Если мы освободимся отъ школьнаго вздора,—говоритъ одинъ изъ теоретиковъ имперіализма,—то мы скоро поймемъ слѣдующее. Если всѣ націи такъ или иначе начинаютъ грабежомъ, то это значитъ, что пираты являются лучшими созидателями имперій. Къ счастью, струя, порождающая пиратовъ, еще не изсякла у насъ. Когда это случится, Великобританія и Большая Великобританія перестанутъ существовать“ *). При созиданіи имперіи не можетъ быть понятій: „справедливо“ или „преступно“. Есть лишь одно право: право болѣе сильнаго и болѣе способнаго. Сильный долженъ господствовать, не справляясь, желаетъ ли этого слабый или нѣтъ. Народы попадаютъ въ тигель войны, и на адамантовой наковальнѣ судьбы боевой молотъ Тора сплющиваетъ ихъ въ форму, намѣченную Господомъ“ **). Приведу еще нѣсколько строкъ и затѣмъ, мнѣ кажется, можно будетъ покончить съ философомъ джингоизма. Авторъ говоритъ о покушеніи, которое было сдѣлано на жизнь Вильгельма завоевателя, когда тому было 12 лѣтъ. Убійца закололь по ошибкѣ въ темнотѣ мальчика, спавшаго вмѣстѣ съ сыномъ Роберта Дьявола. „Если бы убійцѣ удалось тогда покончить съ Вильгельмомъ, не было бы ни завоеванія Англіи норманами, ни сліянія двухъ царствующихъ домовъ, отъ котораго впослѣдствіи рождена наша возлюбленная королева; не было бы ни Британской имперіи, ни Соединенныхъ Штатовъ. Міръ тогда имѣлъ бы другой видъ“ ***). Есть значительная часть населенія, которая увлекается только такой поэзіей имперіализма. Это—тѣ культурные дикари, о которыхъ я говорилъ уже. Затѣмъ, одно теченіе было порождено экономическимъ состояніемъ Англіи. Оно зародилось, какъ увидимъ сейчасъ, въ промышленномъ центрѣ Англіи, въ Бирмингэмѣ и Шэфильдѣ. Для него „имперіализмъ“ и „торговля“ синонимы (слова Чэмберлэна). Третье теченіе зародилось на биржѣ. О немъ приходилось мнѣ говорить уже. Значительную часть массъ увѣрили, что имперіализмъ значитъ новые рынки. Новые же рынки значатъ расширеніе промышленности и поднятіе заработной платы. Разберемся теперь нѣсколько въ этихъ различныхъ теченіяхъ.

---

*) *George Griffith*, Men who have made the Empire, p. 6.

**) Ib., p, 5.

***) Ib., p. 7.

II.

Познакомимся прежде всего съ девятью графствами: Уорстеръ, Уорикъ, Нортгэмптонъ, Шропъ, Стафордъ, Лейстеръ, Дерби, Ноттингэмъ и Іоркъ, съ *центральной страной* (Midlands), которая играла такую важную роль въ исторіи развитія имперіализма въ Англіи. Бирмингэмъ на сѣверѣ и Шефильдъ на югѣ являются столицами этого района. Во всѣхъ графствахъ вы встрѣтите одно и то же: покрытые черною копотью мрачные города, надъ которыми возвышается лѣсъ фабричныхъ трубъ. Всюду возвышаются башни каменноугольныхъ шахтъ. Всю ночь горизонтъ освѣщенъ багровымъ заревомъ доменныхъ печей. Это—царство металла и каменнаго угля, центръ обработки не текстильныхъ продуктовъ. Въ девяти графствахъ мы насчитываемъ 20.078 фабрикъ и 20.490 мастерскихъ. Въ шахтахъ, у доменныхъ печей, въ оружейныхъ и другихъ мастерскихъ здѣсь постоянно заняты болѣе 100 тысячъ работниковъ. Покрытая толстымъ, блестящимъ слоемъ каменноугольной пыли, земля здѣсь не даетъ ничего для прокормленія и обогащенія семи милліоннаго населенія, кромѣ глины, металловъ и угля. Вы можете пройти милю, не встрѣтивъ ни одного деревца, ни одного клочка зелени... Съ каждымъ годомъ новые пригороды и предмѣстья прибавляются къ старымъ городамъ. Въ два-три мѣсяца новыя зданія становятся такими же черными, какъ и тѣ, что стоятъ уже нѣсколько лѣтъ. Надъ пригородами поднимаются еще болѣе высокія фабричныя трубы, надъ которыми, въ видѣ знамени побѣдителя, развѣвается черное облако дыма. Ночью хоругвь капитала имѣетъ кроваво-багровый цвѣтъ. Почти круглый годъ эти мрачные города окутаны туманомъ. И когда мороситъ дождь, съ неба падаютъ брызги грязи. Это—результатъ вѣчной копоти. Каждый годъ раскрытыя пасти заводовъ поглощаютъ все большее и большее количество новыхъ жизней, людей, вытѣсненныхъ изъ умирающихъ деревень. Въ одинъ лишь годъ въ графствѣ Уорикъ (Warwick) прибавилось около 7 тысячъ новыхъ заводовъ и мастерскихъ. Армія рабовъ промышленности увеличилась съ 159.488 до 182.302. Шестерни, проводы, темныя шахты требуютъ, какъ минотавръ, опредѣленное число человѣческихъ жертвъ ежегодно. Въ прошломъ году въ одномъ лишь районѣ описываемаго округа, въ такъ назыв. *черной странѣ* было убито 300 и искалѣчено 2.500 работниковъ. Здѣсь можно насчитать сотни отраслей промышленности. Рядомъ стоятъ фабрики, обработывающія желѣзо, мѣдь, драгоцѣнные металлы, кожу, кость, стекло, фарфоръ и т. д. Все, что изготовляется молотомъ или что выходитъ изъ плавильной печи,—фабрикуется въ *центральной странѣ*. Нѣкоторыя отрасли промышленности группируются

по городамъ и мѣстечкамъ. Въ Стафордѣ изготовляются замки; Стокъ—центръ гончарныхъ издѣлій. Здѣсь фабрикуется фаянсовая и фарфоровая посуда и здѣсь также сотни дѣвушекъ и дѣтей становятся ежегодно жертвами отравленія свинцовыми бѣлилами*). Спеціальностью Шефильда являются ножи, Ковентри—велосипеды. Большею частью, однако, различныя фабрики тѣснятся рядомъ. Въ Бирмингэмѣ можно насчитать почти всѣ виды фабрикъ. Въ теченіе 130 лѣтъ (1750—1880) Бирмингэмъ плавилъ желѣзо и чугунъ, выбивалъ мѣдь, чеканилъ золото, точилъ дерево, дубилъ кожу, выдувалъ стекло и наводнялъ рынки всего міра своими фабрикатами: инструментами, орудіями, оружіемъ, винтами, гвоздями, машинами, вагонами, игрушками, пуговицами, булавками, сѣдлами и проч. Бирмингэмъ былъ поставщикомъ всѣхъ странъ и похвалялся, что покупателями его являются всѣ народы, какъ культурные, такъ и дикіе. Тогда мѣстные патріоты гордо заявляли, что весь міръ очутился бы въ крайне затруднительномъ положеніи, если бы всѣ фабрики въ Бирмингэмѣ внезапно закрылись. „Арабскій шейкъ ѣстъ свой пилафъ ложкой, изготовленной въ Бирмингэмѣ,—читаемъ въ книгѣ одного такого патріота.—Египетскій паша пьетъ свой шербетъ изъ кубка, вычеканеннаго въ Бирмингэмѣ, освѣщаетъ свой гаремъ хрустальнымъ бирмингэмскимъ канделябромъ и прибиваетъ на носъ лодки бирмингэмскія украшенія, вытисненныя на мѣстномъ же папье-маше. Краснокожій охотится и воюетъ съ бирмингэмской винтовкой въ рукахъ. Богатый индусъ украшаетъ свой салонъ бирмингэмскимъ хрусталемъ. Въ пампасы Америки Бирмингэмъ посылаетъ для лихихъ наѣздниковъ шпоры, стремена и для украшенія бархатныхъ штановъ блестящія пуговицы. Неграмъ въ колоніяхъ подъ тропиками онъ шлетъ топоры, сѣчки и прессы для сахарнаго тростника. Безъ Бирмингэма сантиментальный нѣмецъ не наслаждался бы своею огромною трубкою; на печкѣ, изготовленной въ Бирмингэмѣ, въ котелкѣ, пришедшемъ оттуда же, эмигрантъ стряпаетъ свой скудный обѣдъ. На жестянкахъ, въ которыхъ хранится консервированная зелень и прессованное мясо, составляющія запасы австралійскаго пріискателя, — выбито имя бирмингэмскаго фабриканта“ **). Авторъ могъ бы прибавить еще, что миссіонеры, которыхъ для декорума и для распространенія фабрикатовъ посылалъ Бирмингэмъ, находили, что ашантіи, бечуаны, кафры и моарисы молятся идоламъ, изготовленнымъ въ Бирмингэмѣ же. Бирмингэмъ находился тогда въ зенитѣ славы. Онъ полагалъ, что стоитъ во главѣ промышленнаго міра и что положеніе его прочно, какъ пирамиды. Чэмберлэнъ, который былъ мэромъ Бирмингэма

*) О гончарномъ округѣ я писалъ подробно года два тому назадъ въ «Русскомъ Богатствѣ».

**) *Elihu Burrit.* Walks in the Black Country.

отъ 1873—1876 гг., оставлялъ мѣстныхъ фабрикантовъ въ этой увѣренности и льстилъ ихъ честолюбію. Тогда не являлся ни одинъ Езекіиль, который провозгласилъ бы Бирмингэму: „Сыны человѣческіе! Начните оплакивать Тиръ... Ибо судьба его рѣшена; въ грядущіе вѣка ничего не останется отъ него“. 1873 г. былъ зенитомъ славы и богатства Бирмингэма. Прошло пятнадцать лѣтъ. На міровые рынки явились могучіе соперники „Тира“, и Бирмингэмъ началъ горько жаловаться. Въ 1885 г. назначена была „большая коммиссія“ для выясненія причинъ упадка англійской торговли. Въ 1886 г. коммиссія закончила свои труды. Результатомъ дѣятельности ея были пять огромныхъ *синихъ книгъ* *). Двадцать восьмого октября 1885 г. предъ коммиссіей явились делегаты отъ Бирмингэмскихъ фабрикантовъ. „Мы разоряемся,— пишутъ они въ своемъ докладѣ. Мы работаемъ, не покладая рукъ, но почти лишь въ убытокъ. Насъ губитъ иностранная конкурренція. Прежде мы снабжали весь міръ нашимъ оружіемъ. Какъ правительства, такъ и частныя лица обращались къ намъ съ заказами. Америка и Россія покупали у насъ сотни тысячъ револьверовъ и ружей; мы вооружали охотниковъ на всемъ земномъ шарѣ. Теперь большинство правительствъ сами изготовляютъ оружіе. Спрингфильдскія и винчестерскія американскія ружья вытѣсняютъ всюду наши. Америкѣ переданы были заказы карлистами и турецкимъ правительствомъ передъ войной. Мы снабжаемъ еще богатыхъ охотниковъ дорогими ружьями; но Бельгія отняла у насъ значительную часть покупателей. Даже у дешевыхъ ружей, продающихся въ Англіи, стволы сдѣланы въ Бельгіи. Бельгійскіе оружейники изготовляютъ болѣе плохіе стволы, чѣмъ англичане; но продаютъ дешевле и умѣютъ хорошо украшать товаръ. Въ силу этого, бельгійское оружіе ходко пошло тамъ, гдѣ любятъ дешевизну и красоту. Мы изготовляемъ въ огромномъ количествѣ винты и гвозди. Покровительственный тарифъ закрылъ намъ рынки въ культурныхъ странахъ. Англійская конкурренція отняла у насъ колоніи и новые рынки: Кардифу и Мидлборо выгоднѣе отправлять товары въ колоніи, чѣмъ намъ, которымъ приходится еще платить за перевозку товаровъ до моря. А далѣе явились иностранные фабрикаты, которые окончательно доканали насъ. Подъ защитой тарифовъ Германія и Америка расширили свои фабрики. Фабриканты получили такіе большіе барыши на внутреннихъ рынкахъ, что были въ состояніи наводнить наши рынки своими фабрикатами, пущенными по чрезвычайно низкимъ цѣнамъ. Когда-то вся Азія и Океанія покупали наши гвозди. Теперь нѣмецкіе гвозди вытѣсняютъ наши даже въ самомъ Бирмингэмѣ. Прежде мы всю Европу снабжали пуговицами; теперь Германія шлетъ ихъ даже къ намъ. Въ бирмингэмскихъ лавкахъ продается

*) Blue Books: C—4621, 4715 (I и II), 4797 и 4893.

нѣмецкая проволока. Бельгійское стекло вытѣсняетъ всюду нашъ хрусталь. Наши фабриканты лампъ имѣютъ весь товаръ въ складахъ: спроса нѣтъ никакого. Мы завели большія фабрики серебряныхъ филиграновыхъ издѣлій; мы выписали французскихъ мастеровъ и работали по ихъ рисункамъ. Нѣмцы скопировали наши образцы. Американцы выдумали новые рисунки, которые очень плохи; но за то вещи имѣли колоссальный сбытъ, такъ какъ продаются по ничтожнымъ цѣнамъ. Что же касается машинъ, помпъ, локомотивовъ и проч., то какъ же намъ бороться съ приморскими городами, которые имѣютъ подъ руками такое же желѣзо, такой же уголь, но не должны платить желѣзнодорожнаго тарифа? Нѣкоторые изъ нашихъ крупныхъ фабрикантовъ думаютъ о перенесеніи дѣятельности въ другое мѣсто. Такъ думаютъ фабриканты винтовъ Нетлфольдъ и К° *), владѣльцы громаднаго литейнаго завода Элліотъ и К° и т. д... Въ общемъ, лишь золотыя издѣлія остались еще въ нашихъ рукахъ...

— Какія же мѣры вы считаете необходимыми для облегченія положенія Бирмингэма?—спрашиваетъ коммиссія.

— Мы знаемъ лишь одну мѣру: торговый союзъ съ колоніями. Нужно установить между ними и метрополіей родъ таможеннаго союза, англійскій цолльферейнъ. Нужно уничтожить частныя таможни каждой колоніи и окружить всю имперію однимъ таможеннымъ кордономъ отъ иностранныхъ фабрикантовъ. Такимъ образомъ, мы явимся потребителями сырыхъ продуктовъ колоній; колоніи же будутъ главнымъ рынкомъ для нашихъ обработанныхъ продуктовъ **).

Вслѣдъ за бирмингэмцами явились делегаты отъ Шэфильда. „Падаетъ ли ваша торговля?—спросила коммиссія.

— Насъ постигла катастрофа,—отвѣтили делегаты.—Изъ нашихъ рукъ ушло снабженіе мірового рынка стальными издѣліями. Мало-по-малу уходятъ и другія отрасли промышленности. Прокатные заводы, изготовлявшіе рельсы — закрылись. Фабриканты стеклянной посуды и оконнаго стекла тоже хотятъ прекратить дѣятельность. Нѣмцы навезли даже къ намъ въ Шефильдъ свое оконное стекло. Ихъ рельсы, оси и колеса вагоновъ вытѣснили наши издѣлія въ Италіи и въ Испаніи... Мы можемъ сказать смѣло, что здѣсь, въ Англіи, интересы Шефильда связаны тѣсно съ интересами земледѣльческаго класса, который является покупателемъ нашихъ сельскохозяйственныхъ машинъ, вилъ, мотыкъ, заступовъ и проч. Когда земледѣльческій классъ уменьшается, мы не имѣемъ больше покупателей здѣсь. Не подлежитъ сомнѣнію, что привозомъ зерна изъ Америки, Индіи, Россіи и другихъ

---

*) Однимъ изъ собственниковъ этой фабрики является Чэмберлэнъ.

**) Показанія делегатовъ бирмингэмской торговой палаты. *Blue Book*, C.—4715, стр. 32—35.

странъ—нашему земледѣлію нанесли смертельный ударъ. Оффиціальная статистика подтверждаетъ намъ это. Съ каждымъ годомъ площадь засѣваемыхъ полей уменьшается. Съ 1870 года 1.500.000 акровъ нивъ превращены въ пастбища. Фермерство не оплачивается больше. Мы потеряли нашъ внутренній рынокъ; но и внѣшніе рынки уходятъ отъ насъ. Когда-то Соединенные Штаты были нашимъ главнымъ покупателемъ. Но послѣ того, какъ они стали во главѣ, какъ земледѣльческое государство,—они захотѣли сдѣлаться промышленной страной. Благодаря покровительственному тарифу, тамъ возникли и окрѣпли фабрики. Соединенные Штаты, какъ рынокъ, закрылись для насъ... Мы вели громадныя дѣла съ Канадой; теперь она ввела покровительственный тарифъ, и насъ вытѣсняютъ. Франція удвоила тарифы... Россія тоже закрыла намъ свои рынки... Въ колоніяхъ все противъ насъ: конкурренція иностранцевъ, таможни, плохіе урожаи.

— Вы говорите о нѣмецкой конкурренціи? — спрашиваетъ коммиссія.—Что помогаетъ ей, по вашему мнѣнію?

— О, много обстоятельствъ. Нѣмецкіе судовладѣльцы берутъ 7 шилл. за тонну до восточнаго берега Америки, англійскіе же—20 шилл. Намъ приходится, поэтому, отправлять товары сначала въ Лондонъ, оттуда въ Гамбургъ, а оттуда уже въ Америку. Германія воспользовалась нашими путями; она взяла адреса нашихъ кліентовъ и, видя наши барыши, стала поддѣлывать наши торговыя марки. Она наводнила всѣ рынки своими ножами съ клеймомъ „Шефильдъ“. Англійскіе ножи съ клеймомъ, изображающимъ мальтійскій крестъ со звѣздой и съ подписью „Роджерсъ“ были въ сильномъ спросѣ за океаномъ. Появились нѣмецкіе ножи, тоже съ мальтійскимъ крестомъ и звѣздой и тоже съ выгравированной подписью, но только не „Роджерсъ“, а „Ротгенсъ“... Желѣзнодорожные тарифы губятъ насъ. Вестфальскіе же фабриканты имѣютъ то преимущество, что могутъ сплавлять товары до моря Рейномъ. Наши фабриканты большихъ машинъ, раззоренные тарифомъ, стали изготовлять однѣ лишь мелкія вещи, по преимуществу, ножевый товаръ. Явилось перепроизводство, а затѣмъ пришлось закрыть рядъ фабрикъ. Наши рабочіе эмигрировали тогда въ Америку въ огромномъ числѣ и ввели тамъ усовершенствованный способъ выдѣлки ножеваго товара. Американцы, имѣя такое же желѣзо, такой же уголь и такихъ же мастеровъ, какъ мы, да на придачу охранительный тарифъ, легко побили насъ всюду... Еще одна причина. Нѣмцы имѣютъ надъ нами огромное преимущество: техническое образованіе поставлено у нихъ неизмѣримо выше, чѣмъ въ Англіи. Къ тому же, нѣмцы воздержны и предпріимчивы. Цѣлыми полками они нахлынули къ намъ. Они завалили англійскіе города своими дешевыми фабрикатами...

— Какую же мѣру вы считаете необходимой для поднятія англійской промышленности?

— Отъ насъ ушелъ американскій рынокъ, которымъ мы жили прежде. Теперь намъ нуженъ взамѣнъ другой рынокъ: въ колоніяхъ. Метрополія должна вступить съ колоніями въ федерацію на принципахъ свободнаго обмѣна другъ съ другомъ и охранительнаго тарифа по отношенію къ другимъ странамъ“ *).

„Центральная страна“ (Midlands) нашла вскорѣ паладина, тоже бирмингэмскаго фабриканта—Джозефа Чэмберлэна. Въ 1887 г., черезъ годъ послѣ перемѣны фронта, Чэмберлэнъ былъ посланъ въ Канаду для разслѣдованія спора между американскими и канадскими рыбопромышленниками. Здѣсь и въ Соединенныхъ Штатахъ Чэмберлэнъ сталъ проповѣдывать новое евангеліе—имперіализмъ. „Ваши тарифы,—говоритъ онъ,—очень высоки. Вѣрьте мнѣ: рано или поздно придется разрушить китайскую стѣну, которой вы оградили себя отъ промышленности всего міра, и установить новый режимъ для всѣхъ, говорящихъ по англійски, націй. Вы были неправы, когда относились къ намъ, какъ къ чужой и враждебной націи. Что касается меня, то я отказываюсь считать себя „чужимъ“ въ Америкѣ. Я согласенъ съ тѣмъ дипломатомъ, который сказалъ разъ принцу Уэльскому, что будетъ время, когда все человѣчество станетъ дѣлиться на три класса: на американцевъ, англичанъ и иностранцевъ. Я пораженъ, когда слышу, какъ люди, говорящіе по англійски и происходящіе отъ англійскихъ предковъ, — обличаютъ коварство, двойственность, насиліе, стремленіе къ захвату, которыми, будто бы, отличается англійская политика“ **).

Нужно сознаться, что апостольская дѣятельность Чэмберлэна была крайне неудачна. Даже и теперь, когда удалось пробудить въ части Канады духъ шовинизма, канадцы отказываются отъ цолльферейна. Что же касается Америки, то пять шестыхъ всей прессы категорически противъ какого бы то ни было союза съ Англіей. Всего лишь недавно Чэмберлэнъ заявилъ о новомъ тройственномъ союзѣ: Англіи, Германіи и Америки. И тогда же Америка заявила, что никакого такого союза нѣтъ. „Макъ-Кинлей можетъ, если ему угодно, вступать въ союзъ; но то будетъ союзъ его собственный, а не Америки“,—было заявлено въ сенатѣ.

Между тѣмъ кризисъ въ „центральной странѣ“ увеличивался съ каждымъ годомъ. Порой солнце показывалось еще фабрикантамъ; но красные дни 1870—1873 гг., повидимому, ушли безвозвратно. Начиная съ 1850 г. до 1873 г., вывозъ желѣза и стали

*) Объясненія Белка, Эллиса, Голмшау, Осборна и другихъ шефильдскихъ фабрикантовъ ножеваго товара, *Blue Book*. C.—4715, p. p. 5, 74—88, 102.

**) Рѣчи въ Торонто 30 декабря 1887 г. и въ Филадельфіи — 29 февраля 1888 года.

изъ Англіи увеличивался съ каждымъ годомъ. Слѣдующая таблица наглядно показываетъ намъ ростъ этого экспорта за тринадцать лѣтъ.

Цифры выражены въ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ:

1860 г.	1865 г.	1870 г.	1871 г.	1872 г.	1873 г.
13,6	15,4	24	26,4	35,9	37,7 *)

Съ 1873 г. начинается прогрессивное пониженіе экспорта. Падаетъ вывозъ ножеваго товара, стекла, фаянсовой посуды и проч. **). Нѣкоторыя отрасли промышленности, повидимому, осуждены на смерть. Въ 1873 г. вывезено часовъ на 180.000 ф. ст. Производство часовъ процвѣтало до 1883 г., когда вывезено ихъ на 320.000 ф. ст. Теперь промышленность эта почти убита. Въ 1898 г. вывезено часовъ всего лишь на 80.000 ф. ст. Въ 1873 г. вывезено оружія на 5.500.000 ф. ст.; въ 1897 году лишь на 3.960.000 ф. ст. Два послѣднихъ года были очень благопріятны для англійской промышленности; но они не поправили проспектовъ „Центральной страны". Со всѣхъ концовъ прибываютъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ крайне пессимистическіе отчеты англійскихъ консуловъ. Европа завоевывается нѣмецкими фабрикантами. Отъ Архангельска до Бильбао и отъ Шербурга до Одессы англійскіе консулы сообщаютъ одно и то же. Изъ Шербурга консулъ сообщаетъ: „Германія снабжаетъ городъ ножевымъ товаромъ и игрушками. Весь край живетъ лишь торговлей съ Англіей. Нѣсколько разъ въ недѣлю изъ Шербурга отправляются въ Саутгэмптонъ пароходы, нагруженные живностью, овощами, масломъ, яйцами; но лавочники ничего не покупаютъ въ Англіи. Нѣмцы изготовляютъ посуду по данному образцу, съ видами Шербурга, той именно формы, которая нравится крестьянамъ Нормандіи" ***). „Торговый договоръ 10 февраля 1894 г. отдалъ страну нѣмецкой промышленности, — пишутъ англійскіе консулы изъ Россіи. Въ 1896 г. импортъ изъ Германіи почти вдвое превышалъ нашъ. Мы стоимъ на одномъ мѣстѣ, тогда какъ нѣмцы идутъ быстро впередъ. Сравнительный ввозъ въ Россію англійскихъ и нѣмецкихъ фабрикатовъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

---

*) *Victor Bérard*, L'Angleterre et l'impérialisme, 1900, p. 82.

**) Вывезено различныхъ фабрикатовъ (цифры—въ милл. ф. ст.):

	1872 г.	1877 г.	1882 г.	1887 г.	1892 г.	1897 г.
Ножеваго товара .	5	3,3	4,1	2,9	2,1	2,1
Стекла	1,1	0,8	1	1	0,8	1
Фаянса и фарфора .	2,1	1,8	2,3	1,9	2	1,9

(см. «Annual Statements of the Trade» за 1899 г.)

***) Annual Series, 1897, № 2035.

		1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.
Ввезено	нѣмецкихъ фабрик. . .	4 м. ф.	5,7	7	7,5
"	англійскихъ " . .	4,4	5,1	4,5	4,4 *).

Весь ножевый товаръ и мелкія машины, встрѣчающіяся здѣсь—нѣмецкаго издѣлія.

„Прежде всѣ желѣзныя издѣлія и всѣ машины доставлялись намъ изъ Англіи,—пишетъ миланскій англійскій консулъ.—Теперь черезъ С.-Готардъ доставляются намъ нѣмецкія и швейцарскія машины. Англійскіе товары прочно стояли было въ портовыхъ городахъ; но теперь туда все чаще и чаще стали заглядывать нѣмецкіе пароходы съ нѣмецкими же фабрикатами. Къ сожалѣнію, англійскій импортъ здѣсь, повидимому, будетъ все болѣе и болѣе падать и нѣтъ надежды увеличить его“ **).

„Наша торговля съ Норвегіей уменьшается все, — доноситъ консулъ въ Христіаніи.—Германія все болѣе и болѣе завоевываетъ здѣсь рынокъ... Требуются съ нашей стороны громадныя усилія, чтобы вновь завоевать его“ ***). „Греческій рынокъ не въ цвѣтущемъ состояніи по причинѣ послѣднихъ политическихъ событій. Рынокъ прежде находился всецѣло въ рукахъ Англіи; но въ послѣдніе годы онъ уходитъ отъ насъ. Наши фабрикаты вытѣсняются нѣмецкими и бельгійскими машинами, нѣмецкимъ и австрійскимъ мелочнымъ желѣзнымъ товаромъ, нѣмецкой бумагой и пр. Товары, повидимому, не отличающіеся ни добротностью, ни красотой отъ нашихъ—продаются на 15—50% дешевле. Теперь газовый заводъ въ Аѳинахъ и греческіе литейные заводы снабжаются нѣмецкимъ каменнымъ углемъ“ ****). Изъ Швеціи, Румыніи, Португаліи присланы подобные же доклады. И какъ будто бы для того, чтобы лучше оттѣнить картину, консулы доносятъ изъ Германіи *****): „1897 г. былъ крайне благопріятенъ для нѣмецкой промышленности. Всѣ отрасли ея быстро прогрессировали... Ввозъ сырыхъ продуктовъ и вывозъ фабрикатовъ увеличился. Въ 1889 г. импортъ сырыхъ продуктовъ въ Германію былъ на 1.767,500,000 марокъ; въ 1896 г.—на 1.886,000,000 мар.; импортъ же обработанныхъ продуктовъ за этотъ періодъ упалъ съ 992.700,000 марокъ до 939.200,000 марокъ. Экспортъ сырыхъ продуктовъ въ 1889 г. былъ 665 милл. марокъ, а въ 1896 г. на 773 милл.; вывозъ же фабрикатовъ повысился съ 2.098,700,000 марокъ до 2.301,200,000 м. Въ особенности прогрессъ былъ великъ въ желѣзномъ дѣлѣ... Все, по словамъ консула, „доказываетъ колоссальный промышленный прогрессъ Германіи за послѣдніе двад-

*) Annual Series, № 1998.
**) Annual Series, № 1882, 1886.
***) Ibid., № 2013.
****) Ibid., № 1895.
*****) Ibid., № 2122.

цать лѣтъ. „Но опасность со стороны Германіи не такъ велика еще, какъ со стороны Соединенныхъ Штатовъ. Америка пустила въ обращеніе множество новыхъ, усовершенствованныхъ земледѣльческихъ машинъ. Въ портахъ Балтійскаго и Чернаго морей, въ Ригѣ, Одессѣ, Стокгольмѣ, всюду американскимъ машинамъ отдается предпочтеніе. Лишь однѣ нѣмецкія машины, по причинѣ дешевизны ихъ, могутъ еще выдерживать конкуренцію съ американскими. Американскіе велосипеды и швейныя машины вытѣснили англійскія—въ Германіи, Италіи и Франціи. Въ Барцелонѣ и въ другихъ испанскихъ городахъ американцы снимаютъ концессію на постройку электрическаго трамвая. Американскіе часы соперничаютъ по дешевизнѣ даже съ швейцарскими. Но въ особенности Америка стремится захватить рынки въ Азіи и въ Великомъ Океанѣ. Оба берега двухъ Америкъ, отъ Нью-Іорка до Буэносъ-Айреса и отъ С.-Франциско до Чили являются уже рынкомъ исключительно только для машинъ, изготовленныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ. А еще недавно вся Южная Америка была въ ленной зависимости отъ Бирмингэма и Шефильда. Всѣ англійскіе консулы сообщаютъ изъ Америки, что вскорѣ рынки всего міра будутъ завалены рельсами, балками, машиннымъ и полосовымъ желѣзомъ, которые Соединенные Штаты пустятъ по баснословно дешевымъ цѣнамъ.

III.

Вѣрны ли эти доклады или преувеличены, — трудно теперь сказать; но они производятъ въ Англіи ошеломляющее впечатлѣніе. Цифры и факты комментируются газетами и ораторами. „Магазины“, соображаясь съ читателями, для большей наглядности представляютъ имъ грозные выводы графически. Вотъ большой толстый, широко улыбающійся Джонъ Буль. Это—англійскіе фабрикаты на Южно-Американскихъ рынкахъ до 1873 г. Рядомъ тотъ же Джонъ Булль, но сморщенный, исхудавшій, сократившійся на половину, съ кислой миной на лицѣ. Это—англійскіе фабрикаты на томъ же рынкѣ въ 1898 г. Сотни памфлетовъ (видъ литературы, который особенно облюбованъ англичанами) носятъ грозныя названія: „Какъ насъ бьютъ на международныхъ рынкахъ“, „Паденіе нашей промышленности“, „Конкурренція иностранцевъ“, „Отступленіе по всей линіи“ и пр. Наконецъ, явился столь нашумѣвшій памфлетъ Уильямса „Сдѣлано въ Германіи“ (Made in Germany). Памфлетъ этотъ, выводы котораго нужно принимать cum grano salis, и даже съ очень большой щепотью, разошелся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ среди большой публики. Значительная часть прессы забила тревогу. „Такъ какъ насъ вытѣсняютъ на иностранныхъ рынкахъ, то намъ нужны собствен-

ные рынки, новыя колоніи. Имперіализмъ необходимъ, такимъ образомъ. Имперіализмъ это—широкое развитіе промышленности. Промышленность слѣдуетъ за флагомъ (The trade follows the flag), т. е., вмѣстѣ съ завоеваніемъ новыхъ странъ, увеличивается отечественное производство. Такъ проповѣдуютъ въ газетахъ, на митингахъ и въ *церквахъ* имперіалисты. „Если центральныя графства послѣдовали за Чэмберлэномъ, когда послѣдній перекочевалъ къ тори; если эти бывшіе либералы болѣе десяти лѣтъ остались вѣрны новымъ союзникамъ, то это потому, что имперіализмъ оформулировалъ ихъ желанія. Вотъ — единственное объясненіе успѣха Чэмберлэна на послѣднихъ выборахъ",—говоритъ остроумный французскій авторъ *). Въ значительной степени это вѣрно, хотя въ Midlands есть еще другіе избиратели, кромѣ фабрикантовъ. Послѣднихъ имперіализмъ и пророкъ его Чэмберлэнъ ослѣпили такъ называемой „соціальной" программой, о которой дальше. Имперіализмъ, прежде всего, мечталъ о таможенномъ кордонѣ. „Есть одинъ вопросъ, который по важности своей господствуетъ надъ всѣми: это—введеніе торговаго союза въ имперіи—сказалъ Чэмберлэнъ**)... Взгляните на Германскую Имперію. Какъ возникла она? Она началась торговымъ союзомъ, цолльферейномъ двухъ королевствъ, входящихъ теперь въ составъ имперіи. Остальныя государства пристали, привлеченныя выгодой. Собрался совѣтъ, чисто промышленный вначалѣ, рейхсратъ, чтобы обсудить общіе торговые вопросы. Мало-по-малу совѣтъ занялся вопросами національной политики и впослѣдствіи сталъ связующимъ звеномъ новой имперіи... Теперь предъ нами могутъ быть три пути. Первый это, чтобы колоніи наши отказались отъ охранительныхъ тарифовъ и приняли нашу систему свободной торговли. Такова теорія фритрэдеровъ ортодоксовъ. Быть можетъ, путь великолѣпенъ; но колоніи не откажутся отъ системы, являющейся главнымъ источникомъ ихъ доходовъ. При томъ же принятіе колоніями системы свободной торговли повело бы къ тому, что рынки тамъ были бы быстро завоеваны иностранными конкуррентами. Второй путь—намѣченъ колоніальной конференціей въ Отавѣ. Мы должны сами отказаться отъ свободной торговли и ввести охранительные тарифы, какъ въ колоніяхъ. Послѣднія сохраняютъ свои тарифы; но, по отношенію къ намъ, дѣлаютъ нѣкоторыя уступки. Мы устанавливаемъ высокій налогъ на иностранные сырые продукты, дабы покровительствовать ввозу этихъ продуктовъ изъ колоній. Я полагаю, что никогда ни парламентъ, ни общество не согласятся на подобную, слишкомъ нивеллирующую мѣру. Торговля наша съ колоніями—ничтожна въ сравненіи съ торговлей съ иностранными государствами... Но есть еще

*) *Victor Bérard*, L'Angleterre et l'impérialisme, Paris, 1900, p. 93.

**) Рѣчь въ Лондонѣ, 21 января 1896 г.

и третій путь, предложенный министромъ торговли въ Торонто:— организація британскаго цолльферейна, принятіе таможеннаго союза, который устанавливалъ бы свободную торговлю между членами имперіи. Каждый членъ союза сохранилъ бы извѣстную свободу по отношенію къ иностраннымъ государствамъ; но Англія дала бы гарантію ввести налогъ на тѣ сырые иностранные продукты, которые въ изобиліи вывозятся также и изъ колоній, т. е. на зерно, мясо, шерсть, сахаръ и т. д. Мнѣ кажется, этотъ проектъ долженъ понравиться даже фритрэдерамъ ортодоксамъ: вѣдь триста милліоновъ людей будутъ жить на принципахъ свободнаго обмѣна другъ съ другомъ".

Дальше я коснусь того, насколько возможно въ Англіи практическое примѣненіе „чэмберлэнизма".

Многочисленные фабриканты въ центральныхъ графствахъ радостно ухватились за новое евангеліе, за имперіализмъ, первая глава котораго начиналась словомъ: „рынки"! Для того, чтобы Бирмингэмъ и Шэфильдъ вновь стали промышленными сюзеренами всего міра, нужно, прежде всего, захватить всю Африку, потому что Европа германизируется въ экономическомъ отношеніи, азіатскіе рынки переходятъ въ руки японцевъ, французовъ и русскихъ; американскіе рынки достаются „янки". „Нужна Африка отъ Капской колоніи до Каира, чтобы проложить колоссальную желѣзную дорогу, чтобы сбыть милліоны пудовъ рельсовъ, которыхъ негдѣ продать. Туда пойдутъ тысячи локомотивовъ и вагоновъ, нагруженныхъ матеріаломъ для безчисленныхъ мостовъ и станцій. Отъ Капской колоніи до Каира по прямой линіи верстъ 8 тысячъ. Сколько понадобится выстроить станцій, магазиновъ, бараковъ, мостовъ, загородокъ! Сколько понадобится замковъ къ дверямъ, оконныхъ стеколъ, шарнировъ, задвижекъ, ручекъ, петель, сколько десятковъ тысячъ аршинъ проволоки, болтовъ, гвоздей, винтовъ, машинъ, инструментовъ..." *). Это одна изъ главныхъ причинъ, почему „Midlands" присоединилась къ имперіализму. „Имперіализмъ" одинъ лишь можетъ дать, черезъ посредство Чэмберлэна, такой великолѣпный сбытъ для бирмингэмскихъ рельсовъ, гвоздей и винтовъ, какъ желѣзная дорога въ Угандѣ. Когда начался захватъ Африки, Англіи достался, между прочимъ, огромный кусокъ тропическаго болота и первобытнаго лѣса Уганда, на берегу озера Викторія Ніанца. Рѣшено было строить тамъ правительственную желѣзную дорогу, хотя оппозиція напрасно добивалась, что именно будутъ возить по ней. На постройку ассигновали 3 мил. ф. ст. Прошло четыре года. Расходы достигли уже 5 мил. ф. ст.; но дорога еще не окончена даже на половину. Оказывается, приступили къ постройкѣ ея *безъ плановъ*, безъ развѣдокъ. Инженеры прокладывали путь, не

*) L'Angleterre et l'impérialisme.

зная, что будетъ черезъ 20 верстъ: гора, болото или рѣка. Начинался тропическій ливень, и готовую линію смывало. За то обезпеченъ рынокъ для бирмингэмскихъ колесъ и винтовъ *). Въ рядахъ имперіалистовъ мы видимъ затѣмъ представителей биржевого капитала. Захватъ новыхъ территорій означаетъ новыя спекуляціи на землю, на золото, на каменный уголь, существующій и не существующій. О роли биржевого капитала я теперь распространяться не буду, такъ какъ мнѣ приходилось уже не разъ говорить объ этомъ.

Массы были вовлечены тѣмъ, что имъ толковали, что имперіализмъ значитъ расширеніе рынковъ, т. е. увеличеніе промышленности, а вмѣстѣ съ ней—повышеніе заработной платы. Кромѣ этого, имперіализмъ выставилъ для массъ, такъ называемую, соціальную программу. „Мы имѣемъ возможность, которой лишены наши противники, обратить самое серьезное вниманіе на важные соціальные вопросы; разрѣшеніемъ ихъ обусловливается счастье и благосостояніе трудящихся массъ" (Рѣчь Чэмберлэна въ сѣверномъ Ламбетѣ, 6 іюля 1895, передъ общими выборами). „Я хочу вамъ предложить прежде всего одинъ вопросъ: господа, желаете ли вы имѣть у власти правительство, занятое соціальнымъ законодательствомъ? Желаете ли вы реформъ въ этомъ смыслѣ или вамъ дороги измѣненія въ конституціи, отъ которыхъ вы не получите ничего?" **). Это опять слова Чэмберлэна. „Соціальная" программа была изложена въ манифестѣ, выпущенномъ въ іюлѣ 1895 г. въ Бирмингэмѣ. „Соціальныя реформы. Программа мистера Чэмберлэна, читаемъ мы въ этомъ документѣ. 1) Улучшеніе жилищъ рабочихъ классовъ. Проведеніе закона, дающаго возможность работникамъ, уплатой ренты, пріобрѣтать въ собственность дома. Законъ будетъ аналогиченъ тому, который облегчаетъ ирландскому фермеру покупку земельнаго участка. 2) Законъ, преграждающій эмигрантамъ доступъ въ Англію. Такимъ образомъ, англійскіе работники будутъ ограждены отъ конкуррентовъ, могущихъ сбить заработную плату. 3) Пенсіонъ для всѣхъ престарѣлыхъ. 4) Сокращеніе законодательнымъ путемъ рабочаго дня приказчиковъ въ лавкахъ. 5) Отвѣтственность предпринимателей за жизнь и здоровье работниковъ, безразлично, произошло ли несчастье по винѣ предпринимателей или же по неосторожности рабочихъ. 6) Восьмичасовой рабочій день. 7) Реформы, касающіяся продажи крѣпкихъ напитковъ. 8) Третейскій судъ для разрѣшенія недоразумѣній между предпринимателями и работниками" ***). Читатели знаютъ уже, что почти ни одно обѣщаніе не было выполнено. За то министерство щедро было на по-

*) *Francis Hirst*, Liberalism and the Empire, London, 1900, p. p. 74.
**) Five years of tory government, London, 1900, p. p. 59.
***) Ib., p. p. 61.

дарки тѣмъ классамъ, въ поддержкѣ которыхъ имперіализмъ нуждается. Въ 1896 г. проведена была ежегодная взятка въ размѣрѣ 1.613.000 ф. ст. англійскимъ и шотландскимъ лэндлордами *). Въ 1897 г. священники получили 800.000 ф. ст. въ годъ на конфессіональныя школы **). Священники постарались отблагодарить министерство. Они теперь наиболѣе крайніе пропагандисты джингоизма. Священники выступили съ проектомъ новыхъ школъ, въ которыхъ они бы насаждали пламенный патріотизмъ. Они даже Евангеліе издали въ военномъ переплетѣ цвѣта „хаки“, съ національнымъ флагомъ на крышкахъ. Одинъ епископъ воспѣвалъ въ стихахъ доблести англійскаго оружія; другой предложилъ воздвигнуть такой монументъ въ память войны: Христосъ, а надъ нимъ нимбусъ, перевитый „юніонсъ-джэкомъ“ (національнымъ флагомъ). У подножія креста: св. Георгъ, „первый Томи Аткинсъ“ и св. Стефанъ, „первый Джэкъ Таръ“. За усердіе священникамъ дана была дополнительная взятка въ 1899 г., въ размѣрѣ 87,000 ф. ст. въ годъ ***). Въ 1898 г. ирландскіе лэндлорды получили 300.000 ф. ст. По этому закону герцогъ Аберкорнскій, получающій съ своихъ земель въ Ирландіи 26.852 ф. въ годъ, получилъ отъ министерства 895 ф. ст., герцогъ Девонширскій, получающій тамъ ренту въ 25.745 ф. ст. въ годъ—858 ф. ст., графъ Фитцвилліамъ—1192 ф. ст. (годовая рента 35.775 ф. ст.), маркизъ Лэнсдаунъ—788 ф. ст. (годовая рента съ земель въ Ирландіи 23.652 ф.ст.), маркизъ Лондондери—930 ф. ст. (годовая рента съ ирландскихъ помѣстій—27.909 ф. ст.) и т. д. ****). Герцогъ Дэвонширскій, маркизъ Лэнсдаунъ и лордъ Клэнрикардъ, получившій 520 ф. ст. (рента съ ирландскихъ помѣстій—15.617 ф. въ годъ), всѣ трое—члены кабинета.

IV.

Вѣрна ли, однако, формула: „trade follows the flag“,—промышленность растетъ вмѣстѣ съ новыми завоеваніями,—которую выставили имперіалисты? Для этого нужно вспомнить послѣднія пятнадцать лѣтъ англійской исторіи. Никогда еще Англія такъ быстро не увеличивалась. Въ 1883 г. населеніе Великобританіи же вмѣстѣ съ колоніями, составляло 305 милліоновъ, пространство имперіи равнялось 7 милліонамъ кв. миль. Въ 1897 г. населеніе равнялось 433 милліонамъ, а поверхность имперіи—11 милліонамъ кв. миль. Послѣдовала ли промышленность за флагомъ? Вывозъ съ 305 милліоновъ ф. ст. понизился до 294 м. ф. Послѣ 1880 г. Англія пріобрѣла Египетъ, берегъ Нигера, Сомалійскій

*) «The Rating England and Scotland Act.». 1896.
**) «Voluntary Schools Act», 1897.
***) «Clerical Tithes Act», 1899.
****) Five years of tory government, p. 14.

берегъ, Сокотору, Панангъ и рядъ острововъ въ Малайскомъ архипелагѣ, Новую Гвинею, страну бечуановъ и зулусовъ, восточную и центральную Африку, Родезію, Суданъ, Занзибаръ, Пембу, верхнюю Бирманію и т. д. Между тѣмъ въ 1880 г., среднимъ числомъ, экспортъ составлялъ 6 ф. 17 ш. на человѣка, теперь же—5 ф. 17 шил. Промышленность, повидимому, не можетъ угнаться за флагомъ, какъ предсказываютъ имперіалисты. Статистика говоритъ, что главными покупателями Англіи были не колоніи, а иностранныя государства. Дикарямъ не нужны ланкаширскія полотна и іоркширскія сукна. Пріобрѣтателями послѣднихъ является культурное населеніе съ выработанными потребностями. Слѣдующая таблица лучше иллюстрируетъ этотъ фактъ.

Годы.	Ввезено въ Англію иностранцами	колоніями	Вывезено изъ Англіи за границу	въ колоніи.
1855—9	76,5%	23,5%	68,5	31,5
1860—4	71,2	28,8	66,6	33,4
1865—9	76%	24	72,4	27,6
1870—4	78	22	74,4	25,6
1875—9	77,9	22,1	66,9	33,1
1880—4	76,5	23,5	65,5	34,5
1885—9	77,1	22,9	65,0	35,0
1890—4	77,1	22,9	65,6	34,4
1895	77,1	22,9	67,9	32,1
1896	78,9	21,1	65	35
1897	79,2	20,8	66	34*)

Статистическія таблицы говорятъ намъ также, что захватъ новой территоріи означаетъ иногда новый рынокъ для иностранныхъ конкуррентовъ. Въ Египтѣ, напр., съ 1881 г. прогрессировала лишь торговля нѣмцевъ и бельгійцевъ. Англійскій импортъ въ Египетъ въ 1880 г. равнялся 3.060,000 ф. ст.; въ 1897 г.—4.435.000 ф. ст. Нѣмцы въ 1886 г. ввозили въ Египетъ на 21.000 ф. ст., а въ 1896 г.—на 281.000 ф. ст. Бельгійскій импортъ былъ въ 1886 г. на 86,000 ф. ст., въ 1896 г. на 458,000 ф. Посмотримъ теперь, на чемъ можетъ быть выдвинута новая имперія? На принципѣ имперскаго цолльферейна, какъ мечтаютъ бирмингэмцы? На принципѣ военнаго блеска, пушечнаго грома и барабаннаго боя, какъ рекомендуютъ джинго?

Имперіализмъ подразумѣваетъ или отказъ Англіи отъ свободной торговли, или же оставленіе колоніями охранительныхъ тарифовъ. Возможно ли это? Мы видѣли, что самъ бирмингэмскій апостолъ сомнѣвается въ этомъ. Пятьдесятъ лѣтъ благоденствіе массъ въ Англіи находилось въ той или другой зависимости отъ свободной торговли. „Free Trade“ стало неотъемлемой частью

*) L'Angleterre et l'imperialisme, p. 248.

Англіи. Даже ассоціація торговыхъ палатъ, требуя льготъ, исходитъ изъ принципа свободной торговли. На послѣднемъ съѣздѣ, въ сентябрѣ 1899 г., ассоціація осуждала премію на экспортируемый сахаръ, существующую кое гдѣ на континентѣ, исходя изъ принципа фритрэдерства. Покровительственная система была названа „осужденной и отвратительной" *). Англійская буржуазія говоритъ такъ не потому, конечно, что фанатически предана отвлеченной идеѣ. Средніе классы отлично знаютъ, что всякая попытка обложить налогомъ предметы первой необходимости (а имперіалисты думаютъ о налогѣ на зерно, мясо, масло, шерсть и сахаръ) вызоветъ повтореніе „водочнаго мятежа", бывшаго когда-то. Налогъ поведетъ вначалѣ къ огромной спекуляціи на данный предметъ потребленія, а за тѣмъ работники начнутъ требовать болѣе высокой заработной платы. Послѣдуетъ рядъ колоссальныхъ стачекъ и т. д. Повышеніе заработной платы! Консулы и безъ того заявляютъ, что иностранные товары вытѣсняютъ англійскіе, между прочимъ, потому, что трудъ въ Англіи очень дорогъ **).

Можно ли надѣяться, съ другой стороны, что колоніи откажутся отъ охранительныхъ тарифовъ? Колоніи стоятъ за протекціонизмъ не только потому, что желаютъ, какъ нѣкогда Америка, развить мѣстную промышленность. Протекціонизмъ имъ необходимъ для сведенія бюджетовъ. Налоги въ колоніяхъ доведены до минимума. Государственные бюджеты держатся на таможенныхъ доходахъ. Въ 1897 г. доходъ Новой Зеландіи былъ 4.798.708 ф. ст.; въ томъ числѣ таможни дали 1.818.972 ф. ст. Государственный доходъ Канады (1897 г.) равенъ 37.829.778 дол. Таможни даютъ больше половины этой суммы (19.478.247 дол.). Въ бюджетѣ Викторіи (6.629.613 ф. ст.) таможенные доходы въ 1897 г. составляли 1.733.672 ф. ст. (*Statesman's Jearbook*, 1898, p. p. 211,260,294) и т. д. Федеральный бюджетъ новой Австралійской республики весь держится исключительно только на таможенныхъ пошлинахъ. Значительная часть этихъ пошлинъ взимается съ англійскихъ товаровъ. Такимъ образомъ, колоніи не могутъ и думать объ уменьшеніи пошлинъ на фабрикаты, присылаемые метрополіей. Если бы колоніи отмѣнили или уменьшили пошлины, правительства должны были бы замѣнить ихъ новыми налогами. Ввести же послѣднія въ такихъ демократическихъ республикахъ, какъ, напр., Новая Зеландія или Викторія не такъ то легко. Затѣмъ далѣе. Товары изъ метрополіи вполнѣ

---

*) Autumnal Meeting of the association of Chambers of Commerce, рѣчь Джемса Глэна.

**) Послѣдній аргументъ не изъ вѣскихъ: въ Америкѣ трудъ еще дороже, чѣмъ въ Англіи; но тѣмъ не менѣе англійскіе фабриканты вытѣсняются американскими.

удовлетворяли бы запросы колоніальныхъ рынковъ; но метрополія сама не можетъ скупить всѣхъ колоніальныхъ продуктовъ. Австралійская шерсть должна имѣть рынкомъ весь міръ. Англія потребляетъ сама лишь незначительную часть этой шерсти. Такимъ образомъ, Австралія не можетъ вооружить противъ себя своихъ покупателей, что неизмѣнно случится, если англійскимъ товарамъ отдано будетъ предпочтеніе, какъ желаютъ имперіалисты. Въ промышленномъ отношеніи Австралія должна сохранить statu quo. Канада тоже противъ имперскаго цолльферейна. Остается, значитъ, строить военную имперію.

Джинго-поэты давно уже доказали необходимость громадной арміи, такой арміи, передъ которой трепетали бы всѣ. Вѣроятно, ни въ одной странѣ никто такъ не восторгается арміей, какъ коллективнымъ цѣлымъ, какъ джинго. И въ то же время ни въ одной странѣ солдатъ, какъ единица, такъ глубоко не презирается, какъ въ Англіи. Это—презрѣніе независимаго человѣка къ „наемнику“, продавшему за столько-то шиллинговъ свою свободу, включительно до правъ пороть себя. До послѣдняго времени англійская армія вербовалась изъ подонковъ, изъ людей, которымъ лишь два выхода: либо тюрьма, либо казарма. И очень часто въ казарму попадаютъ тѣ, которые испробовали уже первый выходъ. Противорѣчіе это странно; но между тѣмъ, нигдѣ, ни въ одной странѣ „Томи Аткинсъ“ не фигурируетъ такъ часто героемъ на сценахъ кафэ-шантановъ; нигдѣ такъ не воспѣваются его дѣянія (армія имѣетъ теперь гомеровъ: поэта-лавреата Киплинга) и нигдѣ такъ не отворачиваются отъ него въ приватной жизни. Въ послѣднее время, когда понадобилась усиленная вербовка, фонды „Томи“ сильно поднялись. Его величаютъ не иначе, какъ „gentleman in Khaki“. Прежде, до войны, джинго были увѣрены, что одинъ „Томи“ стоитъ шести солдатъ. Войны съ черными подтверждали это. Въ силу этого, считалось достаточнымъ имѣть армію въ 200 тысячъ человѣкъ. Южно-Африканская война явилась непріятнымъ разочарованіемъ. Тогда джинго-поэты стали требовать, чтобы Англія увеличила армію. Но какъ? При первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью стало ясно, что никогда реформа о всеобщей воинской повинности не можетъ пройти въ странѣ, гдѣ населеніе такъ дорожитъ своею независимостью. Легко было „милитаризировать“ церковь и превратить священниковъ въ рекрутскихъ вербовщиковъ; легко было устраивать военныя сатурналіи, вродѣ описанной въ началѣ статьи, но оказалось невозможнымъ даже заикнуться о конскрипціи. Далѣе. Увеличеніе арміи стоитъ денегъ. Англія тратила на флотъ въ 1896 г.—20 мил. ф. ст., въ 1897 г.—22 мил. ф. ст., въ 1898 г.—21 мил. ф. ст.; въ 1899 г.—24 мил. ф. ст. Въ этомъ же году ассигновано 27 мил. ф. ст. Расходы на армію были въ 1896 г.—18½ мил. ф. ст.; въ 1897 г.—18 мил. ф. ст., въ 1899 г.—19½ мил.

въ этомъ году—22 мил. ф. ст., *кромѣ* 100 мил. ф. ст., т. е. милліарда рублей, во что до сихъ поръ обошлась война. Увеличеніе расходовъ значитъ немедленное увеличеніе налоговъ, а, между тѣмъ, даже патріотическій пылъ джинго-поэта сразу стынетъ, когда показывается сборщикъ налоговъ. Министерство, зная это, прибѣгло къ героической мѣрѣ, въ другое время строго осуждаемой въ Англіи. Оно значительную часть дефицита приписало къ государственному долгу, чтобы не вводить новыхъ налоговъ до выборовъ. „Англія не можетъ стать военнымъ государствомъ,—доказываютъ экономисты.—Милитаризмъ грозитъ ей голодной смертью при первомъ же крупномъ осложненіи". Мясо, яйца, масло, сахаръ, хлѣбъ, всѣ продукты абсолютно первой необходимости—идутъ къ ней изъ другихъ странъ. Серьезное осложненіе поведетъ къ блокадѣ Англіи, и 40 милліоновъ ея населенія умрутъ отъ голода. Но не зачѣмъ такъ далеко забѣгать. Не только война, но и недоразумѣнія немедленно и чувствительно отражаются въ цѣнахъ на хлѣбъ, Повышеніе же цѣны на хлѣбъ вызываетъ ропотъ въ населеніи *).

Джинго-поэты пробуютъ найти новое разрѣшеніе вопроса: какимъ образомъ найти „боевой матеріалъ", figting material, какъ они называютъ, не прибѣгая къ всеобщей воинской повинности. „Вооружайтесь всѣ. Пусть каждый умѣетъ обращаться съ ружьемъ!"—посовѣтовалъ премьеръ на банкетѣ „лиги подснѣжника". Но всеобщее вооруженіе еще не значитъ „боевой матеріалъ", который можно посылать во всѣ концы громадной имперіи. И вотъ джинго-поэты нашли разрѣшеніе вопроса въ цвѣтнокожихъ. Ихъ—безконечное множество. Стоитъ лишь ихъ вымуштровать да вооружить, и армія готова. Дѣйствительно, Египетъ, а въ особенности Индія, являются все болѣе и болѣе въ послѣднее время своего рода военными банками, откуда Англія беретъ солдатъ въ случаѣ

*) Слѣдующая таблица показываетъ, какимъ чувствительнымъ политическимъ барометромъ являются въ Англіи цѣны на хлѣбъ. Квартеръ пшеницы стоилъ:

1711 г.	Миръ	48 шил.	1850 г.	Миръ	40 шил.
1783 »	Америк. война .	54 »	1854 »	Крымск. война.	72 »
1788 »	Миръ	48 »	1855 »		74 »
1795 »	Революціонныя	75 »	1858 »	Миръ	44 »
1796 »	войны . . .	78 »	1860 »	Итальян. война	53 »
1800 »	Маренго . . .	113 »	1862 »	Рядъ войнъ въ	55 »
1803 »	Аміенск. миръ .	58 »	1863 »	Азіи и Амер. .	55 »
1805 »	Войны съ На-	89 »	1869 »	Миръ	48 »
1809 »	полеономъ . .	97 »	1871 »	Фр.-прус. война	56 »
1812 »		126 »	1875 »	Миръ	45 »
1822 »	Миръ	44 »	1877 »	Русск.-тур. в. .	56 »
1829 »	Эпоха революц.	66 »	1879 »	Миръ	43 »
1831 »		66 »	1885 »		32 »
1836 »	Миръ	48 »	1890 »		31 »
1839 »	Осложненія на	70 »	1895 »		23 »
1840 »	Востокѣ. . .	66 »	1898 »	Фашода . . .	30 »

здобности. Въ Южной Африкѣ Англія вооружила теперь кафровъ. нглійскіе публицисты и общественные дѣятели предостерегаютъ оимѣромъ Кареагена и Рима страну отъ опасности полагаться ь наемниковъ. „Въ военныхъ дѣйствіяхъ Британская имперія е болѣе и болѣе находится въ зависимости отъ наемныхъ йскъ,—говоритъ Джильбертъ Муррей, авторъ только что вы- эдшаго изслѣдованія. Ни одно государство, кромѣ Кареагена, находилось еще въ такой зависимости отъ наемниковъ. Почти ѣ наши африканскія войны, исключая послѣдней, и большин- во индійскихъ войнъ велись цвѣтнокожими наемниками. Мы итаемъ великія побѣды Клайва надъ французами (во время гло-французскихъ войнъ въ Индіи въ 1750—1761 гг.) лучшимъ казательствомъ британскаго мужества; между тѣмъ въ дѣйстви- тьности то были войны сипаевъ противъ сипаевъ... Намъ гро- гъ страшная опасность. Мы нанимаемъ воинственныхъ инород- въ, обучаемъ ихъ европейскому военному строю и велимъ имъ жаться за насъ. Дикарямъ это нравится. Довольствуются же и небольшимъ жалованіемъ, и никто не интересуется, если ихъ ого убьютъ. Повидимому, нашъ планъ великолѣпенъ; скверно нь слѣдующее. Когда мы перестанемъ побѣждать, эта цвѣтно- кая армія можетъ начать сражаться противъ насъ, вмѣсто того, бы драться за насъ. Затѣмъ, присутствіе въ англійской арміи карей въ мундирахъ, вводитъ въ военное время нравы дикарей ъ мундировъ“ *).

Мы видимъ, что мечтѣ джинго-поэтовъ о разцвѣтѣ милитаризма Англіи врядъ ли осуществиться. Различными путями удалось будить духъ воинственнаго имперіализма въ колоніяхъ. Австра- и отчасти Канада отправили въ Южную Африку всѣхъ сво- бродягъ; но теперь волна джингоизма сильно упала и сбѣ- гъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

V.

„Имперіализмъ“ кроетъ въ себѣ страшную опасность для ійскаго пролетаріата. И эта опасность выясняется по мѣрѣ , какъ проходитъ первый кровавый хмѣль. „Имперіализмъ“

*) Gibert Murray, «The Exploitation of inferior races», p. p. 145—146. До- гельствомъ «нравовъ дикарей безъ мундировъ» можетъ служить, между имъ, выдержка изъ рѣчи капитана шотландскаго полка Лаудера, которую чувственной замѣткой приводитъ *Daily News* (11 мая 1900). «Мы клялись стить. И мы такъ хорошо мстили, что даже самъ лордъ Робертсъ выска- удивленіе по поводу того, что 72-й полкъ не беретъ никогда плѣнныхъ. сказалъ нашему генералу сэру Джемсу Бэкеру: «почему это всѣ полки й дивизіи берутъ плѣнныхъ, а 72-й полкъ никогда не приводитъ ихъ?» Джэмсъ Бэкеръ зналъ причину, но отвѣтилъ только: «нѣтъ, 72-й полкъ ретъ никогда». Присутствующіе сами могли отгадать причину.

значитъ, въ концѣ концовъ, рабство, т. е. повтореніе почти тѣхъ деталей строя, на которыхъ держались Грецiя и Римъ. Выяснимъ этотъ пунктъ. Возьмемъ великаго защитника рабства классическаго міра—Аристотеля. Взгляды его могутъ быть суммированы такъ. „Рабство находится въ строгомъ согласіи съ естественнымъ порядкомъ вещей,—полагалъ великій философъ.—Поселите двѣнадцать грековъ въ деревнѣ среди варваровъ. Вы скоро найдете, что греки инстинктивно стали начальниками, а варвары инстинктивно стали слушать приказанія. Это значитъ, что одна раса рождена, чтобы господствовать, другая, чтобы повиноваться“. Аристотель осуждалъ рабство грековъ у грековъ, какъ осуждалъ жестокость. Итакъ, въ древнемъ мірѣ „рабъ“, прежде всего, былъ чужой, иностранецъ, военноплѣнный; предприниматель въ Аѳинахъ, напримѣръ, оставлялъ въ покоѣ наслаждаться голодной свободой мѣстныхъ безработныхъ. Для работы онъ покупалъ скиѳовъ, ѳракійцевъ, фригійцевъ, лидіянъ и т. д. По опредѣленію Аристотеля, рабъ это „живой инструментъ“, что необыкновенно близко напоминаетъ „руки“, терминъ современнаго предпринимателя. Если древній предприниматель прибѣгалъ къ подневольному труду скиѳа или ѳракійца, современный „имперіалистъ“ имѣетъ трудъ матабеловъ, канаковъ въ Квинслэндѣ, кули—въ Индіи и т. д. Жестокость съ рабами не составляла отличительнаго признака системы въ классическомъ мірѣ. Впрочемъ, если дѣло только за этимъ, то въ жестокости и теперь не можетъ быть недостатка. Массу примѣровъ я приводилъ въ предыдущихъ письмахъ. Вотъ еще примѣры. „Негръ—лѣнивое животное,—сказалъ сэръ Рудольфъ Слатинъ.—Правительство должно принудить его къ работѣ.—Какъ?—спросили Слатина.—Палкой,—отвѣтилъ онъ.— Я зналъ человѣка, хвалившагося тѣмъ, что разсыпалъ отравленную муку близъ краалей, населенныхъ негодными для работы черными. Негровъ травили, какъ крысъ... Мой братъ зналъ колониста въ Квинслэндѣ, который показалъ ему излучину рѣки. Сюда въ омутъ, гдѣ кишатъ крокодилы, колонистъ, потѣхи ради, загналъ цѣлую семью негровъ: мужа, жену, дѣтей. Мой отецъ разсказывалъ мнѣ, что напрасно боролся въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ съ системой избавиться отъ старыхъ и слабыхъ дикарей: ихъ кормили отравленнымъ мясомъ“ *). Полагаю, что эти факты могутъ быть поставлены рядомъ со случаями жестокости съ рабами въ классическомъ мірѣ.

Итакъ, отличительнымъ признакомъ рабства въ классическомъ мірѣ была эксплуатація *чужихъ*, иноплеменныхъ, которыхъ ввозили. Эту систему мы легко найдемъ теперь. Наиболѣе простой формой будетъ ввозъ въ колоніи индійскихъ и китайскихъ кули и канаковъ. Работникъ „добровольно“ подписываетъ контрактъ

*) Exploitation of in ferior races, p. p. 153—155.

а опредѣленное число лѣтъ. Его перевозятъ за тѣмъ въ чужую грану, гдѣ, большею частью, для него существуютъ спеціальные, особенно невыгодные для него законы. Свобода временаго раба ограничена. Число рабовъ громадно. Изъ Индіи вывоятъ ежегодно 15 тысячъ кули; въ Квинслэндъ ввозятъ ежегодно зъ Полинезіи 10.000 канаковъ; 200 тысячъ китайцевъ ввозятся кегодно въ англійскія колоніи Малайскаго архипелага. Ввозятся э только „хамиты“, но и европейцы, напримѣръ, итальянцы въ жную Америку. Современный міръ отступилъ въ одномъ отноеніи отъ нравовъ міра классическаго: ареной эксплуатаціи „низихъ рассъ“ сдѣлалась ихъ же собственная страна. Въ древнемъ рѣ предприниматель не отправлялся самъ въ страну скиѳовъ, обы организовать тамъ работу. Возвратиться тогда на родину ыло не совсѣмъ легко. Затѣмъ, предприниматель не имѣлъ возжности на чужбинѣ держать въ подчиненіи рабовъ. Въ Скиѳіи, примѣръ, рабы скиѳы могли бы легко возмутиться. Даже если авительство въ колоніи было очень сильно, рабъ всегда могъ гко убѣжать къ своимъ. Въ наше время „міръ сталъ короче“. рекрасные пути сообщенія даютъ возможность предпринимателю вствовать себя, какъ дома, въ Южной Африкѣ, въ Полинезіи, Малайскомъ архипелагѣ. Скорострѣльныя ружья и пушки сдѣли мятежъ рабовъ не опаснымъ. Въ силу этого предприниматель не пытается болѣе, какъ его предшественникъ въ античномъ рѣ, ввозить черныхъ, кули или канаковъ въ Англію, напримѣръ. лые работники возмутились бы. Предприниматель нашелъ гораздо лѣе выгоднымъ эксплуатировать цвѣтнокожаго на родинѣ послѣдго. „Имперіализмъ“, какъ мы видѣли изъ прежнихъ писемъ, аменовалъ свое пришествіе въ Южной Африкѣ, прежде всего, инудительной системой работы. Я не стану здѣсь повторять кты, о которыхъ говорилъ уже нѣсколько разъ. Широкая стема рабства на родинѣ „низшей рассы“ ведетъ къ двумъ слѣдствіямъ: 1) къ полному вырожденію ея, и 2) къ неизбѣжму паденію заработной платы бѣлаго пролетаріата. Какъ бы былъ забитъ и загнанъ рабъ-скиѳъ въ Аѳинахъ, на родинѣ ей скиѳы оставались такими же смѣлыми и вольнолюбивыми, къ всегда. Рабство, перенесенное на родину „низшей рассы“, детъ къ физической и нравственной гибели ея. Индійскій кули Наталѣ, бечуанъ работникъ въ Кимберлеѣ, китаецъ въ Сиднеѣ тысячу разъ хуже, чѣмъ ихъ собратья—не рабы. Англійскій авительственный агентъ отмѣчаетъ „прискорбную деморализацію, орую вносятъ домой негры, возвратившіеся съ пріисковъ въ аннесбургѣ. Они возвращаются домой озвѣрѣлые, испорченные, авыкшіе къ пьянству. Эти негры являются распространителями личныхъ отвратительныхъ болѣзней“ *). Римскіе писатели гово-

*) Blue Book G. 31, 1899, p. 76.

рятъ намъ о томъ, какъ часто рабы кончали самоубійствомъ изъ за ничтожныхъ поводовъ. „Рабъ потерялъ скатерть. Глупецъ рисковалъ получить всего лишь пять-шесть ударовъ бичемъ, а онъ повѣсился“. Теперь мы знаемъ, что это такое. Жизнь рабовъ была такъ тяжела, такъ мрачна и такъ безнадежна, что теряла для нихъ всякую цѣнность. То же мы видѣли въ колоніяхъ. Безъ мучительной боли мы не можемъ читать разсказы путешественниковъ объ этихъ состарившихся въ 30 лѣтъ инородцахъ, сонно и аппатично сидящихъ рядами, покуда свистокъ надсмотрщика или свистъ бича не призоветъ ихъ къ работѣ. Но не одинъ сантиментализмъ заставитъ, въ концѣ концовъ, трудящіеся классы заступиться за черныхъ, когда они (трудящіеся классы) сознаютъ положеніе вещей. Побѣда „имперіализма“ немедленно поведетъ къ пониженію заработной платы въ Южной Африкѣ. Это не разъ заявляли уже директоры Chartered Company. „Имперіализмъ“ стремится теперь открыть въ долину Янцикіанга широкій доступъ англійскому капиталу. Не подлежитъ сомнѣнію, что это будетъ страшнымъ несчастіемъ для англійскихъ работниковъ. Въ долинѣ Янцикіанга есть великолѣпный каменный уголь, отличное желѣзо, первоклассный хлопокъ. Есть, на придачу, милліоны китайцевъ, великолѣпныхъ работниковъ, ловкихъ, способныхъ, трезвыхъ, могущихъ трудиться по 16 часовъ въ сутки за нѣсколько пригоршней риса и за мѣдную монету. Предприниматели выстроятъ тамъ фабрики; туда перенесутъ арену своей дѣятельности бирмингэмскіе и шэфильдскіе патріоты. Такъ какъ пути сообщенія теперь дешевы, то англійскіе рынки будутъ завалены фабрикатами, изготовленными на англійскія деньги въ Китаѣ. Сотни тысячъ работниковъ окажутся тогда въ такомъ же отчаянномъ положеніи, какъ обезземеленные свободные крестьяне въ древнемъ Римѣ. Кто не помнитъ знаменитыхъ словъ Тиверія Гракха, приводимыхъ Плутархомъ! „Дикіе звѣри, бродящіе по Италіи, имѣютъ свои логовища и берлоги; но люди, которые сражаются и умираютъ за Италію, бродятъ, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, безъ дома, безъ крова. У нихъ нѣтъ ничего, кромѣ воздуха, да солнечнаго свѣта. Когда передъ битвой полководцы убѣждаютъ ихъ сражаться за семейный очагъ и за могилы предковъ,—они говорятъ ложь. У несчастныхъ нѣтъ ни семейнаго очага, ни могилъ предковъ. Они сражаются лишь, чтобы защищать богатства и роскошь постороннихъ“! Англійскія трудящіяся массы обладаютъ слишкомъ здравымъ смысломъ, чтобы не понять, въ концѣ концовъ, чѣмъ грозитъ имъ „имперіализмъ“. Притомъ же, цвѣтъ умственной силы страны, та Англія, которая вызываетъ справедливое удивленіе и уваженіе всюду, ведетъ теперь мужественную и упорную борьбу съ „имперіализмомъ“ во всѣхъ видахъ его.

Діонео.

Литература и жизнь.

«Знаменія времени», романъ г. Мордовцева.—«Критическія замѣтки» о немъ г-на А. Б. въ «Мірѣ Божіемъ».

Если бы г. Мордовцевъ предпринялъ издать полное собраніе своихъ сочиненій, то оно составило бы, вѣроятно, около сотни томовъ. Не смотря, однако, на извѣстную талантливость и нѣкоторую оригинальность мысли автора, едва-ли многое изъ этой огромной массы писаній составляетъ сколько нибудь цѣнный и прочный вкладъ въ русскую литературу; едва-ли многое можетъ быть принято „въ серьезъ". Для этого есть, разумѣется, свои причины. Среди многочисленныхъ и разнообразныхъ темъ, занимающихъ г. Мордовцева въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ, центральную нить представляютъ темы историческія. Г. Мордовцевъ — прежде всего историкъ, и даже когда онъ пишетъ о какихъ нибудь текущихъ дѣлахъ, онъ норовитъ освѣтить ихъ исторически. Собственно же историческія темы г. Мордовцевъ обрабатываетъ на три манера: во-первыхъ, чисто фактически („Самозванцы и понизовая вольница" „Гайдамаки" и проч.), во-вторыхъ, философски (напримѣръ, „Калѣки перехожіе"), въ-третьихъ, беллетристически,—въ романахъ, повѣстяхъ, разсказахъ изъ разныхъ эпохъ исторіи человѣчества. Г. Мордовцевъ художникъ, и это отражается даже на фактическихъ его работахъ по исторіи, не говоря уже о трудахъ философско-историческихъ. Сочетаніе этихъ свойствъ и интересовъ—трудолюбіе и талантливость, историческіе, то есть подлинные житейскіе факты и художественная обработка—могло бы дать блестящіе результаты. Но въ эту счастливую комбинацію клиномъ врѣзалось еще одно свойство г. Мордовцева, о которомъ мнѣ уже случалось писать,—необычайная торопливость и какая-то странная юркость ума. Г. Мордовцевъ не успѣваетъ додумывать свои мысли и вынашивать свои образы. Первыя, какъ щепка въ быстромъ водоворотѣ, все вертятся около самихъ себя, не выясняясь ни читателю, ни самому автору; вторые выскакиваютъ на бумагу, а потомъ и въ печать, не успѣвъ справиться съ формами, красками и размѣрами дѣйствительности, которую должны воплощать. Рѣдкое трудолюбіе г. Мордовцева направлено гораздо больше на процессъ изложенія, чѣмъ на процессы выработки мысли и творчества. Онъ довольствуется еле мелькнувшими передъ его умственнымъ окомъ мыслями и образами, и съ

чрезвычайною торопливостью закрѣпляетъ ихъ на бумагѣ, не успѣвая привести въ ясность, гдѣ нужно урѣзать, гдѣ нужно развить, сообразить съ элементарными законами логики и съ дѣйствительностью, и замѣняя эти необходимые поправки цвѣтистымъ многословіемъ, переходящимъ въ простую болтливость. Понятно, что количество его писаній несоразмѣрно съ ихъ качествомъ: никакая талантливость, даже гораздо болѣе яркая, чѣмъ та, которая находится въ распоряженіи г. Мордовцева, не выдержитъ этой торопливости и юркости.

Все это относится не только къ разнообразнымъ историческимъ трудамъ г. Мордовцева, составляющимъ его главный багажъ, а вообще ко всѣмъ его произведеніямъ. Между прочимъ и къ роману „Знаменія времени“, вышедшему недавно въ новомъ изданіи. Теперь это, пожалуй, тоже историческій романъ, такъ какъ въ немъ изображаются дѣла и люди конца шестидесятыхъ и самого начала семидесятыхъ годовъ, а въ тридцать лѣтъ воды у насъ утекло необыкновенно, страшно много. Но авторъ имѣлъ въ виду не исторію, а самую злободневную дѣйствительность, и въ свое время романъ былъ принятъ, именно какъ нѣчто злободневное, даже слишкомъ въ серьезъ съ двухъ сторонъ. „Знаменія времени“ печатались первоначально, если мнѣ не измѣняетъ память, въ журналѣ „Всемірный Трудъ“, самое названіе котораго едва-ли многимъ изъ нынѣшнихъ читателей знакомо, — такъ давно онъ канулъ въ Лету. Затѣмъ романъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ, которое было запрещено. Трудно теперь, перечитывая это произведеніе, сказать, что именно опаснаго нашло въ немъ тогдашнее цензурное вѣдомство. Во всякомъ случаѣ, оно отнеслось къ роману серьезно. Это, съ одной стороны. А, съ другой, его въ серьезъ же приняла нѣкоторая часть тогдашней зеленой молодежи, увидѣвшая въ немъ какое-то откровеніе. Очень можетъ быть, что эти двѣ встрѣчи, уготованныя судьбою роману г. Мордовцева съ двухъ противоположныхъ сторонъ, находились въ самомъ тѣсномъ взаимодѣйствіи. Въ тѣ времена бывало, что книга считалась опасною потому, что ею зачитывалась пылкая молодежь, а пылкая молодежь зачитывалась ею потому, что она считалась опасною. Спрашивается, какъ теперь можно или должно относиться къ „Знаменіямъ времени“? Прежде всего, конечно, съ полнымъ спокойствіемъ, примѣръ чего дается цензурнымъ вѣдомствомъ, предоставившимъ этой когда-то запрещенной книгѣ свободное обращеніе. Это просто уже въ силу тридцатилѣтней давности. Но насъ, писателей, тридцатилѣтняя давность обязываетъ не къ этому спокойствію. И мы имѣемъ уже образчикъ и того спокойствія, которое приличествуетъ въ данномъ случаѣ писателю...

Я разумѣю „Критическія замѣтки“ г. А. Б. въ августовской книжкѣ „Міра Божія“. Признаюсь, я можетъ быть не сталъ бы не только писать о „Знаменіяхъ времени“, а и перечитывать это

изведенiе торопливаго пера г. Мордовцева, если-бы не нѣкото- возбужденiе, полученное отъ статьи г. А. Б.

Въ романѣ г. Мордовцева дѣйствуетъ цѣлый рядъ „новыхъ ей“ конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ. ь. Они и сами себя зовутъ, такъ и другiе ихъ называютъ, а ое. Для нихъ столь быстро старится, что каждый „новый чело-“, являющiйся на горизонтѣ романа, оказывается новѣе пре- щаго и отметаетъ его, какъ нѣчто успѣвшее уже устарѣть. ошу читателя запомнить эту, если не характернѣйшую, то якомъ случаѣ поучительнѣйшую черту романа г. Мордовцева, іему она поучительна, это мы увидимъ ниже. Справедливо ивъ совершенно не художественную грубость красокъ романа, Б. объясняетъ его успѣхъ въ свое время тѣмъ, что онъ алъ „настроенiе передовой части тогдашняго общества“, въ ъ и поступкахъ его героевъ „сохранились задушевныя мысли овыхъ людей того времени“. Нынѣ, черезъ тридцать лѣтъ, адушевныя мысли испарились и замѣнились новыми, это енiе прошло, и—„requiescat in pace“, заключаетъ г. А. Б. очiетъ въ мирѣ“—вотъ образчикъ истинно спокойнаго от- iя къ произведенiю, насчитывающему тридцатилѣтнюю дав- и къ настроенiю, которое въ немъ отразилось...

Отчего же между изложенными мною началомъ и концомъ г. А. Б. слышится какое то сдержанное волненiе довольно рдитое? Отчего это волненiе мѣстами доходитъ до того, идеяхъ одного изъ героевъ „Знаменiй времени“ авторъ „кончикъ ослинаго уха“, а „мы“, современные новые ъ г. А. Б. единомысленные, относимся къ прошлому „съ кой горькою обманутаго сына надъ промотавшимся от- (Г. А. Б. впрочемъ упрощаетъ и потому калѣчитъ этотъ ѣпный стихъ Лермонтова; онъ пишетъ: „съ горько на- і сына надъ промотавшимся отцомъ“). Казалось бы, если it in pace, горькая насмѣшка по малой мѣрѣ не нужна, быстыдна. „Мертвый въ гробѣ мирно спи, жизнью поль- вущiй“. А между тѣмъ современные „новые люди“ еще можно сказать, на дняхъ, норовили, а отчасти и теперь, ъ г. А. Б., норовятъ при всякомъ удобномъ и даже не- случаѣ пнуть покойника ногой... Отчего это?

Б. обнаруживаетъ въ одномъ мѣстѣ львиный коготь (въ оложность ослиному уху). Онъ пишетъ: „Сколько бы ли насъ современныя „точеныя головы“ и „хорошо под- мозги“, что сила въ личности, въ субъективномъ отно- дѣйствительности, — имъ не увлечь за собой никого. ы ни практиковали они Карамановскаго рецепта—„кто о въ зубы“,—время ихъ прошло“.—Выраженiя: „точе- ы“ и „хорошо подкованные мозги“, взяты г-мъ А. Б. а г. Мордовцева, Карамановъ есть одно изъ дѣйствую-

щихъ лицъ того же романа, но рецептъ „кто мимо, того въ зубы" вложенъ въ его уста не г. Мордовцевымъ, а г-мъ А. Б. „Въ зубы",—это, конечно, сильно сказано, но только кто же это „въ зубы"? Жаль, что г. А. Б. не иллюстрировалъ современнаго примѣненія Карамановскаго рецепта примѣрами, дѣло было бы яснѣе. Во всякомъ случаѣ, значитъ, есть и „современныя" „точеныя головы" и „хорошо подкованные мозги", какъ г-ну А. Б. угодно называть людей, вѣрующихъ „въ силу личности и субъективнаго отношенія къ дѣйствительности". Значитъ, еще рано произносить имъ надгробное слово. И г. А. Б. сердито волнуется. Онъ, пожалуй, не прочь и „въ зубы" этимъ мимоидущимъ...

Что касается собственно романа г. Мордовцева, то, конечно, requiescat in pace. Но въ какой мѣрѣ правъ г. А. Б., сливая, отожествляя его съ „настроеніемъ передовой части тогдашняго общества" и видя въ немъ „задушевныя мысли передовыхъ людей того времени"? Разнести въ пухъ и прахъ „Знаменія времени" очень не трудно, но можетъ быть одержать эту легкую побѣду еще не значитъ разгромить „настроеніе" шестидесятыхъ-семидесятыхъ годовъ. Можетъ быть придавать этой своей побѣдѣ такое значеніе все равно, что не чисто играть въ карты, если человѣкъ дѣйствуетъ сознательно, или обнаруживать непониманіе и незнаніе того дѣла, о которомъ человѣкъ взялся говорить...

Я не помню отзывовъ печати о „Знаменіяхъ времени" въ то время, когда этотъ романъ былъ новинкой, да едва ли они тогда и могли быть. Но около того же времени г. Мордовцевъ издалъ другой, вполнѣ однородный съ „Знаменіями времени" романъ— „Новые люди". И вотъ что писали о немъ въ 1870 г. „Отечественныя Записки", — журналъ, какъ извѣстно, наиболѣе въ то время авторитетный и распространенный въ „передовомъ" обществѣ. Прошу у читателя извиненія за длинную выписку; но поднимать старую исторію, такъ поднимать, хотя, къ сожалѣнію, не смотря даже на тридцатилѣтнюю давность, я не могу поднять ее вполнѣ.

„Стремленія „новыхъ людей",—говоритъ рецензентъ „Отечественныхъ Записокъ",—по мнѣнію г. Мордовцева, обнимаютъ слѣдующія три задачи: самостоятельный трудъ, наука и освобожденіе жизни отъ искусственныхъ условій, которыя затрудняютъ правильное и естественное развитіе ея... Мы, конечно, не имѣли бы никакого препятствія къ опубликованію этой декларацiи, если бы почтенный авторъ ограничился лишь тѣми немногими строками, которыя выписаны выше. Но... онъ рѣшилъ, что столь малаго количества строкъ недостаточно для читателя, что онѣ составляютъ только канву, а не дѣло; что слѣдуетъ сообщить ему нѣсколько болѣе вразумительности и на этотъ конецъ показать читателю живьемъ „новаго русскаго человѣка", дѣйствительно „не дѣлающаго пошлостей", дѣйствительно трудящагося, развивающаго себя наукой и устраивающаго свою жизнь по новому. Рѣшилъ—и пу-

я въ путь: но, къ сожалѣнію, въ попыхахъ не справился о
гдѣ лежитъ страна, которую онъ собрался изслѣдовать. Ре-
аты такой печальной поспѣшности сказались немедленно...
ящіеся герои г. Мордовцева, не смотря на несомнѣнную
исковерканность, не имѣютъ никакой подлинности... Въ на-
беллетристикѣ, относительно воспроизведенія типа „новаго
аго человѣка“, установилась въ послѣднее время двоякая
а, смотря потому, гдѣ тотъ или другой авторъ избираетъ
дѣйствія для своего измышленія. Если „новый человѣкъ“
етъ въ провинціи, то онъ обыкновенно начинаетъ съ того,
ріѣзжаетъ изъ Петербурга и тотчасъ же грубитъ родителямъ
азываетъ имъ, что они ослы. Доказать онъ, разумѣется, ни-
е докажетъ, но непремѣнно увлечетъ за собой маленькаго
шку“ и маленькую „сестренку“, и тогда въ этомъ злосча-
ь домѣ закипаетъ нелѣпѣйшая изъ драмъ, какую только мо-
измыслить праздное человѣческое воображеніе. Въ первой
петербургскій гость говоритъ отцу, что онъ—оселъ, а ма-
что она—содержанка; отецъ конфузится (ибо втайнѣ пони-
что сынъ говоритъ правду), мать утираетъ слезы; бра-
и сестренка прислушиваются. Во второй главѣ петербург-
ость опять повторяетъ отцу, что онъ оселъ, а матери, что
держанка; братишка и сестренка вторятъ ему; отецъ кон-
я, мать утираетъ слезы. Въ третьей главѣ сестренка фиска-
етербургскому гостю на мать, что она потихоньку молится
петербургскій гость говоритъ сестренкѣ: „ты у меня, се-
а, славный малый!“ И пушитъ мать на чемъ свѣтъ стоитъ:
ы лучше канаву копали, а то только чужой хлѣбъ ѣдите!“
гвертой главѣ отецъ начинаетъ подаваться: „а вѣдь ты
мой другъ,—говоритъ онъ,—я, дѣйствительно, не больше,
тарый оселъ“. И. т. д., пока автору самому не надоѣстъ
эту канитель... Вторая манера, т. е. когда мѣсто дѣйствія
ено въ Петербургѣ, еще проще. Глава I: „новый человѣкъ“
въ кругу товарищей; бѣдная обстановка; на столѣ колбаса,
овскій калачъ, стаканы съ чаемъ. „Работать!—вотъ назна-
ыслящаго человѣка на землѣ!“,—говоритъ „новый человѣкъ“
ни съ мѣста. „Работать!—вотъ назначеніе мыслящаго че-
на землѣ!“—отвѣчаютъ всѣ товарищи, каждый по одиночкѣ,
ни съ мѣста... И. т. д. до тѣхъ поръ, пока автора не стош-
Тогда „конецъ“, и рукопись въ типографію. Читатель пе-
ваетъ эти художественныя воспроизведенія неизвѣстнаго
ра и положительно не вѣритъ ни одному слову. Да и нельзя
потому что немыслимо даже вообразить себѣ, чтобы су-
вало такое поколѣніе, которое ничѣмъ бы другимъ не за-
сь, кромѣ раскладыванія словеснаго гранъ-пасьянса. Хотя
ль и мало знаетъ о „новыхъ русскихъ людяхъ“, но всетаки
е-что слыхалъ о нихъ. Онъ слыхалъ объ увлеченіяхъ не

книжныхъ только, а дѣйствительныхъ, о безвременно погубленныхъ силахъ, о принесенныхъ жертвахъ; онъ знаетъ, что эти слухи не призракъ, а суровая правда; поэтому онъ желаетъ чтобы ему объяснили, въ чемъ заключаются эти дѣйствительныя увлеченія „новаго человѣка", во имя чего приносятся имъ жертвы и какъ приносятся... Гдѣ же жертвы, гдѣ встрѣча молодого и страстнаго убѣжденія съ самоувѣренною и ни на что не дающею отвѣта дѣйствительностью?.. По такому же убогому и безсодержательному рецепту нарисованы и „новые русскіе люди" г. Мордовцева... Весьма естественно, что даже самый учтивый читатель, и тотъ спѣшитъ поскорѣе раскланяться съ рекомендуемыми ему пристанодержателями пустопорожности и закрываетъ книгу, чтобы никогда не возвращаться къ ней" (О. З. 1870, іюль, „Новыя книги").

Такъ отнеслись въ свое время „Отечественныя Записки" къ „Новымъ людямъ" г. Мордовцева. Что „словеснаго гранъ-пасьянса", раскладываемаго какъ самимъ авторомъ, такъ и его дѣйствующими лицами, много и въ „Знаменіяхъ времени",—это мы увидимъ. Что герои „Знаменія времени" весьма близки къ тому, чтобы обзывать своихъ отцовъ ослами, а ихъ отцы—къ тому, чтобы съ этимъ соглашаться, это тоже увидимъ. Но увидимъ и то, что героями „Знаменія времени" приносятся жертвы... А теперь обратимъ вниманіе на слѣдующее показаніе рецензіи: „Въ нашей беллетристикѣ, относительно воспроизведенія „новаго русскаго человѣка", установилась въ послѣднее время двоякая манера" и т. д. Стало быть, въ то время г. Мордовцевъ, какъ авторъ „Новыхъ людей" и „Знаменій времени", не одиноко стоялъ. Это и г. А. Б. знаетъ. Охарактеризовавъ романы этого сорта, онъ пишетъ: „Литература освободительной эпохи шестидесятыхъ годовъ была очень богата такими произведеніями. Стоитъ вспомнить романы Шеллера, Омулевскаго, Бажина и многихъ другихъ, теперь основательнѣйшимъ образомъ забытыхъ писателей, это все—богомазы. Тутъ лица человѣческаго нѣтъ, а тогда все это читалось, поглощалось жадно и страстно и имѣло несомнѣнное вліяніе, потому что отражало въ себѣ настроеніе передовой части тогдашняго общества. Въ противовѣсъ этимъ писателямъ выступали богомазы и изъ противоположнаго лагеря—Клюшниковъ, Маркевичъ и т. п. Настоящая литература стояла въ сторонѣ отъ борющихся теченій и творила въ произведеніяхъ Тургенева, Достоевскаго и Толстого вѣчные, не умирающіе образы, а не иллюстраціи къ излюбленнымъ теоріямъ того или иного направленія".

Мнѣ кажется, г. А. Б. немножко слишкомъ строгъ, а кромѣ того и фактически не правъ. Г. Шеллеръ, напримѣръ, конечно, далеко не первокласный талантъ и никогда имъ не былъ, но, по крайней мѣрѣ, за первыя, старыя свои произведенія, которыя г. А. Б. и имѣетъ въ виду, отнюдь не заслуживаетъ титула „богомаза". А что онъ не забытъ, въ этомъ г. А. Б. можетъ убѣдиться,

просмотрѣвъ отчеты провинціальныхъ библіотекъ и читаленъ: имя г. Шеллера стоитъ въ нихъ обыкновенно однимъ изъ первыхъ по количеству требованій, и иногда даже впереди дѣйствительно яркихъ звѣздъ нашей литературы. Затѣмъ, я не буду говорить о Толстомъ и Достоевскомъ („Бѣсовъ" послѣдняго самъ г. А. Б. оговариваетъ, какъ произведеніе, стоящее отнюдь не „въ сторонѣ отъ борющихся теченій"). Но Тургеневъ, авторъ „Отцовъ и дѣтей", „Дыма", „Нови",—неужели и онъ въ своей художественной дѣятельности оставлялъ „теченія" въ сторонѣ? Конечно, „иллюстрацій" онъ не писалъ, но это уже дѣло художественной силы, таланта.

Какъ бы то ни было, въ шестидесятыхъ-семидесятыхъ годахъ появлялось не мало романовъ въ родѣ „Знаменій времени" и „Новыхъ людей". Въ нихъ, дѣйствительно, часто лица человѣческаго не было, не говоря уже о художественныхъ достоинствахъ. Передъ читателемъ или раскладывался безконечный гранъ-пасьянсъ на темы о трудѣ, самостоятельности, новой жизни, или громоздились одна на другую фантастическія приключенія изъ жизни „новыхъ людей", и тѣмъ болѣе фантастическія, что изображенію соотвѣтственной полосы подлинной жизни тогдашняя цензура ставила очень узкіе предѣлы. Но было въ этихъ плохихъ произведеніяхъ что-то очень привлекательное для извѣстной части читателей. Печатались они преимущественно въ журналахъ „Русское Слово" и „Дѣло", да иногда въ эфемерныхъ изданіяхъ въ родѣ „Всемірнаго Труда", „Современникъ" и „Отечественныя Записки" были несравненно строже въ этомъ отношеніи. Будущій историкъ русской литературы, конечно, съ величайшимъ интересомъ остановится на томъ остроумномъ и глубокомысленномъ объясненіи, которое далъ на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ" Глѣбъ Успенскій и самому появленію этихъ романовъ, и ихъ успѣху.

Прошу позволенія сдѣлать еще одну большую выписку.

„Боже милосердный, какъ мучительно мнѣ было смотрѣть на автора новыхъ временъ, на романиста новыхъ людей!.. Мнѣ было по истинѣ страшно за него, страшно за „необходимость" во что бы то ни стало создавать новыхъ, совсѣмъ-совсѣмъ новыхъ людей. Въ этихъ людяхъ у толпы, дѣйствительно, была самая настоятельная надобность; она, толпа, какъ и авторъ, представитель этой толпы, узнала самымъ обстоятельнымъ образомъ, что съ прошлымъ разорвана всякая связь, разорвана вдругъ, въ одинъ прекрасный день; давайте самой чистой нравственности, самыхъ возвышенныхъ добродѣтелей, самой сущей правды... Изъ чего онъ вылѣпитъ все это? думалъ я и ужасался... Во что одѣнетъ онъ свои благородныя желанія и мысли, откуда возьметъ чистую, незараженную кровь, здоровую, сильную, чуткую плоть? Но авторъ, не смотря на безвыходность этого положенія, покоряясь общественному требованію и требованію своей совѣсти, принялся лѣпить новыхъ людей, а я

съ замираніемъ сердца смотрѣлъ на его работу... Откуда взять ему героя?.. Изъ народа? Бѣда его, что народа онъ совсѣмъ не знаетъ, да и какіе тамъ герои... Изъ господъ?—Ну ужъ... Изъ купцовъ? Аршинники и архиплуты... Куда ни кинь—клинъ. И вотъ надо выводить его изъ какихъ нибудь необычайныхъ условій... Надобно изолировать дѣтство его отъ всѣхъ условій, при которыхъ шло дѣтство толпы (въ одной повѣсти герой росъ почти между жеребятами), надо отучить отъ всѣхъ привычекъ прежней толпы, отъ всѣхъ ея вкусовъ, обычаевъ, свойствъ, и волей неволей авторъ заставляетъ своего любимца питаться чуть не бекасиной дробью вмѣсто разносоловъ; дѣлаетъ сильнымъ невѣроятно и устраиваетъ ему обстановку необыкновенную. Купается онъ не какъ всѣ днемъ, а въ полночь; не какъ всѣ идетъ съ берега въ воду, а бросается со скалы. Эти невѣроятныя краски, преувеличенія, выдумки какъ нельзя лучше говорили мнѣ, въ какомъ ужасномъ положеніи осталась отъ прошлаго душа толпы. Каждую черту надо выдумывать, изобрѣтать, потому что нѣтъ ея подъ рукой и не знаешь гдѣ взять... Я съ глубокимъ почтеніемъ къ непомѣрнымъ усиліямъ удовлетворить настоятельную жажду общественной совѣсти въ великомъ, сильномъ и честномъ—перечитывалъ всѣ эти сказанія о новыхъ людяхъ, но не могъ не чувствовать, что между этими крайностями, т. е. между недавнимъ безпримѣрнымъ нравственнымъ паденіемъ и безпримѣрною жаждою новаго и возвышеннаго, есть третья черта, черта истиннаго состоянія общественной души, забытая авторами и старыми и новыми: эта черта—страданіе" („На старомъ пепелищѣ").

Рекомендую читателю еще разъ перечитать эту прекрасную страницу, и ради глубины ея содержанія, и ради красоты того грустнаго смѣха, который такъ свойственъ Успенскому. Я не буду останавливаться на томъ, что понималъ Успенскій подъ страданіемъ, какъ чертой подлиннаго состоянія общественной души,—это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко въ сторону отъ нашей темы. Не трону пока и самаго объясненія, которое Успенскій даетъ появленію аляповатыхъ романовъ и ихъ успѣху. Спрошу только пока г-на А. Б.: если наиболѣе распространенный и авторитетный журналъ семидесятыхъ годовъ такъ опредѣленно высказался, устами вышеупомянутаго рецензента и Гл. Успенскаго, о художественной нелѣпости и полной неправдивости произведеній въ родѣ „Знаменій времени",—то не указываетъ-ли это на необходимость какой-то очень существенной оговорки или поправки относительно „настроенія передовой части тогдашняго общества" и „задушевныхъ мыслей передовыхъ людей того времени"?

Посмотримъ нѣсколько ближе на романъ г. Мордовцева.

По Волгѣ ѣдутъ на пароходѣ два пассажира; одному „лѣтъ

8*

за двадцать“, другому „лѣтъ за тридцать“. Старшій называется Григоріемъ Борисовичемъ Стожаровымъ. Авторъ даетъ его біографію, которая начинается такъ: „Беззубая старушка, гречанка Парка, навязала на свой гребень куделю и стала прясть нитку Гришенькиной жизни послѣ полуночи 10 декабря 1835 года“. Сообщивъ затѣмъ нѣкоторыя удивительныя черты изъ жизни Стожарова, авторъ замѣчаетъ, что онъ зоветъ своего младшаго спутника „Надей“. Обстоятельство это ничего особенно любопытнаго, повидимому, не представляетъ: мало-ли какія у насъ есть уменьшительныя ласкательныя имена собственныя, а въ частности „Надя“ даже весьма удобно выкраивается изъ очень распространеннаго въ верхнемъ поволжьи имени „Геннадій“. Но, по авторскому хотѣнью, „Надя“ возбуждаетъ на пароходѣ всеобщее любопытство и тревогу. Одни думаютъ, что это переряженная дѣвушка, нѣкоторые полагаютъ, что „Надя“ и ея спутникъ—„агенты какой нибудь революціонной ассоціаціи или польскаго жонда“, а одинъ чиновникъ рѣшилъ даже донести становому, что, дескать, въ поволжьи сѣются козни и разъѣзжаетъ какая-то Надя въ сюртукѣ и панталонахъ. Авторъ продолжаетъ: „Меня самого заинтересовала эта личность, и за свѣдѣніями о ней я обратился къ Музѣ, къ моей старой знакомой. Хотя мнѣ и совѣстно сознаться, что я знакомъ съ этой женщиной, знакомство съ которой въ наше время не дѣлаетъ чести порядочному человѣку, однако я всетаки иногда пользуюсь услугами этой женщины“. И т. д., и т. д. Идутъ на трехъ печатныхъ страницахъ разсужденія о Музѣ, разговоръ съ ней и разсказъ о томъ, какъ и какія свѣдѣнія добыла она о Надѣ. Мимоходомъ поминаются и „Геродотинька“, и Фукидидъ, и современные греки, „плачущіе отъ турецкаго ятагана“. Въ концѣ концовъ, оказывается, что „Надя“ есть студентъ Серпороевъ, а Надей его Стожаровъ зоветъ вотъ почему: „Стожаровъ не надѣется, чтобы Россія стала лучше, пока въ ней остаются многіе старые порядки, старые люди и старые предразсудки, а потому думаетъ, что измѣнить Россію къ лучшему предназначено было молодому поколѣнію, которое онъ и называетъ надеждой Россіи. Оттого и Серпороева онъ называетъ Надей“...

Это образчики той неудержимой болтливости, которая вообще свойственна г. Мордовцеву и которая налетаетъ какъ-то внезапно: о Стожаровѣ отъ себя разсказалъ, а для Серпороева почему-то понадобился зигзагъ въ сторону Музы; а потомъ опять, и уже до самаго конца романа, дѣло благополучно безъ Музы обходится. Я отмѣчаю эту черту, какъ личную особенность г. Мордовцева, выдѣляющую его изо всей группы авторовъ аляповатыхъ романовъ изъ жизни „новыхъ людей“,—вообще говоря, собственно авторское краснорѣчіе въ ихъ словесный гранъ-пасьянсъ не входитъ.

Герои „Знаменій времени“ съ ранней молодости отличаются

необыкновенными качествами, — необыкновеннымъ умомъ, необыкновенною смѣлостью и рѣшительностью, правдивостью, образованностью и проч. Такъ Стожаровъ еще въ гимназіи отказался отвѣчать на экзаменѣ на вопросъ о „значеніи Наполеона въ исторіи нашего времени". Онъ мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что „дѣйствія сумашедшаго не могутъ имѣть органической связи съ какимъ бы то ни было временемъ", а Наполеонъ былъ сумашедшій и его слѣдовало посадить на цѣпь... Не говоря о томъ, возможенъ ли былъ въ дореформенной гимназіи вопросъ, предложенный Стожарову на экзаменѣ, любопытно было бы знать, какъ отвѣчалъ этотъ необычайно самостоятельный гимназистъ на экзаменахъ по нѣкоторымъ другимъ наукамъ. Но авторъ счелъ нужнымъ представить только одну пробу его самостоятельности. Въ университетѣ Стожаровъ написалъ такую диссертацію на медаль, „наставилъ въ ней такихъ вопросовъ, на которые не могли отвѣчать всѣ факультеты вмѣстѣ". Диссертацію сожгли, хотя, какъ объяснилъ Стожарову одинъ профессоръ, „въ ней была замѣчательная начитанность, логика такая вѣская и не ломкая, что противъ нея, какъ противъ пушки, не устоишь, и казуистика ловкая". Сожгли же ее „за то, за что въ прежнія времена сожигали на кострахъ самихъ авторовъ подобныхъ сочиненій". „Въ наше время—продолжалъ профессоръ—автора такого сочиненія посадили бы въ крѣпость". Но, къ счастію для человѣчества, Россіи и романа г. Мордовцева, Стожаровъ въ крѣпость не попалъ, потому что на этотъ разъ имѣлъ осторожность не подписать подъ диссертаціей свое имя, а начальство, обыкновенно въ такихъ случаяхъ очень бдительное, почему-то не нашло нужнымъ розыскивать автора столь опаснаго сочиненія...

Гридневъ Василій Парменовичъ, сынъ богатаго купца раскольника, молодой человѣкъ большихъ способностей, большой силы воли и чрезвычайной образованности. „Пріобрѣтенныя имъ знанія и усвоенныя имъ, по лучшимъ современнымъ учителямъ, убѣжденія встрѣтились съ другого рода убѣжденіями старика отца. Въ этой борьбѣ двухъ поколѣній, отживающаго и только что начинающаго жить на Руси, въ сопоставленіи тенденцій „Домостроя" съ доктринами Прудона, Молешота и Дарвина, окрѣпло въ молодомъ Гридневѣ то, что засѣло въ его голову прочно и оперлось на прочный фундаментъ, и пошатнулось то, что росло въ немъ безпочвенно и могло шататься". Полудикому отцу молодой Гридневъ съ благородною смѣлостью объявляетъ: „для васъ дорога Макрида-начетница, для меня дороги Бокль и Спенсеръ"; и еще: „по моему, батюшка, всѣ ваши книги—въ огонь". Полудикій отецъ грозитъ убить его за такія слова, но, въ концѣ концовъ, смиряется...

Карамановъ Аркадій Львовичъ. Хороши были предыдущіе, а этотъ молодой человѣкъ, кажется, всѣмъ головамъ голова. Въ

особенности превосходенъ онъ своею смѣлою прямотою и рѣшительностью. Являясь къ отцу Стожарова онъ, на вопросъ—не родственникъ ли онъ Льва Семеновича Караманова—отвѣчаетъ, не моргнувъ глазомъ: „Да, къ несчастью, я сынъ этого негодяя". И таковъ былъ Карамановъ съ ранней молодости. Стожаровъ-сынъ, какъ мы видѣли, въ гимназіи не видѣлъ возможности скрыть свое мнѣніе о Наполеонѣ на экзаменѣ изъ исторіи. Карамановъ обнаруживалъ эту безстрашную правдивость еще до гимназіи. Когда, бывало, Карамановъ отецъ что нибудь вралъ своимъ мужикамъ, маленькій Аркадій, „не стѣсняясь, говорилъ отцу при крестьянахъ: „ты лжешь, папаша" или, обращаясь къ крестьянамъ, говорилъ: „не вѣрьте папашѣ, онъ васъ не любитъ,—онъ злой", и, когда отецъ наказывалъ его за эти поступки, упрямый Аркадій никогда не просилъ прощенія, а даже подъ розгами повторялъ: „я сказалъ правду... ты злой, ты лгунъ"... А придя въ возрастъ, Карамановъ символизируетъ „отцовъ" въ образѣ „ветхозавѣтной Валаамовой ослицы", которую нужно „отвести отъ молодого поколѣнія"...

Если Карамановъ, такимъ образомъ, напоминаетъ рецептъ вышеупомянутато рецензента „Отечественныхъ Записокъ", по которому „новый человѣкъ" долженъ говорить отцу, что онъ „оселъ", а матери, что она „содержанка", то и одинъ изъ отцовъ „Знаменій времени" чуть-чуть что не говоритъ съ кротостью, по тому же рецепту: „ты правъ, мой другъ, я, дѣйствительно, не больше, какъ старый оселъ". Старикъ Стожаровъ со старухой женой ждутъ у себя въ деревнѣ пріѣзда своего великолѣпнаго сына и бесѣдуютъ о немъ. Отецъ по этому поводу убѣждаетъ жену, что „нынче не тѣ времена": „мы, вонъ, все думали о пушкахъ, да о туркахъ, да на лошадяхъ гарцовали... Теперь, матушка, молодежь думаетъ не о лошадяхъ, а о народѣ заботится, какъ бы его просвѣтить... Нынѣшняя молодежь, матушка, пишетъ, литературой занимается, рабочій вопросъ, вонъ, разрабатываетъ, женскій вопросъ, народныя школы, земство, политика, *братья-славяне*. Много дѣла нынѣшней молодежи... Намъ, матушка, стыдно вспомнить наши времена". И т. д.

Я подчеркнулъ слова: *братья-славяне*. Дѣло въ томъ, что въ тѣ времена, къ которымъ относятся „Знаменія времени", наша молодежь отнюдь судьбою братьевъ-славянъ не увлекалась, но она всегда занимала г. Мордовцева. и потому онъ предложилъ тогдашней молодежи увлечься ею: въ романѣ есть цѣлыя страницы, посвященныя ей, что еще болѣе увеличиваетъ сумбуръ идей и фактовъ въ „Знаменіяхъ времени". И такой авторской „отсебятины" не мало въ романѣ. Г. Мордовцевъ даже свои личные маленькіе литературные счеты сводитъ устами дѣйствующихъ лицъ романа. Такъ у него одинъ больной бредитъ „ничтожнымъ пачкуномъ съ узенькой головенкой, Гедебе" („Гдб"—такъ подпи-

сывался подъ нѣкоторыми статьями покойный Гайдебуровъ) и „веклеванной философіей Шелгунова“... „Какой странный бредъ“,— наивно замѣчаетъ присутствующая при этомъ дѣвица Бармитинова. Дѣйствительно, странный...

Не всѣ, конечно, отцы такъ кротко готовы признать себя „старыми ослами“, какъ старикъ Стожаровъ. Напротивъ,—вся соль романа состоитъ въ борьбѣ поколѣній. И такъ какъ г. Мордовцевъ не Тургеневъ, чтобы художественно и тонко распредѣлить свѣтъ и тѣни между отцами и дѣтьми, то его контрасты нарочито грубы. Такъ отецъ Караманова—дѣйствительно „негодяй“ (хотя его негодяйства намъ во-очію не показываютъ: онъ живетъ и умираетъ за кулисами); родители Гриднева и Таволгина—заскорузлые раскольники, чѣмъ очень дешево достигаются эффекты стремленія „дѣтей“ къ просвѣщенію. Тѣмъ не менѣе борьба поколѣній происходитъ и тамъ, гдѣ ей, повидимому, нѣтъ никакого резона быть. Такъ, чего бы ужъ, кажется, воевать молодому Стожарову со старымъ? Старикъ доживаетъ свой вѣкъ въ деревнѣ, „стыдясь“ своего прошлаго и благоговѣя передъ „нынѣшними временами“ вообще, передъ величіемъ идей и дѣятельности своего сына—въ частности. Душой онъ весь съ нимъ, и только, къ его глубокому прискорбію, его дряхлое тѣло не можетъ взлетѣть на тѣ высоты, гдѣ величаво стоитъ сынъ. И, однако, ему чудится грозный голосъ этого сына: „Отецъ, уступи требованіямъ времени, оно всесильно, а требованія его—законъ природы. Не борись съ могучей волной этого времени: эта волна—девятый валъ, страшный валъ, роковой силы котораго такъ боятся матросы. Уступи, отецъ, а то захлестнетъ тебя этотъ валъ“, и т. д. Когда молодой Стожаровъ пріѣхалъ въ отцовскую усадьбу, то на порогѣ ея онъ увидѣлъ трупъ: то убилась старая нянька Аверьяниха, бѣжавшая на встрѣчу своему воспитаннику. Новый человѣкъ по этому поводу размышляетъ: „Какая странная, роковая встрѣча... *Неужели отъ одного нашего приближенія должны вымирать старые люди, какъ вымираютъ дикія индѣйскія племена отъ соприкосновенія съ европейской цивилизаціей?*“—Размышленіе это не мною подчеркнуто, оно напечатано курсивомъ въ самомъ романѣ,—такъ исключительно важнымъ и цѣннымъ представляется оно автору...

Да что старая Аверьяниха! что старики Стожаровы!—„новые люди“ г. Мордовцева и другъ друга считаютъ недостаточно новыми, а дѣвица Бармитинова—по всѣмъ признакамъ новая женщина и всѣми за таковую признаваемая—въ порывѣ самообличенія говоритъ: „нѣтъ, я не новая женщина, а старая, новыя еще не родились“. Народятся они тогда, „когда живые возстанутъ противъ умершихъ, т. е. когда я возстану противъ тѣни моей матери и моего отца, когда всѣ живые возстанутъ противъ всѣхъ мертвецовъ, когда начнется общій бунтъ не противъ государей, не противъ правительствъ (все это вздоръ), а противъ мертве-

цовъ, когда мы возстанемъ на нихъ, на ихъ память, на ихъ гробы и тѣни, на все то, что они оставили намъ по себѣ, на то, что они сдѣлали, на все, что осталось послѣ нихъ и на землѣ, и въ памяти нашей, и въ книгахъ, написанныхъ ими, и въ ихъ завѣщаніяхъ духовныхъ". — Стожаровъ, учитель Бармитиновой, выражаетъ эту мысль еще болѣе энергичными словами, а студентъ Серпороевъ, будучи моложе его, идетъ еще дальше и вноситъ поправку: „живые должны возстать не только противъ мертвыхъ, но и противъ живыхъ". Этимъ онъ хочетъ сказать, что и самъ (!) Стожаровъ для него не авторитетъ. Ну, а о другихъ, менѣе крупныхъ авторитетахъ и говорить нечего. Стожаровъ прямо въ лицо „сказалъ Герцену, Бакунину и Огареву, что они уже отзвонили", а потому имъ пора и „съ колокольни долой". Молодой Гридневъ, какъ мы видѣли, представитель „доктринъ Прудона, Молешота и Дарвина", но въ разговорѣ со Стожаровымъ онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Ну, вы ходите, я вижу, въ старыхъ сапогахъ Прудона". Стожаровъ съ своей стороны въ томъ же разговорѣ восклицаетъ: „Что романъ Чернышевскаго! Это для насъ уже старье; мы дожили до иныхъ понятій". Стожаровъ Бармитиновой объясняетъ, что онъ „заглянулъ дальше той черты, гдѣ кончается ученіе Чернышевскаго", и находитъ, что идеалы его „узки и односторонни". Гридневу Стожаровъ говоритъ: „вы идете за вѣкомъ, а я—передъ вѣкомъ... Я не Базаровъ... Базаровъ слишкомъ глупъ... Нѣтъ, узокъ, ограниченъ... Мы перешагнули черезъ нигилизмъ; ушли дальше".—Нѣкій „блѣдный юноша" пишетъ новому человѣку Канадѣеву: „Литература гоняется за типами, за идеалами, а ихъ нѣтъ... Даже Рахметовы *теперь* (курсивъ въ подлинникѣ) устарѣли. Современнѣе всѣхъ Оглобинъ *) у Гирса, да онъ слишкомъ уже вросъ въ почву... Мы идемъ въ народъ не съ прокламаціями, какъ дѣлали наши юные и неопытные предшественники въ шестидесятыхъ годахъ, мы идемъ не бунты затѣвать, не волновать народъ и не учить его, а учиться у него терпѣнію, молотьбѣ и косьбѣ. То были дѣти, а мы уже не дѣти: мы не вѣримъ ни въ благотворность французскихъ и испанскихъ революцій, ни въ благодѣтельность удобренія земли человѣческою кровью".—„Нигилизмъ, какъ и романтизмъ, какъ и крѣпостничество въ Россіи заносятся уже архивною пылью... Мы уже выросли изъ стараго платья Рахметовыхъ, Базаровыхъ и tutti quanti"—говоритъ съ своей стороны Канадѣевъ.—„Коммунизмъ! фурьеризмъ! — „ощетинивается" Карамановъ, „не говори ты этихъ старыхъ, пошлыхъ словъ, они истрепались давно, какъ старая туфля, которую надѣвали на всякую грязную ногу".—„Фурьеризмъ и коммунизмъ отжили свое время, это слишкомъ бабьи, дѣтскія понятія"—соглашается Канадѣевъ.—

*) Одинъ изъ героевъ не оконченнаго романа «Старая и юная Россія».

„Мы не примѣнимъ къ дѣлу забавной пословицы Прудона, что „собственность есть воровство“. Для этой пословицы ужъ отошла пора, она устарѣла, и нашему поколѣнію Прудонъ не указъ“,—объявляетъ Карамановъ... И т. д., и т. д.

Этотъ роскошный букетъ изъ „мы переросли“, „мы перешагнули“, а „то отжило“, „то устарѣло“, „тѣ отзвонили“ и т. п. можно бы было принять за злую каррикатуру на молодежь шестидесятыхъ-семидесятыхъ годовъ. Но, нѣтъ, г. Мордовцевъ самымъ серьезнымъ образомъ торопится *) громоздить новое на старое, новѣйшее на новое и самоновѣйшее на новѣйшее. У насъ какъ-то принято считать поколѣнія десятилѣтіями: поколѣніе шестидесятыхъ, поколѣніе семидесятыхъ, восьмидесятыхъ, девяностыхъ годовъ. Это чрезвычайно быстрая смѣна, но если вѣрить г. Мордовцеву, въ дѣйствительности она еще быстрѣе. „Отцы и дѣти“ Тургенева появились въ 1862 г., знаменитыя статьи Писарева объ этомъ романѣ въ 1862-же и 1864 г. И это была пора увлеченія фигурой Базарова, но вотъ уже въ 1869 г., къ которому относятся „Знаменія времени“, Базаровъ былъ нѣчто въ родѣ „стараго осла“...

Но что же думаютъ и говорятъ эти новые, новѣйшіе и самоновѣйшіе и что они дѣлаютъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ съ надлежащею обстоятельностью чрезвычайно трудно. Прежде всего, конечно, они думаютъ и говорятъ, что они новые, новѣйшіе и самоновѣйшіе, а дѣла и люди вчерашняго дня—старыя туфли и старые ослы. Затѣмъ они раскладываютъ словесный гранъ-пасьянсъ на тему о трудѣ, самостоятельности и новой жизни; въ этомъ гранъ-пасьянсѣ авторъ имъ отъ себя помогаетъ. Но и съ его помощью разобраться въ ихъ мысляхъ всетаки очень трудно: все что-то въ родѣ сапоговъ въ смятку выходитъ. Такъ Стожаровъ много видѣлъ, много передумалъ, перечувствовалъ, пережилъ, и въ концѣ концовъ—сообщаетъ авторъ—„исходной точкой жизни Стожарова съ той поры стала польза, если и не въ широкихъ размѣрахъ, не въ общечеловѣческихъ видахъ, та хоть самая узенькая, хоть бы такая, которая принесла бы счастіе и спасеніе Ларькѣ, укравшему у его отца пѣгаго иноходца“. Ну, думаете вы, устроить счастіе и спасеніе Ларькѣ, можетъ быть, и не трудно, для этого пожалуй не надо быть и новымъ человѣкомъ, а тѣмъ паче столь новымъ, что отъ одного его приближенія должны вымирать старые люди, какъ вымираютъ дикія индѣйскія племена отъ соприкосновенія съ европейской цивилизаціей. Однако,—вымираютъ, а о Ларькѣ Стожаровъ въ дальнѣйшемъ те-

*) Кстати о торопливости и соотвѣтственной неряшливости г. Мордовцева. На стр. 210—211 утонулъ нѣкій мальчикъ Кузя (тоже своего рода «новый человѣкъ»), и всѣ видѣли его «маленькій, худенькій, легонькій трупъ», его «маленькое мертвое тѣло». На стр. 323 читатель получаетъ его, какъ ни въ чемъ не бывало, живого...

ѣніи романа даже и не думаетъ и меньше, какъ на общечеловѣческомъ счастьи, мириться не хочетъ...

Надо замѣтить, что новые люди г. Мордовцева иногда бываютъ чрезвычайно кратки, ясны и энергичны въ своихъ выраженіяхъ: „я сынъ негодяя“, „Герценъ отзвонилъ“, „коммунизмъ—старая туфля“ и т. п. Но когда имъ приходится развивать и доказывать свои мысли, они становятся расплывчаты и многорѣчивы въ изложеніи азбучныхъ истинъ, какъ... какъ г. Мордовцевъ, или—даже въ разговорахъ между собою, когда, напримѣръ самоновѣйшій убѣждаетъ новѣйшаго, что онъ старая туфля—говорятъ зигзагами, экивоками, играютъ словомъ, какъ... опять же какъ г. Мордовцевъ. И всѣ эти экивоки и зигзаги не отъ того только зависятъ, что авторъ по цензурнымъ условіямъ не можетъ предоставить своимъ героямъ полную свободу слова. По какому-то теперь непонятному недоразумѣнію роману г. Мордовцева въ свое время въ этомъ отношеніи не повезло. Но вы ясно видите, что въ большинствѣ случаевъ зигзаги и экивоки не этимъ слѣдуетъ объяснять. Ибо герои г. Мордовцева неоднократно заявляютъ, что всякіе бунты, революціи и прокламаціи—вздоръ и тоже старая туфля.

Стожаровъ и Карамановъ, эти „титаны“, какъ выражается о нихъ нѣкоторая наивная дѣвица Марина, рѣшаютъ сдѣлать „послѣдній, великій шагъ“, но нѣсколько расходятся въ своихъ планахъ. Оба они лишились родителей и вмѣстѣ съ тѣмъ стали богатыми людьми, а Карамановъ даже однимъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ въ губерніи. И вотъ, Стожаровъ отдалъ даромъ все свое имѣніе крестьянамъ, а самъ „вошелъ въ ихъ общину такимъ же членомъ, какъ они всѣ, на равныхъ правахъ“. Не таковъ Карамановскій послѣдній, великій шагъ. Карамановъ не вѣритъ въ крестьянскую общину, какъ она сложилась исторически, ждать отъ нея хорошаго „значитъ заставить вербу родить груши, заставить рости старое дерево не такъ, какъ оно само росло“. Поэтому онъ рѣшаетъ продать полученное послѣ смерти отца въ наслѣдство имѣніе, купить землю, „никѣмъ не заселенную, въ заволжскихъ степяхъ, по сосѣдству съ Азіей“ и заселить ее охотниками—на „новыхъ“ началахъ: „новую общину легче устроить, чѣмъ передѣлать старую“. Сообщая Канадѣеву свой планъ, Карамановъ вызываетъ въ собесѣдникѣ одною подробностью недоумѣніе.

„— Значитъ, ты признаешь принципъ вознагражденія, принципъ платы, принципъ заработка, а слѣдовательно принципъ богатства и бѣдности,—замѣтилъ Канадѣевъ, зорко взглянувъ на Караманова своими зелеными глазами.—Это скользко.

„— Для неподкованнаго ума скользко. А мой умъ подкованъ прочно,—отвѣчалъ Карамановъ и тоже скользнулъ своими холодными глазами по блѣдному лицу Канадѣева.

„Канадѣевъ взялъ своего друга за плечи, ласково взглянулъ ему въ глаза и сказалъ съ доброю улыбкой: „Ты все такой же“...

И молодые люди отправились кушать чай...

Какъ видитъ читатель, отвѣтъ Караманова на замѣчаніе Канадѣева есть просто бахвальство и наглая увертка отъ отвѣта; наглая, потому что онъ самъ началъ съ Канадѣевымъ разговоръ о своей общинѣ, и замѣчаніе послѣдняго поставило его въ тупикъ,—настоящаго отвѣта у него нѣтъ, какъ нѣтъ его и у автора. Сваливать этотъ зигзагъ на цензурныя условія нельзя, такъ какъ Карамановъ предполагаетъ устроить свою общину вполнѣ открыто, на легальныхъ основаніяхъ. И, конечно, только по авторскому хотѣнію нервный, несдержанный Канадѣевъ „съ кроткою улыбкой“ довольствуется уверткой своего друга.

Мы достаточно познакомились съ романомъ г. Мордовцева и можемъ возвратиться къ критическимъ замѣткамъ г. А. Б.

Я спрашиваю: неужели въ самомъ дѣлѣ „настроеніе передовой части общества, задушевныя мысли передовыхъ людей освободительной эпохи“ вполнѣ отразились въ рѣчахъ и поступкахъ деревянныхъ героевъ „Знаменій времени“? Я понимаю, что, напримѣръ, кн. Мещерскій съ величайшею радостью подписался бы подъ статьей г. А. Б. Понимаю, что и какой нибудь самоновѣйшій Стожаровъ или Карамановъ можетъ съ своей стороны обойтись со всей освободительной эпохой и съ ея „передовыми“ людьми, какъ со старой туфлей. Но всетаки (чтобы взять лишь литературу, да и изъ нея помянуть лишь нѣсколько именъ) возможно ли отожествлять настроеніе и задушевныя мысли Некрасова и Добролюбова, Салтыкова и Успенскаго,—а вѣдь это были, какъ у насъ принято выражаться, „властители думъ“, а не одиночки какіе нибудь,—съ настреніемъ Стожаровыхъ, Карамановыхъ, Канадѣевыхъ и прочихъ новыхъ людей г. Мордовцева? Очевидно фактически возможно, если это дѣлаетъ спеціальный обозрѣватель литературы. Но фактическая возможность еще ничего не значитъ, бумага и не такое терпитъ. Какъ же это однако могло случиться, что бумагѣ, на которой печатается „Міръ Божій“, приходится такое терпѣть?

Напомнивъ нѣсколько именъ „властителей думъ“ шестидесятыхъ-семидесятыхъ годовъ, напомнивъ прямые отзывы рецензента „Отечественныхъ Записокъ“ и Гл. Успенскаго о романахъ въ родѣ „Знаменій времени“,—я долженъ, однако, сказать, что романы эти, дѣйствительно, въ свое время съ жадностью читались извѣстною частью общества. Какою?—въ этомъ мнѣ поможетъ разобраться г. Мордовцевъ.

„Молодежь любитъ подражать—говоритъ Канадѣевъ,—и безъ подражанія молодость немыслима. Хоть она и бунтуетъ иногда

противъ оффиціальнаго профессора и учителя, противъ началь-ства и опеки, но у нея всегда есть тайный предметъ культа, тай-ный профессоръ, тайный нравственный начальникъ, которому она слѣпо вѣритъ и которому подражаетъ... Подростающіе нуждаются въ образцахъ, какъ институтки въ обожателяхъ (обожаемыхъ?). Имъ нужна путеводная звѣзда, которой бы они поклонялись втайнѣ, потому что молодость любитъ поклоняться тайнымъ ку-мирамъ и сбрасываетъ съ пьедестала явныхъ, всѣми признанныхъ. Молодости нужно вздыхать по комъ нибудь, по Бѣлинскомъ ли, Добролюбовѣ или Писаревѣ. Но этихъ уже нѣтъ, и она, расти-тельная, вегетальная молодость ищетъ ихъ въ литературѣ, если не находитъ въ жизни. А какіе образцы даетъ имъ современная литература? Гдѣ въ ней идеалы?.. Не въ романахъ же Гончарова въ самомъ дѣлѣ, не у Авдѣева же и не у Тургенева. Что-же, раз-мазня Камышлинцевъ развѣ можетъ быть идеаломъ? Да всѣхъ ихъ возьмите—все это узенькія лица съ узенькимъ міровоззрѣніемъ, людишки, надѣвающіе сапоги не по ногамъ и шляпу не по го-ловѣ. У любого нынѣшняго гимназиста изъ Ларинской гимназіи и задатки прочнѣе, и шире міровоззрѣніе, и цѣли глубже, дѣйствія устойчивѣе... Дайте намъ другихъ людей“...

Я могу закрыть романъ г. Мордовцева и отложить его въ сто-рону съ чувствомъ пріятнаго удовлетворенія. Больше онъ мнѣ не понадобится, да и лучше приведенной рѣчи Канадѣева въ немъ ничего нѣтъ. Не то, чтобы вся эта рѣчь блистала умомъ,—ско-рѣе даже напротивъ,—но въ ней есть одна очень вѣрная мысль. Это именно мысль о нѣкоторыхъ свойствахъ „растительной, ве-гетальной“ молодости. Нельзя только сводить періодъ этой моло-дости ко времени гимназическаго обученія хотя бы и въ Ларин-ской гимназіи, ученики которой всѣ будто бы поголовно обла-даютъ болѣе прочными задатками и болѣе широкимъ міровоззрѣ-ніемъ, чѣмъ всѣ герои Тургенева. Впрочемъ, Канадѣеву, кото-рый самъ недавно сидѣлъ на гимназической скамьѣ (и, можетъ быть, именно въ Ларинской гимназіи), это заблужденіе прости-тельно. Мы-то знаемъ, что, если, съ одной стороны, Лермонтовъ, Добролюбовъ, Писаревъ были „властителями думъ“ въ возрастѣ немногимъ старше иного гимнназиста, то, съ другой стороны, есть маленькія собачки, которыя остаются щенятами до старости. Онѣ не растутъ и потому терминъ „растительная, вегетальная“ моло-дость къ нимъ, собственно говоря, не приложимъ, но онѣ обла-даютъ нѣкоторыми свойствами, которыя Канадѣевъ справедливо при-писываетъ настоящимъ „подростающимъ“. Разница только въ томъ, что многое простительное подростающему не простительно закон-чившему свой ростъ, великовозрастному. „Блаженъ, кто съ мо-лоду былъ молодъ, блаженъ, кто во время созрѣлъ“...

Хорошее дѣло молодость, и тысячу разъ правы тѣ юноши, ко-торые съ гордымъ сознаніемъ своей силы, радостно смотрятъ въ

длинную,—кажется, безконечно длинную—перспективу будущаго: гдѣ-то тамъ, неизмѣримо далеко сходятся линіи, обрамляющія путь жизни, но кто же думаетъ объ этомъ, когда сейчасъ передъ нами широкій просторъ? Правы и тѣ старцы, которые съ грустью оглядываются на свое невозвратное прошлое. Однимъ есть чему радоваться, другимъ есть о чемъ грустить. И даже тѣневыя стороны молодости вспоминаются послѣдними съ добродушной и развѣ чуть насмѣшливой улыбкой, если, конечно, онѣ не легли пятномъ на всю жизнь. А онѣ существуютъ, эти тѣневыя стороны. Говорю не о грѣхахъ молодости, для искупленія которыхъ тоже есть достаточно времени; но грѣхи—дѣло личное и случайное, они могутъ быть и не быть, смотря по условіямъ, въ которыхъ протекаетъ молодость. Въ „растительной, вегетальной“ молодости есть тѣневыя стороны естественныя, какъ болѣзненное прорѣзываніе зубовъ у младенцевъ, составляющія общее правило, которое, какъ и всякое другое правило, допускаетъ, разумѣется, исключенія. Одна изъ такихъ естественныхъ, нормальныхъ тѣневыхъ сторонъ указана въ приведенной рѣчи Канадѣева.

Современные Стожаровы и Карамановы, третируя „освободительную эпоху“, какъ старую туфлю, любятъ издѣваться надъ отдѣльными словами, бывшими тогда въ ходу. Таково, между прочимъ, слово покойнаго Лаврова—„критически мыслящая личность“. Почему-то это слово, очень серьезное и простое, повторяется нынѣ ироническимъ, а подчасъ и прямо злобнымъ тономъ, и суется ни къ селу, ни къ городу, когда нужно лишній разъ пнуть ногой наше прошлое, „освободительную эпоху“. Вотъ, напримѣръ, дѣйствующимъ лицамъ „Знаменій времени“ оно, повидимому, совершенно неизвѣстно, да едва ли былъ-бы понятенъ самый смыслъ его. А между тѣмъ, г. А. Б., иронически резюмируя содержаніе „Знаменій времени“, между прочимъ пишетъ: „Необходимо только сдѣлаться критически мыслящей личностью, чтобы выработать ясный, толковый планъ разумной жизни, согласно которому и остается передѣлать общество“. Разумѣется, если кто думаетъ, что для „передѣлки общества“ достаточно „сдѣлаться критически мыслящею личностью“ и т. д.,—тотъ думаетъ вздоръ. Но совѣтъ выработать изъ себя критически мыслящую личность, развиватъ и въ другихъ критическую мысль и поступать такъ, какъ она укажетъ,—совѣтъ этотъ отнюдь не заключаетъ въ себѣ ничего вздорнаго или ироніи достойнаго. Герои романа г. Мордовцева отнюдь этому благому совѣту не слѣдуютъ, они именно не критически мыслятъ. Нельзя придавать значенія тому обстоятельству, что они такъ бурно отметаютъ авторитеты, которые, повидимому, должны бы были имѣть для нихъ особенно большое значеніе. Отметая одни авторитеты, они, какъ вѣрно указываетъ Канадѣевъ, страстно жаждутъ другихъ. Что же касается отметаемыхъ, то это, въ данной средѣ, авторитеты своего рода „оффиціальные“,

„явные, всѣми признанные“. Базаровъ, напримѣръ, особенно послѣ статей о немъ Писарева, и самъ Писаревъ были одно время для извѣстной части „растительной, вегетальной молодежи“ непререкаемыми авторитетами, „кумирами“, за которые страстно ломались копья. Но какъ только они стали въ этой средѣ общепризнанными, такъ разные Канадѣевы и Стожаровы уже „бунтуютъ“ противъ нихъ (Стожаровъ не „подростающій“, ему перевалило за тридцать, но онъ маленькая собачка, только съ очень взъерошенной шерстью). Критическая мысль тутъ не причемъ, да она и можетъ лишь вырабатываться въ періодъ „растительной, вегетальной молодости“ и только въ исключительныхъ случаяхъ является уже выработанною. Въ этомъ возрастѣ сознаніе еще не настолько окрѣпло, чтобы человѣкъ могъ противопоставлять свое *я* разнаго рода вліяніямъ, и онъ легко гипнотизируется сегодня однимъ фактомъ, завтра другимъ. Мало того,—что бы ни говорилъ Канадѣевъ о прочности задатковъ и широтѣ міровоззрѣнія учениковъ Ларинской гимназіи,—„подростающіе“, по справедливому замѣчанію того же Канадѣева, безсознательно ищутъ предметовъ поклоненія и подражанія. Къ этому надо еще прибавить страстность молодой души, характеризующую ее „кипящую кровь“, „силъ избытокъ“, а затѣмъ и особыя условія нашей „освободительной эпохи“, эпохи деревянныхъ героевъ г. Мордовцева, какъ утверждаетъ г. А. Б., „эпохи великихъ реформъ“, какъ ее навсега назвалъ покойный Джаншіевъ...

Мнѣ вспоминается другой, давнишній покойникъ. 15 августа исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня смерти Василія Степановича Курочкина, редактора „Искры“ и переводчика пѣсенъ Беранже. Вотъ одна изъ характернѣйшихъ фигуръ нашей освободительной эпохи. Характерна въ немъ была вѣра въ силу печатнаго слова и страстная жажда борьбы со зломъ, то есть одна изъ формъ „вѣры въ силу личности и субъективнаго отношенія къ дѣйствительности“, которыя г. А. Б. усвоиваетъ „точенымъ головамъ“. Основанная Курочкинымъ и до сихъ поръ единственная въ Россіи сатирическая газета имѣла блестящій успѣхъ, не только матеріальный, а и моральный: ея боялось все болотное наслѣдіе дореформенной Россіи, ей рукоплескало все вспрыснутое живой водой историческаго момента. Конецъ „Искры“, какъ и самого Курочкина, былъ печаленъ, но, буквально до послѣднихъ дней своей жизни, онъ оставался „вѣренъ сладостной мечтѣ“ и за какихъ нибудь полторы-двѣ недѣли до своей смерти бесѣдовалъ съ пишущимъ эти строки о возможности вновь поднять знамя „Искры“. Увы! было уже поздно, и не только потому, что смерть стояла уже за плечами Курочкина...

Освободительная эпоха была для огромнаго большинства русскихъ людей почти внезапнымъ скачкомъ изъ мрака къ свѣту. Были люди, подготовленные къ ней, давно призывавшіе ее мечтой

а, когда оказывалось возможнымъ, то и словомъ. Это были люди большого ума, большихъ знаній, великодушныхъ идеаловъ, иногда блестящихъ талантовъ. Но ихъ была ничтожная горсть, еле замѣтная въ цѣломъ морѣ Собакевичей, Коробочекъ, Бетрищевыхъ, Чичиковыхъ, Петрушекъ, и—казалось—откуда возьмутся люди, когда взойдетъ заря новой жизни? Однако заря сама вызвала достаточно готовыхъ людей. Между прочимъ, оживилась наплывомъ новыхъ силъ и литература, влачившая до тѣхъ поръ, за исключеніемъ нѣсколькихъ одинокихъ талантовъ, жалкое существованіе. Разумѣется, далеко не всѣ эти хлынувшія шумной волной въ литературу силы, представляли собою высокую цѣнность. Многочисленные корреспонденты „Искры“ изъ разныхъ близкихъ и дальнихъ угловъ Россіи часто рекрутировались среди людей невѣжественныхъ и даже малограмотныхъ. Это были „обличители“ или „*а*бличители“, какъ смѣялись надъ ними тогда же. Приводить ихъ сообщенія въ удобный для печати видъ было уже дѣломъ редакціи, а отъ нихъ требовалась только достовѣрность сообщенныхъ фактовъ. И факты насилія, неправосудія, лицемѣрія, самоуправства, взяточничества, грубости рѣкой лились въ портфель редакціи „Искры“, а затѣмъ вызывали движеніе воды въ вѣковыхъ стоячихъ болотахъ. Обличительныя корреспонденціи и теперь пишутся въ газетахъ, въ суммѣ, конечно, въ гораздо большемъ числѣ и въ грамматическомъ и стилистическомъ отношеніи гораздо лучшаго качества. Но теперь это стало настолько обычнымъ дѣломъ, болота такъ къ этому претерпѣлись, что обличителей, какъ слишкомъ извѣстно, открыто преслѣдуютъ, бьютъ и даже убиваютъ. И тогда, конечно, дѣло не обходилось безъ непріятностей и иному обличителю приходилось плохо отъ обличаемаго и присныхъ его; но въ общемъ подлежавшіе обличенію были слишкомъ напуганы чѣмъ-то надвигавшимся неизвѣстнымъ, свѣтлымъ и грознымъ, а обличители ходили съ гордо поднятыми головами. Они имѣли для этого достаточные резоны. Еще недавно безгласные, принужденные молча присутствовать при всевозможныхъ пошлостяхъ и безобразіяхъ жизни нашихъ захолустьевъ, и сами молча претерпѣвать ихъ, они теперь узнали, что есть судъ общественнаго мнѣнія, и они могутъ быть докладчиками въ немъ... Было пожалуй много комическаго и надоѣдливаго, какъ въ мелочности наблюденій и обличеній, въ которую они часто впадали, такъ и въ ихъ гордо поднятыхъ головахъ; въ особенности въ контрастѣ между этою мелочностью и этою гордою вѣрою въ себя, въ свою миссію, въ „знаменія времени“. Но эти изъяны находили свои поправки въ литературѣ же. Щедринъ, положившій начало обличительной литературѣ, далъ въ „Современникѣ“ и надлежащее освѣщеніе ея конкретнымъ формамъ. Признавая за „литераторами-обывателями“ большія заслуги, воздавая должное ихъ искренности и безкорыстію, онъ пожалуй

даже слишкомъ сурово отнесся къ указаннымъ комическимъ чертамъ ихъ дѣятельности.

Гдѣ же искать настроенія и задушевныхъ мыслей „передовой части тогдашняго общества", — въ этихъ ли искреннихъ, безкорыстныхъ, но узкихъ и неумѣлыхъ обличителяхъ или въ „Современникѣ"?

Обличеніями единичныхъ насильниковъ, лицемѣровъ, злодѣевъ и негодяевъ не исчерпывались задачи „Искры", и тѣмъ паче тогдашней литературы вообще. Ей, какъ и всему обществу, предстояла огромная работа приспособленія къ совершенно новымъ условіямъ жизни. Взять хоть бы ту непроглядную тьму невѣжества, которая царила въ нашемъ отечествѣ. Чтобы разсѣять эту тьму, нужно было въ однихъ возбуждать жажду знанія, въ другихъ удовлетворять ее; нужно было воспользоваться только теперь открывшеюся возможностью пустить въ широкій оборотъ какъ массу элементарныхъ знаній, такъ и высшія обобщенія научнаго и моральнаго характера, до которыхъ доработалась тяжкимъ трудомъ человѣческая мысль не только безъ нашего дѣятельнаго участія, но просто не при насъ. Этотъ ослѣпительный свѣтъ брызнулъ на насъ такъ же внезапно, какъ внезапно открылась для „обличителей" возможность вліять на общественное мнѣніе. И результаты были, естественно, тѣ же самые. Появились люди, о которыхъ можно сказать словами Шиллера: Was sie gestern gelernt, das wollen sie heute schon lehren,—они хотятъ учить тому, что узнали вчера. Ахъ, трудно изучить что нибудь въ одинъ день настолько, чтобы на другой же день стать учителемъ... Но когда на своего рода tabula rasa юнаго ума появляются ясныя, яркія слова съ такою же внезапностью, съ какою появились три огненныхъ слова на стѣнѣ Валтасарова пиршественнаго зала, тогда не мудрено, что человѣкъ считаетъ себя полнымъ обладателемъ окончательной истины. Онъ столь же гордо несетъ свою голову, какъ и тотъ обыватель, который заснулъ безгласнымъ свидѣтелемъ или жертвой насилія и проснулся его судьей; онъ, внезапно, безъ тѣхъ тяжелыхъ трудовъ, которыми вырабатывалась истина, получилъ ее въ свое распоряженіе въ полномъ и окончательномъ видѣ; онъ долженъ сегодня же стать учителемъ, проповѣдникомъ этой вчера узнанной имъ истины; и онъ съ размаха сѣчетъ и рубитъ все съ этой истиной или якобы истиной несогласное...

Все это вполнѣ естественно, и нынѣ, оглядываясь на свое прошлое, мы можемъ спокойно относиться къ былымъ увлеченіямъ: надъ ними высится рядъ могильныхъ холмовъ, они давно искуплены, и часто слишкомъ тяжко было искупленіе. Но въ свое время нельзя было и требовать такого спокойнаго отношенія отъ тѣхъ, кто зналъ и исповѣдывалъ ту же истину, что и новоиспеченные учителя, но понималъ ее шире и зналъ нѣчто

кромѣ нея. Не удивительно поэтому, что въ томъ же „Современникѣ“ тотъ же Щедринъ, который охладилъ восторги „литераторовъ-обывателей“, вылилъ не одинъ ушатъ холодной воды на „enfants terribles’ей“ и въ особенности на „горлопановъ, юродствующихъ и вислоухихъ“. И я опять спрашиваю: гдѣ же искать настроенія и задушевныхъ мыслей передовой части тогдашняго общества,—въ горлопанахъ и вислоухихъ или въ „Современникѣ“?

Здѣсь надо сдѣлать оговорку. Въ своихъ раздраженныхъ рѣчахъ по адресу enfants terribles’ей и вислоухихъ Салтыковъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, увлеченіе идеей „нигилизма“ и самымъ этимъ словомъ, какъ они освѣщались знаменитымъ романомъ Тургенева; увлеченіе, литературнымъ представителемъ котораго было „Русское Слово“. Благодаря блестящему таланту Писарева, въ связи, конечно, съ другими условіями, его проповѣдь естественныхъ наукъ, какъ единоспасающей отрасли знанія, дѣйствительно нашла себѣ громкій откликъ въ передовой части общества. Нельзя того же сказать о другихъ сторонахъ его недолгой, но бурной дѣятельности. Тутъ—употребляя его собственное выраженіе—„промахи его незрѣлой мысли“ увлекали преимущественно лишь „растительную, вегетальную молодость“. Да и самъ онъ, при всемъ своемъ умѣ и талантѣ, въ періодъ увлеченія Базаровымъ являлъ указанные Канадѣевымъ признаки растительной молодости: сбрасывая съ пьедесталовъ ходячіе авторитеты, нашелъ „кумира“, предметъ поклоненія и подражанія въ литературѣ. Но Писаревъ, не смотря на свой молодой задоръ, обладалъ тонкимъ критическимъ чутьемъ, а когда для Канадѣевыхъ и Стожаровыхъ пришла пора свергнуть и Базарова, объявивъ его старой туфлей, ихъ уже не удовлетворялъ художественный образъ Базарова: имъ нужны были линіи болѣе прямыя, черты болѣе рѣзкія, краски болѣе яркія. Отвѣтомъ на это требованіе растительной, вегетальной молодости и явились аляповатые романы изъ жизни „новыхъ людей“, въ томъ числѣ и „Знаменія времени“.

Какъ относилась къ этимъ произведеніямъ та часть общества,— которой, надѣюсь, г. А. Б. не откажетъ въ названіи „передовой“,— это видно изъ вышеприведенныхъ цитатъ изъ „Отечественныхъ Записокъ“. И здѣсь намъ надо вернуться къ объясненію, которое Гл. Успенскій далъ происхожденію и успѣху топорныхъ романовъ изъ жизни „новыхъ людей“.

Дѣло было все въ той же внезапности скачка изъ мрака къ свѣту. Потребность разорвать съ позорнымъ прошлымъ была огромная. Ненависть къ нему, въ виду открывшихся неопредѣленныхъ, но свѣтлыхъ перспективъ, дѣйствительно могла доходить, какъ у Бармитиновой и Стожарова, до „возстанія противъ тѣней матери и отца, противъ всѣхъ мертвецовъ, противъ всего что они говорили, сдѣлали, противъ всего, что осталось послѣ нихъ

на землѣ и въ памяти нашей, и въ книгахъ, написанныхъ ими, и въ завѣщаніяхъ духовныхъ". Но увы!—отъ духовнаго наслѣдія прошлаго легче отказаться на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, оно не башмакъ,—съ ноги не сбросишь, и le mort такъ или иначе saisit le vif. Въ этомъ огульномъ заушеніи *всего* прошлаго часто сказывалась характерная черта только что освобожденнаго раба. Но эти вчерашніе рабы искренно жаждали новой жизни; только откуда же взять нормъ для этой новой жизни, когда она еще только вырабатывается, только манитъ къ себѣ своею свѣтлою далью, а отъ прошлаго осталось лишь „пустое пространство, открытое для всѣхъ вѣтровъ", по выраженію Шелгунова? А между тѣмъ нормы требуются ясно выраженныя, въ видѣ вполнѣ опредѣленныхъ, конкретныхъ образовъ, „образцовъ" для подражанія и „кумировъ" для поклоненія. И когда за это дѣло взялись беллетристы второго и третьяго сорта, имъ естественно приходилось „каждую черту выдумывать, изобрѣтать, потому что нѣтъ подъ рукой или не знаешь гдѣ взять", пускать въ ходъ „невѣроятныя краски, преувеличенія, выдумки". Подлиннаго во всемъ этомъ была только подкладка „настоятельной жажды общественной совѣсти въ великомъ, сильномъ и честномъ". И будущій историкъ русскаго общества съумѣетъ усмотрѣть эту подкладку надъ разнообразными вышитыми на ней комическими и нелѣпыми узорами. Да и теперь ужъ, черезъ тридцать-то, сорокъ лѣтъ, можно бы, кажется, это сдѣлать.

Вышецитированный рецензентъ „Отечественныхъ Записокъ", помянувъ „безвременно погубленныя силы и принесенныя жертвы" въ жизни, спрашиваетъ: гдѣ же въ топорныхъ романахъ эти жертвы, „гдѣ встрѣча молодого и страстнаго убѣжденія съ самоувѣренною и ни на что не дающею отвѣта дѣйствительностью?" Въ „Знаменіяхъ времени" жертвы есть. Ихъ можно подвести подъ два тона. Стожарова и Бармитинова любятъ другъ друга, но рѣшаютъ, что дать и взять личное счастіе они могутъ только послѣ извѣстнаго искуса въ работѣ на общественную пользу; а когда срокъ этого искуса истекаетъ, Бармитинова оказывается настолько истощенною, что заболѣваетъ и умираетъ. Такъ молодые люди и не видали личнаго счастія.—Что такого рода жертвы во имя извѣстнаго принципа приносились, это несомнѣнно, а что у Стожарова и Бармитиновой это вышло просто глупо, за это отвѣчаетъ авторъ, а не шестидесятые-семидесятые годы.—Стожаровъ и Карамановъ получаютъ богатыя наслѣдства и жертвуютъ ихъ на общеполезное, по ихъ мнѣнію, дѣло. Можно быть очень разнаго мнѣнія объ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что для самого автора, очевидно, неясно, въ чемъ оно состоитъ; но собственно актъ жертвы только въ очень низкопробномъ сынѣ можетъ вызвать „насмѣшку горькую надъ *промотавшимся* отцомъ"... А вѣдь и не такія еще жертвы приносились.

Я о самомъ актѣ жертвы говорю, отвлекаясь отъ того, что у г. Мордовцева ихъ приносятъ топорной работы самохвалы и нахалы. Всегда и вездѣ ко всякому чистому дѣлу пристегиваются люди въ разныхъ смыслахъ третьяго сорта. Были они, конечно, и въ шестидесятыхъ, и семидесятыхъ годахъ, но въ художественномъ произведеніи они и подлежатъ соотвѣтственному освѣщенію, а не поднятію на пьедесталъ. Тѣмъ не менѣе и г. Мордовцеву удалось схватить, разумѣется, въ грубо преувеличенномъ видѣ, одну черту тогдашней „растительной, вегетальной“ молодежи. Если молодежь этого возроста всегда склонна, просто по условіямъ чисто біологическимъ, искать образцовъ для подражанія и поклоненія, причемъ авторитеты „оффиціальные“ оказываются слишкомъ для нея прѣсными, то въ семидесятыхъ и особенно въ шестидесятыхъ годахъ эта черта еще усиливалась условіями историческими. Освободительная эпоха такъ внезапно отворила ворота, въ которыя хлынули новыя идеи и новыя слова, что о какой нибудь преемственности не могло быть и рѣчи. Но и дальнѣйшій ходъ нашей исторіи, благодаря своей обрывистости, не давалъ сложиться элементу преемственности. Сегодня „вегетальная молодежь“ страстно увлекается тѣмъ-то и тѣмъ-то, скажемъ,—теоріей „критически мыслящей личности“. Завтра теорія эта объявляется старой туфлей, и произносящіе этотъ приговоръ иногда не только не понимаютъ, а и не знаютъ, въ чемъ собственно состоитъ эта теорія. Оно и не мудрено: были книги, статьи, въ которыхъ эта теорія развивалась, а теперь откуда ихъ взять, эти книги и статьи? Слѣдуетъ поэтому снисходительно относиться не только къ положительнымъ увлеченіямъ нашей молодежи все новыми и новыми словами, но и къ тому часто грубому отрицанію, съ которымъ она относится ко вчерашнему дню.

Въ періодъ нынѣ такъ сильно убывающаго воинствующаго настроенія нашего марксизма я получалъ множество писемъ (они хранятся въ моемъ архивѣ, какъ своего рода „знаменія времени“), въ которыхъ безцеремонное отношеніе къ разнаго рода „старымъ туфлямъ“ и „старымъ осламъ“ играло весьма видную роль. Помню, напримѣръ, одно письмо, въ которомъ авторъ съ необыкновеннымъ презрѣніемъ говорилъ объ „Исторіи философіи“ Льюиса, называя ее „*книжонкой* Льюиса“. Мой корреспондентъ презиралъ Льюиса за его, очень, впрочемъ, спокойное и, какъ говорится, объективное, отношеніе къ учителю Маркса, Гегелю. Англичанинъ, какихъ бы онъ мнѣній ни держался, никогда не назоветъ книгу Льюиса „книжонкой“, потому что онъ такъ или иначе участвуетъ и въ преемственномъ ходѣ развитія англійской, а черезъ нее европейской мысли. У насъ не то. Это очень грустно, но понятно. Судьба распоряжается съ русской жизнью, какъ съ крынкой молока, въ которой только что успѣетъ отстояться слой сливокъ, какъ его снимаютъ. Но развѣ мой великолѣпный корреспонден

не такой же Стожаровъ или Канадѣевъ? И развѣ не такой же Стожаровъ или Канадѣевъ г. А. Б., заушающій „передовую часть общества освободительной эпохи“, ищущій въ ней „ослиныхъ ушей“? Но, да простится ему это, если, разумѣется, онъ находится въ возрастѣ „растительной, вегетальной молодости“, потому, что съ великовозрастныхъ людей обязателенъ иной, болѣе строгій спросъ... А, впрочемъ, въ печати выступать съ такою развязностью не подобаетъ и очень юному человѣку.

Смерть жатву жизни коситъ. Въ предыдущемъ номерѣ „Русскаго Богатства“ нашъ хроникеръ внутренней жизни помянулъ недавнія потери, понесенныя русскимъ обществомъ. Умеръ Джаншіевъ, этотъ русскій армянинъ, такъ хорошо умѣвшій сочетать дѣйственную любовь къ своимъ сородичамъ по крови съ пламенною вѣрою въ величіе началъ русской жизни, какъ они сложились въ освободительную эпоху. Умеръ Соловьевъ, этотъ странный мистикъ, много и въ разныхъ направленіяхъ плутавшій по безграничному полю мысли, но никогда не измѣнявшій одной своей, коренной святынѣ,—свободѣ мысли и слова. Тяжкія потери, въ особенности въ виду нашей бѣдности людьми искренной мысли и громкой рѣчи; обидныя потери, въ виду сравнительной молодости обоихъ покойниковъ: за ними была заслуга, но впереди ихъ была надежда.

Европа около этого же времени похоронила двухъ человѣкъ, конечно, несравненно болѣе видныхъ, чѣмъ наши покойники, хотя бы уже потому, что послѣдніе свѣтились исключительно въ Россіи, тогда какъ Ничше и Либкнехтъ (я ихъ разумѣю) принадлежали не только своей родинѣ, Германіи. И однако эти потери не такъ всетаки обидны, какъ наши. Ничше давно уже умеръ духовно, Либкнехтъ умеръ семидесятипяти-лѣтнимъ старикомъ. Въ лицѣ ихъ Европа хоронила только заслугу, и, конечно, тамъ не найдется Стожаровыхъ и Канадѣевыхъ, которые пнули бы ихъ трупы ногой, хотя это два прямо противоположные полюса европейской мысли и жизни. Одинъ—чистый теоретикъ, индивидуалистъ, аристократъ, другой—практикъ, соціалистъ и демократъ. Какъ ни былъ оригиналенъ Ничше и какъ онъ ни подчеркивалъ свою оригинальность, не трудно указать корни его идей въ исторіи и современной жизни. О Либкнехтѣ и говорить нечего. Это былъ, можетъ быть, вѣрнѣйшій изъ учениковъ Маркса, принужденный присутствовать подъ конецъ своей жизни при шатаніи, казалось, непоколебимыхъ доктринъ своего учителя. Не смотря на полную, полярную противоположность своихъ взглядовъ, оба вытекли изъ одного и того же источника и сольются въ памяти потомства въ одно и то же устье, какъ люди, искренно и трудно искавшіе истину и съ разныхъ сторонъ къ ней приблизившіеся, хотя и не достигшіе ея.

Ник. Михайловскій.

Надсонъ и его неизданныя стихотворенія.

Вотъ уже лѣтъ десять-пятнадцать, какъ критика не перестаетъ усиленно жаловаться на захирѣніе художественной литературы. Не таланты, однако, исчезли—время отъ времени они появляются снова и снова; но почти всѣ современные таланты носятъ на себѣ печать чего-то случайнаго, метеорнаго, органически не связаннаго съ остальной литературой, и большею частью отцвѣтаютъ, не успѣвъ расцвѣсть, слабѣя и блѣднѣя послѣ первыхъ же творческихъ опытовъ. Даже надъ очень крупными дарованіями последняго періода словно тяготѣетъ какая-то мрачная сила, мѣшающая имъ широко развернуть крылья, выйти изъ замкнутаго круга миніатюръ и изображеній частнаго характера. Причинъ далеко искать не приходится: ослабѣлъ и омертвѣлъ духъ жизни, питающей литературу...

Что же мудренаго, если при подобныхъ условіяхъ сильнѣе всего пострадала поэзія, это наиболѣе нѣжное и хрупкое литературное растеніе. Лишнее—въ сотый разъ констатировать, что, не смотря на изумительное обиліе стихотворцевъ, мы почти не имѣемъ въ настоящее время поэтовъ.

Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы,—

обращался Лермонтовъ къ поэту былыхъ временъ, и времена эти не такъ ужъ отъ насъ отдаленны: именно такимъ поэтомъ-бойцомъ былъ на Руси самъ Лермонтовъ, а послѣ него—Некрасовъ. Но для какихъ же „битвъ" могутъ воспламенять, хотя бы, „мѣрные звуки" г. Минскаго, презирающаго всѣхъ людей, „какъ самого себя", и воспѣвающаго оригинальную свободу—свободу отъ долга, чести и любви къ родинѣ? Празднуя побѣды человѣческаго духа или скорбя объ его пораженіяхъ, обратимъ ли мы нашъ слухъ къ г. Мережковскому, славящему „дерзостный смѣхъ" надъ всѣмъ, что было до сихъ поръ свято и дорого людямъ? Станемъ ли распѣвать гимны г. Бальмонта—мору, чумѣ, убійству, палачамъ и Нерону? Ничего общаго съ свободной человѣческой поэзіей не имѣетъ эта удушливая, больничная поэзія вампировъ и демоновъ; дунетъ первый предразсвѣтный вѣтеръ—и безъ слѣда исчезнутъ безсильныя ночныя привидѣнія!

Неискренность, оторванность отъ жизни, безпринципность и самовлюбленность нашихъ стихотворцевъ послѣднихъ пятнадцати лѣтъ сдѣлали то, что критика и литературные круги общества стали глубоко равнодушны и къ самой поэзіи. Не перестаютъ раздаваться сѣтованія, порой даже не основательныя, на убожество текущей беллетристики, но никогда почти не слышится искреннихъ жалобъ на то, что въ журналахъ не бываетъ больше хорошихъ стиховъ. Вышучивать декадентскихъ рифмоплетовъ рецензенты ужасно любятъ (вѣдь это такая безобидная и вмѣстѣ неистощимая тема), но въ шуткахъ этихъ не чувствуется тоски по истинной поэзіи. Къ самимъ стихамъ давно установилось какое-то ироническое, почти презрительное отношеніе, и въ журналахъ ихъ только терпятъ, какъ „затычку" свободныхъ лѣвыхъ страницъ. Стихотворная горячка 20-хъ и 30-хъ годовъ, когда образованнѣйшіе русскіе люди готовы были чуть не въ буквальномъ смыслѣ „для звуковъ жизни не щадить", кажется въ настоящее время чѣмъ-то ребячески-смѣшнымъ и умилительно-наивнымъ. Гдѣ найдешь теперь двухъ литераторовъ, которые, встрѣтившись, битый часъ проговорили бы о стихахъ, а вѣдь, бывало, ночи напролетъ просиживались за чтеніемъ любимыхъ поэтовъ, за толками о Пушкинѣ, Байронѣ, Шиллерѣ... Все чаще и чаще встрѣчаешь образованныхъ людей, которые чистосердечно признаются, что не въ состояніи прочесть подъ-рядъ болѣе пяти-шести небольшихъ, даже и очень хорошихъ, стихотвореній; прочесть въ одинъ пріемъ цѣлый томикъ стиховъ рѣшатся врядъ-ли многіе... Какъ выводъ изъ всего этого, составилось убѣжденіе, что стихи—подобно тому, какъ нѣкогда басня или ода — отжили вѣкъ и никогда ужъ не возвратятъ себѣ былого обаянія. Стихотворная, молъ, форма — форма младенческаго состоянія мысли, когда послѣдняя нуждалась въ красивомъ побрякиваніи метровъ и рифмъ для того, чтобы находить доступъ въ крѣпкіе человѣческіе лбы. Это форма, по-преимуществу, искусственная. Въ жизни никто вѣдь не говоритъ стихами; черновыя рукописи поэтовъ исчерканы вдоль и поперекъ помарками и поправками. Гдѣ же тутъ вдохновеніе? Скорѣе тутъ видно хладнокровное обдумываніе, кропотливый трудъ, чуть-что не математическій разсчетъ. При усидчивости, навыкѣ и хорошемъ словарѣ риѳмъ (за-границей такіе словари уже существуютъ, были и у насъ попытки) всякій неглупый человѣкъ можетъ сочинять стихи, въ звучности не уступающіе самому Пушкину. Русское общество, слава Богу, вышло изъ первобытнаго состоянія, созрѣло для мысли серьезной и самостоятельной. Не новыхъ Пушкиныхъ, Лермонтовыхъ и Некрасовыхъ ждетъ оно отъ художественной литературы XX вѣка, а новыхъ Толстыхъ, Тургеневыхъ, Салтыковыхъ, Достоевскихъ...

Дай, конечно, Богъ, чтобы новый вѣкъ далъ намъ новыхъ Толстыхъ и Салтыковыхъ, но превозносить этихъ великановъ

прозы на счетъ Пушкина и другихъ поэтовъ все же нѣтъ, я думаю, ни надобности, ни повода. A la Писаревъ толковать объ „искусственности“ стихотворной формы, искусственности, доходящей до возможности писать стихи чисто механически, значитъ, какъ-будто, забывать, что конечная цѣль стиховъ, какъ и прозы, не одни только красивые звуки, но и достигаемая ими поэзія. Развѣ неизвѣстно, напр., что въ дѣлѣ музыкальности современный поэтъ г. Бальмонтъ прямо собаку съѣлъ, — и, однако же, какъ часто стихи его ничего общаго не имѣютъ съ поэзіей. Черновыя рукописи образцовыхъ прозаиковъ ничѣмъ не отличаются отъ рукописей поэтовъ: корректуры Бальзака и Флобера представляли сплошную сѣть всевозможныхъ поправокъ и помарокъ. Въ газетахъ недавно еще сообщалось о томъ, какихъ творческихъ трудовъ стоилъ послѣдній романъ Толстому; но вѣдь значитъ ли это, что Толстой писалъ его безъ вдохновенія, холодно разсчитывая—гдѣ выгоднѣе поставить подлежащее и гдѣ сказуемое? Если въ жизни никто не говоритъ стихами, то не то же ли самое нужно сказать и о художественной прозѣ, потому что кто же говоритъ въ просторѣчіи языкомъ Тургенева, Щедрина или Достоевскаго?

Всякое искусство по самой природѣ своей искусственно, и только отъ личныхъ свойствъ ума, склада душевной организаціи художника зависитъ, какому роду искусства онъ отдастся, въ какія формы съ наибольшимъ удобствомъ и силой отольются его идеи, эмоціи, образы. Пушкинъ и Лермонтовъ писали не только стихами, но и прозой. Эта проза — верхъ совершенства русской прозы; и однако, Пушкинъ и Лермонтовъ были по-преимуществу стихотворцы, т. е. въ стихи они вкладывали лучшія силы таланта, наибольшую долю страсти, и значеніе того и другого для литературы, какъ стихотворцевъ, неизмѣримо большее, нежели прозаиковъ. Очевидно, стихотворная форма была для ихъ художественныхъ натуръ наиболѣе удобнымъ средствомъ общенія съ читателями.

Въ защиту стиховъ можно сказать еще и слѣдующее. Человѣческое слово способно выразить хотя и очень многое, но далеко не все: есть нѣкоторыя смутныя, тонкія движенія души, которыя несравненно сильнѣе и ярче выражаются музыкой... Стихи съ ихъ музыкальной размѣренностью и плавностью близко подходятъ къ музыкѣ, и, потому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ они пригоднѣе холодной, отчетливой прозы; особенный raison d'être имѣютъ они, когда дѣло касается какихъ-либо патетическихъ сторонъ душевной жизни. Многія изъ „стихотвореній въ прозѣ“ Тургенева, я увѣренъ, безконечно бы выиграли, если бы были написаны прекрасными стихами... Попробуйте, съ другой стороны, переложить на прозу нѣкоторыя изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина, обладавшаго такой величавой простотой выраженія, такимъ полнымъ

отсутствіемъ вычурности, — и, навѣрное, даже эта проза вскорѣ утомитъ васъ, станетъ казаться излишне кудреватой...

Однимъ словомъ, стихи—это особый языкъ, имѣющій такіе же законы и такое же право на существованіе, какъ и проза, языкъ, на который поэтъ переводитъ свои думы, свои ощущенія, и который понятенъ каждому человѣку въ его лучшія, благороднѣйшія минуты. Стихотворная поэзія не должна, поэтому, умереть, и то сравнительное равнодушіе, съ какимъ въ настоящее время относятся къ ней критика и литературные слои общества, — явленіе чисто временное, объясняемое, какъ мнѣ кажется, исключительно отсутствіемъ хорошихъ поэтовъ. Все измѣнится, какъ только явится крупный талантъ, который сумѣетъ „ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой"... Передъ появленіемъ Пушкина тоже замѣчалось нѣчто подобное: высокопарныя оды и смѣнившіе ихъ приторные романсы о нездѣшнихъ чувствахъ, баллады о мертвецахъ и привидѣніяхъ до того набили всѣмъ оскомину, что къ стихамъ, въ общемъ, было едва-ли лучшее отношеніе, чѣмъ въ наши дни. Но вотъ раздались „звуки дивныхъ пѣсенъ", брызнула живая вода настоящей поэзіи—и затрепетали восторгомъ мертвыя сердца, и стихи великаго чародѣя стали заучиваться наизусть! Ни общество русское, ни литература не собираются, конечно, умирать, и не одинъ еще разъ переживутъ они такую же бурю восторговъ и увлеченія стихами... Только когда же будетъ это? Когда появится, наконецъ, желанный геній? Увы! я думаю, не раньше, чѣмъ когда измѣнятся къ лучшему общія условія русской литературы и вдохновляющей ее жизни...

Но когда-то еще солнце взойдетъ, до той поры роса очи выѣстъ, и, пока-что, приходится скорбѣть не только объ оскудѣніи нашей поэзіи, но и о равнодушномъ отношеніи литературы къ этому оскудѣнію. Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что я не совсѣмъ правъ, и укажутъ на вышедшее въ нынѣшнемъ году восемнадцатое изданіе стихотвореній Надсона: кто же, какъ не литература и критика, разъяснилъ русскому обществу всю поэтическую прелесть, все нравственное значеніе безвременно погибшаго поэта? Но, къ сожалѣнію, въ томъ-то и дѣло, что критика была здѣсь, мнѣ кажется, совсѣлъ не причемъ: общество отдало Надсону свои симпатіи вполнѣ свободно и независимо отъ какихъ бы то ни было литературныхъ вліяній, проявивъ въ этомъ выборѣ много непосредственнаго художественнаго вкуса и душевной свѣжести; отношеніе же литературы съ самого начала отличалось неопредѣленностью и двусмысленностью... Начать съ того, что большихъ по объему статей авторитетныхъ критиковъ надсоновская поэзія ни разу не удостоилась; во множествѣ встрѣчались лишь короткія рецензіи и бѣглыя замѣтки, авторы которыхъ охотно призна-

вали Надсона поэтомъ симпатичнымъ и талантливымъ, распространялись о свѣтлой личности поэта-юноши и о его трагической судьбѣ, но всѣ, точно сговорившись, тщательно избѣгали рѣшенія вопроса о мѣстѣ, какое Надсонъ долженъ занять въ ряду русскихъ поэтовъ XIX вѣка. Порой положительно что-то минорное звучитъ въ отношеніи къ Надсону критики, окрестившей его, между прочимъ, поэтомъ „безсилія“ и „нытья“! Я выберу первый попавшійся примѣръ — энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, гдѣ такой тонкій цѣнитель и знатокъ художественной литературы, какъ С. А. Венгеровъ, въ интересно составленномъ очеркѣ новѣйшей русской литературы пишетъ слѣдующее: „Въ поэтической формѣ разладъ между требованіями чуткой совѣсти и нежеланіемъ активно противодѣйствовать злу выразился въ первомъ періодѣ дѣятельности Н. М. Виленкина-Минскаго. Впослѣдствіи онъ сдѣлался проповѣдникомъ отрѣшенной отъ условій времени и мѣста „чистой красоты“ и теоретикомъ эгоистически-индивидуалистическаго символизма („При свѣтѣ совѣсти“), *но въ 70-хъ годахъ онъ пріобрѣлъ широкую извѣстность, какъ пѣвецъ общественныхъ порывовъ и настроеній. И младшій сверстникъ Минскаго*—С. Я. Надсонъ отразилъ ту же борьбу противоположныхъ теченій. Онъ не могъ стать поклонникомъ объективнаго „чистаго искусства“, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжная и хрупкая душевная организація мѣшала ему быть борцомъ; и въ общемъ лирика его больше склоняется къ жалобамъ, чѣмъ къ протесту“. Вотъ и все. Значеніе Надсона съужено въ этомъ отзывѣ до самыхъ скромныхъ размѣровъ, и самъ онъ въ поэтическомъ отношеніи поставленъ ниже такого, несомнѣнно, третьестепеннаго поэта, какъ г. Минскій („и младшій сверстникъ г. Минскаго“...). Какъ ни скучно снова и снова заниматься оцѣнкой поэзіи г. Минскаго, приходится сказать объ ней нѣсколько словъ.

Правда, почти всѣ критики, касавшіеся второго періода „дѣятельности“ г. Минскаго, неукоснительно ставили и ставятъ ему на видъ, отъ какой завидной доли истиннаго поэта онъ отказался, перейдя въ декадентскій лагерь, и въ полемическомъ увлеченіи сильно преувеличиваютъ ту популярность, какою онъ нѣкогда, будто бы, пользовался. Но статья г. Венгерова въ энциклопедическомъ словарѣ чужда полемическихъ задачъ, и отъ нея читатель вправѣ былъ бы ожидать чисто историческаго безпристрастія. Это безпристрастіе должно бы, мнѣ кажется, подсказать почтенному критику, что популярность г. Минскаго среди молодежи конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ была прямо ничтожна, и ни въ какомъ случаѣ не могла идти въ сравненіе съ популярностью, выпавшей затѣмъ на долю Надсона. Довольно характерно, что стихотворенія этого поэта ни разу не попали на страницы такого органа, какъ „Отеч. Записки“, а почти исключительно печатались въ „Вѣстникѣ Европы“, которымъ молодежь 70-хъ го-

довъ очень мало интересовалась. Кульминаціонными моментами радикальной поэзіи г. Минскаго были „Бѣлыя ночи“ (1879 г.) и „Пѣсни о родинѣ“ (1882 г.), но никому изъ помнящихъ литературныя увлеченія русской молодежи тѣхъ лѣтъ, я увѣренъ, не придетъ въ голову утверждать, что въ числѣ этихъ увлеченій были и названныя поэмы г. Минскаго. Стихи его многимъ нравились, но и только; никогда и никого не потрясали они до слезъ, до глубины души... И не трудно разгадать причину подобной слабости впечатлѣнія: всегда чувствовалось,—при чтеніи даже самыхъ красныхъ произведеній поэта,—что онъ лишь поверхностно (скорѣе умомъ, нежели сердцемъ) затронутъ общимъ теченіемъ, что самые острые, боевые мотивы его поэзіи не вырваны изъ души, а навѣяны уже существующими литературными образцами... Прославленныя „Бѣлыя ночи“ сильно сбивались на простое подражаніе некрасовскому „Рыцарю на часъ“; тамъ, гдѣ по замыслу долженъ былъ слышаться „крикъ сердца“, у г. Минскаго выходила одна шумливая риторика:

Прощай, прощай, страна невыплаканныхъ слезъ,
Страна порывовъ неоглядныхъ,
Силъ неразбуженныхъ, неисполнимыхъ грезъ,
Страна загадокъ неразгадныхъ;
Страна безмолвія и шумной болтовни,
Страна испуга и задора,
Страна терпѣнія и дѣтской хлопотни,
Страна неволи и простора;
Страна больныхъ дѣтей, безпечныхъ стариковъ,
Веселья мрачнаго, какъ тризна,
Ненужныхъ слезъ и жертвъ . . . .
Прощай, о сфинксъ! Прощай, отчизна!..
(«Пѣсни о родинѣ»).

Молодежь отлично улавливала всю художественную фальшь подобныхъ стиховъ,—и крайне желательно, чтобы будущій историкъ литературы не повторилъ ошибки, въ которую впалъ г. Венгеровъ. Не лишенъ интереса фактъ, что первое изданіе стихотвореній г. Минскаго, еще не потерпѣвшее отъ автора того „вдохновеннаго погрома“, какимъ впослѣдствіи восторгался г. Волынскій, вышло въ свѣтъ въ самый годъ смерти Надсона (1887 г.) въ довольно ограниченномъ числѣ экземпляровъ; тамъ были in toto corpore и „Бѣлыя ночи“, и „На чужомъ пиру“, и „Пѣсни о родинѣ“—и тѣмъ не менѣе, лишь десять лѣтъ спустя дождался г. Минскій слѣдующаго изданія своей книги!..

То ли было съ дѣйствительнымъ „пѣвцомъ общественныхъ порывовъ и настроеній“, съ Надсономъ? Я могу подѣлиться съ читателями любопытными цифрами, любезно сообщенными мнѣ лицомъ, принимавшимъ живѣйшее участіе въ изданіи надсоновскихъ стихотвореній.

8 марта 1885 года вышло I изданіе въ количествѣ всего 600

экземпляровъ; въ январѣ и мартѣ слѣдующаго года напечатаны II и III изданіе, по 1000 экз. каждое. При жизни поэта разошлось, такимъ образомъ, всего 2600 экземпл. его стихотвореній. Первое посмертное (IV по счету) изданіе вышло 19 февр. 1887 г. въ 1000 экз.; напечатанное одновременно V изданіе состояло также изъ 1000 экз. Слѣдующее (VI), такъ называемое солдатенковское, изданное на превосходной бумагѣ, вышло въ августѣ 1887 г. (т. е. полгода спустя), уже въ 4500 экземпл. Ровно два мѣсяца спустя понадобилось VII изданіе въ 6000 экз. Въ такомъ же количествѣ печатались и слѣдующія десять изданій; шли они въ такомъ порядкѣ:

VIII въ мартѣ 1888 г. (черезъ 5 мѣс. послѣ предыдущаго).
IX „ январѣ 1889 „ („ 10 мѣсяцевъ).
X „ іюнѣ 1890 „ („ 1 годъ 5 мѣс.).
XI „ январѣ 1892 „ („ 1 „ 7 „)
XII „ ноябрѣ 1893 „ („ 1 „ 10 „)
XIII „ мартѣ 1895 „ („ 1 „ 4 „)
XIV „ сентяб. 1896 „ („ 1 „ 6 „)
XV „ октяб. 1897 „ („ 1 „ 1 „ Это изданіе вышло въ юбилейный годъ Надсона).
XVI „ октяб. 1898 „ (черезъ 1 годъ).
XVII „ октяб. 1899 „ („ 1 „)

Семнадцатое изданіе было расхватано такъ быстро, что уже полгода спустя литературному фонду (собственнику стихотвореній) пришлось подумать о новомъ изданіи. Становилось очевиднымъ, что имя Надсона успѣло сдѣлаться на Руси классически извѣстнымъ наравнѣ съ лучшими именами литературы, что поэзія его стала близкой и понятной всякому болѣе или менѣе культурному человѣку, въ которомъ просыпается интересъ къ литературѣ и поэзіи... Въ виду этого фондъ рѣшилъ отпечатать XVIII-е изданіе (которое и вышло въ маѣ 1900 г., т. е. черезъ 7 мѣсяцевъ) *уже не въ шести, а въ двѣнадцати тысячахъ экземпляровъ*... Такимъ образомъ, за короткій періодъ 15 лѣтъ было напечатано 87100 экземпляровъ стихотвореній Надсона. Нашимъ символистамъ и декадентамъ послѣ этого оставалось, разумѣется, одно только утѣшеніе, остроумно придуманное г. Льдовымъ (въ предисловіи къ собственной книжкѣ стиховъ): „Я былъ бы непритворно (!) огорченъ, если бы моя скромная лирика совпала съ настроеніемъ большинства, которое удѣляетъ лишь мимолетное вниманіе человѣческому *духу* (?!?)“.

Если Надсонъ не болѣе, какъ талантливый поэтикъ третьестепеннаго значенія, то что же, наконецъ, означаетъ этотъ фе

номенальный, съ каждымъ годомъ все растущій успѣхъ? Въ тысячный разъ приходится останавливаться и задумываться надъ этимъ необычайнымъ явленіемъ. Наивно было, подобно г. Меньшикову, объяснять его обаяніемъ *личности* Надсона, личности хоть и дѣйствительно прекрасной, но не представлявшей все же ничего исключительнаго. Мелко было все объяснять яростными нападками г. Буренина, или безвременной смертью поэта. Безвременно умирали у насъ очень многіе поэты и писатели, и, однако, никому изъ нихъ не досталась на долю подобная слава; прошло, наконецъ, столько лѣтъ, трагедія ранней смерти давно утратила свою острую боль... Отъ самого знаменитаго нѣкогда критика осталось въ литературѣ одно зловоніе, ореолъ же славы Надсона не только не меркнетъ, но, повидимому, только еще разгорается настоящимъ свѣтомъ... Секретъ успѣха,—комментируютъ другіе мудрецы,—заключается въ честной тенденціи надсоновскихъ стиховъ, въ гражданской скорби и гражданской добродѣтели. Но тутъ опять вспоминается г. Минскій: вѣдь ужъ до чего, кажется, былъ добродѣтеленъ! Обѣими руками писалъ свои гражданскіе стихи („что̀ сердце терзало—то́ *руки* писали"), а вотъ поди жъ ты—популярности не снискалъ и принужденъ былъ изъ лагеря радикаловъ перебѣжать въ лагерь эстетовъ. Вспоминаются и болѣе крупные, болѣе искренніе поэты, хотя бы, напр., Никитинъ. Казалось бы, авторъ „Кулака", „Портного" и „Жены ямщика" долженъ быть куда понятнѣе и ближе широкимъ слоямъ русскаго общества, а между тѣмъ, сравнительно съ Надсономъ, даже и Никитинъ имѣлъ очень скромный успѣхъ (за двадцать слишкомъ лѣтъ три изданія). Очевидно, тайна заключается въ томъ, что Надсонъ съумѣлъ задѣть центральный нервъ общественной психики своего времени, и притомъ не такъ, какъ раньше задѣвали десятки другихъ оставшихся неизвѣстными поэтовъ, а—съ блестящимъ искусствомъ, съ неподражаемой силой, все побѣждающей задушевностью...

Три года тому назадъ я подробно развилъ эту мысль въ статьѣ, написанной по поводу десятилѣтняго юбилея Надсона („Пѣвецъ больного поколѣнія", „Р. Б." 1897 г., май), и теперь не буду повторяться. Думаю, что въ основѣ своей мысль моя справедлива. Однако, вотъ на что нельзя не обратить вниманія: переживаемые нами теперь дни уже значительно разнятся по настроенію отъ надсоновской эпохи; говорятъ, что и молодежь нынѣшняя не та, что была когда-то... Не подлежитъ, наконецъ, сомнѣнію, что успѣхъ надсоновской поэзіи проникъ уже и въ тѣ слои, куда докатывается, обыкновенно, лишь смутный, далекій гулъ общественныхъ движеній и настроеній... А между тѣмъ, успѣхъ, какъ мы видѣли, не падаетъ, а все растетъ и расширяется! Пора, слѣдовательно, расширить и прежнее объясненіе, ставшее теперь узкимъ и недостаточнымъ. Очевидно, есть и какое-то непреходящее, общее

значеніе у этой столь популярной поэзіи, значеніе, независимое отъ даннаго времени и данныхъ историческихъ обстоятельствъ...

Заключается оно, я думаю, въ томъ, что Надсонъ былъ не только „пѣвцомъ больного поколѣнія“, но и пѣвцомъ юности вообще, чистоты и свѣжести юнаго чувства, красоты дѣвственныхъ порываній къ идеалу. Болѣзненная раздвоенность, рефлексія, „нытье“ внесли, несомнѣнно, свою законную долю въ острую, почти болѣзненную популярность Надсона въ концѣ 80-хъ годовъ; но главная притягивающая сила и непреходящая прелесть его поэзіи—въ томъ, что въ ней, какъ въ зеркалѣ, отразилась вѣковѣчная красота молодости. „Тревога юныхъ силъ“, „боль за идеалъ и слезы о свободѣ“, мечты о любви—не любви „знойныхъ ночей и сладострастныхъ объятій, а любви—подвигѣ и молитвѣ, привязанность къ родинѣ до готовности стать ея „псомъ сторожевымъ“, жизнь—„келья святая дѣвственныхъ думъ и завѣтныхъ трудовъ“, всѣ эти трогательнѣйшіе мотивы надсоновской музы—не что иное, въ сущности, какъ мечты, наполняющія и волнующія всякую здоровую юность.

Не хотѣлъ онъ идти, затерявшись въ толпѣ,
Безъ лишеній и жертвъ, по избитой тропѣ.
Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ почувствовалъ въ сердцѣ своемъ,
Что на свѣтъ онъ родился могучимъ орломъ.
«День за днемъ бозполезно и слѣпо влачить,
Жить, какъ всѣ,—говорилъ онъ,—ужъ лучше не жить!..
Пусть же рано паду я, подломленъ грозой,
Но на-вѣки оставлю я слѣдъ за собой.
Надъ людьми и землей, какъ стрѣла, я взовьюсь,
Какъ виномъ, я просторомъ и свѣтомъ упьюсь!
И въ дали я обѣщанный рай разгляжу
И дорогу къ блаженству толпѣ укажу!»

Какъ далеки эти свѣтлыя альтруистическія мечты отъ „злобы дня“ той или другой опредѣленной эпохи, какъ общи онѣ всѣмъ временамъ и всѣмъ народамъ! Но въ этомъ именно и заключаются права Надсона на безсмертіе. Указываютъ на его разладъ, на его „безсильное нытье“, какъ на такіе недостатки, которые, будто бы, низводятъ его въ разрядъ мелкихъ, третьестепенныхъ поэтовъ,—и не видятъ того, что „нытье“ Надсона,—результатъ болѣзни и принадлежности къ мрачной эпохѣ,—составляетъ лишь трагическій фонъ для чуднаго гимна вѣчной юности и „святыни ея прекрасныхъ стремленій“. Перечитайте отдѣлъ „посмертныхъ“ стихотвореній Надсона, этотъ прелестный, трогательный дневникъ—исповѣдь молодой умирающей души, которая до послѣдняго вздоха все жаждетъ жить и любить жизнь и людей,—и скажите: есть ли въ исторіи нашей поэзіи другой образецъ такого же чистаго и беззавѣтнаго идеализма? Многіе вспомнятъ, быть можетъ, туманно-мистическую музу Жуковскаго, но поэзія Надсона чужда мистицизма, и про нее съ несравненно большимъ правомъ можно

сказать, что она—„есть Богъ въ святыхъ мечтахъ *земли*". И то, чего не могла или не хотѣла оцѣнить авторитетная критика, давно оцѣнила чуткая молодежь: Надсонъ сдѣлался ея кумиромъ, признанъ пѣвцомъ и истолкователемъ ея завѣтныхъ думъ и стремленій...

Конечно, говоря о выдающемся значеніи надсоновской поэзіи, я не имѣю въ виду приравнивать ее къ поэзіи Пушкина, Лермонтова или Некрасова: и общественное, и чисто-поэтическое значеніе этихъ поэтовъ слишкомъ исключительно въ русской литературѣ... Изъ Пушкина, какъ изъ живого родника, вытекла вся наша художественная литература, начиная съ Гоголя и кончая Львомъ Толстымъ; значеніе Некрасова въ такъ называемой „народнической" литературѣ до сихъ поръ еще не оцѣнено во всемъ своемъ объемѣ; титаническая поэзія Лермонтова по силѣ поэтической индивидуальности и въ Европѣ уступитъ, быть можетъ, одному только Байрону... Но только три подобныхъ имени имѣемъ мы на все столѣтіе. Изъ многочисленнаго сонма остальныхъ русскихъ поэтовъ можно выдѣлить развѣ только Кольцова, геніальный талантъ котораго равенъ историко-литературному и общественному его значенію. Отсутствіе такой гармоніи между природнымъ дарованіемъ и общественно-идейнымъ содержаніемъ—вотъ первородный грѣхъ большинства нашихъ крупнѣйшихъ поэтовъ. Въ видѣ самаго поучительнаго и яркаго примѣра назову Аполлона Майкова. Какой большой поэтическій талантъ, какая необычайная сила изобразительности! Сколько превосходныхъ стихотвореній, написанныхъ съ чисто-пушкинской красотой и спокойной энергіей,—и, при всемъ этомъ, какъ относительно невелика цѣнность Майкова для литературы и общества! Можно даже спросить: кто знаетъ — что такое поэтическая индивидуальность Майкова, „паѳосъ" его поэзіи? Лучшія его вещи, несомнѣнно, тѣ, которыя славятъ свободу человѣческаго духа („Три смерти", „Поля", „Картинка" и проч.), но въ общемъ Майковъ, воспѣвавшій позже Ивана Грознаго, отнюдь не былъ пѣвцомъ свободы. Двое другихъ высокодаровитыхъ поэтовъ нашихъ, Тютчевъ и Фетъ, отмежевали себѣ область неуловимаго и смутнаго въ природѣ и человѣческомъ сердцѣ, и хотя въ наши дни изъ ихъ поэзіи выросла многокрикливая и многохвастливая декадентская школа, но дѣйствительное значеніе этихъ поэтовъ въ обществѣ всегда было больше нежели скромно... Полонскій, также примыкавшій къ школѣ „чистаго искусства", умеръ совсѣмъ недавно, а между тѣмъ кажется, будто его благодушная, неопредѣленная поэзія создавалась 40 — 50 лѣтъ назадъ; отдѣльныя прекрасныя стихотворенія Полонскаго съ большимъ удобствомъ могли бы принадлежать и Майкову, и Фету, и многимъ другимъ поэтамъ... Идейная физіономія Алексѣя Толстого не меньше расплывчата, да и оригинальность его лирическаго таланта (я оставляю въ сторонѣ

его сатиры и „трилогію") подлежитъ спору... Изъ поэтовъ болѣе ранняго періода Огаревъ былъ диллетантомъ искусства, пѣвцомъ совсѣмъ уже неопредѣленной грусти и мечтательности. Никитинъ перепѣвалъ и развивалъ мотивы Кольцова и Некрасова, и если обнаружилъ въ чемъ оригинальный талантъ, то развѣ въ прелестныхъ картинкахъ русской природы. Полежаевъ, несомнѣнно, могъ бы представить крупную поэтическую силу, но отсутствіе образованія, неразвитость вкуса и несчастно сложившаяся жизнь сдѣлали изъ него только талантливаго ритора... Въ послѣдніе годы дѣлались, между прочимъ, попытки возродить интересъ къ поэту-философу 30-хъ годовъ, къ Баратынскому, но нелестный приговоръ Бѣлинскаго былъ, очевидно, правильнымъ, и неясная, расплывчатая, отчасти даже реакціонная философія Баратынскаго никого въ настоящее время не захватываетъ, никому не кажется „замѣчательной".

Такимъ образомъ, по яркости и опредѣленности поэтическаго облика, по общественной цѣнности своей поэзіи Надсонъ, на мой взглядъ, цѣлой головой выше очень и очень многихъ изъ признанныхъ корифеевъ искусства и въ этомъ смыслѣ долженъ быть поставленъ непосредственно за Некрасовымъ и Кольцовымъ. Слѣдуетъ обратить также вниманіе на его поэтическую манеру (стиль). Оригинальность стиля вообще одинъ изъ главныхъ критеріевъ для сужденія о мѣстѣ художника въ литературѣ; но предѣлы оригинальнаго въ этой области врядъ-ли могутъ быть признаны безконечными; чѣмъ литература богаче сильными и яркими талантами, тѣмъ труднѣе и цѣннѣе появленіе въ ней талантовъ новыхъ, обладающихъ своеобразной писательской манерой. Съ середины сороковыхъ годовъ, когда выступилъ Некрасовъ, въ теченіе почти сорока лѣтъ, появлялось на Руси множество поэтовъ, точно такъ же печаловавшихся о народѣ и служившихъ музѣ мести и печали; временами это были поэты очень даровитые (М. Л. Михайловъ, Курочкинъ, Симборскій, Барыкова, Минскій, Мартовъ), и тѣмъ не менѣе ни одному изъ нихъ не посчастливилось создать собственную манеру, вполнѣ оригинальный поэтическій стиль. Надсонъ былъ первымъ и единственнымъ, кому въ началѣ 80-хъ годовъ сразу удалось разорвать этотъ заколдованный кругъ подражательности (то Некрасову, то Лермонтову, то Гейне, то всѣмъ имъ по-немножку), и создать особую, *надсоновскую* форму стиха, которую услышишь и отличишь по первому же звуку. Возьмите любое лирическое стихотвореніе Полонскаго, Ал. Толстого, даже Майкова—и, въ концѣ концовъ, вы согласитесь, что оно могло бы принадлежать не только имъ однимъ; развѣ немногіе изъ цѣнителей искусства станутъ, напр., утверждать, что стихотвореніе „Скажи мнѣ: ты любилъ на родинѣ своей?" могъ написать только Майковъ, а „Весеннія воды"— только Тютчевъ. Между тѣмъ, стихотворенія Надсона, почти всѣ

безъ исключенія (даже незначительные отрывки въ 5—6 строкъ), отмѣчены рѣзкой печатью индивидуальности... И вотъ почему, какъ раньше въ путахъ некрасовской манеры, такъ теперь—вотъ уже больше 15 лѣтъ—поэзія наша безсильно бьется въ цѣпяхъ подражанія Надсону. Необходимъ огромный поэтическій талантъ, чтобы выработать новую оригинальную форму...

Оригинальность поэтической физіономіи Надсона съ особенной рельефностью выразилась въ судьбѣ такъ называемыхъ „посмертныхъ" стихотвореній. У каждаго писателя, поэта хранятся въ письменномъ столѣ вещи, которыя почему-либо не „вытанцовались" и при жизни автора не подлежали опубликованію. И если, тѣмъ не менѣе, услужливые друзья и ретивые библіографы предаютъ обыкновенно по смерти авторовъ тисненію всѣ эти неудачные плоды вдохновенія, то публикѣ приходится нерѣдко соглашаться съ горячимъ протестомъ Гончарова противъ этого неразборчиваго обычая: черновыя работы и неотдѣланные отрывки въ большинствѣ случаевъ только затемняютъ духовный обликъ писателя, внося въ его наслѣдіе много ненужнаго балласта. Особенно справедливо это по отношенію къ авторамъ небольшого дарованія и скромнаго историко-литературнаго значенія.

Надсонъ представляетъ яркое исключеніе изъ общаго правила. Онъ рано отыскалъ свое поэтическое „я", и въ самыхъ раннихъ его стихотвореніяхъ уже явственно звучатъ ноты позднѣйшаго періода. Посмертныя стихотворенія, т. е. „черняки" и не подвергшіеся окончательной отдѣлкѣ „отрывки", составляютъ едва-ли не двѣ трети всей его книги, и трудно сказать, занимаютъ ли они въ его поэтическомъ вѣнкѣ второстепенное мѣсто. Въ чисто-художественномъ отношеніи они, быть можетъ, и слабѣе пьесъ „прижизненнаго" отдѣла (хотя и въ этомъ отношеніи нѣкоторые представляютъ настоящіе перлы надсоновской поэзіи), но за то именно въ нихъ всего интимнѣе, всего задушевнѣе выражалось прекрасное сердце поэта: назову, хотя бы, такую удивительную вещь, какъ „Все это было, но было, какъ будто, во снѣ"... Вотъ почему, говоря три года назадъ о внѣшней сторонѣ изданій литературнаго фонда, я сѣтовалъ на то, что, по прошествіи стольких лѣтъ со дня смерти писателя, книга его все еще дѣлится почему-то на прижизненный и посмертный отдѣлы. Подобное дѣленіе можетъ вытекать, мнѣ кажется, лишь изъ обычнаго взгляда на произведенія, не напечатанныя при жизни автора, какъ на вещи, не вполнѣ достойныя его таланта, неудовлетворительныя, если не по содержанію, то по формѣ; между тѣмъ, по отношенію къ Надсону взглядъ этотъ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. За послѣднія 5—6 лѣтъ жизни имъ не было написано, даже и вчернѣ, положительно ни одной строчки, ни одного стиха, въ которыхъ не свѣтился бы талантъ, органически связанный съ несравненной искренностью.

Окрыленнымъ мечтой, сладкозвучнымъ стихомъ
Никогда не игралъ я отъ скуки:
Только то, что грозой пронеслось надъ челомъ,
Выливалъ я въ покорные звуки!

Онъ имѣлъ полное право сказать эти гордыя слова. Трудно назвать другого поэта, который съ такой же строгостью, упорствомъ и даже педантизмомъ относился къ извѣстной формѣ своего творчества; не даромъ своимъ девизомъ избралъ онъ некрасовскіе стихи:

Правилу слѣдуй упорно—
Чтобы словамъ было тѣсно,
Мыслямъ просторно.

Очень часто самъ юноша-поэтъ настолько бывалъ недоволенъ вылившимися сразу изъ-подъ его пера стихами, что надолго, на цѣлые годы откладывалъ ихъ въ сторону, а, вернувшись впослѣдствіи къ тому же мотиву, придавалъ ему совершенно новую форму; и, однако, никогда почти посторонній безпристрастный судья не сказалъ бы, что первоначальная (правда, менѣе совершенная) форма никуда не годилась. Въ качествѣ недостатковъ можно было бы указать на сравнительную длинноту, на два—три не совсѣмъ ловкихъ выраженія, не подходящій къ данному содержанію метръ—и только; искренность же, „вдохновенность“ звучитъ рѣшительно всюду, какъ въ окончательно отдѣланныхъ, такъ и въ набросанныхъ на скорую руку отрывкахъ.

Недавно, благодаря дружеской любезности лица, хранящаго у себя черновыя рукописи С. Я. Надсона, я имѣлъ возможность близко познакомиться съ процессомъ его творческой работы. Эти толстыя переплетенныя тетради (счетомъ, если не ошибаюсь, нѣсколько десятковъ) представляютъ настоящую поэтическую лабораторію, гдѣ на каждомъ шагу видишь прерванную работу неподдѣльнаго таланта и удивительно чуткой совѣсти, и куда входишь поэтому съ невольнымъ чувствомъ удивленія и почтенія... И какъ жаль, что не нашлось до сихъ поръ авторитетнаго человѣка, который взялъ бы на себя трудъ подробно обслѣдовать эти тетради, чтобы извлечь изъ нихъ на свѣтъ все, что есть тамъ любопытнаго и цѣннаго! Я имѣю въ виду не одни только многочисленные дневники поэта, изъ которыхъ опубликованы до сихъ поръ лишь отдѣльные (и далеко не самые интересные) отрывки, но и его опыты художественной прозы, этюды и разсказы беллетристическаго характера, а также критическія статьи и наброски, не вошедшіе въ „Литературные очерки“ *). Очерки эти, какъ извѣстно, на книжномъ рынкѣ не

*) Между прочимъ, изъ напечатанныхъ при жизни Надсона рецензій не вошла почему-то въ эту книжку рецензія о романѣ нѣкоего Стремоухова «Въ Бухарѣ» («Отеч. Зап.» 1883 г., сентябрь).

пошли, но, быть можетъ, судьба книги была бы иная, если бы она давала болѣе полную физіономію Надсона, какъ прозаика. Беллетрическіе опыты поэта во всякомъ случаѣ представили бы, я думаю, большой интересъ... Я забылъ упомянуть еще объ его многочисленныхъ письмахъ и о нашумѣвшей въ свое время переп скѣ съ „графиней Лидой", напечатанной въ „Книжкахъ Недѣли" и неизданной затѣмъ отдѣльно потому только, что личность пресловутой „графини" возбудила въ концѣ концовъ сильныя и, какъ кажется, не лишенныя основательности подозрѣнія. Не говоря ужъ о томъ, что—кто бы ни была эта Лида — фигура ея остается крайне любопытной въ психологическомъ отношеніи, письма къ ней самого Надсона ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ сомнѣнію и заподазриванью въ неискренности, и, слѣдовательно, ихъ обязательно слѣдовало бы переиздать.

Впрочемъ, не буду касаться здѣсь надсоновской прозы, съ которою я не имѣлъ времени основательно познакомиться. Получивъ доступъ къ тетрадямъ поэта, я могъ осуществить лишь первоначальную свою задачу—пересмотрѣть всѣ оставшіеся послѣ него *стихи* (начиная съ 1880 года, которымъ, по моему мнѣнію, открывается зрѣлый періодъ надсоновской поэзіи) и, сличивъ ихъ съ напечатанными, выдѣлить то, что оставалось до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Работа эта оказалась, однако, настолько кропотливой, что я принужденъ былъ еще болѣе съузить свои рамки и оставить безъ просмотра тѣ стихотворенія, которыя начинались съ общеизвѣстнаго текста *).

Я былъ заранѣе предупрежденъ о томъ, что, по заключенію покойнаго Плещеева, въ тетрадяхъ Надсона нѣтъ уже болѣе ничего цѣннаго, что оставалось бы неизвѣстнымъ публикѣ: все это лишь слабые неотдѣланные отрывки и перепѣвы мотивовъ, не разъ уже разработанныхъ самимъ Надсономъ. Исключеніе составляли, по мнѣнію престарѣлаго поэта, лишь стихотвореніе „Я росъ тебѣ чужимъ, отверженный народъ", которое онъ не совѣтовалъ печатать по соображеніямъ не совсѣмъ понятнаго для меня характера **), и двѣ-три пьески, казавшихся сомнительными въ цензурномъ отношеніи...

Однако первое же бѣглое знакомство съ тетрадями Надсона показало мнѣ ошибочность такого приговора Плещеева. При жизни своего литературнаго крестника, привыкнувъ относиться къ его

*) Изслѣдованіе заправскихъ библіографовъ, несомнѣнно, должно будетъ коснуться и этихъ стихотвореній. Оно откроетъ, по всей вѣроятности, не мало варіантовъ, изъ которыхъ наиболѣе характерные нелишнее будетъ напечатать въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, какъ дѣлается это съ стихотвореніями Пушкина и Лермонтова.

**) Стихотвореніе это въ настоящее время уступлено комитетомъ литературнаго фонда редакціи Московскаго сборника въ пользу голодающихъ евреевъ и вскорѣ появится на его страницахъ.

стихамъ съ покровительственной строгостью, онъ и къ посмертнымъ его рукописямъ подошелъ съ той же отечески-суровой и, потому, не совсѣмъ правильной мѣркой; многаго онъ, быть можетъ, не могъ и вообще оцѣнить въ Надсонѣ, какъ человѣкъ совершенно другого поколѣнія и душевнаго склада... Я не хочу этимъ сказать, что въ отысканныхъ мною отрывкахъ и набросkахъ читатель встрѣтитъ какіе-либо шедевры надсоновской музы, что-нибудь такое, что́ броситъ неожиданно-новый свѣтъ на его поэтическую личность, явится серьезнымъ вкладомъ въ сокровищницу русской поэзіи,—странно было бы и ожидать чего-либо подобнаго. Но мнѣ думается, что эти скромные отрывки не будутъ и тѣмъ лишнимъ балластомъ, отъ котораго затемняется и расплывается образъ писателя. Цѣнители поэзіи, навѣрное, пробѣгутъ ихъ съ живымъ удовольствіемъ, друзья и почитатели Надсона еще разъ услышатъ голосъ любимаго поэта... Сила таланта и искренности Надсона,—повторяю,—ярко бросается въ глаза даже въ самыхъ незначительныхъ набросkахъ (въ 2—3 стиха), кинутыхъ бѣглой рукой на бумагу, забытыхъ тотчасъ же и оставленныхъ навсегда безъ окончанія, безъ отдѣлки, даже порой безъ соотвѣтствующей рифмы. Въ строгомъ смыслѣ это, конечно, не художественныя творенія, но вѣдь это—живыя, искреннія слезы, теплоту которыхъ чувствуешь, боль которыхъ слышишь. Для примѣра приведу два слѣдующихъ отрывка:

I.

Порой мнѣ кажется, что жизнь не начиналась,
Что пережитое—какой-то смутный сонъ,
Что впереди еще все свѣтлое осталось...

II.

Святое, чистое, прекрасное страданье,
Стонъ, съ кровью вырванный изъ искренней души,
Мнѣ больно за тебя!..
. . . . Торгаши...

Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ эти глубоко-трогательные, на полузвукѣ оборванные стоны кажутся дороже и выше иныхъ увѣсистыхъ и безукоризненно-отдѣланныхъ поэмъ! Какая простота и вмѣстѣ, чуждая банальности, красота выраженія! „Прекрасное страданье“, „стонъ, съ кровью вырванный“ развѣ это не истинно-поэтическая образность, не чистое золото поэзіи, добытое съ помощью одной только безконечной и беззавѣтной искренности, потому что труда и творческаго пота здѣсь, очевидно, и слѣда не было?..

Неправильно однако обобщилъ бы читатель мои слова, если бы заключилъ изъ нихъ, что Надсонъ вообще мало работалъ надъ своими стихами. Именно искренность-то и заставляла его уси-

ленно трудиться. „Мукой слова“ (его выраженіе) онъ терзался всю жизнь; ему постоянно казалось, что стихи его выражаютъ совсѣмъ не то, что онъ чувствовалъ на дѣлѣ и что хотѣлъ выразить,—отсюда эти безчисленныя поправки, эти неустанные поиски новыхъ, болѣе точныхъ эпитетовъ и сравненій, новыхъ метровъ. Не помню, гдѣ-то я читалъ, будто стихъ давался ему необыкновенно легко, будто въ его черновыхъ рукописяхъ, среди множества начатыхъ и неоконченныхъ пьесъ, трудно отыскать даже и одинъ стихъ, оставшійся нерифмованнымъ; о томъ же, повидимому, свидѣтельствуютъ и прилагаемыя къ изданіямъ надсоновскихъ стихотвореній автографы различныхъ пьесъ, гдѣ число помарокъ и поправокъ обыкновенно очень невелико. Но мнѣ кажется, это ошибочное мнѣніе. Стихъ самъ по себѣ давался Надсону, конечно, очень легко, но больше всего на свѣтѣ онъ дорожилъ идеями, которымъ стихъ служитъ, и чтобы достичь полнаго соотвѣтствія внутренней своей жизни съ языкомъ своего же стиха, употреблялъ порой невѣроятное количество труда и усилій. Объ этой „мукѣ слова“ достаточно свидѣтельствуютъ, напримѣръ, черновые наброски „Грёзъ“, одного изъ лучшихъ его стихотвореній, про которое онъ самъ писалъ Плещееву, что „поработалъ“ надъ нимъ изрядно. Слѣды этой „работы“, впрочемъ, сохранились для насъ не столько въ видѣ помарокъ и надстрочныхъ поправокъ, сколько въ огромномъ числѣ *списковъ* стихотворенія, положительно безъ конца слѣдующихъ одинъ за другимъ. Очевидно, ради двухъ-трехъ новыхъ поправокъ, новыхъ стиховъ, мелькнувшихъ въ головѣ, поэтъ не лѣнился заново переписать все стихотвореніе! Быть можетъ, самый процессъ переписки внушалъ ему новыя и новыя варіаціи: стихъ подъ конецъ сглаживался до удивительной музыкальности... Такова была его обычная манера работать. Возможно, однако, еще и другое объясненіе малаго количества помарокъ въ рукописяхъ: предварительная черновая работа производилась на отдѣльныхъ листкахъ, которые потомъ уничтожались (нѣсколько такихъ листковъ уцѣлѣло), въ переплетенныя же тетради (въ сущности бѣловыя) заносились лишь, сравнительно, отдѣланные тексты стихотвореній. Сохранилось, впрочемъ, и въ этихъ тетрадяхъ нѣсколько пьесъ, испещренныхъ поправками („И крики оргіи“, „Какъ бѣлымъ саваномъ“, „Жизнь“).

Нѣсколько словъ еще о датахъ предлагаемыхъ отрывковъ. Опредѣлить ихъ съ увѣренностью большею частью, къ сожалѣнію, почти невозможно. Толстыхъ тетрадей въ переплетахъ у Надсона всегда было множество; новыя заводились далеко не по мѣрѣ исписанія старыхъ, а по какимъ-то неуловимымъ для насъ теперь поводамъ и соображеніямъ. И очень часто новыя стихотворенія вписывались въ эти тетради, какъ попало, смотря лишь по тому, какая первою подвертывалась подъ руку, гдѣ оказыва-

лись чистыя страницы. Такимъ образомъ, нѣкоторыя стихотворенія (изъ посмертныхъ), напечатанныя въ изданіяхъ подъ рубрикой 1885 или 1886 года (трудно сказать, насколько правильно), можно отыскать въ тетрадяхъ, на заголовкѣ которыхъ помѣченъ 1882 годъ и т. п. Но примириться съ этимъ пробѣломъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ еще можно, тѣмъ болѣе, что основное настроеніе Надсона почти не мѣняется въ теченіе послѣднихъ лѣтъ его литературной дѣятельности, и не такъ ужъ и важно знать, къ какому именно году относится тотъ или другой приливъ — отливъ въ его душевной жизни. Гораздо тяжелѣе примириться съ другимъ пробѣломъ—съ пропажей одной толстой тетради, относившейся къ самому послѣднему періоду жизни поэта и, по всей вѣроятности, заключавшей въ себѣ наиболѣе цѣнные отрывки и варіанты (а возможно, что и цѣлыя неизвѣстныя пьесы). Всего прискорбнѣе, что это была не простая пропажа, а присвоеніе общественной собственности путемъ грубаго и наглаго обмана...

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. Ф. Гриневичъ.

Разрѣшенныя ассоціаціи и тайныя общества въ Китаѣ.

Франческо Чероне.

Переводъ съ итальянскаго.

Съ самыхъ отдаленныхъ, доисторическихъ временъ съ необычайной силой развивалась и до громадныхъ размѣровъ развилась въ „Царствѣ Цвѣтовъ“ присущая всякому китайцу склонность собираться группами, обществами, ассоціаціями. Вы не встрѣтите ни одного китайца, который не принадлежалъ бы къ двумъ-тремъ ассоціаціямъ и не считалъ бы, что принадлежать къ нимъ составляетъ одну изъ существенныхъ потребностей жизни. Формы этихъ ассоціацій, начиная съ самыхъ первобытныхъ и простыхъ до самыхъ сложныхъ, чрезвычайно разнообразны и обнимаютъ собой всѣ проявленія не только общественной, но и частной жизни.

Образцомъ одной изъ первобытныхъ, почти безсознательныхъ,

формъ является общество *фенъ-дзе*, т. е. „брачный заемъ", напоминающій патріархальный строй жизни древнихъ народовъ. Человѣкъ хочетъ жениться; но такъ какъ расходы на разные необходимые обряды, предписываемые брачнымъ ритуаломъ, *ли*, слишкомъ велики, то родственники и друзья жениха, каждый по своему состоянію, даютъ ему небольшую сумму денегъ, которую заносятъ въ свои счетныя книги. Иногда изъ такихъ маленькихъ суммъ составляется порядочный капиталъ, и, однако, получающій его не только не платитъ процентовъ, но не обязанъ даже возвратить этотъ долгъ своимъ кредиторамъ, развѣ только въ томъ случаѣ, если они сами очутятся въ такомъ же положеніи, т. е., если имъ придется жениться или женить сына и выдать замужъ дочь. Такіе брачные займы представляютъ собой первобытную форму ассоціаціи, имѣющей одну опредѣленную и тѣсно ограниченную цѣль.

Другая же, болѣе совершенная и сложная форма денежной ассоціаціи, распространенной по всей имперіи, имѣетъ цѣлью ограждать китайцевъ отъ долговъ, тяжесть которыхъ вслѣдствіе высоты обычнаго процента по займамъ страшно обременительна, и снабжать ихъ капиталомъ, достаточнымъ для того, чтобы начать небольшую торговлю, заняться ремесломъ или развить уже начатое дѣло. Члены ассоціаціи опредѣляютъ, какую сумму каждый долженъ вносить ежемѣсячно въ общую кассу, и каждый мѣсяцъ всю эту сумму получаетъ тотъ изъ членовъ, на кого падетъ жребій. Операція эта продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ члены ни получатъ одинаковой суммы денегъ. Тогда общество можетъ разойтись или возобновиться для новой подобной же операціи; чтобы удовлетворить тѣхъ, которые по жребію пришлись послѣдними въ полученіи сборнаго капитала за мѣсяцъ и, слѣдовательно, столько мѣсяцевъ уже вносили деньги, не получая никакой выгоды, общая сумма взноса съ каждымъ мѣсяцемъ увеличивается маленькимъ процентомъ, который выплачиваютъ тѣ, которые уже получили капиталъ. Каждому объясняется при этомъ, что великая польза подобныхъ обществъ состоитъ въ томъ, чтобы доставлять членамъ разомъ значительную сумму, которую они потомъ выплачиваютъ взносами, распредѣленными по числу членовъ. Такъ какъ правительство нисколько не вмѣшивается въ управленіе и въ образъ дѣйствій подобныхъ ассоціацій, то правила и условія ихъ операцій варіируются до безконечности, смотря по различнымъ провинціямъ государства. Однако извѣстные основные принципы остаются неизмѣнными. Такъ, напр., всюду соблюдается право основателя общества получать взносъ перваго мѣсяца; всюду члены ассоціаціи обязаны аккуратно дѣлать свои взносы, подъ страхомъ потери всѣхъ предыдущихъ взносовъ въ пользу основателя общества, который лично отвѣчаетъ за каждаго члена. Но это случается чрезвычайно рѣдко. Земледѣльцы, ремеслен-

ники, мелкіе торговцы отлично понимаютъ, какую пользу приноситъ имъ ассоціація, и какъ выгодно имъ соединять свои сбереженія, поэтому всѣ они скрупулезно-добросовѣстно относятся къ своимъ обязательствамъ, и тотъ, кто не исполняетъ ихъ, „теряетъ свое лицо“, т. е. честь; а „потерять лицо“ для китайца гораздо страшнѣе, чѣмъ потерять жизнь.

Кромѣ того, каждая изъ потребностей жизни создала ассоціацію, цѣль которой состоитъ въ томъ, чтобы облегчить удовлетвореніе этой потребности. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, главнымъ образомъ въ наиболѣе населенныхъ городахъ, существуютъ общества для снабженія гробами умершихъ, не имѣющихъ родныхъ и близкихъ или совершенно неимущихъ. Это— общество разумѣется благотворительное; однако и оно не лишено своей доли эгоистическаго разсчета, хотя и скрытаго, но въ высшей степени живучаго и сильнаго, разсчета, который вообще у китайца часто является чѣмъ-то врожденнымъ, органическимъ. Погребенный безъ гроба мертвецъ (*куанъ, куанъ-дз'ай*) сталъ бы питать непримиримую ненависть къ человѣчеству, которое даже и послѣ смерти отнеслось къ нему недоброжелательно и жестоко, и тогда его *шенъ* (понятіе, соотвѣтствующее приблизительно тому, что мы называемъ *духъ*) превратится въ *куэй-шенъ*, мрачное и злое привидѣніе, неотступно мучающее и терзающее живущихъ и превращающее тѣ мѣста, гдѣ когда-то умершій влачилъ свое жалкое существованіе, въ юдоль всякихъ скорбей, болѣзней и несчастій.

Поэтому также и всѣ безчисленные бѣдняки-китайцы, ежегодно эмигрирующіе изъ Небесной имперіи въ сосѣднія и дальнія страны, всюду неся съ собой конкурренцію труда, которую ни одинъ народъ не можетъ вынести, неизмѣнно связаны контрактами и обязательствами, въ силу которыхъ они составляютъ общества и синдикаты, ограждающіе ихъ отъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій и опасностей, которымъ подвергаются эмигранты другихъ странъ, считающихъ себя гораздо болѣе цивилизованными. Въ этихъ контрактахъ все предвидѣно и опредѣлено, даже самая смерть эмигранта. На этотъ случай эмигранту гарантируется перевезеніе его тѣла обратно на родину, что считается необходимымъ условіемъ покоя умершаго.

Необыкновенная сила, которую пріобрѣтаютъ люди, соединяясь вмѣстѣ, выказывается особенно ярко въ борьбѣ противъ нѣкоторыхъ пороковъ и извѣстныхъ злоупотребленій, ускользающихъ отъ судебной власти мандариновъ и отъ Т'а-Тзингъ-лю-ли, т. е. отъ находящагося нынѣ въ силѣ свода законовъ *). Страсть къ

*) Слово «мандаринъ» совершенно неизвѣстно въ Китаѣ и сочинено первыми европейцами, проникнувшими въ эту страну. Оно, по всей вѣроятности происходитъ отъ португальскаго слова *mandar*—повелѣвать. Китайцы обозна-

азартнымъ играмъ, которая у китайцевъ не менѣе сильна нежели страсть къ опіуму, шагъ за шагомъ отступаетъ передъ борящимися съ ними ассоціаціями. Довольно часто случается, что неисправимые и упорные игроки, застигнутые членами одного изъ такихъ обществъ, бываютъ привлечены къ суду и наказаны тяжелыми пенями, или же такими ударами бамбука, которыхъ они не забываютъ во всю жизнь.

Другія общества борятся съ пьянствомъ и въ особенности съ той страстью, которая составляетъ истинный бичъ китайской націи,—съ куреніемъ опіума. Въ особенности знаменито было, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ этомъ отношеніи общество *лаоніугуей* или „Общество Стараго Быка", возникшее въ такой разбойнической мѣстности, что тамъ среди бѣлаго дня совершались самыя отчаянныя преступленія. Выведенный изъ терпѣнія все болѣе и болѣе увеличивающимся числомъ злодѣяній и продажностью судей одинъ смѣлый крестьянинъ созвалъ у себя самыхъ честныхъ и лучшихъ жителей мѣстности, пригласивъ ихъ къ себѣ на обѣдъ. Самой существенной частью пира былъ заколотый по этому случаю старый быкъ, принесенный амфитріономъ въ жертву спокойствію и благоденствію страны. И вотъ гости, отправляя въ ротъ помощью тоненькихъ палочекъ кусочки этого быка и запивая ихъ чашечками рисовой водки, *самшу,* положили основаніе обществу, задавшемуся цѣлью уничтожить разбои и мошенничества и назвали это общество по имени того животнаго, которое послужило главнымъ угощеніемъ пира. Члены этого „Стараго Быка" энергично взялись за дѣло. Поймавъ какого-нибудь убійцу, вора или просто обманщика, они немедленно отрубали ему голову. Ихъ дѣятельность въ скоромъ времени дала столь блестящіе результаты, что къ нимъ мало-по-малу присоединилось безчисленное множество новыхъ членовъ, и лига могла уже предпринять настоящую войну противъ *тзе-гуо,* т. е. противъ разбойничьихъ гнѣздъ, ютившихся въ горахъ.

Такимъ образомъ въ Китаѣ дѣйствовало и творило судъ и расправу общество, подобное тому, которое нѣкогда наводило ужасъ на всю Германію и называлось Fehmgericht. Но хотя китаецъ никогда не живетъ изолированно, хотя въ торговлѣ, въ дѣлахъ, въ городѣ и въ деревнѣ, въ путешествіи и даже послѣ смерти онъ всегда пользуется покровительствомъ и помощью обществъ и ассоціацій, къ которымъ онъ приписанъ, онъ никогда не ограничиваетъ этими обществами свой врожденный и усиленный опытомъ инстинктъ къ ассоціаціи. Пользуясь въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ всѣми благодѣяніями, какія можетъ ока-

---

чаютъ всякаго правительственнаго чиновника, принадлежащаго къ одному изъ девяти классовъ или къ одной изъ двухъ категорій, на которыя эти классы раздѣляются, словомъ *куанъ-дженъ*.

зать соединеніе индивидуумовъ въ бо̀льшія или меньшія коллективныя единицы, направленныя къ хорошей цѣли, китаецъ встрѣчается также и съ вредомъ, происходящимъ отъ ассоціацій, не имѣющихъ въ виду цѣли справедливости и взаимопомощи и легко переходитъ отъ дозволенныхъ и открытыхъ ассоціацій къ ассоціаціямъ преступнымъ и тайнымъ. Всякія сектантскія общества, которыя съ такимъ трудомъ распространяются и скрываются въ другихъ странахъ, пріобрѣтаютъ въ самое короткое время милліоны прозелитовъ между китайцами.

Правда, что національный вопросъ и жестокія нападки на желтую расу послѣ китайско-японской войны не мало способствовали распространенію сектъ, обѣщающихъ разрѣшить этотъ вопросъ или отомстить за нападки; но, съ другой стороны, вѣрно и то, что тайныя общества существовали уже гораздо ранѣе всего этого. Замѣчательно при этомъ то, что мистическое и идейное содержаніе ученія остается неизмѣнно одно и то же, и только цѣль общества мѣняется сообразно съ потребностяии времени. Иначе сказать, противодѣйствіе иноземцамъ составляютъ высшую цѣль нынѣшнихъ политическихъ тайныхъ обществъ въ Китаѣ, точно такъ же, какъ желаніе обуздать деспотическую власть Минговъ было цѣлью ихъ триста лѣтъ тому назадъ. Но самая суть философскаго ученія тѣхъ и другихъ сектъ составляютъ не два различные организма, дополняющіе одинъ другой, но единый плотный, постоянный и неизмѣняемый въ своемъ ученіи, въ своей сущности, организмъ, который измѣняется только въ своей случайной части, т. е. въ той своей специфической примѣси, которая относится къ примѣненію соціальныхъ силъ къ явленіямъ современной жизни.

Измѣненія именъ такихъ обществъ вовсе не означаютъ измѣненія въ ихъ сущности или какихъ-либо нововведеній. Это чисто внѣшнія явленія, примѣняющіяся къ нуждамъ пропаганды и составляющія одно изъ условій ихъ самозащиты. Когда какая-либо секта сдѣлалась ненавистной вслѣдствіе своей жестокости, ей необходимо бываетъ дать новое имя, чтобы толпа, ненавидящая все, что является въ формѣ несправедливости и насилія, не находила въ своей совѣсти непреодолимаго препятствія къ воспринятію ея ученія. Точно также, когда названіе какой-либо тайной ассоціаци узнается и вписывается въ сводъ уголовныхъ законовъ, который предписываетъ строжайшія наказанія и даже почти всегда смертную казнь противъ членовъ того или другого тайнаго общества, весьма естественно, что это общество принимаетъ другое имя, не внесенное въ законъ и имъ не предвидѣнное. Благодаря этой хитрости, а также благодаря тому, что многіе судьи и мандарины, изъ страха передъ этими обществами или же какъ соумышленники ихъ, примѣняютъ въ этихъ случаяхъ не духъ, а только букву закона, такія тайныя общества обыкно-

венно получаютъ по крайней мѣрѣ пятилѣтнюю отсрочку, въ теченіе которой они должны измѣнить статуты, противорѣчащіе *Т'а-Тзингъ Лю-ли* и яснымъ, не допускающимъ двойного смысла образомъ установить новое названіе секты. Поэтому изслѣдователь Китая Уили (Wylie) ошибочно утверждаетъ, что секта *Пай-ліенъ-чао*, т. е. общество Бѣлаго Лотоса, основалась послѣ воцаренія нынѣшней династіи, тогда какъ она была только продолженіемъ весьма древней секты, которая даже и подъ новымъ своимъ именемъ существуетъ съ 1350 г. нашей эры. Съ этого времени секта изъ столицы имперіи стала распространяться по деревнямъ. У нея были свои начальники; сектанты собирались по условленному паролю ночью, у нихъ были свои типографіи, помощью которыхъ они распространяли въ народѣ самыя яростныя обвиненія противъ правительства и административной власти. Уже и въ тѣ счастливѣйшія для Китая времена,—въ особенности если сравнить ихъ съ теперешними смутами—„братья Бѣлаго Лотоса“ были настоящими разбойниками, всегда готовыми убивать, поджигать и грабить, совершенно такъ же, какъ нынѣшніе боксеры. Время отъ времени лѣтописи имперіи, *Куо-ше*, разсказываютъ объ отвратительныхъ продѣлкахъ этой необузданной секты. Но тогда Небесная имперія, не бывшая еще предметомъ корыстолюбивыхъ стремленій европейскихъ цивилизаторовъ и ареной ихъ интригъ, отлично справлялась съ ними и выносила всѣ эти пертурбаціи также, какъ молодой организмъ выноситъ дѣтскія болѣзни и послѣ нихъ дѣлается еще здоровѣе и крѣпче.

Такъ напр. разсказываютъ, что въ 1622 г. Ли-Кунгъ, одинъ изъ наиболѣе опасныхъ начальниковъ секты въ Шань-тунгѣ, былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму. Этотъ фактъ уже самъ по себѣ имѣлъ громадное значеніе и могъ привести въ волненіе всѣхъ его сообщниковъ, разсѣянныхъ по провинціи. Кромѣ того, сектанты, имѣя своихъ шпіоновъ, могли не только получать всевозможныя свѣдѣнія изъ находящагося за девятью стѣнами „пурпурнаго города“, но знать все, что дѣлалось въ свитѣ „Сына Неба“. Они узнали, что *Тзунгъ-ту*, вице-король, получилъ наистрожайшія предписанія относительно заключеннаго и что предсѣдатель суда, *Пу-чингъ-ше*, и судебный слѣдователь *Анъ-чіа-ше* должны были подвергнуть Ли-Кунга самимъ жестокимъ пыткамъ, чтобы принудить его назвать своихъ сообщниковъ. Заключенный уже вынесъ первый допросъ, сохранивъ полное спокойствіе духа и геройскую стойкость. Но нельзя было вполнѣ разсчитывать на то, что онъ, ослабѣвъ отъ мученій, не поддастся вліянію свирѣпѣющихъ по мѣрѣ его упорства судей, и не вынесетъ испытанія. Поэтому, такъ какъ надо было, во что бы то ни стало, сохранить тайну и спасти высокихъ сообщниковъ, составляющихъ силу Бѣлаго Лотоса, шайка рѣшилась на отчаянное

предпріятіе. Въ судъ, наполненный публикой и полиціей, внезапно ворвалась толпа сектантовъ. Въ одну минуту мандарины были задушены, а Ли-Кунга, стоявшаго на колѣняхъ, въ униженной позѣ подсудимаго, подняли на ноги, освободили отъ оковъ и понесли, какъ тріумфатора.

Это событіе послужило началомъ долгаго и кровопролитнаго междоусобія. Сектанты были побѣждены; но, принужденные разсѣяться и скрываться, они не отказались отъ своихъ замысловъ и прошло немного времени, какъ „Бѣлый Лотосъ" снова окрѣпъ и даже сдѣлался сильнѣе прежняго.

Эта ожесточенная борьба вѣроятно не оставила бы за собой особенно чувствительныхъ слѣдовъ, если бы въ то время не возникло противъ католическихъ миссіонеровъ обвиненіе въ томъ, что они сектанты и конспираторы. Это обвиненіе впервые высказалъ *Кіо-шенъ*, мандаринъ перваго класса, который, будучи еще управляющимъ *Ли-пу* (религіозный судъ, соотвѣтствующимъ министерству вѣроисповѣданій), преслѣдовалъ католиковъ. Сдѣлавшись *Као-лао*, т. е. министромъ, и возмущенный тѣмъ, что происходило въ Шанъ-тунгѣ, Кіо-шенъ рѣшился во что бы то ни стало избавить отечество отъ иностранцевъ, которыхъ считалъ зачинщиками всѣхъ смутъ и безпорядковъ. Въ своемъ энергичномъ и бурномъ манифестѣ, разосланномъ по всѣмъ провинціямъ государства, Кіо-шенъ, нарисовавъ мрачную картину бѣдствій, которыя навлекаютъ на страну сектанты, съ презрѣніемъ указывалъ всѣмъ честнымъ людямъ на секту „Бѣлаго Лотоса" и секту „Владыки Небесъ". „Послѣдователи обѣихъ этихъ сектъ, говорилъ онъ, стремятся къ одинаково отвратительной цѣли и отличаются одинаковымъ ослушаніемъ приказамъ императора". Затѣмъ, произнеся строгій приговоръ надъ послѣдователями Лотоса, онъ продолжалъ: „Но и уставы „Владыки Небесъ" столь же ложны, такъ какъ ослѣпляютъ людей и побуждаютъ ихъ къ ночнымъ сборищамъ, заговорамъ" и т. д.

Однимъ словомъ подъ „быстрой какъ вихрь" кистью мудраго Кіо-шена возставали тѣ же обвиненія, посредствомъ которыхъ язычество, пробуя всѣ возможныя средства, старалось остановить успѣхи христіанства. Такія обвиненія были величайшей несправедливостью, такъ какъ въ то время католичество имѣло въ Китаѣ самыхъ достойныхъ своихъ представителей. Тамъ были, между прочими, патеры Ломбаръ, Ваньонъ, де-ла Рокъ, д'Андрадъ, Пантоха, Адамъ Шаль, Джуліо Алени, Джіакомо Ро и Альварезъ Семедъ, написавшій исторію христіанской миссіи въ Китаѣ. Но бросая безпристрастный взглядъ на эти уже отдаленныя событія и убѣждаясь въ томъ, что по пятамъ проповѣдниковъ шла и всегда бросалась на открытую ими дорогу толпа жадныхъ европейскихъ спекуляторовъ и интригановъ, стремящихся извлечь

наибольшую пользу для себя изъ Китая, мы не можемъ осудить мандарина-патріота за его обвиненія противъ европейцевъ.

Въ одномъ оффиціальномъ докладѣ 1771 г. сохранившемся въ запискахъ миссіонеровъ, мы находимъ нѣкоторыя интересныя указанія относительно образа дѣйствій секты „Бѣлаго Лотоса“ и о томъ, какъ отчаянно сектанты боролись противъ войскъ правительства. Мы приводимъ здѣсь дословно этотъ интересный по простотѣ и наивности формы документъ, посланный императору съ почтой, дѣлавшей шестьсотъ *ли* (приблизительно 50 верстъ) въ день.

„Я, Ку-кинъ, вице-король провинціи Танъ-си, почтительно представляю эту докладную записку „Сыну Неба“, отправляя ее съ почтой въ шестьсотъ *ли*. Появилась вредная секта, развращающая населеніе провинціи.

Мнѣ донесли о томъ, что эта секта держитъ тайныя собранія, на которыхъ читаютъ какія-то молитвы, что мѣотный мандаринъ посылалъ своихъ подчиненныхъ, чтобы прекратить такіе безпорядки; но сектанты выказали такое презрѣніе къ его власти, что оскорбили посланныхъ имъ чиновниковъ.

Я рѣшилъ, что дѣло это требуетъ моего присутствія въ Гочжоу и отправился туда, отдавъ приказаніе военнымъ мандаринамъ слѣдовать за мной по различнымъ дорогамъ съ значительнымъ числомъ войска. Такая предосторожность была необходима. Мятежниковъ было болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, отлично вооруженныхъ.

Какъ скоро они насъ увидѣли, такъ тотчасъ же стали въ ряды. По обѣимъ сторонамъ начальника ихъ Уангъ-фу-лина, стояли двѣ женщины-фанатички съ распущенными волосами, со знаменемъ въ одной рукѣ и обнаженной саблей въ другой. Онѣ призывали злыхъ духовъ и выкрикивали страшныя проклятія.

Мы выстрѣлили по нимъ изъ мушкетовъ; но онѣ сражались отчаянно. Наши бросились на нихъ съ копьями на перевѣсъ и съ саблями въ рукахъ. Сраженіе длилось почти пять часовъ. Ихъ убили 1500 человѣкъ, остальные были взяты въ плѣнъ. Я осматривалъ поле битвы. Убитый начальникъ лежалъ на землѣ. Онъ одѣтъ былъ въ широкое черное платье; на груди у него было зеркало. Обѣ находившіяся при немъ женщины также были убиты. У одной было бѣлое, а у другой черное знамя.

Трупамъ отрубили головы и, положивъ ихъ въ клѣтки, выставили для внушенія благодѣтельнаго страха народу. Въ плѣнъ взято 552 человѣка. Народъ радуется.

Ожидая приказаній вашего величества, представляю эту докладную записку“.

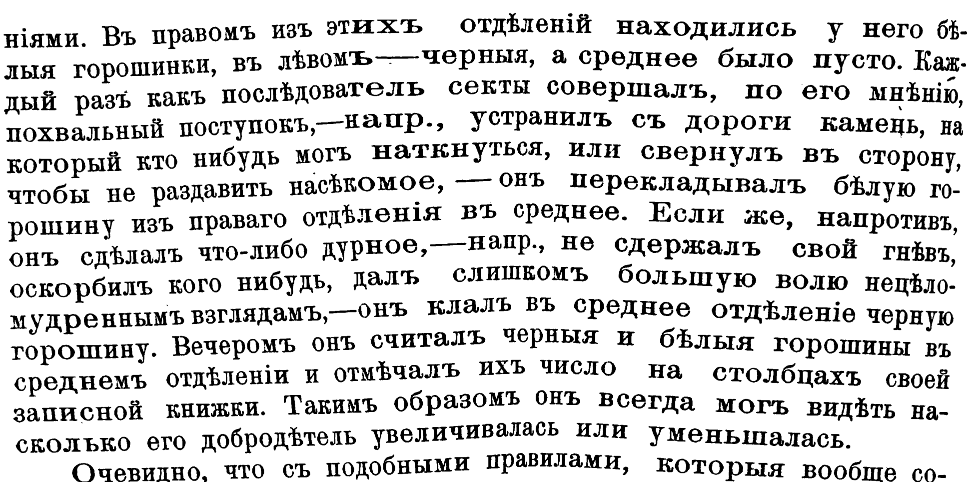
Много другихъ смутъ было усмирено подобнымъ же обра-

зомъ; но впослѣдствіи секта Бѣлаго Лотоса, *Пай-ліенъ-чао*, поднимала гораздо болѣе сильныя возстанія, наносившія громадный вредъ націи безъ всякой пользы для возставшихъ. Впрочемъ бывали случаи, что мятежники почти окончательно овладѣвали страной. Такъ напримѣръ въ царствованіе Кіа-кинга они 18 іюля 1818 г. взяли приступомъ даже императорскій дворецъ въ Пекинѣ.

Чтобы дать понятіе о безчисленныхъ и безпрестанныхъ мятежахъ Бѣлаго Лотоса, достаточно будетъ сказать, что историкъ Уэй-юанъ въ своей исторіи войнъ, которыя вела нынѣ царствующая династія, *Шенгъ-ву-ки*, посвятилъ цѣлыхъ два тома (9 и 10) описанію этихъ усобицъ. Въ теченіе долгаго періода своего существованія Бѣлый Лотосъ, по вышеупомянутымъ причинамъ, не разъ видоизмѣнялъ свое названіе. Такъ напр. въ сѣверномъ Китаѣ, въ Сечуанѣ и въ Куэй-Чжоу вовсе не знали секты *Пай-ліенъ-чао*; но за то тамъ буквально свирѣпствовала секта *Чингъ-Ліенъ-чао*, повидимому нисколько на нее не похожая. Но монсиньоръ Фонтана, католическій викарій Сечуана, человѣкъ весьма тонкаго и гибкаго ума, отлично изучившій характеръ китайцевъ, не поддался обману и сообщилъ своимъ собратьямъ, что оба эти названія означаютъ въ сущности одно и то же, такъ какъ слово *чингъ* значитъ *ясность*, *чистота* и слово *пай* т. е. *бѣлый* можетъ быть вполнѣ замѣнено словомъ *чингъ* — *чистый*, *ясный*, не переставая выражать то же самое понятіе. Слѣдовательно, совершенно безразлично, назвать-ли общество—*Бѣлый Лотосъ* или *Чистый, ясный лотосъ*. Послѣдующія событія подтвердили мнѣніе проницательнаго прелата.

Другой знаменитый миссіонеръ, Луи Симонъ Фори, католическій викарій въ Куей-Чжоу, познакомилъ насъ въ общихъ чертахъ съ ученіемъ этой распространенной и сильной секты. Патеръ Бушаръ окрестилъ подъ именемъ Петра верховнаго главу сѣвернаго *Чингъ-ліенъ-чао*, Уанга, имѣвшаго подъ своей командой двадцать шесть начальниковъ и властвовавшаго надъ пятидесятью городами. Епископъ, находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ новообращеннымъ, получилъ отъ него много достовѣрныхъ свѣдѣній относительно секты, главою которой онъ былъ столько лѣтъ.

Въ ученіи секты, съ этической точки зрѣнія, не было ничего предосудительнаго. Единственнымъ политическимъ принципомъ послѣдователи признавали необходимость освободить Китай отъ владычества татаръ, изгнать чужестранцевъ, относительно же нравственныхъ правилъ сектанты давали обѣтъ не отнимать жизни у того, что имѣетъ жизнь, не воровать, не прелюбодѣйствовать, не клеветать, не ѣсть мяса, не пить вина и соблюдать тому подобные похвальные обѣты. Тотъ, кто желалъ усовершенствоваться въ добродѣтели, носилъ на поясѣ мѣшечекъ съ тремя отдѣле-

ніями. Въ правомъ изъ этихъ отдѣленій находились у него бѣлыя горошинки, въ лѣвомъ—черныя, а среднее было пусто. Каждый разъ какъ послѣдователь секты совершалъ, по его мнѣнію, похвальный поступокъ,—напр., устранилъ съ дороги камень, на который кто нибудь могъ наткнуться, или свернулъ въ сторону, чтобы не раздавить насѣкомое, — онъ перекладывалъ бѣлую горошину изъ праваго отдѣленія въ среднее. Если же, напротивъ, онъ сдѣлалъ что-либо дурное,—напр., не сдержалъ свой гнѣвъ, оскорбилъ кого нибудь, далъ слишкомъ большую волю нецѣломудреннымъ взглядамъ,—онъ клалъ въ среднее отдѣленіе черную горошину. Вечеромъ онъ считалъ черныя и бѣлыя горошины въ среднемъ отдѣленіи и отмѣчалъ ихъ число на столбцахъ своей записной книжки. Такимъ образомъ онъ всегда могъ видѣть насколько его добродѣтель увеличивалась или уменьшалась.

Очевидно, что съ подобными правилами, которыя вообще соблюдаются довольно строго, и принимая во вниманіе эти записи проступковъ и добрыхъ дѣлъ, нельзя объяснить себѣ всѣ ужасныя, безчеловѣчныя преступленія, совершаемыя людьми, которые считаютъ грѣхомъ раздавить муравья или заглядываться на чужую *тзи*, жену или *кчіе*—вторую жену—если не принимать въ разсчетъ тѣхъ крайностей, къ которымъ приводятъ обыкновенно какъ религіозный, такъ и политическій фанатизмъ.

И дѣйствительно, когда Уангъ, въ душѣ котораго уже стали появляться сомнѣнія, приведшія, въ концѣ концовъ, его къ вѣрѣ во Христа, обратился за разъясненіемъ этого вопроса къ верховному учителю секты, онъ отвѣчалъ: „Убивать злыхъ не имѣетъ ничего общаго съ правиломъ *не отнимать жизнь у того, что имѣетъ жизнь*, потому что Небо уже отдѣлило злыхъ отъ общества живущихъ. Убивать ихъ, значитъ исполнять высшій приговоръ Неба, которое желаетъ, чтобы они не жили, а умерли. Отнимать у нихъ имущество не значитъ воровать, такъ какъ мы беремъ только то, что они не достойны имѣть, такъ какъ они уже мертвые передъ лицомъ Неба и не могутъ считаться живыми“. Этотъ софизмъ тѣмъ болѣе ужасенъ, что самымъ неизбѣжнымъ образомъ приводитъ къ убѣжденію въ необходимости убійства и грабежа. Онъ опасенъ главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ не есть достояніе какой либо націи, какого либо ученія—онъ принадлежитъ всему человѣческому роду и всегда появляется тогда, когда политическій или религіозный фанатизмъ пробуждаетъ звѣря въ человѣкѣ, овладѣваетъ всѣми его силами и не подавляетъ его ума, но, что гораздо печальнѣе,—пользуется имъ, какъ орудіемъ своихъ софизмовъ.

Но съ теченіемъ времени условія жизни Китая значительно ухудшились. Къ враждебности, которую всякій добрый китаецъ питаетъ къ притѣснителямъ своей расы, присоединилось, все болѣе и болѣе усиливаясь, негодованіе противъ безпрестанныхъ уни-

женій, которымъ близорукая дипломатія, всецѣло поглощенная интригами, подвергаетъ желтолицый народъ. Эта дипломатія заставляетъ народъ ненавидѣть тотъ прогрессъ и ту европейскую цивилизацію, которые онъ прежде, во времена великаго Хангъ-хи, принималъ охотно и благосклонно. Чувствовать себя въ позорной зависимости отъ прежняго презираемаго вассала, видѣть, какъ самыя цвѣтущія страны побережья путемъ самаго наглаго насилія занимаются такъ, какъ будто онѣ никому никогда не принадлежали, какъ будто онѣ никѣмъ не заселены—какой же народъ можетъ снести это спокойно и безучастно, какъ бы ни былъ онъ ничтоженъ и тупъ? Тѣмъ больнѣе переносить это китайскому народу, имѣющему за собою въ прошломъ цѣлые вѣка могущества, величія, славы, народу, который въ своемъ національномъ сознаніи всегда считалъ себя настолько выше европейцевъ, что никогда не называлъ ихъ иначе, какъ презрительнымъ словомъ *и*—варвары. Наименованіе это уничтожено по Тіенъ-дзинскому договору, но остается неизмѣннымъ въ обыденной жизни народа и въ народной рѣчи *). Такія причины безпорядковъ и смуты,—какъ національный вопросъ и униженіе расы чужеземцами,—не могутъ не озлоблять и не раздражать народъ и многіе китайцы считаютъ вторую причину слѣдствіемъ первой. Поэтому-то они и направляютъ всѣ свои желанія, напрягаютъ всѣ свои силы на то, чтобы достигнуть цѣли и стараются путемъ заговоровъ и революцій ускорить наступленіе того желаннаго времени, когда Китай, очищенный отъ всего чужеземнаго и навязаннаго ему, снова сдѣлается достояніемъ однихъ только китайцевъ. Къ чему приведутъ эти стремленія сказать еще, конечно, нельзя, но что они служатъ главной причиной возрастанія ужаснаго и вреднаго сектантства—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Какъ секта, называющаяся *Пай-ліенъ-чао* въ одной провинціи, въ другой называется *Чингъ-ліенъ-чао*, точно такъ же за послѣднее время открыто существованіе многихъ тайныхъ обществъ, которыя носятъ различныя имена и кажутся не имѣющими ничего общаго между собой, но которыя, если присмотрѣться къ нимъ, оказываются вѣтвями одного и того же дерева. Одна центральная тайная власть, составляетъ какъ бы ядро вокругъ котораго собираются избранные; всѣ тайныя общества находятся въ строгой зависимости отъ этого гнѣзда, разсадника сектантства,

*) Нѣмцы заняли Цзяю-Чжоу 1 ноября 1897, а получили его въ собственность по трактату 6 марта 1898; русскіе заняли Портъ-Артуръ и Таліенъ-ванъ въ дек. 1897, а уступка ихъ совершилась 27 марта 1898; французамъ уступленъ Куангъ-чу-ванъ 4 апр. 1898 и заняли его 22 того же мѣсяца: англичане заняли Вей-хай-вей 30 мая 1898, а уступка его совершена 1 іюля 1898. Китайская чернь, говоря о европейцахъ называетъ ихъ не иначе, какъ *іангъ-куей-дзе*—западные діаволы.

приспособляясь только къ мѣстнымъ обычаямъ, къ природѣ и характеру тѣхъ, кого они хотятъ вовлечь въ свою среду. Такъ, напр., магометане, которыхъ въ Китаѣ отъ 25 до 30 милл., хотя и не лишаются чести содѣйствовать освобожденію и спасенію отечества, но такъ какъ ихъ религіозные обряды совершенно отличны отъ обрядовъ прочихъ китайцевъ, то они и составляютъ особое, впрочемъ, мало извѣстное общество *гуй-гунъ-генъ*, о которомъ, однако, сообщалось много совершенно невѣрныхъ свѣдѣній. Но не смотря на то, что китайскіе послѣдователи Магомета во время знаменитой революціи въ Шанъ-Си въ 1896 г. и пытались истребить „невѣрныхъ“ китайцевъ; не смотря на эту весьма обыкновенную въ Китаѣ междоусобную войну, члены *гуй-гунъ-гена*, по отношенію къ назначенію своихъ начальниковъ и старшинъ находятся въ зависиотъ центральнаго общества, отъ котораго они происходятъ.

Такимъ же образомъ отъ главнаго общества произошелъ „любовный союзъ старшихъ братьевъ“, *Ко-гао-гуей*, имѣющій преимущественно военный характеръ. Въ союзъ поступаютъ солдаты и офицеры, и ему-то безъ особенной основательной причины Бальфуръ приписалъ неудачный исходъ войны съ Японіей. „Старшіе братья“ пытаются возбудить воинственный духъ, почти совершенно угасшій въ китайцахъ, и учатъ военнымъ пріемамъ тѣхъ изъ сектантовъ, которые предназначаются ими къ военнымъ дѣйствіямъ. Съ этой цѣлью они во многихъ мѣстностяхъ основали общества по виду сходныя съ нашими обществами гимнастики и стрѣльбы въ цѣль. Но тѣ, которыхъ англичане прозвали *боксерами*, потому что любимое ихъ упражненіе кулачный бой, уже съ давнишнихъ временъ были предназначены дѣйствовать во время революціи.

Всѣми тайными ассоціаціями Китая управляетъ могущественное и страшное общество *Санъ-хо-гуей* (союзъ трехъ). Англичане и американцы назвали это общество „тріада“, но вѣрнѣе было бы назвать ихъ обществомъ „тринитаріевъ“, такъ какъ члены его поклоняются троицѣ: *тіенъ, ти, генъ* (небо, земля, человѣкъ), соединяя ихъ въ одномъ словѣ *уангъ* (царь). Секта *Санъ-хо-гуей*, называемая также *тіенъ-ти-гуей* (общество неба и земли), выбираетъ своихъ послѣдователей изъ среды тѣхъ сектъ, которыя отъ нея происходятъ и признаютъ ее *собраніемъ учителей*, хранилищемъ мудрости и источникомъ спасенія отечества *).

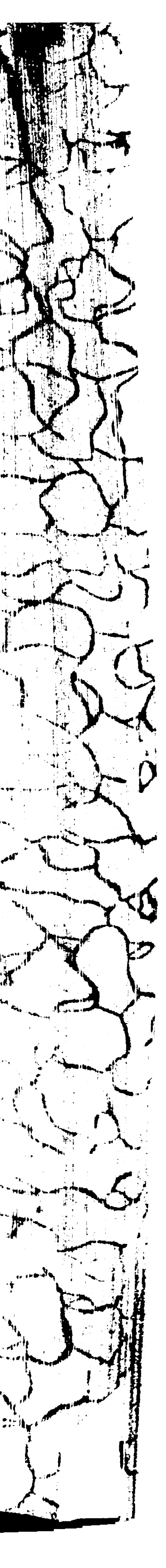
*) Это «согласіе» опирается на космогоническія вѣрованія китайцевъ, которые думаютъ, что небо, земля и человѣкъ представляютъ собой три главныя силы вселенной *Сэнъ-тсай*, изображаемыя иногда треугольникомъ или дельтой (Δ). Эти силы произошли отъ великаго абсолютнаго начала *Шіанъ-ти* стоящаго выше, чѣмъ *Тіенъ*,—небо, благодаря своему *Чи* или всемогущему

Тринитаріи имѣютъ пять главныхъ центровъ дѣйствія, кромѣ тѣхъ, которыхъ никто еще не знаетъ, а именно: въ Фо-Кіенѣ, въ Квангъ-тунгѣ, въ Юнъ-нанѣ, въ Ху-куангѣ и въ Се-кіангѣ. Могущество ихъ всегда было такъ велико, что во время царствованія Гіенъ-финга на монетахъ выбивали ихъ отличительный знакъ—слово *хо* „согласіе". Во время революцій они играли главную роль. Изъ ихъ рядовъ вышли *тай-пинги*, тѣ безстрашные мятежники, которые подъ начальствомъ *Тіенъ-ванга* (царь небесъ) изъ Квангъ-си и изъ Квангъ-тунга проникли въ Кіангъ, овладѣли Нанкиномъ въ 1853 г., прошли Ху-нанъ, достигли Чи-ли и завоевали богатыя провинціи по Кіангъ-хзу и Се-кіангъ. Даже съ помощью европейцевъ ихъ удалось усмирить только послѣ одиннадцати лѣтъ жестокой и кровопролитной борьбы (взятіе Нанкина 9 іюля 1864). Тринитаріи пользуются большимъ вліяніемъ и внѣ Китая, всюду, гдѣ находятся китайскіе эмигранты. Такъ, напр., въ Сингапурѣ къ „Обществу Неба и Земли" приписаны всѣ живущіе тамъ китайцы, и секта имѣетъ тамъ такую силу, что приговоренный къ смерти глава ея *Ку-танъ-бегъ* съ улыбкой выслушалъ на судѣ свой смертный приговоръ и заявилъ, что никто не осмѣлится его исполнить. И дѣйствительно, ему оставили жизнь изъ страха передъ ужаснымъ мщеніемъ, которое послѣдовало бы за этой казнью. Въ голландскихъ владѣніяхъ Индіи и на Филиппинахъ они также очень сильны, не разъ нападали на Манилью и грабили ее. Султанъ независимаго государства Перакъ обратился къ англичанамъ съ просьбой защитить его отъ пятидесяти тысячъ китайскихъ сектантовъ, находящихся въ его владѣніяхъ и Чарлахъ Брукъ, раджа саравакскій, долженъ былъ вести съ ними форменную войну.

Не смотря на мятежи въ Сингапурѣ и Пенангѣ, не смотря на страшное возстаніе, которое они подняли въ серединѣ прошлаго столѣтія въ Батавіи, англичане терпятъ тринитаріевъ и даже покровительствуютъ имъ. Но въ ихъ владѣніяхъ, а также и въ Сѣверной Америкѣ, *Санъ-хо-гуей* имѣетъ болѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ, видъ дѣятельнаго общества взаимопомощи, обогащается контрибуціями и поборами, подобными тѣмъ, какіе итальянскія общества каморра и мафія взимаютъ съ игорныхъ домовъ и другихъ заведеній подозрительнаго свойства. Когда арестовали за убійство начальника ихъ ложи въ Пенангѣ, оказалось, что онъ имѣетъ у себя 50 милліоновъ франковъ, такая же сумма была припрятана у одного изъ его сообщниковъ. Эти деньги, разумѣется, послѣ того, какъ жадные начальники взяли хорошую долю въ

дуновенію. Отсюда происходитъ общеизвѣстное въ Китаѣ изреченіе: *«санъ-тзай-чіо: тіенъ, ти, генъ»*, которое значитъ, что во вселенной существуютъ три силы: небо, земля, человѣкъ. Изъ этого можно заключить, что секта *Санъ-хо-гуей* стремится къ осуществленію «гармоніи вселенной».

свою пользу,—поступаютъ, по всей вѣроятности, въ кассу главнаго общества, которое распоряжается ими для военныхъ цѣлей.

„Повинуйся Небу и поступай справедливо", вотъ девизъ и лозунгъ тринитаріевъ. Они пишутъ это изреченіе на своихъ книгахъ въ началѣ каждой страницы, выставляютъ ихъ въ заголовкѣ всѣхъ документовъ; употребляютъ его, какъ привѣтствіе, чтобы здороваться и прощаться со своими и гордятся этимъ изреченіемъ, которое по своей внѣшней благонамѣренности нравится каждому китайцу. Но это только внѣшняя форма. По сущности же своей или скорѣе по тому условному значенію, которое сектанты придаютъ этому девизу, достойному самаго строгаго моралиста, его слѣдуетъ понимать такъ: „гони татаръ и водвори на престолъ Минговъ".

Но правительство не дается въ обманъ этому лицемѣрію и, умудренное опытомъ, уже въ концѣ прошлаго вѣка, ввело въ *Та-Тзингъ-лю-ли* слѣдующее строгое постановленіе:

„Всѣ бродяги и негодяи, которые держали собранія, совершали грабежи и другія насилія и принадлежатъ къ сектѣ *Тіенъ-ти-гуей* (общество Неба и Земли) подвергнутся обезглавленію, какъ только будутъ пойманы и уличены въ своихъ преступленіяхъ. Всѣ же тѣ, которые имъ помогали или побуждали ихъ къ преступленію, будутъ казнены черезъ задушеніе веревкой".

Разница между двумя этими родами казни громадна. Обезглавленіе противно тому убѣжденію всѣхъ китайцевъ, что тѣло человѣческое принадлежитъ не самому человѣку, а тѣмъ, кто создалъ его, т. е. родителямъ, поэтому большинство китайцевъ предпочитаютъ смерть всякой хирургической ампутаціи. Кромѣ того, эта казнь оскорбляетъ религіозное вѣрованіе китайцевъ, которые думаютъ, что обезглавленные, явившись на высшее судилище безъ головы, будутъ неминуемо осуждены на вѣчныя муки.

Однако, не смотря на строгость наказанія, значеніе котораго еще увеличивается въ силу народныхъ вѣрованій, число поступающихъ въ общество *Санъ-хо-гуей* громадно вслѣдствіе того, что носитъ, повидимому, такой строго-нравственный характеръ и тщательно скрываетъ свои политическія цѣли. И этотъ-то, часто, впрочемъ, внѣшній, суровонравственный характеръ общества ясно показываетъ, что тринитаріи ничто иное, какъ преемники и наслѣдники „Бѣлаго Лотоса", и что „Общество Неба и Земли" возникло, по всей вѣроятности, въ царствованіи Юнгъ-Ченга (1723—1735), какъ вѣтвь древняго *Пай-ліенъ-чао* и, какъ это часто случается въ исторіи тайныхъ обществъ, поглотило секту, отъ которой произошло.

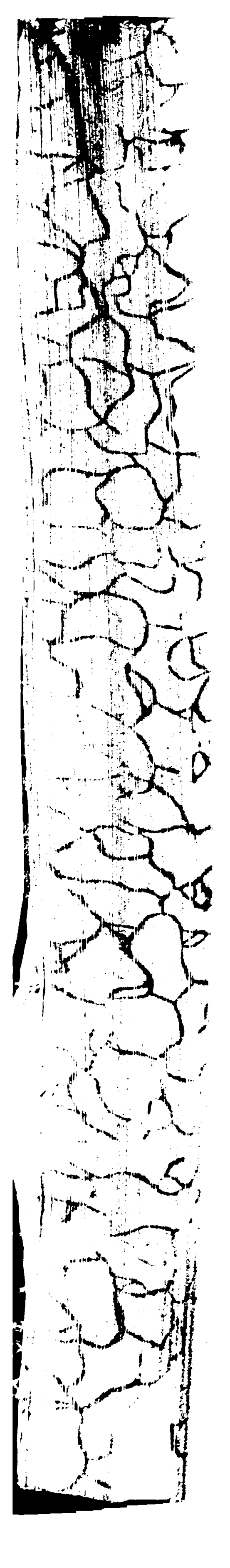
Но это происхожденіе секты тщательно скрывается отъ тѣхъ, кто поступаетъ въ нее. Причиной возникновенія тайнаго общества всегда должно служить какое нибудь ужасное кровавое событіе, какое нибудь жестокое и возмутительное насиліе, вызы-

вающее необходимость такой ассоціаціи, для того, чтобы миссія этой ассоціаціи казалась дѣломъ рокового высшаго правосудія, котораго ничто остановить не можетъ. Поэтому въ низшихъ степеняхъ массонства распространяютъ ученіе о томъ, что смерть Гирама, измѣннически убитаго тремя товарищами, послужила будто-бы основой этого всемірнаго союза, между тѣмъ какъ высшимъ степенямъ объясняютъ, что это ничто иное, какъ одинъ изъ миѳовъ солнца. Гораздо проще и болѣе современно то событіе, которое выдается прозелитамъ тринитаріевъ за начальную причину ихъ миссіи. Вотъ какъ разсказываютъ это событіе, символическое значеніе котораго еще не выяснено.

Въ царствованіи Кангъ-хи, говорятъ учители секты, возстало подъ начальствомъ Каль-дана монгольское племя элевтовъ. Владычество татаръ подвергалось большой опасности, такъ какъ мятежники могли возстановить уничтоженное войско побѣжденныхъ, которое, благодаря своей численности, могло разбить и изгнать побѣдителей. Великій богдыханъ, испугавшись этой опасности (нечего и говорить, что это сказка), вмѣсто того, чтобы призвать своихъ министровъ и сановниковъ, обратился за помощью къ народу и указомъ обѣщалъ тѣмъ, которые спасутъ имперію, десять тысячъ унцій золота и наслѣдственное дворянство третьяго класса, что равняется титулу графа и въ тѣ времена давало власть надъ десятью тысячами семей.

Тогда сто двадцать восемь бонзъ изъ монастыря Ксіао-лингъ-хзи на Фокіенскихъ горахъ, обѣщали истребить элевтовъ безъ помощи войска и вполнѣ успѣшно окончили предпріятіе. Богдыханъ хотѣлъ осыпать ихъ величайшими почестями; но они не приняли ничего, кромѣ десяти тысячъ унцъ золота, возвратились въ монастырь и продолжали вести свой прежній аскетическій образъ жизни. Мандарины, озлобленные на нихъ за то, что они совершили подвигъ, на который ихъ не считали способными, составили злодѣйскій заговоръ и неожиданно напали на нихъ съ многочисленнымъ отрядомъ войска. Только восемнадцать бонзъ спаслись отъ истребленія и унесли съ собой печать и волшебный мечъ своего начальника. Послѣ вторичнаго нападенія ихъ осталось только пять человѣкъ, а одинъ генералъ, ихъ единомышленникъ, былъ задушенъ. Тогда вдова его и пять торговцевъ лошадьми изъ Се-кіанга и Шанъ-тунга присоединились къ пяти бонзамъ и вмѣстѣ съ ними, такъ же, какъ и девять магистровъ массонскаго ордена послѣ убіенія Гирама, принялись подготовлять отмщеніе, которое заключается въ изгнаніи татаръ изъ Китая.

Само собой разумѣется, что эта легенда не имѣетъ никакого историческаго основанія и представляетъ собой чистѣйшую фантазію. Война элевтовъ — событіе, не особенно отдаленное, подробно описывается китайскими хрониками и обстоятельно изложена въ реляціи, написанной самимъ Кіенъ-лонгомъ (эта война про-

исходила въ царствованіе этого императора, второго преемника Хангъ-хи), переведенной и комментированной знаменитымъ о. Аміо въ мемуарахъ іезуитскихъ миссіонеровъ. Но нигдѣ не встрѣчается что нибудь напоминающее странную легенду о ста двадцати восьми бонзахъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ фантастическій разсказъ, изобрѣтенный, можетъ быть, однимъ изъ начальниковъ секты *Пай-ліенъ-чао* вѣроятно имѣетъ символическое значеніе, которое, однако, не смотря на всѣ изслѣдованія синологовъ, не удалось разъяснить. На этомъ символѣ и основывается главнымъ образомъ вся церемонія посвященія въ секту.

Объ этой церемоніи мы также ничего бы не узнали, если бы этой могущественной сектѣ англичане не покровительствовали столько же, сколько ихъ преслѣдуетъ китайское правительство. Поэтому въ Малаккѣ, напримѣръ, тайныя собранія тринитаріевъ никогда не обставляются такими предосторожностями, какъ въ Китаѣ. Нѣкто мистеръ Пичерингъ, англичанинъ, досканально знавшій всѣ обычаи китайскихъ эмигрантовъ, входившій въ ихъ интересы и пользовавшійся такимъ вліяніемъ между ними, что для него создана была особая должность „покровителя китайцевъ“, могъ иногда присутствовать на такихъ собраніяхъ. Сборища эти должны бы были происходить въ лѣсахъ или въ горахъ въ воспоминаніе жестокихъ преслѣдованій, которымъ подвергались тринитаріи со стороны мандариновъ; но въ странахъ, подчиненныхъ англичанамъ, они происходятъ просто въ зданіяхъ, назначеніе которыхъ ни для кого не составляетъ тайны.

Когда новый членъ принимается въ общину, у дверей зданія ставится привратникъ, держащій красную палку. Неофитъ долженъ сжать въ рукахъ эту палку и произнести слѣдующее четверостишіе:

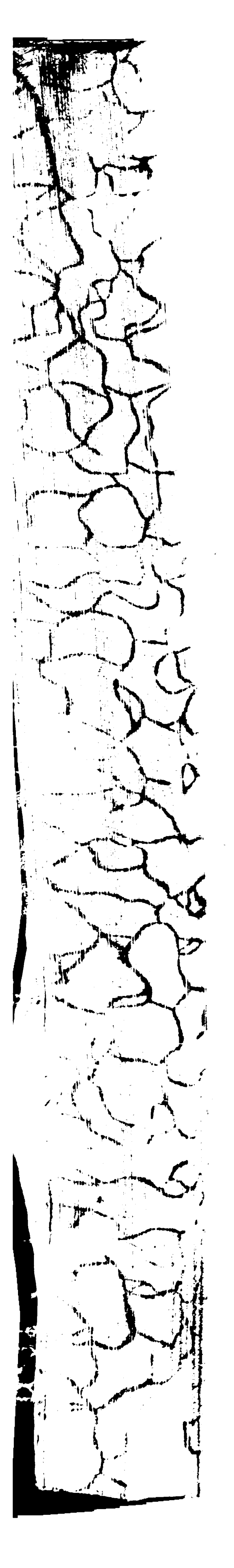
Я сжимаю красную палку въ рукахъ,
На моемъ пути къ собранію нѣтъ никакой опасности.
Ты спрашиваешь меня, братъ, куда я иду;
Ты пришелъ раньше меня, но я хожу медленно.

Общество наказываетъ смертью черезъ обезглавленіе, т. е. самой страшной для китайца, по вышеупомянутымъ причинамъ, смертью того, кто, не зная или плохо зная это странное четверостишіе, осмѣлится переступить черезъ порогъ собранія. Кто точно и отчетливо произнесетъ стихи, вводится въ *залъ искренности и справедливости,* проходитъ залъ, называемый *городомъ ивъ,* достигаетъ *павильона съ красными цвѣтами,* гдѣ возвышается главный алтарь и рядомъ съ нимъ каѳедра Сіена-сенга, магистра этой ложи. По ритуалу требуется также, чтобы неофитъ посѣтилъ *кругъ неба и земли, мостъ обѣихъ осей,* изъ которыхъ

одна—желѣзная, другая—мѣдная, затѣмъ *пылающую печь* и, наконецъ,—*храмъ добродѣтели и блаженства.*

Но прежде, чѣмъ взойти въ *Базаръ всесвѣтнаго мира*, гдѣ совершается посвященіе, неофита приводятъ въ комнату рядомъ съ *Базаромъ* и здѣсь, очищенный множествомъ омовеній и одѣтый въ совершенно новую бѣлоснѣжную одежду, онъ дѣлается достойнымъ вступить въ братство. Одинъ изъ высшихъ членовъ ложи представляетъ его, ручаясь за то, что онъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ не будетъ спорить ни съ однимъ изъ членовъ общества и въ теченіе трехъ лѣтъ не преступитъ ни одного изъ тридцати шести пунктовъ присяги. Затѣмъ онъ беретъ неофита за руку, ведетъ его въ *Базаръ*, заставляетъ встать на колѣни и стоять все время, пока медленно читается вслухъ присяга. Этой присягой неофитъ обѣщаетъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ соблюдать уваженіе къ родителямъ, что для китайца означаетъ то же, что полнѣйшее подчиненіе начальникамъ; обѣщаетъ считать товарищей, къ какому бы классу они ни принадлежали, своими братьями, соблюдать съ точностью всѣ правила, предписывающія дѣла благотворительности и добродѣтели. Послѣ этихъ обѣтовъ, которые каждому, кто не знаетъ, что въ Китаѣ всегда стараются облечь самыя дурныя дѣйствія и намѣренія въ хорошія и честныя формы, покажутся болѣе приличными для монаховъ, нежели для людей, принадлежащихъ къ мятежной и жестокой сектѣ, неофитъ клянется, что никогда не будетъ укрывать *змѣй,* т. е. манчжурскихъ шпіоновъ, между *драконами,* т. е. между вѣрными китайцами и обѣщаетъ сохранять объ обществѣ строжайшую тайну подъ страхомъ, что ему отрубятъ ухо и накажутъ 108 палочными ударами при первомъ малѣйшемъ нарушеніи обѣтовъ и смертью при второмъ.

Послѣ того какъ неофитъ произнесъ клятву, всѣ встаютъ, извлекаютъ каждый по нѣскольку капель крови изъ правой руки, смѣшиваютъ эту кровь въ знакъ братства и пьютъ чай. Затѣмъ, чтобы ясно показать свое отвращеніе къ манчжурской династіи, которая, взойдя на престолъ (1643), путемъ жестокихъ репрессалій установила обычай—брить головы, оставляя лишь на макушкѣ небольшое количество волосъ, которые собираются и заплетаются въ косичку, всѣ присутствующіе распускаютъ свои косички въ память тѣхъ прекрасныхъ временъ, когда Китай принадлежалъ китайцамъ, и всѣ „черноволосые" имѣли волосы не хуже Авессалома. Иногда неофиту отрѣзаютъ косичку и это служитъ главнѣйшимъ обрядомъ посвященія, впрочемъ, только въ теоріи, такъ какъ на практикѣ, въ особенности въ Китаѣ, гдѣ находятся въ силѣ строгія предписанія Та-Тзингъ-лю-ли, это оказывается неудобнымъ, потому что лишеніе косы, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, составляетъ внѣшній отличительный признакъ, могущій обратить на подвергающагося этой операціи

вниманіе полиціи. Однако наиболѣе ревностные послѣдователи секты, опасающіеся отрѣзать себѣ косичку, скрываютъ этотъ недостатокъ такъ же, какъ это дѣлаютъ плѣшивые, нося фальшивыя косы.

Между тѣмъ *Сіенъ-сенгъ* кладетъ на алтарь и вокругъ него необходимые для совершенія обряда предметы: мѣру риса, на которомъ лежатъ 108 сапекъ, завернутыхъ въ красную бумагу, и знамена „пяти предковъ“ *). Эти знамена имѣютъ треугольную форму, они разныхъ цвѣтовъ и на каждомъ изображено имя одного изъ пяти бонзъ, основателей общества, а также имя той провинціи, въ которой этотъ бонза основалъ ложу: Фо-кіенъ имѣетъ черное знамя, Кванъ-тунгъ — красное, Юнъ-Нанъ — желтое, Ху-кванъ — голубое, а Се-кіангъ — зеленое. Кромѣ того, тутъ находятся еще пять знаменъ, напоминающихъ легендарныхъ пять торговцевъ лошадьми и означаютъ пять другихъ провинцій: Квангъ-хси, Шань-си, Се-чуанъ, Кангъ-си и Кіангъ-си.

Другія знамена представляютъ собою пять элементовъ: черное означаетъ воду, красное—огонь, зеленое—дерево, бѣлое—металлъ, желтое—землю; еще четыре знамени изображаютъ времена года: зеленое—весну, красное—лѣто, бѣлое—осень и черное—зиму. Затѣмъ, семь знаменъ представляютъ свѣтила: Солнце, Луну, Венеру, Юпитера, Меркурія и Сатурна; голубое знамя изображаетъ небо, желтое—землю, красное—солнце, бѣлое—луну. Четыре самыхъ нарядныхъ, блестящихъ и большихъ знамени представляютъ четыре страны свѣта и четыре четверти, на которыя раздѣляются двадцать восемь созвѣздій китайской астрономіи. Черное знамя означаетъ сѣверъ, гдѣ находится полярная звѣзда и гдѣ царствуетъ „мрачный воинъ“; красное означаетъ югъ, гдѣ отдыхаетъ солнце и гдѣ живетъ „золотая птица“; зеленое—востокъ, гдѣ солнце восходитъ и гдѣ властвуетъ „голубой драконъ“, и, наконецъ, бѣлое—западъ, гдѣ солнце садится и гдѣ царитъ „бѣлый тигръ“.

Кромѣ этихъ символовъ, очевидно, выражающихъ космогоническія вѣрованія секты, *Сіенъ-сенгъ* выставляетъ восемь триграммъ *Па-куа:* знамя *Побѣдоноснаго братства* желтаго, краснаго и малиноваго цвѣтовъ, желтый зонтикъ, знаки отличія четырехъ главныхъ начальниковъ, знамя главнаго генерала и, наконецъ, „па-

---

*) Сапека, *тэіенъ*, составляетъ тысячную часть таэля, называемаго по китайски *леангъ*. Таможенный таэль, *хай-кванъ*, самая нормальная монета, равняется по нынѣшнему курсу 3 фр. 75 с. Сапеки имѣютъ въ серединѣ дырочку, обыкновенно нанизываются по тысячи и составляютъ, такъ назыв., «нанизку». Такъ какъ по китайскимъ понятіямъ небо кругло, а земля квадратна, у сапеки которая кругла, какъ небо, дырочка—квадратна, какъ земля: это, по мнѣнію символистовъ, представляетъ бракъ Неба и Земли и изображаетъ совершеннаго человѣка.

мятную дощечку“ пяти предковъ. Направо отъ этой дощечки кладутся: драгоцѣнное зеркало, шпага и ножницы; налѣво:—мѣра длины, ножны шпаги, вѣсы, „четыре сокровища письменнаго стола“ и пять мотковъ шелку: бѣлый, красный, зеленый, желтый и черный *).

Каждый разъ, какъ при какомъ-либо торжественномъ случаѣ выставляются эти дощечки, предкамъ предлагается также и угощеніе и ставятъ: пять чашекъ чаю, пять чашекъ вина, пять мисокъ риса, пять паръ палочекъ (для того, чтобы ѣсть рисъ), три рода жертвеннаго мяса (свинина, курица и утка), табакъ и затѣмъ еще семь зажженныхъ лампадъ и двѣ толстыя красныя свѣчи. Когда, такимъ образомъ, окончилось символическое убранство комнаты, магистръ начинаетъ исчислять вины манчжурской династіи относительно китайцевъ, разсказываетъ о подвигахъ бонзъ Фо-кіена, вспоминаетъ о страданіяхъ этихъ жертвъ, жестокости пришельцевъ и приглашаетъ *Сіенъ-гунга,* начальника авангарда, прочитать 333 параграфа, содержащихъ въ себѣ все ученіе секты. Послѣ этого поученія, продолжающагося болѣе часа, зажигаются свѣчи, предлагается вино, и неофитъ вступаетъ въ братство. Ему выдаютъ дипломъ и научаютъ его различнымъ способамъ узнавать своихъ. Въ манерѣ держать зонтикъ, подавать трубку опіума, наливать чай, пить его, въ манерѣ ходить, стоять, во взглядѣ, въ жестахъ, въ манерѣ держать себя — во всемъ члены секты проявляютъ нѣчто особенное, неуловимое для непосвященнаго, но это не ускользаетъ отъ внимательнаго взгляда „брата“ и это заставляетъ его сердце забиться радостью при встрѣчѣ другого „брата“ тѣмъ сильнѣе, что радость эту необходимо скрыть отъ постороннихъ.

Съ весьма небольшими варіаціями церемонія посвященія совершенно одинакова во всѣхъ провинціяхъ и во всѣхъ вѣтвяхъ секты, носящихъ даже другое названіе, нежели большая, могучая секта. Это потому, что космогоническое ученіе ея у всѣхъ тождественно, какъ тождественна и политическая цѣль, къ которой всѣ эти секты стремятся съ одинаковымъ рвеніемъ и одинаковой вѣрой. Этимъ же объясняется невообразимо громадное число послѣдователей секты, число, которому нѣтъ равнаго въ исторіи тайныхъ обществъ Европы. Это можно объяснить только совершенно особенными условіями жизни подданныхъ Сына Неба.

Особая склонность къ ассоціаціямъ, о которой мы уже гово-

*) Подробное объясненіе того, что такое эти «памятныя дощечки», какое значеніе онѣ имѣютъ у китайцевъ, заняло бы слишкомъ много мѣста; поэтому мы скажемъ только, что на нихъ пишутъ имена умершихъ, и общераспространенное вѣрованіе заключается въ томъ, что духъ умершихъ живетъ въ этихъ дощечкахъ.—Четыре сокровища письменаго стола—это чернила, камень стирающій чернила, бумага и кисть.

рили, и вѣками пріобрѣтенный опытъ относительно выгодъ, представляемыхъ соединеніемъ единичныхъ энергій въ одну могучую силу, служитъ причиной тому, что въ Китаѣ непрерывно умножается число тайныхъ и явныхъ обществъ, лигъ, братствъ и союзовъ. Къ тайнымъ обществамъ ихъ влечетъ особенная черта ихъ характера—любовь къ таинственному, къ сокровенному. Если уже съ близкимъ пріятелемъ китаецъ, даже безъ всякой предвзятой цѣли, никогда не высказываетъ всю свою мысль, если въ литературѣ такъ же, какъ въ жизни, разговоръ китайцевъ всегда имѣетъ нѣчто неувѣренное, неясное, недосказанное, что даетъ вамъ понять многое, ничего не утверждая опредѣленно, то понятно, что имъ должны нравиться скрытность, притворство, искусно выдуманная ложь, однимъ словомъ, все, что составляетъ необходимую принадлежность заговоровъ и тайныхъ обществъ.

Однако, кромѣ этихъ чисто прирожденныхъ причинъ, которыя влекутъ китайцевъ къ тайнымъ сборищамъ и сходкамъ, дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ еще и другія причины, еще болѣе важныя, происходящія отъ административнаго устройства Китая. Такое необозримо-обширное государство не можетъ быть управляемо такъ, чтобы въ его гигантскомъ механизмѣ не скрипѣло ни одно колесо и не случалось неизбѣжныхъ инцидентовъ. Какъ бы ни зорко слѣдила за всѣмъ центральная администрація въ Пекинѣ, невозможно, чтобы губернаторы и провинціальные администраторы, въ особенности въ провинціяхъ, отстоящихъ на цѣлые мѣсяцы пути отъ столицы, не злоупотребляли своей властью, вполнѣ разсчитывая на безнаказанность. Такія злоупотребленія случаются во всѣхъ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ центра управленія и не въ одной только Небесной Имперіи. Какъ бы то ни было, противъ самовластія и злоупотребленій мѣстныхъ чиновниковъ, для защиты личныхъ интересовъ не остается иной защиты, какъ только тайныя ассоціаціи. Въ этомъ отношеніи онѣ имѣютъ явное сходство съ тайными обществами Европы. Напоминая собой мрачный *Fehmgericht*, эти ассоціаціи, по взаимной помощи, оказываемой ихъ членами между собой, напоминаютъ также *каморру* и *мафію*, которыя въ началѣ своего существованія были исключительно оборонительными учрежденіями, имѣвшими цѣлью защитить своихъ членовъ отъ тиранніи притѣснителей. Если и была такова же первоначальная цѣль тайныхъ китайскихъ обществъ, то послѣ манчжурскаго завоеванія и сверженія Минговъ, она отошла на второй планъ по отношенію къ національному дѣлу, которое взяло на себя тайное общество въ виду того, что безбожная тираннія не допускала другого способа дѣйствій. Эти тайныя общества теперь противодѣйствуютъ корыстолюбивымъ посягательствамъ европейцевъ, и нельзя не удивляться тому, что они, послѣ двухъ съ половиной вѣковъ борьбы, все еще сохра-

нили въ себѣ горящее пламя ненависти къ побѣдителю и любовь къ независимости.

Соприкосновеніе съ европейцами безъ сомнѣнія сообщило ассоціаціямъ большую твердость и опредѣленность цѣли и методовъ, но было бы большой несправедливостью упрекать, какъ это дѣлали нѣкоторыя газеты, католическихъ миссіонеровъ въ принадлежности къ тайнымъ обществамъ.

Самый большой и самый серіозный упрекъ, который могутъ сдѣлать имъ въ Китаѣ, упрекъ, который высказывалъ Кіошенъ, а другіе постоянно повторяютъ за нимъ, заключается въ томъ, что они составляютъ постоянно новые заговоры на своихъ тайныхъ собраніяхъ. Это происходитъ отъ того, что миссіонеры, какъ люди весьма осторожные и опытные въ политикѣ, всегда старались дѣйствовать такъ, чтобы не навлекать на себя подозрѣній и не давать никакого законнаго повода къ преслѣдованію. Стоитъ только вспомнить, какими тонкими и искусными предосторожностями монсиньоръ Фора, апостолическій викарій Куей Чжоу, окружилъ крещеніе Петра Уанга, верховнаго главы секты *Чингъ-ліенъ-чао*, и отдалилъ подозрѣнія, которыя могло внушить такое значительное событіе.

Но если многіе подлинные документы и доказываютъ, что по отношенію къ тайнымъ обществамъ католическіе миссіонеры никогда не забывали правилъ самой элементарной осторожности и всегда держали себя съ большимъ тактомъ, то, съ другой стороны, нельзя отрицать, что нѣкоторыя европейскія націи оказывали сектантамъ немалое покровительство, желая заручиться львиной долей въ раздѣлѣ наслѣдства умирающаго Дальняго Востока. Уже много лѣтъ тому назадъ заключали довольно тѣсные союзы съ начальниками отдѣловъ тайныхъ китайскихъ ассоціацій. Когда же послѣ всѣхъ промаховъ британской дипломатіи во время китайско-японской войны, престижъ Англіи какъ будто поблѣднѣлъ передъ могуществомъ Россіи и Франціи, одинъ кантонскій публицистъ, Хангъ-ю-вей, экзальтированный юноша, довольно искусно владѣющій перомъ (или скорѣе кистью) и пріобрѣтшій, вслѣдствіе своего знанія „классиковъ“, большой почетъ въ своемъ городѣ, былъ поднятъ на щиты всей англійской печатью за то, что съ неистовымъ азартомъ проповѣдывалъ реформы и нововведенія, а болѣе скрытымъ образомъ высказывалъ націоналистическія стремленія. Газеты *China Mail*, Гонъ-Конгская *Daily Press*, Шанхайская *North China Daily News* и другія восхваляли на всѣ лады смѣлаго революціонера, котораго вскорѣ провозгласили „новымъ Конфуціемъ“. Облегченный созданнымъ вокругъ него престижемъ, онъ сдѣлался главнымъ жрецомъ и органомъ сектантовъ, которые способствовали его возвышенію, чтобы удобнѣе прятаться за него. Этому „апостолу цивилизаціи“ захотѣли создать каѳедру, съ которой онъ могъ бы проповѣдывать китайцамъ новое слово, и пу-

темъ разныхъ происковъ и тайныхъ протекцій ему удалось основать газету *Вангъ-пао*, которую съ восторгомъ привѣтствовали всѣ тайныя общества, и которую поддерживали не столько китайскія деньги, сколько британское золото.

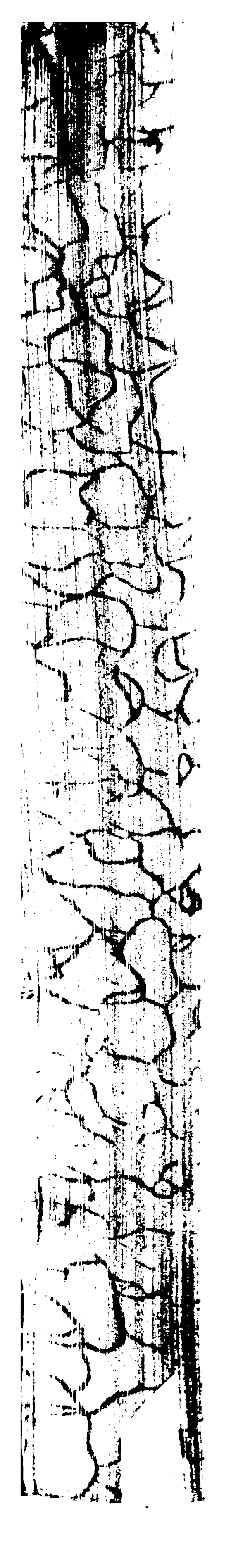
Съ этого времени тайныя общества въ Китаѣ приняли угрожающіе размѣры и даже послѣ того, какъ энергичная Тсе-хси, носящая титулъ *Хси-тай-гу* (регентша западной палаты) государственнымъ переворотомъ, совершеннымъ ею въ ночь съ 21 на 22 сентября 1898 г., разрушила хитросплетенный заговоръ противъ Квангъ-хси, ея внука, эти тайныя ассоціаціи не отказались отъ своего дѣла, но продолжали свою работу во тьмѣ и молчаніи. Восемнадцать мѣсяцевъ послѣ этого фіаско, котораго не могли забыть англичане, тайныя общества подняли знамя возстанія. Исторія покажетъ, внезапно ли и неожиданно произошелъ этотъ взрывъ, или же онъ былъ подготовленъ задолго. Она откроетъ также, не чужеземное ли вліяніе раздуло пламя и вооружило *боксеровъ*, которые въ тайныхъ китайскихъ ассоціаціяхъ составляютъ, такъ назыв., *дѣйствующую силу*. Однако, мы не можемъ отрицать того, что и боксеры, и тринитаріи, и другіе сектанты— всѣ они сражаются и борятся за независимость своей родины.

Изъ Болгаріи.

Если читатель интересовался болгарскими дѣлами хотя бы, напримѣръ, въ періодъ паденія кабинета Стоилова и вступленія во власть министерства „либеральной партіи“, онъ не могъ не обратить вниманія на тѣ крайне противорѣчивыя оцѣнки и комментаріи, которыми сопровождались въ мѣстной прессѣ, а отчасти, и въ корреспонденціяхъ изъ Болгаріи, печатавшихся въ европейскихъ газетахъ, — происходившіе тогда въ странѣ выборы въ народное собраніе. Въ то время, какъ въ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ кругахъ ихъ славословили на всѣ лады, какъ „первые въ болгарской избирательной практикѣ истинно свободные выборы“, оппозиція — а съ нею и такъ называемая здѣсь „независимая“ печать—громко называла ихъ „полицейскими“ и „кровавыми“, запятнанными всевозможными насиліями и беззаконіями со стороны правительственныхъ шаекъ и представителей какъ мѣстной, такъ и центральной администраціи. Въ то время, какъ одни съ восторгомъ говорили о вновь избранной камерѣ, какъ о „самой интеллигентной въ парламентской исторіи

Болгаріи“ и не находили словъ для восхваленія „патріотизма“ избирателей, „вставшихъ, какъ одинъ человѣкъ, на защиту своихъ принциповъ и своей партіи“, другіе съ такою же увѣренностью кричали о „безпримѣрномъ невѣжествѣ полицейскихъ избранниковъ“ и съ негодованіемъ протестовали противъ „преступныхъ маневровъ“, недопустившихъ до голосованія громаднаго большинства“ избирателей, и т. д., и т. д. Кто знакомъ съ Болгаріею не со вчерашняго дня, тотъ прекрасно знаетъ, что такая же исторія происходитъ при всякихъ выборахъ; болѣе того, что подобное столкновеніе противорѣчивыхъ слуховъ, утвержденій и оцѣнокъ имѣетъ тутъ мѣсто обязательно и неизбѣжно при всякомъ сколько нибудь важномъ политическомъ актѣ. Обусловливаясь крайнимъ обостреніемъ партизанскихъ страстей и напряженностью всепроникающей политической борьбы, это явленіе стало здѣсь до такой степени привычнымъ и какъ бы естественнымъ, что никого оно не поражаетъ, и никто имъ ничуть не смущается. Съ нимъ всѣ мирятся,—и даже довольно охотно, потому что тотъ же партизанскій духъ царитъ здѣсь безраздѣльно не только въ политической прессѣ или среди активныхъ политикановъ, но и во всемъ обществѣ. Въ древней Греціи Діогенъ тщетно искалъ съ фонаремъ *человѣка*. Въ современной Болгаріи онъ съ такимъ же успѣхомъ искалъ бы людей, которые были бы свободны отъ того или иного партійнаго ослѣпленія и сколько нибудь знакомы съ добродѣтелью, именуемою терпимостью, для которыхъ истина представляла бы интересъ сама по себѣ, и которые не успокаивались бы такъ легко на завѣдомой лжи, разъ только эта ложь играетъ въ руку ихъ партійнымъ цѣлямъ и льститъ ихъ партійному самолюбію... Таковъ ужъ традиціонный характеръ болгарской политической прессы. Такова и вся вообще болгарская періодическая печать, не исключая даже и „научно-литературныхъ“ журналовъ. Такова, наконецъ, и вся здѣшняя жизнь, въ которой нѣтъ мѣста нейтральному положенію и истинно независимымъ убѣжденіямъ.

Добираться въ такой средѣ до истины — не легкое дѣло, и посторонній мѣстному партизанству наблюдатель болгарскихъ общественно-политическихъ отношеній никогда не можетъ быть увѣренъ, что ему удалось въ этомъ отношеніи благополучно избѣжать всѣхъ мелей и скалъ, которыми усѣянъ его путь. Главный источникъ, къ которому въ качествѣ культурнаго европейца привыкъ онъ обращаться за разъясненіемъ своихъ сомнѣній и за правдивыми свидѣтельствами—независимая печать—блистаетъ здѣсь своимъ отсутствіемъ. Ея же мѣстный суррогатъ или не даетъ ему никакого отвѣта на вопросы, или сообщаетъ не менѣе тенденціозные слухи и свѣдѣнія, чѣмъ тѣ сплетни, которыя разносятъ въ жадной до скандаловъ публикѣ оффиціозные органы борющихся между собою партій. Неудивительно, что при такихъ

условіяхъ ему постоянно приходится спотыкаться и впадать въ тѣ или другія ошибки и преувеличенія въ зависимости отъ характера источниковъ, которыми онъ въ данномъ случаѣ пользуется. А не пользоваться такими подозрительными источниками совсѣмъ—невозможно, потому что въ отсутствіи въ этой области какихъ нибудь точныхъ и объективныхъ данныхъ, только они, въ концѣ концовъ, и держать наблюдателя „въ теченіи“ мѣстной политической жизни. Вотъ и приходится поневолѣ прибѣгать къ нимъ при всякомъ случаѣ, употребляя въ качествѣ коррективовъ собственныя личныя впечатлѣнія, по необходимости отрывочныя, неполныя и случайныя.

Особенно неудобенъ подобный способъ добираться до истины въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о выборахъ. Они происходятъ одновременно по всей странѣ, и потому „лично“ за ними не услѣдишь; съ „собственными впечатлѣніями“ далеко не уйдешь. Полагаться же на „достовѣрныя свѣдѣнія“ изъ обычныхъ мѣстныхъ источниковъ тутъ еще рискованнѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. А между тѣмъ вѣдь именно въ выборахъ должны съ наибольшею рельефностью и силою проявляться истинныя политическія отношенія въ странѣ, именно они являются лучшимъ отраженіемъ ея дѣйствительнаго политическаго настроенія. Тутъ именно было бы нужно избѣгнуть одностороннихъ освѣщеній и открыть истину, и тутъ, поэтому, особенно сильно чувствуетъ добросовѣстный наблюдатель отсутствіе объективныхъ данныхъ,—хотя бы въ виду полной и подробной избирательной статистики, сухія цифры которой говорятъ подчасъ болѣе уму и сердцу, чѣмъ самыя длинныя и краснорѣчивыя диссертаціи.

Ничего подобнаго *такой* статистикѣ здѣсь до сихъ поръ не было, если не считать отрывочныхъ, несистематизированныхъ цифръ, указывавшихъ на число голосовъ, поданныхъ въ разныхъ избирательныхъ округахъ за разныхъ кандидатовъ. Но и эти, единственно доступные публикѣ и, сами по себѣ, не особенно важные элементы избирательной статистики, терялись, обыкновенно, въ стенографическихъ отчетахъ засѣданій народныхъ собраній, и пользоваться ими было всегда и трудно, и мало полезно. Отнынѣ, по крайней мѣрѣ, этотъ пробѣлъ будетъ заполненъ, и обязаны мы этимъ счастливой инціативѣ все того же статистическаго бюро,—единственнаго, кажется, изъ мѣстныхъ учрежденій, которое энергично и умѣло дѣлаетъ свое разумное и полезное дѣло. Съ прошлаго года оно рѣшило ввести въ систему своихъ занятій, ограничивавшуюся до сихъ поръ статистикою училищъ, внѣшней торговли и населенія, между прочими и „статистику выборовъ въ народное собраніе“. Первая работа этого рода, только что изданная, относится къ общимъ и дополнительнымъ выборамъ въ послѣднее 10-е народное собраніе. Хотя эти выборы имѣли мѣсто уже около $1^1/_2$ года тому назадъ, вопросъ объ ихъ истинномъ

характерѣ и до сихъ поръ еще не потерялъ своего интереса и значенія. Во первыхъ, въ свое время онъ такъ и остался нерѣшеннымъ за отсутствіемъ дѣйствительно достовѣрныхъ данныхъ для его рѣшенія не въ партійномъ духѣ; во вторыхъ, вышедшее изъ этихъ выборовъ народное собраніе не только продолжаетъ оставаться пока хозяиномъ положенія въ странѣ, но и обѣщаетъ, повидимому, оставаться имъ и впредь. Вотъ почему я считаю нелишнимъ посвятить настоящее письмо анализу любопытныхъ цифръ, сгруппированныхъ въ лежащемъ передо мною сборникѣ статистическаго бюро. Эти цифры не дадутъ, конечно, отвѣта на *всѣ* вопросы, связанные съ занимающими насъ выборами, но онѣ бросятъ свѣтъ на нѣкоторыя важныя стороны этихъ выборовъ, а черезъ нихъ—и на всю область политическихъ отношеній въ современной, послѣ-стамбуловской, Болгаріи.

Прежде всего посмотримъ, какъ великъ интересъ, который проявляетъ населеніе страны къ парламентскимъ выборамъ. Степень этого интереса, могущаго въ свою очередь служить извѣстнымъ мѣриломъ степени сознательности и уровня политическаго развитія народа, проще всего выражается въ отношеніи числа поданныхъ голосовъ къ числу записанныхъ въ спискахъ избирателей. Разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія цифры нашего „Сборника" совершенно не подтверждаютъ ходячаго мнѣнія, согласно которому болгары относятся будто бы крайне апатично къ своимъ обязанностямъ избирателей и видятъ въ нихъ не столько драгоцѣнное право, сколько тяжелую и хлопотливую обузу. Оказывается, что при населеніи приблизительно въ $3^1/_2$ милліона и при числѣ избирателей въ 766,000 число поданныхъ на выборахъ 1899 года голосовъ равнялось 380,000, т. е. составляло 50% всего числа избирателей. Впрочемъ, это среднее подвергается значительнымъ колебаніямъ и, смотря по мѣстности, колеблется между 30%—въ одномъ случаѣ даже 20%—и 70%. Такъ, въ то время, какъ въ Борисовградѣ голосовавшіе составляли 68% всего числа избирателей, въ Карнобатѣ—64%; въ Айтосѣ—63%; въ Сейменѣ—$64^1/_2$%, въ Брѣзникѣ—63%, въ Харманли—63% и т. д., въ Софіи число голосовавшихъ относительно всего числа избирателей не превышало 36% (7,000 изъ 19,000 во всѣхъ четырехъ избирательныхъ округахъ), въ Плевнѣ—оно равнялось 37% (5,800 изъ 15,500 во всѣхъ трехъ избирательныхъ округахъ), въ Дупницѣ—31% (3,289 на 10,339 въ двухъ избирательныхъ округахъ), въ Котелѣ—29% (1,761 изъ 6,028) и, наконецъ, въ городскихъ избирательныхъ пунктахъ Самокова — 25% (687 изъ 2,760) и Панагюрище—20% (541 изъ 2,671 избирателей). Причины такихъ колебаній лежатъ, повидимому, въ чисто мѣстныхъ условіяхъ и не поддаются никакой общей формулировкѣ. По крайней мѣрѣ, въ самихъ цифрахъ нельзя уловить даже намека на законъ, которымъ опредѣлялась бы энергія избирателей въ тѣхъ или другихъ

избирательныхъ округахъ, если не видѣть, напримѣръ, нѣкотораго приближенія къ такому закону въ противоположеніи крупныхъ городскихъ центровъ сельскимъ округамъ. Въ первыхъ какъ будто бы замѣчается нѣсколько большій индиферентизмъ среди избирателей, чѣмъ во вторыхъ. Такъ, въ городскихъ секціяхъ Варненскаго избирательнаго округа число поданныхъ голосовъ составляло 50% всего числа избирателей, а въ его сельскихъ секціяхъ—58%; въ городскихъ секціяхъ Пловдива голосовали 43% избирателей, а въ его сельскихъ секціяхъ—54%; въ Плевнѣ первое число равнялось 30%, тогда какъ второе превышало—40%; въ Рущукѣ первое число было—40%, а второе—47%; въ Шумлѣ первое число было—44% и второе 55% и т. д. Но и это слабое подобіе закона представляетъ не малое количество исключеній, среди которыхъ, между прочимъ, мы находимъ и настоящую столицу княжества, Софію, въ которой относительное число голосовавшихъ горожанъ (3,497 изъ 9,314 городскихъ же избирателей) было на 1% выше относительнаго числа голосовавшихъ крестьянъ (3,617 изъ 9,885 сельскихъ избирателей), и древнюю столицу болгарскаго царства Тырново, въ которой городскіе голоса составляли 51%, а сельскіе—только 48% всего числа избирателей.

Итакъ, оказывается, что въ выборахъ прошлаго года приняла участіе половина избирателей. Это вовсе не такъ уже плохо, какъ можно было думать на основаніи пессимистическихъ утвержденій мѣстныхъ скептиковъ,—не такъ плохо въ сравненіи даже съ иными европейскими государствами, для которыхъ парламентскій режимъ, благодаря многолѣтней практикѣ, успѣлъ стать какъ бы второю натурою. Тѣмъ болѣе благопріятнымъ и многообѣщающимъ покажутся намъ результаты, достигнутые Болгаріею въ этомъ отношеніи за короткій періодъ ея политическаго воспитанія, если мы сравнимъ ихъ съ ея первыми шагами на пути конституціонной практики.

При выборахъ въ 1-е народное собраніе (30-го сентября 1879 г.) первыхъ, въ которыхъ пришлось участвовать только что освобожденному народу—изъ всего числа записанныхъ въ списки избирателей (219,484) голосовали только 70,327, т. е. 32%, причемъ наименьшій процентъ голосовавшихъ избирателей (22%) выпалъ на Тырновскій округъ, а наибольшій (55%) — на Варненскій. При выборахъ во II народное собраніе (13-го января 1880 года) число поданныхъ голосовъ увеличилось до 92,986, но настолько же увеличилось и число избирателей (287,452), такъ что отношеніе между этими двумя числами по сравненію съ прошлымъ годомъ почти не измѣнилось. Вмѣсто 32% оно стало 32,3%, причемъ взаимное отношеніе между округами тоже мало измѣнилось. Опять наименьшій процентъ поданныхъ голосовъ пришелся на Тырновскій (22%) и Софійскій (21%) округа, а наибольшій на Варненскій (55%). При выборахъ въ IV народное собраніе

(27 мая 1884 г.) число избирателей значительно увеличилось (до 364,817 или 18% всего населенія), но число поданныхъ голосовъ почти не измѣнилось, такъ что процентъ голосовавшихъ даже понизился до 29%. По избирательнымъ же округамъ онъ измѣнялся не менѣе, если не болѣе, чѣмъ при выборахъ 1879 и 1880 годовъ. Такъ, въ Бѣлоградчикѣ приняли участіе 62% избирателей, въ Свищовѣ—55%, а въ Акъ-Кадыпларѣ—изумительный округъ!—даже 96%, съ другой стороны, въ Бѣлой Слатинѣ голосовали всего 12% всего числа записанныхъ въ списки избирателей, въ Вратцѣ—10%, въ Еленѣ—8%, а въ Ломѣ даже 7,5% (650 изъ 8,600), причемъ избранные въ послѣднихъ двухъ городахъ депутаты получили всего одинъ 331, а другой—230 голосовъ.

Спеціально болгарская избирательная политика, выражающаяся, между прочимъ, въ насильственномъ отстраненіи отъ голосованія нежелательныхъ, т. е. оппозиціонныхъ, избирателей, и дававшая уже себя чувствовать въ 1884 году, къ концу 80-ыхъ годовъ вошла окончательно въ силу и стала какъ бы традиціонною. Шайки, побоища и разныя формы административно-полицейскаго давленія отпугивали мирное населеніе отъ избирательныхъ урнъ, и благодаря этому—повысившееся къ этому времени гражданское самосознаніе болгарскаго народа въ болѣе живомъ, чѣмъ прежде, участіи въ выборахъ. Это участіе скорѣе еще болѣе ослабѣло. Вотъ, напр. цифры, относящіяся къ выборамъ въ VI народное собраніе, происходившее въ апогеѣ стамбуловской диктатуры, въ 1890 году. Въ избирательныхъ спискахъ числилось въ этомъ году до 608,000 избирателей; число же поданныхъ голосовъ не превышало 169,000, т. е. составляло едва 28%, меньше даже чѣмъ при выборахъ 1884 года, причемъ въ нѣкоторыхъ округахъ оно спускалось до 13% (Трѣвна, гдѣ депутатъ былъ выбранъ 295 голосами изъ 2,666 избирателей округа) и даже до 7% (Горне-Митрополье, гдѣ провозглашенный избраннымъ кандидатъ получилъ всего 294 голоса изъ 4,119, т. е. около 6%).

Небольшую, очень и очень небольшую перемѣну къ лучшему можно замѣтить въ выборахъ 1894 года, имѣвшихъ мѣсто тотчасъ же послѣ паденія Стамбулова. Видно населеніе не успѣло еще оправиться отъ только что пережитой грозы, да и „моральное вліяніе“ призваннаго къ власти Стоилова давало себя знать. Какъ бы то ни было, изъ 646,000 избирателей княжества приняли участіе въ голосованіи только около 200,000, т. е. около 31% всего числа избирателей, причемъ степень участія населенія въ выборахъ и на этотъ разъ измѣнялась по округамъ очень замѣтно. Въ то время, напримѣръ, какъ въ Борисовградѣ голосовали до половины всѣхъ мѣстныхъ избирателей, въ Кулѣ—болѣе 53% и въ Брѣзникѣ даже около 70%, въ Болбунарѣ исполнили эту гражданскую обязанность всего 15%, въ Прѣславѣ—14% и

въ Котелѣ, гдѣ избранный кандидатъ получилъ только 443 голоса, 12% всего числа занесенныхъ въ списки избирателей.

Такимъ образомъ, съ разсмотрѣнной точки зрѣнія послѣдніе выборы 1889 года чрезвычайно выгодно отличаются отъ всѣхъ прежнихъ парламентскихъ выборовъ въ Болгаріи и представляютъ собою нѣчто совершенно исключительное во всей ея конституціонной исторіи, начиная отъ первыхъ шаговъ ея на пути самостоятельнаго существованія и кончая провозглашеніемъ новой эры „законности и свободы" послѣ паденія системы Стамбулова. Ни разу еще населеніе страны не проявляло такого интереса къ парламентскимъ выборамъ, и кажется, можно смѣло прибавить, что никогда еще этотъ интересъ не встрѣчалъ такъ мало препятствій для своего проявленія. За какихъ нибудь 8 лѣтъ число голосовавшихъ избирателей поднялось съ 200,000 (въ 1890 г.) до 360,000, т. е. увеличилось на 62%, тогда какъ раньше оно оставалось почти безъ измѣненія въ теченіе 10—15 лѣтъ! Это такой фактъ, подобнаго которому не найдешь, пожалуй, въ анналахъ какой нибудь другой европейской страны. Какъ бы ни было, за послѣдніе годы быстро и несомнѣнно развитіе гражданскаго самосознанія въ болгарскомъ населеніи, однимъ имъ нельзя объяснить столь безпримѣрный ростъ его участія въ избирательной борьбѣ. Кромѣ и, быть можетъ, болѣе всего прочаго онъ, несомнѣнно, объясняется снятіемъ искусственныхъ внѣшнихъ препятствій этому участію, ослабленіемъ терроризаціи населенія, считавшейся до сихъ поръ главнымъ козыремъ избирательной тактики болгарскихъ правительствъ. И хотя сравнительно свободный доступъ къ избирательнымъ урнамъ еще не обусловливаетъ собою полной „свободы" выборовъ, онъ во всякомъ случаѣ составляетъ одинъ изъ ея важнѣйшихъ элементовъ. Какъ бы то ни было, онъ является въ высшей степени важнымъ „знаменіемъ времени" для современной Болгаріи. Въ немъ можно видѣть какъ бы начало конституціоннаго возрожденія страны, залогъ нормальнаго развитія для ея будущаго, доказательство, что всѣ пережитыя ею до сихъ поръ перипетіи не успѣли ни заразить ея кровь, ни истощить ея жизненные соки.

Второй вопросъ, естественно возникающій при изученіи какихъ нибудь выборовъ, и отъ отвѣта на который въ значительной степени зависитъ наше сужденіе какъ о внѣшней свободѣ выборовъ, такъ и о степени политическаго сознанія, проявленнаго на нихъ избирателями, есть вопросъ о распредѣленіи поданныхъ голосовъ между разными кандидатами и о томъ числѣ ихъ, которымъ оказались избранными въ разныхъ округахъ ихъ представители... Хотя избирательные округи въ Болгаріи, какъ и повсюду, впрочемъ, не вполнѣ уравнены между собою, ихъ отклоненія отъ средней нормы, сравнительно говоря, не велики. Въ общемъ, можно сказать безъ риска сильно ошибиться, что въ 1899 г. на

одного депутата приходилось по 4—$4^1/_2$ тысячи избирателей. При такомъ размѣрѣ избирательныхъ округовъ двѣ съ небольшимъ тысячи поданныхъ за кандидата голосовъ представляютъ приблизительно половину всѣхъ голосовъ округа и могутъ, поэтому, считаться какъ бы законною нормою для избраннаго представителя. Какъ же группируются, съ точки зрѣнія этой средней нормы, депутаты 1899 года? Оказывается, что и въ этомъ отношеніи статистическія данныя нашего „сборника" далеко не подтверждаютъ пессимистическихъ отзывовъ мѣстныхъ политическихъ скептиковъ. Громадное большинство избранныхъ депутатовъ—144 изъ 169—получили не менѣе 50% всего числа избирательныхъ голосовъ своего округа; 19—получили менѣе, чѣмъ 50%, но болѣе, чѣмъ 35%; 5—получили менѣе, чѣмъ 35%, но болѣе, чѣмъ 25%, и только одинъ—представитель Тревненскаго округа—получилъ менѣе 1000 голосовъ (872 изъ 1525 поданныхъ, при 3451 избирателяхъ). Иными словами, избранники 1899 года въ общемъ дѣйствительно представляютъ населеніе своихъ округовъ, по крайней мѣрѣ, на сколько объ этомъ можно судить по выше приводимымъ цифрамъ.

Эти цифры пріобрѣтаютъ особый интересъ и значеніе, если освѣтить ихъ данными, относящимися къ распредѣленію поданныхъ избирателями голосовъ между различными кандидатами. Для большей ясности я раздѣлю здѣсь всѣ избирательные округа на четыре категоріи, а именно: 1) тѣ, въ которыхъ избранный депутатъ получилъ громадное большинство въ сравненіи съ самымъ счастливымъ изъ его побѣжденныхъ соперниковъ; 2) тѣ, въ которыхъ это большинство не болѣе, чѣмъ двойное; 3) тѣ, въ которыхъ оно менѣе, чѣмъ двойное, и, наконецъ, 4) тѣ, въ которыхъ оно сравнительно ничтожно, въ которыхъ разница между числомъ голосовъ, полученныхъ, съ одной стороны, счастливымъ избранникомъ и, съ другой, его соперникомъ, не превышаетъ нѣсколькихъ сотенъ или даже десятковъ голосовъ. Оказывается, что къ первой категоріи принадлежатъ всего 16 округовъ, причемъ даже и въ нихъ—за немногими исключеніями—побѣжденные кандидаты оппозиціи все же получили по нѣсколько сотенъ голосовъ. Такъ, въ Казалъ-Агачѣ на 2899 правительственныхъ голосовъ было подано 371 оппозиціонныхъ; въ Габрово — на 2314 голосовъ первой категоріи 425 голосовъ второй; въ Ловечѣ—округъ съ тремя представителями—на 5200, поданныхъ за Радославова, было подано 650 за его противника; въ Айтосѣ—на 3130 правительственныхъ—556 оппозиціонныхъ; въ Анхіело—на 1967 правительственныхъ 358 оппозиціонныхъ, и т. д. И только въ двухъ округахъ разница между числомъ правительственныхъ и оппозиціонныхъ бюллетеней достигаетъ такихъ размѣровъ, что становится подозрительною и заставляетъ невольно предполагать, что тутъ дѣло не обошлось безъ насилій или фальсификаціи: въ

Босилиградѣ на 2215 бюллетеней за правительственнаго кандидата оказалось всего 142 оппозиціонныхъ, а въ Ковакли на 3280 правительственныхъ не было *ни одного* оппозиціоннаго... Ко второй категоріи—съ разницею между правительственными и оппозиціонными голосами болѣе, чѣмъ вдвое, принадлежатъ 57 округовъ; къ третьей—съ разницею менѣе, чѣмъ вдвое—70 округовъ и, наконецъ, къ четвертой — съ незначительною разницею—цѣлыхъ 26 округовъ. Эта послѣдняя категорія—такъ же какъ и первая—съ нашей точки зрѣнія должна представлять собою особый интересъ, и потому мы остановимся на ней нѣсколько подробнѣе. Въ нее входятъ какъ такіе округа, въ которыхъ побѣда на выборахъ была одержана правительственными кандидатами, такъ и такіе, въ которыхъ были выбраны оппозиціонеры. И въ тѣхъ, и въ другихъ случаяхъ большинство побѣдившей стороны не превышаетъ нѣсколькихъ сотенъ, иногда даже десятковъ голосовъ, такъ что легкое ихъ перемѣщеніе могло бы измѣнить результатъ. Такъ, напримѣръ, въ Серненой Горѣ побѣдитель получилъ 2070 голосовъ, а его соперникъ 1972, — разница въ 98 голосовъ; въ Ямболѣ два соціалистическихъ депутата получили: первый—1797, а второй—1690 голосовъ, тогда какъ главный изъ правительственныхъ кандидатовъ получилъ 1596 голосовъ,—разница въ 94 голоса; въ Рупчосѣ эта разница не превышала 61 голоса; въ Новой Загорѣ—32, и, наконецъ, въ Харманли на 2525 голосовъ, полученныхъ правительственнымъ кандидатомъ, было подано 2503 голоса за его оппозиціоннаго соперника, —разница всего въ 23 голоса!..

Читатель, можетъ быть, спроситъ, почему я такъ долго останавливаюсь на распредѣленіи голосовъ между различными кандидатами и придаю такое значеніе вопросу о размѣрахъ большинства, полученнаго въ разныхъ округахъ счастливыми народными избранниками? Почему я такъ настаиваю на малочисленности случаевъ съ *громаднымъ* большинствомъ и противопоставляю имъ, какъ бы видя въ этомъ особую заслугу прошлогоднихъ выборовъ, сравнительную многочисленность случаевъ съ небольшимъ — и тѣмъ болѣе съ ничтожнымъ — большинствомъ? Дѣло объясняется очень просто: характеръ распредѣленія избирательныхъ округовъ между принятыми мною выше для сравненія группами является лучшимъ мѣриломъ степени напряженности избирательной борьбы и возможности, которую имѣетъ меньшинство для выраженія своей воли и проявленія своихъ политическихъ симпатій. Въ данномъ случаѣ—особенно въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что среди 169 народныхъ избранниковъ 1899 года оказалось 60 — 70 оппозиціонеровъ — это мѣрило пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе и самымъ рѣшительнымъ образомъ подтверждаетъ высказанное мною раньше мнѣніе о сравнительной свободѣ прошлогоднихъ выборовъ. Съ точки зрѣнія евро-

пейской избирательной практики, указанные факты не представляютъ, конечно, никакой достойной вниманія особенности. Въ самомъ дѣлѣ, въ какихъ же европейскихъ выборахъ не находимъ мы и меньшинство, и избирательную борьбу, и болѣе или менѣе смѣшанные результаты какъ въ каждомъ отдѣльномъ избирательномъ округѣ, такъ и въ странѣ вообще? Но если это такъ во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ Европы, то отсюда еще далеко не слѣдуетъ, что это должно быть такъ и въ Болгаріи. Болгарская конституціонная практика имѣетъ свою исторію, и съ точки зрѣнія традицій этой своеобразной исторіи указанныя особенности выборовъ 1899 года рѣзко выдѣляютъ ихъ изъ ряда мѣстныхъ прецедентовъ и позволяютъ видѣть въ нихъ симптомъ назрѣвающей въ болгарскихъ политическихъ отношеніяхъ благопріятной перемѣны. Посмотримъ же, каковы были эти прецеденты. Какъ и по вопросу о степени участія населенія въ выборахъ, я ограничусь выборами 1879, 1880, 1884, 1890 и 1894 годовъ.

Данныя по отношенію къ первымъ тремъ выборамъ страдаютъ неполнотою, но для нашей цѣли достаточно и ихъ. Во всѣхъ ихъ ясно видны слѣды слабаго участія населенія въ избирательной борьбѣ, его неумѣлости, индиферентизма и проистекающей отсюда легкости подчиненія избирателей всякому организованному давленію, какого бы оно ни было происхожденія, оппозиціоннаго или правительственнаго. На выборахъ 1879 года изъ всѣхъ депутатовъ, о которыхъ мы могли найти нужныя свѣдѣнія, только 3 получили болѣе половины всѣхъ избирательныхъ голосовъ округа. Въ 50—60 избирательныхъ округахъ за побѣдившаго кандидата было подано всего отъ 25% до 50% всѣхъ избирательныхъ голосовъ; въ 30—40 округахъ — такіе голоса составляли всего отъ 10% до 25% всего числа избирателей и болѣе чѣмъ въ 30 округахъ депутаты были выбраны менѣе чѣмъ 10% всѣхъ записанныхъ въ списки избирателей! Въ большей части округовъ голоса разбивались между разными кандидатами и избиратели проявляли мало партійной дисциплины. При всемъ томъ уже въ этихъ первыхъ выборахъ во многихъ—преимущественно въ сельскихъ—округахъ среди избирателей замѣчалось то подозрительное „единодушіе", благодаря которому почти всѣ—а то такъ и всѣ безъ исключенія—голоса подавались за какого-нибудь одного изъ выставленныхъ кандидатовъ. Такъ, въ Видинѣ изъ 637 поданныхъ голосовъ два избранные депутата получили первый 637 и второй—633 голоса; въ Криводолѣ изъ 928 голосовъ два избранника получили 927 и 926 голосовъ; въ Баташово всѣ 1121 голоса были поданы за одного кандидата. Приблизительно такой же характеръ имѣло голосованіе въ Козлодуѣ, Балчикѣ, Романѣ, Прѣславѣ, Кулѣ, Боготѣ, Садино и нѣкоторыхъ другихъ избирательныхъ округахъ. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ округахъ голоса такъ разби-

вались между кандидатами, что въ результатѣ оказывался избраннымъ кандидатъ, получившій всего какихъ-нибудь 100—200 голосовъ. Такъ, въ Кутловицѣ, въ которой вотировали только 530 изъ 4,486 избирателей, одинъ изъ избранныхъ депутатовъ получилъ всего 134 голоса, т. е. 3% всего числа избирателей; въ Расоманѣ, при 277 вотировавшихъ (изъ 4,146 избирателей) избранные депутаты получили 143 и 83 голоса, т. е. 3% и 2% всего числа избирателей! И такихъ оригинальныхъ „представителей", посланныхъ въ Народное Собраніе такою ничтожною частью избирателей, можно было бы насчитать изрядное число какъ въ 1879, такъ и въ 1880 году.

Выборы 1880 года, какъ мало въ чемъ отличавшіеся отъ выборовъ 1879 года, я оставлю въ сторонѣ. По той же причинѣ я ограничусь лишь нѣсколькими словами по поводу выборовъ 1884 года, въ которыхъ, увы, нельзя констатировать ни малѣйшаго прогресса въ занимающихъ насъ отношеніяхъ. Изъ всѣхъ депутатовъ, о которыхъ имѣются нужныя свѣдѣнія, только 5 получили болѣе половины всего числа избирательныхъ голосовъ; менѣе 50%, но болѣе 25% всѣхъ избирательныхъ голосовъ получили около 80 депутатовъ; менѣе 25%, но болѣе 10% получили около 70 депутатовъ и, наконецъ, менѣе 10%—39 депутатовъ! Столь же мало утѣшительнаго представляютъ собою эти выборы и по отношенію къ размѣрамъ большинства — въ сравненіи съ меньшинствомъ,—которымъ были избраны въ разныхъ округахъ ихъ представители. Число округовъ, съ крайнимъ несоотвѣтствіемъ между подавляющею громадностью большинства и ничтожностью, а иногда и полнымъ отсутствіемъ меньшинства, что невольно заставляетъ предполагать что-то неладное съ точки зрѣнія избирательной этики, не только не уменьшилось, а даже увеличилось. Такъ, въ Ески-Джумаѣ изъ 1,329 поданныхъ голосовъ 1,314 выпали на долю депутата-побѣдителя; въ Балбунарѣ два выбранные депутата получили каждый по 1,372 голоса, тогда какъ именно 1,372 избирателя только и голосовали; въ Бѣла— при 1,800 голосовавшихъ три избранныхъ кандидата получили 1,800, 1,799 и 1,798 голосовъ, и т. д., и т. д. Такое же трогательное единодушіе избирателей имѣло мѣсто въ цѣломъ рядѣ избирательныхъ округовъ, въ Ловечѣ, въ Плевнѣ, въ Кеманларѣ, въ Разградѣ, въ Севліево, въ Тырново и многихъ другихъ.

Всѣ эти странности и нелѣпости объяснялись главнымъ образомъ неумѣлостью, непривычкою и безучастіемъ населенія, которое съ одинаковою легкостью поддавалось, какъ болѣе или менѣе робкимъ попыткамъ внушенія со стороны правительства, такъ и давленію оппозиціонныхъ агитаторовъ и избирательныхъ комитетовъ. Въ выборахъ 1890 г. нарушенія избирательныхъ приличій и избирательной этики бросаются въ глаза еще рѣзче, но происхожденіе ихъ тутъ совсѣмъ иное, какъ видно

хотя бы изъ того, что всѣми выгодами этихъ нарушеній пользуется неизмѣнно правительство. Тутъ они объясняются не отсутствіемъ партійной дисциплины, а слишкомъ уже большимъ присутствіемъ полицейской дисциплины, связывающей избирателей по рукамъ и по ногамъ; слишкомъ уже организованнымъ и возведеннымъ въ систему правительственнымъ давленіемъ, откровеннымъ въ своихъ цѣляхъ и безцеремоннымъ въ своихъ проявленіяхъ. Не менѣе, чѣмъ 50% всѣхъ избирательныхъ голосовъ получили на этихъ выборахъ лишь 17 депутатовъ изъ 275; не менѣе 25%—получили 126 депутатовъ и менѣе 25%—132 депутата, причемъ изъ послѣднихъ до 50 депутатовъ—очевидно, не столько „представителей народа", сколько политикановъ по профессіи—получили менѣе, чѣмъ по 1000 голосовъ, а нѣкоторые лишь по нѣсколько сотенъ. Напримѣръ: депутатъ Луковитскаго округа получилъ 420 голосовъ при 6,753 избирателяхъ; депутатъ Дрѣновскаго округа получилъ 406 при 2,505 избирателяхъ и, наконецъ, депутатъ Тревненскаго округа былъ выбранъ всего 295 изъ 2,666 избирательныхъ голосовъ. Что же касается до размѣровъ большинства, которымъ были избраны правительственные кандидаты,—а таковыми были почти всѣ народные избранники 1890 г.,—то о нихъ и говорить нечего. За весьма немногими исключеніями это большинство было вездѣ подавляющимъ, и единодушіе правительственныхъ симпатій избирателей — прямо-таки поразительнымъ! Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытна таблица голосованій по округамъ, и я очень жалѣю, что недостатокъ мѣста не позволяетъ привести ее здѣсь цѣликомъ. Просматривая ее, невольно приходишь къ заключенію, что правительство Стамбулова въ 1890 году было или самымъ популярнымъ и счастливымъ изъ всѣхъ конституціонныхъ правительствъ, когда либо существовавшихъ на свѣтѣ, или самымъ наглымъ и насильническимъ изъ нихъ. Округъ за округомъ проходитъ передъ вами, и почти вездѣ цифра бюллетеней, вынутыхъ изъ избирательныхъ урнъ, повторяется почти безъ измѣненія въ графѣ, отведенной для означенія числа голосовъ, полученныхъ побѣдившимъ правительственнымъ кандидатомъ. Часто между этими двумя цифрами нѣтъ никакой разницы, иными словами, въ округѣ не оказалось, значитъ *ни одного* оппозиціоннаго избирателя; часто эта разница ничтожна до смѣшного; и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ рядомъ съ большинствомъ фигурируетъ и болѣе или менѣе значительное меньшинство, причемъ и тутъ это меньшинство далеко не всегда оказывается оппозиціоннымъ. Изъ всѣхъ 275 округовъ только въ 55 можно говорить о существованіи меньшинства. Во всѣхъ же остальныхъ 220 случаяхъ его или совсѣмъ нѣтъ, или оно выражается не болѣе какъ въ двузначныхъ цифрахъ... Выборы 1890 года были торжествомъ и лучшимъ выраженіемъ политической системы Стамбулова...

Съ паденіемъ самого Стамбулова эта система сразу не исчезла. Неудивительно поэтому, что въ выборахъ 1894 г. еще нельзя замѣтить сколько нибудь серьезнаго улучшенія. Изъ 169 депутатовъ—число избирательныхъ округовъ было къ этому времени сильно сокращено спеціальнымъ закономъ—только 70 получили не менѣе 25% избирательныхъ и не менѣе 50% поданныхъ въ дѣйствительности голосовъ. Остальные получили менѣе 1/4 всѣхъ избирательныхъ голосовъ, причемъ около 30 изъ нихъ были выбраны менѣе, чѣмъ тысячью, а 4—менѣе, чѣмъ пятьюстами голосовъ. Что же касается до отношенія между большинствомъ и меньшинствомъ, избранными кандидатами и ихъ провалившимися соперниками, то въ этомъ отношеніи цифры выборовъ 1894 г. указываютъ, повидимому, на сравнительно большую интенсивность избирательной борьбы и свободу голосованія, почему и могутъ считаться болѣе благопріятными. Приблизительно въ половинѣ округовъ побѣжденное меньшинство составляло четверть, половину, а кое-гдѣ даже большую часть, побѣдившаго большинства. Въ остальныхъ округахъ оно составляло менѣе 25% большинства, спускаясь не рѣдко до 10%, а иногда, увы, и совершенно исчезая.

Такимъ образомъ, о прогрессѣ въ выборахъ 1894 года можно, въ сущности, говорить лишь относительно, да и то съ большою осторожностью. Въ нихъ рѣзко бросаются въ глаза тѣ же, знакомыя намъ, черты: безучастіе населенія, слабая степень политическаго развитія и гражданскаго самосознанія, свободно пускаемое въ ходъ административно-полицейское давленіе и слабое сопротивленіе ему со стороны избирателей. Эти черты общи имъ со всѣми другими болгарскими выборами. Благодаря имъ, эти выборы были до сихъ поръ въ значительной степени пустою формальностью, а выходившіе изъ нихъ камеры, представлявшіе въ сущности ничтожную часть населенія, оказывались обыкновенно не столько выраженіями народной воли, сколько послушными орудіями министерства и неискоренимыми гнѣздами мѣстнаго партизанства.

Пусть теперь читатель возвратится къ прошлогоднимъ выборамъ и пересмотритъ еще разъ относящіяся къ нимъ данныя; онъ легко пойметъ, почему я такъ долго на нихъ останавливался и такъ усиленно подчеркивалъ ихъ значеніе. Въ самомъ дѣлѣ: половина избирателей принимаютъ участіе въ голосованіи! Громадное большинство депутатовъ (болѣе 4/5) избрано не менѣе, чѣмъ половиною всѣхъ избирательныхъ голосовъ! Только *одинъ* депутатъ получилъ менѣе тысячи голосовъ! Болѣе, чѣмъ въ третьей части округовъ избраны оппозиціонные депутаты! Въ другихъ округахъ оппозиція успѣваетъ получить болѣе или менѣе внушительное меньшинство!.. И все это—какихъ-нибудь 4—5 лѣтъ послѣ только что разсмотрѣнныхъ выборовъ 1894 г., 8 лѣтъ

послѣ выборовъ 1890 года!.. Не кажется ли это чѣмъ-то невѣроятнымъ, какою-то сказкою, въ которой Болгарія фигурируетъ лишь по недоразумѣнію?.. И не вправѣ-ли мы заключить, что выборы 1899 г. являются большимъ шагомъ въ прогрессивномъ развитіи болгарскихъ общественно-политическихъ отношеній, что они представляютъ собою симптомъ серьезной и благотворной перемѣны, совершающейся въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ нѣдрахъ болгарскаго политическаго общества?..

Но и на солнцѣ есть пятна!.. Эволюція, однимъ изъ симптомовъ которой я считаю выборы 1899 г., совершается, но еще не совершилась, и нарождающемуся свѣту приходится еще вести на каждомъ шагу ожесточенную борьбу съ завѣщанною прошлымъ тьмою. Искупленіе никогда не приходитъ сразу, и исправляющійся грѣшникъ слишкомъ легко впадаетъ въ прежніе грѣхи. Такъ было и въ данномъ случаѣ съ правительствомъ. Въ благодарность за свое великодушіе, проявившееся въ сравнительномъ воздержаніи отъ избирательныхъ насилій, оно получило Народное Собраніе, въ которомъ число оппозиціонныхъ депутатовъ являлось довольно серьезною угрозою „общественному спокойствію", иными словами—прочности министерства и владычеству „либеральной партіи". Сдѣланная „ошибка" повела къ неожиданно опаснымъ результатамъ, и ее надо было исправить во что бы то ни стало. Въ пользу этого вопіяли и „здравый смыслъ", и „интересы партій", и всѣ прошлыя традиціи, и всѣ пережитые прецеденты. Можно ли исправлявшемуся грѣшнику не поддаться искушенію и не впасть въ старый грѣхъ? Очевидно, нѣтъ! И вотъ началось исправленіе сдѣланной „ошибки",—конечно, единственнымъ, имѣвшимся подъ рукою способомъ. Прежде всего правительственное большинство Народнаго Собранія безжалостно и не стѣсняясь мотивировкою—кассировало выборы въ 24 оппозиціонныхъ округахъ. За симъ были устроены дополнительные выборы, причемъ старая избирательная тактика „полицейскаго воздѣйствія" была воскрешена и пущена въ ходъ во всей ея традиціонной славѣ. Въ результатѣ получились выборы, которые явились какъ бы страницею, вырванною изъ книги недавняго прошлаго, въ которыхъ, какъ въ микрокосмѣ, отразился на мгновеніе строй пережитыхъ казалось бы навсегда политическихъ отношеній.

Дополнительные выборы, такъ же какъ и перебаллотировки, вездѣ въ Европѣ считаются рѣшительнымъ моментомъ избирательной борьбы, и потому для нихъ политическія партіи мобилизируютъ обыкновенно всѣ свои силы. Въ Болгаріи наоборотъ: именно на дополнительныхъ выборахъ особенно безцеремонно практиковалось обыкновенно полицейское давленіе и особенно сильно проявлялось безучастіе населенія. То же случилось и въ данномъ

случаѣ, и, конечно, съ тѣмъ же результатомъ. Почти всѣ *) кассированные собраніемъ оппозиціонные депутаты „позорно" провалились въ своихъ же собственныхъ округахъ и на мѣсто ихъ были выбраны—часто громаднымъ большинствомъ—правительственные кандидаты. Достигнуто это было обычными въ такихъ случаяхъ средствами и, изучая статистику этихъ курьезныхъ выборовъ, ясно видишь, въ чемъ они должны были состоять. Прежде всего бросается въ глаза уменьшеніе числа голосовавшихъ избирателей въ сравненіи съ общими выборами. Съ 70,000 съ лишнимъ голосовъ оно упало до 45,000, т. е. уменьшилось на цѣлую треть, причемъ все это уменьшеніе произошло на счетъ оппозиціи, такъ какъ число правительственныхъ избирателей не только не сократилось, но, напротивъ, возросло. На общихъ выборахъ правительственные кандидаты получили около 25,000 голосовъ, а оппозиціонные вдвое больше, т. е. 50,000. Теперь же правительственные кандидаты получили 31,500 голосовъ, увеличеніе на 25%, тогда какъ оппозиціонные—всего 13,500, т. е. уменьшеніе на 73%! Эти цифры едва-ли нуждаются въ длинныхъ комментаріяхъ и понятны сами по себѣ. Только для большей рельефности дополню я ихъ нѣсколькими отдѣльными примѣрами, въ которыхъ общія тенденціи этихъ любопытныхъ выборовъ проявляются въ особенно рѣзкой формѣ.

Въ Видинѣ три оппозиціонныхъ кандидата, побѣдившіе на общихъ выборахъ, получили 5112, 5109 и 5106, а ихъ правительственные противники—1548, 1548 и 1544 голосовъ. На дополнительныхъ выборахъ побѣдили правительственные кандидаты, получившіе 2774, 2767 и 2766 голосовъ, тогда какъ оппозиціонные получили всего 2672, 2668 и 2666.

Въ Луковитѣ оппозиціонный кандидатъ былъ избранъ на общихъ выборахъ 2424 голосами, тогда какъ правительственный получилъ только 1677. На дополнительныхъ выборахъ первый провалился, получивъ лишь 834 голоса, а его противникъ оказался избраннымъ 1595 голосами.

Въ Тетевенѣ два оппозиціонныхъ кандидата были объявлены на общихъ выборахъ побѣдителями съ 3629 и 2647 голосами противъ 2117 и 682, поданныхъ за ихъ оффиціальныхъ противниковъ. На дополнительныхъ выборахъ эти послѣдніе получили 2366 и 2363 голоса, тогда какъ за бывшихъ побѣдителей было подано всего 411 и 410 голосовъ.

*) Числомъ 25. О нихъ только я и буду говорить здѣсь, потому что другіе выборы до 20,—произведенные для замѣщенія депутатовъ, избранныхъ одновременно въ нѣсколькихъ округахъ, не представляютъ большого интереса. Они прошли спокойно и окончились, какъ водится, выборомъ кандидатовъ, въ пользу которыхъ отказывался отъ своихъ полномочій избранный на общихъ выборахъ депутатъ.

Прим. автора.

Наконецъ, въ Кюстендилѣ три оппозиціонныхъ кандидата были избраны на общихъ выборахъ большинствомъ 3795, 3733 и 3707 голосовъ противъ 1621, 1604 и 1541, поданныхъ за ихъ правительственныхъ соперниковъ. На дополнительныхъ выборахъ правительственное большинство возросло вдвое и достигло 3401, 3391 и 3390 голосовъ, тогда какъ оппозиціонные голоса растаяли до полнаго исчезновенія, обратившись въ *10*, *2* и *1*...

Ясно, какими пріемами достигались такіе поразительные результаты! Съ одной стороны, ставились на ноги всѣ представители мѣстной администраціи—окружные и околійскіе управители, стражари, сборщики податей, кметы, ихъ помощники,—и благодаря ихъ стараніямъ индифферентные избиратели обращались въ ярыхъ правительственныхъ партизановъ, въ качествѣ каковыхъ и препровождались подъ вѣрною охраною въ избирательные пункты. Съ другой, эскамотировалось избирательное бюро и организовывались шайки, на обязанности которыхъ лежитъ обыкновенно всякими правдами и неправдами—въ крайнемъ случаѣ хотя бы терроромъ и дубинами—не допускать до голосованія оппозиціонныхъ избирателей. Первымъ способомъ увеличивалось правительственное большинство, вторымъ—уменьшался, а подчасъ—какъ, напр., въ Кюстендилѣ, и совсѣмъ уничтожалось оппозиціонное меньшинство. Оба они—хотя и въ разной степени незаконны; оба насилуютъ народную волю; оба извращаютъ смыслъ и характеръ выборовъ и обращаютъ этотъ важнѣйшій актъ политической жизни въ конституціонной странѣ въ жалкую и недостойную комедію. Такою комедіею и были дополнительные выборы 19 сентября 1899 года. Отдѣленные отъ общихъ выборовъ менѣе чѣмъ полугодомъ, они ясно показали, что процессъ выздоровленія, о которомъ несомнѣнно свидѣтельствуютъ первые, еще далеко не законченъ, что еще возможны повторенія старыхъ припадковъ, и что, поэтому, друзьямъ конституціонной Болгаріи торжествовать еще не время...

Я не знаю—да не знаютъ этого, вѣроятно, и сами „министры его царскаго высочества“,—въ какомъ положеніи будетъ румынско-болгарскій конфликтъ къ тому времени, когда эти строки увидятъ свѣтъ. Но чѣмъ бы онъ ни окончился непосредственно, его слѣды еще долго будутъ чувствоваться во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ народовъ. Печальный и опасный для обѣихъ сторонъ, онъ является особенно нежелательнымъ для Болгаріи, которая поистинѣ уподобляется въ послѣднее время тому несчастному Макару, на котораго валятся всѣ шишки. Финансовый кризисъ, безденежье, десятокъ, дожди и непогоды, испортившіе обѣщавшійся урожай, наконецъ, война — или, по крайней мѣрѣ, угроза войны—съ послѣднимъ, не скажу другомъ, но все же

рымъ сосѣдомъ, остававшимся у Болгаріи на Балканскомъ полуостровѣ! Въ самомъ дѣлѣ: за короткій періодъ своего самостоятельнаго существованія Болгарія успѣла разссориться со всѣми своими сосѣдями, за исключеніемъ Румыніи, съ которою она до послѣдняго времени сохраняла вполнѣ приличныя,—и даже, какъ принято выражаться, „сердечныя"—отношенія. О ея отношеніяхъ къ Турціи можно не распространяться. Хотя оффиціальная Болгарія и хороша съ нею и даже какъ бы пользуется особымъ „фаворомъ" у своего сюзерена, султана, но объ истинно хорошихъ отношеніяхъ между ними говорить, очевидно, нечего. И дѣйствительно, возможны ли такія отношенія между вчерашними господиномъ и рабомъ, да еще рабомъ, который только и думаетъ о томъ, какъ бы поосновательнѣе ободрать своего бывшаго хозяина и еще при его жизни получить отъ него облюбованное „наслѣдство"? Съ Греціею у Болгаріи старая вражда, память о которой сохраняется среди болгаръ тѣмъ живѣе, что къ ней впослѣдствіе прибавлялись постоянно новые и новые поводы къ усиленію взаимной непріязни. Старая вражда, это — греко-болгарская церковная распря, длившаяся нѣсколько десятилѣтій и окончившаяся такъ называемою у грековъ „болгарскою схизмою" и анафемою ей со стороны Константинопольскаго патріарха; новые поводы, это—національная борьба въ южной Македоніи, которую греки считаютъ своею, и исторически, и этнографически, и географически, и политически, и на которую болгары, съ своей стороны, предъявляютъ не менѣе основательныя и рѣшительныя права. О Сербіи и говорить нечего. Достаточно припомнить событія 1885 г., „измѣнническое" нападеніе Милана въ тотъ критическій моментъ, когда Болгарія „исправляла несправедливость берлинскаго договора" и готовилась къ войнѣ съ Турціею изъ за присоединенія Восточной Румеліи, Сливницу, Царибродъ, Пиротъ, Кювенгюлера и Бѣлградскій миръ, чтобы представить себѣ характеръ чувствъ, которыя питаютъ другъ къ другу два братскіе народа! А вѣдь это еще не все; пожалуй, даже и не главное, въ сравненіе съ тою пропастью, которую вырыло между ними—и каждый день углубляетъ все больше и больше—ихъ отчаянное, не знающее ни отдыха ни срока, соперничество въ Македоніи. Къ этому соперничеству вотъ уже сколько лѣтъ сводятся всѣ ихъ взаимныя отношенія, причемъ обѣ страны одинаково не останавливаются ни передъ чѣмъ и не стѣсняются въ средствахъ борьбы, считая позволеннымъ все, что обѣщаетъ напакостить противнику. Мины и контръ-мины; интриги въ Высокой Портѣ и въ султанскихъ гаремахъ; драки, грабежи и убійства на мѣстѣ дѣйствія,—во всѣхъ этихъ Прилѣпахъ, Скопіо, Велесаръ и т. п.,—таковы внѣшнія проявленія ихъ взаимныхъ отношеній; ненависть, зависть, подозрительность,—такова ихъ внутренняя подкладка...

Оставалась одна Румынія. Съ нею у Болгаріи до послѣдняго

времени сохранялись сравнительно приличныя, подчасъ даже чуть не сердечныя отношенія. Правда, и тутъ было свое облачко, въ видѣ Добруджи, которою Румынія владѣетъ согласно берлинскому договору. Но хотя болгарскіе патріоты и считаютъ Добруджу частью общаго отечества, рано или поздно имѣющею быть къ нему присоединенною, она пока не входитъ въ область практической политики сегодняшняго дня. Когда-то въ будущемъ историческая Немезида, главною задачею которой является, какъ извѣстно, возстановленіе во всей ея былой славѣ и силѣ Великой Болгаріи Симеоновъ и Крумовъ, вспомнитъ и про Добруджу, но когда и какъ случится это — самые ярые болгарскіе шовинисты не представляютъ себѣ достаточно ясно. Однимъ словомъ, фактъ обладанія Добруджею не разсматривался здѣсь до сихъ поръ какъ преступленіе со стороны Румыніи и не считался достаточнымъ поводомъ для установленія къ ней непріязненныхъ отношеній. Съ другой стороны, и тамъ, гдѣ черпаетъ свое главное содержаніе болгарскій „національный идеалъ", и гдѣ, поэтому, сосредоточиваются всѣ усилія болгарской политики—въ Македоніи—дѣлить съ Румыніею было нечего. Настоящихъ румынъ тамъ не было, тѣ же куцо-влахи, которыхъ иные принимаютъ за таковыхъ, были такъ малочисленны и такъ слабо проникнуты національнымъ сознаніемъ, что считаться съ ними было нечего. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось. Такъ было и въ дѣйствительности сравнительно еще недавно. И вотъ, въ послѣдніе годы въ этомъ отношеніи начала замѣчаться перемѣна. Румынія, съ своей стороны, начала предъявлять претензіи на будущее македонское наслѣдство и заговорила о правахъ своей національности. Въ качествѣ наиболѣе слабой и неподготовленной соперницы, она сдѣлала своею спеціальностью защиту statu quo, т. е. нивелирующаго турецкаго владычества, но эта пассивность ея македонской политики не мѣшала ея агентамъ ставить всяческія препятствія „національной пропагандѣ" другихъ претендентовъ, и прежде всего, конечно, главному изъ нихъ — Болгаріи. Столкновенія въ далекой Македоніи не замедлили отразиться въ метрополіяхъ. Начались недоразумѣнія. Взаимныя отношенія быстро портились. На сценѣ появился болгарскій „Македонскій Комитетъ" съ своими революціонными пріемами дѣйствія, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣла дошли до систематическихъ вымогательствъ денежной помощи отъ румынскихъ подданныхъ, до убійствъ шпіоновъ и, наконецъ, до злополучнаго убійства Михаилеану, поставившаго Болгарію и Румынію на порогѣ разрыва и войны...

И всетаки какъ трудно примириться съ этимъ „неизбѣжнымъ результатомъ естественной цѣпи событій", когда знаешь ту роль, которую играла когда-то—не такъ давно, не болѣе 20—30 лѣтъ назадъ—Румынія въ болгарской освободительной борьбѣ! Какія неоцѣненныя услуги оказала она Болгаріи въ дни ея рабства, въ

тяжелую годину испытаній, предшествовавшихъ войнѣ 1877 г. и освобожденію! Вѣдь именно здѣсь, въ этой „жалкой" странѣ, среди этого „до мозга костей развращеннаго" народа, для которыхъ болгарскія газеты не находятъ теперь достаточно обидныхъ и грубыхъ словъ, болгарскіе изгнанники и патріоты находили себѣ тогда пріютъ, сочувствіе, поддержку и защиту,—и это совершенно безкорыстно, во имя свободы и состраданія, не смотря на опасности такого поведенія и на угрозы со стороны Порты. Здѣсь гремѣлъ голосъ Раковскаго, и здѣсь появились почти всѣ его знаменитые памфлеты, и выходили въ свѣтъ его „Дунавскій Лебедь," „Бранитель" и другія изданія, сыгравшія такую роль въ дѣлѣ болгарскаго національно-политическаго возрожденія. Здѣсь же раздавалось горячее слово Любена Каравелова и его сподвижниковъ; здѣсь звучалъ вдохновенный стихъ Ботева. Отсюда проникали въ предѣлы Болгаріи четы Хаджи Димитра, Караджи и другихъ ея легендарныхъ героевъ. Здѣсь печатались страстныя прокламаціи и манифесты болгарскаго „Центральнаго революціоннаго комитета". Отсюда разносили по странѣ свою вдохновенную проповѣдь Василь Левскій, Бенковскій и другіе апостолы болгарской революціи, такъ самоотверженно подготовлявшіе возстаніе и освятившіе его своею мученическою смертью. Наконецъ, отсюда же, рядомъ съ русскими солдатами, шли въ 1876 году румынскіе полки, чтобы принять прямое участіе въ освободительной войнѣ и пролить свою долю искупительной крови на редутахъ Плевны... Сколько трогательныхъ и величественныхъ воспоминаній, особенно для болгарина! И, однако, достаточно было искусственно созданнаго соперничества изъ за фантастическихъ благъ, скрытыхъ въ туманѣ проблематическаго далекаго будущаго, чтобы отъ этихъ воспоминаній не осталось и слѣда, чтобы ядъ ненависти и злобы отравилъ вчера еще бывшія чистыми и здоровыми сердца. Два народа стоятъ другъ противъ друга, вооруженные до зубовъ и съ нетерпѣніемъ ждутъ разрѣшительнаго знака, чтобы схватиться на смерть. Этого знака, быть можетъ, не дадутъ, и дѣло обойдется безъ войны. Но человѣческія отношенія, существовавшія между двумя сосѣдними странами, испорчены, и испорчены на долго, быть можетъ, навсегда... Какъ все это нелѣпо! Какая, въ сущности, индѣйка эта исторія! Сколько потенціальнаго зла таится подчасъ въ такихъ, казалось-бы, кристально благородныхъ чувствахъ, какъ патріотизмъ, любовь къ родинѣ, мечты о ея величіи, и съ какою легкостью вырождаются они въ грубый шовинизмъ, въ изувѣрство и человѣконенавистничество!.. Суета!.. Суета!..

И.—въ.

Хроника внутренней жизни.

I. Начало учебнаго сезона.—Порядокъ вступленія въ высшія учебныя заведенія.—Мѣры къ упорядоченію университетской жизни.—Переполненіе средней школы и способы борьбы съ нимъ.—Приступъ къ реформѣ средней школы: августовскіе циркуляры министра народнаго просвѣщенія и попечителя петербургскаго учебнаго округа.—Вопросъ о пользѣ просвѣщенія въ провинціи.—II. Отголоски китайской войны въ прессѣ и въ жизни.—Финансовыя затрудненія.—III. Высочайшая резолюція на петицію Финляндскаго сейма.

I.

Наша общественная жизнь давно уже не отличается ни чрезмѣрно быстрымъ развитіемъ, ни большимъ разнообразіемъ своихъ явленій. Лѣниво и медленно движется ея неглубокій потокъ и съ наводящимъ уныніе постоянствомъ безъ конца повторяются въ немъ давно знакомыя картины. Это медленное и сонное теченіе общественной жизни налагаетъ неизгладимую печать и на нашу публицистику. Изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ обозрѣвателямъ современной русской дѣйствительности приходится упорно возвращаться къ однимъ и тѣмъ же, давно, казалось бы, разъясненнымъ темамъ, вновь и вновь разбирать навсегда, казалось бы, порѣшенные вопросы. Взятая въ цѣломъ, жизнь не стоитъ, конечно, на мѣстѣ, но ея движеніе либо носитъ попятный характеръ, либо совершается по такимъ проселочнымъ тропинкамъ, на которыя не можетъ послѣдовать за нею литература. На большой же, столбовой дорогѣ русской жизни, наблюдаемой отечественной публицистикой, послѣдней давно уже приходится по преимуществу отмѣчать явленія застоя или констатировать факты унылаго топтанія на одномъ мѣстѣ, замѣняющаго широкое реформаторское движеніе, въ которомъ такъ нуждается весь нашъ общественный бытъ.

Быть можетъ, съ наибольшею силой и наглядностью сказываются эти присущія русской жизни особенности въ области вопросовъ народнаго образованія. Повидимому, трудно сомнѣваться въ пользѣ образованія, какъ трудно и отрицать недостаточность его развитія въ Россіи, и тѣмъ не менѣе долгіе десятки лѣтъ были свидѣтелями безпрерывныхъ и вмѣстѣ безполезныхъ жалобъ общества на бѣдность образовательныхъ средствъ и грѣхи существующей системы образованія, продолжавшей, однако, оставаться незыблемою. Наступившая осень вновь выдвигаетъ на очередь относящіеся сюда вопросы, тѣмъ болѣе, что начало новаго учебнаго года принесло съ собою нѣкоторыя измѣненія въ жизни по крайней мѣрѣ высшей и средней нашей школы. По отношенію къ

первой, впрочемъ, эти измѣненія сводятся главнымъ образомъ къ увеличенію числа высшихъ учебныхъ заведеній. Съ этого года въ Москвѣ возникли женскіе сельско-хозяйственные курсы и вновь открылись высшіе женскіе курсы, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ остававшіеся закрытыми, въ Одессѣ закончена организація университета путемъ открытія медицинскаго факультета, въ Томскѣ открытъ технологическій институтъ. Въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ открытіе и другихъ учебныхъ заведеній, главнымъ образомъ спеціальныхъ: въ Петербургѣ возникаетъ политехникумъ, въ Москвѣ—женскій медицинскій институтъ, на Уралѣ, именно въ Екатеринбургѣ, по слухамъ, также будетъ открыто высшее учебное заведеніе. Наконецъ, въ Кіевѣ группа университетскихъ профессоровъ возбудила ходатайство о возобновленіи высшихъ женскихъ курсовъ, которые раньше уже существовали здѣсь, но съ 1889 г. были закрыты, и, надо полагать, это ходатайство не останется безъ удовлетворенія. Но если, такимъ образомъ, количественный ростъ высшей школы и совершается въ настоящее время съ нѣсколько большею быстротой, нежели въ предыдущіе годы, то онъ все же далеко отстаетъ отъ размѣровъ существующей потребности. Высшая женская школа въ количественномъ отношеніи и теперь еще не достигла той высоты, на которой она стояла лѣтъ пятнадцать тому назадъ, передъ тѣмъ, какъ подступившая волна реакціи смыла съ лица земли рядъ учебныхъ заведеній, служившихъ образованію женской молодежи. Неудивительно, что во вновь открытыхъ заведеніяхъ, ограниченныхъ къ тому же извѣстнымъ комплектомъ, не хватаетъ мѣста для всѣхъ желающихъ вступить въ нихъ и ежегодно они оказываются вынужденными отклонять сотни прошеній. Такъ, въ настоящемъ году на петербургскіе высшіе женскіе курсы, такъ называемые бестужевскіе, была принята лишь половина всего числа желающихъ, 300 человѣкъ изъ 600 подавшихъ прошенія; въ Москвѣ на 200 вакансій, имѣвшихся на вновь открытыхъ женскихъ курсахъ, было подано 573 прошенія. То же самое повторяется и въ женскомъ медицинскомъ институтѣ и такимъ образомъ значительная часть русскихъ женщинъ и дѣвушекъ, стремящихся къ высшему образованію, напрасно стучится въ двери отечественной школы и съ горькимъ разочарованіемъ отходитъ отъ нихъ. Такой порядокъ обѣщаетъ продлиться еще немалое время, такъ какъ открытіе новыхъ учебныхъ заведеній требуетъ болѣе или менѣе значительныхъ средствъ. Правда, исходъ изъ этого печальнаго положенія легко было бы найти въ разрѣшеніи учащимся женщинамъ доступа въ университетскія аудиторіи, но примѣненія этого средства трудно ожидать въ ближайшемъ будущемъ. За послѣднія десятилѣтія мы слишкомъ привыкли къ строгому разъединенію половъ въ школѣ и эта привычка создала даже особаго рода педагогику. Нѣкогда осмѣянный идеалъ особаго воспитанія, имѣющаго своею

цѣлью сохраненіе женственности, въ наше время, которое почему-то называютъ иногда практическимъ, вновь пріобрѣлъ сильную власть надъ умами. Еще недавно на столбцахъ одной столичной газеты вполнѣ серьезно излагался проектъ, во имя нравственныхъ мотивовъ требовавшій изгнанія изъ женскихъ учебныхъ заведеній всѣхъ преподавателей-мужчинъ. Курьезный проектъ едва-ли имѣетъ шансы полнаго успѣха, но и въ этомъ случаѣ каррикатура лишь отразила присущія дѣйствительности черты.

Не менѣе, чѣмъ въ женскія, затрудненъ доступъ и въ спеціальныя мужскія учебныя заведенія. Количество имѣющихся въ нихъ вакансій представляется совершенно ничтожнымъ въ сравненіи съ массою молодежи, добивающейся доступа въ эти заведенія. Возьмемъ цифры этого года, касающіяся петербургскихъ спеціальныхъ заведеній. Въ горный институтъ на 70 вакансій было подано 1,244 прошенія, въ технологическій институтъ—на 250 вакансій 1,053 прошенія, въ институтъ инженеровъ путей сообщенія—на 115 вакансій 900 прошеній, въ лѣсной институтъ—на 148 вакансій 400 прошеній, въ институтъ гражданскихъ инженеровъ—на 110 вакансій 409 прошеній, наконецъ, въ электротехническій институтъ—на 50 вакансій 400 прошеній *). Всего, стало быть, на 743 вакансіи было подано 4,416 прошеній, иначе говоря, только шестая часть всѣхъ лицъ, стремившихся въ школу, могла найти себѣ въ дѣйствительности мѣсто въ ея стѣнахъ. Если даже принять во вниманіе то обстоятельство, что при существующей системѣ конкурсныхъ экзаменовъ многіе юноши подаютъ прошенія и держатъ экзамены въ нѣсколько учебныхъ заведеній одновременно, колоссальная разница между спросомъ на высшее техническое образованіе, существующимъ въ жизни, и средствами къ удовлетворенію этого спроса всетаки сохранится въ силѣ. И эта разница имѣетъ тѣмъ болѣе значенія, что то же самое явленіе, лишь въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ, наблюдается и въ провинціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, напримѣръ, въ кіевскій политехническій институтъ было подано настоящей осенью болѣе тысячи прошеній, а принять въ него оказалось возможнымъ всего только 390 человѣкъ **). Подобная же исторія повторилась въ Харьковѣ, Екатеринославѣ и въ другихъ городахъ, въ которыхъ имѣются высшія спеціальныя заведенія. Грандіозный наплывъ учащейся молодежи къ туго открывающимся дверямъ этихъ заведеній въ значительной мѣрѣ создается, конечно, искусственно, путемъ лишенія воспитанниковъ реальныхъ училищъ права поступленія въ университетъ. Въ виду этого уже одно уравненіе правъ реальныхъ училищъ съ классическими гимназіями могло бы серьезно содѣйствовать уменьшенію такого наплыва.

*) «Сѣв. Кур.», 18 августа 1900 г.

**) «Р. Вѣд.», 9 августа 1900 г.

хотя эта мѣра и не устранила бы вполнѣ необходимости созданія новыхъ спеціальныхъ заведеній или расширенія старыхъ.

Но и на пути къ университетскому образованію въ свою очередь существуютъ преграды не для однихъ лишь реалистовъ. Какъ извѣстно, нынѣшнее министерство народнаго просвѣщенія признало столичные университеты чрезмѣрно переполненными слушателями и въ цѣляхъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія учащейся молодежи по отдѣльнымъ университетамъ установило въ прошломъ году порядокъ своего рода прикрѣпленія оканчивающихъ курсъ гимназистовъ къ университетамъ тѣхъ учебныхъ округовъ, въ которыхъ находятся ихъ гимназіи. Это распоряженіе сохранило свою силу и въ настоящемъ году, причемъ округа, не имѣющіе университетовъ, расписаны между университетами другихъ округовъ. Такъ, изъ виленскаго округа лица, окончившія курсъ гимназіи, могутъ поступать въ университеты юрьевскій (дерптскій), московскій и петербургскій, изъ кавказскаго округа въ университеты харьковскій, новороссійскій и кіевскій, изъ оренбургскаго округа въ университеты казанскій и томскій; изъ сибирскихъ гимназій на факультеты юридическій и медицинскій доступъ открытъ исключительно въ томскій университетъ, а на прочіе факультеты—въ казанскій, изъ гимназій же Туркестанскаго края—въ университеты казанскій, харьковскій и новороссійскій. Большое скопленіе учащихся въ отдѣльныхъ университетахъ не представитъ собою ничего удивительнаго, если припомнить, что на рубежѣ XX столѣтія Европейская Россія располагаетъ высшими общеобразовательными школами въ количествѣ, лишь немного превосходящемъ то, какое имѣлось въ ней въ началѣ XIX вѣка. Почти за сто лѣтъ мы едва успѣли создать два новыхъ университета на всю громадную страну и теперь должны считаться съ естественными результатами этого черезчуръ медленнаго прогресса въ дѣлѣ организаціи высшей школы. Но и вновь принятая министерствомъ мѣра едва-ли способна улучшить эту организацію и указать правильный путь къ выходу изъ встрѣтившихся затрудненій. Нижегородское губернское земство, какъ сообщали газеты, постановило уже возбудить въ соотвѣтствующихъ сферахъ ходатайство о допущеніи въ московскій университетъ жителей Нижегородской губерніи, хотя бы они воспитывались въ гимназіяхъ другихъ губерній *), и можно ожидать, что за этимъ первымъ ходатайствомъ, которымъ общество отозвалось на министерскую мѣру, послѣдуетъ рядъ другихъ, подобныхъ ему или даже еще болѣе широкихъ. Трудно въ самомъ дѣлѣ подыскать сколько-нибудь серьезные мотивы въ пользу принудительной приписки окончившихъ гимназическій курсъ юношей къ опредѣленнымъ университетамъ и не менѣе трудно ожидать отъ этой приписки какихъ-нибудь благотворныхъ результатовъ, если только не

*) «Недѣля», № 34, 20 авг. 1900 г.

включать въ число послѣднихъ уменьшенія общаго количества учащихся въ университетахъ. Какъ и показалъ уже опытъ прошлаго года, такое уменьшеніе является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ примѣненія на практикѣ новаго порядка, создавшаго такимъ образомъ лишнюю преграду для русскаго юношества въ его поискахъ высшаго образованія.

За послѣдніе годы немалымъ препятствіемъ къ вступленію въ университетъ служитъ еще и чрезмѣрная высота платы за ученіе, которая, вмѣстѣ съ такъ назыв. профессорскимъ гонораромъ, достигаетъ приблизительно 100 р. въ годъ. При необезпеченности нашего студенчества, значительная часть котораго живетъ исключительно на средства, добываемыя своимъ трудомъ, такая сумма является весьма часто непосильнымъ бременемъ для студенческаго бюджета. Благодаря этому многіе недостаточные юноши вынуждены отказываться отъ высшаго образованія, а другіе, войдя въ университетъ, оказываются въ необходимости прибѣгать къ поддержкѣ благотворительныхъ обществъ, которымъ въ свою очередь годъ отъ году становится труднѣе справляться съ возложенной ими на себя задачей, своими размѣрами перерастающей частныя силы. Въ концѣ каждаго учебнаго полугодія эти общества употребляютъ отчаянныя усилія, чтобы собрать нѣсколько тысячъ рублей, необходимыхъ для взноса платы за недостаточныхъ студентовъ, но эти усилія рѣдко увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ и, наоборотъ, въ практикѣ нашихъ университетовъ за послѣднее время все болѣе учащаются случаи массоваго увольненія студентовъ за невзносъ платы. Изъ одного юрьевскаго университета за прошлый годъ было уволено исключительно по этой причинѣ 283 студента, а едва успѣлъ начаться настоящій учебный годъ, какъ въ томъ же университетѣ появилось объявленіе отъ мѣстнаго общества вспомоществованія нуждающимся студентамъ, извѣщающее, что всѣ прошенія о пособіи будутъ оставлены безъ послѣдствій, такъ какъ въ кассѣ общества не имѣется ни копѣйки денегъ *). Печать неоднократно уже указывала на ненормальность такихъ порядковъ. Повидимому, обратило на нихъ нѣкоторое вниманіе и учебное вѣдомство. Въ настоящемъ году, какъ сообщаютъ газеты, московскимъ университетомъ, въ силу распоряженія министра народнаго просвѣщенія, свидѣтельства на право жительства въ Москвѣ выдаются студентамъ лишь по внесеніи слѣдуемой съ нихъ въ первомъ семестрѣ платы за ученіе. Для лицъ неимущихъ установлена льгота: для полученія свидѣтельства требуется взносъ платы за ученіе, причитающейся непосредственно университету, т. е. 25 р. **). Эта радикальная мѣра, конечно, нѣсколько облегчитъ и упроститъ заботы университетскаго начальства по взысканію со

*) «Спб. Вѣд.», 4 мая; «Р. Вѣд.» 4 сент. 1900 г.

**) «М. Вѣд.», 20 авг. 1900 г.

студентовъ платы за первое полугодіе. Другой вопросъ, что выиграютъ студенты въ результатѣ столь рѣшительной отмѣны всѣхъ допускавшихся ранѣе отсрочекъ по взносу платы за ученіе. Если при прежнемъ порядкѣ необходимыя деньги можно было еще заработать въ одинъ—два льготные мѣсяца, то теперь исчезаетъ и эта возможность. Поэтому, если при дѣйствіи новой мѣры и можно ожидать сокращенія числа студентовъ, уволенныхъ въ теченіе учебнаго года за невзносъ платы, то такое сокращеніе будетъ куплено, несомнѣнно, лишь путемъ несоразмѣрно большого увеличенія количества лицъ, не принятыхъ въ университетъ. Пока еще неизвѣстно, распространится ли дѣйствіе названной мѣры и на другіе университеты, кромѣ московскаго. Судя по тому, что она принята по распоряженію министра, приходится скорѣе предполагать послѣднее и въ этомъ случаѣ она получитъ, конечно, немаловажное значеніе, какъ мѣра, ограничивающая доступъ къ высшему образованію для менѣе достаточныхъ классовъ общества.

Говоря о различныхъ видахъ сокращенія доступа къ высшему образованію, нельзя обойти молчаніемъ и еще одного, относящагося сюда факта. Какъ извѣстно, въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ число принимаемыхъ въ нихъ евреевъ ограничено опредѣленнымъ процентомъ общаго количества учащихся въ этихъ заведеніяхъ. Между тѣмъ недавно газеты сообщили, что „въ настоящемъ учебномъ году процентъ студентовъ-евреевъ, принимаемыхъ въ петербургскій университетъ, будетъ исчисляться не по общему количеству всѣхъ принятыхъ въ университетъ, а по количеству принятыхъ на каждый факультетъ въ отдѣльности“ *). Въ значеніи и возможныхъ результатахъ этой мѣры не приходится сомнѣваться. На факультеты историко-филологическій и восточныхъ языковъ евреи обыкновенно почти не поступаютъ, такъ какъ эти факультеты открываютъ по преимуществу дорогу къ государственной службѣ, дорогу, которая у насъ совершенно закрыта для евреевъ. Въ виду этого въ петербургскомъ университетѣ, не имѣющемъ медицинскаго факультета, евреи поступаютъ главнымъ образомъ на юридическій факультетъ и отчасти на физико-математическій, такъ какъ получаемое здѣсь обрззованіе они могутъ затѣмъ, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, приложить къ практической жизни. При такихъ условіяхъ исчисленіе процента допускаемыхъ въ университетъ евреевъ по отдѣльнымъ факультетамъ должно повлечь за собою уменьшеніе общаго числа студентовъ-евреевъ. Едва ли только эта мѣра, вѣсть о которой тяжело отзовется въ еврейскихъ образованныхъ семьяхъ, имѣетъ за себя какія-либо формальныя или реальныя основанія. Университетъ не представляетъ собою соединенія нѣсколькихъ независимыхъ школъ и его факультеты не болѣе, какъ части одного цѣ-

*) «Сѣв. Кур.», 20 авг. 1900 г.

лаго. Странно поэтому встрѣтиться съ административною мѣрою, выдѣляющей эти части изъ того цѣлаго, къ которому онѣ принадлежатъ, и какъ бы придающей имъ самостоятельное значеніе. Немногимъ болѣе понятна названная мѣра и въ томъ случаѣ, если разсматривать ее по существу. Въ петербургскій университетъ евреи допускались въ количествѣ 3% общаго числа студентовъ. Такъ какъ всѣхъ студентовъ въ немъ числится около трехъ съ половиной тысячъ человѣкъ, то евреевъ по старому порядку могло быть принято около 105 человѣкъ, а по новому— будетъ принято человѣкъ на 20—25 менѣе этого числа. Если даже попытаться стать на ту точку зрѣнія, согласно которой наличность большого числа образованныхъ евреевъ вредна и даже опасна, то можно еще спросить, неужели такая опасность грозитъ и отъ сотни образованныхъ евреевъ, приходящейся на три съ половиной тысячи получившихъ такое же образованіе русскихъ, и неужели исчезнетъ она отъ сокращенія этой сотни на 20 человѣкъ. Мы не будемъ уже останавливаться на томъ соображеніи, что подобное ограниченіе правъ плохо совмѣстимо съ выполненіемъ евреями всѣхъ обязанностей гражданъ государства. Не слѣдуетъ однако забывать, что изъ всѣхъ возможныхъ ограниченій личныхъ правъ ограниченіе права на образованіе является, быть можетъ, наиболѣе тяжелымъ, такъ какъ, затрогивая и умственные, и матеріальные интересы народа, оно вмѣстѣ съ тѣмъ распространяетъ свое вліяніе не только на настоящее, но и на будущее. Если въ области просвѣщенія „черта осѣдлости“ представляется особенно неумѣстной, то, съ другой стороны, именно здѣсь, разъ будучи проведена, она пріобрѣтаетъ крайне прочный характеръ и грозитъ, даже послѣ своего исчезновенія изъ дѣйствительной жизни, оставить по себѣ трудно смываемые слѣды. Поэтому новое сокращеніе числа допускаемыхъ къ высшему образованію евреевъ, неизбѣжно вытекающее изъ принятой министерствомъ мѣры, можетъ быть встрѣчено лишь съ большимъ сожалѣніемъ, какъ идущее въ разрѣзъ съ дѣйствительными интересами государства и общества.

Новый учебный годъ такимъ образомъ не принесъ съ собою надеждъ на серьезное облегченіе доступа къ высшему образованію. Количественный ростъ высшей школы по прежнему отстаетъ отъ запроса на эту школу, предъявляемаго со стороны общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ и препятствія, встрѣчаемыя нашимъ юношествомъ на порогѣ высшей школы, съ началомъ новаго учебнаго года не только не сократились, но, пожалуй, даже выросли въ размѣрѣ. Нельзя не сожалѣть объ этомъ, такъ какъ недостатокъ интеллигентныхъ работниковъ на каждомъ шагу больно даетъ себя чувствовать въ нашей жизни. Народная масса до сихъ поръ остается у насъ удаленною отъ благъ цивилизаціи и не только деревня, но и низшіе слои городского населенія выну-

ждены обходиться въ своей жизни безъ помощи образованныхъ спеціалистовъ, замѣняя ее подчасъ весьма сомнительными суррогатами. Медицинская помощь, юридическіе совѣты, техническія знанія, наконецъ, даже элементарное общее образованіе и по сейчасъ составляютъ въ жизни этой массы своего рода роскошь, и такое положеніе дѣла стоитъ въ самой тѣсной связи съ недостаточнымъ распространеніемъ высшаго образованія. Но, какъ показываютъ отчасти и приведенные выше факты, это послѣднее объясняется не только скромнымъ бюджетомъ министерства народнаго просвѣщенія, а и нѣкоторыми общими тенденціями, какими оно вдохновляется въ настоящее время въ своей дѣятельности.

Что касается внутренней жизни высшихъ учебныхъ заведеній, то и въ ней, поскольку она опредѣляется мѣрами учебнаго начальства, не приходится, повидимому, въ скоромъ будущемъ ожидать какого-либо новаго теченія. Прошлою весною въ печати, правда, промелькнуло любопытное извѣстіе о проектѣ реорганизаціи студенческаго быта, выработанномъ въ одномъ изъ нашихъ университетовъ и представляющемъ большой интересъ. Именно, въ казанскомъ университетѣ профессорская коммиссія, избранная совѣтомъ съ цѣлью выработки проекта новыхъ правилъ, опредѣляющихъ собою бытъ студентовъ, включила въ свой проектъ слѣдующіе параграфы, которые мы рѣшаемся привести дословно. „Студенты каждаго курса на каждомъ факультетѣ, говорится въ этомъ проектѣ, могутъ избирать изъ своей среды по одному уполномоченному, который является представителемъ ихъ по дѣламъ курса. Эти уполномоченные утверждаются на каждый учебный годъ ректоромъ университета. Студенты, замѣченные въ неодобрительномъ поведеніи, не могутъ быть уполномоченными отъ курса. Для обсужденія дѣлъ, относящихся до учебныхъ занятій и студенческаго быта, студенты могутъ образовывать кружки и собранія. Собранія происходятъ въ свободное отъ учебныхъ занятій время въ помѣщеніи университета и бываютъ курсовыя и общія; первыя составляются изъ лицъ, принадлежащихъ къ одному и тому же курсу, вторыя только изъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ курсовъ. Программа вопросовъ, подлежащихъ обсужденію въ собраніяхъ, представляется на утвержденіе ректора. На каждое собраніе предсѣдатель назначается ректоромъ изъ числа профессоровъ университета" *). Въ случаѣ утвержденія этого проекта, вносящаго, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ, корпоративное начало въ жизнь студенчества, онъ могъ бы получить весьма серьезное и благотворное значеніе для послѣдней. Къ сожалѣнію, приходится признать, что для такого утвержденія имѣется очень мало шансовъ. Нынѣшнее министерство еще въ

*) «Сынъ Отеч.», 3 мая 1900 г.

прошломъ году категорически высказало безусловно отрицательный взглядъ на студенческія корпораціи и въ качествѣ средствъ для упорядоченія студенческой жизни намѣтило лишь устройство студенческихъ общежитій, усиленіе инспекціи и организацію практическихъ занятій студентовъ въ университетахъ. Денежныя средства, необходимыя для выполненія этой программы, были ассигнованы прошедшею весной въ слѣдующемъ размѣрѣ: на устройство студенческихъ общежитій при университетахъ, кромѣ варшавскаго, въ 1900—1901 гг. по 1½ милліона рублей, а въ 1902 г.—262.000 р., на усиленіе инспекціи—77.980 р. въ годъ и на усиленіе практическихъ занятій — по 32.400 руб. ежегодно. Нельзя не видѣть, что эта программа отличается нѣкоторой односторонностью, способной въ корнѣ подорвать ея практическое значеніе. Наиболѣе широко поставленныя части ея едва-ли могутъ быть признаны и наиболѣе практичными. Студенческія общежитія, которыя, по мысли министра, предназначены не столько для урегулированія матеріальныхъ условій быта учащейся молодежи, сколько для „огражденія студентовъ отъ вредныхъ вліяній и соблазновъ чужого города", не могутъ, при всей внушительности отпущенныхъ на нихъ суммъ, служить интересамъ сколько-нибудь значительной части студенчества и, какъ показалъ опытъ, не пользуются популярностью среди послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ, та задача нравственнаго воздѣйствія на молодежь, которая открыто ставится этимъ учрежденіямъ, легко можетъ толкнуть ихъ руководителей на путь нѣкоторой опеки надъ поселяющимися въ общежитіи студентами, хотя бы въ видѣ установленія обязательнаго „общенія" ихъ съ учебнымъ персоналомъ. Между тѣмъ слишкомъ хорошо извѣстно, какъ отталкивающе дѣйствуетъ всякая попытка подобной опеки на молодежь, всегда склонную ревниво охранять свою самостоятельность. При такихъ условіяхъ трудно ожидать со стороны учащейся молодежи большихъ симпатій къ общежитіямъ, и отсутствіе этихъ симпатій подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что составъ населенія общежитій далеко не отличается постоянствомъ. Такъ, изъ 110 студентовъ, поселившихся въ первомъ семестрѣ прошлаго года въ московскомъ общежитіи, во второмъ семестрѣ уже 30 человѣкъ выселилось на частныя квартиры *). Равнымъ образомъ и усиленіе университетской инспекціи врядъ-ли дастъ какіе-либо осязательные результаты, кромѣ увеличенія надзора за внѣшними порядками жизни студенчества, причемъ самая необходимость подобнаго надзора остается еще далеко недоказанною. Хотя министерскій циркуляръ и предписывалъ инспекціи пріобрѣтать нравственное вліяніе на студентовъ, но подобное предписаніе гораздо труднѣе выполнить въ дѣйствительности, нежели формулировать

*) «Спб. Вѣд.», 15 февр. 1900 г.

лировать на бумагѣ. Если и вообще нравственное вліяніе дается не легко и менѣе всего является результатомъ предписаній, то требованіе подобнаго вліянія на молодежь отъ университетской инспекціи могло бы повести лишь къ ряду непріятныхъ осложненій, такъ какъ трудно представить себѣ ту почву, на которой инспекція могла бы заручиться этимъ вліяніемъ, не вторгаясь болѣе или менѣе насильственно во внутренній міръ студента. Повидимому, однако на практикѣ обязанности инспекціи и послѣ ея усиленія сохранили всецѣло свой прежній характеръ. Болѣе значенія въ смыслѣ реформы университетскаго быта могла бы имѣть третья часть выставленной министерствомъ программы, заключающаяся въ усиленіи практическихъ занятій студентовъ. Но, не говоря уже о томъ, что эти занятія все же не могутъ замѣнить свободнаго общенія студентовъ между собою, средства, отпущенныя на нихъ и едва достигающія половины суммы, ассигнованной на усиленіе инспекціи, слишкомъ ничтожны и не позволяютъ придать этимъ занятіямъ подобающую имъ широкую организацію.

Какъ видно изъ сказаннаго, выполненіе программы, поставленной министерствомъ народнаго просвѣщенія, не обѣщаетъ какой-либо общей реформы въ быту нашихъ университетовъ. Между тѣмъ переживаемая нами дѣйствительность выдвигаетъ въ сущности немало аргументовъ въ пользу такой реформы. Не обращаясь къ деталямъ, достаточно сказать, что тотъ университскій уставъ 1884 г., который въ свое время былъ созданъ въ угоду охранителямъ и до сихъ поръ молчаливо признается какъ бы сохраняющимъ все свое значеніе, на практикѣ въ значительной своей части уже не существуетъ, будучи отмѣненъ отдѣльными административными распоряженіями. Это обстоятельство дѣлаетъ положеніе университетовъ во многихъ случаяхъ крайне неопредѣленнымъ, но тѣмъ не менѣе передѣлка отдѣльныхъ частей устава, имѣющая своею цѣлью устраненіе особенно замѣтныхъ частныхъ неудобствъ его, по всей видимости, не скоро еще уступитъ свое мѣсто радикальной перестройкѣ обветшавшаго зданія.

Медленному росту нашей высшей школы вполнѣ соотвѣтствуетъ столь же медленное возрастаніе числа средне-образовательныхъ школъ. Но такъ какъ запросъ на среднее образованіе предъявляется гораздо болѣе широкими кругами общества, то и фактъ переполненія средней школы пріобрѣтаетъ несравненно болѣе внушительные размѣры, доходя до степени своего рода бѣдствія. Ежегодно въ извѣстные мѣсяцы во всѣхъ почти углахъ нашего отечества слышатся громкія жалобы родителей на недостатокъ мѣстъ въ школахъ, и всѣ газеты переполняются корреспонденціями, на разные лады повторяющими тѣ же самыя жалобы. Суще-

ствующія школы набиваются учащимися до послѣдней возможности. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, напримѣръ, даже „воздухъ въ классахъ женской гимназіи, вслѣдствіе переполненія ихъ учащимися, настолько портится, что по анализу оказался хуже, чѣмъ въ казармахъ и даже въ ночлежныхъ домахъ“ *). Но и такое, доведенное до послѣдней крайности, переполненіе учебныхъ заведеній не помогаетъ дѣлу, и въ массѣ городовъ каждый годъ десятки и сотни дѣтей обоего пола напрасно стучатся въ двери школы и вынуждены оставаться за ея стѣнами. Стоя лицомъ къ лицу съ неразрѣшимою задачею помѣщенія въ школу не вмѣщающагося въ ней количества учащихся, педагоги и обыватели постепенно пріучаются замѣнять эту задачу другою и изощряютъ свое остроуміе и фантазію въ выборѣ средствъ, которыя могли бы разрѣдить густую толпу ищущихъ школьнаго образованія. Благодаря постоянному повышенію требованій на вступительныхъ экзаменахъ, послѣдніе во многихъ школахъ сами собою обращаются въ конкурсные. Но и это сравнительно простое средство, вслѣдствіе стараній родителей, плохо помогаетъ, и мѣстами педагогическая изобрѣтательность идетъ еще дальше. Согласно правиламъ, для поступленія въ приготовительный классъ гимназій отъ дѣтей не требуется даже грамотности. Руководясь этимъ, начальство тверской мужской гимназіи въ текущемъ году предъявило къ экзаменовавшимся въ этотъ классъ мальчикамъ требованіе полной безграмотности и отказывало въ пріемѣ тѣмъ изъ нихъ, кто умѣлъ хотя немного читать. Блестяще задуманный планъ, впрочемъ, провалился, благодаря коварству родителей, научившихъ своихъ дѣтей притвориться безграмотными **). Въ Саратовѣ предлагается другой пріемъ рѣшенія труднаго вопроса. Одинъ изъ сотрудниковъ мѣстной газеты задаетъ вопросъ, не вытѣсняются ли изъ саратовскихъ школъ *свои* дѣти пришлымъ элементомъ, именно самарскимъ, и проектируетъ „отдавать предпочтеніе тѣмъ учащимся, родители которыхъ принадлежатъ къ населенію Саратовской губерніи“, или же учредить особый сборъ съ самарцевъ, воспитывающихъ своихъ дѣтей въ саратовскихъ заведеніяхъ ***). Въ Симферополѣ обыватели предпочитаютъ придавать школѣ не территоріальный, а сословный характеръ. Мѣстное купеческое общество отказалось субсидировать параллельный классъ въ реальномъ училищѣ, исходя изъ того основанія, что „если дворянство и духовенство имѣютъ свои чисто сословныя образовательныя заведенія, то и купечество должно стремиться къ открытію такихъ же“, такъ какъ въ общеучебныхъ заведеніяхъ большинство не принадлежитъ къ купеческому классу ****).

*) «Сынъ Отеч.», 8 февраля 1900.
**) «Р. Вѣд.», 8 іюля 1900 г.
***) «Сарат. Листокъ», 20 авг. 1900 г.
****) «Спб. Вѣд.», 13 авг. 1900 г.

Но если вообще вступленіе въ среднюю школу сопряжено съ большими затрудненіями, то для одной группы населенія эти затрудненія особенно возрастаютъ, становясь почти непредолимыми. „Время пріемныхъ экзаменовъ—писали недавно изъ Вильны „Сѣв. Курьеру“—время страха, тревоги и отчаянія для еврейскихъ дѣтей и родителей. Связи, протекція, нерѣдко добываемыя съ большимъ трудомъ и затратами,—все пускается въ дѣло, чтобы только попасть въ „процентъ“. Но всѣ эти средства очень часто не достигаютъ цѣли... Родители мечутся изъ одного учебнаго заведенія въ другое, посылаютъ телеграммы въ города внѣ „черты“ съ запросами, нѣтъ ли „еврейскихъ“ вакансій. Допустимъ, что тамъ имѣется такая счастливая вакансія, но какъ же быть съ правомъ жительства?!“ *). Настоящій учебный годъ ознаменовался сверхъ того и спеціальною мѣрою по отношенію къ вступающимъ въ учебныя заведенія евреямъ. Какъ передавали газеты, въ кіевскомъ округѣ состоялось слѣдующее распоряженіе относительно пріема евреевъ въ учебныя заведенія: „въ виду неоднократнаго отклоненія министромъ народнаго просвѣщенія ходатайствъ нѣкоторыхъ еврейскихъ обществъ и частныхъ лицъ изъ евреевъ объ освобожденіи дѣтей ихъ, обучающихся какъ въ среднихъ, такъ и въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, отъ письменныхъ работъ по субботамъ, г. попечителемъ кіевскаго учебнаго округа предложено гг. завѣдующимъ средними учебными заведеніями и гг. инспекторамъ народныхъ училищъ, чтобы на будущее время принимались только тѣ дѣти евреевъ, родители которыхъ дадутъ подписку въ томъ, что дѣти ихъ во время пребыванія въ учебныхъ заведеніяхъ будутъ подчиняться всѣмъ требованіямъ учебнаго начальства, отнюдь не дозволяя себѣ какихъ-либо уклоненій отъ исполненія письменныхъ работъ по субботамъ“ **). Собственно педагогическія соображенія едва-ли столь настоятельно требуютъ назначенія письменныхъ работъ для учениковъ-евреевъ именно по субботамъ и въ виду этого остается предполагать, что, принимая указанную мѣру, учебное вѣдомство руководилось какими-либо особыми мотивами, къ сожалѣнію, оставшимися неизвѣстными. Объ этомъ тѣмъ болѣе стоитъ пожалѣть, что, не зная этихъ мотивовъ, трудно представить себѣ, что могло побудить поставить правила школы въ столь рѣшительное противорѣчіе съ религіозными предписаніями, какими руководится часть ея учениковъ. Не говоря уже о томъ, что подобное противорѣчіе можетъ повлечь за собою уменьшеніе числа учащихся евреевъ, оно создаетъ не совсѣмъ удобное положеніе и для самой школы, какъ бы заставляя ее играть роль насильственнаго разрушителя религіозныхъ предписаній.

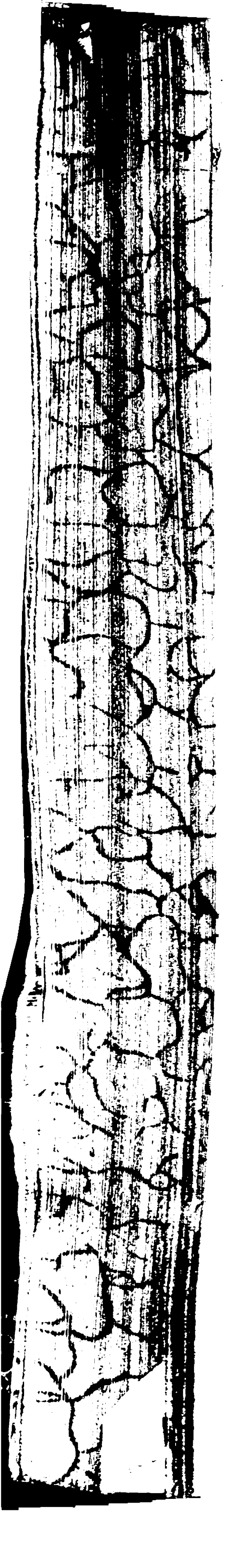
Общее переполненіе существующихъ школъ могло бы быть

*) «Сѣв. Кур.», 10 іюля 1900 г.

**) «Кіевская газета». Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 12 іюля 1900 г.

устранено, конечно, лишь путемъ открытія большого количества новыхъ учебныхъ заведеній. По этому вопросу недавно состоялся циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія, обращенный къ попечителямъ учебныхъ округовъ и предлагающій имъ на будущее время при всякомъ ходатайствѣ объ открытіи новыхъ учебныхъ заведеній входить въ министерство съ такими представленіями, которыя заключали бы въ себѣ совокупность предположеній округа, подлежащихъ осуществленію въ опредѣленный промежутокъ времени, и сопровождались бы данными, по которымъ можно было бы судить о степени ихъ неотложности. Вмѣстѣ съ тѣмъ циркуляръ предлагалъ попечителямъ обсудить вопросъ, не слѣдуетъ ли въ тѣхъ городахъ, гдѣ замѣчается значительное скопленіе учащихся, открыть новыя учебныя заведенія и тѣмъ сократить число учащихся въ нихъ до установленной нормы или даже до числа, нѣсколько меньше нормальнаго *). Министерство такимъ образомъ какъ будто сомнѣвается въ серьезныхъ размѣрахъ испытываемой населеніемъ нужды въ школѣ и во всякомъ частномъ случаѣ желаетъ имѣть обстоятельныя доказательства этой нужды, подлежащія его провѣркѣ. Правда, по мнѣнію „Р. Вѣдомостей“, этотъ циркуляръ „долженъ быть понимаемъ лишь какъ формальное упорядоченіе вопроса, причемъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ доказательствомъ, что министерство озабочено открытіемъ новыхъ средне-учебныхъ заведеній“ **). Факты однакоже говорятъ скорѣе не въ пользу мнѣнія московской газеты. Еще недавно ея корреспондентъ сообщалъ о результатѣ ходатайства тифлисскаго городскаго управленія, которое просило объ открытіи въ Тифлисѣ новой прогимназіи, ссылаясь на то, что ежегодно многія дѣти не могутъ поступить въ существующія гимназіи за неимѣніемъ вакансій. Министерство не признало однако необходимости въ новомъ общеобразовательномъ среднемъ учебномъ заведеніи для Тифлиса и предложило взамѣнъ классической прогимназіи открыть „какое-либо заведеніе изъ промышленныхъ типовъ, наиболѣе отвѣчающее мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ“ ***). Какъ видно изъ этого примѣра, взгляды мѣстнаго населенія и даже попечителей учебныхъ округовъ далеко не всегда будутъ приниматься въ министерствѣ и въ виду этого циркуляръ, о которомъ идетъ рѣчь, едва-ли получитъ лишь формальный характеръ. Въ дѣлѣ открытія новыхъ школъ министерство народнаго просвѣщенія въ настоящее время озабочено, повидимому, главнымъ образомъ распространеніемъ промышленныхъ училищъ. Въ спеціальномъ циркулярѣ, изданномъ имъ 31 мая настоящаго года, оно указывало на тотъ фактъ, что „прогрессивный ростъ промышлен-

*) *«Сѣв. Кур.»*, 18 авг. 1900 г.
**) *«Р. Вѣд.»*, 8 іюля 1900 г.
***) *«Р. Вѣд.»*, 18 іюля 1900 г.

ности, выражающійся образованіемъ новыхъ промышленныхъ обществъ и компаній, устройствомъ новыхъ заводовъ и фабрикъ и улучшеніемъ существующихъ, идетъ значительно впереди школьнаго дѣла и, создавая огромную потребность въ людяхъ, обладающихъ спеціальными знаніями, побуждаетъ къ неотложному принятію мѣръ съ цѣлью подготовленія этихъ нужныхъ людей". Циркуляръ предписывалъ поэтому начальствамъ учебныхъ округовъ обсудить вопросъ о томъ, въ какихъ мѣстностяхъ и какого типа промышленныя училища должны быть открыты въ ближайшемъ будущемъ *). На дняхъ въ газетахъ появилось извѣстіе, что на разсмотрѣніе попечителей кіевскаго и одесскаго учебныхъ округовъ поступилъ выработанный въ министерствѣ проектъ общеобразовательной школы реальнаго характера съ 8-классныкъ курсомъ, которая „дастъ болѣе широкое, по сравненію съ нынѣшними реальными училищами, развитіе и имѣетъ въ виду подготовить молодыхъ людей средняго образованія, вполнѣ пригодныхъ для разнообразной практической дѣятельности и обладающихъ вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ достаточнымъ общимъ образованіемъ" **). До появленія болѣе точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о предполагаемой организаціи такой „общеобразовательной съ прикладными занятіями средней школы" трудно, конечно, составить себѣ опредѣленное представленіе о практической цѣнности этого проекта. Что же касается вообще усиленныхъ заботъ о распространеніи техническаго образованія, то, нисколько не пытаясь отрицать ихъ полезности и даже необходимости, можно думать, однако, что во всякомъ случаѣ не въ нихъ заключается у насъ въ настоящій моментъ главная задача въ дѣлѣ народнаго образованія. Техническая школа, если только она не сводится къ простой ремесленной выучкѣ, можетъ быть основана лишь на широкомъ фундаментѣ общаго образованія и не имѣетъ прочныхъ шансовъ на успѣхъ тамъ, гдѣ слабо развита и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи низшая и средняя общеобразовательная школа.

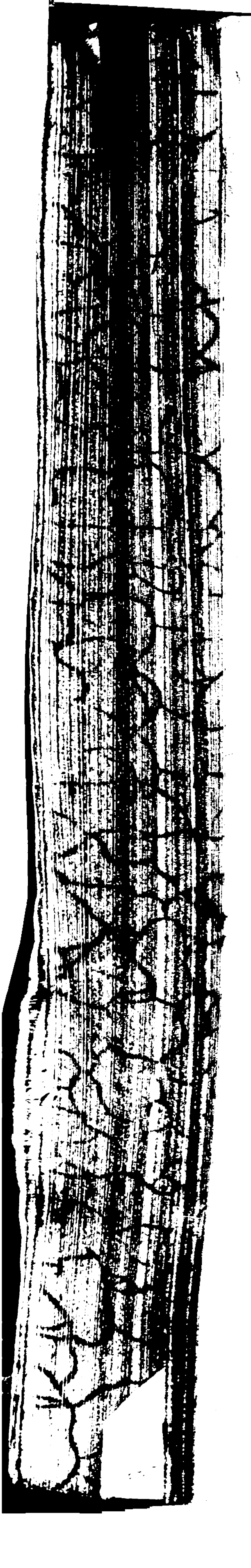
Возвращаясь еще къ вопросу о затрудненіяхъ, переживаемыхъ среднею школою при пріемѣ учениковъ, слѣдуетъ отмѣтить, что эти затрудненія вызываютъ подчасъ даже со стороны высшаго начальства учебныхъ округовъ несовсѣмъ удачныя попытки разрубить безнадежно запутавшійся гордіевъ узелъ. Подобная попытка была недавно предпринята петербургскимъ попечителемъ. 1 августа онъ обратился къ директорамъ учебныхъ заведеній съ циркуляромъ, въ которомъ сообщалъ, что многіе родители просятъ его „указать имъ учебныя заведенія, въ которыя они могли бы опредѣлить своихъ дѣтей, такъ какъ начальники тѣхъ заведеній, въ которыя они обращались непосредственно, отказали имъ даже въ

*) «Россія», 13 іюля 1900 г.
**) «Сѣв. Кур.», 4 сент. 1900 г.

пріемѣ прошеній, подъ прелогомъ неимѣнія вакансій въ соотвѣтствующихъ классахъ". „Такой предлогъ — продолжалъ г. попечитель—я нахожу совершенно неосновательнымъ, ибо окончательный составъ классовъ можетъ вполнѣ опредѣлиться только по окончаніи всѣхъ дополнительныхъ и пріемныхъ испытаній". Вслѣдствіе этого попечитель счелъ нужнымъ установить особыя правила для пріема учениковъ. „Къ пріемнымъ испытаніямъ, согласно этимъ правиламъ, во всѣ классы въ каждомъ учебномъ заведеніи должны быть допущены всѣ желающіе; по окончаніи испытаній педагогическіе совѣты должны составить списки выдержавшихъ испытанія, расположивъ въ нихъ экзаменовавшихся по степени успѣшности испытаній", а по окончаніи дополнительныхъ и пріемныхъ испытаній принять на оставшіяся свободными вакансіи лучшихъ изъ выдержавшихъ пріемные экзамены. Затѣмъ „не позже, какъ на третій день отъ начала учебныхъ занятій, педагогическіе совѣты должны сдѣлать постановленія объ увольненіи учениковъ, не явившихся безъ уважительныхъ причинъ къ учебнымъ занятіямъ, и замѣстить открывшіяся такимъ образомъ вакансіи лучшими изъ оставшихся въ спискахъ выдержавшихъ пріемныя испытанія". Выдержавшимъ же испытанія, но не принятымъ за неимѣніемъ вакансій, должны быть выданы соотвѣтствующія удостовѣренія. Вмѣстѣ съ тѣмъ попечитель требовалъ отъ директоровъ представленія ему „свѣдѣній: 1) о численномъ составѣ отдѣльныхъ классовъ, 2) о числѣ уволенныхъ за неявку къ учебнымъ занятіямъ и 3) о числѣ подвергавшихся пріемнымъ испытаніямъ по классамъ, выдержавшихъ таковыя, принятыхъ, а также не принятыхъ за неимѣніемъ вакансій", обѣщая на основаніи этихъ свѣдѣній „возбудить ходатайство объ открытіи въ будущемъ новыхъ учебныхъ заведеній и нынѣ же принять мѣры къ открытію параллельныхъ отдѣленій въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ для того, чтобы по возможности всѣ, выдержавшіе испытанія, могли быть дѣйствительно приняты въ учебныя заведенія" *).

Мы назвали этотъ циркуляръ не вполнѣ удачной попыткой разсѣчь гордіевъ узелъ. Дѣйствительно, правильность той точки зрѣнія, изъ которой исходитъ петербургскій попечитель, подлежитъ большому сомнѣнію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и практическое значеніе принятой имъ мѣры рискуетъ оказаться весьма незначительнымъ, чтобъ не сказать больше. Начать съ того, что, отказывая въ пріемѣ прошеній, которыя все равно не могли быть удовлетворены за недостаткомъ въ гимназіяхъ свободныхъ мѣстъ, директора въ сущности оказывали услугу родителямъ, давая имъ тѣмъ самымъ время пріискать другое учебное заведеніе, въ которомъ были бы вакансіи. Не вина директоровъ, если часто такого учебнаго заведенія вовсе не находилось. Новый порядокъ—

*) «Россія», 4 авг. 1900 г.

пріема въ каждой гимназіи всѣхъ прошеній и удовлетворенія лишь части ихъ,—надо полагать, вызоветъ еще болѣе жалобъ и, слѣдуетъ прибавить, эти жалобы будутъ болѣе справедливы. Не много выиграетъ въ нашихъ глазахъ этотъ порядокъ и въ томъ случаѣ, если разсматривать его, какъ способъ собиранія статистическаго матеріала по вопросу о количествѣ дѣтей, не имѣющихъ возможности попасть въ школу, такъ какъ для этой цѣли было бы достаточно свѣдѣній о числѣ непринятыхъ прошеній о допущеніи къ пріемнымъ экзаменамъ. Предположеніе попечителя воспользоваться собраннымъ цифровымъ матеріаломъ, чтобы, руководствуясь имъ, открыть при гимназіяхъ параллельныя отдѣленія въ количествѣ, позволяющемъ принять всѣхъ выдержавшихъ пріемные экзамены, несомнѣнно, заслуживало бы полнаго сочувствія, еслибы возможно было вѣрить въ его практическую осуществимость. Къ сожалѣнію, въ послѣдней нельзя не усомниться въ виду слишкомъ скромнаго бюджета министерства народнаго просвѣщенія, который врядъ ли позволяетъ отдѣльнымъ попечителямъ столь широко распоряжаться его матеріальными средствами. Не даромъ циркуляръ петербургскаго попечителя обѣщаетъ принять въ проектируемые параллельные классы лишь „по возможности“ всѣхъ выдержавшихъ экзамены, тѣмъ самымъ придавая обѣщанной реформѣ крайне условный характеръ. Но эта проблематическая выгода соединена съ реальными и очень серьезными измѣненіями школьныхъ порядковъ. Устанавливая экзамены для всѣхъ подавшихъ прошенія и требуя пріема лучшихъ изъ выдержавшихъ испытанія, циркуляръ попечителя обращаетъ всѣ пріемные экзамены въ гимназіяхъ въ конкурсные. Между тѣмъ не нужно быть педагогомъ, чтобы оцѣнить все вредное вліяніе конкурса при пріемѣ учениковъ въ среднее учебное заведеніе. Столь же мало способно вызвать къ себѣ сочувствіе и другое требованіе циркуляра, согласно которому ученикъ, не явившійся къ началу учебныхъ занятій, на третій день долженъ быть уволенъ изъ гимназіи. Стремясь предоставить услуги средней школы всѣмъ, ищущимъ образованія, странно разсматривать мальчика, на два дня опоздавшаго къ урокамъ, какъ какого-то дезертира, и налагать на него столь строгое и несоразмѣрное винѣ взысканіе. Нельзя не пожалѣть, что подобныя мѣры, въ корнѣ измѣняющія отношенія школы къ ученикамъ и ихъ семьямъ, принимаются единоличною властью попечителя, не только безъ разсмотрѣнія ихъ педагогическими совѣтами, но даже и безъ санкціи министра. Порядокъ, при которомъ въ различныхъ учебныхъ округахъ будутъ издаваться своего рода самостоятельные законы для учебныхъ заведеній, не можетъ быть признанъ соотвѣтствующимъ требованіямъ здравой организаціи школьнаго дѣла и было бы, несомнѣнно, правильнѣе и назрѣвшему вопросу о способахъ пріема учениковъ въ среднюю школу дать общее рѣшеніе, исключающее

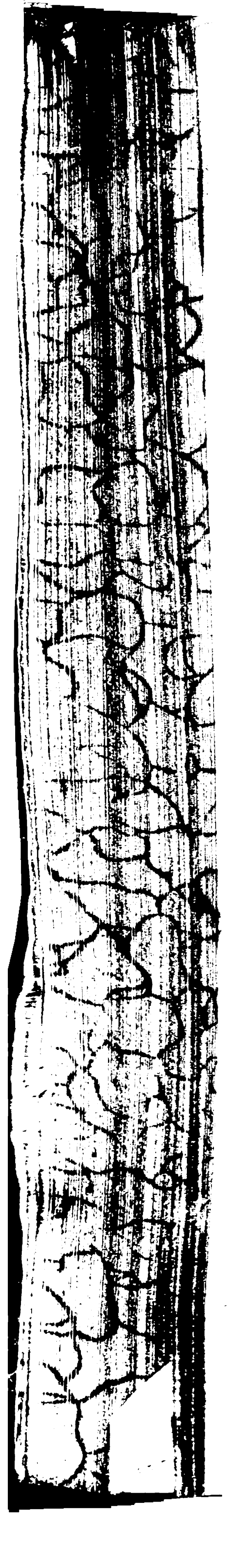
возможность чрезмѣрно оригинальныхъ распоряженій мѣстныхъ властей.

Настоящій учебный годъ начинается, подобно тому, какъ закончился прошлый, въ ожиданіи крупной реформы, задуманной министерствомъ народнаго просвѣщенія и долженствующей измѣнить характеръ нашей средней школы. Сущность предположенной реформы и до сихъ поръ однако остается неизвѣстною и объ ней можно пока лишь догадываться съ большею или меньшею степенью вѣроятности. Весною появилось было извѣстіе, что труды коммиссіи по пересмотру программъ среднихъ учебныхъ заведеній имѣется въ виду опубликовать *), но если это благое намѣреніе и существовало, то во всякомъ случаѣ до сихъ поръ оно еще не приведено въ исполненіе. Лѣтомъ газеты сообщили, что комитетомъ министровъ, согласно представленію министерства народнаго просвѣщенія, отклонены ходатайства орловскаго, симбирскаго и курскаго губернскихъ земствъ объ участіи представителей отъ нихъ въ трудахъ правительственной коммиссіи по пересмотру программъ средне-учебныхъ заведеній и что такая же судьба постигла ходатайство орловскаго губернскаго земства объ уничтоженіи привилегій классическаго образованія **). Это послѣднее сообщеніе позволяетъ заключить, что и въ результатѣ ожидаемаго преобразованія классическая школа, хотя и въ нѣсколько реформированномъ видѣ, не только продолжитъ свое существованіе на будущее время, но и сохранитъ нынѣшнюю свою привилегію единственной школы, открывающей доступъ въ университетъ.

Лишь съ началомъ осени появились первые оффиціальные предвозвѣстники ожидаемой реформы въ видѣ четырехъ циркуляровъ министра народнаго просвѣщенія, изданныхъ 1 и 2 августа и разъяснившихъ порядокъ, въ какомъ будетъ вводиться реформа средней школы, если не самое существо этой реформы. „Учрежденная въ текущемъ году съ Высочайшаго соизволенія коммиссія по вопросамъ средней общеобразовательной школы—говорится въ одномъ изъ этихъ циркуляровъ — выработала многочисленныя предположенія о мѣрахъ улучшенія сказанной школы. Большинство этихъ предположеній потребуетъ новыхъ законодательныхъ мѣръ и продолжительнаго времени для ихъ окончательной разработки. Другія предположенія достаточно разработаны самой коммиссіей и могутъ быть осуществлены властью министра. Таковы правила объ экзаменахъ. Они будутъ изданы осенью сего года по полученіи заключеній попечительскихъ совѣтовъ по этому пред-

*) «Нижег. Листокъ», 20 апр. 1900 г.

**) «Орл. Вѣстникъ», 5 іюля 1900 г.

мету. Наконецъ, нѣкоторыя изъ предположенiй коммиссiи выяснены настолько, что могутъ быть осуществлены теперь же. Къ числу ихъ принадлежатъ новые учебные планы по древнимъ языкамъ". Итакъ, часть задуманнаго преобразованiя, требующая законодательныхъ мѣръ, откладывается на продолжительное время, другая же часть будетъ осуществлена немедленно властью министра, причемъ въ томъ и другомъ случаѣ министерство не считаетъ, повидимому, нужнымъ передавать свои мѣропрiятiя на предварительное обсужденiе общества и печати, довольствуясь лишь совѣтами созванныхъ имъ въ прошломъ году экспертовъ. Упомянутые четыре циркуляра министра, входя въ общiй планъ предположенной учебнымъ вѣдомствомъ реформы, и представляютъ собою попытку немедленнаго измѣненiя въ жизни современной средней школы. Первый изъ этихъ циркуляровъ говоритъ о введенiи въ мужскихъ гимназiяхъ новыхъ учебныхъ плановъ по древнимъ языкамъ, второй—о дѣятельности педагогическихъ совѣтовъ и хозяйственныхъ комитетовъ въ среднихъ учебныхъ заведенiяхъ, третiй—о составленiи преподавателями подробныхъ программъ преподаванiя и четвертый отмѣняетъ лѣтнiя каникулярныя работы учениковъ.

Часть нашей печати склонна придавать этимъ циркулярамъ весьма серьезное значенiе, съ надеждой или опасенiемъ усматривая въ нихъ первый приступъ къ коренной перестройкѣ существующей системы средняго образованiя. Особенно далеко зашелъ въ этомъ направленiи „Русскiй Вѣстникъ", который въ спецiальной статьѣ, носящей сенсацiонное заглавiе: „Разрушенiе классической гимназiи", съ горькимъ паѳосомъ доказываетъ, что на нашихъ глазахъ происходитъ совершенное упраздненiе всей введенной въ семидесятыхъ годахъ системы классическаго образованiя. По существу однакоже трудно найти въ принятыхъ министерствомъ мѣрахъ поводъ къ столь преувеличеннымъ ожиданiямъ и, съ какой бы точки зрѣнiя ни оцѣнивать эти мѣры, было бы, быть можетъ, правильнѣе съ нѣсколько большимъ скептицизмомъ отнестись къ ихъ вѣроятнымъ результатамъ. По крайней мѣрѣ, даже тѣ органы прессы, которые поторопились привѣтствовать циркуляры министра въ виду присущаго имъ важнаго значенiя, въ доказательство этой важности вынуждены либо ссылаться на „живой, бодрый духъ" этихъ циркуляровъ *), либо указывать на то, что „общiй тонъ ихъ требованiй и благопожеланiй вполнѣ отвѣчаетъ тому настроенiю, какое создалось въ обществѣ и въ школьныхъ сферахъ по отношенiю къ школьной реформѣ" **), либо, наконецъ, просто высказывать немотивированную надежду на то, что „предстоящая реформа, подобно этимъ циркулярамъ, будетъ проникнута

*) «Сѣв. Край», 12 августа 1900 г.
**) «Сар. Листокъ», 13 августа 1900 г.

стремленіемъ дѣйствительно поднять нашу школу, улучшить ея положеніе на основаніи тѣхъ положительныхъ и отрицательныхъ указаній, какія даны опытомъ, какія даются жизнью" *). Чрезмѣрная неопредѣленность этихъ отзывовъ сама по себѣ могла бы уже поселить сомнѣніе въ серьезномъ значеніи характеризуемыхъ ими мѣропріятій и такое сомнѣніе способно лишь усилиться, когда мы обратимся къ разсмотрѣнію существа этихъ мѣропріятій.

Въ самомъ дѣлѣ, циркуляры, о которыхъ идетъ рѣчь, направлены гораздо болѣе къ засвидѣтельствованію благихъ намѣреній министерства, нежели къ созданію какой-либо крупной реформы въ порядкахъ нашей средней школы. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ сравнительно наибольшее значеніе принадлежитъ еще, пожалуй, циркуляру, трактующему о введеніи новыхъ учебныхъ плановъ по древнимъ языкамъ. Въ немъ отмѣчается то обстоятельство, что эти планы не указываютъ опредѣленнаго грамматическаго матеріала для старшихъ классовъ. Преподаватели обязываются знакомить учениковъ съ синтаксическими явленіями при разборѣ текстовъ и лишь по временамъ приводить накопившійся грамматическій матеріалъ въ систематическій порядокъ, время же, выгаданное отъ уроковъ, посвящавшихся раньше грамматикѣ, употреблять главнымъ образомъ на изученіе текстовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ циркуляръ подтверждаетъ данное министерствомъ еще въ 1890 г. разъясненіе, согласно которому, т. н. экстемпораліи (письменные переводы съ русскаго языка на древніе), какъ средство учебнаго контроля, должны быть устранены изъ школьной практики, и, отмѣняя на экзаменахъ письменныя испытанія по древнимъ языкамъ, предписываетъ и въ теченіе года употреблять письменныя упражненія не часто и въ ограниченномъ объемѣ, сохраняя за ними исключительно дидактическое значеніе. При этомъ новые учебные планы въ остальныхъ своихъ частяхъ всецѣло сохраняютъ старый характеръ, нисколько не сокращая числа часовъ, отводимыхъ на преподаваніе древнихъ языковъ и, соотвѣтственно этому, не увеличивая числа учебныхъ часовъ для русскаго языка; циркуляръ лишь напоминаетъ учителямъ древнихъ языковъ ихъ „обязанность разъяснять, по мѣрѣ надобности, разнаго рода явленія изъ области русской грамматики и стилистики, независимо отъ того, были ли подобныя явленія разъяснены на урокахъ русскаго языка". Излишне доказывать, что родному языку нельзя научиться на урокахъ другихъ языковъ, въ особенности древнихъ, и такимъ образомъ, если вѣрно, что современная средняя школа, какъ это признавало порою само министерство народнаго просвѣщенія, не даетъ своимъ ученикамъ хорошаго знанія родного языка, то возможность такого грѣха съ ея стороны остается неустраненной и на будущее время.

*) «Р. Вѣд.», 23 августа 1900 г.

Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ сказаннаго, министерскій циркуляръ вовсе не преслѣдуетъ задачи ослабленія классицизма въ школѣ, и мы имѣемъ въ немъ дѣло лишь съ попыткою уменьшить исключительно грамматическій характеръ этого классицизма и удѣлить болѣе вниманія изученію учениками текстовъ древнихъ авторовъ. По мнѣнію автора упомянутой статьи „Русскаго Вѣстника“, подобная попытка сама по себѣ уже сводится къ „упраздненію классической системы образованія“. „По внѣшности—пишетъ онъ—наши гимназіи какъ будто и остаются классическими, но въ сущности у основного типа нашей средней школы вырванъ главный нервъ“. „Изученіе древняго міра и многосложныхъ явленій древней жизни—поясняетъ онъ затѣмъ свою мысль—составляетъ удѣлъ серьезныхъ ученыхъ, а не неокрѣпшихъ дѣтскихъ головъ; задача классическаго образованія заключается въ томъ, чтобы на вполнѣ установившемся и законченномъ въ своемъ развитіи матеріалѣ пріучить дѣтскій умъ къ анализу и обобщенію подлежащихъ изученію явленій; и такимъ матеріаломъ, подлежащимъ изученію, является именно языкъ, совокупность этимологическихъ и синтаксическихъ конструкцій, а вовсе не идеи, облеченныя въ формы классическихъ языковъ*)“. Сотрудникъ „Русскаго Вѣстника“ безусловно правъ, поскольку онъ свою характеристику классическаго образованія черпаетъ изъ практики, которая установилась въ нашей классической школѣ со времени гр. Д. А. Толстого: она дѣйствительно знала лишь одинъ грамматическій классицизмъ въ видѣ безсмысленнаго зазубриванія всевозможныхъ правилъ и исключеній, которое продолжалось 8 лѣтъ и въ результатѣ не давало окончившему курсъ гимназисту возможности свободно читать въ подлинникѣ ни одного латинскаго или греческаго автора. Можно далѣе легко согласиться съ тѣмъ, что идейное содержаніе древняго міра, во всей его сложности, далеко недоступно для дѣтскихъ умовъ и что поэтому классицизмъ является въ сущности мало подходящей основой для общаго образованія. Но если уже выбирать между упражненіями въ грамматикѣ древнихъ языковъ и классицизмомъ, послѣдній, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ предпочтительнѣе. Къ сожалѣнію, слишкомъ мало основаній надѣяться, что „Русскій Вѣстникъ“ окажется пророкомъ въ своихъ опасеніяхъ гибели грамматическаго классицизма благодаря вновь изданному циркуляру. Уничтоженіе письменныхъ испытаній по древнимъ языкамъ, несомнѣнно, нѣсколько ослабитъ рвеніе учителей въ изученіи грамматики и упражненіи учениковъ въ писаніи экстемпоралій въ теченіе года. Нѣкоторое дѣйствіе въ этомъ направленіи окажетъ, вѣроятно, и совѣтъ министерства придавать экстемпораліямъ лишь „дидактическое значеніе“. Но бо́льшихъ результатовъ отъ принятой мѣры ожидать мудрено, такъ какъ коренное измѣ-

*) «Русскій Вѣстникъ», № 9.

неніе системы преподаванія не достигается простымъ путемъ с[...] отвѣтствующаго распоряженія. Объ этомъ, къ слову сказать, красн[о]рѣчиво свидѣтельствуетъ и тотъ самый циркуляръ министра, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Десять лѣтъ тому назадъ министерств[о] уже разъясняло преподавателямъ необходимость избѣгать частыхъ экстемпоралій, но это не помѣшало послѣднимъ благополучн[о] процвѣтать вплоть до настоящаго времени. Гдѣ же гарантіи того, что новое разъясненіе окажется болѣе дѣйствительнымъ? Скорѣ[е] можно предполагать, что неподготовленность и косность масс[ы] преподавателей, въ связи съ общею рутиной школьной жизни, тщательно охраняемой отъ всякаго воздѣйствія извнѣ, и на этотъ разъ возобладаютъ надъ теоретическими пожеланіями. Пока остаются въ силѣ эти коренныя условія быта нашей школы, вліяніе тѣхъ или иныхъ частныхъ измѣненій въ ея порядкахъ не можетъ дать особенно большихъ и благотворныхъ результатовъ.

Въ еще бо̀льшей мѣрѣ, пожалуй, то же самое замѣчаніе можетъ быть примѣнено и къ другому циркуляру министра, касающемуся опять-таки отношеній школы къ ея ученикамъ. Этимъ циркуляромъ прежде всего отмѣняются такъ назыв. лѣтнія работы учениковъ. Эти работы, установленныя было въ 1873 г., на практикѣ въ большинствѣ учебныхъ заведеній давно уже не примѣняются и такимъ образомъ распоряженіе министра въ этомъ случаѣ лишь санкціонируетъ дѣйствующій порядокъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ министръ рекомендуетъ преподавателямъ „руководить учениковъ своими совѣтами въ выборѣ ученія или какого-либо иного занятія“ на лѣто, а учебному начальству и педагогическимъ совѣтамъ организовать для учениковъ „образовательныя прогулки, путешествія или какія-либо полезныя занятія и развлеченія“. Подобныя начинанія, по словамъ циркуляра, могутъ содѣйствовать „желательному сближенію семьи и школы“ и „установленію нравственной связи“ между преподавателями и учениками. Вполнѣ сочувствуя конечнымъ цѣлямъ, указываемымъ этимъ циркуляромъ, нельзя не усомниться все же въ его практическомъ значеніи. По всей вѣроятности, учителя и сами по себѣ не отказываются руководить чтеніемъ учениковъ, но такое руководительство можетъ явиться скорѣе послѣдствіемъ установившейся уже нравственной связи преподавателя съ ученикомъ, нежели средствомъ къ ея установленію. Во всякомъ случаѣ такая связь не возникаетъ въ силу предписанія и если она не существуетъ въ [illegible] жизни, то, очевидно, необходимо не только заявить объ ея желательности, но и устранить причины, мѣшающія ея образованію. [illegible] Что касается образовательныхъ прогулокъ, путешествій и [illegible] развлеченій, то циркуляръ не указываетъ матеріальныхъ средствъ, на какія они могли бы быть организованы. Принимая [illegible] въ соображеніе это обстоятельство, приходится думать, что они [illegible] не получатъ большого развитія и что въ нихъ не смогутъ принять [illegible] участія какъ многіе

ученики, такъ и большинство учителей, которые къ тому же обыкновенно дорожатъ своимъ лѣтнимъ отдыхомъ послѣ тяжелой зимней работы. Едва-ли также эти прогулки окажутся вполнѣ дѣйствительнымъ средствомъ для заполненія глубокой пропасти, существующей между современной школой и семьей. Несомнѣнно, гораздо болѣе благотворное вліяніе въ этомъ смыслѣ могло бы оказать допущеніе семьи къ участію не только въ праздничныхъ развлеченіяхъ школы, но и въ повседневной ея жизни.

Въ этой послѣдней однимъ изъ самыхъ наболѣвшихъ вопросовъ является вопросъ о коллегіальной дѣятельности педагогическаго персонала учебныхъ заведеній и ему въ свою очередь посвящены два циркуляра министра. Какъ извѣстно, практика жизни, развившаяся на почвѣ существующихъ законоположеній, почти совершенно устранила эту коллегіальную дѣятельность, поставивъ директоровъ учебныхъ заведеній въ положеніе единоличныхъ распорядителей какъ хозяйственнаго, такъ и учебнаго быта школы. Педагогическіе совѣты и хозяйственные комитеты при школахъ давно обратились въ красивую фикцію, лишенную всякаго реальнаго содержанія. Дѣйствующій уставъ отмежевываетъ, правда, въ компетенцію этихъ учрежденій довольно широкую область дѣлъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ директору въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ право рѣшить дѣло по своему единоличному усмотрѣнію вопреки мнѣнію всего педагогическаго совѣта и ставитъ отдѣльныхъ преподавателей въ безусловную зависимость отъ того же директора. На практикѣ эта зависимость разрослась въ полное подчиненіе. Директоръ наблюдаетъ за учителями, сообщаетъ ихъ характеристики въ учебный округъ, представляетъ ихъ къ наградамъ и увольненію, и ко всѣмъ этимъ его функціямъ педагогическій совѣтъ не имѣетъ никакого отношенія. Вполнѣ естественно, въ подобной обстановкѣ коллегіальное начало не проявило большой жизнеспособности. По словамъ изданнаго нынѣ министромъ циркуляра, хозяйственные комитеты „существуютъ только номинально, но не дѣйствуютъ: засѣданія не собираются, дѣла рѣшаются предсѣдателемъ единолично, а заранѣе заготовленныя опредѣленія подписываются членами въ короткіе промежутки времени между уроками“. Указывая на незаконность такого порядка, министръ напоминаетъ статьи устава, опредѣляющія роль педагогическихъ совѣтовъ и хозяйственныхъ комитетовъ, и выражаетъ твердую надежду на то, что „педагогическіе совѣты, принявъ на себя главное руководство учебно-воспитательнымъ дѣломъ, внесутъ въ него жизнь и оградятъ учебныя заведенія отъ сухого формализма“. Къ сожалѣнію, эта надежда легко можетъ не оправдаться, такъ какъ условія, обезсилившія въ прошломъ преподавательскую коллегію, остаются неизмѣненными, и въ томъ же самомъ циркулярѣ министръ напоминаетъ, что „полная отвѣтственность по всѣмъ частямъ благо-

устройства заведеній" лежитъ на ихъ начальникахъ, отъ которыхъ онъ и ожидаетъ „содѣйствія къ тому, чтобы педагогическіе совѣты и хозяйственные комитеты правильно выполняли свое назначеніе". Но одно подтвержденіе существующаго законоположенія едва-ли можетъ устранить созданный этимъ законоположеніемъ порядокъ.

Такой же подтвердительный характеръ носитъ и другой циркуляръ, касающійся педагогическихъ совѣтовъ и предписывающій преподавателямъ представлять на ихъ разсмотрѣніе подробныя программы преподаванія, „строго сообразованныя съ учебными планами, составомъ классовъ, силами учениковъ и количествомъ учебнаго времени, разсчитываемаго не только по числу учебныхъ дней, но и по точному числу часовъ, приходящихся на тотъ или другой предметъ въ предстоящемъ учебномъ году". Это предписаніе заключается уже въ гимназическомъ уставѣ, § 75 котораго требуетъ отъ педагогическихъ совѣтовъ „разсмотрѣнія и одобренія подробныхъ программъ преподаванія каждаго предмета, составленіе коихъ обязательно для каждаго преподавателя". Болѣе же детальное развитіе этого требованія въ цитированномъ циркулярѣ способно, пожалуй, содѣйствовать развитію того самаго формализма, котораго желаютъ избѣжать, такъ какъ росписаніе учебнаго матеріала на годъ впередъ по часамъ, очевидно, можетъ имѣть одно лишь чисто формальное значеніе.

Вслѣдъ за циркулярами министра народнаго просвѣщенія въ газетахъ былъ опубликованъ циркуляръ попечителя петербургскаго учебнаго округа къ директорамъ находящихся въ его вѣдѣніи учебныхъ заведеній, изданный какъ бы въ дополненіе и развитіе циркуляровъ министра. Въ этомъ любопытномъ документѣ съ особенною яркостью выступило противорѣчіе, несомнѣнно существующее между оптимистическими ожиданіями министерства и обнаружившимися уже результатами тѣхъ порядковъ, на дѣйствіи которыхъ основаны эти ожиданія. Попечитель констатируетъ тотъ фактъ, что до послѣдняго времени директора учебныхъ заведеній петербургскаго округа входили къ нему „съ представленіями лично отъ себя, по вопросамъ, которые предоставлены обсужденію педагогическихъ совѣтовъ и хозяйственныхъ комитетовъ", и требуетъ прекращенія такого порядка. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ напоминаетъ, что „надзоръ за ходомъ преподаванія и воспитанія составляетъ главную обязанность начальниковъ учебныхъ заведеній", и требуетъ отъ нихъ постояннаго посѣщенія уроковъ какъ начинающихъ, такъ и опытныхъ преподавателей", которымъ они „могутъ сдѣлать полезныя указанія относительно методовъ и относительно поддержанія классной дисциплины", такъ и „отличныхъ и вполнѣ опытныхъ преподавателей", такъ какъ это дастъ имъ „возможность познакомиться съ занятіями отдѣльныхъ учениковъ не по отзывамъ преподавателей только, а

по личному наблюденію“. Легко видѣть, что это требованіе попечителя, создающее для директора ничѣмъ не ограниченную возможность вмѣшательства въ ходъ преподаванія, плохо мирится съ провозглашеннымъ въ министерскомъ циркулярѣ положеніемъ, согласно которому главное руководство въ дѣлѣ преподаванія принадлежитъ педагогическому совѣту. При такихъ условіяхъ весьма возможно, что желаемое возстановленіе дѣятельности педагогическихъ совѣтовъ не пойдетъ далѣе одной бумажной формы.

Таковы первые шаги предпринятой реформы средней школы. Соображая достигнутые ими результаты, трудно согласиться съ оптимистическимъ мнѣніемъ „Р. Вѣдомостей“, полагающихъ, что исходнымъ пунктомъ предстоящаго преобразованія послужатъ данныя уже опытомъ нашей школы положительныя и отрицательныя указанія. По крайней мѣрѣ, сдѣланные до сихъ поръ шаги не разрѣшаютъ въ корнѣ ни одной изъ поставленныхъ этимъ опытомъ задачъ и обѣщаютъ лишь частичныя и незначительныя улучшенія въ школьныхъ порядкахъ. Остается пожелать, чтобы въ дальнѣйшихъ своихъ фазисахъ реформа приняла болѣе рѣшительный характеръ и хотя отчасти устранила противорѣчія, существующія между цѣлями, какія должна преслѣдовать школа, и современною организацiей самой школы. Жизнь не ждетъ и такія печальныя событія, какъ недавнее убійство въ Харьковѣ ученикомъ классической гимназіи ея директора, ясно говорятъ, что наша школа находится въ слишкомъ ненормальныхъ условіяхъ и переживаетъ тяжелую болѣзнь, съ лѣченіемъ которой не мѣшаетъ поспѣшить.

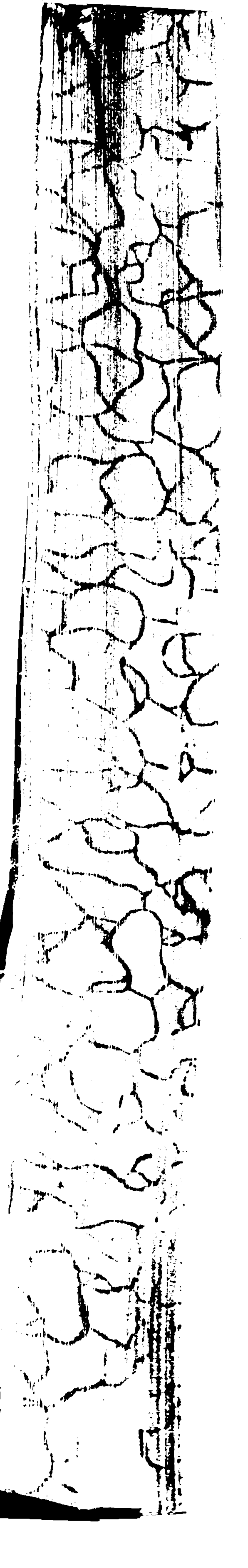
„Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи“, хотя и не особенно громко, „а тамъ, во глубинѣ Россіи“,—тамъ въ это время безъ шума возникаютъ и разрѣшаются несравненно болѣе общіе вопросы. Между прочимъ, за послѣднее время въ провинціи былъ поставленъ на очередь вопросъ о пользѣ внѣ-школьнаго просвѣщенія въ разныхъ его видахъ и въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ этотъ вопросъ получилъ вполнѣ опредѣленное рѣшеніе. Недавно въ газетахъ приводилась слѣдующая выдержка изъ отчета о состояніи церковныхъ школъ тверской епархіи за 1898 — 1899 учебный годъ. „На собраніи епархіальнаго училищнаго совѣта выслушанъ былъ рапортъ епархіальнаго наблюдателя отъ 27 января за № 50 объ учителяхъ церковно-приходскихъ школъ г. Бѣжецка, Иванѣ Румянцевѣ, Александрѣ Забѣлинѣ и Петрѣ Антоновѣ, которые, забывая свои прямыя обязанности, увлеклись участіемъ въ любительскихъ спектакляхъ въ роли актеровъ, къ неудовольствію оо. завѣдующихъ, вреду для школъ и соблазну для гражданъ. Сообщая о неблаговидномъ поведеніи означенныхъ учителей, наблюдатель просилъ его высокопреосвященство: а) удалить Румянцев

а

теперь же отъ учительской должности, а Забѣлину дозволить остаться на занимаемомъ мѣстѣ до конца учебнаго года и в) Антонова, въ виду раскаянія, совсѣмъ не перемѣщать въ другую школу. На рапортѣ этомъ послѣдовала такая резолюція его высокопреосвященства: „Ивана Румянцева, Александра Забѣлина и Петра Антонова, какъ не соотвѣтствующихъ по своимъ нравственно-религіознымъ качествамъ принятымъ на себя обязанностямъ, уволить отъ должности учителей церковно-приходскихъ школъ и замѣнить ихъ болѣе благонадежными. Объ актерскихъ подвигахъ на любительскихъ спектакляхъ сообщить преосвященному Павлу (викарному епископу) на случай исканія вышеозначенными лицами псаломщическихъ должностей, а также и моей канцеляріи предлагается на справкахъ на ихъ прошеніяхъ приводить эту резолюцію“ *). Два съ половиною вѣка тому назадъ Стоглавый соборъ приравнивалъ игры скомороховъ, являвшихся въ ту эпоху своего рода актерами, къ чародѣйству и „еллинскому бѣсованію“, а одинъ изъ воеводскихъ наказовъ той же поры предписывалъ: „гдѣ объявятся домры и сурны и гудки и гусли и хари и всякіе бѣсовскіе гудебные сосуды, то все велѣть вынимать и, поломавъ, тѣ бѣсовскія игры велѣть жечь; а которые люди отъ того богомерзкаго дѣла не останутъ, тѣмъ людямъ чинить наказаніе: гдѣ такое безчиніе объявится, и тѣхъ людей бить батоги“. За 250 лѣтъ мы, несомнѣнно, сильно шагнули впередъ: теперь за „актерскіе подвиги“ уже не бьютъ батогами, а только смѣщаютъ съ учительскихъ должностей и не пускаютъ въ псаломщики.

Если въ Твери признается соблазномъ участіе учителей въ любительскихъ спектакляхъ, то въ Черниговѣ подверглась сомнѣнію просвѣтительная роль читальни для дѣтей. Правленіе черниговской общественной библіотеки года два тому назадъ устроило при ней отдѣльную читальню для дѣтей, а затѣмъ пригласило и особое лицо для завѣдыванія этой читальней. Дѣло шло успѣшно, но въ послѣднее время, какъ сообщаетъ корреспондентъ „Сѣв. Курьера“, правленіемъ библіотеки получена отъ мѣстнаго губернатора бумага слѣдующаго содержанія: „принимая во вниманіе, что чтеніе малолѣтнихъ и учащихся можетъ быть полезно только при руководствѣ со стороны родителей и воспитателей и при соотвѣтствующемъ подборѣ книгъ, въ открытой же правленіемъ читальнѣ для малолѣтнихъ при общественной библіотекѣ исполненіе этихъ условій ничѣмъ не обезпечено, я, по соглашенію съ попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, призналъ необходимымъ закрыть означенную читальню“ **). Мотивы этого распоряженія представляются, правду сказать, не вполнѣ понятными. Родители, желающіе руководить чтеніемъ своихъ дѣтей, могутъ, ко-

*) «Сѣв. Кур.», 3 сент. 1900 г.
**) «Сѣв. Кур.», 28 авг. 1900 г.

нечно, достигать этого и при существованіи дѣтской читальни. При нежеланіи же или невозможности со стороны родителей принять на себя такое руководство обязать ихъ къ нему нѣтъ никакихъ средствъ и въ этихъ случаяхъ домашнее чтеніе дѣтей по необходимости остается вполнѣ свободнымъ, происходя безъ всякаго контроля. Между тѣмъ въ читальнѣ при общественной библіотекѣ имѣются лишь книги, допущенныя для этой цѣли министерствомъ народнаго просвѣщенія, и, отрицая даже въ этихъ книгахъ „соотвѣтствующій подборъ", мѣстныя власти тѣмъ самымъ какъ бы устанавливаютъ едва-ли необходимую и вызываемую обстоятельствами дѣла цензуру надъ распоряженіями центральнаго административнаго учрежденія.

Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда такая мѣстная цензура идетъ еще дальше, распространяясь на чтеніе не только дѣтей, но и взрослыхъ. Въ Малмыжскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, въ значительной мѣрѣ населенномъ татарами, мѣстное губернское земство устроило какъ для русскаго, такъ и для татарскаго населенія нѣсколько дешевыхъ библіотечекъ. Хотя и съ трудомъ, русская книга постепенно все же стала прокладывать себѣ дорогу въ татарскія деревни. Но внезапно эту дорогу загородило неожиданное препятствіе. Какъ пишетъ корреспондентъ „Спб. Вѣдомостей", „въ одной изъ такихъ библіотекъ, функціонирующей среди крещеныхъ татаръ, гдѣ библіотекаремъ состоитъ мѣстный священникъ, становымъ приставомъ въ іюнѣ мѣсяцѣ арестованы слѣдующія книги: 1) Сказаніе о Зосимѣ и Савватіи, 2) Фабіола, 3) Иванъ Гусъ, 4) Кто выдумалъ желѣзную дорогу, 5) Ѳ. Г. Волковъ, 6) Крестьяне-самоучки, 7) О беременности, 8) Бесѣды о повальныхъ болѣзняхъ, 9—16) брошюры Блинова: Сельскій староста, Сельское общество, Сельскій сходъ, Смотритель магазина, Сотскіе и деревенскіе старосты, О храненіи полей и лѣсовъ, Служба обществу и государству, Учетъ мірскихъ денегъ, 17) Объ удобреніи почвы, Кашкарскаго, 18) Крестьянское хозяйство, 19) Про лису. Книги эти возвращены потомъ въ библіотеку... на храненіе запечатанными" *). Корреспондентъ не сообщаетъ, такъ и остались эти опасныя книги запечатанными или же съ теченіемъ времени крестьянамъ было разрѣшено читать если не про учетъ мірскихъ денегъ, то хотя бы про лису. Онъ лишь прибавляетъ, что „этотъ далеко не исключительный случай совпадаетъ съ моментомъ, когда представители министерства народнаго просвѣщенія и земство изыскиваютъ возможные способы и мѣры къ обученію татарскихъ дѣтей русской грамотѣ". Но, конечно, пока подобные случаи не только возможны, а не составляютъ даже рѣдкаго исключенія, пока театръ, читальня и книга

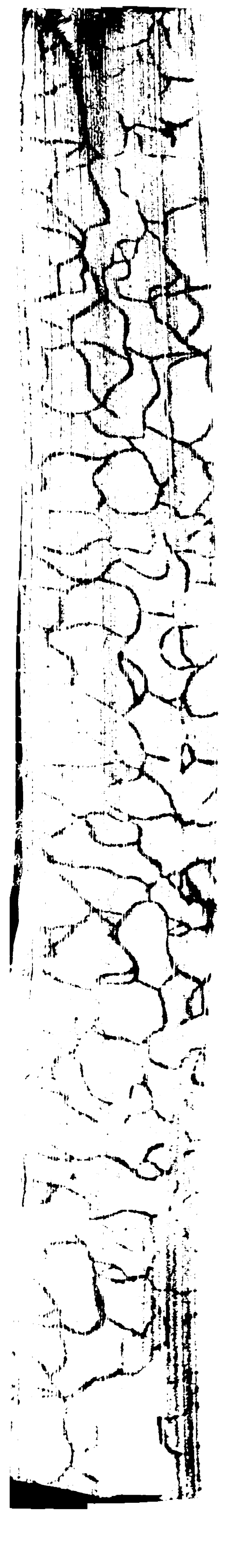
*) «Спб. Вѣд.», 21 авг. 1900 г.

являются своего рода запретными вещами, мудрено мечтать о широкомъ развитии образованія въ странѣ.

II.

Событія, разыгрывающіяся на дальнемъ Востокѣ, успѣли уже оказать немалое вліяніе на нашу внутреннюю жизнь и вызвать въ ней многочисленные отголоски. Всего раньше такіе отголоски нашли себѣ мѣсто въ печати. Большинство органовъ нашей прессы было застигнуто неожиданно поднявшеюся въ Китаѣ смутою совершенно врасплохъ, но это обстоятельство нисколько не помѣшало имъ немедленно приступить къ обсужденію характера этой смуты и того образа дѣйствій, который долженъ быть усвоенъ въ виду ея Россіей. Среди разнообразныхъ мнѣній, высказанныхъ по этому поводу, было не мало такихъ, которыя отличались крайне оригинальнымъ глубокомысліемъ. Иногда, впрочемъ, вѣроятно, въ видахъ большаго разнообразія, даже одинъ и тотъ же органъ соединялъ на своихъ страницахъ рѣзко противоположныя мнѣнія. Скромный „Промышленный Міръ“ на первыхъ порахъ пожелалъ было „хорошей войны“, но затѣмъ успокоился и объяснилъ своимъ читателямъ, что „война съ Китаемъ принесетъ намъ больше вреда, чѣмъ пользы“. Въ свою очередь „Н. Время“, которое за послѣдніе годы „словечка въ простотѣ не скажетъ,—все съ ужимкой“, принялось горячо пропагандировать мысль о союзѣ Россіи съ Китаемъ и Турціей и въ отвѣтъ на удивленіе другихъ газетъ г. Суворинъ съ паѳосомъ сообщилъ, что китайцы—такіе же люди. Должно быть, для большаго поддержанія этой мысли газета г. Суворина черезъ нѣкоторое время съ глубокимъ сочувствіемъ разсказала о дѣятельности нѣкоего николаевскаго исправника, „идеально и неподкупно честнаго, умнаго и развитаго человѣка“, своего рода „бѣлой вороны“ между сибирскими администраторами, который, встрѣтивъ китайца-промышленника въ поселеніяхъ гольдовъ, заставлялъ послѣднихъ сѣчь его и такимъ образомъ вывелъ китайцевъ въ своемъ округѣ *). „Гражданинъ“ не дошелъ до предложенія заключить союзъ съ китайцами въ видахъ болѣе удобнаго сѣченія ихъ, но тѣмъ не менѣе заявилъ, что всѣ его симпатіи въ завязавшейся на Востокѣ сумятицѣ находятся безусловно на сторонѣ китайцевъ, которые отстаиваютъ свою самобытность отъ европейской цивилизаціи. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства „Гражданинъ“ высказалъ даже удивленіе, какимъ образомъ столь враждебно настроенный по отношенію къ этой цивилизаціи органъ, какъ „М. Вѣдомости“, можетъ [illegible] за войну съ Китаемъ. Московская реакціонная газета не [illegible] отозваться

*) «Н. Вр.», 3 сент. 1900 г.

на это недоумѣніе своего петербургскаго собрата и сердито разъяснила ему, что его сочувствіе китайскимъ боксерамъ равняется сочувствію анархизму, тогда какъ „Моск. Вѣдомости“ стоятъ за водвореніе порядка повсюду, слѣдовательно, и въ Китаѣ. Что касается интересовъ самой Россіи, то, какъ утверждаютъ „М. Вѣдомости“ въ особой статьѣ „территоріальный ростъ былъ и остается высоко-благодѣтельнымъ для экономическаго развитія Россіи“ и мы „подорвали бы въ корнѣ свою силу, еслибы стали задерживать внѣшній ростъ“ государства изъ-за заботъ о внутреннемъ его развитіи *). Наконецъ, стоящій въ совершенно другомъ лагерѣ „Сѣв. Курьеръ“ при первыхъ извѣстіяхъ о смутѣ на дальнемъ Востокѣ усмотрѣлъ въ ея авторахъ не анархистовъ, а китайскихъ „народниковъ“ и затѣмъ вполнѣ послѣдовательно пришелъ къ убѣжденію, что вся эта смута неизбѣжно закончится благополучнымъ пріобщеніемъ Китая къ европейской цивилизаціи.

Въ этомъ своего рода словесномъ пасьянсѣ, усердно раскладывавшемся частью нашей прессы, пасьянсѣ, въ которомъ роль стершихся отъ употребленія картъ играли такія слова, какъ цивилизація, самобытность, анархизмъ, порядокъ, народничество и т. д., сторонняго наблюдателя могло подчасъ поразить отсутствіе не только ясной и послѣдовательной мысли, но даже и простого гуманнаго чувства. Впервые ясно представившаяся воображенію опасность, грозящая европейскому міру отъ желтой расы, какъ будто заглушила это чувство, вызвавъ наружу наиболѣе свирѣпые инстинкты человѣческой природы. Въ послѣдней книжкѣ „Вѣстника Европы“ обнародовано посмертное стихотвореніе Вл. С. Соловьева, посвященное „Зигфриду“ и приглашающее „потомка меченосной рати“ помнить, что передъ лицомъ угрожающихъ Европѣ враговъ „крестъ и мечъ—одно“. Призывъ къ мечу, хотя бы и не въ столь категорической формѣ, не разъ исходилъ за эти мѣсяцы и отъ людей менѣе сложнаго душевнаго склада, чѣмъ покойный Соловьевъ. Мало того,—въ прессѣ раздавался призывъ не только къ мечу, но и къ веревкѣ. Даже такая скромная и тихая газета, какъ „Новости“, ощутила припадокъ кровожадной свирѣпости и, получивъ извѣстіе о взятіи Пекина, высказывала надежду, что „первымъ актомъ дипломатіи, съ водвореніемъ какого-либо порядка въ Пекинѣ, будетъ формальный судъ надъ виновниками движенія, начиная съ императорскаго двора и кончая мандаринами, вице-королями и проч.“ **). Взволнованная газета даже не позаботилась согласовать свои кровожадныя мечты съ основными посылками того самаго международнаго права, въ грубомъ нарушеніи котораго она упрекала китайцевъ: претендующей на серьезность газетѣ не мѣшало бы знать, что съ точки зрѣнія

*) «М. Вѣд.», 9 августа 1900 г.

**) «Новости», 10 августа 1900 г.

этого права „формальный судъ" дипломатіи надъ китайскимъ императорскимъ дворомъ представляетъ собою нелѣпость. Еще болѣе опредѣленный призывъ къ казнямъ помѣстила на своихъ столбцахъ одна изъ сибирскихъ газетъ. „Говорятъ,—писала въ самомъ началѣ войны „Амурская Газета",—что объѣздъ-патруль ночью на 22-е іюня задержалъ какого-то молоканина, который хотѣлъ переѣхать на китайскую сторону. При немъ будто-бы найдено до 2-хъ пудовъ пороху. Если это справедливо, то это, можетъ быть, значитъ, что у китайцевъ пороху недохватъ... Желательно бы было, чтобы этого молоканина, если только слухъ вѣренъ, повѣсили для острастки и примѣра другимъ" *). Нужно замѣтить, что въ это время городъ не былъ еще объявленъ на военномъ положеніи и, слѣдовательно, по закону смертная казнь за военную контрабанду не могла быть примѣнена. Настаивать тѣмъ не менѣе на ней вопреки закону, призывать къ постройкѣ висѣлицы, даже не провѣривъ наличности факта преступленія— до этого рѣдко унижалась русская печать.

Принципіальные защитники войнъ нерѣдко приводятъ въ защиту ихъ тотъ аргументъ, что война является своего рода испытаніемъ мужества и нравственной стойкости людей. Въ сущности, пользуясь тѣмъ же самымъ аргументомъ, можно было бы съ такимъ же успѣхомъ защищать и необходимость всѣхъ эпидемій, такъ какъ для громаднаго большинства участниковъ войны она является такимъ же стихійнымъ, столь же мало зависящимъ отъ ихъ личной воли бѣдствіемъ, какъ и любая эпидемія, а видѣть смерть лицомъ къ лицу равно приходится въ томъ и другомъ случаѣ. Но между войной и эпидеміей есть, конечно, и серьезная разница въ ихъ вліяніи на нравственную природу человѣка. Ни одна эпидемія, со всѣми сопровождающими ее ужасами, не способствуетъ въ такой мѣрѣ пробужденію въ человѣкѣ звѣря, какъ война, въ которой массы людей проникаются сознаніемъ возможности и необходимости отнимать жизнь у другихъ людей ради собственнаго спасенія. Разбуженные этимъ сознаніемъ звѣрскіе инстинкты пробиваются наружу тѣмъ съ большею силою, тѣмъ слабѣе сдерживающая ихъ культурная традиція. Сравнительною слабостью послѣдней въ нашей жизни, не успѣвшей выработать глубокой и прочной нравственной культуры, объясняются, конечно, и упомянутыя кровожадныя выходки отдѣльныхъ органовъ прессы. Къ сожалѣнію, отголоски войны не ограничились ими, но сказались еще и рядомъ печальныхъ фактовъ насилія и звѣрства.

Въ Европейской Россіи, почти не видящей и не знающей китайцевъ, вражда къ нимъ не приняла большихъ размѣровъ и проявилась лишь въ сравнительно мелкихъ эпизодахъ, сводившихся къ тому, что въ Кіевѣ наивный городовой арестовалъ [illegible] проѣзжаго

*) Цитируемъ по «Вост. Обозрѣнію», 6 августа 1900 г.

торговца-китайца, а въ нѣсколькихъ другихъ городахъ отдѣльные китайцы подверглись на улицахъ оскорбленіямъ отъ прохожихъ. Не то происходило въ Сибири. Уже первыя извѣстія о войнѣ вызвали въ нѣкоторыхъ ея мѣстностяхъ серьезныя насилія надъ отдѣльными лицами, не всегда даже принадлежавшими къ китайской расѣ. Въ Бійскѣ, какъ писали въ „Спб. Вѣдомости", подъ вліяніемъ этихъ извѣстій убили клоуна изъ японскаго цирка „за близость къ китайцамъ" и учителя-инородца. Въ с. Камнѣ Барнаульскаго уѣзда 12 іюля сотенная толпа призванныхъ на службу запасныхъ пыталась захватить находившагося въ этомъ селѣ китайца-фокусника; мѣстный становой приставъ предусмотрительно выслалъ его заранѣе изъ села. Но особенно грозные размѣры приняли насилія надъ китайцами въ Благовѣщенскѣ. Здѣсь проживало до 3.000 мирныхъ китайцевъ и манчжуръ. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій часть ихъ уѣхала, но значительное большинство осталось, успокоенное печатнымъ объявленіемъ губернатора, расклееннымъ по городу и обѣщавшимъ имъ полную безопасность въ русскихъ владѣніяхъ. Это объявленіе въ свою очередь было вызвано случаями насилій надъ китайцами со стороны отдѣльныхъ горожанъ. Но вслѣдъ затѣмъ, когда 2 іюля изъ Сахалина открытъ былъ китайцами огонь по Благовѣщенску, всѣ жившіе въ послѣднемъ китайцы и манчжуры, по позднѣйшему разсказу одного изъ корреспондентовъ, „вынуждены были немедленно оставить Благовѣщенскъ и уйти на китайскій берегъ. Такъ какъ лодокъ у Благовѣщенска не было, китайцы стали переходить Амуръ въ бродъ и ихъ нѣсколько сотъ человѣкъ потонуло... Въ тотъ же день приказано было горожанамъ подъ страхомъ большого штрафа выдавать полиціи китайцевъ, которые пытались у нихъ скрыться. Сверхъ того поймано было до 300 китайцевъ, пытавшихся укрыться въ окрестностяхъ города. Всѣхъ ихъ отправили черезъ Амуръ въ бродъ на китайскую сторону" **). Этотъ чрезмѣрно краткій разсказъ не даетъ все же достаточно полнаго понятія о жестокой драмѣ, разыгравшейся въ Благовѣщенскѣ. Въ виду этого мы позволимъ себѣ воспроизвести здѣсь напечатанную въ „Спб. Вѣдомостяхъ" корреспондентомъ этой газеты выдержку изъ письма его жены, которая прожила эти дни въ Благовѣщенскѣ и имѣла возможность лично наблюдать происходившія въ городѣ событія и напавшую на властей и жителей панику. Вотъ эта выдержка.

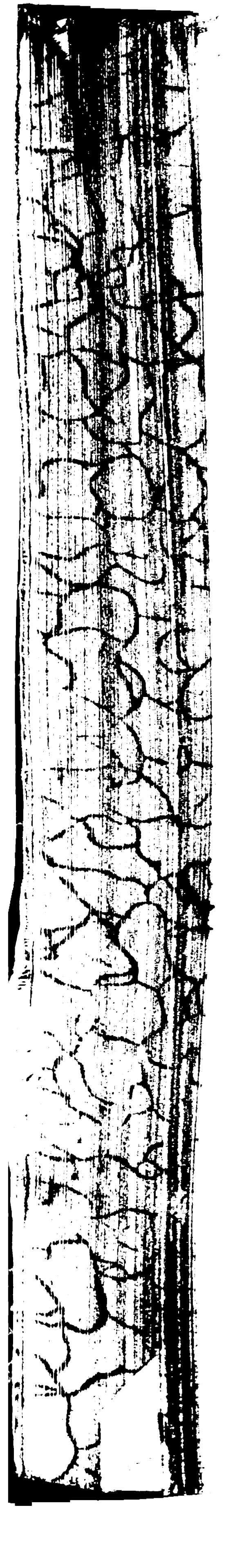
«4 іюля. Сейчасъ пришелъ нашъ учитель и сообщилъ мнѣ, что полиція собрала въ городѣ всѣхъ китайскихъ рабочихъ, мелкихъ торгашей и мастеровыхъ, даже тѣхъ, которые жили у русскихъ по нѣскольку лѣтъ; собрали ихъ очень много. Начальство, при нашихъ ничтожныхъ военныхъ силахъ, рѣшило невозможнымъ оставить въ городѣ такую массу китайцевъ, внутренній міръ

---

*) «Сиб. Жизнь», 2 авг. 1900 г.
**) «Сѣв. Кур.», 2 авг. 1900 г.

которыхъ ему совершенно неизвѣстенъ, и вотъ, рѣшили, во что бы то ни стало, удалить ихъ изъ города на ту сторону Амура.

Перевозочныхъ средствъ у насъ не было, да и боялись давать послѣднія лодки, чтобы ими не воспользовались китайцы того берега. Привели всю эту толпу къ болѣе узкому мѣсту Амура, подъ конвоемъ нѣсколькихъ десятковъ жителей, полицейскихъ и десятка конныхъ казаковъ. Предложили кричать и просить съ того берега лодокъ. Когда лодокъ не дождались, погнали всю толпу въ воду, предлагая переплыть. Далеко не всѣ выбрались на тотъ берегъ, и не всѣ, кто выплылъ, остались живы: съ того берега ихъ встрѣчали то же выстрѣлами.—Вчера приходилъ полицейскій съ вооруженнымъ солдатомъ требовать отъ насъ нашего повара Василія. Боже мой! Бѣднаго Ваську, который прожилъ у насъ четыре года, который ходилъ за тобой трудно больнымъ, который плакалъ надъ тобой, — утопятъ, какъ какого-нибудь щенка! Я обмерла на мѣстѣ.—Саша выбѣжала къ полицейскому и смѣло солгала: «у насъ китайцевъ нѣтъ: нашъ поваръ — крещеный». Я, нѣсколько успокоившись, вышла къ полицейскому и тоже сказала, что Василій крещеный, наши сосѣди-квартиранты подтвердили то же; и полицейскій ушелъ. Мнѣ сообщили, что полиція ходитъ по домамъ и отбираетъ всѣхъ китайцевъ. Кромѣ Василія, у насъ, какъ знаешь, жилъ скромный поденщикъ Иванъ, китаецъ изъ Чифу, землякъ Василія. Я рѣшилась, во что бы то ни стало, спасти обоихъ. Ивана я спрятала, но Василія спрятать было нельзя: его всѣ знали и за нимъ приходила уже полиція. Я спросила Василія, хочетъ ли онъ креститься, онъ пожелалъ съ удовольствіемъ, и вотъ ему обрѣзали косу и одѣли въ русскій костюмъ. Василію дѣйствительно нравятся правила христіанской религіи. Я тотчасъ послала къ знакомому молодому священнику отцу Ильѣ съ просьбой окрестить Василія, потомъ тотчасъ побѣжала къ нему сама, когда получила отвѣтъ, что необходимо разрѣшеніе архіерея. Илья объяснилъ мнѣ, что нужно подать прошеніе и тутъ же продиктовалъ его. Дѣло затянулось до вечера; перестрѣлка велась сильная; по улицамъ свистѣли пули, хотя за домами и было безопасно, но пересѣкать улицы было не хорошо. Архіерей жилъ въ 4 верстахъ отъ города, на дачѣ. На другой день при уменьшившейся перестрѣлкѣ, подъ дождемъ, отправляюсь на извозчикѣ къ архіерею. Везетъ меня такими улицами, чтобы избѣжать пуль; дѣлаетъ порядочный крюкъ. Пріѣзжаю; оказывается, владыка выѣхалъ въ городъ. По городу разносится вѣсть, что изъ Айгуна перешла на нашу сторону масса китайцевъ съ пушками, потѣснила нашъ небольшой отрядъ, отступающій къ городу. Страхъ за дѣтей отнялъ у меня всякій страхъ за себя; я ѣду подъ пулями домой, справляюсь—все благополучно; узнаю, что посланный въ подкрѣпленіе полковникъ Печенкинъ прогналъ китайцевъ обратно за Амуръ; успокаиваюсь нѣсколько и ѣду къ владыкѣ.—Пріѣзжаю, прошу доложить владыкѣ. Выходитъ онъ, небольшой, сухой, суровый старикъ, съ холоднымъ, строгимъ взглядомъ; я бросаюсь передъ нимъ на колѣни и молю его спасти душу,—чью? я въ это время не давала себѣ отчета, мнѣ казалось, что это спасеніе души и моей и Василія, что на мнѣ лежитъ какой-то тяжкій грѣхъ; не помню, что и говорила владыкѣ.—Да вы встаньте; какой грѣхъ? говорите, въ чемъ дѣло?—Владыка, спасите человѣка, не дайте ему погибнуть! Въ семьѣ у насъ живетъ давно китаецъ, онъ хорошій, добрый, онъ желаетъ принять православіе: разрѣшите ему креститься,—и опять со слезами кланяюсь ему въ ноги.—Что вы кланяетесь, я и такъ сдѣлаю, но сейчасъ этого сдѣлать нельзя, вѣдь ихъ высылаютъ.—Нѣтъ, владыка.—Стало быть, вы скрываете его?—Да, владыка, я не могла его отдать на погибель, его утопятъ.—Знаетъ ли объ этомъ губернаторъ? Безъ разрѣшенія начальства я не могу въ это время крестить его.—Я говорила губернатору,—смѣло солгала я,—если онъ крестится, ему разрѣшаютъ остаться.—Надо прошеніе.—Подаю и прошу, но такъ скоро крестить нельзя; слѣдуетъ справиться, знакомъ ли онъ съ Закономъ Божьимъ?—Его спрашивал[illegible] отец[illegible] ко

мнѣ отца Илью.—Пришлось ѣхать къ доброму отцу Ильѣ, ручаться, что Василія научу и молитвамъ, и Закону Божію. Пока добилась разрѣшенія крестить, при условіи, что если городскія власти ничего противъ этого не имѣютъ. На мои просьбы губернаторъ отвѣтилъ, что онъ не запрещаетъ и не разрѣшаетъ, что это дѣло полиціи. Полиціймейстеръ,—человѣкъ хорошій, оставилъ пока въ покоѣ»... *)

Мрачную картину, вырисовывающуюся изъ этого описанія, комментировать не приходится. Остается лишь добавить къ ней еще нѣкоторыя детали. Все имущество благовѣщенскихъ китайцевъ было объявлено конфискованнымъ и переписано полиціей, но при этомъ значительная часть его, по сообщенію мѣстной газеты, подверглась расхищенію со стороны жителей города. Вслѣдъ за истребленіемъ китайцевъ въ Благовѣщенскѣ, въ промежутокъ времени между 3 и 8 іюля, рядъ китайскихъ деревень, расположенныхъ въ русскихъ владѣніяхъ, по лѣвому берегу Амура и Зеи, былъ уничтоженъ огнемъ, а населеніе ихъ частью истреблено, частью перевезено на правый берегъ Амура. Всего въ этой мѣстности насчитывалось болѣе 5.000 китайцевъ. Враждебное броженіе, направленное противъ китайцевъ, охватило и крестьянское населеніе самыхъ отдаленныхъ округовъ по Зеѣ и Селемджѣ. Въ ближайшихъ къ пріискамъ волостяхъ крестьяне собирались въ добровольные пикеты на берегу рѣки и ожидали китайцевъ съ пріисковъ. Проѣзжающихъ на лодкахъ эти самовольные пикеты останавливали, а въ случаѣ отказа остановиться и обстрѣливали, съ цѣлью заставить подойти къ берегу, показать грузъ и объяснить причины путешествія. Во многихъ деревняхъ были уничтожены всѣ мирно проживавшіе въ нихъ китайцы. Этому усиленному броженію крестьянства, по словамъ мѣстной газеты, содѣйствовало какое-то предписаніе одного участковаго пристава, циркулировавшее среди крестьянъ и совершенно отмѣнявшее собою всѣ распоряженія губернатора области. Волостныя правленія копировали это предписаніе и отъ себя уже отправляли съ гонцами на пріиски, съ цѣлью побудить пріисковыя власти по возможности скорѣе выслать массы китайцевъ. Повидимому, однако, и распоряженія высшихъ властей края отличались нѣкоторою двойственностью. Въ „Ам. Краѣ“ были помѣщены рядомъ два приказа. Въ одномъ изъ нихъ наказной атаманъ Амурскаго казачьяго войска ген.-лейтенантъ Грибскій призываетъ „молодцовъ-амурцевъ взяться за оружіе и по казачьи, рѣшительно и быстро, расправиться съ нарушителями покоя,... не теряя времени на ненужные въ этомъ случаѣ запросы о разрѣшеніи“, причемъ приказъ этотъ предписывается „прочесть во всѣхъ станицахъ и поселкахъ тотчасъ по полученіи“. Во второмъ приказѣ военный губернаторъ Амурской области, отмѣчая, что „нѣкоторые жители г. Благовѣщенска, а

*) «Спб. Вѣд.», 22 авг. 1900 г.

также лица изъ казачьяго населенія области допускаютъ различнаго рода насильственныя дѣйствія противъ живущихъ на нашей территоріи мирныхъ манджуръ и китайцевъ", объявляетъ, что „виновные въ убійствѣ, грабежѣ и другихъ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ мирныхъ безоруженныхъ китайцевъ будутъ предаваться суду и подвергаться наказанію по всей строгости законовъ военнаго времени" *).

Вѣроятно, въ результатѣ подобныхъ насилій, принявшихъ особенно большіе размѣры въ Амурской области, но происходившихъ и въ другихъ мѣстностяхъ, китайцы массами бѣгутъ изъ Сибири. Какъ сообщали сибирскія газеты въ концѣ августа, изъ одного Владивостока за два предыдущіе мѣсяца уѣхало около 4.000 китайцевъ, такъ что пароходчики подняли даже цѣну на ихъ перевозку съ 15 р. до 21 р. **). Но не безъ основанія можно опасаться, что вліяніе указанныхъ печальныхъ событій не остановится на этомъ и вмѣстѣ окажется довольно продолжительнымъ: разъ брошенныя въ землю сѣмена расовой вражды растутъ съ удивительной быстротой.

По мѣрѣ того, какъ развиваются событія на Востокѣ, все болѣе выясняются и другого рода слѣды, которые они обѣщаютъ оставить въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Хотя военныя дѣйствія противъ Китая и явились въ своемъ родѣ „дешевой" войной, они все же потребовали значительныхъ чрезвычайныхъ расходовъ, не умѣстившихся въ рамки нормальнаго бюджета государства. По сообщенію иностранныхъ газетъ, министръ финансовъ въ бытность свою за-границей высказался въ томъ смыслѣ, что для покрытія этихъ расходовъ Россія не нуждается въ заключеніи какого-либо новаго займа. Судя по этому заявленію, всю тяжесть военныхъ расходовъ предполагается обратить на текущія средства, не разсрочивая ее на сколько-нибудь продолжительный срокъ. При этомъ, однако, почему-то не признается возможнымъ прибѣгнуть и къ услугамъ свободной наличности государственнаго казначейства, которая въ теченіе ряда лѣтъ фигурировала въ отчетахъ нашего финансоваго вѣдомства и къ январю текущаго года достигла, по вычисленію министерства, солидной суммы въ 250 милліоновъ рублей. Составленная въ свое время путемъ немалыхъ усилій министерства и серьезныхъ жертвъ населенія на случай возможнаго кризиса, эта сумма, однако, въ моментъ наступленія дѣйствительнаго и притомъ не особенно даже большого по размѣрамъ кризиса не выполнила своего назначенія и не предотвратила экстренныхъ жертвъ плательщиковъ податей.

Отказываясь отъ заключенія новыхъ займовъ на покрытіе военныхъ расходовъ, финансовое вѣдомство взамѣнъ того при-

*) Цитируемъ по «В. Об.», 9, 15 и 5 авг. 1900 г.

**) «Сиб. Жизнь», 24 авг. 1900 г.

бѣгло дѣйствительно къ повышенію налоговъ, главнымъ образомъ косвенныхъ. Къ упоминавшимся уже нами въ хроникѣ прошлаго мѣсяца добавочному обложенію заграничныхъ паспортовъ и повышенію таможенныхъ пошлинъ присоединилось теперь распространеніе этихъ пошлинъ на иностранные товары, ввозимые въ Приамурскій край, и увеличеніе акциза съ вина и табака. Въ обычномъ порядкѣ, согласно ст. 111-й свода уставовъ объ акцизныхъ сборахъ, „размѣръ акциза назначается Высочайшею властью, по представленію министра финансовъ, разсмотрѣнному въ Государственномъ Совѣтѣ". Вѣроятно, въ виду спѣшности дѣла такой порядокъ былъ признанъ на этотъ разъ чрезмѣрно медлительнымъ и 6 августа состоялся Высочайшій указъ, въ цѣляхъ „безотлагательнаго увеличенія средствъ государственнаго казначейства" утвердившій положеніе комитета министровъ о временномъ повышеніи нѣкоторыхъ изъ существующихъ акцизныхъ сборовъ. Согласно этому указу, акцизъ съ вина и спирта повышается на 10%, съ 10 к. съ градуса до 11 к. или съ 10 р. съ ведра безводнаго спирта до 11 р. Акцизъ съ пива увеличенъ на $33^1/_3\%$: прежде онъ взимался въ размѣрѣ 30 к. съ ведра затора, а теперь увеличенъ до 40 к. Обложеніе т. н. водочныхъ издѣлій и табачныхъ издѣлій, кромѣ махорки, повышено вдвое: съ первыхъ будетъ взиматься два рубля съ ведра вмѣсто рубля, со вторыхъ— 4 р. съ пуда вмѣсто двухъ. Наконецъ на махорку акцизъ поднятъ съ 8 к. на фунтъ до 9 к. Министру финансовъ предоставлено было опредѣлить срокъ, съ котораго начинается дѣйствіе новаго акциза и онъ назначилъ этотъ срокъ на 16 августа. Тому же министру предоставляется по минованіи обстоятельствъ, вызвавшихъ принятіе этихъ мѣръ, испросить разрѣшеніе на отмѣну ихъ дѣйствія.

Прибыль, какую можетъ дать казнѣ эта мѣра, едва-ли будетъ очень велика, такъ какъ наиболѣе важное повышеніе акциза — съ вина и спирта—сохраняетъ свое значеніе лишь въ тѣхъ, сравнительно немногихъ уже, мѣстностяхъ, гдѣ не введена еще винная монополія, при которой этотъ акцизъ входитъ въ продажную цѣну водки. Чтобы поднять доходъ казны до тѣхъ размѣровъ, какіе давало повышеніе акциза въ прежнее время, министерству финансовъ пришлось бы одновременно повысить и цѣну казенной водки. Тѣмъ не менѣе и теперь всѣ виды увеличенія акциза, по самому скромному разсчету, дадутъ приростъ дохода на 10—15 милліоновъ рублей, а вмѣстѣ съ тѣмъ существенное вздорожаніе такихъ предметовъ, какъ спиртъ, водка, пиво и табакъ включительно до махорки, чувствительно отзовется на интересахъ потребителя, какимъ въ этомъ случаѣ является чуть не вся народная масса. Нельзя не пожелать въ виду этого, чтобы срокъ дѣйствія временнаго возвышенія акциза, какъ и другихъ временныхъ мѣръ, принятыхъ въ послѣдніе мѣсяцы для увеличенія налоговъ,

былъ опредѣленъ какъ можно скорѣе.

Финансовое вѣдомство по самому своему положенію обыкновенно не обнаруживаетъ охоты отступаться отъ достигнутаго однажды расширенія бюджета. Между тѣмъ затяжка временнаго повышенія налоговъ лишаетъ эту систему даже тѣхъ преимуществъ, какія она имѣетъ передъ системой удовлетворенія экстренныхъ надобностей при помощи государственныхъ займовъ.

Оборотную сторону финансовыхъ затрудненій, связанныхъ съ войной, составляетъ сокращеніе средствъ, затрачиваемыхъ на такія начинанія и реформы, которыя служатъ интересамъ внутренняго развитія государства. Повидимому, въ настоящее время такое сокращеніе грозитъ принять весьма большіе размѣры и отозваться остановкою роста ряда учрежденій. Въ прошломъ мѣсяцѣ мы уже приводили извѣстіе о вызванномъ финансовыми соображеніями отказѣ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ реформы городского самоуправленія. Теперь къ этому извѣстію присоединяется рядъ другихъ, вполнѣ аналогичныхъ сообщеній. По передаваемымъ газетами слухамъ *), въ виду недостатка средствъ, вызваннаго событіями на Востокѣ, въ центральномъ статистическомъ комитетѣ значительно сокращается штатъ лицъ, занятыхъ разработкою статистическаго матеріала, добытаго первою всеобщею переписью населенія въ Россіи, и тѣмъ самымъ затягивается и лишается практическаго значенія названная работа. Военныя событія въ Китаѣ оказали вліяніе и на дѣятельность попечительствъ о народной трезвости. Такъ, предсѣдатель одесскаго комитета подобнаго попечительства „получилъ циркулярное извѣщеніе главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, что, согласно Высочайшему указу, въ виду событій на дальнемъ Востокѣ слѣдуетъ принять всѣ мѣры къ сокращенію расходовъ, не только не ходатайствуя объ увеличеніи отпущенныхъ кредитовъ, но даже откладывая расходы на покрытіе тѣхъ надобностей, которыя не требуютъ спѣшнаго немедленнаго удовлетворенія“ **). Въ юго-западномъ краѣ встрѣтилось затрудненіе въ отпускѣ кредитовъ на содержаніе недавно учрежденной дирекціи народныхъ училищъ, а введеніе въ этомъ краѣ новаго положенія объ инспекціи народныхъ училищъ отложено, по финансовымъ соображеніямъ, до окончанія военныхъ дѣйствій въ Китаѣ ***). Наконецъ, благодаря тѣмъ же военнымъ дѣйствіямъ, въ Сибири на неопредѣленное время отложено введеніе суда присяжныхъ ****). Пограничное положеніе Сибири и явившееся въ результатѣ этого сосредоточеніе массы войскъ сдѣлали для этой области тягость воен-

*) «Спб. Вѣд.», 13 авг. 1900 г.
**) «Сѣв. Кур.», 26 авг. 1900 г.
***) «Од. Нов.», 31 авг. 1900 г.
****) «Сиб. Ж.», 17 авг. 1900 г.

наго положенія особенно чувствительной, такъ какъ здѣсь его влія-
ніе не только отодвинуло въ неопредѣленное будущее всѣ рефор-
маторскія начинанія, но въ значительной мѣрѣ разстроило и суще-
ствовавшій уже порядокъ общественнаго хозяйства. Во многихъ
сибирскихъ городахъ для помѣщенія солдатъ пришлось отдать
всѣ общественныя зданія, включительно до школъ, и съ началомъ
учебнаго года негдѣ начать школьныя занятія *). Мѣстами подоб-
ныя затрудненія носятъ еще болѣе острый характеръ. Такъ, въ
Петропавловскѣ дума постановила закрыть городской родиль-
ный покой и помѣщеніе его предоставить въ распоряженіе воен-
наго вѣдомства для раненыхъ въ случаѣ ихъ эвакуаціи съ театра
военныхъ дѣйствій. Куда дѣнутся на это время роженицы,—оста-
лось неизвѣстнымъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что массовое
скопленіе войскъ вызвало крайнюю дороговизну, которая полу-
чаетъ особенно тревожное значеніе въ виду угрожающаго Сибири
голода **). Оглядываясь на всѣ эти обнаружившіеся съ сихъ поръ
въ нашей жизни результаты китайскихъ осложненій, трудно безъ
серьезнаго опасенія думать о возможности такого ихъ исхода,
при которомъ Россія была бы въ ближайшемъ будущемъ выну-
ждена къ дѣятельной оборонѣ своей громадной сибирской гра-
ницы. Можно съ увѣренностью сказать, что подобная задача
безплодно поглотила бы массу народныхъ силъ и надолго от-
влекла бы всю страну отъ пути спокойнаго и правильнаго раз-
витія.

Въ приложеніи къ *Амурской Газетѣ* отъ 4-го августа опуб-
ликовано постановленіе военнаго губернатора Амурской области,
состоявшееся 30-го іюля 1900 года, слѣдующаго содержанія:

«Г. приамурскій генералъ-губернаторъ телеграммами отъ 23, 24 и 25-го
сего іюля за №№ 2,998, 1,025, 3,203, 3,204 сообщилъ мнѣ, что весь занятый
нашими войсками районъ Маньчжуріи отнынѣ изъемлется изъ всякаго вѣдѣнія
китайскихъ властей съ полнымъ подчиненіемъ нашей власти и законамъ. Въ
исполненіе означеннаго распоряженія г. главнаго начальника края постанов-
ляю: 1) бывшую территорію зазейскихъ маньчжуръ, населеніе которой по
Айгунскому трактату состояло въ вѣдѣніи китайскихъ властей, какъ равно
занятый нашими войсками вдоль праваго берега р. Амура районъ маньчжур-
ской территоріи, объявляю перешедшими въ вѣдѣніе русскихъ властей. 2) Воз-
вращеніе на зазейскую территорію ушедшихъ съ нашего берега китайскихъ
подданныхъ воспрещается; земли ихъ предназначаются исключительно подъ
русскія поселенія. 3) Бывшій китайскій городъ Айгунъ и селеніе Сахалянъ съ
прилегающею къ нимъ территоріею передаются временно въ исключительное
вѣдѣніе военныхъ властей съ безусловнымъ воспрещеніемъ селиться въ быв-
шемъ гор. Айгунѣ и Сахалянѣ, а равно и въ ихъ окрестностяхъ, всѣмъ част-
нымъ лицамъ. 4) Бывшій городъ Айгунъ и селеніе Сахалянъ возобновляемы
быть не могутъ; изъ уцѣлѣвшихъ тамъ китайскихъ построекъ можно оставить
не снесенными исключительно только тѣ, которыя могутъ быть нужны подъ
воинскія помѣщенія и подъ склады. 5) Управленіе занятой нашими войсками

---

*) «В. Об.», 19 авг. 1900 г.

**) «Сиб. Ж.», 19 авг. 1900 г.

территоріи на лѣвомъ берегу р. Амура, а также временное завѣдываніе территоріей зазейскихъ маньчжуръ, впредь до передачи ея коренному русскому населенію, возлагается на пограничнаго коммиссара Амурской области, съ предоставленіемъ ему, въ отношеніи административно-полицейскаго управленія означеннымъ выше райономъ, правъ и обязанностей окружнаго начальника. 6) Для содѣйствія пограничному коммиссару и для ближайшаго непосредственнаго завѣдыванія зазейскимъ райономъ и территоріей бывшаго города Айгуна и Сахаляна въ его распоряженіе откомандировываются два чиновника для несенія обязанностей участковыхъ приставовъ. 7) Для веденія переписки по дѣламъ завѣдыванія зазейскимъ райономъ и территоріею на правомъ берегу р. Амура при пограничномъ коммиссарѣ учреждается особая канцелярія. 8) Въ виду болѣзненнаго состоянія занимающаго должность пограничнаго коммиссара подполковника генеральнаго штаба Кольшмида, вслѣдствіе полученной имъ раны, временное исполненіе его обязанностей возлагается, въ видахъ скорѣйшаго устройства и водворенія полнаго порядка на территоріяхъ зазейской, айгунской и сахалянской. на войсковаго старшину Амурскаго казачьяго войска Сотникова. 9) Мѣстопребываніемъ пограничнаго коммиссара войсковаго старшины Сотникова назначается бывшій городъ Айгунъ. Мѣстопребываніе участковыхъ приставовъ и районъ ихъ вѣдѣнія назначить по усмотрѣнію пограничнаго коммиссара. О вышеизложенномъ объявляю во всеобщее свѣдѣніе. Военный-губернаторъ генералъ-лейтенантъ *Грибскій*. Правитель канцеляріи *Бабковъ*».

III.

Въ „Финляндской Газетѣ“ напечатано слѣдующее сообщеніе о Высочайшей резолюціи на петицію земскихъ чиновъ финляндскаго сейма о системѣ управленія краемъ *):

„Изъ многочисленныхъ петицій послѣдняго сейма наиболѣе значеніе въ отношеніи замысла и цѣлей ея составителей имѣла, конечно, петиція о системѣ управленія краемъ.

„Петиція эта, какъ извѣстно, не представляла собой ходатайства о принятіи какой-либо опредѣленной правительственной мѣры, а была на самомъ дѣлѣ жалобой на начальника края, въ которой земскими чинами осуждались вообще правительственныя мѣропріятія послѣдняго времени, за исключеніемъ сдѣлавшихся предметомъ особыхъ петицій. Въ означенную петицію, между прочимъ, вошли осужденія мѣропріятій по ограниченію разрѣшенія учрежденія обществъ, между тѣмъ какъ, по мнѣнію земскихъ чиновъ, допускалась агитація, будто бы производимая коробейниками; ограниченія публичныхъ собраній и частичныхъ измѣненій постановленія о печати. Осуждались также намѣченныя мѣры по расширенію власти генералъ-губернатора. Петиція приписывала начальнику края неправильность дѣйствій, заключавшуюся якобы въ установленіи надзора при содѣйствіи жандармскихъ чиновъ, каковой существуетъ, однако, въ краѣ уже много лѣтъ. Она содержала обвиненіе что такъ называемый [illegible] вопросъ былъ

*) «Финл. Газ.», № 100.

представленъ слѣдствіемъ преступной агитаціи, причемъ проводилась параллель между результатами этого адреса и поданнаго обывателями Красносельской общины. Она указывала что вообще начальникъ края управляетъ имъ не согласно законамъ страны, а по системѣ, ведущей къ постояннымъ уклоненіямъ отъ существующаго правового порядка. Наконецъ, названная петиція выставляла необходимость непосредственнаго обращенія къ Монарху, какъ результатъ того обстоятельства, что министромъ статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго состоитъ не финляндецъ.

„При разсмотрѣніи названной петиціи нельзя не придти къ заключенію, что объясненія сейма по существу лишены основанія и что въ самомъ фактѣ подачи означенной петиціи необходимо признать нарушеніе предѣловъ власти сейма, такъ какъ сеймовый уставъ, опредѣляя порядокъ участія земскихъ чиновъ въ мѣстномъ законодательствѣ и по нѣкоторымъ дѣламъ финансовой администраціи, не предоставляетъ имъ никакихъ правъ на участіе въ дѣлахъ общаго управленія краемъ. Въ частности § 51 сеймоваго устава (въ редакціи закона 1886 года) допускаетъ подачу петицій только по предмету изданія, измѣненія или отмѣны закона. Равнымъ образомъ обстоятельства сопровождавшія на сеймѣ 1900 года составленіе названной петиціи, а также и петиціи о печати, указываютъ также и на то, что сеймовый уставъ, вслѣдствіе несовершенства своихъ постановленій, не обезпечиваетъ въ должной мѣрѣ правильнаго теченія сеймовыхъ занятій, а потому и требуетъ пересмотра съ цѣлью точнаго опредѣленія компетенціи сейма и установленія правилъ, упорядочивающихъ сеймовыя занятія и предупреждающихъ нежелательныя явленія, подобныя тѣмъ, кои имѣли мѣсто на послѣднихъ двухъ сеймахъ, когда рѣчи сеймовыхъ ораторовъ, получившія широкую огласку путемъ печати, колебали уваженіе къ установленнымъ властямъ и подрывали основы государственнаго порядка.

„Означенная петиція была представлена на Высочайшее благовоззрѣніе, причемъ генералъ-адъютантъ Бобриковъ въ заключеніи своемъ писалъ, что, считая эту петицію земскихъ чиновъ въ сущности обвинительнымъ противу себя актомъ, онъ не считаетъ возможнымъ входить въ оцѣнку степени его основательности.

„По всеподданнѣйшему докладу настоящаго дѣла, Государю Императору благоугодно было, какъ увѣдомилъ генералъ-губернатора министръ статсъ-секретарь, 14 сего августа Высочайше повелѣть:

„1. Петицію земскихъ чиновъ, какъ поданную въ нарушеніе § 51 сеймоваго устава и заключающую въ себѣ дерзкое порицаніе административныхъ распоряженій и мѣръ въ порядкѣ верховнаго управленія состоявшихся, оставить безъ послѣдствій.

„2. Поставить въ извѣстность ваше высокопревосходительство,

что дѣйствія ваши признаны правильными и соотвѣтствующими полученнымъ вами Высочайшимъ указаніямъ.

„3. Предложить Финляндскому Сенату приступить къ пересмотру сеймоваго устава въ видахъ болѣе точнаго опредѣленія компетенціи Сейма и усовершенствованія порядка веденія въ немъ дѣлъ".

Сверхъ-патріотъ.

Замѣтка.

(Кн. Эсперъ Ухтомскій. Къ событіямъ въ Китаѣ. Объ отношеніяхъ Запада и Россіи къ Востоку. Спб. 1900).

Въ виду кровавыхъ событій на дальнемъ востокѣ, кн. Ухтомскій счелъ своевременнымъ „связать въ одно цѣлое рядъ отдѣльныхъ набросковъ и размышленій, написанныхъ и напечатанныхъ имъ за послѣдніе годы, пока „на желтую опасность", на царство богдыхановъ почти не обращалось вниманія". Предпринявъ это объединеніе старыхъ „набросковъ и размышленій", кн. Ухтомскій прибавилъ къ нимъ и кое-что новое, навѣянное текущими событіями. Такимъ образомъ, передъ нами лежитъ плодъ долгихъ размышленій, провѣренныхъ опытомъ текущаго дня. Объ этомъ насъ предупреждаетъ самъ авторъ въ предисловіи. И хорошо дѣлаетъ, потому что иначе мы приняли бы его книжку за работу человѣка, совершенно неподготовленнаго къ обсужденію „отношеній Запада и Россіи къ Востоку", или же просто неспособнаго логически мыслить.

Въ брошюрѣ кн. Ухтомскаго есть одна безспорно вѣрная мысль, а именно указаніе на поведеніе европейскихъ колонизаторовъ и цивилизаторовъ, какъ на одну изъ причинъ нынѣшнихъ кровавыхъ событій. Но эта вѣрная мысль тонетъ въ цѣломъ морѣ мыслей, аргументовъ и фактическихъ иллюстрацій, по малой мѣрѣ странныхъ. Еще недавно подъ „восточнымъ" вопросомъ разумѣлся вопросъ объ отношеніи Европы, и въ частности Россіи, къ Турціи. Нынѣ событія заставили ввести терминъ „дальній Востокъ". Кн. же Ухтомскій идетъ дальше дальняго и подъ Востокомъ разумѣетъ ни больше, ни меньше, какъ весь [illegible] материкъ. Этотъ огромный „Востокъ" въ слишкомъ 40 [illegible] квадратныхъ миль, съ разнообразнѣйшими климатическими и другими географическими условіями, съ почти [illegible] раз-

дѣленнаго на часто враждовавшія и досел҇ѣ враждующія между собою племена, народности, расы, исповѣдующія разныя вѣрованія, разно воспитанныя своими историческими судьбами и т. д.,— этотъ огромный материкъ, присоединяя къ нему Японію, кн. Ухтомскій считаетъ чѣмъ-то единымъ, „цѣлокупнымъ“, какъ выражались славянофилы. Къ этой пестрой громадѣ онъ присоединяетъ еще наше отечество, какъ нѣчто, естественно входящее въ цѣлокупность Азіи, и все это вмѣстѣ противопоставляетъ Западу, т. е. западной Европѣ. Кн. Ухтомскій знаетъ, что „пестротканная“ Индія представляетъ собою „конгломератъ племенъ и вѣрованій“ (стр. 46), что провинціи Китая „по колоссальности и разнородности довольно чужды другъ другу“ (51), знаетъ, конечно, и то, что Азія въ цѣломъ еще болѣе пестротканна и разнородна. Россію онъ тоже называетъ „пестротканною“ (77). И тѣмъ не менѣе „Востокъ и мы—одна безбрежная стихія, одно гармоничное въ своихъ духовныхъ основахъ цѣлое, по которому живоносными токами мало-по-малу должна повсемѣстно взойти заря, возродившая при Ольгѣ и ея внукѣ Красномъ Солнышкѣ Кіевскую Русь“ (70). Это не значитъ, что намъ предстоитъ распространить на азіатскомъ материкѣ и въ Японіи христіанство, воспринятое Русью при Красномъ Солнышкѣ. И это мечта довольно фантастическая, но кн. Ухтомскому этого мало. „Между нашимъ полнымъ творчества хаосомъ и Азіей нѣтъ препонъ, ибо ея предопредѣленный покровитель и главарь—пестротканная Россія“ (77). „Неизбѣжный ростъ Мономахова наслѣдія, торжество надъ враждебными началами, грядущее главенство Россіи въ предѣлахъ обширнѣйшаго и многолюднѣйшаго изъ материковъ нашему духовному оку представляются вполнѣ очевидными“ (85).

Итакъ, для „очей“ кн. Ухтомскаго „очевидно“, что Китай и Индія, Тибетъ и Японія, Аннамъ и Сіамъ войдутъ съ теченіемъ времени въ составъ Мономахова наслѣдія... Страшно было бы и подумать объ этой перспективѣ, если бы можно было хоть на минуту серьезно остановиться на ея осуществленіи. Но такъ какъ это до комизма праздная фантазія, то остается только посмотрѣть, какимъ путемъ авторъ пытается привести своихъ читателей къ этому выводу.

Кн. Ухтомскому рѣшительно не везетъ на аргументацію и фактическія иллюстраціи. Изъ множества курьезовъ по этой части приведемъ лишь нѣсколько.

Брошюра открывается соображеніями „о сродствѣ Индіи и Россіи“. Авторъ сознаетъ, что „сближеніе туземцевъ Индіи съ русскимъ простонародьемъ многими должно быть сочтено тенденціознымъ, почти невѣроятнымъ или же просто-напросто фантастическимъ“ (1); что „на первый взглядъ очень трудно уловить между Россіей и Индіей что нибудь общее въ историческомъ отношеніи, а тѣмъ болѣе представляется невозможнымъ прово-

дить между столь далекими и, повидимому, столь неоднородными странами основанную лишь на нѣкоторыхъ любопытныхъ фактахъ параллель“ (2); что „высказывать по этому поводу что-либо опредѣленное пока чрезвычайно трудно; всякая смѣлая гипотеза въ столь богатой неожиданными сближеніями области фактовъ отчасти преждевременна, отчасти безпочвенна“ (6). Онъ даже рѣшаетъ „оставить совершенно въ сторонѣ вопросъ о степени и причинахъ нашего внутренняго сродства съ Индіей“ (5). Тѣмъ не менѣе вопросъ оказывается рѣшеннымъ, степень сродства превосходною, а причины—чрезвычайно вѣскими. Надо замѣтить, что рѣчь приэтомъ идетъ не о такихъ чертахъ, которыя свойственны каждому народу или каждой странѣ въ извѣстные періоды исторической жизни, и не о такихъ, которыя обусловливаются арійскимъ происхожденіемъ славянъ. Нѣтъ, кн. Ухтомскаго занимаетъ „внутреннее сродство“ именно Россіи съ Индіей и рѣзкое отличіе ихъ „духа“ отъ всего остального міра, въ томъ числѣ и арійскаго въ западной Европѣ. Изъ фактовъ, на которыхъ кн. Ухтомскій основываетъ это обобщеніе, мы остановимся лишь на одномъ, едва ли не самомъ крупномъ.

Индія и Россія въ свое время отбивались отъ „варварски-хищныхъ ордъ“ „грознаго и трудно примиримаго степного Турана“, „ненавистнаго Турана“, высылавшаго свои свирѣпыя полчища, какъ на западъ, такъ и на востокъ. Такова общая черта исторіи Россіи и Индіи. Пусть такъ, но „варварски-хищный, грозный и трудно примиримый, ненавистный“ Туранъ представляетъ собою коренной азіатскій элементъ, и это немножко нарушаетъ цѣлокупность „Востока“, проникнутаго единымъ духомъ, а слѣдовательно цѣлокупность [illegible] эта, по крайней мѣрѣ, не исконная [illegible] она выработана исторіей [illegible] Да, отвѣчаетъ кн. Ухтомскій, и Россія и Индія восприняли нѣчто отъ Турана [illegible] лѣвъ, наконецъ, Туранъ, и составляетъ главную роднящую ихъ черту, въ ней-то и заложено величіе Востока. До такой степени, что мы должны высоко цѣнить „наслѣдіе отъ весьма намъ бывшихъ полезными Чингисовъ и Тамерлановъ“ (9). А далѣе оказывается, что „Востокъ“ есть „лоно зиждительнаго покоя, откуда на историческую арену искони выходятъ святить и озарять нашу юдоль великіе міротворцы и монархи-подвижники“ (83). Это Чингисы-то, Тамерланы, Батыи...

Какъ бы то ни было, Китай, Японія оставлены исторіей безъ арійско-туранской амальгамы. Поэтому тутъ нужны другіе аргументы. Требованія кн. Ухтомскаго въ этомъ отношеніи весьма скромны, онъ довольствуется микроскопически малымъ. Для него, напримѣръ, имѣетъ большое значеніе тотъ фактъ, что „въ первой половинѣ вѣка“ сингапурскій китаецъ [illegible] собирался побывать въ Кяхтѣ, Иркутскѣ, въ Москвѣ [illegible] и выраженная киргизомъ Валихановымъ въ нѣс[illegible] филосо-[illegible]

фія исторіи" (64). Иногда же нашъ авторъ пускаетъ въ ходъ столь широкія общія положенія, что въ нихъ тонутъ факты огромной важности, даже безъ сравненія съ желаніемъ сингапурскаго китайца посѣтить Иркутскъ и словесной философіи исторіи киргиза. Таково утвержденіе кн. Ухтомскаго, что „наши восточно-русскіе піонеры" „на каждомъ шагу открывали не новый и по временамъ безусловно враждебный міръ, но зачастую съ дѣтства знакомый по облику и рѣчи, по обычаямъ и повадкѣ добродушный инородческій людъ, съ которымъ *вовсе не трудно было*,—смотря по обстоятельствамъ,—*сражаться или ладить*, по мѣрѣ похода въ глубь азіатскаго материка" (79—80). Это въ силу нашего духовнаго сродства съ Востокомъ и въ противоположность европейцамъ, которымъ сражаться и ладить на Востокѣ было всегда трудно...

Говоря входящимъ нынѣ въ моду карикатуррно ничшіанскимъ языкомъ, кн. Ухтомскій—сверхъ-патріотъ. Онъ не только любитъ свое отечество, какъ всѣ патріоты, но раздвигаетъ его предѣлы на Индію и Китай, Японію и Сіамъ и пламенѣетъ любовью къ этому грядущему, головокружительно огромному „наслѣдію Мономаха". И какъ Uebermensch Ничше требуетъ, для своего появленія и процвѣтанія, „удобренія" изъ цѣлыхъ поколѣній страдающихъ, униженныхъ, нищихъ, истекающихъ кровью, такъ и сверхъ-патріотизмъ кн. Ухтомскаго заставляетъ его съ легкимъ сердцемъ оглядываться на самыя страшныя страницы прошлаго многострадальной Россіи. Поэтому-то и были намъ „весьма полезны" Чингисханы и Батыи, да и всѣ безъ малаго два съ половиной вѣка монгольскаго ига. Всѣ тѣ униженія, которыя претерпѣла за эти два вѣка Русь, вся пролитая ея сынами кровь, вся отрава, оставленная въ насъ этимъ двухсотлѣтнимъ владычествомъ монголовъ, — все это было намъ „весьма полезно", ибо роднило насъ съ „Востокомъ"...

Сверхъ-патріоту естественно, кажется, что съ азіатами намъ было „вовсе не трудно сражаться или ладить". Трудно — легко, это вѣдь относительно. И если, напримѣръ, историкъ (Соловьевъ) говоритъ, что завоеваніе Казанскаго царства стоило намъ „необыкновенныхъ усилій", то, съ высоты сверхъ-патріотическаго идеала, это было дѣломъ „вовсе не труднымъ". Если изъ хивинскаго похода временъ Петра Великаго ни одинъ человѣкъ не вернулся на родину; если такія же неудачи постигали и послѣдующія экспедиціи въ Хиву и только въ 1872 г. было покончено съ этимъ ханствомъ; если башкиры цѣлые вѣка волновались и лишь одинъ ихъ мятежъ середины прошлаго вѣка стоилъ имъ 30,000 человѣкъ и т. д., и т. д.,—то все это чистые пустяки для сверхъ-патріота, все это было „весьма не трудно". Что стоятъ десятки, сотни тысячъ русскихъ жизней (не говоря объ азіатахъ, хотя, какъ гласитъ главный тезисъ кн. Ухтомскаго, они намъ и род-

ственны по духу и даже по крови) въ сравненіи съ величіемъ все-азіатской державы! Простой патріотъ скажетъ, что наши окраины достались намъ очень трудно и даже подчеркнетъ эту трудность, какъ свидѣтельство храбрости, выносливости, самоотверженной преданности отечеству и другихъ высокихъ качествъ русскаго солдата. Сверхъ-патріотъ смотритъ на дѣло иначе. Трупы убитыхъ, стоны раненыхъ, муки и униженія плѣнныхъ (извѣстно, что значитъ быть въ плѣну у азіатовъ), наконецъ, напряженіе экономическихъ силъ народа—покрываются для него пустой фразой: „намъ вовсе не трудно было сражаться или ладить“...

Сверхъ-патріотизмъ кн. Ухтомскаго не ограничивается этимъ удивительнымъ пониманіемъ трудности и легкости.

Составляющая нашу суть арійско-туранская амальгама выражается, между прочимъ, въ слѣдующемъ: „Мы по мѣрѣ силъ всегда вносили и вносимъ въ хаосъ собственной и чужой жизни начала прямодушія и безыскусственной доброты, жажду настоящаго подвига во имя святости самаго подвига, взглядъ на человѣка всякаго племени и всякой вѣры, какъ на Божье созданіе, которое намъ не можетъ не быть близко и по плоти и по духу“ *(31)*. Разумѣется, это общее положеніе подлежитъ нѣкоторымъ ограниченіямъ и даже требуетъ ихъ. Западные люди отнюдь *не близки* намъ, какъ и всему „Востоку“, близки только восточные люди со включеніемъ Тамерлановъ, Чингисовъ и Батыевъ. Западные люди не понимаютъ ни этихъ „великихъ миротворцевъ и монарховъ-подвижниковъ“ въ частности, ни Востока вообще. Въ развитіи этой темы кн. Ухтомскому, выражаясь его словами, „совсѣмъ не трудно, смотря по обстоятельствамъ, сражаться и ладить“... съ логикой и историческими фактами.

Когда, напримѣръ, кн. Ухтомскому нужно доказать, что великолѣпная обстановка высшихъ англійскихъ властей въ Индіи все-таки недостаточно великолѣпна для престижа въ глазахъ населенія, привыкшаго къ блеску властителей, онъ пишетъ объ обстановкѣ Великихъ Моголовъ: „Тогда принято было тратить ежегодно много десятковъ милліоновъ рублей на покрытіе расходовъ по содержанію однихъ только гаремовъ и штатовъ. Стоило, напр., такому властелину, какъ императоръ Акбаръ, отправиться на охоту—и за нимъ поднимался въ путь цѣлый городокъ палатокъ и шатровъ, причемъ 100 слоновъ, 500 верблюдовъ и 4,000 телѣгъ требовалось только для подъема такого гигантскаго лагеря“ и т. д., и т. д. (19). А когда нужно окружить тѣхъ же Моголовъ ореоломъ преданности интересамъ отечества (хотя, мимоходомъ сказать, Моголы были чуждые завоеватели, пришельцы въ Индіи), то получается слѣдующее: „Гигантскія средства, которыми располагалъ Моголъ, текли обратно въ народную массу. Ни копѣйки не шло на нужды, чуждыя прямымъ интересамъ Индостана“ (25). Понимаете,—*ни копѣйки!* Такъ что [illegible] десят[illegible]новъ, кото-

рые ежегодно тратились на гаремныя наслажденія Акбаровъ и Аурензебовъ, и тѣ сотни и тысячи слоновъ, верблюдовъ и телѣгъ, которыя нужны были только для ихъ охотничьяго багажа,—все это было „въ прямыхъ интересахъ Индостана“, а отнюдь не въ видахъ удовольствія Акбаровъ и Аурензебовъ. Кстати сказать, въ составъ подготовленія къ нашему единенію съ Востокомъ входитъ и такой радостный фактъ: „При дворѣ Моголовъ очень цѣнились русскія полонянки; сколько дѣтей въ Дэли и въ Агрѣ, можетъ быть, засыпали на рукахъ у нянекъ подъ грустный напѣвъ, дышавшій тоскою о далекой Руси!“ (22). И этотъ фактъ былъ для насъ не менѣе полезенъ, чѣмъ монгольское иго. Ничшіанское „сверхъчеловѣчество“ требуетъ „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“. Очевидно того же требуетъ сверхъ-патріотическая точка зрѣнія...

Русскимъ воинамъ, какъ мы видѣли, было не трудно и сражаться и ладить съ азіатами, въ силу связывающаго ихъ съ ними духовнаго сродства и въ противоположность европейскимъ воинамъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о русской дипломатіи,—конечно, о старой русской дипломатіи, еще не зараженной тлетворнымъ дыханіемъ чуждаго запада и потому не забывшей еще своего духовнаго родства съ Востокомъ.

Одинъ русскій криминалистъ, до странности склонный оправдывать ужасную систему наказаній, существовавшую у насъ въ XVII вѣкѣ, приводитъ изъ дѣятельности тогдашней русской дипломатіи слѣдующіе факты, которые даже онъ находитъ „возмутительными“: „Въ наказѣ воеводѣ князю Петру Горчакову приказывается „промышлять, чтобы приманить Пелымскаго князя Аблегирима, да женъ его, да племянниковъ, да внучатъ и лучшихъ людей его и, переимавъ ихъ, извести“. Указывается далѣе и способъ, которымъ воевода долженъ „приманить“ этихъ несчастныхъ: „приказывать имъ, чтобы они пошли безъ боязни къ государевымъ воеводамъ, а государь ихъ пожалуетъ и Пелымскому князю ничего не будетъ. А будетъ Пелымской князь и дѣти его придутъ къ воеводамъ, и ихъ обнадежить, чтобы ихъ всѣхъ приманить, а приманя, казнить“. „Въ Телецкую землицу—пишутъ Кузнецкому воеводѣ изъ Москвы — послать по князца Айдарка служилыхъ людей, и приговоря его Айдарка ласкою, а не жесточью, взять въ Кузнецкій острогъ, а взявъ, повѣсить“. („Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе Н. Д. Сергѣевскаго“. Стр. 68—69).

Слава Богу, далеки отъ насъ эти дипломатическіе пріемы XVII вѣка, но кн. Ухтомскій съ умиленіемъ говоритъ о томъ, какою „прелестью слога вѣетъ отъ наказовъ посламъ, отъ „статейныхъ списковъ“ той дорогой намъ эпохи!“ (21). Правда, онъ не упоминаетъ объ актахъ въ родѣ только что приведенныхъ, предписывающихъ заманить и повѣсить князцовъ Аблегерима и Айдарку; вѣроятно они сами собой разумѣются въ арійско-туранской амаль-

гамѣ, надѣлившей старую русскую дипломатію „началами прямодушія и безыскусственной доброты". Конечно, и эти акты можно бы было подвести подъ общую формулу: „намъ было весьма не трудно" и доказать, что они были намъ столь же полезны, какъ Чингисы и Батыи или грустныя пѣсни русскихъ плѣнницъ въ гаремахъ Акбара. Но во всякомъ случаѣ кн. Ухтомскій объ нихъ умалчиваетъ. Онъ съ умиленіемъ говоритъ про „повѣствованія о „ссылкахъ" съ разными ханами и шахами „съ поминки и великимъ челобитьемъ о любви" (21), о посылкѣ астраханскаго татарина Касимова въ Индію, къ „Эвреинъ-Зепъ Шахову Величеству" съ граматами „о дружбѣ и о любви и о иныхъ государскихъ добрыхъ дѣлахъ", причемъ Касимовъ везъ „соболей, зеркала подъ слюдою и т. п „любительные легкіе поминки" (22). Вотъ какъ умѣла обращаться старая русская дипломатія съ восточными владыками. Никогда чуждые Востоку западные народы не были такъ любезны и предупредительны... Однако, когда нужно показать былое могущество восточныхъ владыкъ, кн. Ухтомскій съ торжествомъ приводитъ формулу обращенія Людовика XIV къ властителю Сіама: „très haut, très excellent, très puissant et très magnanime prince, nôtre très cher et bon ami, Dieu veuille augmenter vôtre grandeur" (31). А когда идетъ рѣчь о вѣротерпимости восточныхъ владыкъ, то оказывается, что католическіе монахи изъ Гоа послали Акбару не зеркала подъ слюдою и т. п. „любительные легкіе поминки", а „изображенія Спасителя и Непорочной Дѣвы, а также Библію". И этотъ чужой Западу могущественный Акбаръ „приложился къ нимъ и поднялъ Св. Писаніе до чела, въ доказательство глубокаго благоговѣнія; католикамъ было разрѣшено построить отдѣльную часовню; Моголъ посѣтилъ ее и въ землю поклонился изваянію Богочеловѣка" (24). Конечно, все это было, можетъ быть, лицемѣріемъ со стороны европейцевъ, лицемѣріемъ и „заманиваніемъ". Но надо всетаки признаться, что европейцы и въ XVI вѣкѣ умѣли заманивать восточныхъ властителей не хуже (въ своемъ родѣ разумѣется), чѣмъ русская дипломатія XVII вѣка князцовъ Аблегирима и Айдарку...

Довольно, кажется, образчиковъ, сверхъ-патріотической логики, и надо придти къ общему выводу—не о брошюрѣ кн. Ухтомскаго—а по поводу ея. Этотъ выводъ, полагаемъ, уже сдѣланъ читателями, въ сущности

„Въ Азіи — пишетъ кн. Ухтомскій — для насъ нѣтъ и не можетъ быть границъ, кромѣ необузданнаго, какъ и духъ русскаго народа, свободно плещущаго у ея береговъ необъятнаго синяго моря. Когда высказываешь столь очевидную истину, то обыкновенно слышишь возраженія: „къ чему намъ это? у насъ и такъ земли много! мы и теперь уже расползлись и разрослись до чудовищныхъ размѣровъ въ ущербъ дѣлу управленія государствомъ и прямо во вредъ коренному населенію". Но для

всероссійской державы нѣтъ другого исхода: или стать тѣмъ, чѣмъ она отъ вѣка призвана быть (міровою силою, сочетающею Западъ съ Востокомъ), или безславно и незамѣтно пойти по пути паденія, потому что Европа сама по себѣ насъ въ концѣ концовъ подавитъ внѣшнимъ превосходствомъ своимъ, а не нами пробужденные азіатскіе народы для русскихъ современемъ будутъ еще опаснѣе, чѣмъ западные иноплеменники“ (85).

Да, возможно, что азіатскіе народы станутъ съ теченіемъ времени опасны для Россіи, и къ этому надо готовиться. Но не сверхъ-патріотическими мечтами о присоединеніи всей Азіи къ Мономахову наслѣдію и не сверхъ - патріотическимъ самохвальствомъ. Что касается Мономахова наслѣдія, то русское правительство неоднократно заявляло, что оно не имѣетъ въ виду территоріальныхъ пріобрѣтеній, и если обстоятельства вынудили его присоединить часть Манчжуріи къ россійской имперіи, то это отнюдь не резонъ для сверхъ-патріотическаго торжества. Это новое, хотя и давно предвидѣнное расширеніе нашихъ предѣловъ налагаетъ на насъ и новыя обязанности, не имѣющія ничего общаго съ мечтами о главенствѣ надъ всѣмъ азіатскимъ материкомъ съ придачей Японіи. Это, впрочемъ, мечты столь нелѣпыя, что серьезно разговаривать объ нихъ не приходится. Иное дѣло сверхъ-патріотическое самохвальство. Отчего не „пробуждать“ азіатскіе народы,—это высокая и благородная миссія, но для этого надо и самимъ пробудиться, и прежде всего раскрыть глаза на истину и смотрѣть на нее смѣло и добросовѣстно. Если школьная поговорка: „сознаніе—половина исправленія“ грѣшитъ слащавостью и часто оказывается несправедливою, то отсутствіе сознанія есть вѣрный залогъ неисправимости. Безъ сомнѣнія среди русскихъ людей, какъ и среди другихъ народовъ, есть люди „прямодушные и безыскусственно добрые“, которымъ свойственъ „взглядъ на человѣка всякаго племени и всякой вѣры, какъ на Божье созданіе, которое намъ не можетъ не быть близко и по плоти и по духу“. Но зачѣмъ обобщать этотъ отрадный фактъ, возводя его на степень черты національнаго характера, опредѣляющей наши отношенія къ инородцамъ, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, на всемъ протяженіи русской исторіи? Зачѣмъ это дѣлать, когда это завѣдомая неправда, когда въ нашемъ прошломъ есть Аблегеримы и Айдарки, а въ настоящемъ—и кн. Ухтомскому, какъ редактору газеты, это особенно хорошо извѣстно — есть столько людей, спеціально посвятившихъ себя травлѣ инородцевъ?...

Это далеко не все, что мы хотѣли бы сказать по поводу сверхъ-патріотической брошюры кн. Ухтомскаго, но мы напомнимъ еще только одинъ мелкій, но чрезвычайно характерный и, такъ сказать, символическій фактъ. Года два-три тому назадъ въ газетахъ сообщалось, что во Владивостокѣ или Хабаровскѣ, не

помнимъ, живетъ китаецъ, пишущій для безграмотныхъ русскихъ рабочихъ прошенія и другія дѣловыя бумаги на русскомъ языкѣ. Повторяемъ, это мелочь, однако характерная. Кн. Ухтомскій справедливо говоритъ, что мы плохо знаемъ Востокъ и въ частности Китай, и что это печально. Но еще печальнѣе, что китаецъ пишетъ за русскихъ прошенія по русски. „Пробужденію“ не мѣшаетъ направиться и въ эту сторону, по крайней мѣрѣ, единовременно съ благородною миссіей пробужденія азіатскихъ народовъ...

Нѣтъ, разумѣется, возможности ожидать, чтобы каждый русскій рабочій въ скоромъ времени узналъ, напримѣръ, что такое „Божественная комедія“, но отъ редактора русской газеты можно этого требовать теперь же. А между тѣмъ, въ брошюрѣ кн. Ухтомскаго читаемъ: „Философы въ Китаѣ учили приблизительно во времена Пиѳагора; завоеватели прославились при Александрѣ Македонскомъ и римлянахъ; варвары нападали тогда же, когда ими громилась кесарская цивилизація; императорская власть облекалась саномъ первосвященниковъ при папѣ Григоріѣ Великомъ; китайская ученость процвѣтала въ эпоху Абеляра и Ѳомы Аквинскаго; *театральное искусство достигло извѣстной степени совершенства, когда въ Италіи создалась Божественная комедія*“ и т. д., и т. д. Словомъ, параллелизмъ—полный: что въ Европѣ, то и въ Китаѣ. Надо замѣтить, что это не собственное указаніе кн. Ухтомскаго, а заимствовано имъ изъ книги Феррари „La Chine et l'Europe“. Намъ эта книга неизвѣстна; позволительно, однако, сомнѣваться, чтобы образованный европеецъ отнесъ „Божественную комедію“ къ области театральнаго искусства, соблазнившись словомъ „комедія“. И потому тутъ вкралась, можетъ быть, ошибка въ переводѣ кн. Ухтомскаго. Но если этотъ Феррари и достигъ такой вершины невѣжества, то подозрительны и всѣ другія его свѣдѣнія, и его можно бы было и совсѣмъ не цитировать. Во всякомъ же случаѣ отъ редактора большой газеты, самымъ своимъ положеніемъ обязаннаго къ нѣкоторой энциклопедической образованности, можно бы было ожидать по крайней мѣрѣ хоть какой нибудь оговорки, если ужъ непремѣнно нужно было ссылаться на книгу Феррари.

Въ заключеніе одно замѣчаніе. Кн. Ухтомскій очень скорбитъ о томъ, какъ грубо обращались и обращаются европейцы съ священными для азіатскихъ народовъ предметами ихъ религіознаго культа. „Тысячи кумировъ Будды изъ камня и бронзы низвергались (на Цейлонѣ) католиками на землю“, пишетъ онъ съ справедливымъ негодованіемъ (26). И далѣе: „Идолы Будды, какъ нѣчто чудотворное, привозились съ юга-запада въ Небесную имперію... Если ужъ любить и признавать родной намъ сосѣдній материкъ за что-то близкое духомъ и органически съ нами единое, то любовь должна въ равной мѣрѣ переноситься на

всякій уголочекъ земли, гдѣ убѣжденный монархистъ-азіатъ въ трудѣ и покаяніи находитъ задушевный отвѣтъ на самые жгучіе для человѣка вопросы: зачѣмъ мы собственно живемъ и какъ избѣгнуть страданія?“ (42—43). Мы скажемъ больше: даже вовсе не признавая нашего органическаго единенія съ азіатами, слѣдуетъ всетаки почтительно относиться къ ихъ святынямъ. Позоръ тѣмъ европейцамъ, которые низвергали на землю изображенія Будды или инымъ образомъ лишали святынь тѣ „уголочки земли“, гдѣ эти святыни чтятся. Въ этомъ отношеніи мы не только согласны съ кн. Ухтомскимъ, а идемъ дальше его, ибо требуемъ почтенія къ святынямъ азіатовъ, вовсе не чувствуя особеннаго, спеціальнаго родства съ ними по духу. Но вотъ что насъ смущаетъ. На теперешней парижской выставкѣ имѣется принадлежащая кн. Ухтомскому огромная, какой, говорятъ, нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ музеѣ, коллекція идоловъ Будды и другихъ предметовъ буддійскаго культа. Какъ смотрѣть на эту коллекцію съ сверхъ-патріотической точки зрѣнія? Думаетъ ли кн. Ухтомскій, удовлетворивъ любознательность европейцевъ на парижской выставкѣ, вернуть эти священные предметы въ тѣ горячо любимые имъ „уголочки земли“, откуда они взяты и гдѣ сотни и тысячи вѣрующихъ по нимъ тоскуютъ? Или, такъ какъ Россія и Китай, Индія, Японія и проч. едино суть, то безразлично гдѣ быть идоламъ Будды,—въ храмахъ-ли китайскихъ и индійскихъ или въ квартирѣ кн. Ухтомскаго?

Н. М.

Редакторы-Издатели: { Вл. Г. Короленко. Н. К. Михайловскій.

